

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

отзывы читателей

Алена - Леонид Михайлович, как приятно, что в наше время есть возможно забыться хоть на секунду и окунуться в настоящий триллер с таким непростым сюжетом. Вы психологический эксперт!

Николай - Книга Интересная, есть примеры жизненные, которые покажут читателю как поступать человеку.
Продолжайте писать продолжение книги.

Дмитрий - Леонид, удивили. Я думала Вы только о бизнесе и политике, а тут целый роман, блестящая работа. Начала слушать и понимаю, что Вы криминалист по натуре, и остались бы следователем наверное бы убили сволочи олигархи. Такое у Вас острое чувство справедливости! Пишите продолжение, спасибо!

Владлен - Да! Бестселлер. На одном дыхании. Очень жду продолжения. Заставляет размышлять... Класс!!!

Анатолий - Тема действительно интересная и актуальная. Хотелось бы увидеть подобное произведение о 90х. Думаю многие согласятся! Желаю успехов в творчестве и борьбе за правду!

Любовь - Надзвичайно цікавий і пізнавальний сюжет, який хочеться відкрити для себе. Щиро дякую, що ділитесь частинкою свого внутрішнього світу....!

Светлана - Леонид Михайлович! Ооо, это было незабываемо! Одна из тех самых редко встречающихся книг, после которых меня ещё несколько дней мучает книжное похмелье! Жизнь всех героев пробежала у меня перед глазами, переживала как свои собственные. Однозначно рекомендую к прочтению, даже искушённый читатель останется под впечатлением! Благодарю Леонид Михайлович! Одна из лучших книг! Она особенная!

Иван - Особенно задело сердце то, как вы раскрыли тему настоящей мужской дружбы. Эта тема, я считаю, лежит в особой плоскости и не зависит от вида деятельности человека. На мой взгляд это высший пилотаж, когда в коллективе друзья больше думают, волнуются и переживают о ближнем чем о себе. Когда дружба выше собственных интересов, безопасности, а иногда и жизни. Я уверен, что способность по настоящему дружить, это дар от творца, а человек не получивший его не способен по настоящему дружить. Если этого в тебе нет, то не возможно этому научиться. Можно только временно притворяться, изображая дружбу, а тем временем использовать доверчивых людей в своих корыстных интересах. К сожалению в наше время это стало нормой, а жаль. В Вашем романе я встретился с образами героев которые приятно меня впечатлили, не смотря на их род деятельности. Спасибо Вам за эту встречу)

Артем - Не ожидал. Честно. Правда. Круто. Я так думаю там 50 процентов правды, если сравнивать героев с первым Вашим бестселлером. Хотя я и застал Советский союз маленьким, но атмосфера Вашей книги, в не которых моментах накалена до такого драматизма, о котором даже и вспоминать страшно. Первое ограбление прошло гладко, а с Абрамычем (Фраг) - вышла "асечка", так как пришлось убирать всю семью. Это просто бомба, можно и фильм снимать! Сценарий порядочный. А ненормативная лексика в романе, тонко передает атмосферу бандитского общения советского времени. Только я не пойму почему Борис отдал дань лидера в начале Витохе, когда в конце Витоха показал кто в банде хозяин. И мне кажется, что коррупция пришла в пост советские страны, из того же Союза, и закрепила своими железными щупальцами навсегда! Да, проблемы с Дредом, только накаляет внимание читателя, я так думаю, и с дочерью барыги приведет в шок и не одного зрителя. Да, опыт у Вас колоссальный в прокурорской деятельности, Леонид Михайлович! Жду продолжения, как на это всё отреагирует уважаемый Вор, когда они к ним у приедут. P.S. Главное, Леонид Михайлович, что бы Ваш Роман не был постулатом для сегодняшних бандитов, сами понимаете, время тяжёлое 😊

Виталий - Это шедевр. Книга розойдется на весь мир! Возможно мы когда то и фильм увидим

Наталья - Благодарю Вас за ваш труд, очень люблю вас слушать, душой отдыхаю, позволяете окунуться в атмосферу юности, добра и преодоления препятствий, испытаний предоставленных самой жизнью.

Михаил - Это уже высшее творчество, Леонид Михайлович!!!! Спасибо. Прослушал все от начала и до конца с удовольствием, много интересного, поучительног и из вашей жизни части). Надеюсь вы еще напишете много!!!! Ждем!!!!

Нино - Очень интересно! На одном дыхании, как фильм. Захватывающий рассказ и заставляет размышлять...Надеюсь будет продолжения...

Сергей - Прослушал на Ютубе доступный аудио вариант, очень затягивает сюжет, спасибо большое жду продолжения!

Иван - Низкий поклон Вам, Дорогой Леонид Михайлович, за огромный труд и доброту!!! Божьих благословений и многие лета! Сердечный привет из Харькова.

Илья - Замечательная книга! Прекрасная тема, сюжет, остроумные, чёткие диалоги и передача атмосферы. Почему-то порой казалось что повествование то ускоряется, то замедляется увязая в описании деталей. Вообще очень приятно и интересно. Свежо.

**Фантазии о преступном,
или Преступления без наказания!**

Только те, кто предпринимают абсурдные попытки,

смогут достичь невозможного.

Альберт Эйнштейн

Оглавление

Странный одинокий старик	4
Вместо предисловия	9
Муки творчества	11
Герой нашелся, а его преступления – нет	14
Познакомимся: я и есть главный герой, а зовут меня Борис	15
Армия рабов	17
«Свободный» рыжий педераст	19
Киев. «Телячьи нежности»	22
Женщины – это цветы...	26
Тома	28
Сила убеждения оголодавшего без секса мужчины	28
Дурацкие воспоминания	32
Советские презервативы как средство улучшения демографической ситуации в СССР	
34	
Нищеврод	35
Знакомьтесь: очень хороший человек	37
Любимые кореша и сага о... мандавошках	41
Фантазии о преступном. «Каптерщик» – это звучит гордо!	45
Почти по Шекспиру: «Убить – не убить? Вот в чем главный вопрос»	50
Слабо ограбить банк?	52
Наука, как остаться не пойманным	54
Секс на прокурорском столе	56
Как правильно влезть в шкуру следователя	57
Где же «затаились» советские миллионеры?	59
Побеждает не тот, у кого огромные мышцы, а тот, у кого сильнее мотивация!	61
«Ужасы» расхитителей	63
Как «уговорить» хапугу расстаться с «лимоном»?	63
Любимая женщина знает о тебе все! Или не любима вовсе	64
Выводы почти законченного преступника	65
Мой первый «лимононосец»	68

Большая женская грудь и маленький сейф с деньгами	70
Как «правильно» приколотить миллионера гвоздями к креслу	74
«Сынок», «мальчик» или «бандит»?	76

Эффект «ржавого гвоздя».....	78
Две «Бабы-яги» в одной коммунальной квартире.....	81
«Звуки души».....	83
Спасительная «система», или Спорт рождает успешных мужчин и делает богатыми женщин.....	85
«Скверные» профессора.....	89
«Белые медведи» в человеческом облике.....	90
Поиски бандитского логова.....	93
«Симпатичный» профессор.....	96
Кто на ком стоит и от кого зависит?!.....	97
«Синдром безотцовщины».....	99
Званный ужин.....	101
Красивая девочка Лиза.....	106
«Смертельный бой».....	109
Героям слава!.....	111
Почти что любовь.....	114
Боксерский клуб.....	118
«Историческая драка».....	121
Мой кумир – Эдик!.....	125
Сказание о природе.....	127
Коршун.....	128
Как плачет косуля.....	129
Ода природе.....	131
Отец.....	134
«Хитрющие» сазаны.....	137
Важный разговор.....	138
Героический штабист.....	141
«Теплые животные» и «новый человек».....	145
Какие они – настоящие бандюги?.....	146
«Оскорбления по-бандитски».....	148
Убить – не убить?! Вот в чем вопрос.....	149
«Привет Королю!».....	152
«Козырное кафе!».....	155
Кто есть кто.....	158
Экскурсия в «новый мир».....	159

Сказочная валюта – «бонды».....	164
Как противнящий Вася по морде получил.....	165
Мифические мафиозные истории.....	168
Катала Достоевский.....	169
«Читающие бандиты».....	171
«Преступная гордость».....	174
Куня.....	176
Солнышко.....	179
Автопрелюдия.....	181
«Чудеса» киевского авторынка.....	184
Как «пересчитать ребра» охранника автостоянки.....	188
«Валютная пещера».....	189
«Господин Пиджаков, он же Фрак».....	191
Новая общность – «советский народ».....	195
«Мне б такую!..».....	198
Дорожные игры с «опасной бритвой».....	202
«Мальчик, дорогой! Богом клянусь!».....	205
«Семейная драма...».....	207
Холостой заряд.....	211
Дорога длиною в смерть!.....	213
Опасное ранение.....	217
«Полевая» операционная.....	218
«Запах смерти».....	221
Не подведи, Николай!.....	224
Бессонные ночи медбандита.....	228
Больничные будни «героя».....	234
Как и куда «это» спрятать?.....	236
Очкарики.....	240
Хорошо.....	243
Что за хрень – «воспроизведение»?.....	244
«Опасные игры» и клятвы под дубом!.....	247
«Проходная» интрижка и вселенская грусть.....	252
Как я не стал юристом.....	254
Мир не без добрых... женщин.....	258
Крутые беседы.....	265

«Студенты-шпионы».....	268
Ревность.....	270
«Система» в действии. И «опасные» мысли.....	274
Всегда «молчи в тряпочку» и никогда «не дергайся».....	274
Любовные терзания и радость встречи!.....	278
Разговоры ни о чем.....	281
Крысиная морда и «горячие» грузины.....	283
Чаепитие «по-родственному».....	288
Путеводитель к Богу.....	290
Трогательные размышления.....	292
«Учения перед боем...».....	294
Военно-складские приключения.....	298
«Тревожные мысли» и конспирация.....	300
А вот и «он» – случай!.....	307

Странный одинокий старик...

На берегу небольшого живописного вулканического острова, буйно поросшего диким вечно цветущим кустарником и тропическими деревьями в ярко-зеленых змеевидных лианах, сидел стройный, худощавый, невысокий седой старик. Его длинные белые, как выбеленное полотно, волосы, шевелил игривый морской бриз, а сам он задумчиво и очень серьезно о чем-то говорил с окружающей его морской пучиной, а если прислушаться, что-то важное доказывал сам себе и одновременно энергично спорил с невидимым оппонентом.

В нескончаемых разговорах с самим собой старик часто и очень эмоционально жестикулировал, а иногда по-детски наивно улыбался и даже над чем-то посмеивался... Поэтому при желании опытный наблюдатель, если бы он мог четко слышать слова и обладал творческим воображением, мог бы запросто представить себе этаким театр одного актера...

Иногда этот одинокий человек переставал говорить и чутко вслушивался в окружающие его ласковые звуки ветра, волн и живой природы джунглей, увлеченно высматривал лишённые всякой человеческой логики хаотические движения в воде морских существ: разноцветных толстых рыб-попугаев, неугомонно долбящих своими клювами-губами понравившийся им «вкусный» коралл, других рыбешек среднего и совсем маленького размера, которые, борясь за территорию, вдруг молниеносно наскакивали друг на друга и так же быстро уплывали! Причем чаще всего в этих мини-сражениях выигрывали маленькие задиры! «Все, как у людей, – тихонько комментировал эти сражения старик. – Побеждает не самый сильный и крупный, а самый уверенный в себе и бесстрашный!»

Ласковые изумрудные воды бескрайнего Индийского океана кишели жизнью тысяч и тысяч причудливых для европейца морских существ: зеленых черепах, небольших коралловых акул, разного размера и цвета перламутровых рыбок, вездесущих крабов, усатых лобстеров и лангустинов, змеевидных мурен и еще множества других морских тварей, таинственным образом и на протяжении многих тысячелетий мирно взаимодействующих друг с другом... Поэтому наблюдать все это феерическое действо безумно любящему природу человеку можно было бесконечно долго и с большим интересом!

Эта частичка островных джунглей была одной из красивейших и диких среди сотен других на территории Сейшельского архипелага, и попасть на нее можно было разве что только на вертолете. А почему? Да потому что остров на километры вдаль окаймлялся грядой грозно выступающих из океана остроконечных рифов, не позволяющих лодкам или яхтам любопытных туристов приблизиться к острову настолько, чтобы помешать его хозяину наслаждаться полным одиночеством и покоем...

Разноцветные и острые, как лезвие бритвы, рифы располагались вокруг островка многочисленными кольцами далеко-далеко вдаль океана настолько, насколько их мог охватить человеческий взгляд, и опоясывали эту

затерявшуюся в морской пучине небольшую часть суши грозными редурами естественной природной защиты, образуя между собой разной глубины и величины бирюзовые озера тихой водной глади. Даже опытный пловец или аквалангист не смог бы, смертельно не поранившись о ядовитые кораллы, приблизиться к берегу!

Каждое из маленьких озер между рифами было окрашено в цвета окружающих его кораллов, а также поселившихся в нем океанических обитателей и играло в лучах тропического солнца всеми цветами радуги. Красота этих природных образований навевала на путешественников мысль о том, что если бы на земле был Рай, то Господь избрал бы для него именно этот остров!

А еще это поистине райское место слыло в мире как один из самых богатых естественных заповедников сотен видов исчезающих птиц, завезенных нынешним хозяином острова из тропических широт со всех концов света. Одни из них, как, например, райские ласточки, свободно летали над островными джунглями, но большинство птиц не летало, а передвигалось как бы пешком. Затеяливая эволюция не заложила в них Божьего дара летать, а потому их биологический вид мог оставаться в живых исключительно в недоступной для человека природе.

В родных же местах их обитания – лесах, полях, прериях и пустынях – эти «пешеходы» остались лишь изображенными на национальных открытках и марках да чучелами в местных музеях. Да еще, как я полагаю, в воспоминаниях гурманов – диких аборигенов, которые поймали эти последние в мире беззащитные создания, безжалостно умертвили, общипали и зажарили на вертеле, украсив разноцветными яркими перьями несчастных пернатых свои национальные наряды!

Район Сейшел никогда не посещали цунами, бури, торнадо, не сотрясали взрывы наземных или подводных вулканов, землетрясения либо другие ужасные природные катаклизмы! Здесь всегда сияло солнце, температура воздуха не превышала 28 градусов и не опускалась ниже 24, а теплый океанический ветерок неизменно дул то с воды, то на воду, неся соответственно ароматы или вечно цветущих джунглей, или морских солей океана.

Посреди острова, за спиной старика, обращал на себя внимание великолепный в десять тысяч с лишним квадратных метров особняк – весь из меняющегося в зависимости от силы света очень дорогого стекла и разноцветного, привезенного со всех концов мрамора! А особенно красив был редчайший мрамор, привезенный из далекой африканской Намибии. Им был искусно отделан помпезный вход в дом. В течение дня и вечером этот мрамор имел свойство постоянно менять цвет от нежно-голубого до темно-синего, так что утром казалось, что ты выходишь из одного дворцового входа, а вечером заходишь в другой.

Внутри дома все также было чрезвычайно дорого и изысканно: изящные картины известных в мире художников-пейзажистов, современная, но

эсклюзивная мебель ручной работы, громадные хрустальные люстры, свисающие каскадом с верхнего этажа до нижнего, вазоны, расписанные сказочными цветами, а также невольно вызывающие улыбку скульптуры цветастых клоунов в человеческий рост – весьма дорогие и оригинальные работы современных авторов из Израиля.

Но главным украшением дома были все же не уникальные изделия человеческих рук, а тут и там громадные букеты живых цветов в изящных вазах, и обязательно во всех местах, которые в доме посещал старик: в его спальне, кабинете, столовой и даже туалетных комнатах и просторных ваннах! Хозяин дома больше других цветов любил ярко-красные и белые тюльпаны, которые попеременно составляли большинство букетов... И все эти цветы специально выращивали в небольших теплицах на территории джунглей. Видимо, именно они и точно такой же расцветки напоминали хозяину о каком-то главном романтическом событии в его жизни. И я допускаю, что именно их он дарил своим самым любимым женщинам в разные периоды своей жизни.

Никаких нагромождений мебели, пыльных ковров и другой дорогой дребедени в доме не было.

Просторные коридоры, залы, столовые, спальни и другие прихожие места были до краев наполнены естественным светом, который в ночное время имитировался почти незаметной подсветкой, и от этого в доме всегда царил атмосфера радостного покоя. Его биоритмы совпадали с окружающей дом стихией океана и джунглей. А все вместе явно свидетельствовало о большой любви хозяина к природе, чему способствовал и очень профессиональный дизайн, позволяющий в любом месте этого уникального строения в стиле хай-тек наблюдать за природой и как бы находиться внутри ее самой.

Перед входом в дом красовался помпезный, наполненный ультрасовременным звуковым и компьютерным оборудованием фонтан, играющий душевные песни молодости хозяина в унисон со множеством водных струй, меняющих свою окраску и напор в такт обожаемой стариком инструментальной музыке конца XX века, любимой им еще со времен его молодости.

С каждой новой песней фонтана у одинокого жителя дома было связано что-то интимно-личное, задевающее чувственные струны его души, поэтому он иногда садился на теплые ступеньки, ведущие к главному входу в дом, и на его лице была явно видна трогательная ностальгия по былому. А что важное в этом былом происходило со стариком – знал он один, да ветер, океан и песчаный пляж, на котором он разговаривал сам с собой, сидя в кресле!

Посреди фонтана возвышалось высокое чудо – мраморное ветвистое дерево с листьями, на ветвях которого сидели в натуральную величину птицы, среди которых выделялись разноцветные амазонские попугаи и европейский угод. И птицы, и даже листья этого дерева – все были выполнены из разных пород мрамора. Те мастера, которые исполнили это творение, заработали на нем целое состояние, но исполнили причуды богатого старика, который не

жалел никаких денег, безумно обожая природу и животных, которых хотел видеть всегда и везде там, где ступала его нога! А когда фонтан не работал на полную силу, сверху по дереву каплями стекала вода, окропляя каждый листочек, веточку и птичку. Хозяин все мечтал, чтобы птицы фонтана запели. Но, как выяснилось, не все внешне красивые из них умели издавать такие же красочные и красивые звуки. Но мечта осталась, и можно было быть уверенным, что, если хозяину дома Бог дал бы возможность прожить еще несколько лет, он бы ее осуществил!

Но что особенно интересно! Если бы ты, читатель, мог незаметно пройти на пляж и подкрасться к одинокому жителю острова, стать за его спиной и послушать его старческие споры с самим собой, то сквозь успокаивающий душу шум прибоя ты расслышал бы множество диалогов-споров о смысле жизни, которые вел этот древний человек, как бы дискутируя с давно ушедшими из мира живых людьми – наверняка его бывшими хорошими знакомыми и близкими друзьями. А почему ушедшими? Да потому что периодически эти споры прерывались весьма эмоциональными молитвами хозяина острова об упокоении души тех, кто невидимо как бы присутствовал с ним в разговорах! В молитвах он называл их по имени, иногда по фамилии, а иногда по прозвищам-кличкам... Но неизменно о каждом говорил Богу что-то значимо хорошее, за что молящийся искренне и настойчиво просил Всевышнего обязательно простить усопшему все грехи и поселить в Рай!

А еще старик от всего сердца и очень эмоционально, искренне и по-детски наивно просил любимого им Бога простить ему его собственные грехи, которые неизменно и очень подробно перечислял. И, о Боже! Среди этих грехов упоминались кровавые и жестокие убийства людей! И это совершенно не соответствовало внешности старца, который сегодня и по поведению, и в разговорах с персоналом дома был скорее похож на добрейшего священнослужителя, чем на убийцу, да так, что при одном его виде и поведению любому общающемуся с ним человеку хотелось самому исповедаться и покаяться... Господи, как же, оказывается, бывает обманчива внешность...

Но возможно, старик сошел с ума и ему привиделись во сне грехи, которые он никогда не совершал? Но нет... Судя по подробностям, которые он рассказывал своему Богу, нафантазировать такое было невозможно, потому что в раскаянии он упоминал такие подробности и так старательно, ожидая понимания, преподносил Всевышнему аргументы своих поступков, что, услышав эти истории, любой нормальный человек понял бы, что все это чистейшей воды правда!

Ну да Бог ему судья...

А что еще важно для понимания сути этого, как оказалось, в прошлом убийцы, так это то, что после многочасовых молитв о прощении собственных грехов и грехов очень близких в прошлом ему людей старик на пляже явно о чем-то мечтал. Планировал ли он заново безумно прожить жизнь или затеять новое дело? Как знать? Но об этом свидетельствовал тот факт, что он вдруг

неожиданно умолкал, поднимал глаза к лучам громадного оранжевого тропического вечернего солнца, и его покрытое мужественными морщинами и шрамами лицо, серьезное и строгое, таинственно приобретало все черты наивного маленького ребенка, которому на ночь рассказывают волшебнейшую из сказок!

– Борис Иванович, сэр, – обратился к старику на русском языке спортивного вида мужчина, подошедший к хозяину, но заранее предупредивший о своем появлении. – Вам надо срочно принять лекарство и приготовиться к ужину! Да и прохладно уже...

Все это было произнесено мужчиной – охранником и одновременно главным помощником старца – исключительно после произнесенных им молитв и загадочных мечтаний. Таков был ритуал, который соблюдался уже на протяжении более 10 лет. И никто и никогда не посмел бы его изменить, как будто бы разговор старика с Богом, друзьями и с самим собой происходил в присутствии самого Всевышнего, и любые неуместно и не вовремя произнесенные слова постороннего могли Его глубоко ранить.

– А вот скажи, Виталий, – в ответ спросил старик, – какие интересные сказки ты читал в детстве?

– Я вырос в детдоме, и сказки рассказывать там было некому. А когда вырос, сказки стали мне уже не интересны, сэр. Я люблю исторические романы и книги о любви.

– А разве любовь – это не сказка?!

– Я как-то не думал об этом... И как по мне, любовь – это хорошая и крепкая семья. Ну и взаимопонимание, конечно.

– Да ну, сынок, любовь – это и есть самая чудесная сказка! Ты уж поверь мне, человеку, который умел любить и любил так, что был готов без раздумий отдать жизнь за любимого человека. И это касалось не только женщин... Я не менее сильно любил и друзей-мужчин.

– А у Вас были друзья, сэр?! – удивленно вырвалось у Виталия.

– А ты думаешь, что я рос в пустыне?

– Нет-нет, я не хотел Вас обидеть, Борис Иванович. Вы всегда один... Вот я и брякнул глупость!

– Да, у меня были друзья. И какие!!! И они еще продолжают жить... И знаешь, сынок, я до сих пор с ними радостно провожу время, а особенно люблю рассказывать им о каждом прожитом дне и поспорить о смысле жизни. Ведь мы столько недоговорили друг другу, столькими личными тайнами не успели обменяться. Мне очень важно их мнение на все, что я совершил в жизни и делаю сейчас... Представляешь?! Здесь они, все до одного, – показывая иссохшей старческой рукой на сердце и как бы уходя в себя, с чувством произнес хозяин острова.

– А почему же они сейчас не с вами? В доме бы всем хватило места, да и вам было бы веселее! – радостно произнес помощник, сам удивляясь своей оригинальной идее. – Сколько же им лет и где они живут?!

– Их нет на этом свете, сынок. И я точно указал тебе место, где они сейчас поселились, – снова указывая на сердце, ответил непонятливому помощнику уже немного раздраженно старик. – А разве те, кого ты любил и любишь, не там же?!

– Нет, я не сильно верю в любовь. Скорее в привязанности...

– А я верю! И множество раз влюблялся, да так сильно, что казалось, на всю оставшуюся жизнь! Но вот, скажу тебе, беда какая... Чувства к любимой женщине со временем все же остывают. И это так несправедливо: душой продолжаешь любить, а телом нет. Ну а с возрастом я стал еще и ошибаться, сам придумывая ей, любимой, такие сказочные черты, которых по прошествии времени у нее не оказывалось... Она виделась мне вначале знакомства сказочной принцессой, а выходило, что была простой и понятной корыстной женщиной. Но это стало со мной случаться, когда уже постарел... А так, я все же считаю, что любовь – это сказка, рассказанная самому себе о любимом человеке. Может, он совсем-совсем и не такой, а в твоей голове он сказочный. И именно это главное! Да, вот что еще... Запомни, Виталий! Мужчине не дано понять женщину, да она и сама себя до конца не понимает...

Помощник уже почти не слушал. Старик любил нарочно затянуть время перед уходом с пляжа и по-детски хитрил, чтобы, как непослушный ребенок, подольше погулять на море, вот и разглагольствовал на разные темы про жизнь. Но его, помощника, дело было поскорее дать тому лекарство и доставить вовремя в столовую на ужин. Но из-за неподдельного уважения к хозяину он делал вид, что старик открывает перед ним великие таинства жизни, хотя на самом-то деле его все эти философские темы совершенно не интересовали.

– Ладно, идем... А то ведь ты не отстанешь от старого больного человека, – с выражением лица, похожим на улыбку, ответил старик и нехотя поднялся с пляжного кресла, чтобы пройти несколько нелегких шагов и пересесть на колесное. Так ему не хотелось прощаться с красотой природы!.. Ему все казалось, что это прощание навсегда!..

Вместо предисловия

Людям свойственно мечтать. Одни – самые творческие натуры – живут почти несбыточными фантазиями. Другие мечтают редко и приземленно. Серьезные...

Есть и третьи, скучные... Такие существуют по принципу: «Всего, что у меня есть, достаточно, мечтать – время терять». И если последних можно назвать счастливыми, тогда лично я, автор, даром топтал землю, да еще и пытаюсь навязать читателю эту весьма необычную историю.

Так о каких же фантазиях я хочу поведать? Нет-нет... Конечно, не о тех, которые мгновенно ведут к богатству и славе, сваливаясь на голову мечтателя без всяких с его стороны усилий. Это было бы банально, примитивно и неуважительно по отношению к умному читателю... Интересно увести его за

облака, в неизведанную даль и поразмышлять на особую тему, о которой все всё знают, но стараются не говорить вслух. Замалчивают. Стыдно как-то... Тихо... Тсс... «Вдруг о моих мыслях узнают знакомые или родственники?! Ой, что тогда могут обо мне подумать?!»

Но факты – вещь упрямая и говорят о явном присутствии в головах людей тех самых тайных фантазий, а если конкретней, то мыслей о совершении преступлений или правонарушений.

Предрасположенность человека к нарушению Закона определяется просто, например, если он постоянно переходит улицу в неположенном месте либо крадет газеты или интернет соседа... Казалось бы, мелочь? Ан нет... Это характер! Где-то внутри не екает стоп, не грызет совесть. Значит, перед нами уже почти что преступник.

За мелким проступком может последовать более серьезный. И так шаг за шагом... Останавливает только страх перед наказанием. Статистика утверждает, что только десять процентов из ста мечтателей становятся преступниками. У остальных же девяносто эти мечты, слава Господу, со временем тускнеют, а к концу жизни безвозвратно гаснут.

Испугался нарушать Закон – отлично. А что же те опасные десять процентов? О чем они думают? Главный и одновременно до смешного наивный вопрос, который себе задают в начале пути: сколько денег хотят в конце и когда остановиться? Вроде как просто... Задача для первоклашки... Вот добуду то или совершу это, завяжу, и начнется настоящая жизнь. Но нет. Это уравнение нерешаемо! Ведь билет уже куплен, поезд тронулся, и его не остановить, но конечная и промежуточная станции не известны и никем не объявляются. Остановки, конечно же, будут, но расслабиться на них невозможно. Их названия говорят сами за себя. Смертельные ранения, вечное преследование, даже тюрьма – далеко, далеко не все их названия. Их никогда и никто из преступников предвидеть не может. А вот конечную остановку преступника знают даже детишки: смерть от пули подельника или опера, расстрел или пожизненное... И только он один – опасный преступник – рассчитывает на везение, фарт. Его девиз и смысл жизни: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского».

Но не только преступники так мыслят, друзья. Парадокс в том, что у них полно единомышленников и в среде законопослушных обывателей, которых останавливает не совесть. Нет! Наоборот, ее полное отсутствие и животный страх. А вот идея и смысл их жизни тот же, что и у арестантов. Неудачники... Вся их жизнь – вечная игра: повезет – не повезет. А все вокруг виноваты, если результат не вышел...

Но не они и те, кто мелкая сошка в среде воров, – герои моего рассказа.

Представляете, однажды мне в голову зашла авантюрная мысль: а что если попытаться из забытой законопослушными гражданами запретной темы разжечь костер, который давно угас. И если удастся, собрать вокруг него много-много абсолютно разных людей и мнений, чтобы помечтать вместе и увлечь читателей настолько, чтобы они сами захотели мысленно пересечь

запретную черту и пойти вместе с героями моей книги далеко-далеко, в неизведанные нами, простыми смертными, дали... Прямоком в пасть к дьяволу... Понарошку, конечно... Но вот получится ли?

Интересна ли сама тема? Тут без сомнений и на все сто – да! Ведь о тайнах душ самых опасных представителей темного мира любили поразмышлять величайшие из умов человечества: философы, ученые, писатели. Не говоря уже о представителях детективного жанра. Ведь произведения последних – это обычно бестселлеры, вечная классика и огромная куча денег автору в придачу ко всенародной славе и памяти в веках! Так что стыдиться нечего...

Однако, взявшись за перо, я с грустью обнаружил, что одно дело – писать о том, как хитро мыслит, например, Шерлок Холмс или комиссар Мегрэ, разгадывая дедуктивным или иным методом тайны хитромудрых убийц и отравителей. И совершенно другое – описать во всех подробностях жизнь убежденного преступника с его философией и понятиями, которым придается важность на уровне Законов. А самый высокий класс – убедить читателя не становиться судьями, а временами принимать сторону правонарушителя. А что? Ведь истина как раз и состоит в том, что все мы грешны. Никому из живших на земле людей Всевышний не давал в руку камень, чтобы бросить в другого, кем бы он ни был...

Сразу предупрежу тех, кто захочет взять в руки мою книгу, о том, что даже словом не обмолвлюсь о серийных маньяках: убийцах, насильниках, педофилах, некрофилах и т.п. Рассказывать сказки об этих ублюдках и снимать сериалы или художественные фильмы считаю гнусным массовым гипнозом и враньем высшей степени. Проявлением неуважения автора к читателям. Эти не преступники. И вообще не люди. Скорее, отвратительные животные-падальщики, потому что, убивая, насилуя и расчленяя трупы, псих ни о чем, кроме удовлетворения своих больных фантазий, не думает. Тут и не пахнет никакой философией. Не о чем рассуждать. Обычные пациенты сумасшедшего дома. Весьма опасные для окружающих? Да. Способные анализировать свои поступки? Нет. И то, что сегодня алчные представители искусства массово внушают обывателям, как интересно жили эти звери, как рассуждали, какие внутренние сомнения преодолевали, как интересны и глубоки их личности, считаю большим грехом мастеров пера перед Творцом и проявлением грубейшего неуважения к неискушенной в психиатрии публике! К тому же эти грязные выдумки часто поражают души дураков-подражателей, искренне поверивших в героика психов и жаждущих их славы.

Муки творчества...

Честно признаюсь, что я множество раз начинал и раз за разом откладывал написание книги. Терзали сомнения: морально ли представлять преступных авторитетов интересными людьми? Где искать прототип героя? Как достоверно описать все, о чем думает преступник и как потом поступает?!

Выход напрашивался всего один. Чтобы книга стала занимательной, нужно найти характерный персонаж на самом высоком уровне: на Руси – это вор в Законе, на Западе – «крестный отец», глава мафии.

Однако первые же конкретные шаги в направлении поиска авторитета показали, что найти его еще можно, но рассказать о себе он никогда не позволит! Ведь не секрет, что криминальные боссы потому и в авторитете, что молчаливы и строго соблюдают свой неписанный кодекс чести. На страже их вечного молчания всегда стоит Она – ее величество Смерть. Чуть приоткрыл рот – и пуля, нож или острая бритва по горлу от конкурентов либо подельников сразу уносит их богатый событиями жизненный опыт в сырые глубокие и темные могилы...

Поняв, что ни один, ни второй путь мне не светит, я с головой окунулся в воспоминания о давным-давно прожитых днях и людях, которые оставили в моей душе неизгладимый след. Подумал, а вдруг найду среди них крутого, как принято сейчас говорить, преступника. Ведь я всякое повидал на своем веку и очень много, и разных... И, о эврика! Неожиданно наткнулся – вспомнил одного очень близкого мне приятеля из советского прошлого, многие черты характера которого подходили под описание искомого мною человека.

«Классная находка!» – подумалось. Ведь я хорошо знал того парня – опасного преступника, доморощенного, но очень убедительного философа... Мы крепко дружили, и он многое успел мне поведать из своей жизни. Даже интервью брать не нужно...

Уж поверьте, это был весьма яркий представитель преступного мира: авторитетный, дерзкий, смелый и великодушный. Умен и с большим чувством собственного достоинства! Чем не герой романа?

Жаль только, что его уже давно нет на этом свете...

Подумалось, вот здорово было бы найти его и поговорить с ним сегодня. Возможно, его взгляды изменились? Мало ли, какие уроки преподнесла ему жизнь. Ух, как было бы интересно! Но не судьба... Неожиданно и предательски подкравшийся туберкулез убил его к 30 годам, и он так быстро угас, что даже не дал мне шанса с ним попрощаться! Пол-Киева пришло тогда провожать его в последний путь на козырное Байковое кладбище. Жаль, что без меня... В то время я служил в Армии.

Мы были очень близки духовно...

Уж и не знаю, что такого мой герой видел во мне, чтобы раскрывать душу? Но он явно был расположен к общению. Часто именно со мной он любил проводить свободное от своих «важных дел» время: приглашал в козырное кафе на Крещатике и на зависть «центровым», его почитателям из числа завсегдаев этого заведения, усаживал за свой столик, чтобы раскрыть душу – как бы подвести итог своим размышлениям о чем-нибудь в этот момент для него особенно важным! А иногда и просто порассуждать «про жизнь» и все такое прочее... По складу душевных сил он был философом, как говорят в среде интеллигенции, доморощенным, но бесспорно способным к этой мудреной науке человеком. Он постоянно анализировал происходящие вокруг

него события и собственные поступки. Умел делать верные выводы, что делало его успешным в своей среде человеком.

Собственно, именно философским складом ума и объясняется его тяга ко мне – благодарному слушателю, всем своим видом показывающему кумиру, как же я его понимаю!

Рассказывая-рассуждая со мной о чем-то для него важном, мой кумир не нуждался в понимании и поддержке. Он слушал только самого себя, а я был нужен разве что для антуража, словно психолог, театрально-участливо выслушивающий пациента и делающий вид, что сердцем чувствует и понимает каждое произнесенное им слово и разделяет, конечно же, все эмоции говорящего. К тому же, согласитесь, душа умного человека всегда изранена сомнениями, а потому так естественно и по-человечески раскрыть ее перед тем, кто тебя понимает или хотя бы делает вид. Такая услуга дорогого стоит, если не бесценна! Ведь она происходит в товарищеской обстановке, а потому куда эффективнее, чем сеанс лучшего в мире психотерапевта!

В силу «определенной профессии» ему просто не с кем было поговорить по душам, пофилософствовать, получить поддержку своим мыслям о разном. Парень был одарен умом от природы, однако, поскольку по правилам его мира это было бы воспринято как слабость характера, я оказался как раз подходящим объектом для излияния им своей души. А что? Смотрел с обожанием и не глуп. К тому же со мной у него не было никаких общих знакомых. Мы были из разных миров. Я в те времена, по понятиям его окружения, – никто и зовут меня никак... Он – король «центровых». Никто из его знакомых и подумать бы не смог, что авторитет разговаривает со мной на серьезные философские темы!

Мне было тогда примерно двадцать. Олиму (так звали моего товарища) – тридцать лет. Разница в жизненном опыте в такие периоды жизни молодых парней огромная. Да и люди мы были совсем разные. Я – начитанный шалтай-болтай, пацан-беспризорник, а он – совершенно необразованный, но из хорошей семьи, как сегодня бы назвали, мажор, опасный правонарушитель. Однако же, встречаясь, мы в буквальном смысле гипнотизировали друг друга своими историями и оценками людей и событий. Я – выдуманными или прочитанными у классиков.... А он – глубокомысленными рассуждениями о смысле жизни с позиции жизненного опыта преступного авторитета.

Однажды он спросил меня, пацана:

– Вот как думаешь, что лучше? Получить пожизненный срок тюрьмы или сразу расстрел?

– Расстрел, конечно, – не задумываясь ответил я с мальчишеским максимализмом. В том возрасте, когда эмоции зашкаливают, а философские рассуждения о смысле жизни заменяют плотские ощущения, жизнь за решеткой показалась мне абсолютно невозможной. Что уж тут долго думать?!

– Дурак! – авторитетно ответил он. – Мальчишка... Ничего-то ты в жизни не понимаешь. Конечно, пожизненное!

– А почему?

– Потому что остается надежда!

В ответ я сделал серьезный вид, кивнул головой, показывая кумиру, как «глубоко схватил» силу его мысли!.. Но, сказать честно, абсолютно ничего не понял... И только по прошествии многих лет смог оценить сказанное криминальным философом... Надежда – это не просто термин, слово, а источник жизни, сладостное чувство, наполненное магией радостных ожиданий. Пока она властвует в душе, человек живет полной грудью, строит планы на будущее и может быть по-настоящему счастлив вне зависимости от любых жизненных условий. А нет ее – и всё!.. Жизнь закончилась...

Герой нашелся, а его преступления – нет

Какие же преступления совершал кумир моей юности – будущий герой моего романа? В точности, к сожалению, уже и не узнать... Разве что только по слухам, которые, как рой пчел, неизменно кружат вокруг знаменитых в разных кругах людей... А среди нас, дворовых пацанов, Олим, слыл чуть ли не главным криминальным авторитетом Киева. Поговаривали даже, что он, мол, третейский судья среди профессиональных катал – игроков по-крупному в карты – и имеет за сурейство твердые десять процентов от каждого рубля, которые присуждаются счастливчику от выигрыша. Судит строго, по чесноку (по-честному)! А еще, тсс, крышует криминальных аферистов и цеховиков и даже ходит, представляете, с настоящим боевым пистолетом, которым, как утверждали особо просвещенные, однажды воспользовался по назначению: то ли убил, то ли ранил кого-то неправого!..

По прошествии множества лет уже после смерти моего кумира, поскольку он настойчиво продолжал жить в моих воспоминаниях, я в какой-то период своей жизни вдруг ясно увидел, понял и сложил его образ. Скорее всего, ошибочный!.. Ведь мне не дано было быть посвященным в его самые-самые тайны... Но такой яркий и неожиданно понятный, что я решил дать ему шанс прожить еще одну жизнь, но уже не одному, не «одиноким волком», а со мной самим, выдуманной мною герою, каким я и мечтал стать на самом деле в те времена. И только водка, юный возраст и Армия лишили меня тогда этой «великой» возможности.

А еще, беря в руки перо, мне вдруг больше всего на свете захотелось бросить вызов самому себе в прошлом. Покаяться в трусости и предательстве собственной природы! Да, да, именно покаяться!!! Ведь, если честно, службой в Армии коммунизм все же сумел слепить из меня приспособленца, раба тоталитарной системы, позволил сломить мой свободолюбивый характер и превратить в «обычное советское животное» – запуганного, а потому законопослушного той самой системе человека...

Из друзей и знакомых, которые меня окружали в то далекое время, один только Олим подходил под описание моего воображаемого партнера по «геройским преступлениям». За что я ему безмерно благодарен! Ведь, если по чесноку, среди преступников, которых мне пришлось множество повидать на

своем веку, мне никогда больше не приходилось видеть столь благородного парня, строго следующего неписаным законам преступного мира и своей собственной философии добра и зла.

Именно по причине благодарности за встречу и за все, что мне удалось услышать от этого незаурядного парня, я и решил выстроить ему словесный памятник, дать шанс прожить еще одну жизнь. Жизнь, в конце которой его судьба и образ мыслей переплетаются с моими собственными и станут, возможно, интересны не только мне самому, но и другим людям, кто близок мне по духу, или хотя бы тем, кого интересует, как было тогда, в годы моей юности, в тоталитарной стране за колючей проволокой – Союзе Советских Социалистических Республик.

Моя первая книга всего только предвосхищает основные события, которые предстоит пережить главным героям Романа. По мере повествования их преступления будут становиться все масштабней, опасней и прибыльней, а главное – ярче и занимательней! Ведь со временем они переселятся в другие страны и даже на другие континенты, заведут новые деловые и преступные связи, друзей и любимых женщин... Но главное – я постараюсь, насколько хватит моих творческих возможностей, показать, как мои персонажи будут меняться внутренне: какие новые черты приобретут, а старые растеряют...

Искренние любовь, дружба, подлые предательства и благородные поступки, если мне удастся, должны будут полностью захватить воображение читателя и настолько, чтобы заставить его душой принимать сторону тех или иных героев романа и в конце концов хотя бы на время изменить свои представления о добре и зле...

Впереди еще как минимум три книги, в которых события будут развиваться значительно ярче и интригующе! И наброски будущих бурных событий уже в моей голове...

Очень хочу верить, что каждое слово, сказанное в романе, эпизоды жестоких убийств, любви или дружбы поразят воображение читателя, и он хотя бы на время, но проживет еще одну, совсем не похожую на свою, жизнь...

Познакомимся: я и есть главный герой, а зовут меня Борис

Коренной киевлянин. Дворовая кличка, или, как это звучит на сегодняшнем сленге хулиганистых юнцов, погоняло, Боб. Мне 25 лет, и я начинаю свой рассказ с 1970 года...

Какой я был тогда, сразу и описать сложно. Столько воды утекло с тех самых пор, как началась эта история... Поэтому представлю на обозрение читателя всего только несколько штрихов к своей внешности. Но сразу замечу: красив, умен, обаятелен или обычен тот или иной человек – это весьма субъективные, с его точки зрения, оценки. Важно лишь, как сам тот или иной человек себя оценивает. Если у него очень завышенная самооценка – шизик. Заниженная – тоже, но с депрессивным оттенком.

И вот что я видел в те юные годы, смотря на себя, в отражении зеркала: симпатичный парень с очень юным лицом. Среднего роста и среднего телосложения, спортивен, светловолос, с большими светло-кариыми глазами из-под густых светлых бровей, с большой, но правильной формы головой и открытым лбом, с непослушной и слегка растрепанной шевелюрой, белой кожей, выдающимися скулами, подбородком с ямочкой, немного крупным, но прямым носом и добрым взглядом.

Мои глаза – главное достоинство внешности. Они выразительны и почти что никогда не врут, а сразу выражают мое отношение к окружающим.

У меня довольно приятный для слуха баритон и очень даже приличный запас слов...

Мое мнение о людях всегда по-юношески полярно... Они только герои, гении или ничтожества. А еще по одной изобретенной мною же градации друзья, враги, любимые женщины и «твари». К последним я относил разную человеческую «падаль», как например: доносчиков, всякого рода подлецов – малодушных трусов, неблагородных людей, сельское быдло, злобных сплетников и еще многих-многих других, кого не уважал, будучи простодушным и безапелляционным пацаном с принципами!

А кто же я еще? Ну... Дальше уж совсем просто: обычный хулиганистый пацан, безотцовщина, закончивший с горем пополам среднюю школу, не поступивший в институт и после множества увертываний все же загудевший в Армию...

Да, вот еще что важно: я – гордый обладатель просторной комнаты в полуподвальной коммунальной квартире в самом что ни на есть центре Киева – улице Красноармейской.

Одна беда – соседи: вечные старухи, глядя на которых, было невозможно представить, что они когда-либо были молодыми... Бывают же такие люди на свете, которые чуть ли не с пеленок брызжат и отравляют все и вся вокруг одним только своим присутствием! Вот такими они и были: родные сестренки, мои соседи с абсолютно не похожей внешностью, но полностью одинаковым характером и целью жизни – всеми способами отравлять жизнь окружающим...

У бабок, кстати, были весьма красивые русские имена: Мария и Светлана. Но, поскольку они им, по моему мнению, никак не соответствовали, я дал им про себя клички: Майра и Сайра.

В соседи к нам, как рассказывала мне мама, они попали сразу по окончании Великой Отечественной войны по приказу всемогущего в те времена Комитета государственной безопасности СССР, сокращенно КГБ, на службе в котором они состояли.

Это событие произошло еще до моего рождения... Эти сволочи заняли комнату отбывшей на Соловки пожилой пары якобы антисоветчиков, двух доцентов Киевского госуниверситета, которых КГБ объявил врагами народа, националистами-шовинистами, якобы готовивших украинский националистический переворот.

Уж и не знаю, какие такие важные агентурные задания бабки получали от оперов КГБ, пока они были молоды... Скорее всего, их, как и всех молоденьких смазливых женщин-агентов, подкладывали под интересующих карательные органы озабоченных сексом мужиков, чаще всего иностранцев. Ведь известно, что в постели раскрываются многие тайны... Так уж устроены мужчины, у которых по пьяни поднимается самооценка. Однако, постарев, бабки уже не представляли никакого «шпионского интереса». Вот и отправили их на заслуженную пенсию – стучать на всех, кто жил в нашем доме... В общем, соседство так себе... А бабки – те еще суки!

Родственников, кроме мамы, у меня отродясь не было. Возможно, они и были, даже наверняка где-то живут-поживают, но я о них ничего не знаю и никогда не слышал. Впрочем, если хорошенько подумать, чтобы стать человеку действительно родным (родственником), вовсе не обязательно быть с ним одной фамилии, одних генов, группы крови, семейного древа и другой родственной хренотени.

Родными я всегда считал для себя исключительно близких друзей, да еще людей, которых по каким-то причинам уважал и любил!.. Причем так юношески сильно и искренне, что часто ловил себя на мысли, что могу думать, как они, говорить их же словами, а у самых-самых ярких из них даже перенимать присущие только им жесты.

Но вот если кто-то вдруг спросил бы меня, а за что же я так преданно любил этих людей и даже считал их родными, что такого важного они сделали для меня в жизни, – я и с годами вряд ли смог бы ответить...

Знаю только точно, что за что-то конкретное не любят – благодарят. А это абсолютно разные чувства. Благодарность чаще всего со временем забывается. Так уж устроена человеческая память... Любовь же – никогда! Она продолжает жить с нами, даже если судьба вдруг забрасывает нас от любимых на другую часть планеты.

Кстати, настоящая мужская дружба (так я считал тогда и позже) – та же любовь. А если человеку не дано любить, то и дружить тоже...

Ну вот вкратце и познакомились, читатель. Но это только-только начало... А дальше, надеюсь, все будет намного-намного интересней!

Армия рабов

С 18 до 23 лет под разными предлогами я всеми силами отлынивал от Армии, но если хотя бы краем уха слышал и знал, что меня там ждет, то скорее предпочел бы тюрьму, к которой в силу хулиганистого характера был в то время очень близок. Но... Господь распорядился по-своему! И вот я уже лысый, в старой одежде, барахле, которое не жалко выбросить на мусорку, с огромного бодуна-пьянки-проводов, похожий на бомжа, еду в грязном плацкартном вагоне навстречу своей судьбе в воинскую часть Н-ского города. Настроение хреновое! Окружение хуже некуда: сплошь 18-летние пьяные

призывники – селяне (на дворовом сленге городских ребят тех времен), быдло из Киевской и Сумской областей.

Приехали, разместились в казармах и не успели оглянуться, как началась мучительная месячная учебка, где нас два месяца готовили в «настоящие солдаты». По правде сказать, учили быть послушными животными два последующих года жизни...

Как выяснилось позже, нашим батальоном командовал психически нездоровый 50-летний солдафон, полковник-садив, которого из-за отвратительного характера проклинали и покинули навсегда даже жена и взрослые дети...

Весь смысл жизни этого недочеловека состоял, по моему наблюдению, исключительно в том, чтобы делать жизнь солдат невыносимой. И в этом он ох как преуспел!

Именно в Армии я отчетливо понял: чтобы выжить, такой человек, как я, способен выдержать любые физические нагрузки: сутками чистить говно в сортирах, драить полы, не спать и не есть... Все нипочем! А вот что действительно по-настоящему трудно и, даже правильнее сказать, невыносимо – это глубоко-глубоко спрятать, но не утратить навсегда свое человеческое достоинство.

А как же это сделать в то время, когда тебя, как собаку, ежесекундно дрессируют и изошренно издеваются, унижают, в том числе и твои сослуживцы-старики? Это я понял исключительно благодаря армейской службе... Ответ пришел сам по себе, неожиданно, как это и бывает в жизни, когда постоянно думаешь об одном и том же! Когда я уже почти что сдался и погрузился по уши, как свинья в грязь, в глубокое болото унижений, молнией поразило: ну нет, должен быть какой-то выход!..

В ужасных страданиях и муках меня как молнией осенило: никогда нельзя умничать с дураком-начальником, а всегда и на все говорить «Есть!», а дальше можно ничего и не делать. Важно только, не приведи Господь, не вступать с дураком в полемику. Очень-очень плохо закончится! Потому что дурковатые начальники безобидны только до тех пор, пока ты вдруг не ошарашил их умным аргументом-доводом. Мол, не так нужно и можно, а вот как-то этак... Ну все! Тогда, дружок, сам дурак, и пеняй на себя! В ответ такие люди способны сделать вашу жизнь невыносимой. А как? Да по-разному... Поводов найдут столько, что даже самый умный никогда не додумается. И в мести дураку нет равных в мире! Особенно инициативному.

Был даже, помнится, расхожий среди солдат анекдот на эту тему. С виду смешной, но разве только для тех, кто никогда не служил...

Прапорщик солдатам:

- Сегодня, товарищи солдаты, будете грузить люминий. Умник-интеллигент из строя:
- Не люминий, товарищ прапорщик, а алюминий.
- А ты кем до Армии работал?
- Инженером.

– А теперь ты – говно, а потому будешь грузить люминий.

«Свободный» рыжий педераст

Как-то в воскресенье нас, крепостных и бесправных, выгнали днем по просьбе мэра¹ города копать глубокие траншеи возле здания местного вокзала, а рядом с нами работали живые зэки – настоящие опасные преступники с весьма серьезными сроками и отсидкой за насильственные преступления...

Их вывели погулять на свежем воздухе, или, как это формально называлось среди тюремного начальства, «поработать за хорошее поведение на благо социалистического общества вне зоны».

На этом мероприятии зэков было намного меньше, чем тех, кто их охранял: автоматчики со злобными немецкими овчарками прогуливались тут же и пугали ими прохожих.

В местной тюрьме вопросы таких вот гуляний решались за взятки и прикрывались просьбами мэра выкопать или закопать в городе какую-нибудь яму. И арестанты не напрягались, ведь за все уплачено, делали вид, что работают. А для создания видимости слегка ковырялись в земле лопатами.

Во время очередного перекура один из этих, парень моего возраста и комплекции, подошел ко мне и попросил папироску. Как отказать? Тем более что меня страшно заинтересовал сам персонаж – живой торчок²...

С виду этот пацан выглядел нормально. С таким, казалось, вполне можно было и подружиться. Но верно говорят философы: «Все в мире не есть таким, как кажется...» И очень скоро я сам в этом убедился.

С первых же слов зэк нарисовался открытым и бойким рыжим курчавым парнем, чем-то похожим на мультяшного героя «Рыжий, рыжий, конопатый...» Такой себе почти мальчишка, свой в доску. Но, присмотревшись, я запросто разглядел в нем гнильцо: бегающие туда-сюда маленькие злые глазки, подозрительно зыркающие на меня из-под тонких рыжих бровей. Стало интересно, с кем свела меня судьба в траншее?

Первым, с позиции старшего, разговор начал он.

– Ну как там в деревне? Природа, мать ее!.. Хорошо, наверно? А, солдатик? Коровки, козы и девки жопастые с сиськами, как у коров, – сопровождая каждое свое слово отборнейшим матом, с ехидным смешком пытался уколоть меня зэк.

– Да нет, пацан, я из Киева, – спокойно и с достоинством ответил я.

Рыжий искренне удивился. Сразу принял за своего и стал разговаривать намного более уважительно.

– Блатовал на свободе?

– Было дело...

¹ В те далекие времена мэров не было. Эта должность называлась «председатель горисполкома». Слово «мэр» использовано автором условно.

² Торчок – наркоман.

Рыжий обрадовался еще больше и по-братски тут же стрельнул у меня еще одну папироску... Первую скрутил наподобие «козьей ножки» и прикурил от моей, а вторую заложил за ухо.

Смачно затянулся, расслабился и уже не контролировал себя ни в выражении мыслей, ни в мимике.

– Ну, как там? Расскажи... – не сдерживая свой интерес к тюремной жизни, спросил я.

– Получше, чем у тебя, кореш, – ответил рыжий и неожиданно предстал передо мной во всей красе... В какой? В такой... В образе монстра-маньяка-насильника-педераста!

Поэтому мой заурядный вопрос он понял по-своему и стал в жутчайших подробностях освещать тему, которая интересовала его больше всего на свете, – тему тюремного гомосексуализма.

Рыжий явно не умел читать чужие мысли и чувствовать собеседника... Все говорил и говорил... Его охватили такие горячие эмоции, что он стал рассказывать в тончайших деталях о мерзостях, которые невозможно передать никакими словами, не оскорбив слух читателя.

Этот гад оказался специалистом по изнасилованию лохов, которых вначале шулерски обыгрывал в карты, потом насиловал и на всю зону объявлял опущенными.

В частности, юный педераст выражал дикий восторг по поводу того, что только что утром оприходовал на крыше тюрьмы, среди пыли и грязи, какого-то здорового сельского жителя.

– Представляешь, пацан, это придурок так упирался, так умолял, так крестился!.. Нельзя, мол, ему! Крещеный... Грех большой! Прямо театр в камере устроил. А я ему: грех в карты играть и долг не отдавать. Так что пошли на крышу и снимай свои сраные штаны! Смешно, правда? – даже не глядя на мое выражение лица, упивался рассказом и реготал рыжий.

По выражению его лица было видно, как он чрезвычайно горд своим поступком, в особенности тем, как хитро он обманул лоха, когда обещал тому, что никому об этом не расскажет.

Но сделал все наоборот. Как только труженик полей согласился, укрыв физиомордию газетой, конопатый гад неожиданно сорвал с него бумажную маску и прилюдно заорал на весь тюремный чердак – излюбленное место гомиков: «Смотрите, смотрите на педераста!»

– Сечешь, друг, – панибратски похлопывая меня по плечу, ехидно реготал гомосек, – теперь он общим станет! Эх, жаль, что я сейчас не на зоне, а с вами тут, с солдатней вонючей, в земле копаюсь. Там как раз нового петуха объявляют, а меня на этом празднике нет. Вот же бл-дь! А ведь это я его в карты обыграл. Я запетушил. Я!!! – орал он от радости. Да так, что даже залаяли овчарки.

Слушая эту рыжую мразь, мне не было жалко колхозника, но вот желание убить педераста на месте, стало таким непреодолимым, что я инстинктивно

стал придумывать, как усыпить его бдительность и успеть, пока он не удрал, добраться до лопаты.

Искушение прикончить гада на месте стало столь сильным и навязчивым, что я сам изрядно напугался своего же порыва, поскольку тем самым отправил бы себя самого прямоком за решетку...

Уж и не помню, как нашел-таки в себе силы остановиться... Но желание сделать зэку больно не проходило... И тогда я резко оборвал ликование извращенца и со всей злости бросил в его нахальную морду слова, которые, полагал, должны были более всего его задеть. И не ошибся...

– Классно тебе, рыжий. Сидишь в тюряге с петухами у параши и петушишься с утра до вечера. И торчать тебе, думаю, еще ох как долго! А меня, – соврал я, – красивая девчонка в Киеве ждет и любит, кстати. И осталось мне всего-то каких-то 360 дней – и я дома. А после службы Родине свобода светит на всю оставшуюся...

От моих слов рыжий как взбесился! Он вдруг ясно осознал глубину моей неприязни. Резко сменил интонации с радости на дикую злобу и в мгновение ока превратился в опасного рыжешкурого зверя!

С нескрываемой ненавистью и пренебрежением зэк окинул меня с ног до головы показушно презрительным взглядом, пристально оценил мой изнеможенный вид: пропитанную солью от пота гимнастерку, глубину траншеи, которую я вырыл, и выдал на-гора философскую тираду:

– Это ты-то свободный, х-й моржовый?! – Родине, говоришь, служишь?! Служака еб-й! Это я-то в тюрьме? Ты на себя посмотри, лох, и на своих гондонов-солдатиков! Бедолаги!

Потом длинно сплюнул через щелку в зубах и глубокомысленно заключил:

– Я, запомни, мудака, – свободный человек, а ты – никто! Раб божий! Сравни сейчас мою работу и свою. Есть разница?! Ты до середины земли уже почти докопался. А я всего-то два кидка в пол-лопаты, и то для виду, что работаю, сделал. И никакая Родина меня не заставит! Плевал я на любых начальников с высокой колокольни. Сам себе хозяин!

И, уходя, добавил:

– И кореша у меня настоящие, не твое вонючее обчество, жлобье! И семья моя, – намекая на сокамерников, которые курили невдалеке, – что надо. Все пацаны – уважаемые на зоне люди. Сравниваешь, козел, несравнимое... Сам пидорас! Я здесь по своей воле. А ты – под волейной вон того сержантика. Готов жопу ему лизать! Думаешь, не вижу, как ты его боишься? А мне он по херу. И пошел ты! Слышишь? Пошел!!!

Но я и не шевельнулся, а даже чуть приблизился к негодю, демонстрируя решимость довести разговор до логического конца.

Но рыжий мгновенно струхнул, развернулся и быстро-быстро в полуразвороте, как будто ожидая от меня удара в спину, почти что попятился к своим, зло посмеиваясь и указывая сокамерникам на меня пальцем...

Вот так я впервые в жизни, хотя только мысленно, убил человека. А потому этот разговор и чувства, которые я испытал, слушая извращенца, так и остались жить в моей памяти, как оконченное преступление. Убийца... Я вдруг прочувствовал каждой клеточкой своего организма: могу убить! Убить живого человека...

Минуту постояв в метре от «места преступления», я пошел рыть дальше, и, пока махал лопатой и успокаивался, меня не покидала подленькая мысль о том, что ведь прав тот гад! Надо же, какой мощный аргумент прозвучал в его словах! Он свободен даже в тюрьме. А я? Ладно бы издевались над нами только днем. Так нет! Больной на голову полковник приходил к нам в казармы ночами и заставлял в полной боевой бегать почти до утра в противогазах по пустынным дорогам вокруг воинской части. Аж до полного иступления. А как радовался, как радовался, когда кто-то изнеможенно падал!..

– А ну вставай, вставай, салага... Бегом! А нет – все остальные в строю тебя сейчас нести на своем горбу будут...

И несчастный вставал... И ковылял, и падал дальше, потому что, если бы мы понесли его на плечах, потом бы старики избили бедолагу до полусмерти в казарме! Так что полковник знал, что делал. Похуже того кудрявого пидора... Гад! Маньяк!

Правда, бегал полковник вместе с нами. Но налегке... Без амуниции. Свежим воздухом, так сказать, подышать... Садюга!

Вспомнить и сказать, что надо мной в Армии изощренно издевались, – не сказать ничего! Третировали – так будет вернее... Пытались уничтожить в душе все качества, которые отличают человека от животного: разум и веру в справедливость!

Вот тут-то на полную и включились мои юношеские фантазии с одним-единственным, но жизненно важным вопросом: возможно ли в СССР жить по своим правилам? Тем, которые подсказывает моя свободолюбивая натура, совесть, основанная на собственных представлениях о добре и зле...

В ответ советская власть из всех информационных щелей кричала: «Нет! Не бывать тебе свободным!»

Но разве можно в чем-то убедить фанатично одержимого фантазиями энергичного юношу – героя романа? Конечно, нет! И еще сто тысяч, миллион раз нет! И прочь любые сомнения...

«Невозможное возможно» стало моим жизненным кредо, моей путеводной звездой в жизни!

Вот такой образ юноши-индивидуалиста я и пытаюсь нарисовать в книге... Хотя расслабься и успокойся, читатель... Сам я, то есть автор, вовсе не такой. Обычный и весьма законопослушный человек.

Киев. «Телячьи нежности»

И вот наконец-то он – долгожданный дембель!

Я выхожу из зловонного плацкартного вагона поезда на перрон Киевского вокзала и почти бегу к выходу. Передо мной внезапно предстает все то прекрасное, чего я был лишен 750 долгих-предолгих дней и ночей полной желаний жизни!

Эти мгновения не забыть никогда! Как будто из ада перенесся в рай, а в нем прекрасный весенний май в самом красивом городе на всей планете – Киеве!

Все, что сразу же вскружило мне голову, было каким-то сказочным, нереальным.

Душераздирающее чувство свободы. Господи, как же все красиво! А какие запахи весны... Крыша едет!

«Телячьи нежности» (так я всегда называл подобное состояние души) вызвали пару слезинок на глазах... Я почти что плакал от счастья!

Но если ты, читатель, не служил в Армии или, не дай-то Бог, не сидел на нарах, конечно же, меня понять не сможешь, потому что не прожил почти тысячу дней ужасных унижений и запретов. И как бы подробно я сегодня ни описал своих чувств в тот самый день, тебе этого не понять.

Боже ж мой, как же все здорово! Е-мое!!! Люди, люди, люди: мужчины, женщины, старики, дети... Все что-то громко говорят, энергично жестикулируют, чему-то радуются, улыбаются, громко смеются...

Звуки музыки из ларьков и проезжающих автомашин, разноцветная одежда прохожих... Яркие признаки свободы и шумного города одурманивали сознание до полного безумия!

Никто, конечно же, не ждал меня в родном городе... Он продолжал жить своей жизнью, которая, казалось в те мгновения, никогда и не была моей. Два года отсутствия прошли для мегаполиса, конечно, незаметно, но для меня это была будто целая вечность. Я неожиданно попал в город, полный чудес, которые снились мне почти каждый день в Армии.

Блуждая вокруг, мой взгляд вдруг остановился на стайке молодых женщин-подружек, видимо, провожавших кого-то на вокзале. Сразу бросилось в глаза: как же они все красивы и грациозны! Странно, что я раньше никогда не замечал этого. Какие фигуры, волосы, лица! А походка! Как же они сексуальны!

И сразу же захотелось как можно быстрее нацеловаться вдоволь с девчонками, за которыми ухаживал до Армии, и, конечно же, окунуться в атмосферу, которая окружала меня до службы: проведать друзей и пройтись по знакомым до боли местам в своем районе. Последнее я немедленно и исполнил, сев зайцем на трамвай, который довез меня до Киевского университета, а там... пешком мимо любимого мною сквера Шевченко.

И вот уже он – мой родной дом на Красноармейской. Уютный дворик с детской площадкой и песочницей, несколько невысоких тополей, облезлые дома и двери подъездов и вездесущие бабки-сплетницы на лавочках...

Зайдя во двор, я уселся на скамейку посреди двора и стал искать взглядом друзей. Но конечно же, никого не было. Да и быть не могло! Полдень. Кто на

работе, а кто отсыпался после ночной пьянки... Все как и всегда в это время дня...

От этой картины стало немного грустно, и я под взглядами вечно перемышавших кости жильцам околоподъездных сплетниц-бабок нехотя побрел в свою коммунальную квартиру, чтобы быстрее принять душ, переодеться в чистое и пройти по родным до боли местам в округе...

А вот и она – дверь полуподвальной квартиры под номером один. Звоню, вхожу, здороваюсь с противными бабками – соседками по коммуналке, краем уха выслушиваю их лживую радость по поводу моего возвращения, решительно отказываюсь от их бубликов с чаем, переодеваюсь в оставшееся от былых времен простенькое штатское и... бегом бродить по дворам и улицам родного города...

Какая же все-таки красивая эта старинная улица Красноармейская! Она, хотя и является продолжением Крещатика, всем известной в Украине главной улицы древнего Киева, но в отличие от нее полностью сохранилась после немецких бомбежек и сплошь состояла из дореволюционных пятиэтажных домов, часто украшенных лепниной, изображающей античных мужчин с обнаженными причиндалами и женщин с оголенной грудью.

В далекие дореволюционные времена на этой центральной в Киеве улице, название которой было тогда, конечно, не Красноармейская, а Большая Васильковская, в трех-пятиэтажных домах с лепниной и в вычурных особняках селилась вся киевская знать: князья, графья да богатые сахарозаводчики, купцы и промышленники. А теперь, помимо коммунальных квартир со множеством ненавидящих друг друга лютой ненавистью соседей, здесь ютились мелкие по значимости бюрократические конторы: районные суды, прокуратуры, райотделы милиции, нотариальные конторы, а также маленькие всякой всячины магазинчики: продуктовые, комиссионные, ювелирные и т.п.

А еще глубже, в самых недрах дворов, расцветало искусство: полуподвалы заполнили малюсенькие картинные галереи и художественные мастерские, где часто собиралась творческая элита. Весьма, кстати, интересная публика. Живущая не по законам тоталитарной системы, а как бы вне ее, в собственной стране грез.

Бесцельно блуждая по улице, я внимательно всматривался в каждый дворик, подъезд, каждые двери, окна. И везде меня поджидали приятные встречи с прошлым, с временами детства и юности. В душу ворвались трогательные воспоминания... Ведь именно здесь и прошли лучшие мгновения моей жизни, которые не вернуть никогда!

Буквально из каждой подворотни на меня смотрели во все глаза глубоко личные воспоминания, которые навсегда врезались в память.

Вон там во дворе был мой детский садик, а вот и средняя школа, которая рядом. А чуть дальше – уютный дворик со скамейками и большим прямоугольным столом с алюминиевым покрытием, на котором теплыми вечерами местные мужики-пенсионеры с грохотом забивали козла, а я

частенько вместо школы играл в карты с такими же, как и сам, шалопаями, прогуливая учебу.

А вот и дом, на третьем этаже которого жила близкая подруга мамы – добрая 50-летняя еврейка тетя Вера. Она была замужем за довольно пожилым профессором-педиатром, который, на мое детское счастье, временами исполнял роль персонального врача. А поскольку болел я часто, то вряд ли бы без него и выжил.

Когда меня одолевала простуда, старый добрый доктор ставил мне горчичники, мерял температуру и заставлял широко раскрывать рот, смешно показывая, как это делается, на своем личном примере. Помню, у него здорово получалось. А я хитрил, корчил рожицу и заглядывал в его собственный неестественно широко открытый рот в ожидании протяжного крика «А-а- а!»... И длилось это действие, пока тетя Вера строго не предупредила меня, чтобы я прекращал театр, а мужу говорила, что он старый дурак, потому как орет словно резаный.

Сразу мелькнула греющая душу мысль: может, именно благодаря этим очень добрым и любящим меня людям я и остался жив, а сейчас вот здоров и счастлив?!

Тетя Вера трогательно заботилась обо мне: часто забирала из детского садика, который я, кстати, ненавидел из-за злющих теток-воспитателей да отвратительной манной каши – обязательно с твердыми комочками и сопливой пенкой, которую, как не отгоняй ложкой, она все равно подленько лезет в рот, вызывая рвотный рефлекс.

Ребенком я так радовался, когда попадал в уютную профессорскую квартиру, и, не так, как другие дети, любящие своих мам, очень надеялся, что она не придет, чтобы улечься на просторном и мягком профессорском диване в прихожей и послушать одну из волшебных сказок Андерсена в исполнении любимой тети.

Вспомнилось, как я затосковал, учась в первом классе, когда узнал от мамы, что тетя Вера вместе с мужем и взрослыми сыновьями навсегда уехала в Израиль. Ведь как было бы здорово, если бы она сейчас была в Киеве! Я забежал бы прямо сейчас к ней в гости, обнял, прижался к ее доброму сердцу, расцеловал и высказал бы много-много ласковых слов. Ей – той самой, которая подарила мне такие радостные воспоминания. Но нет... Уже ничего и никогда не сказать... Стало грустно-грустно...

Но вот и радостные воспоминания... Я углядел заветный дворик возле комиссионного магазина на углу Саксаганского... В нем жила первая красавица 9-го «В» класса – полногрудая однокашница Таня. Виден подъезд, до которого я под лютую зависть пацанов провожал ее после занятий в школе. Зимой и холодной осенью мы жарко в нем целовались... Ее нежная и упругая грудь, богатая на другие привлекательные женские формы фигура, ласковые руки, пухлые губы, запах ветерка в густых каштановых волосах...

Где она сейчас? Я как будто помнил номер ее квартиры и даже, по-моему, телефон. Может, заглянуть? Но нет... Что я ей скажу, если она откроет дверь?

А вдруг она замужем? А может, позабыла меня? Ну нет! Какие глупости. Помнит, конечно! Но... Не пойду, конечно... Чего ради? Не было у нас с ней ничего серьезного: одна только нежная юношеская симпатия, такая радостная и щемяще-приятная сердцу...

Тут же рядом громадный продуктовый магазин на углу Саксаганского и Красноармейской, где мы мальчишками покупали у толстых, с анальными мордами, всегда ругающихся с покупателями продавщиц папиросы и дешевое вино... Они знали всех наших в лицо. И отказать несовершеннолетним хулиганам не решались. Мало ли что потом... Вечерами ведь темным-темно... И мы пьяные где-то за углом...

Я зашел внутрь... Сколько людей! И ни одного моего знакомого: ни возле винно-водочного отдела, ни у дверей самого магазина. Как странно... Неужели пацаны перестали пить? И никто не хулиганит по-мелкому, грозно выпрашивая у прохожих мужчин «двадцать копеек на бутылку» возле входа в гастроном? Что же случилось? На душе заныло. Дико захотелось бухнуть. Ну и женского тела, о чем я бредил бессонными ночами в казарме.

Женщины – это цветы...

Мне, кстати, всегда казалось, что женщины – особые создания среди людей, и именно весной и в бабье лето осенью они расцветают как цветы. Одни похожи на эксклюзивные розы, заботливо выращенные в парниках, но без запаха и с шипами, а другие – натуральные, со сводящими с ума ароматами, от которых настоящему мужчине, хотя он всеми силами и старается этого не показать, хочется взлететь в облака и совершить ради любимой невероятные поступки, подвиги, вплоть до того, что даже отдать без раздумий за нее, единственную, свою собственную жизнь!

Женщин, как и цветы, каждый мужчина выбирает на свой вкус. Одни хотят платить большие деньги и иметь запахи дорогих духов и опытный секс, а другие – романтику на небесах: ароматы истинной природы, цельную натуру и романтическую, на всю оставшуюся жизнь любовь. Любовь, которую разлучить может только сама Смерть!

Впрочем, есть и третьи, которые не выбирают ни запаха, ни цвета лепестков, ни формы, а просто берут, что есть и недорого стоит. Женщины для таких нечто просто физиологически необходимое для утоления сексуальной потребности и продолжения своего скучного рода...

Похожие на парниковые розы женщины коварны, красивы и расчетливы. Они требуют к себе безраздельной любви и внимания мужчины, но сами по себе не способны на ответные чувства и реагируют в любви исключительно на дорогие подарки и явные, на публику, знаки внимания. Они изобретательны в постели, но у них нет души, и они ничего не могут дать второй половине человечества, кроме как возможности любоваться собой и наслаждаться их телом. Они больно жалят тех, кто способен вдруг понять их расчетливую

сущность, и часто бросают своих партнеров, если те вдруг по каким-то причинам не могут удовлетворять их эгоистические потребности.

Но самые лучшие из женщин, самые желанные, неповторимые, нежные, заботливые и чувственные, способные на любовь и самопожертвование ради своего единственного, похожи на натуральные цветы, выросшие на вольной природе и получившие от нее все свое природное женское величие и красоту! Дикая роза, тюльпаны, хризантемы, ромашки, красные, как кровь, маки, подснежники, фиалки и другие цветы, выращенные самой природой, помимо своего индивидуального пьянящего запаха имеют также все без исключения чудесные ароматы того места, где они росли, – лесов, полей, скверов и парков маленьких и больших городов – и обязательно нежнейшего весеннего ветерка...

Говоря о красивых цветах и женщинах, похожих на них, я, конечно же, не имею в виду продажных женщин – проституток. Они всегда резко пахнут дорожными до тошноты духами, сексом, вином и сигаретами. И могут опьянять разве что извращенцев, которым не дано любить и быть любимыми.

От мужской половины жрицам любви нужны только деньги, и ради них они готовы абсолютно на все грязное и омерзительное! В общем, фу! Дальше и говорить, и писать об этом не хочу... Явно не моя это тема...

Но не всё, как я постоянно буду утверждать в своей книге, однозначно... И я заранее извиняюсь перед проститутками, имеющими уверенность, что это их призвание. Я лично знал таких и даже по-настоящему дружил с ними. Нет, эти женщины были не из дешевых, а весьма достойные люди, имеющие свою философию, родившуюся в глубокой древности. Вспомните овеянную мифами историю древних стран, например, Рим. В нем ведь и зародилась проституция – самая древняя и, как по мне, естественная из всех других женских профессий. Ведь нет ничего пошлого в том, что цветы продаются, и самые красивые и яркие из них – всегда дороже.

А ведь были в истории человечества и куртизанки – тоже цветы и тоже продажные, но нет, не за деньги и не для простых людей, а исключительно для тех, кто творил историю мира: для императоров, королей, царей, полководцев, тиранов... В отличие от банальных проституток они отдавались не столько телом, сколько душой и разумом, стремились к статусу в обществе, к кричащей роскоши, но главное – к возможности безгранично влиять на своего повелителя!

Эти выдающиеся жрицы любви по праву исторические личности!

Разве не так? Тогда вспомните сотни и даже тысячи преданных забвению королей, царей и другой знати... Были они или нет – никому не интересно. Эти вельможи, наделенные по происхождению, по закону крови безграничной властью, оказались ничтожествами! Их имена забыты... И все только потому, что они были обделены Божественным даром искренне и страстно любить лучшую половину человечества – женщин, пусть даже и продажных, но способных поднять их самооценку до заоблачных вершин!

Но... хватит о нежных. Ведь это роман, а не признание в любви и уважении к прекрасному полу...

Тома

В первую очередь, помимо встреч с друзьями, мне нужно было срочно удовлетворить свой сексуальный голод. Я страстно желал женщину! Да такую, чтобы без отказа и претензий на дальнейшее светлое семейное будущее. Мне позарез нужно было женское тело – жаркое и податливое! Уверен, что любой мужчина, кому выпало в жизни долгое воздержание, меня очень даже хорошо поймет и не осудит за греховные мысли...

Вспомнив о нежных, я бросился к ближайшей телефонной будке.

Кому звонить – не вызывало сомнений, и я набрал домашний номер молодой женщины по имени Тамара – единственной, к кому я испытывал неподдельную страсть и уважение, умеющей дарить мне в ответ очень сильные эмоции. Именно ее ласки я только и вспоминал в Армии, а потому очень волновался в ожидании услышать ее голос.

Тамара не была мною любима, как и не любила меня сама, но была весьма сексуальна и разборчива в мужчинах. Нет-нет, моя девушка не была из тех, кто доступен каждому встречному... В ней были и гордость, и осознание собственного достоинства, и привлекательность.

Она относилась к той редкой породе женщин, которые знают толк в сексе: никогда не имитируют оргазм, а ведут себя как настоящие хозяйки постельных сражений, хотя в обыденной жизни волшебным образом преображаются в слабых женщин – самое мощное оружие в руках красавиц против самоуверенных самцов.

Такой и была Тома... Старше меня лет на семь, стройная, маленькая, с небольшой упругой грудью, слегка кривыми сексуальными ножками, округлыми бедрами и очень-очень чувственными губами.

Разведенка... Она работала на какой-то важной должности на одном из полувоенных заводов и была вполне обеспечена материально. Общение с ней сильно поднимало мою самооценку. Мне нравились ее независимость и гордость и то, как, глядя на нее, оборачивались прохожие мужчины, если мы прогуливались по улице. А еще то, что, кроме меня самого, ей больше ничего от меня не было нужно. У нее все и всегда было хорошо. И она никогда не грузила меня своими проблемами. Любила со мной целоваться и высказывать ко мне почти материнскую заботу. При этом никаких притязаний на супружество, ни клятв любви до гроба... И этим она очень выигрывала в сравнении с молодыми девчонками, почти всегда настойчиво и по любому поводу достававших меня разговорами о женитьбе.

**Сила убеждения оголодавшего без
секса мужчины**

– Привет, Томочка! Узнаешь? – неуверенным голосом произнес я, набрав ее номер в ближайшей телефонной будке...

– Не совсем... Кто это? – слышался ее тихий, немного низкий голос.

– Ну как же? Я, Боря!

– Боря? Какой?

– Боб!

– Боб, Боря!

Я почувствовал радость на том конце провода.

– Ну так бы и сказал сразу. Неужели это ты?! Где пропадал, красавчик? Я все голову ломала и не находила ответа. – Потом строго: – Отвратительно поступил. Пропал на несколько лет, не сказав ни слова. Как нечестно, не по- мужски. Почему же сейчас звонишь?! – еще более сердито высказалась женщина. – Тоже мне, друг называется...

– Виноват, Томочка. Но не бросай только трубку. Пожалуйста! Я долг Родине отдавал два года... Как замели меня менты ночью, так в Армии с утра и оказался. Звонить неоткуда было. А там... Там настоящий ужас! И такой, что ни описать, ни словами передать. Уже не до звонков, не до писем было. Поверь, дорогая! Так быстро годы пролетели... А когда представилась возможность звонить, не мог себя заставить... Ну что бы я сказал? Например, что мне очень плохо без тебя! Приезжай, мол, на случку. Или, может, что жить не хочу! Нет-нет, такого ты от меня никогда не услышишь. Наши отношения – романтика. И поганить их пятиминутной встречей и тебя напрягать на поездки – ну нет. Знаю, что ты, добрая душа, точно бы приехала. Но разве это было бы честно с моей стороны. Да и не для твоих красивых глаз армейские казармы и не для нежных ушей мои рассказы, как я сортиры вылизываю, – давил я на жалость своей подружке.

– Ну да, понимаю. Ты же у нас герой, – уже совсем другим, участливым тоном прозвучал голос в трубке. – Куда уж тебе, герою, поплакаться в женское плечико? А что ж теперь звонишь? Любви, маленькому, захотелось?! Выпил уже, наверное, с друзьями от радости? – показывая свое превосходство в ситуации, которая сложилась, решила поиздеваться надо мной молодая женщина. И сама рассмеялась от язвительной колкости.

– А я уже не пью больше, Тома, – очень серьезно парировал я. – А любви и вправду захотелось... Я же тебе никогда не врал. Ты мне скажи лучше, ты замужем или нет?! Детишек не завела? – перевел я снова разговор на постельно-серьезный лад с шутливым уклоном, почувствовав седьмым чувством, что женщина уже не бросит трубку и мой звонок ей приятен.

– Нет-нет. Ничего у тебя не получится, дружок, отвертеться от моего вопроса. Сначала извинись!

– Ну прости, виноват, – дежурно ответил я. – Ну виноват!..

– Не так. Скажи, чтобы мое сердечко поверило в раскаяние.

– Хорошо. Раскаиваюсь. Честно! Чтоб я сдох! Я из Армии даже маме не писал. Мне все казалось, что я оттуда уже никогда и не вернусь, как будто

в гроб на два года заколотили! Вот как тяжело на душе было... Но сегодня у

меня такой праздник, Томочка! Я вернулся. Голос твой слышу... Столько радости! Как приехал, первым делом тебе звоню... Я только что с поезда, представляешь? Только-только! Такой день!.. Ну пожалуйста, соглашайся. Не томи душу, не надо! Я же извинился... Скажи, что простила, и разреши тебя увидеть.

После некоторого молчания в трубке мне почудилось, что девушка окончательно сменила гнев на милость. Она вдруг полностью изменила тон... И мы продолжили говорить почти что как в старые добрые времена. Незаметно пришло время невинных шуток и постепенно устанавливался контакт, как будто мы и не расставались... Так ожидаемое чудо случилось...

– А если замужем, тогда что?

– Тогда прямо сейчас возьму пистолет и сделаю тебя вдовой!

Ее звонкий смех стал ответом на мои догадки: она свободна. И на душе посветлело.

– Нет, я все та же. Ничего в моей жизни не поменялось. Квартиру недавно получила. Еще обставить не успела. А так... Ты же меня знаешь, Боренька. Замужем я уже была... Не моя это судьба – стирать пеленки и готовить на кухне. Если б за тебя, пошла бы, – вдруг расхохоталась женщина. – Но ведь ты совсем молоденький. Мальчишечка. И такой несерьезный... Сам не знаешь, чего хочешь. К тому же бабник! – снова и снова громко смеялась она в трубку. – И всегда им будешь. Какой из тебя муж? Тебе скорее заботливая мама нужна... А жен ты всегда на стороне искать будешь.

– Ну уж нет, я другой, серьезный... Аж самому страшно! – пытался я не останавливать смех девушки. – Сама увидишь. Давай встретимся скорее. Сама увидишь, какой стал. Я очень соскучился!

– Какой стал – это я и так по голосу твоему слышу. Бедненький малыш! – кокетливо-игриво и сексуально звучал сквозь смех ее голос. – И вправду жалко тебя! Соскучился, говоришь? Ох, как верю... Но какой же ты быстренький... Столько времени от тебя ни слуху ни духу, а тут как снег на голову! Так нельзя... Давай сегодня просто встретимся и погуляем по городу. В кафешку какую-нибудь зайдем. А может, и цветы даме подарить.

Меня как кипятком ошпарило от этого «просто погуляем»!

– И где же это мы погуляем, родненькая? Я ведь только из Армии! – упрямо гнул я свою постельную линию. – И мама уехала надолго, так что уж если и гулять, так лучше, пока ее нет, у меня по комнате... Соглашайся, ну соглашайся, любимая!

– Ну ты и смешной! Как ребенок... Все такой же... Все и сразу!

– Не мучь, Томочка! – начал жалобно блять я. – Со мной ведь просто гулять у нас и раньше никогда не получалось. Ты же знаешь... Начну приставать к тебе прямо на улице. Я же, когда тебя вижу, дурею! А сейчас так вообще... Я ведь два года только о тебе и думал, а потому могу напасть на тебя прямо на глазах всего народа. Ну зачем тебе рисковать? – с тревогой, что не удастся настоять на своем, и с грустью пошутил я.

Но Тома продолжала шутливо кокетничать:

– Ну-у-у... Не будь таким суровым, Боренька... Если бы я хотела тебе отказать, сразу бы так и сделала. А раз не говорю «нет», что это значит? А ну догадайся! Давай, давай... Уговаривай дальше! – раззадоривала она меня. – Мне приятно. – И продолжила: – Служил, значит, бедный мальчик, долг Родине отдавал. Как же я, дурочка, сразу до этого не додумалась, когда ты вдруг как сквозь землю провалился?

– Служил, служил, Томочка! И ни разу тебе не изменил... Вот честно!

Даже не смотрел ни на кого. Только о тебе и думал...

– Как сладенько врешь, миленький, – продолжала задорно смеяться Тома. Миленький, малыш, родненький, мальчик – так она звала меня до Армии.

Надо же, не забыла...

– Пить бросил, говоришь? Ты ж сам раньше говорил, что не бывает некрасивых женщин, а только мало водки! Забыл? А тут так трогательно и без горячительных напитков о любви рассказываешь, – подтрунивала надо мной девушка.

– Для меня ты самая красивая женщина в мире! Чтоб я сдох! – в тон ей шутил я.

– Ладно-ладно, верю... А где же комплименты настоящего мужчины? Вот расположи мое сердечко, тогда, может, и соглашусь по квартирке погулять... Что такого ты обо мне думал, что вспоминал?

– Ну-у-у... Какая ты ласковая, заводная и красивая. И вообще... – вновь заблеял я, как голодный козел, которого дразнят большим кочаном белой вкусной капусты. – Я по тебе очень сильно скучал! Правда... Ну вот зачем ты надо мной издеваешься? Это же я, Боб, Боря! Разве ты сама меня не вспоминала? Смилуйся, госпожа! Не отвергай преданной любви солдата...

– Убедил, прощаю... Но, если снова куда-то пропадешь и не позвонишь, больше не звони.

– Есть!

– И вот еще что... – как бы рассуждая вслух, уже серьезно проговорила Тома. – Там же у тебя злющие соседки-старухи... И мама...

– Старух пришьем! А мама уехала к брату и, по-моему, очень надолго, если не навсегда...

– А что не так с мамой?

– Все расскажу, когда приедешь... А Майра и Сайра сегодня вечером в кино уходят. Двухсерийное, – нагло соврал я.

– Уговорил! Хорошо... Раз так... Дам тебе, обормоту, себя разок поцеловать.

Слово «дам» резануло меня как молния! И совсем не в том смысле, что простодушно вкладывала в него девушка... Ух!!! У меня отлегло от сердца... Какая же она все-таки хорошая!

– Так когда ты будешь счастлив меня видеть? – под конец разговора спросила Тома.

– В любое время. Сама назови. Мне ведь все равно, лишь бы обнять тебя и поцеловать быстрее. Я весь на взводе! – еще и еще раз подчеркнул я как можно более уверенно суть нашей будущей встречи.

– Ну, в семь-восемь вечера... А где?

– Возле метро на Красноармейской, – продолжал я разговор с Томой. – Давай в семь, – почти что проорал я в телефонную трубку.

– Хорошо... Что же с тобой делать?

Мы еще некоторое время перебросились словами ни о чем, но у меня так перехватило дух и даже пересохло в горле от предвкушения бурного секса, что все последующие слова, которые произносил мой голос, не имели абсолютно никакого смысла, а сам я пребывал как в тумане. Поэтому в какой-то момент я нескладно прервал свой дурной спич и сказал на финише:

– Значит, договорились? В семь вечера я буду ждать тебя на выходе из метро... Соскучился! – еще и еще раз подчеркнул я суть будущей встречи.

Пока я так вот ворковал с Тамарой, у телефонной будки собралась целая очередь. Но никто меня не торопил... Все притихли, наострили уши и участливо слушали, как я изо всех сил старательно уговариваю девушку лечь со мной в постель.

– Ну что, приговорил девчонку, солдатик? – громко выкрикнул мне из очереди какой-то усатый мужичишка, как только я открыл дверь будки, чтобы выйти. И добавил, куражась, в шутку:

– Ты че ж ей так давно не звонил? Не стыдно?!

Все, кто был в очереди, кроме смутившихся женщин, громко расхохотались.

– Не надо подслушивать чужие разговоры, дядя, – победоносно подмигнул я хохмачу и, широко улыбнувшись всей остальной публике, важно вышел из будки и, ничего уже не соображая, зачем-то прикрыл за собой дверь. Телефонный разговор с женщиной так сильно меня впечатлил, что я еще какое-то время брел по улице, ничего не видя перед глазами. Мое воображение захватили воспоминания о том, как Тома вела себя со мной, когда мы встречались и вместе проводили время.

Ярко всколыхнули душу сладкие воспоминания о том, как она провоцировала меня готовностью отдаться везде, где не было людей, а незаметно трогать себя в интимных зонах позволяла даже при посторонних.

Дурацкие воспоминания...

Тома была самой раскрепощенной женщиной в моей доармейской пацанской жизни! Наши встречи оставили в моей голове настолько сильные сексуальные эмоции, что, мастурбируя с голодухи под одеялом на ночь в казарме, я частенько представлял себе нас двоих, слившихся в любовном экстазе в самых экзотических местах города: в кинотеатрах, скверах на скамейках, подоконниках в подъездах домов, на травке под кустиками в

скверах и парках... И только очень, очень редко в нормальной постели, если, например, мама уезжала в командировку...

После разговора с девушкой мои глаза накрыла пелена воспоминаний, и какое-то время я шел в никуда, не различая ни очертаний домов, ни лиц прохожих. В голове всплыли обжигающие душу эротические сцены: например, однажды мы умудрились целоваться прямо на парапете набережной Днепра вблизи Парковой аллеи. Тома сняла трусики и села на перила каменного ограждения набережной, слегка раздвинув ноги... Мы тогда в порыве страсти чуть не свалились с парапета в воду. Это было что-то! И в конечном итоге очень-очень смешно.

Эпизод этой встречи был так ярок, что я потом именно его задорно пересказывал пацанам вечерами во дворе на лавочке. Да еще и в разных интерпретациях, разбавляя все новыми и новыми выдуманскими дурацкими подробностями...

– Представляете, – начиналась моя очередная похабно-юморная история перед сильно подвыпившими друзьями, – я в ней, и мы, как назло, скользим и падаем с парапета, катимся кувырком вниз... Прямоком в воду... И в воде в одежде я продолжаю... Чуть не утопил девчонку! Да еще эти раки проклятые! Вцепились гады клешнями в мою голую задницу... Больно, зараза! Еле-еле оторвал...

А потом мы мокрые долго сидели голышом в густых кустах аллеи. Прятались от ментов, которые шастали ночью по кустам с фонариками. Смеялись и целовались, а между делом выкручивали руками одежду и обсыхали. И чуть-чуть не загремели в ментовку. Менты ведь всю ночь искали в этих местах, а часто и находили незадачливых любовников, а потом всю ночь издевались над ними в райотделе, протоколы заставляли писать с подробностями задержания...

– Ну и что дальше? Ну, что остановился?! – со вспухшими вдруг ширинками настаивали на продолжении рассказа друзья.

– Ну а что дальше? – раззадоривая пацанов, как бы нехотя, продолжал я свой идиотский рассказ. – Ничего интересного, придурки! Что, не знаете сами, что было бы, если бы нас замели?! Сидели бы голые за решеткой, а весь райотдел поголовно разглядывал бы сквозь железные прутья мой писюн и ее сиси-писи.

– Ха-ха-ха! – дружно ржали друзья. А потом, разинув рот, с неподдельным интересом глубоко уходили в заданную мною тему экзотической любви... И такое несли... На голову не надеть! Потому как на самом-то деле ничего такого у них самих и близко не было. Водка медленно, но верно отбивала охоту к любви и ухаживаниям.

Пацанья зависть к моему богатому сексуальному опыту еще сильнее поднимала меня в глазах друзей и добавляла драйва к их вечернему сексу – соло с опытной к таким делам правой рукой...

Думаю, что многие из них, ложась дома на ночь в кровать, вспоминали мой рассказ во всех подробностях и даже добавляли кое-что от себя... Ведь не

всем ребятам девушки отдавались, как мне. Многие до свадьбы так и оставались девственниками.

Советские презервативы как средство улучшения демографической ситуации в СССР

До встречи оставалось полтора часа. Вулканический всплеск тестостерона в крови уже ни о чем больше не давал думать. Я весь, аж до кончиков волос на голове, превратился в оголенный сексуальный нерв, а мое мужское достоинство стало подозрительно выпячиваться в районе ширинки, так что пришлось положить левую руку в карман и так ходить по улицам в поисках съестного.

Почему не упоминаю о презервативах? Да потому что такая дурость – купить в аптеке презервативы – в головы продвинутых пацанов тех времен никогда не приходила. Никто перед сексом о такой глупости и не думал... Ими пользовались только разве что хулиганистые пацаны, надувая водой и бросая с крыш «бомбы» на головы незадачливых прохожих. Мазали, конечно. Но иногда и попадали. Да так, что некоторые невезучие граждане теряли сознание и приходили в себя только на больничной койке!

Импортовых гондонов (так в народе называли эту гадость) тогда в продаже не было, а советские – «Изделие №2» – как будто специально, чтобы пугать народ, были омерзительного бледно-телесного цвета и имели вдобавок тошнотворный и резкий запах резины, поэтому при вскрытии пакетика с гондоном все вокруг наполнялось такой нестерпимой вонью, что ничего интимного уже никому и не хотелось.

Подозреваю, что производили советские презервативы на тех же заводах резиновых изделий, где делали клизмы, перчатки для уборщиц, резиновые сапоги, калоши и другую домашнюю дребедень. Мне даже иногда приходила в голову шальная мысль, что делалось это специально, чтобы увеличить рождаемость будущих строителей коммунизма.

Что же купить на встречу? В моем маленьком стареньком фреоновом холодильнике хоть шаром покати. Я вдруг вспомнил, что с утра ничего не ел... И бегом обратно в гастроном...

Купил за рубль с копейками бутылку яблочного сидра, который в те времена заменял шампанское для тех, у кого с деньгами туго, лоток яиц и полкило вкусной докторской колбасы. Этого было больше чем достаточно для пира, и я довольный вернулся домой... Тщательно убрал все в комнате, помыл по-армейски руками и тряпкой пол, сменил постельное белье, вымыл бокалы, стаканы, тарелки и даже зачем-то отскреб сковородку с кастрюлями. И только после этого остановился, посмотрел на часы и, поскольку времени уже ни на что больше не оставалось, побежал к метро встречать свою женщину. Ух!.. Наконец!..

А вот что было дальше, не расскажу... Потому что получится не по-мужски... Подробности об интиме – удел извращенцев! Они всегда вульгарны

и омерзительны! Не моя тема... Такое даже слушать от посторонних противно. А уж рассказывать?.. Разве что больным на голову.

Был, кстати, у нас во дворе один такой... Женатик... Не друг, а просто жил... Иногда он присаживался к нам на скамейку и, показывая на проходящую мимо жену, слюняво рассказывал, что он с ней делал ночью! Урод! Жена, к слову, была у этого придурка женщина как женщина. Симпатичная и скромная с виду. Да, уверен, что такой и была... Но после его рассказов мне и ребятам даже в сторону их подъезда смотреть не хотелось. Так на душе становилось гадко! Ну и зарядил идиоту как-то Артур в челюсть после очередного такого повествования... Больше тот к нам не подходил...

В нашем же случае с Томой в тот вечер все было идеально просто: мы жарко и долго целовались... И я так утомил молодую женщину неистощимой жаждой секса, что даже, показалось, слегка ее напугал.

Нищерброд

Когда я провожал даму сердца домой, было уже совсем поздно! Ночь, полная луна, легкий майский ветерок... Город спал... Ни машин, ни людей, только редкие прохожие и то исключительно в трезвом виде, потому как иначе рыскающие патрульные ментовские газики либо машины побольше, называемые в народе «луноходами», могли забрать незадачливого гражданина в милицию, а там менты всю ночь могли продержат, всячески унижая, выясняя личность... А то ведь и вовсе в вытрезвитель отправить!

Сегодня невозможно себе представить, чтобы в центре мегаполиса не было шумных мероприятий, не слышно было воя сирен скорых и полиции, чтобы город не горел миллионами ламп и неоновых реклам, не слышались музыка, смех либо множество иных звуков, издаваемых по разным поводам людьми или какими-то техническими приспособлениями... Зато в те времена для случайного прохожего либо влюбленной парочки ночной город был даже более безопасен, чем днем! На одной шестой части суши планеты Земля наступал неписанный комендантский час... Менты имели право останавливать любого прохожего и проверять документы, забирать без повода в милицию молодежь, заигравшуюся на гитаре и больно обстригать тех, кто носил длинные волосы, оставляя на голове лишь их клочья, чтобы под битлов не косили. Парки и скверы очищались от всех подозрительных лиц, которыми считались... Да, собственно, я и сегодня не знаю, какие считались... Знаю только точно, что с девушкой пройти и даже прогуляться по аллее было возможно. Абсолютно ничто не угрожало!

Не знаю, как Тамара, но я не спешил расставаться. Тепло от встречи переросло в состояние влюбленности, а весенний прилив тестостерона будоражил молодую кровь аж до кипения! Общественный транспорт уже давно не работал, и мы долго молча шли вниз по Красноармейской, держась за руки.

– Ну что ж ты так загрустил, малыш? Я ведь не навсегда ухожу? Звони! – проникнув в мои мысли, заботливо проговорила Тамара. – Ты же знаешь, я всегда рада...

– Ты такая хорошая, – только и смог в ответ выдавить из себя я. – Завтра целый день в любви объясняться по телефону буду...

Однако продолжить спутанную эмоциями мысль не удалось. Тамара заметила зеленый огонек такси и помахала маленькой белой пухлой ручкой.

Толстый небритый дядька за рулем притормозил и, демонстративно отвернув недовольную рожу в противоположную от нас сторону, дежурно пробурчал «Машина в парк!», что на языке того времени означало: или плати свех счетчика или топай пешком дальше.

– Конечно, заплачу, – проворковала Тамара и, не ожидая особого приглашения, юркнула на заднее сиденье.

– Прости, родная, денег у меня нет, – весь покраснев от стыда, с чувством, но очень тихо, чтобы не услышал и чего не подумал толстомордый таксист, прошептал я.

– Ну что ты, Боренька! Я богатая девочка, – с искренним пониманием также тихо отозвалась Тамара. – Ну, не переживай так!.. Все же хорошо... – Потом глубоко заглянув в глаза-душу и понизив голос до шепота, проникновенно произнесла: – Что это с тобой, родненький? Ты ведь и раньше за меня никогда не платил... Забыл, что ли? – И громко удивленно воскликнула: – Вправду изменился!!! Надо же... Мужчинкой стал, мой малыш...

Но продолжать ворковать нам не дали. Толстомордый резко нажал на газ, и «Волга» унесла мою любовь далеко-далеко, в другой конец мегаполиса. А я все смотрел вслед машине и действительно вдруг почувствовал себя не мальчишкой, который развлекся проходным сексом, а взрослым и сильным мужчиной, страстным в любви и очень ответственным за свою дальнейшую судьбу... «Как же обидно, зараза, – пронзила мысль, – что я такого высокого о себе мнения, «взрослый и сильный», и такой нищий!..»

Постепенно мысли о страстной любви как-то сами собой улетучились и через несколько минут вовсе улетели в ночь вслед за машиной. Я почувствовал приятную негу во всем теле и желание немедленно улечься в постель. Но на всякий пожарный из уважения к дворовым пацанам заставил себя пройти через подворотню во двор... Вдруг они еще не разошлись... Огляделся, прислушался... Никого! Только слабый весенний ветерок с ароматами майской ночи шевелил мои волосы да слегка раскачивал фонарь у подъезда. Как вдруг волшебную тишину ночи разорвали пронзительные донельзя звуки громко кричащих-плачущих грудных младенцев: один, второй, третий!.. Это воинствующие майские коты вздыбливали шерсть на холке и что есть мочи орали на своих соперников, намекая на первенство в любовных играх с пушистыми хвостатыми дамами.

А вот и моя дверь в квартиру... В общем коридоре коммуналки, несмотря на глухую ночь, меня ожидал осуждающие взоры Майры и Сайры. Дверь,

ведущая в их сатанинское логово, была слегка приоткрыта. И хотя глаза старых баб, словно у сказочной нечисти из дремучих лесов и болот, не светились, могу поклясться, что я их видел. И даже настолько, что смог бы запросто идентифицировать, кому из мерзопакостных сестер они принадлежат. «Нечистая сила» точно подглядывала за нами с Тamarой в щелку замка... А я, дурак, с пылу забыл даже сунуть ключ в замочную скважину.

«Сволочи, – подумал. – Бывают же на свете такие дрянные люди!» И тут же как ножом резанула мысль: «А почему, собственно, я должен всегда находиться в таком вот окружении? Неужели это и есть все мое «светлое советское будущее»?!»

Знакомьтесь: очень хороший человек

С десятью рублями в кармане, часть которых я уже успел потратить, угощая друзей выпивкой, да на еду, ничего серьезного в подготовке к бандитскому нападению века, которое пытался спланировать, по понятным причинам осуществить было, конечно же, невозможно. Поэтому я решил занять немного денег у отца своего лучшего друга Артура – очень хорошего человека и соседа по дому Эдуарда Дмитриевича Гертера.

Почему он хороший? Да потому что по изобретенной мною в Армии собственной градации людей, они делятся на хороших, плохих и никаких. Глубоко не прав великий Эйнштейн, мол, все в мире относительно. К сущности людей, убежден на все сто, это никак не относится. К тому же хорошие с годами становятся все лучше и лучше и даже могут перевоплощаться в святых, как, например, мать Тереза. Плохие же – хуже и хуже, а к концу жизни становятся ходячим злом с рогами и копытами. Ну а никакие? Те растворяются в полнейший ноль.

Эдуард Дмитриевич был из очень хороших, если не сказать, самых лучших!

Мужественный и очень одинокий по жизни мужчина, прошедший всю войну, он рано потерял любимую жену и полностью посвятил всего себя воспитанию своего единственного сына – моего лучшего друга Артура, которого не просто любил, обожал...

Среди соседей дома он слыл угрюмым, недружелюбным, неразговорчивым мужиком, и они его всячески сторонились. Но у нас, полубеспорядочных, отец моего лучшего друга ассоциировался с героем войны и был признанным дворовым кумиром. Он имел редкий для взрослого человека дар – обращаться с мальчишками на равных. Часто играл в войнушку, запуская в небо и взрывал ракеты из фольги и горючей киношной пленки, а также затевал другие, осуждаемые обывателями опасные затеи, чем вызывал у нас, дворовых, ответные уважение и искреннюю привязанность.

Доходило до того, что, если на нас накидывались жильцы за разбитые мячом окна или шалости покруче, он решительно выбегал из квартиры и

никому не давал драть нам уши. Неизменно был на нашей стороне. И даже когда мы повзрослели и делали вещи куда похуже, брал свое удостоверение участника Великой Отечественной войны и спасал нас, словно партизан, попавших в засаду фрицев, не только от соседей, но и от ненавистных ментов. Иногда мне казалось, что я вижу в Эдике (как он сам разрешал нам себя называть, но обращаясь на «вы») своего собственного отца, которого на самом деле даже и не помнил.

Вот почему именно к Эдику я и пошел за своим первым бандитским, как сегодня называют, стартовым капиталом – пятьюдесятью рублями.

Ко времени моего прихода отец Артура сильно поседел, постарел, но, как и прежде, был в боевом настроении духа да так искренне рад, что я живой и невредимый вернулся со службы, что тут же достал бутылку трехзвездочного молдавского коньяка «Аист» и стал суетиться на кухне с закуской...

– Ну... Ну, рассказывай, сынок, как служил. Видел уже моего обормота?

– А как же! Первым делом Артура нашел... Ведь он единственный, кто ко мне из друзей в Армию приезжал. Настоящий друг! Верный...

– Он такой, – удовлетворенно подтвердил Эдик, – в меня. Если б только еще и путевым был...

– Служба – дерьмо, Эдуард Дмитриевич, хуже тюрьмы. Сплошное унижение! И рассказывать об этом, пережить все снова... Нет! Не хочу. Не спрашивайте, пожалуйста! Может, потом... Как-нибудь при случае...

– Понимаю... Но хоть чему-то тебя эта служба научила?

– Еще бы! Советскую власть ненавидеть и жлобов, которые только в Армии себя людьми чувствуют. А так...

– Тише, тише, сынок. Потом на рыбалке у костра обо всем расскажешь. Не здесь... Уши везде. Продолжай... Но не о власти... Ведь было же что-то и хорошее? Или не так?

– Да. Случилось и хорошее. Даже очень, Эдик. Я полностью завязал с выпивкой, спортом всерьез занялся, свободу научился любить! А еще управлять воспоминаниями, когда уж совсем не вмоготу и жизнь не мила, научился рисовать в голове то, что называю «счастливые моменты». Очень помогало во время этой проклятой службы. И особенно знаете что?

– Ну и что? Говори, конечно.

– Наши с вами рыбалки! Особенно вспоминал природу, которую вы мне с детства показывали и любить научили... Только это и помогло не сойти с ума.

– Неужели правда?! – радостно, как ребенок, которому подарили самую любимую игрушку, заглянул мне в глаза Эдик. – Надо же, как угодил старику словами! Мне так приятно именно от тебя их слышать! Ведь я почему-то думал, что ты мои пьяненькие рассказы о войне любишь, рыбку половить, у костра посидеть, а главное, – Эдик с хитрецей подмигнул, – по стопке выпить, – шутя, довольно улыбался мой наставник. – Так у тебя, оказывается, душа поэта? Как же раньше ты ни слова о таком старику не говорил... Что это с тобой?

– Раньше дураком и пацаном был... Ну вы же все хорошо знаете... Ладно вам издеваться, Эдик. Я уже вырос и говорю как есть... Честное слово! Когда тяжело в Армии становилось, я мог отвлечь себя только тем, что видел с вами на природе. Мне даже иногда кажется, что именно этими воспоминаниями я жизнь себе спас. Так что большущее вам спасибо и за костры, и за рассказы! А что Артур? За голову не взялся? – резко перевел я тему, чтобы не смущать старика.

– Да ты же сам уже все наверняка видел... – быстро подхватил отец Артура дипломатично протянутую мною ниточку для смены разговора на тему

«уважаешь – не уважаешь». – Хороший парень, но такой бездельник! – взгрустнул Эдуард Дмитриевич. – Никак его никуда не пристрою. А ведь работать ему давно уж пора... Мясником, говорит, заделаться хочу. Ну не дурак?! Он же воровать не умеет. А в тюрьгу посадят?!

Но... Я ведь уже давно для него не авторитет! Он, дурачок, меня неудачником считает. Не добился ты, говорит он мне, в жизни ничего. Чего ж учишь? Больно, конечно, такие глупости родному отцу от любимого сына слушать. Ну уж как есть... Не слушает ни единого моего слова. Так жаль!.. Ведь уйду скоро. А собственный сын ничего хорошего обо мне и не вспомнит, – совсем было загрустил старик. – Неужели и у других отцов так бывает, чтобы родные дети их за людей не считали? Не уважали и с их мнением не считались?! – Но добавил: Вот ты – да, мое воспитание! Жаль, что не мой сын. Хотя... Какой же не мой? – сам себе ответил Эдик и тем самым ушел от глубокой и очень болезненной для него темы о сыне. Он вдруг снова радостно улыбнулся и вновь тепло заглянул мне в глаза: – Ты тоже мой сын! Мой... Не зря мы с тобой столько костров на рыбалках сожгли... Как сам думаешь?

– Ваш сын! Ваш... И думать нечего! – воскликнул я в юношеском запале. А сам в это время подумал: – Господи, как же это все-таки здорово, что я наконец сумел сказать этому хорошему человеку то важное, что всегда крутилось в моей голове. И не по пьянке у костра, где за тебя говорит водка с пивом, а мужчины произносят друг другу самые важные для них в жизни слова

«уважаешь – не уважаешь». А вот так, по-трезвому и с полной ответственностью за каждое произнесенное слово! Ведь как знать, подумалось, будет ли у нас еще одна встреча на природе и сопутствующий ей разговор по душам?

– Поговори серьезно с Артуром, сын. Обещай! Очень прошу. Ты для него громадный авторитет! Он тебя только и слушает... Посоветуй ему хотя бы техникум окончить, – разволновался от моего признания в любви старик. – Помоги брату!

– Не волнуйтесь за него, – успокаивал я безутешного отца. – Скоро вот сам устроюсь и его возьму, – врал я во благо близкому мне человеку, хотя точно знал, что никакие мои уговоры стать человеком Артур никогда серьезно не воспримет. Его не изменить... Такой вот родился: добрый, честный и преданный друг, но так и оставшийся навсегда как бы заперти нашего двора и его неписаных законов.

– Ну так расскажи про это дело старому неудачнику. Может, и меня с собой прихватишь? – слегка развеявшись от грустных мыслей о сыне,отреагировал Эдик.

– Сейчас не могу! Это не только мой секрет, – как отрезал я, чтобы не углубляться в опасную для себя тему. – Дайте время... Продумаю все и обязательно приду советоваться, – снова и снова по-хорошему врал я, чтобы перейти к главной теме моего прихода.

– Мне стыдно, но я пришел, Эдик, не только потому что соскучился, – искренне потупив взгляд, признался я. – Мне бы еще деньги одолжить... 50 рублей. Очень нужно! Правда... А то ведь мама уехала и почти ничего не оставила. А больше мне идти не к кому...

– Конечно займу, сынок, что еще за стыд? – с чувством произнес Эдик. – И отдашь, когда сам захочешь. А не сможешь – тоже переживу... И что о делах раньше времени рассказывать не хочешь – правильно. Да и зачем мне знать? Все равно не пойму. А лишние слова – лишние проблемы. Присаживайся. В ногах правды нет.

Он налил мне рюмку и придвинул тарелку с тонко нарезанными ломтиками лимона.

– Ну давай, сынок! За встречу фронтовых друзей! – торжественно начал тост отец друга и сказал очень-очень много добрых слов в мой адрес.

Но я их почти что не слушал, а только всматривался в глаза дорогого мне человека и читал в них такую неподдельную радость от встречи, такое участие в моей жизни, что голова кругом, а чувства, которые охватили, были сродни тем, какие испытывают очень близкие родные люди после долгой-долгой разлуки!

– Но я пришел не только за деньгами, Эдик, боясь обидеть старика, перебил я очередной военный рассказ.

– Неужели еще что попросишь? Я с радостью, – широко улыбнулся отец Артура, чем заранее облегчил мне задачу.

– Ружье охотничье дадите?

– А зачем тебе, сынок? Ты ж не охотник, – удивился старик.

– Не на охоту. Ну надо... Потом расскажу. Убивать точно никого не собираюсь, – нарочно рассмеялся я, превращая разговор в шутку.

– Ну бери, раз нужно... И ружье, и патроны... Смотри только сам не поранься. Ружье старое, и калибр на кабана или даже медведя. Все равно что пушка, – все шутил подвыпивший отец Артура, доставая из шкафа на кухне и протягивая мне завернутое в тряпицу оружие: ствол и приклад отдельно, чтобы не было похоже, что выношу. – Только вынеси его под курткой. А то ведь знаешь, какие соседи кругом... Не уходи, посиди подольше. Дай хоть я на тебя посмотрю. Красавец, возмужал, совсем другим человеком пришел... Молодец! И я, глядя на тебя такого, верю, что ты многого в жизни добьешься. Права твоя врач! Права... Я того же мнения...

Эдик просто обнимал меня глазами... Но поскольку кроме геройства он еще был человеком очень тонкой природы, то быстро заметил, что я тороплюсь. И сам предложил:

– Иди-иди, сынок... Не думай, что обижусь. Не обращай внимания на болтовню одинокого старика... Все нормально... На рыбалке подробнее о себе расскажешь. Готовься. Ох, какое место покажу! Новое... В жизни потом не забудешь!

Он крепко обнял меня на прощание и буквально вытолкнул за двери, чтобы не оставить во мне и тени смущения, что я его предаю, отказываясь от предложения остаться! Человечище!!!

Выйдя от Эдика, я быстро, чтобы никто не заметил, проходными подъездами обошел двор, стрелой шмыгнул от соседок в комнату, спрятал в шкафу ружье и патроны... И сразу вышел к скамейкам и сидящим на них пацанам.

Любимые кореша и сага о... мандавошках

– Привет, Бобяра, – радостно, почти в один голос поприветствовали меня дворовые кореша, резко вскочив в знак уважения ко мне со своих скамеек. Радости от встречи после двух лет расставания не было предела!

– Столько лет, столько зим! Всех врагов страны перестрелял? Почему без бутылки? Где тебя носило? Кого ты там трахнул? Вспоминал друзей хотя бы? И еще много-много искренних, по-детски дурацких вопросов и слов от души сыпались на меня со всех сторон от старых друзей с одним только вложенным в них смыслом – с искренней товарищеской любовью и уважением!

Выпитая накануне водка подогревала чувства дружбы до гробовой доски! Что и говорить! Всеобщему счастью не было предела!

– Да ладно вам... Вчера только приехал, – так же радостно бросил я в ответ пацанам, отчетливо понимая, что никто из них даже близко не понимал, из какого ада я вырвался и что пережил... Как и в момент моего ухода на службу два года назад, абсолютно не изменившись, они так и оставались жить в своих дворовых планах и иллюзиях... Не то чтобы они деградировали, нет, но и не росли интеллектуально, не приобретали новый опыт жизни, не читали, не интересовались ничем, кроме только того, как и чем живут пацаны близлежащих улиц и, главное, наш собственный двор. Они были точно такими, как и тогда, когда провожали меня в Армию: взрослые дети с бутылкой пьянящей жидкости.

Кстати сказать, советский режим крепко-накрепко законсервировал жизнь почти всего населения громадной страны в узких рамках дома, работы и раз в году 24-дневного отпуска... К тому же партия и правительство не баловали народ правдивой и актуальной информацией. Зачем волноваться? Новости у всех были одни и те же... Их черпали из газеты «Правда» или «Известия», ну и что по телеку скажут и покажут...

Были, правда, из новостей еще и «вражеские голоса». Например, «Голос Америки», «Свободная Европа», «Голос Израиля»... Ну, может, еще парочка-тройка подобных...

КГБ их нещадно глушил, постоянно увеличивая сеть мощнейших шпионских станций вокруг всех крупных городов страны. «Крестьяне» же такие глупости не слушали...

Услышать, что говорят враги народа, было все же, конечно, можно... А глушилки только увеличивали интерес к запретному. Подслушивая, отдельные граждане так глубоко уплывали в грезах в счастливую, свободную и богатую жизнь капиталистов, что забывали о безопасности. Слушали ночью, конечно, убедившись, что соседи не слышат... Ведь среди них были сплошные Майры и Сайры. Минимум пять из десяти советских граждан регулярно стучали в КГБ друг на друга. А такие вот, как мои бабки, еще и получали за каждый донос деньги... Так что «обосрать ближнего» было возведено в Стране Советов в Закон и неплохо оплачивалось.

Что же касается больших и малых сел и районных центров, то там и газет- то не читали. Их использовали разве что в дворовом сортире либо в магазине, чтобы завернуть селедку, колбасу или сало. Куда приятней и «познавательней» было совершенствовать самогонные аппараты, гнать сивуху, напиток, подраться или куму по пьяни трахнуть!..

Вся огромная страна, расположенная на одной шестой части суши планеты Земля, представляла собой одну большую и относительно дружную семью, обеспеченную всем необходимым, чтобы ни у кого из ее членов не было особых забот и проблем. Ведь все население, а именно 241 миллион человек, в Союзе Советских Социалистических Республик всех национальностей (а их насчитывалось свыше ста), кроме разве что горстки тех, кто сам искал себе приключения на одно место (политических диссидентов, националистов и преступников), было обеспечено работой и вполне сносными средствами выживания. Ни у кого никаких проблем и возникать не могло... Все были за толстенным «железным занавесом» под контролем многомиллионной армии спецслужб. Хочешь жить как все – живи. А нет – в тюрьму на перевоспитание!

Зато любой человек в СССР вправе был рассчитывать на более ли менее справедливое отношение со стороны властей. Во как! В капиталистическом мире, где борьба за выживание идет ежесекундно, и представить себе такое невозможно!

– Ну, давай, давай! Не тяни, Бобяра! – нетерпеливо подгоняли меня к фантазиям дворовые. – Рассказывай...

Очень быстро между нами возникла атмосфера, как будто мы и не расставались на эти два самых ужасных в моей жизни года! Ребята превратились в слух, потому что никто из них пороха в Армии не нюхал. Кто, как Артур, косил под дурака, кто скрывался, а у кого-то родители взятку военному дали...

Но самое главное, что для них и в них самих ничего не изменилось. За водкой и дешевым суррогатным вином время для моих пацанов давно и безвозвратно остановилось...

Рассказывать друганам, что и как было со мной на самом деле в Армии, не то что не хотелось, было категорически нельзя. Никто бы меня не понял, а мой авторитет дворового лидера полностью бы развеялся...

Именно потому, еще только выходя из подъезда во двор, я на ходу придумал разные героические истории, которые бы наверняка пришлись по душе ребятам. Например, как я браво расправлялся в батальоне с сельскими лохами и дерзко не подчинялся дуракам-начальникам. Лишь бы только любым способом утаить от пацанов весь ужас уничтожения моего человеческого достоинства, все издевательства, через которые пришлось пройти!

Прокатило... Мой рассказ был принят за правду. Никому из слушавших не были интересны подробности армейской службы. Встречных вопросов также почти не было, и я быстро перевел разговор на понятные пацанам темы...

– Извините, ребята, что без бухла. Мама уехала и денег не оставила...

– Бери, бери, бери!.. Пей, Боб!

Ко мне сразу потянулось несколько рук со стаканами с прозрачной жидкостью.

– Давай-давай, Бобяра! Как в старые добрые времена, все пропьем, но флот не опозорим! Чтоб х-й стоял и деньги были!.. – наперебой предлагали шуточные и дурацкие тосты пацаны.

Кто-то крикнул: «До дна! За Боба! И чтобы не последнюю!..»

– Не могу пить, пацаны, – огорошил я дружбанов. – Нельзя. Трипак, как приехал, поймал... Сижу теперь на антибиотиках, – врал я, не краснея, чтобы ни в коем случае не начать снова превращаться в пьяницу. Ведь с этим было твердо и навсегда, как я полагал, покончено!

– От кого? Ты ж только с поезда? Как успел? Я вновь завладел тотальным вниманием:

– От баб-проводниц... Обоих отымел, а от какой из них точно, хоть убей, не знаю!

Но Боже ж мой, как же я любил своих дворовых, особенно Артура, Волоху, Энчика и Гошу. Что это были за люди! Настоящие! Смелые, разбитные, верные! Такие никогда не заложат, не предадут, не сбегут во время драки, не бросят в ментовке... Где они сейчас? Водка погубила почти всех! И не было в «коммунистическом рае» ребят, таких вот, как в моем дворовом окружении, чтобы было наоборот.

Совдеповские порядки не давали шанса честным и амбициозным молодым людям с достоинством, не приспособленным, как говорили в те времена, выбиться в люди. На деле же это самое «выбиться» означало одно: слиться с толпой обывателей – разного рода подхалимов-карьеристов либо тупоголовых заводских работяг.

Такие вот, как мои ребята, всегда были осуждаемы советским обществом, начиная с учителей в школе и дворовых сплетников и заканчивая стражами порядка – ментами, которые мечтали засадить их за решетку, как считалось в Совдепии, на перевоспитание.

– Двоих и сразу?! Это как? – с неподдельным интересом спросили кореша, наострили уши и притихли, ожидая от меня, как и до Армии, очередную бредятину про «то самое». И конечно, не ошиблись. А заодно и похоронили в себе все возможные вопросы о моей службе.

– Представляете, – томно закатив глаза, с загадочной полуулыбкой на лице начал я развлекать друзей похабной сказкой.

– Только зашел в вагон и билет предъявил, как смазливая проводница подмигнула и намекнула, чтобы я, когда устроюсь на своем месте в вагоне, зашел к ней и подруге-напарнице в рабочее купе, которое на входе в вагон.

Мол, поздравить хотят с дембелем, и бутылка есть...

– И что? Что дальше? – смешно в один голос закричали пацаны в ответ на мою театральную паузу в похабной сказке.

– А кто ж откажется?! Ну вы ж меня знаете... Еле вечера дождался... В моем купе, пацаны, такая вонь была, кстати, что, даже если бы импотентом был, все равно бы к девчонкам сбежал! Мухи на лету дохли, когда крестьяне сапоги перед сном поснимали... Ужас! Ну я и убежал, конечно... Выпили одну, вторую, и такое началось...

– Какое? Какое? Что началось? Что было?

– Завтра подробно расскажу...

– Нет, сегодня!

– Нет, завтра, – наотрез отказался я продолжать похабно-проводницкую тему, потому как никак не мог сложить в голове смешное продолжение. Однако, чтобы не вызывать бурных протестов «со стороны общественности», переключился на другую глупость, скорчил морду выдавшего виды трахальщика и с серьезным видом произнес:

– Совет даю,
пацаны! Все
наострили уши...

Выдержав победную паузу, я произнес очередную дурь, которая по пьянке воспринималась моими друзьями чуть ли не за мудрость:

– Никогда в жизни «не седлайте» вагоновожатых! «Царские подарки» обеспечены! Вы что думаете? Откуда триперок явился? А пауки-мандавошки в придачу? В точку! Еще и мандавошки в придачу!

– Так они тебя еще и мандавошками наградили, сволочи?! – на полном серьезе энергично возмутились пацаны, как будто это громадное горе случилось с ними самими.

– Ну не от духа же святого они мою мошонку заселили? – в тон им ответил я и добавил: – Ох и твари! Черные, жирные и кусачие, бл-дь! Будь они прокляты! Непростые попались. Зверской какой-то породы! За ночь они мне так яйца искусали, что я уж думал, не дойду до врача. Такая чесотка!
Утром

просыпаюсь, смотрю, а они из трусов выползают... Страшные! На пауков, кстати, смахивают...

Что делать?! Вот и вспомнил сразу, что где-то слышал, будто они от керосина, падлы,дохнут. Хорошо, что у бабок-соседок всегда припасы его были на кухне, чтоб окна мыть... Вот и натер я им хорошенько мошонку и вышел прогуляться, чтобы наверняка тварей заморить.

Прошел метров сто от дома – и вдруг!.. Такая боль! Е-мое! Жжет, как будто мои бедные яйца черти на сковородке жарят! Я бегом домой... А бабки, как назло, забаррикадировались в ванной, моются старые бляди, стирают трусы свои рваные да чулки чесучовые.

Хорошо, хоть двери заперли. Если бы ворвался и голыми старух увидел, уже бы в гроб заколачивали. Вы же их видели? Они пострашнее тех мандавошек!

Ребята завелись по полной. Радостный смех заполонил вокруг нас все пространство!

– Ну, думаю, – продолжил я рассказ, – вот мне и п-дец пришел! Я на кухню, сел голой задницей на умывальник, намылился бабкиным хозяйственным мылом и полчаса ж-пу отмокал. Если б старухи увидели, они бы за сто метров к этому умывальнику больше не подошли!

Пацаны ржали как кони!

– Покажи мандавошку, Боб. В жизни не видел, – крикнул кто-то.

– Сам ты мандавошка! На себя и посмотри! И я смешно сделал вид, что, мол, обиделся.

– Вот перед тем, как во двор выйти, заглянул в трусы, – продолжал я свой придурочный рассказ, – а у меня все яелы синие. Показать?

– А яйца не отвалятся? – попытался развить дальше познавательную тему Артур. И тут же выдал бородатый анекдот: «У какой птички черные яички? – спрашивает учитель у Вовочки. Тот: «У негра». – «Садись! Два!» – «Конечно, два, а не четыре».

Ржач продолжился! И все уже были в таком состоянии, что, покажи им палец, будут хохотать до упаду. Вот же дурачье...

– Не отвалятся, дружище! Они у меня железные. Хочешь потрогать? А заодно и паучков, что кусали, покажу...

И я в шутку двинулся к другу, выпячивая «добро». Тот вскочил со скамейки и слегка отбежал в сторону. И снова гомерический смех ребят! Боже, как же я любил, когда умел их рассмешить. И знаете, такого смеха я ведь больше никогда в жизни не слышал. Мы как бы вводили друг друга в смехотворный транс, да такой, что можно было в буквальном смысле обмочиться...

Фантазии о преступном. «Каптерщик» – это звучит гордо!

В Армии я множество раз моделировал свое первое преступление. Сначала от нечего делать перед сном в казарме, а чуть позже – на полном

серьезе. Особенно, когда стал каптерщиком, в малюсенькой комнатухе-каптерке, где я мог надолго оставаться сам с собою в тишине, со своими мыслями, на маленьком островке посреди белого озера чистого белья, солдатских кальсон и портянок.

Должность каптерщика и соответствующее ей звание ефрейтора выбила мне рекомендация доброго главврача дурдома Нины Ивановны, куда я попал через полгода службы, порезав себе вены, протестуя против издевательств, которые испытывал ежечасно от крестьян-стариков и злобных тупоголовых прапорщиков. Я действительно был тогда не в себе: сказались бессонные ночи, жестокие унижения и избиения и, конечно же, раннее пьянство...

Тут же наехали дознаватели из военной прокуратуры. Ну и, как положено, началось расследование: что, да как, да почему я такое сделал? Всем им надо было срочно решить и доложить наверх, что со мной делать: отправить в штрафбат за членовредительство или на дембель с «волчьим билетом» как психа?!

Ну и третий вариант, что бывало очень и очень редко: привлечь к ответственности тех, кто довел меня до самоубийства. А почему редко? Да потому что тогда пришлось бы возбуждать сотни тысяч подобных уголовных дел по всему Союзу! Вольнолюбивых пацанов выявляли именно через систему издевательств, которая всем наверху была отлично известна. Крестьяне же чувствовали себя в Армии лучше, чем дома. И все как один мечтали попасть в прапорщики, то есть остаться там на всю жизнь. А что? Пахать как рабу с раннего утра не надо, и зарплата ого-ого, не колхозные гроши!

Система на уровне коммунистической идеологии требовала превращения молодежи, особенно таких вот, как я, имеющих достоинство, а значит, потенциальных врагов народа в послушных рабов. Мало Армии? Штрафбат добавит!

И все же, чтобы соблюсти перед начальством правила объективного следствия, меня поместили в тюремный сумасшедший дом на экспертизу, которая обычно подыгрывала системе. Оттуда шли в тюрьму или в «вечные психи», что еще хуже!

Но... Случилось чудо! Лечить меня взялась сама директриса: очень строгая с подчиненными пожилая женщина, опытный психиатр, которая чудеснейшим образом по непонятной мне сразу причине искренне прониклась к моей беде, словно к горю родного сына.

Иначе не видать бы мне свободы года три минимум. Потому как штрафбат ничем от обычной кичи³ не отличался. Разве что более строгими порядками.

Позже профессор-врач сама рассказала мне о причине ее ко мне расположения... Оказывается, я, как две капли воды, был похож на ее сына, моего ровесника, которого она только-только похоронила. Проклятущий рак навек разлучил ее с любимым чадом, который был всем смыслом ее жизни, потому как мужа у моей спасительницы не было! А тут я перед ее глазами как

³ Кича – тюрьма, СИЗО.

с неба спустился... Вот она и переключила всю свою материнскую страсть и заботу на мою персону... В общем, святая для меня оказалась женщина!

Каждый день она проводила со мной беседы, и, надо же, я, как ребенок, все ей рассказывал. Все-все... Даже то, в чем себе старался не признаваться... Что очень тоскую по прежней жизни и веду дневник, в котором признаюсь в любви школьной девчонке, а также пишу ей романтические стихи...

Нина Ивановна часами внимательно выслушивала мои бредни, искренне сопереживала, но в конце заключила, что все мои душевные страдания вызваны психическими травмами, нанесенными мне в детстве непониманием меня со стороны матери, но особенно алкоголем!

– Не начнешь лечиться – будет намного хуже. Сам себя убьешь и не так, как сейчас, понарошку...

И она загадочно улыбнулась, чтобы дать мне понять, что она думает о самоубийстве на самом деле. Это криминальное членовредительство...

– Нет-нет, Нина Ивановна, я не обманывал...

– Ну нет так нет. Но кончится «да», и обязательно! Помни это!

– И что же делать?

– Убивать не себя, а тот образ жизни, который ты вел до Армии.

Я задумался... А вечером, перед тем как заснуть, закрыл глаза и ярко воспроизвел в памяти картину своей прошлой разбитной жизни: любимый двор, мои дружбаны, гитары, водка, пьяные девчонки, драки с пацанами из других районов – врагами, которые, если хорошенько вдуматься, на самом деле ничего плохого ни мне, ни моим друзьям никогда не сделали.

«Господи, – подумалось, – да я же последние три года никогда и трезвым- то не был. С утра стакан принимал, и становилось хорошо... И так аж до вечера: от бутылки к бутылке, от одной пьяной компании к другой... Пустые разговоры «уважаешь – не уважаешь», дурацкие анекдоты... А зачем? Почему? Есть ли другая жизнь?»

На следующий сеанс я пришел к Нине Ивановне погрузневшим...

– О чем задумался? Только честно, сынок!

– Да так, кое-что вспомнил... И хочу спросить, а чем же мне тогда заняться? Ведь ничего другого, кроме закадычных друзей, я не имею.

– А они тебе настоящие друзья?

– Настоящие! Знаете какие?!

Но врач сразу оборвала мой чуть было не начавшийся эмоциональный рассказ о многочисленных достоинствах моих дружбанов...

– А много раз они тебя в Армии навещали? Письмо кто-нибудь написал?

«Вот так поворот разговора!!! – подумалось. – Ведь мне и в голову раньше такое не приходило, что, если друзья настоящие, они просто обязаны были... Получается, что не друзья, – резко отозвалось в голове. – Просто собутыльники. Как же я раньше об этом не догадывался? Господи, как же так? Видимо, я действительно ненормальный, раз за полгода службы ни разу о таких простых и важных вещах не подумал. Ведь за любого из ребят, кого

считал другом, я часто жизнью в драках рисковал. И не понарошку! Почему же они?...»

– Они не друзья тебе, Боря. Просто ты из детства из-за водки так и не вышел. Это ты их друзьями считаешь. Пьяницы не способны на дружбу. Их настоящий друг – бутылка.

– А что же мне делать? – как будто хватаясь за соломинку, почти шепотом, задумчиво произнес я. И звучало это в моей душе как «Помогите, спасите, тону, погибаю!».

– Может, мне в другой город уехать, когда отслужу?

– Там такие же друзья будут, сынок. Ты их везде найдешь, или они тебя. Во всей стране таких друзей полно. Тебе надо поставить перед собой важный вопрос: кто ты есть и кем хочешь стать в трезвой, новой для тебя жизни? Подумай хорошенько об этом, а потом и посоветуемся. А пока что попытайся уже в Армии жить по распорядку и думать о будущем. Понятно?

– Да... – и тут же вслух подумал: – А как? Меня же там... Но Нина Ивановна уже читала мои мысли.

– Я подольше подержу тебя у себя и помогу тебе вернуться в часть так, чтобы от тебя отстали. Отстали навсегда! – еще и еще раз повторила моя спасительница, а ее лицо при этом из доброго и участливого превратилось в начальственно-безапелляционное!

Сказала и сделала! Нина Ивановна написала какое-то грозное письмо моему солдафону-полковнику. Мол, тюрьма по тебе плачет, если мой пациент, так она меня назвала, что-то с собой сделает. И сослалась в том письме на выдержку из Уголовного кодекса из раздела «Воинские преступления»! Так вот!

Конечно же, она и дальше проводила со мной сеансы терапии, которые скорее были похожи не на лечение, а на нравоучения – напутствия строгой, но очень любящей матери, которые она дает взрослому сыну.

Аж до конца армейской службы Нина Ивановна вызывала меня к себе, якобы на профилактику и «любила» – лечила душой и словами. А на прощание, когда плацкартный билет до Киева уже «прожигал нетерпением» ткань моего парадного армейского кителя, сказала:

– Я всегда буду ждать твоего звонка, Боря, и, главное, писем. Это и есть лучшее лечение для тебя, а для меня, поверь, большущая радость! Если долго не позвонишь или не напишешь, начну тебя хоронить! А вторых похорон могу и не пережить, – как бы в шутку, но с глубокой грустью произнесла она. – Так что всегда помни об этом!

Сразу, как только я взял билет на поезд домой, я пришел попрощаться... Все мои мысли тогда были только об одном – как можно быстрее покинуть проклятую воинскую часть и окунуться в прежний радостный мир! Добрая женщина, конечно, чувствовала это, поэтому, обнимая меня, заплакала... И мне стало так стыдно, что я стал что-то бормотать о том, как сильно буду скучать по ней и т.п. Но слова подлым образом звучали лживо. Не шли из души... Тогда Нина Ивановна трогательно прикрыла мне рот рукой, по-

матерински прижала меня к груди и поцеловала в лоб так, как, наверное, целовала всегда перед расставанием своего любимого сына... И этот поцелуй, как дорожный светофор, еще долгие годы загорался в моей душе то любовью, то предостережением от опасностей.

«Новая мама-врач» хорошо знала свое дело и так запугала трусливого садиста-солдафона, что он лично встречал из больницы меня на КПП части. Сразу забрал меня в свой кабинет и, не давая промолвить и слова, унижительно объяснялся, мол, как ему жаль... Уж как жаль! Ведь он, оказывается, ничего не знал о том, как я хорошо служил до попадания в больницу и как безжалостно издевались надо мной «старики»-сержанты, когда незаслуженно отправляли в бесконечные наряды, коллективно избивали, оскорбляли, сутками не давали спать и всячески измывались, унижая мое человеческое достоинство, как будто оно что-то для него значило и не он сам был зачинщиком всех безобразий, которые творились в его части!

– Устроим проверку! – громко топал он начищенными до зеркального блеска сапогами. – Всех накажу! И по полной... Никому, бл-дь, мало не покажется! – грозно кричал он, заглядывая поочередно в глаза то мне, то Владимиру Ильичу Ленину на висевшем позади его рабочего стола большом портрете вождя мировой революции.

По ходу этого театрального выступления полковник так вошел в раж, что стал вышагивать по просторному кабинету строевым шагом, все выше поднимая и выпрямляя ногу, точно на параде войск перед Кремлем. И я тут же поймал себя на весьма занятной мысли о том, что если незаметно открыть дверь и чуток подправить движение сапог в сторону выхода из здания штаба, то «святой» полковник выйдет напрямиком на плац, торжественно поднесет ладонь к голове и отдаст честь Самому Всевышнему!

Уж и не помню, сколько времени продолжался этот омерзительно-унижительный спектакль одного актера, но вскоре мой пришибленный вид убедил полковника, что все в порядке: я убежден в правдивости его слов и нахожусь полностью под контролем главврача, которая обещала ему помилование при условии повышения меня в звании. А раз так, значит, чтобы избежать начальственной комиссии и тюремного наказания, ему всего только и надо, что выполнить пожелания грозной начальницы дурдома Нины Ивановны – торжественно объявить мне самый важный для моего выживания в части приказ о назначении «главным по солдатскому белью и портянкам», то есть каптерщиком, и повысить в звании аж до ефрейтора с освобождением от строевых занятий и полевых стрельбищ.

Все солдаты батальона завидовали мне тогда лютой завистью. И все ломали свои тупые головы: за что же именно мне такая честь? Никто, конечно же, не мог знать истинную причину щедрости садиста-полковника. А она была стара как мир: животный страх попасть в тюрьму за издевательства над солдатами части и доведения лично меня до самоубийства.

Помнится, когда сослуживцы-«старики» увидели утром на моих погонах желтую ленточку ефрейтора, то пытались испортить мой триумф злобной

солдатской поговоркой: «Лучше иметь дочь-проститутку, чем сына-ефрейтора!».

Ах, как же они смеялись вслух и рыдали в душе от зависти!

А уж как я веселился от их страданий, потому что зависть была написана у каждого из них на лбу громадными буквами!

Триумф! Ведь все хорошо знали, что на самом деле должность каптерщика была действительно сверхкозырной, поскольку освобождала от рабской повинности днями напролет маршировать по плацу, ползать по шее в грязи на полигонах и стрельбищах или бегать ночами, задыхаясь от противогаза на морде, возиться с солдатским говном в сортирах и т.п.!..

Почти по Шекспиру: «Убить – не убить?»

Вот в чем главный вопрос»

И вот я, наконец, в своей крепости – маленькой каптерке, за толстыми деревянными дверями, среди свежего, «вкусно» пахнувшего покоем белья... Здесь, как в крепости, я полностью защищен от воинских издевательств и общения с колхозным быдлом. Как же это здорово! Ощущение, как будто вокруг меня безжалостная война, а я в надежном блиндаже. Выйдешь – убьют. Но ведь никто не гонит...

Именно в каптерке меня стали посещать мысли о преступном обогащении. Думал о разном, но в буйную голову ничего другого не приходило, как только отнимать деньги силой. Но только деньги – не жизни.

Это было началом моих фантазий... И чем больше я думал о преступном обогащении, чем красивее и слаще всплывали картинки, как лихо я трачу деньги, тем больше возникало и вопросов. Хочу ли я именно этого? Это ли та цель, к которой нужно стремиться?! Временами я видел себя в новых классных

«жигулях», красивой одежде, с дорогими аксессуарами на дорогих курортах в интуристовских гостиницах. Но как только думал об окружении – с кем проводить время, дружить, в кого влюбляться, – картинки блекли и пропадали одна за другой... Ведь у меня не было опыта роскошной жизни в Союзе. Не было ни богатых друзей, ни дорогих любовниц. Максимум представлений о роскоши для меня в то время – это американские джинсы и куртка, болгарская дубленка да японские часы «Сейко». Ну и машина «Жигули», конечно! Белая и новая, точь-в-точь как у Олима.

На время я растерялся и полностью потерялся в фантазиях. Но потом решил, что нет никакого смысла рассуждать о том, о чем я не имею никакого представления. На примере жизни Олима было совершенно очевидно, что желанный мир преступной шикарной жизни существует реально! А чтобы его глубоко понять и знать, что делать дальше, нужно сначала туда попасть и в нем самоутвердиться!

Первое, что пришло тогда в голову, – нападение на кассу большого магазина.

Я представил себе, как «невинно» захожу с упрятанным в сумке обрезом из ружья Эдика в большущий продмагазин, выбираю одну из касс и «дежурно» подхожу якобы за чеком... Дожидаюсь, пока рядом не будет покупателей, оборачиваюсь к кассе спиной, быстро надеваю на себя маску, решительно выхватываю грозное оружие, больно тыкаю им в башку жирной тетки-кассира и с убедительным криком «Убью, сука, или давай все деньги!» требую вывалить в мою сумку всю наличку.

Фантазирую дальше... Но вот что получается...

Тетка в ответ орет благим матом «Ка-ра-ул!» или, потеряв от страха сознание, всеми своими 100 килограммами с грохотом падает на пол вместе со стулом...

Весь народ в магазине чрезвычайно тревожится... Он не понимает, что случилось, и, не чуя смертельной опасности, со всех ног бежит на шум, как гончие псы на запах зайца. Но, увидев меня в маске и с оружием, резко тормозит... Толпа, которая сзади, давит на впередистоящих! Начинается страшная паника, раздаются громкие истошные крики детей и женщин, а чуть позже, естественно, появляется и советская милиция...

Понятно, что надо быстро смыться! Но как? Прорваться через обезумевшую толпу невозможно! Какой же сценарий спланировать заранее? И с ужасом понимаю, что его нет! И планировать уже ничего невозможно... Полнейший хаос в магазине даже представить себе невозможно никаким даже самым заумным планом! Все становится абсолютно непредсказуемо и таит в себе нечто страшное!

Чтобы толпа легла на пол, надо стрелять. Но в кого? В бабу, которая сидит на кассе? В продавцов, которые рядом? В людей? В ментов? В витрину? В потолок?

Но у меня ведь всего только два заряда. Быстро перезарядить охотничье ружье можно разве что только в кино. Да и одного выстрела, чтобы толпа дала мне проход, явно недостаточно! Значит, все-таки убивать?! О горе! Я ведь и дворнягу никогда в жизни бы не пристрелил, если бы она вместо кассирши деньги сторожила, не то что живого человека.

А ведь есть еще и главнейший фактор, который поначалу я не поместил в сценарий нападений, – моя совесть... И она, если поступлю вопреки ее неписанным правилам и стану виновником страданий посторонних людей, меня заживо похоронит, замучит! Справедливость, которая живет внутри меня, помнит каждую мелочь, абсолютно все, что я сделал когда-либо не по ее законам. А позже вгрызается в мою плоть ядовитыми зубами и ежедневно, если не ежечасно, добивает осознанием, что я негодяй, подлец, сволочь, жизнь с которым для нее несовместима. Это конец!

Вспомнилось тут же, что где-то читал о том, что у некоторых людей нет совести. Еще раз подумал... Нет, это не мой вариант. Я ведь и раньше, бывало, пытался выгонять ее из моей души, и никогда не получалось.

В голове стала прокручиваться мысль: если я пойду войной на кассы, это ж сколько нужно убить людей, чтобы разбогатеть: 100, 200, 300... 1000

человек? Но что же это за мечта – убивать невинных? Ну нет! На такое способен разве что маньяк... А я ведь хороший парень... Разве забыли? И никто не вправе даже думать обо мне по-другому!

«Надо же, – пробежала мысль, – а поначалу казалось, что все так просто».

Тогда я решил, что грабить большой магазин, где много касс, а деньги рассредоточены по разным точкам, глупо. Денег мало, а опасность попасться на горячем громадная! Значит, остаются маленькие торговые точки... Но в них нет денег. Кроме... ювелирных магазинов. Там и людей мало, и денег много. Вот и разбогатею...

Нарисовалась картина...

Вечер, 18:40. Двадцать минут до закрытия магазина... Я захожу в ювелирку с той самой сумкой, что и в первом случае.

Тихонько хожу по магазину, переходя от одного застекленного прилавка к другому, вроде как разглядывая изделия из серебра и золота, а сам хитро дожидаясь, пока выйдут все покупатели и меня самого начнут грубо выгонять вслед за остальными.

В советские времена торгаши потребителей за людей не считали, а когда приходило время закрытия, орали на надоедливых посетителей благим матом, чуть ли не «Пошел вон!».

И вот наконец тот самый момент, когда меня начинают гнать в шею. В ответ я демонстративно выхватываю обрез, наставляю его зияющее смертью дуло поочередно на каждого торговца и, пока они в панике, забираю все деньги, а заодно и самые значительные ценности: просто сгребая их с витрин, предварительно разбив стекла прилавков, прикладом обреза.

Ура! Получилось! У меня в сумке много денег и золотых украшений! Но... неувязочка с маской. Ведь в ней я в магазин не зайду. А значит, и надевать ее потом уже бессмысленно... Мои лицо, фигуру, цвет глаз, волос и многие другие черты внешности хорошо запомнят. Со страху мой образ запечатлится в голове пострадавших, как красочный портрет какой-нибудь знаменитости с обложки цветного журнала. А значит, вскоре появится и мой фоторобот. А самому надо срочно бежать из Киева, потому что на улице и в любой государственной конторе могут узнать люди.

Но куда бежать? Где то место в громадной полицейской стране, распложенной на одной шестой части суши планеты, где меня гостеприимно примут и спрячут? Нет такого... Разве что только где-либо на дрейфующей льдине посреди Ледовитого океана в обнимку с белыми медведями. Вот и конец бандитской карьеры и начало ожидания ужасов тюрьмы.

Страх перед неизбежным наказанием делает мою жизнь постоянным кошмаром, и хуже него, как я знаю, ничего в жизни не бывает, потому что он мучает не тело, а рвет на части душу человека – всю-всю, превращая гордого человека в запуганное животное.

Вот так перспективы обогатиться! И врагу не пожелаешь!

Слабо ограбить банк?

Тогда я принялся отрабатывать более сложную схему... Вспомнил одного своего знакомого, который недолгое время работал инкассатором в банке, а когда вдрызг напивался, хвастался на весь двор, какие громадные деньжищи возил... От него и узнал, что его машина с такими же, как он, пьяндыгами – одним-двумя мужиками-охранниками и водителем, вооруженными ТТ, ездила целый день по городу, собирая деньги из магазинов. И последняя торговая точка была искомым и самым жирным местом для ограбления, потому как подводила итог дня.

Я сел за план... Например, попрошу дворового пьяницу познакомить с самыми отчаянными охранниками и...

Нет-нет... Если поговорю с пьяницей, через день минимум весь двор с участковым во главе на уши встанет.

Лучше самостоятельно пойду в банк и устроюсь охранником. Там всегда нехватка кадров: зарплата мизерная и работа для бездельников.

Немного поразмышлял, и появились первые наброски плана:

– Завожу дружбу с корешами-коллегами, и за кружкой пива или стаканом вина они выбалтывают мне всю интересующую информацию.

– Узнаю самые богатые маршруты.

– Отбираю себе визуально в подельники самых горячих и очень осторожно пробиваю их в разговорах на дело.

– Договариваюсь с избранными: кто, когда и что делает в момент мнимого вооруженного налета. Как вариант, предлагаю охранникам заранее связать друг друга веревками. А последнего – я сам.

– Забираю деньги.

– Убегаю.

– Честно делю награбленное. Ну и по мелочи... Классно! Все вроде как сходится...

Но когда стал размышлять о том, что будет дальше, в частности, как будет проходить расследование, то понял, как по-детски наивны и даже смешны эти планы.

Первые же сведения о якобы потерпевших по их месту жительства и работы покажут реальный моральный облик горе-охранников: пьяницы и дебоширы. А значит, в милиции им уже никто не верит.

Начнут копать дальше и рыться на допросах в деталях, и уже очень скоро бедолаги пишут явки с повинной и чистосердечные признания, которые, как известно в серьезных воровских кругах, уменьшают наказание, но значительно увеличивают срок пребывания за решеткой!

Не нужно иметь даже малейший следственный опыт, чтобы задать вопросы, которые поставят подозреваемых в тупик. Вот, к примеру, только малая часть из тех, что сразу приходят на ум... Хотя понятно, что предвидеть, какие именно и сколько будет таких вопросов, невозможно. А главное, сколько не учи, пропитые мозги корешей-подельников не запомнят даже малую часть тех заумных инструкций, которые я предварительно подготовлю

и буду вдалбливать в их тупые от рождения и пропитые головы. Ведь для таких главное – деньги, а там... будь что будет!

В разных следственных комнатах потерпевших от нападения будут спрашивать:

– Сколько нападавших было?

– Кто и чем был вооружен?

– Как выглядели маски и были ли они у всех бандитов одинаковыми или разными?

– Кто из бандитов взял мешки с деньгами?

– Кто из пострадавших передал и кому из бандитов какой мешок? Или грабители сами хватали их как попало?

– Какой из мешков утащили первым?

– Что каждый из бандитов при этом говорил?

– Что и кто из пострадавших говорил во время ограбления и после...

– Кто вызывал доблестную милицию?

– Какого были роста бандиты, в чем одеты и какие у них морды?

– Кто из троих отрыл дверь машины и почему он это сделал?

– Кто из них пытался сопротивляться?

– Какие слова произнес грабитель перед тем, как ему открыли дверь, и что повлияло на такое опасное решение?

– Кем принималось решение открыть дверцу? Всеми троими или кем-то одним?

Несовпадения деталей в описании того, что же случилось, когда произошло преступление, сразу открывает путь следователю к задержанию подельников. А в тюрьме они все заговорят и расскажут даже то, чего и знать не могли... Это Закон!

Ну а дальше? Тут уж совсем все плохо! Это не какой-то там магазин, а целый банк, и не простое дело, а дело государственного значения! И вот меня уже разыскивают лучшие опера страны, и не просто как бандита, а как «опаснейшего организатора ограбления банка!» Объявляется тотальный всесоюзный розыск, и не попасться, если есть фото, да еще в тоталитарной стране, в которой завербована в стукачи половина населения, не удавалось еще никогда и никому! Ужас!

Как же так случилось? Вроде и проблем не предвиделось, кроме как деньги по чесноку поделить...

И пришла она – величайшая из истин, которая посетила меня в маленькой армейской каптерке: чтобы стать неуловимым преступником, надо стремиться не к деньгам, которые вождь рисует воображение, а только к тому, как не попасть в тюрьму или не быть убитым в перестрелках и погонях.

Учет всех возможных рисков – вот с чего должен начинаться любой мой новый план преступных действий. И для этого не нужны, как многие думают, грубая физическая сила и оружие, а только острый природный ум. Он единственный способен решить успех дела. Все остальное вторично, если вообще имеет хоть какое-то значение...

А еще понял, что ни в коем случае нельзя полагаться на удачу. Фарт может сопутствовать преступнику один, два раза, даже три раза... Но «сколько веревочке ни виться, а конец будет». А значит, цена расхожей среди народа мудрости «Кто не рискует, тот не пьет шампанского» ничтожна! Риск – для неудачников и дураков, мудро решил я. А неудача? Что ж... Она всегда рядом. Все и с любым может случиться. Никто не застрахован от случайностей. И чудеса случаются! Но это чудеса... Они от Бога. При чем тут воровские дела? Поэтому вопрос подготовки и трезвого учета всех рисков – главный!

Так что изречение о риске и шампанском приемлемо разве что для игроков в казино да банальных уркаганов⁴. Все они заранее обречены: кто на тюрьму, кто на банкротство, а кто и на саму смерть!

Наука, как остаться непойманным

Вот тут-то и произошел перелом в моих фантазиях. Нет-нет. Я не перестал, конечно же, рисовать воздушные замки красивой, праздничной жизни с деньгами. Все крупные преступления, а сегодня бизнес, конечно же, начинаются с этого. Такова истинная природа человека – начинать любые серьезные изменения в жизни с позитивных представлений о последствиях, к которым они приведут.

Но не советую никому увлечься этим процессом настолько, чтобы дать шанс лукавому завлечь разум одной только корыстью. Такой ход мысли не конструктивен и рано или поздно, но обязательно принесет за собой горькое разочарование и море проблем! Да таких, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Итог сказанному – ужас!

Но разве возможно человеку все предусмотреть, учесть абсолютно все, что называется, случайности? Как говорят в народе, «когда вдруг кирпич на голову упадет»? Разве бывают, например, преступления без следов? Ведь что-то, но обязательно останется. И это рано или поздно найдут. А найдут – произойдет непоправимое...

Мучительные поиски выхода из, казалось бы, неразрешимой проблемы очень долго не давали покоя. Я загрустил. Чуть позже начались ночные кошмары. И вот-вот оно – снова безумие. Мысль о том, чтобы вырваться из плена представлений о тотальном поражении, как острый нож, застряла в моей несчастной голове и не давала покоя ни на минуту. Как так? Перестать мечтать?! Сменить тему? Но как это возможно, если зашел так далеко в прекрасный мир свободы? Это все равно что подошел к пещере, в которой разбойники прячут все главные сокровища мира и... стоп! Вдруг озарило: «Не переступай порог, дальше смерть!» Сразу появятся кровожадные бандиты, найдут по следам и растерзают в клочья.

И наверно, безумие, о котором множество раз мне говорила добрейшая Нина Ивановна, было уже близко, если бы проблема не разрешилась в моем пытливом уме сама собой. Это произошло, как и бывало со мной ранее, ночью.

⁴ Уркаганы – преступники, уголовники.

Мне ничего не снилось, но, когда я поднялся утром, передо мной уже ясно открылся тот самый единственно верный путь, по которому и надо было следовать, чтобы преодолеть любые проблемы на пути к свободе и богатству одновременно. Я осознал, где найти ответ на все мудреные вопросы, которые так мучают мое сознание. Он был явный и однозначный, и у него есть всем известное имя – «Криминалистика» – наука, которая учит всем тайнам следствия, а значит, способна научить и противоположному, как эффективно противодействовать следственной машине. Вот только где взять эту мудреную литературу простому солдатику?!

Секс на прокурорском столе

Помог случай...

Во время очередной воскресной увольнительной я как-то познакомился с приятной 35-летней женщиной по имени Светлана.

Дело было поздним летом в центральном парке Н-ского города. Хорошая погода, ранний теплый вечер, старинная кленовая аллея, благоухающие яркие цветочные клумбы, целующиеся пары на лавочках, толпы прогуливающихся горожан, слегка хрипящая, но спокойная музыка из уродливых, похожих на большие ведра из-под воды, громкоговорителей на столбах... Все располагало к радостному покою, новым знакомствам и пустой болтовне.

Молодых девчонок в Армии я всячески избегал. С ними все сложно. Красивые девственницы по совету суровой маман берегут невинность до первой брачной ночи и обычно фригидны или настолько увлечены мастурбацией, что естественный секс их волнует мало. А те молоденькие, кто уже испробовал запретное, вместо сладких прелюдий к сексу много дней подряд тяжело грузят нового ухажера длинной историей о том, как она, бедная, неосмотрительно полюбила негодяя, как он обещал... и бросил. И что ты у нее можешь стать вторым, если возьмешь на себя почетную обязанность после этого жениться...

Именно по этой банальной причине я и искал в парке только женщин, старше себя, зрелых, понятливых, без идей срочно на них жениться...

Такой с виду и была приветливая Светлана... Я присел рядом с ней на лавочку и затеял дежурный дурацкий разговор ни о чем, чтобы защитить жертву...

Внешне она выглядела очень средне, но с голодухи все женщины были для меня почти одинаково красивы и сексуальны. К тому же я быстро прочел в ее взгляде явные знаки взаимности и то, что она не прочь ближе познакомиться с солдатиком, хотя и маленько стесняется.

В тот вечер я попал точно в цель. Нет-нет, не в ту, которая сразу приходит на ум тому, кто имеет горячее воображение. Дело было в другом. Намного более важном! Но все по порядку...

Когда чуть стемнело, мы крепко поцеловались в засос, и я ощутил, как пробивает дрожью все ее тело от желания слиться с моим. Начались страстные

шуры-муры. Сначала черт знает как возле скамейки под кустиками, а потом, когда стали раздражать интересующиеся любовным шорохом граждане, у нее на работе, куда я был любезно приглашен, успешно сдав в кустах первый тест. В конце любви мы оказались на большом дубовом столе начальника Светланы, как выяснилось позже, (о чудо!) прокурора Ленинского района города, где проходила моя служба, у которого она много лет верно служила секретаршей.

В перекурах после этого женщина в первый же день любовной экспансии прокурорского стола поведала мне грустную историю о несостоявшейся любви с престарелым прокурором, который еще девчонкой взял ее на работу, пообещав сделать следователем. Но, как это часто и бывает с любвеобильными стареющими начальниками, по мере естественного угасания либидо, обещаний от него становилось все меньше и меньше, а еще позже они и вовсе забылись, сдулись, как и перспективы девушки поступить на юриста и построить нормальную семью со старым законником. Она, бедная, так и осталась незамужней и никем не любимой, а ее девичья свежесть угасла, и она превратилась в одинокую малозаметную, но любвеобильную женщину, потому что единственному, чему ее действительно научил шаловливый прокурор, так это весьма познавательным сексуальным штучкам-дрючкам. Кстати, это и сегодня единственное богатство, которое оставляют на память стареющим брошенным любовницам важные чиновники или богатеи- олигархи.

Как правильно влезть в шкуру следователя

С переездом на стол, помимо удобств, меня ожидало главное радостное открытие – в просторном кабинете прокурора на книжных полках пылилось множество разнообразной криминалистической литературы: учебники по криминалистике и криминологии, монографии ученых на тему раскрытия разного рода опасных преступлений, пособия для следователей, а среди них выделялся красочными обложками журнал «Следственная практика», которому, в основном, я и был обязан глубокими познаниями из области, как правильно унести ноги с места преступления.

Такой себе толстенький журнальчик, в котором следователи, хвастались своими великими уловками – как обманули и в конце концов раскололи преступника. Хотя на самом-то деле ничего действительно заслуживающего внимания новоявленные Шерлоки Холмсы не демонстрировали. Печатались в основном по блату... Срабатывало знакомство с членами редакции. Так... Фабула дела, краткое описание случившегося и обычный набор следственных действий в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом. И очень редко действительно что-то увлекательное и познавательное.

Я зачастил к Свете. И хотя за умные книги приходилось рассчитываться любовью, для меня в то время это особой проблемы не составляло, а даже,

наоборот, было полезно физиологически, чтобы, как говорится, кровь не застоялась, и добавляло драйва.

Журнал этот был не секретный, только с грифом «для служебного пользования», что юридически означало: читай, кто хочет, но не кричи об этом на улице.

Он начал издаваться еще со времен Сталина и где-то до 90-х годов, но до сего дня не востребован и продолжает валяться где-нибудь в пыльных подвалах прокуратур. Абсолютно бесполезная для следователей макулатура. Но не для интересующихся посторонних... Особенно тех, у кого развито преступное воображение... Ого-го-го, сколько информации!

Можно было, например, чуть приоткрыть тайную завесу над шпионскими делами невинно осужденных за шпионаж граждан, абсурдными делами репрессивной эпохи, увидеть материалы ужасающей статистики краж народной собственности: десятки, если не сотни миллиардов рублей, которые свободно протекали сквозь дырявое сито контролирующих органов совдепа прямоком в карманы интересующих меня граждан.

Но была в этих журналах еще одна великая тайна, но исключительно для тех, кто имеет воображение и твердо решил стать неуловимым преступником. Например, в каждой статье подробно излагались планы расследования, которые сами следователи, к слову сказать, никогда не выполняли, но на ура рапортовали ими начальству. Это была как бы бюрократическая игра следователя с руководителем: возбудил дело – представь план расследования, а закончил – не забудь вынести постановление о его возбуждении. Хотя на самом-то деле, что там дальше мудрил следователь, прокричав плановое ура, никого уже не интересовало...

Что еще интересного я узнал из этого чтыва, так это то, что в народе чаще всего путают оперативных работников со следователями. И приписывают последним все то, интригующее обывателя, чем на самом деле следователи никогда не занимаются и даже не имеют четкого представления, как это делается...

Например, установление «жучков» и другой секретной аппаратуры в квартирах, автомашинах и на местах работы подозреваемых, подсаживание в камеры тюрем провокаторов, а в номера гостиниц завербованных проституток. Многие другое, о чем мы знаем из просмотра художественных фильмов на преступную тематику, делают вовсе не следователи, а так называемые оперативные работники – вездесущие опера, реальный статус которых – «строго засекреченные шпионы в собственной стране». Вот их только и надо бояться!

Это они круглосуточно следят за ничего не подозревающими гражданами, вербуют стукачей и владеют особо секретной информацией, за раскрытие которой несут суровую уголовную ответственность!

Доморощенные Джеймсы Бонды сутками напролет все вынюхивают и подслушивают. Это их уши и глаза всегда и везде, друзья... И нет страны в мире, где существуют иные правила.

Следоки же пользуются сведениями, добытыми незаконно шпионами-операми в очень ограниченном масштабе и даже без намека на то, как они получены. Эти сведения как слухи, как информационный туман: вот он был и нет его, развеялся... И следа не осталось... Ведь слухи не пришьешь к делу. Они не служат доказательством. Они не фиксируются ни на каких носителях и доносятся куда надо на словах, на листиках бумаги без подписи: мол такой-то негласно говорит то-то и делает вот то-то... И это «оно», как вывод опера, уж очень похоже на преступление...

Вот и думай теперь, прокурор: возбуждать дело или нет?

Но задумайся, читатель! Ведь ничего из того информационного тумана в бывшем СССР не пропало, а по-прежнему хранится на серверах МВД и КГБ, какие бы новые названия этим конторам сегодня не присваивались. А сколько там сенсационного?! Сколько работы операми проведено и какое количество фотографий и всего наглядного припрятано. Ведь почти миллион шпионов работали громадными группами, а стукачей и не счесть! И ведь годами пахали... А какие фантастические и не только версии выдвигались?! Величайшие сценарии будущих романов и кровавых драм, не нашедшие своего логического окончания в судах, бессмысленно пылятся в строго засекреченных анналах этих служб и таят в себе зловещие тайны. Эта информация в сегодняшние демократические времена – власть и деньги. И не думаю, что кто-то в ближайшие десятилетия этими тайнами публично поделится. Люди так устроены, что никогда добровольно не отдают то, что считают по праву своим.

В этих планах расследования меня интересовала исключительно логика поведения следователей, в частности, по делам о хищениях, а также о грабежах и убийствах. Когда и как, например, проводятся обыски, задержания, очные ставки и другие следственные действия. Какие вопросы обычно задают следователи по делам разных категорий...

Где же «затаились» советские миллионеры?

В следственном журнале я нашел и статистику скрытых, а по-научному, латентных, хищений в Союзе. И... ужаснулся масштабам! Например, в одной из аналитических статей утверждалось, что в строительстве и торговле на одно раскрываемое преступление приходилось 50–60 нераскрытых.

«Пиздь на заводе каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость!» Эту величайшую народную мудрость передавали из уст в уста все простые советские люди. И так и делали...

На производствах и в разной величины конторах воровалось абсолютно все: инструменты, болты, гайки, гвозди, шифер и еще тысячи тысяч наименований продукции и всякой всячины. А в конторах и проектных институтах даже бумага и копирка. Должности на заводах и продкомбинатах ценились не по высоте зарплаты, а по наименованию и дефициту продукции, которую можно было стырить. Например, на мясной либо ликеро-водочный

комбинат даже дворником устроиться было невозможно. Разве только по большому благу. Но и это всего только мелочи, баловство работяг, так сказать, рядовых строителей коммунизма... По-крупному воровали только их начальники, и начальники их начальников, и еще выше, аж до самого-самого верха!

В журнале четко обозначились герои сказочных обогащений. Всплыли на поверхность все мои потенциальные жертвы. Оставалось всего только проследить, где они могут прятать денежки... Ну и забрать, конечно.

Крупных воров-коммунистов было в те времена очень много и любой масти: директора разной всячины торговых баз, начальники управлений торговли от районного до министерского уровня и еще много-много других весьма интересных персонажей.

Они жирели на взятках, которые им давали все без исключения их подчиненные: директора магазинов, торговых баз и всевозможных контор.

Вариантов хищений была масса. У кого на что хватало фантазии. А значит, были и деньги. Много денег! А кто и как их крал – меня почти что не интересовало. Хотя... разве что удивляло, как быстро развивалась и совершенствовалась воровская мысль!

Напрашивался и еще один гениальный вывод: ведь ни пропить, ни прогулять такие громадные деньжищи было в советские времена никак невозможно... А значит, денежки ждали моего прихода!

Меня также очень заинтересовали материалы следствий по делам об убийствах. Но о них, к моему сожалению, писалось мало. Потому что только в детективных фильмах и романах они запутаны донельзя – так, что голова кругом! На самом же деле убийства, как оказалось, самые раскрываемые в мире преступления. И все потому, что совершаются почти в 90 процентах случаев на бытовой почве: муж жену или тещу, жена мужа или любовника, сосульки друг друга, сосед соседа... Зарубили, зарезали, избили до смерти, задушили, утопили, растворили в кислоте, заживо сожгли, отравили, расчленили труп, а иногда даже съели врага. Во как! Причем с какой ненавистью! Куда там садистам...

«Надо же, – подумалось, – такая лютая ненависть к еще недавно самому близкому и чаще всего любимому человеку». «Сила ненависти всегда равна былой силе любви» – вывел я уравнение. Чудеса диалектики, да и только!

Раскрываются все эти кошмары в течение не более трех суток. И только в десяти процентах, там, где в дело вступают маньяки, начинаются проблемы, а за решетку попадают чаще всего невинные граждане!

Убил, изнасиловал маньяк, к примеру, десять женщин или детей, но в разных областях или отдаленных друг от друга районах. Тут же сыщики находили ровно столько же убийц и всех, кто признавался, – к вышке! Да и как не признаться невинному, когда бедолагу-подозреваемого, к примеру, рецидивисты пару раз изнасиловывают в камере или избьют до полусмерти. И сознавались все-все, как миленькие... И доказательств других не надо... Вот

как славно работала советская система правосудия. Но об этом в том журнале не было ни словечка...

Но были, конечно, среди этого печатного хлама и весьма любопытные статейки! Мне, например, понравился один приемчик следователя, который я вычитал в журнале... Охота поделиться с пытливым читателем... Нашелся умник-следователь, который, чтобы установить видевших неуловимого маньяка свидетелей, почти месяц жил в палатке возле места, где произошло жестокое убийство и записывал в блокнот имена всех, кто в это время обычно шел на работу, выгуливал собаку, просто гулял и т.п. И надо же! Ведь нашел-таки граждан, которые именно в то время, в те минуты, даже не подозревая, что нарвались на опаснейшего преступника, проходили в это самое время и, конечно же, видели гада (кого-то странного) и даже смогли внятно описать его внешность.

А что? Как по мне, круто! Браво тому следоку! Ведь именно он и его статья заставили меня зарубить себе на носу, что никогда и ни при каких условиях нельзя идти на дело без маскировки. Кто-то, но обязательно увидит... И дел без свидетелей не существует в природе! Они всегда есть. А вот мозги и фантазия у тех, кто расследует дело, к счастью, для таких, как я, не всегда...

В журнале для следователей и даже в обычных учебниках по криминалистике недвусмысленно утверждалось: чем опасней преступление, чем большее наказание за него предусмотрено, тем больше скрытых преступлений, а многие не раскрываются никогда вовсе. Вот он – долгожданный аргумент в пользу того, что я должен и могу стать неуловимым! Ура!

**Побеждает не тот, у кого огромные мышцы,
а тот, у кого сильнее мотивация!**

Мучившие меня ранее размышления о неизбежной фатальности задуманного сразу развеялись, как только я на время преобразился в следователя и попытался думать и действовать, как он. А главное – сравнил его мотивацию с моей собственной.

И вот что получилось и полностью успокоило.

Следователь всего только обычный человек. И помимо моего дела у него всегда будет масса других забот. Каких?! На работе – новые и тоже важные дела, командировки, встречи с коллегами за бутылкой после трудового дня. А дома – жена, дети и вечная нехватка денег.

У серьезного преступника только одно-единственное дело. Дело всей его жизни. И других дел, пока оно не разрешится полностью, и быть не может. Для такого, как я, провал в деле – катастрофа, а для следока – «ну не вышло, что ж поделаешь». Начальство поймет. Бывает, и кулаком постучит, бывает редко, что на время разжалует, но ведь в тюрьму же на исправление или на расстрел не отправит.

Ну а раскрыл дело? Что с этого? Спасибо за хорошую работу от начальника? Почетная грамота? Мизерная денежная премия? И только в самом лучшем случае – очередная ступенька к повышению по службе?

Если сравнить с мотивацией умного преступника – практически ничто!

Выяснилось также, что у следователей в то время (не путать с нынешним, в котором нет ни правил, ни Законов: дела ведутся многие годы, и несчастные беззащитные люди томятся в камерах без суда, забытые следователями) не так уж и много времени на ведение дела, каких-то два-три месяца. И только иногда полгода-год. А потом? Потом все... О провальном уголовном деле постепенно забывают... И через месяц-два уже никто и не вспомнит. Ну разве кроме случаев, когда совершено убийство, и родственники засыпают всех и вся жалобами.

И кроме того, любой следак всего только человек, не «святой дух возмездия». Пусть он даже опытней преступника, умней и квалифицированнее преступника, но никогда не имеет возможности полностью сосредоточиться и весь отдать работе. Потому что это для него всего только работа: часто поднадоевшая и по сути вечная рутина. Энтузиазм и идейность постепенно уходят, а житейские проблемы и усталость от текучки, наоборот, все только возрастают.

А вот у умного преступника все-все по-другому!

Мотивация довести дело до конца, скрыть следы, совершенствоваться и становиться сильнее и подготовленнее в тысячу, в десять тысяч раз мощнее!

Времени на подготовку к новым преступлениям и сокрытие следов прошлых дел сколько угодно. Лишь бы не дать себе расслабиться и положиться на удачу. Ведь для него успех – это не грамота либо спасибо от начальника, а смысл всей его жизни! Свобода и деньги... В совокупности они бесценны. Любовь, дружбу, уважение среди себе подобных, конечно же, не купить. Но, если очень постараться, слегка подкупить все же возможно. И к сожалению, это правда жизни. В нищете не бывает счастья – ни семейного, ни какого-либо другого. Она медленно, но верно стирает все краски жизни, делает жизнь человека невыносимой!

Не оценить возможностей, которые предоставляют деньги, много денег, можно разве что людям, летающим в облаках, – гениям или почти что безумным. Они счастливы по-своему. А по-нашему, то есть по-обычному, по-человечески, безденежье и нищета ужасны для нормальных людей, унижительны и отвратительны... Настоящая трагедия!

У следователя только одно преимущество перед преступником – опыт. Хотя и это спорно... Потому что существует понятие профессиональной деградации и усталости. Да и опыт этот – вот он, весь в журнале. И лучший, кстати... Так что преимущества перед умным преступником практически нивелируются...

Какие аргументы остаются у коммунистической системы, чтобы удержать такого, как я, от преступных устремлений? Их нет! Кроме, пожалуй, только одного – призвать меня к совести. Ведь я (забыли, что ли?), ну, конечно

же, хороший парень! А хорошие не должны пугать обрезамии мирных советских граждан.

Но, как оказалось, и эту проблему решить возможно, если предложить моей чистой совести философию самих коммунистов – «грабь награбленное». И без лишних эмоций рассудить: является ли тяжким грехом запугивание опаснейших преступников, чтобы забрать у них часть наворованного?

«Ужасы» расхитителей

Проблема у всех без исключения крупных барыг в Совдепии возникала одна: куда тратить миллионы похищенного? Ну машину купить, ну антиквариат, ну дорогую мебель в квартирку... Да и то опасно! Соседи настучат, и проверки на работе начнутся... Дом тоже не построишь. Только дачку шесть на семь метров, да и то, не дай Бог, выше одного этажа... Нарушил – тут же жди участкового со штрафом, а то и экскаватор с комиссией из райисполкома, чтобы разрушить построенное.

Поэтому украденные у государства деньги барыги, как правило, собирали и хранили в рублях, валюте, золоте, брильянтах и украшениях из них.

Только некоторые шли в разгул, не выдерживали бедолаги! Любовниц заводили, одаривали их как могли да по ресторанам гуляли, а потом встречали и закаты, и рассветы за решеткой на жестких нарах. Потому как обязательно попадали в оперативные сводки да лапы шпионов-оперов. И откупиться, если ты уже наследил, было уже нереально. Все дружбаны, на кого рассчитывал ворюга, сразу же отворачивались и даже имя попавшегося на всякий пожарный из записных книжек удаляли. Чтобы и ни следа, что знаком был... Попал в тюрьму – молчи. Лет пять пройдет, и те, кого не сдал, на свободе за своего признают и даже пристроят вновь на хлебную работенку...

Поэтому абсолютное большинство барыг усиленно косили под верных строителей коммунизма: на собраниях часто выступали и гневно клеймили позором проклятый капитализм и его гнилую мораль!

Вот и получалось, если такого ограбить, он ведь и в органы-то с жалобой не пойдет и на коммунистическом собрании с заявлением, что у него миллион отняли, не выступит. Ему ведь тогда придется рассказать, откуда у него такая чертова уйма денег взялась. А значит, и риска для меня никакого...

Как «угговорить» хапугу расстаться с «лимоном»?

Вопрос непростой. Простого шантажа эти люди не боялись. Они абсолютно все в СССР были под серьезным прикрытием и находились в такой уверенности в своей безнаказанности, что море им было по колено!

Значит, решил я, чтобы заставить богатенького кабанчика расстаться с деньгами, нужна мощная демонстрация силы! Жертва обязана проникнуться, что конец близок и брыкаться с бандитом себе дороже и бессмысленно.

Фантазируя дальше, я задался вопросом: а сколько же денег я хотел бы награть, чтобы почувствовать себя счастливым? Сто тысяч рублей, миллион, больше? Какую сумму я рисовал в голове себе в конце криминального процесса? Ведь когда-то он должен был наступить?

Это был весьма неожиданный и очень сложный вопрос для мальчишки, каким я еще был в то самое время. И сколько ни ломал голову, ответ никак не приходил.

Я долго рылся внутри себя – и вдруг как осенило! Вот оно! Оказалось, что моя цель вовсе не деньги, а сам процесс их изъятия. Не миллион, миллиард в конце пути, а безумная, но захватывающая воображение идея: стать самым-самым в деле, которое задумал. Потому что мечтать о деньгах и о том, как на них потом погулять, могут лишь потенциальные зэки: сорвал куш, прогулял и снова на дело... И так, пока не загудел в тюрягу. Я же твердо решил, что посвящу себя не деньгам, а доведению до совершенства процесса их получения. А насколько разбогатею – это уж как Бог даст.

Для успокоения совести мой разум нарисовал такой омерзительный портрет барыг, что одно только это наводило на мысль о высокой цели задуманного. Я заранее возненавидел хапуг. Все без исключения они виделись мне нелюдями без души и принципов, любящими только деньги и идущими по трупам по служебной лестнице, лишь бы побольше украсть. И чем отвратительней было изображение, тем слаще представлялась победа!

Чтобы ограбить наверняка и не привлекать раньше времени внимание к своей скромной персоне, я вывел для себя три важных принципа:

- никогда не жадничать;
- никого не убивать;
- ни в коем случае не забирать все деньги торгаша, а ровно столько, сколько ему не жалко отдать взамен сохранения жизни. Хорошенько подумав, я решил, что все он никогда не отдаст. Разве только вместе с жизнью, потому что как личность он стоит в своем собственном представлении именно столько, сколько успел наворовать;
- в момент нападения объект должен быть обязательно трезв и не под наркотой, чтобы никакой героики под кайфом.

Любимая женщина знает о тебе все! Или не любима вовсе

Любящие мужчины не имеют тайн от своих женщин – жены или любовницы. Даже самые кровавые преступники всегда делятся самым-самым сокровенным не с детьми или друзьями... Нет-нет, именно с ней – той единственной и неповторимой, без которой и жизнь не жизнь.

Каким бы жестким по характеру ни был мужчина, он все равно остается всего только человеком и по своей природе не может оставаться один на один со своими мыслями и поступками. Ему как воздух нужна оценка его поступков со стороны любимых. Именно в их любящих глазах он видит себя всего с

головы до пят и всегда может покаяться и получить полное прощение, что бы он ни сделал.

Излить душу любимому человеку... Как же это естественно и необходимо! И если по какой-то причине это не жена или любовница, то в роли второй половинки иногда выступают даже продажные женщины – проститутки...

Никогда не верьте рассказу своего делового партнера, что его единственная ничего о ваших делах с ним не знает. Чистое вранье! И спрашивать не надо. Все она знает... И даже планы на будущее... Такова правда жизни... А если любимая не знает о делах любовника, значит, она и не любима вовсе, а так, случайная попутчица. А к чему я это? А к тому, что шантажировать объект нападения расправой над нею – дохлый номер.

Именно потому перед нападением необходимо какое-то время уделить тщательному наблюдению за объектом: изучить его привычки и узнать, кто ему по-настоящему дорог. Особенно важно знать, как у него сложились отношения с женщинами – любовницей или женой. Знать точно: дорога ли ему их жизнь или, наоборот, он только и ждет случая, чтобы избавиться от лишнего груза и обвинить грабителя в убийстве.

Что же касается женщин и их тайн, то по моему жизненному опыту они скорее поделятся ими с подругами, чем с избранниками. К тому же женщина-вор скрытна и опасна! Она готова буквально на все, даже на потерю жизни, но не денег. А ее муж или любовник – это всегда альфонсы и только иногда партнеры, жизнь которых она почти что не ценит. И по-другому у богатых баб не бывает. Они заранее променяли деньги на самое ценное, что на самом деле составляет смысл жизни прекрасного пола: искренние отношения, любовь, дружбу, материнство и многое другое, что делает женщину счастливой.

Субъективны ли мои оценки мужчин и особенно женщин? Конечно, да! Объективен лишь Творец! Не соглашайтесь... К тому же не бывает правил без исключений. Замечу только, что в книге я стараюсь быть наблюдателем и озвучиваю только то, что закладывал в основу своих преступных планов главный герой романа. Так думаю не я, а он...

Выводы почти законченного преступника

Так шаг за шагом я и пришел к выводу, что буду грабить исключительно денежных мужчин.

Далее пошли рассуждения, как лучше это сделать. И вот к чему я пришел...

Нападаю на богатея в месте, где он меня не ждет и отсутствуют свидетели.

Таких мест не много, но и не мало... К примеру, когда жертва направляется к своей личной машине после работы или выходит из нее в каком-то месте, которое мне заранее известно. Охранников ведь в советские времена у крупных воров, как правило, не было.

И вот я мысленно уже веду жертву под дулом пистолета в какой-нибудь гараж и там требую выкуп.

Допустим, все идет по плану, и после убедительных переговоров он наконец соглашается отдать мне деньги и даже называет место, где они припрятаны. Чаще всего это дом или квартира, где живет он сам либо его любимые жена или любовница.

Но, подумав, решил, что все это глупо, поскольку сразу возникает вопрос коммуникации с теми, кто должен будет передать наворованные сокровища.

Предположим, он звонит ей и молит принести выкуп.

Но как предугадать, что она решит? Как поступить: отдать деньги, как просил любимый, или обратиться за помощью в милицию? И скорее всего, к ментам и обратится. Ведь абсолютное большинство людей склонны к непродуманным поступкам...

Получается, единственно верный вывод – отбирать деньги только в присутствии их хозяина и везти его туда, где, вероятнее всего, они и находятся. И это не гараж или склеп на кладбище, как часто показывают в фильмах, где сокровища не охраняются, а значит, могут быть найдены кем-то случайно. В 99 процентах, как я и говорил ранее, это чаще всего жилое помещение, в котором живет расхититель или она – его единственная. Но даже ошибившись и приехав не по адресу – ничего страшного... Находясь внутри объекта, можно, если жулик упрямится, расспросить с пристрастием его подругу и вполне спокойно пытаться, заклеив рты, аж до тех пор, пока кто-то из них не расколется.

Но как же попасть в ту вожделенную квартиру? Никто ведь там меня с распростертыми объятиями не ждет...

Допустим, рассуждал герой далее, он дождетя, когда объект придет с работы домой. Звонит. Он (она) смотрит в глазок... И никогда просто так к себе в обитель никого не впустит.

Это только в дешевеньких детективах такие штучки проходят: притворился полицейским, слесарем, дворником, монтером, почтальоном, отравителем клопов и тараканов и т.п. Нет-нет. Такие фокусы в те, уже далекие, советские времена с действительно богатыми гражданами не проходили.

Высокопоставленный расхититель в СССР даже друзей или неблизких родственников к себе домой не пускал! Табу! Там ведь советский «Лувр»: картины, ковры, хрусталь, мебель, старинные иконы, настенные и настольные часы с кренделями, серебро и другие престижные по тем временам вещи.

Это сегодня они для серьезного преступника так, мусор, копейки, а тогда никто из богачей от такого добра не отказывался. Все дорогое в квартиру тащили. Так что, пуская кого-либо в дом-музей, муж или его жена тысячу раз подумают и оценят последствия присутствия непрошенного гостя, поскольку, если и не обворуют, то, еще похуже, анонимку оперу МВД или КГБ настрочат. И тогда не только имущество, но и свободу потерять можно...
Ведь каждый

пятый в СССР был сексотом и получал за доносы деньги. И немалые! Хотя были и такие, которые шли к операм по зову души. Во всех странах мира есть такая порода людей – стукачи. Их хлебом не корми, но дай обязательно испортить жизнь ближнему. Ведь если человек дерьмо, это навсегда!

Особенно сучей-писучей была, как ни странно, советская творческая интеллигенция: писатели, поэты, художники, певцы... Ох, как же они любили творческие доносы друг на друга писать! Завистники и бездари регулярно и с большим энтузиазмом записывали в антисоветчики самых-самых талантливых. А потом эти великие простачки, кто не умел язык за зубами держать и правду-матку резал, уже в тюрьмах дописывали свои расчудесные поэмы и романы. Вот бы рассекретить эти доносы... Сколько бы интересной литературы на полках книжных магазинов появилось. Целые тома, небось? Но кто ж даст...

Конечно, подавляющее большинство анонимок или секретных доносов было туфтой. Но все тщательно и очень кропотливо проверялось. Карающая рука сотен тысяч шпионов – оперативных работников – дробила кости советским гражданам круглосуточно! Машина возмездия работала эффективно. Никому не уйти! Даже верхушка могла стать объектом следствия.

Так что на идее пробраться в квартиру жулика по звонку в дверь можно было ставить жирный крест!

А как вам идея, чтобы подделать ключ и зайти в квартиру, когда хозяев дома нет? Вроде ничего... Но только на первый взгляд. Ведь, чтобы подделать ключ, его сначала надо украсть у владельца, чтобы сделать дубликат. Или брать на дело опытного взломщика замков. А он ведь, как и криминальный слесарь, который возьмется дубликат ключа сделать, давно светится в конторе, а значит, обязательно попадет под подозрение и тебя самого первым делом заложит.

Но главная опасность с дверным замком копошиться – соседи. При Советах они всегда начеку: только начнешь что-то мудрить с замком ближнего, то бишь соседа, они прямо из дверного глазка от любопытства выскочат. А любопытными к чужим тайнам были почти все советские люди. Новостей практически никаких... И все, что делали соседи по дому или сослуживцы на работе, было главной новостью в среде обывателей.

Е-мое! Так как же подобраться к жертве?

Я остановился на единственно верном варианте: ждать начальника после окончания ударного воровского трудового дня в его собственной машине, притаившись на заднем сиденье. Попасть туда – проще простого... Я еще с детства знал, как открыть дверь авто без ключа, одной только шпилькой или школьной линейкой через щель водительского стекла...

Боялся ли я наказания и на что был готов, чтобы его избежать? Строил ли я планы для достижения цели убивать высокопоставленных воров и их родственников или сотрудников милиции? Страшился ли я ответственности или собственной совести?

Я много, очень много думал об этом... И хотя решение далось чрезвычайно тяжело, но решил, что смог бы и убить, но только в одном исключительном случае – защищая свою собственную жизнь.

А чтобы этого не случилось и не поймали, я должен тщательно готовить нападения и продумывать буквально каждую мелочь.

Мой первый «лимононосец»

В качестве первой своей жертвы ограбления я выбрал управляющего самого крупного овощефруктового треста Киева. И начал за ним следить.

Весь день и вечер я провожал его до работы и обратно на старенькой «Яве», которую взял у Артура. Утром – до работы. А вечером – домой, а чаще всего – к любовнице.

Трест этого начальника распределял овощи и фрукты по многочисленным магазинам столицы Украины, а за хорошее качество директора овощных магазинов ежемесячно передавали этому начальнику громадные взятки, тянувшие в те времена, как минимум, лет на 15 тюрьмы или даже расстрел.

Моим претендентом на ограбление был 60-летний, рано поседевший мужчина по имени Валентин Иванович, руководитель треста.

И вот что мне удалось узнать, следуя тенью за своей будущей жертвой.

Валентин Иванович был членом КПСС, как, собственно, и все крупные торгаши тех времен. Женат на женщине, которую давно не любил. У него было двое взрослых сыновей-обормотов, которых он отмазал от Армии, еле-еле учившихся в Торгово-экономическом институте. Его дети были обычными понтовитыми прожигателями жизни, не злыми и не добрыми...

Никакими! Их часто можно было видеть в ресторанах и барах с разными девушками. Они почти не поддерживали связи с родителями, но раз-два в неделю приходили к папику за деньгами. Дни и время таких встреч я заранее отметил.

У Валентина Ивановича была любовница – Ирина 34 лет, которой он снимал весьма приличную однокомнатную квартиру в центре Киева.

Он всегда, как по расписанию, приезжал к ней в одно и то же время три раза в неделю и проводил время как с настоящей женой: с чаепитием, ужином и, конечно, постелью.

Ирина была привлекательной молодой женщиной среднего роста, слегка располневшей от безделья и сладенькой жизни, полногрудая и полнопопая, с сочными красными губами и большими черными глазами. В общем, такая себе классная бабенка! Хотя после Армии мне почти все женщины казались классными...

Подробности интимной жизни этой пары меня не интересовали, да и не было здесь обычно никаких тайн... Ведь сексуальных поз в то далекое советское время было всего-то три: снизу, сверху и «по-собачьи». Остальные считались буржуазным извращением и активно осуждались обществом и даже карались Законом! А Валентин Иванович был коммунистом. Любовницу бы

ему еще как-то скостили, а вот буржуазные штучки в постели никогда! Да и что мне было за дело, «кто на ком скачет в постели»? Пусть себе любятся голубки... Но одно было совершенно ясно и точно: Валентин Иванович полностью доверял Ирине в отличие от своей сварливой и толстой жены, с которой бы давно развелся, если бы не боялся выговора по партийной линии. Дома овощной начальник практически только ночевал, но, стоя под дверью и прислушиваясь, что за ней происходит, я слышал постоянные скандалы, иногда очень даже эмоциональные, с громким битьем посуды, что наводило меня на мысль, что жене начальник треста желает только одного – побыстрее сдохнуть! И не доверяет вовсе...

Пока я с интересом вслушивался, что же на самом деле происходит в семье уважаемого человека, в голове вдруг засела противная мысль: а зачем вообще люди женятся, детей заводят, если потом так ненавидят друг друга? И что особенно странно, чем сильнее любовь, тем ужасней расставание... Что же такого происходит в жизни мужчины и женщины, что они сначала радостно идут к алтарю и клянутся Богом, что будут с любимым(ой) и в горе, и в радости, а потом так жестоко желают друг другу смерти?

И позже пришел к выводу, что нет на этот вопрос ответа. Важно только понимать, что нет ближе людей, любящих друг друга, и дальше – разлюбивших. И чем сильнее была любовь, тем страшнее, ужасней и нестерпимей может быть ненависть!

Странное все-таки существо человек... И как много у него от хищного и коварного зверя, но с человеческим разумом, что и делает его особенно опасным и непредсказуемым!

Когда я разложил все буквально по полочкам, то пришел к выводу, что деньги спрятаны, скорее всего, у любовницы или (и) на работе, частично наличными, которые всегда должны быть под рукой, чтобы вовремя дать взятку. А вот где упрятано главное богатство – вопрос из вопросов. Впрочем, это можно было выяснить только на месте.

Валентин Иванович был законченным педантом: утром, в 8 часов, – как штык на работе, куда его отвозила новая служебная черная «Волга», а в обед – в столовой треста вместе с подчиненными. Этот поход в столовую был наигранной постановкой избитой советской пьесы, которую неизменно играли в те времена все совдеповские руководители крупного ранга. Название этой пьесы – «Начальник из народа»: простой и доступный человек и жрет, естественно, то же самое говно, что и народ...

Бывало, что Валентин Иванович менял в течение дня дислокацию и ездил по делам в министерство или райком партии. Но редко... У него давно и все было схвачено. Так что все, от кого он зависел, кроме разве что секретарей райкома, ездили в основном к нему, а не наоборот.

Каждый день, ровно в 17:00 и ни минутой позже или раньше, объект выходил из кабинета, заходил в служебный двор, садился за руль уже своей собственной новенькой голубой «Волги» и ехал по одному из направлений:
на

встречу с еще более высоким начальством, с особо приближенными подчиненными – директорами самых крупных магазинов – для обсуждения рабочих проблем, вернее, как побольше украсть, а чаще всего, как я уже упоминал, к любовнице. А только потом уже уставшим от дел – домой.

Деловые встречи происходили неизменно в одной из лучших киевских бань с бассейном и проверенным временем персоналом, который в запасе всегда имел молоденьких шлюх на любой вкус.

А вот где интересующему меня персонажу передавались взятки? Кто, сколько и за что конкретно давал – за короткое время слежки было мне не узнать. И черт с ним! Главное – мне удалось выявить систему, а значит, всегда делать почти точный прогноз, куда и зачем он поедет в намеченный день после работы...

Большая женская грудь и маленький сейф с деньгами

Сразу после посещения Эдуарда Дмитриевича я заглянул в свою комнатку, положил оружие в бельевого шкафа и пошел в ближайшую скобяную лавку.

На занятые деньги я купил моток изоленты, молоток, несколько большущих гвоздей и небольшую пилу-ножовку, а в магазине, который рядом, также темные очки и дешевые матерчатые перчатки.

Пилой, которая была у нас в сарайчике-подвале прямо под квартирой, я спилил оба дула ружья. Получился такой себе двуствольный обрез-пистолет, который можно было запросто упрятать в полах пиджака или просторной куртки.

И такая куртка у меня была. Причем непростая... Она имела две стороны: рыжеватого и черного цвета. И носить ее можно было двумя поверхностями наружу. Пацаны во дворе, когда я ее надевал, говорили, что это классный костюм для щипачей. Так называют в преступном мире карманных воров в пассажирских поездах, имея в виду то, что, убегая после кражи, они незаметно забегают в тамбур и быстро выворачивают куртку на другой цвет. И вот уже вроде бы другой человек...

Бывалые воры называли этот прием «перековать масть». До Армии я очень смеялся этому забавному блатному термину, а вышло так, что мамина куртка теперь очень даже пригодилась: можно зайти в подъезд и квартиру жертвы в одежде одного цвета, а выйти – в другой...

Помню, что была суббота, сокращенный рабочий день. Прямо с утра, после зарядки и завтрака, я приступил к реализации плана: купил большой букет разноцветных тюльпанов, зашел в обувной магазин и выцыганил у продавщицы красивую картонную коробку из-под дефицитных в то время женских финских сапог. Аккуратно вложил в нее обрез, молоток, гвозди и изоленту и со всем этим добром, примерно к 15 часам зашел в подъезд Ирины, чтобы пробраться в ее квартиру и ждать прихода хахалы.

Как только я открыл дверь подъезда, начал бешено колотиться пульс! Весь мир закрылся для меня со всеми его проблемами и радостями! В голове пронзительно звучала только одна мысль: лишь бы открыла дверь, только бы впустила без лишнего шума, чтобы не пришлось рвать цепочку.

Мне нужно было подняться на третий этаж. И с каждой новой ступенькой лестницы комом нарастали сомнения... Ровно в 15:40 к девушке должен был подойти гость и мне позарез нужно было к этому времени пробраться в любовное гнездышко. Я весь превратился в оголенный нерв! Хотя внешне старался выглядеть спокойно.

Подглядывая за квартирой во время слежки, я много раз видел, как Ирина впускала посторонних: она сначала внимательно изучала проходящего через глазок и только затем приоткрывала дверь, оставляя ее закрытой на дверную цепочку. Никого сразу не пускала. Но иногда все же делала исключения: впускала незнакомцев с цветами или подарками от любовника... Это и был мой единственный шанс попасть внутрь.

Уверенным шагом я подошел к вожделенной квартире. Нарочито и громко, чтобы было слышно за дверью, пошаркал ногами о половик, специально создавая видимость посетителя, который имеет намерение обязательно зайти внутрь. И весь обратился в слух.

Тишина... Показалось, что соседи зашевелились напротив... От страха и напряжения потекли ладони рук, а на лбу выступили предательские капельки пота. Ужас! Но уже через несколько минут послышалось еле уловимое, спокойное дыхание девушки с другой стороны двери, и я кожей почувствовал, что Ирина смотрит в глазок и с любопытством разглядывает мою улыбающуюся детскую физиономию с красочной коробкой из-под сапог и с цветами...

– Кто? – дежурно спросила она.

– Валентин Иванович прислали, – очень доброжелательным голосом, какой, собственно, и был у меня от природы, виновато скорчив рожу под дурака и чуть приподняв цветы, ответил я.

И вот она (ура-ура и еще раз громкое ура и салют!) без дополнительных вопросов и цепочки уже открывает мне дверь.

Захожу.

– Это вам, Ирина.

Я торжественно вручаю ей цветы и незаметно ногой закрываю за собой входную дверь.

– Спасибо, молодой человек! А что в коробке?

– Вот, барышня... – подобострастно, с улыбкой бормочу я. Затем очень быстро открываю коробку и резко вырываю из нее обрез, ствол которого решительно упираю прямым в большую упругую грудь красавицы.

– Молчать, ограбление, убью! – резко и как можно более строго говорю я, скорчив такую жуткую рожу, что наверняка испугал бы и серийного убийцу. Затем крепко зажимаю левой рукой ее рот и одновременно сильно толкаю несчастную и перепуганную женщину к противоположной стене коридора.

Ирина побледнела как полотно, вся обмякла, у нее подкосились ноги, и она стала плыть по стенке.

Падая, она что-то невразумительное шептала губами. Я же галантно поддержал девицу за талию и, чтобы не добить испугом, смягчил выражение своего лица, отпустил ее красный от помады рот и демонстративно убрал за ремень обрез.

– Что вам нужно? Я все отдам! Пожалуйста, не убивайте, – беззвучно шевелились ее размазанные от помады, как у клоуна в цирке, губы.

– Не ты, дура! – оттаскивая ее из коридора в комнату, зловеще прошипел я.

– Мне нужен тот, кто сейчас позвонит в эту дверь. Если будешь вести себя тихо, не пострадешь. И никто не пострадает... Я не убивать... За деньгами пришел. Не твоими, дура! Его... Но если заорешь, убью на месте! Понятно?!

– По-по-ни-маю, – бормочет девушка.

Но она так напугана, что явно не понимает или даже не слышит моих слов. Ну что сказать? Перепуганная насмерть баба... «Не убивайте», и все тут...

– Ни хрена ты, дорогуша, не понимаешь. Будешь жить! Ясно?

– Я по-ня-ла, поняла, – все еще жалобно шепчет жертва.

– Повтори!

– Жи... буду, – заглядывая мне в глаза, как побитая собака, тихо-тихо шевелит губами владелица необъятных грудей.

– Скажи, чтобы поверил!

Я несильно встряхнул ее плечи. И не зря, кстати, потому что в результате заколыхалась грудь. Не стесненные тугим лифчиком в ожидании встречи с любовником шары плавно задвигались из стороны в сторону: справа налево, слева направо... И это отвлекло внимание красавицы. Она покраснела и пришла в себя.

– Вы обещаете, что ничего со мной не случится...

– Пошли в комнату, расслабься, садись за стол, выпей воды!

Ирина села, налила стакан «Боржоми» и залпом выпила. Было заметно, что она всеми силами пытается взять себя в руки. Мешали только глаза, выдавая в ней затравленного зверька. Они бегали по сторонам, как будто ища поддержки. Но ждать помощи было совершенно неоткуда, и она мучительно начинала понимать это...

Мне же надо было позарез быстрее привести ее в чувство, успокоить, чтобы девушка ничем не выдавала свое состояние перед приходом сожителя... Но одновременно не сильно ее расслаблять, чтобы и мыслей никаких освободиться от моего присутствия не было.

– Послушайте, Ира, – как можно более успокаивающим тоном на «вы» заговорил я. – Вам абсолютно ничего не угрожает, как и вашему другу тоже. Ведите себя спокойно, возьмите себя в руки. Пожалуйста! Вот зеркала (оно лежало на столе), наведите губы помадой!

– Конечно-конечно, – окончательно приходя в сознание, тихо отвечает несчастная, но непроизвольно еще больше размазывает губы...

Я насильно вытираю ей рот салфеткой, а она в это время сосредоточенно смотрит на мои кровавые от стертой с ее пухлых губ помады руки... Они явно ее пугали, и я спрятал их под стол. А потом продолжил:

– Жить хочешь? – перешел я на «ты».

– Очень хочу, – наивно ответила девушка, от чего я чуть не расхохотался, а значит, ко мне вернулось чувство юмора, и я, сам того не ожидая, почувствовал себя как бы в своей тарелке. Пришла полная уверенность, что мне все удастся.

– Сдохнуть или калекой остаться не хочешь?

– Нет, конечно...

– Ты веришь мне?

– Не знаю, – честно отвечает жертва.

– Должна верить. Так надо! Подумай хорошенько, зачем мне тебя убивать?!

Молчание.

– Я же верующий человек, – чтобы добавить веса своим аргументам, произнес я, увидев на стене возле окна комнаты старинную в серебре икону.

Слово «верующий» пришлось по душе. Она с надеждой подняла глаза и посмотрела в мои.

– Верующий? А зачем же верующий в Бога грабит и убивает других? – с искренностью обиженного ребенка прозвучал очередной смешной донельзя вопрос.

– Грабит, но не убивает! Это ясно?! И не напрягай меня философией!

– Все-все... Только не кричите. Я буду делать все, что вы просите, – ответила она с мольбой и каким-то проститутским акцентом, давая понять, что готова на исполнение любого моего желания, с явным намеком на секс.

Ох уж эти женщины! Они всегда думают, что могут так исполнить любое желание мужчины, что он навсегда твой! И что ради «этого самого» он даже сможет звезду с неба достать или, как в нашем случае, перестать быть жестоким убийцей. Откуда такая уверенность? Или я чего-то не знаю...

А вот, к примеру, если бы красавец-мужчина, подвергшийся опасному для жизни нападению противоположного пола, имел привычку предлагать женщине-убийце: «Я тебе такое сделаю, что будешь счастлива всю оставшуюся жизнь!» Смешно? А кокетливым красоткам нет... Парадокс: как все же прекрасная половина не похожа на нас, черствых мужланов...

– Когда он придет, спокойно встретишь его у двери, поцелуешь и пригласишь войти в комнату.

Именно такую картину я неоднократно наблюдал, когда Валентин Иванович приходил к Ирине ранее, поэтому предлагал ей ее обычное поведение при встрече с любимым.

– Я буду за дверью, – продолжал я, – и, если что пойдет не так, застрелю тебя, не раздумывая! Прямо в сердце! И я продемонстрировал, как –

перегнулся через стол и чувствительно ткнул Ирину обрезом в то место, где по идее должно было быть ее сердце. Но грудь Ирины была настолько большой и упругой, что в голове у меня пронеслась смешная мысль о том, что застрелить ее через грудь было бы наверняка сложнее, чем здорового вепря. Пуля бы точно застряла в ее необъятной украинской груди и до сердца бы не дошла. Здорово, конечно, что даже в такие минуты юмор меня не покидал. И это было хорошим признаком... Все пока шло, как и было задумано...

Я надел перчатки и очки. Затем, не выпуская из поля зрения Ирину, обошел всю квартиру, отмечая, где что расположено, и пытаюсь угадать места возможных тайников.

Как «правильно» приколотить миллионера гвоздями к креслу

И вот наконец они – долгожданные звуки: шарканье ног о половики, шорох и звук ключа, вставляемого в дверь.

Я крепко сжал руку Ирины выше локтя и повел к входной двери.

Она подошла и с перепугу, даже не глядя в глазок и ничего не спросив, помогла открыть дверь.

Валентин Иванович с дорогим кожаным портфелем в руке важно зашел, с широкой улыбкой нежно обнял Ирину за плечи и поцеловал в щеку, в то время как я оказался за его спиной, прячась за распахнутую дверь.

– У вас гость! – скорчив злую морду, решительно закрывая ногой входную дверь и упершись обрезом в лоб Валентина Ивановича, громко и грозно сказал я. – Проходи, дорогой человек, присаживайся за стол и не кричи, а то убью и тебя, и твою суку!

Завбазой оглянулся, с достоинством и без испуга окинул меня презрительным взглядом, затем без лишних разговоров прошел в столовую и сел на стул за круглым обеденным столом. Затем он также, не говоря ни слова, пронзительно впился взглядом в глаза Ирины, которую я посадил напротив. Чиновник никогда и никому в жизни не верил, а потому сверлил глазами любимую, чтобы понять: она со мной в доле или такая же жертва нападения, как и он сам? Ждать от нее помощи или, наоборот, пособничества грабителю?

Я оценил этот взгляд, как и то, что Валентин Иванович почти не был напуган, а только удивлен моей наглостью... Как умный, рассудительный и опасный преступник, он тысячу раз моделировал самые разные ситуации, в которых мог оказаться по причине возбуждения против него уголовных дел. Был заранее готов к допросам, обыскам и арестам. Но то, что грабил не он, а его самого, было для высокопоставленного торгаша весьма неожиданно.

Пока он приходил в себя, я внимательно всматривался в него самого. Но ожидаемого и так нужного мне испуга так и не заметил. В его серо-зеленых маленьких прищуренных глазках читалось одно только удивление и жуткая досада за испорченный вечер... Оно и понятно, ведь каждый день его жизни

сопровождался особо опасными преступлениями: взятками и хищениями в особо крупных размерах, которые в те времена наказывались ничуть не меньше, чем убийства, и могли тянуть даже на смертный приговор. Так что передо мной сидел опытный, хладнокровный и умный противник – заматеревший преступник!

Я быстро оценил ситуацию и понял, что по-простому ничего не получится, и привел себя в полную боевую готовность. В моей голове как бы включился фильм-боевик, в котором мне было предложено сыграть роль безжалостного и кровожадного бандита. Начну фальшивить, сыграю неубедительно – зритель не поверит и уйдет, «не заплатив за билет». А получится круто – деньги мои.

Через темные очки воруга никак не мог разглядеть мои глаза. И это было очень и очень важно, поскольку мое лицо, обычно открытое и доброжелательное, выглядело в очках угрожающе. Голос, жестикация, слова угроз, спортивное телосложение, а также другие внешние данные, способные вызвать страх и убедить жертву быстрее расстаться с деньгами, были множество раз отрететированы мною перед зеркалом.

Начался диалог двух преступников:

– Руки на стол! Я не хочу проливать кровь! Мне нужны только деньги – и больше вы меня не увидите...

Жаргон, на котором я общался с Валентином Ивановичем, был взят мною из советских фильмов о грабителях того времени. Все эти слова я слышал от известных советских актеров, играющих прожженных зэков. Но эти же фильмы и слова героев видел и слышал также и мой визави. Совдеп ведь не баловал своих граждан разнообразием кино, так что победу одному из нас могли принести только действия, поступки. И тут перевес был явно на моей стороне, потому как практического опыта вооруженного грабежа не было ни у Валентина Ивановича, ни у меня, но зато я много тренировался, входил в роль налетчика. А завбазой даже в самых страшных снах себя в роли жертвы бандита не видел.

– Ну что ж, деньги так деньги, – как можно более спокойно парировал Валентин Иванович. – Забирай, мальчик, и иди с Богом. Все, что у меня есть, – здесь...

И он театральным жестом достал из внутреннего кармана пиджака портмоне и бросил его на стол.

Стало очевидно, что Валентин Иванович решил валять дурака, и это было очень плохое начало.

– Выкинь свой бумажник на х-й! И, если хочешь остаться живым, не выеживайся. А то сдохнешь прямо сейчас, как собака! – как можно более грозно заявил я. – А для начала открой-ка сейф. Покажи, что там!

Сейф, как я и подозревал, выслеживая продуктового босса, находился в квартире Ирины и был на виду... Отвертеться было никак... И босс запел тоскливую песню «и я не я, и... не моя».

– Ну какая ж из меня собака, молодой человек? Я хороший и порядочный гражданин, – перевоплощаясь в интеллигентного добряка и простака, успокаивая мой пыл, проговорил ворюга. – В сейфе ничего интересного для вас, молодой человек, нет. Да я и не уверен, что ключи от него со мной.

Валентин Иванович начал играть свою роль очень неуверенно и явно не врубался, что имеет дело с человеком, который выслеживал его днями и ночами. И не пришел на авось. Но я заранее знал, что большие деньги без насилия он добровольно никогда не отдаст. И зря он недооценивал мой решительный настрой!

Я был готов к нашей встрече. Он нет. Поэтому я, не теряя времени, поскольку оно теперь уже перестало работать на меня, сразу перешел к решительным действиям.

– Ладно... Тогда быстро открой портфель, выверни все, что в нем есть, на стол, а заодно и все карманы, и не делай резких движений, а то невзначай обрез сам в тебя выстрелит!

Валентин Иванович медленно поднялся со стула, с достоинством, не спеша вывернул пустые карманы, потом сел и открыл портфель, но трусить им не стал, а только продолжил сверлить ненавистным змеиным взглядом стекла моих защитных очков.

Тогда я перешел на другую сторону стола, стал за спиной жертвы, приставил дуло обреза к его правому виску, а левой рукой дотянулся до портфеля, схватил его за днище и энергично потрусил. На стол вывалились небольшая связка ключей от замков, записная книжка и новенькая картонная папка с тесемками.

Открыл портмоне. В нем оказались 200 рублей, мелочь, а также ключи от машины.

Как правильнее: «сынок», «мальчик» или «бандит»?

– Расскажи, сука, о каждом ключе, которые на столе! Молчание.

– Ирина, принеси быстро к столу кресло с подлокотниками, что стоит в углу комнаты.

Ничего не понимая, а лишь желая всею душою, чтобы ужас быстрее закончился, она молниеносно и без лишних слов исполнила мой приказ и уселась на свое место, заливаясь слезами и всем своим видом показывая, как она страдает любимому.

Но долго страдать ей не пришлось.

Насильно пересадив Валентина Ивановича в кресло, я потребовал от его любимой достать из принесенной мною коробки из-под сапог изоленту и примотать руки и ноги любовника к подлокотникам и ножкам кресла, что и было ею сделано дрожащими руками. Затем приказал ей сесть на место, тщательно проверил, насколько крепко прикреплена изолента, в гнетущей тишине достал из коробки 20-сантиметровый ржавый железный гвоздь и

молоток, педантично, как будто я это делал каждый день, приставил гвоздь к правой руке ухажера.

– Прибить тебя к креслу или сам сейф откроешь?

– Не могу, – продолжая разыгрывать роль обиженного интеллигента, выдавил из себя собеседник. Пойми, сынок, там папки с бумагами государственной важности, «совершенно секретно». Меня в тюрьму за них посадят! Нельзя...

– А я в гроб тебя сейчас посажу! – передразнил я.

– Ну зачем ты меня пугаешь, мальчик? Я тебе ничего плохого не сделал. Пожалуйста, забери все мои деньги и уходи. Мы никому с Ириной ничего не скажем.

– Я тебе, бл-дь, не мальчик, сука! И чтобы ты лучше понял ситуацию, так скажу: я прямо сейчас тебя пристрелю! Вот ковер... В него я заверну твой труп и вместе с твоей кралей, вывезу его и сейф на твоей же машине в ближайшую лесопосадку. Труп закопаю, сейф распилю, а деньги там точно есть. Иначе бы ты не выживался! Не веришь?

Я взял подушку, ткнул ему в лицо и приложил дробовик.

– Ну не могу, не могу-у-у, – застонал Валентин Иванович. – Я же коммунист!

– Ясно! Смерти, значит, не боишься... Герой херов!

Тогда я взял гвоздь и сильным ударом молотка вогнал его в правую руку чиновника. Громкий хруст ладонной кости и кровище, по моему мнению, должны были подействовать. Но Валентин Иванович при этой жутчайшей процедуре не проронил почти ни звука. Ну так, слегка замычал, как корова, которую при дойке случайно дернули не за ту сиську.

«Ни хрена себе, – подумал я. – Прямо партизан и немцы...»

– И вот еще что, сынок, или как там ты меня кличешь, мальчик, – продолжал язвить я. – Ставлю тебя в известность: гвоздь ржавый, и тебе крайняк часов через пять нужен будет врач и укол. Иначе столбняк... И сдохнешь ты в муках! А я со стороны посмотрю... Времени у меня до утра. Я с удовольствием еще успею посмотреть, как ты будешь корчиться!

Перспектива подхватить столбняк мгновенно подействовала.

Валентин Иванович молча показал глазами на ключи. Я стал показывать ему их по очереди. Получив долгожданный кивок, взял нужный ключ и открыл им сейф.

В сейфе было 20 пачек купюрами по 100 рублей, новенький семизарядный браунинг, две снаряженные к нему обоймы и третья – в самом пистолете, а также стопка новеньких нетолстых папок с документами.

Все сложено очень аккуратно, что четко указывало на важность документов для владельца сейфа и его педантизм!

– Если ты, урод, думаешь, что я поверю, будто это абсолютно все твои деньги, шибко ошибаешься! Мне нужны все до последнего рубля, что у тебя

на хате, и, пока не отдашь, не уйду! А заодно и бумажки, которые в папках, прихвачу. Думаю, ты мне за них отдельно лаве⁵ отвалишь.

И я сунул ему под нос папки...

– Отдашь деньги – и расстались навек. Нет – уйду с тем, что есть. Документики, видать, тебе нужные. Вот я их с собой и прихвачу. На партсобрание твое отправлю. Пусть большевики почитают. Может, что важное там для построения коммунизма? – язвил я. – Херово только, что уйду и не увижу, как ты от столбняка корчиться будешь. Может, остаться? Как думаешь? – издевался я над жертвой, чувствуя, как вхожу в раж.

– Да нет у меня больше ничего. И то, что взял, не мое. Ну как же ты не понимаешь?! Бумаги и деньги, что в сейфе, – казенные. Государственные. Понимаешь, что это значит? Я тебя обязан предупредить... Ты сейчас уже не меня грабишь, а государство. Моих тут только 200 рублей, которые в портмоне. Остальные – казенные. А за это – расстрел. Одумайся! Ты в плохую историю попал, парень. Бери только, что мое, и уходи...

И все же по интонации голоса Валентина Ивановича я понял, что с бумажками в папке не все так просто. Важные документы. Возможно, черная бухгалтерия, о которой я много читал в журнале для следователей. А если так – дорого стоят!

Тон наглеца в разговоре со мной, обращение «сынок» явно говорили о том, что он все же не до конца воспринимает меня как бандита и, образно говоря, желает развести на жалость. А на том закончить миром тему с ограблением... К тому же, как я ни старался, жаргонные слова переплетались у меня с интеллигентными оборотами речи, что не осталось незамеченным опытным жуликом... А это было очень-очень плохо, если вор захочет меня найти. Я выдавал в себе киевлянина и воспитанного парня. А значит, круг поиска значительно сужался...

– Хрен тебе, а не сынок! Я же говорил, не называй меня так! – и я со всей силы врезал ему с левой по челюсти.

Его голова откинулась, но сознание он не потерял. Крепкий, видать, был мужик... И упертый...

Эффект «ржавого гвоздя»

Пришлось взять еще один ржавый гвоздь... Я приставил его к тыльной стороне левой руки хапуги и молча, но очень решительно и по-деловому, как будто делал это каждый день, вкрутил сквозь кожу, показывая всем своим видом, что намерен пригвоздить и вторую руку! Просочилась алая кровь...

В установившейся зловещей тишине я дал визави минуту-две на раздумье и оценку сложившегося положения... И это сработало.

Владимир Иванович внимательно осмотрел свою правую руку, оценил ржавость гвоздя, кровь, которая продолжала течь по ручке кресла,

⁵ Лаве – деньги.

сосредоточился на боли и наконец-то оценил ситуацию в пользу моего предложения!

Все это время, как, собственно, и предыдущее, я не прерывал стараний читать мысли жертвы. Овощной король делал то же самое...

В мгновения, когда решаются вопросы жизни или смерти, чувства людей и даже большинства животных, не имеющих разума, обостряются настолько, что они способны без всякого преувеличения читать замыслы опасного врага и даже предугадывать его дальнейшие действия. Этим мы оба и были интуитивно заняты все время нашего общения. Каждый из нас чутко и внимательно вслушивался в интонации голосов друг друга, оценивал жесты, ловил взгляды и улавливал любые, даже самые незначительные признаки нерешительности, либо наоборот... Я изо всех сил пытался предугадать, как поведет себя торгаш в каждый последующий момент реализации моего плана. Он же разгадывал степень моей решимости: пойду ли я на убийство, если он откажется выполнять мои требования, убью я его или это фарс? Именно эти размышления я уловил в голове чиновника.

И как же мне было его убедить? Бояться меня он явно переставал... И это было плохо. Очень плохо!

Тогда мне пришла в голову мысль пофилософствовать, чтобы не столько силой, сколько логикой убедить чиновника расстаться с деньгами. Неожиданно во мне проснулся мудрый оратор.

– Ты стареешь... На хрена тебе столько денег? Ты ведь их за всю оставшуюся жизнь не потратишь. Не заставляй меня брать грех на душу! Ну ты подумай хорошенько: уйду я или нет, когда я уже в квартире, а ты с гвоздем в руке и привязан к креслу. Какой мне смысл смываться голым? Похож я, по- твоему, на тупого идиота? Преступление ведь уже совершено, и отберу я у тебя деньги или нет – срок потом мне мотать примерно один и тот же... Да и сдохнешь ты к тому же, – я театрально посмотрел на часы, – часа через три с половиной от столбняка!

И тут он выдал перл, который я запомнил на всю оставшуюся жизнь:

– Знаете, – говорит он, – молодой человек, вы меня в старики записали... А ведь с годами границы старости раздвигаются. Я не старик! Вспомните о моих словах, когда вам стукнет пятьдесят.

Господи, как он был прав!

«Но... на хер философию!» – подумал я и всерьез замахнулся молотком.

И вдруг, как сказочный джин из бутылки, передо мной во весь громадный рост вырос настоящий Валентин Иванович – матерый вор и безжалостный преступник. Это был уже не добряк, стареющий, седоватый интеллигент... Не коммунист и начальник, а бандит с большой дороги, разъяренный хищник, готовый к нападению, чтобы разорвать меня в клочья.

– Ты еще не раз вспомнишь эту встречу, щенок, если при этом живой останешься! – показал мне свою истинную звериную сущность Валентин Иванович. А в голове у него промелькнуло: «Все закончится, найду и убью, и денег не надо!»

Он был очень зол на себя, на совершенно дурацкую ситуацию, свою беспомощность, на то, что он должен выполнять команды какого-то никчемного мальчишки, который, судя по одежде, и 1000 рублей в руках не держал, хоть и корчит из себя опытного преступника.

И, чтобы немедленно погасить у Валентина Ивановича спесь и желание сопротивляться, я еще раз решительно тукнул молотком по гвоздю.

– Сколько еще ты хочешь денег?

– Триста тысяч...

– Хватит с тебя еще пятьдесят... А больше и копейки с меня не получишь! Понял?! Немедленно вытащи гвоздь и принеси йод!

Я еще и еще раз оценил ситуацию. Она явно перестала быть моей. Передо мной вдруг оказался окровавленный и хищный зверь, загнанный в угол. И я теперь точно знал: он готов на все. Его слова означали одно: больше я с него не получу ничего, даже если убью!

К боли он был почти равнодушен, как будто его не раз пытали. А миллионы, которые он где-то в своей норе прятал, – это и была его настоящая жизнь, его фальшивое достоинство, без которого он бы не чувствовал себя человеком. В общем, ужасный и грязный тип!

– Пусть твоя краля и принесет! Нашелся тут командир, – как можно более уверенно старался я держать марку. – И где твои еб-ые пятьдесят тысяч? Давай деньги и беги скорее в больницу за уколом. Такие, как ты, стране нужны!

– Не пиз-и, щенок! Ира, возьми деньги в приставном столе у постели. Ты знаешь где... Но сначала неси йод!

– Сначала деньги, а потом хоть залейся йодом, сука! – пытался я удерживать ситуацию своей.

Но Ира, как слепая лошадь, уже бежала на кухню за лекарством. Пришла, вытащила щипцами для дробилки кускового сахара гвоздь из руки хахаля и буквально вылила бутылек на руку. На широком подлокотнике, к которому была прибита пухлая рука взяточника, образовалось кроваво-коричневое озерцо... Завбазой, морщась от боли, принялся что есть мочи дуть на рану.

– Беги за деньгами, дура, – снова повторил я грозный приказ, – а то я уже обе руки любимому заколочу!

И чудо произошло... У меня в руках оказалось 250 200 рублей. Все по сотенной, хрустящие и с таким запахом вождя богатства, который заставлял мои ноздри расширяться, как у зверя! Вот это да! Я богат, богат, богат! Я сказочно богат и никого не убил...

На прощание я разбил вдребезги единственный в квартире телефонный аппарат и как можно более спокойно, хотя внутри бушевал грохочущий пламенными извержениями вулкан из страха и радости, спустился по лестнице. Бежать было глупо, это вызвало бы подозрение у бдительных соседей...

Две «Бабы-яги» в одной коммунальной квартирке

Ни отпечатков пальцев, ни следов, прямо или косвенно указывавших на меня, я на месте преступления в квартире не оставил. И плевать мне было на то, побежит ли уважаемый вор в ментовку или закажет меня бандитам. Не найдут. Никогда не найдут! И никуда он в органы не пойдет... Я был уверен на 1000 процентов! А бандиты?.. Ну что ж... Теперь у меня новенький браунинг и великолепная кучность при быстрой стрельбе из макарова в Армии...

По прошествии времени и до самой старости я часто вспоминал события того вечера – первого моего ограбления и свои намерения убить любого, кто стал бы у меня на пути. Может быть, надо было начать свою жизнь не со столь жестокого преступления, а как-то иначе? Меня еще много-много лет мучили сомнения... Но я успешно гасил их другим рассуждением. В тоталитарной системе у такого человека, как я, не было другого пути... Нет, не к богатству, хотя и это очень важно для любого человека, но к полной независимости от системы всеобщего равенства в нищете и страха.

Все, что происходило далее, было четко и заранее мною спланировано. Я сел на трамвай, проехал остановку, перековал масть, то есть надел куртку коричневой стороной, перебежал на автобус и доехал до ближайшей улицы от моего дома на Красноармейской.

Во двор я не зашел, а проскочил мимо ребят по сквозному подъезду напрямиком в свой... И только открыл ключом дверь, Сайра и Майра тут как тут... Вылупились на мое появление и скрупулезно сканировали меня всего – от туфель до макушки головы, но особенно заинтересовались содержимым красочной коробки из-под финских женских сапог с оружием и деньгами.

Мне стало не по себе. На мгновение охватил ужас разоблачения – настолько сверлящими были глаза старых чудовищ. Но произнес как можно более уверенно:

– Привет пенсионерам!

– И тебе, сыночек. А чтой-то ты, Боренька, с женскими сапожками вечерком приперся? Маме или невесте? А может, жениться собрался?! Покаж! Красивые, небось? А где достал? А может, спекулянтom заделался? Деньжат подработать...

Меня аж пот прошиб от таких вопросов... Вот ведь противные старые бл-ди! Нет-нет, не бл-ди, но вот как обозвать мерзких старух-девственниц, я до сих пор не придумал... Есть выражение «синие чулки». Но, к сожалению, оно не так четко выражает мое отношение к противнящим старухам. Так что пусть старыми бл-дями и остаются!

– Не могу. Это для всех сюрприз, дорогие бабушки!
Невесте приготовил...

– А что ж так быстро влюбился? Это та, небось, та самая, что тебе почти в матери годится? Развратная такая да невоспитанная. Даже не поздоровалась, когда в дом зашла.

Они явно намекали на Тому и все ближе, прямо как в фильме ужасов, подходили ко мне, протягивая свои костлявые с иссохшими сухожилиями руки, точь-в-точь как у Бабы-яги, к заветной коробке.

– А где ж ты такую уйму денег нашел? Сапоги-то дорогушие?! Ты че, разбогател невзначай? Такие дорогие подарки девкам-шлюхам дарить? Ты ж у нас красавец! Весь из себя... – таким вот макаром старые ведьмы заговаривали мне зубы, пытаюсь заглянуть в коробку.

«Ну и сволочи, – подумал я. – А ведь вопросы задают профессионально. Ищут тему для доноса. Только на хрена я им сдался? Ведь не шпион. И они это отлично знают. Просто ненависть у таких вот всегда ко всему живому – не такому мерзкому, как они сами».

Я постепенно успокаивался и даже начал шутить:

– Точно, влюбился. Красивая и нежная... Не надо оскорблять девушку, бабульки. Или вы ненароком подглядели да увидели что-то? – и я засунул для наглядности указательный палец в щелку двери для ключа.

– С чего-то ты взял, дурак?! Никого тут твои дела с девками не интересуют. Подумаешь!

– А как ваше здоровье? Не болит чего? – язвительно перевел я тему разговора.

Корявые клешни старух зависли в полуметре от коробки. Вспомнился «Вий» Гоголя, когда к молящемуся отроку тянулись трясущиеся руки омерзительной нечистой силы! Тьфу!

– Не болит ничего? А то смотрю, как будто что-то в ваших лицах как-то изменилось. Перекосило маленько вроде. Может, нерв какой на лице заиграл да печенка подводит? – на их же самарском сленге издевался я над старухами.

Они действительно были родом из Самары. А после плена почему-то отправились в Киев, но киевлянками так и не стали.

Мне искренне нравилось это занятие. Особенно передразнивать их манеру разговора. Хотя иногда в таких баталиях проигрывал я сам... Старухи были не подарок! Бабки злились от моей хитрости, но руки к коробке тянуть перестали.

– А правда, что вы в концлагере сидели? И там с немцами сдружились? – уже полностью овладел я ситуацией.

– Ты чего плетешь, сопляк! Сидели, и что? Все вокруг знают, как мы пострадали! Нас сто раз советская власть проверяла. Мы ей верные...

– А как же немцы вашими золотыми зубами не разжились? Я слышал, в газовой камере таких добрых женщин душили, а зубки потом Гитлеру относили... А в КГБ вас потом не мучили? Небось, расспросами завалили? – пытался я дальше злить старух.

Бабки не на шутку разозлились.

– Нам КГБ и советская власть ничего плохо не сделали!

– А доносы не заставляли писать? А то ведь говорят, что там народ стучать склоняют... Врут, наверное, люди?

– Что еще за люди? Какие такие доносы? Как был ты мудаком, Борис, так и остался! Не зря тебя мамка бросила! – окончательно выйдя из себя, зло бросили они мне в ответ.

Потом схватили в руки по венику и давай мести пол рядом с моей комнатой, чтобы, когда я зайду, можно было без опасения, что я их застукаю за подглядыванием, объяснить местоположение своих гнусных рож у замочной скважины моей двери.

Люто разозлив доносчиц, я прошмыгнул в свою комнату, стал возле дверей и, чувствуя всем своим естеством исследовательские взгляды старух, нехотя отбросил от себя в сторону коробку с деньгами, да так, чтобы она по инерции доехала по полу прямиком до старенького шифоньера, находившегося в другом конце моего коммунального жилища и упряталась под шкаф. Получилось...

Так я всем своим видом показал, что ничего важного в этой коробке нет и быть не может! Пусть, мол, валяется да пылится... А сам медленно повернулся лицом к двери, как бы ненароком подошел к ней поближе, потянулся как кот всем телом, широко зевнул и... молниеносно сбросил с себя штаны вместе с трусами. Реакция за дверью последовала мгновенно. На пол в коридоре громко рухнуло тело Сайры, которая в тот самый момент сунула свой бинокль в мою замочную скважину... Коридор огласил тяжкий стон израненной бабки и глухой, протяжный, похожий на шакалий, вой Майры. Затем последовали звонкие шлепки по щекам сестры, чтобы Сайра пришла в себя, и слезные причитания: «Очнись, очнись, очнись, сестренка!»

Вот я и сделал им подарок! Будут помнить, суки!

После падения тела у дверей я так смеялся, что все напряжение, ранее державшее меня за душу клещами, мгновенно исчезло. Меня обуял истерический смех! И сразу как будто и не было нападения, ружья-обреза, гвоздей, крови, жестокой и донельзя напряженной словесной дуэли с закоренелым преступником и профессиональными доносчицами. Ну я и ржал! Как сумасшедший! Но все, тсс... Больше сегодня за мной никто из коридора не подсмотрит...

«Звуки души»

Деньги, деньги, деньги... Как их много! А мне всего только 25... Что же мне теперь с ними делать? Бежать с утра за новенькой машиной? В ресторан, чтобы отпраздновать свое богатство? К пацанам, чтобы напиться и разделить с ними радость победы? Нет, нет и еще раз нет! Мне надо было вести себя как и всегда... Как будто ничего со мной не происходило... Но как же хотелось показать победу, рассказать, как я геройски все провернул и как богат стал! Но нельзя! Как жаль... Ну что ж... Я переоделся в дешевый спортивный костюм,

скорчил на всякий пожарный перед зеркалом спокойную рожу и отправился во двор к ребятам.

На скамейках сидели мои кореша.

В те времена у знакомых людей еще не было привычки целоваться при встречах. Мы просто крепко, по-дружески жали руку друг другу, передавая этим тепло своих сердец. Вроде бы дежурная традиция – рукопожатие... Но нет! На самом деле оно означало твое истинное отношение к человеку, с которым здороваешься. И все потому, что руки, по моему мнению, снабжены особыми сенсорами, нервными точками, способными передавать истинные чувства. Тут не обманешься...

Это не то что сейчас... Ненавидишь знакомого, а обнимаешься и прижимаешься щекой – той самой частью, которая предназначена только для самых любимых, и то противоположного пола... Ведь некоторые из рода человеческого, будучи злейшими врагами в душе, целуются сегодня чуть ли не в засос, да еще и по нескольку раз. Иногда мне приходит в голову крамольная мысль, что этот дурацкий современный ритуал уж очень похож, особенно среди деловых, на смертельные объятия двух змей, страстно желающих сожрать друг друга!

Я взял в руки шестиструнную гитару и запел свою коронную:

Пара гнедых, запряженных зарею,
Пара голодных и хмурых на вид, Что
ж вы плететесь усталой рысцою,
Пара гнедых, эх, да пара гнедых...
Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы знавали лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых, эх, да пара гнедых...

Народ заслушался и расслабился, чему способствовали водка и дешевое вино, которые приносили по очереди те, кто приходил к столу, вернее, к облезлым дворовым скамейкам, на которых мы кучковались. Закуски не было никакой, поэтому пьянели быстро...

Но вот запел мой друг Женя. Он выделялся среди нас очень тонкой натурой. Был обидчив, но добр до бесконечности. Энцик, такую кликуху носил этот парень, имел в голосе особые душевные нотки, и, хотя его певческие способности были весьма скромны, ребята всегда заслушивались его голосом и подпевали.

Петь в нашей компании могли только избранные, а остальные, кто без слуха, могли только тихо повизгивать, и только себе под нос. Иначе можно было в лоб получить, если хорошее исполнение, а кто-то песню поганит.

И вот как-то вечером к нам в компанию во дворе пришел парень, который очень хотел водить с нами дружбу.

Этот пацан был неказист с виду, серенькой внешности, худ, невысокого роста. На такого, проходя мимо, как говорят, и не плюнешь. Он выставил для знакомства две бутылки «Столичной», от чего мы, конечно же, не могли

отказаться, но в душе посмеивались над его наивными потугами пробраться в наше братство через бутылку... Ведь путь в наше спитое дворовое сообщество посторонним был всегда заказан. Мы знали друг друга с детства: на одних и тех же горшках еще с детского сада сидели, а пересев на дворовые скамейки с бутылками спиртного вместо сосок, никого новых обычно в свой круг не принимали. А когда еще подвыпили, у новичка в руках вдруг оказалась гитара, и он запел...

Не помню сегодня, о чем была эта песня и даже той мелодии. Но интонации его голоса заставили нас всех замолчать и слушать, слушать, слушать не просто слова, а прямо-таки его оголенную душу. Она была такой незащищенной, взывающей к пониманию и поддержке, а голос таким пронзительно-чувствительным, что каждая нотка попадала прямиком в наши сердца. Через песню вдруг открылась вся глубина его чувств и ясно вырисовался образ хорошего, доброго и очень ранимого человека. В моих глазах он сразу преобразился из серенькой личности в верного товарища. А когда закончил пение, уже таким и был. Душевный оказался паренек...

И тогда я на всю оставшуюся жизнь запомнил, что именно в песне человек, сам того не желая, полностью раскрывает истинную суть своей природы, свое настоящее я! Уже не важны его одежда, выражение лица, фигура и даже то, как он произносит слова и общается вне песни. Прямо перед вами происходит волшебное превращение одного человека в другого. Какой он есть – таким и предстанет. И ошибиться уже невозможно.

Ведь это чистейшей воды правда, что внешность часто обманчива. И за ней бывает сложно разглядеть суть человека. Он тщательно замаскирован внешними атрибутами. И обычно каждый из нас, особенно при первом знакомстве, желает всеми силами показаться лучше, чем он есть на самом деле... Такова правда жизни. Но голос в песне – он всегда честен.

Лучшие из лучших и самые популярные певцы всех времен и народов пели именно душой: Марк Бернес, Владимир Высоцкий, Эдит Пиаф, Джо Дассен... Последний, кстати, как писала потом желтая пресса, даже умер в постели, страстно обнимая любимую женщину... В любви, видать, тоже отдавался душой. Она и спела его последнюю песню.

Если покопаться внутри себя, запросто можно вспомнить, что, когда мы переживаем самые значительные события в жизни, внутри нас всегда поет песню самый любимый исполнитель. Когда тоскуем – слышим любимые сентиментальные мелодии, а когда побеждаем и радуемся успеху – зажигательные, ритмичные, а в скорби, когда нашли или потеряли любовь, – романтические нотки.

Звуки души! Вы не найдете этому термину ни одного верного определения даже в самом заумном философском справочнике... А ведь они есть. И это правда!

**Спасительная «система», или
Спорт рождает успешных мужчин и**

делает богатыми женщин

В Армии я научился главному – жить по строгой системе. И эту систему я распространил на все оставшиеся годы жизни. Она оказалась универсальным ключом ко всем дверям, какие нужно было открыть, чтобы подобраться к тому, чего жаждала душа. Все абсолютно по расписанию! И только... Поэтому любая праздность, кроме времени, когда наступал вечер, меня нервировала.

Утром я просыпался в 7 часов, сразу вскакивал в спортивный костюм, бежал на зарядку в скверик имени Шевченко у дома и пробегал 12 кругов по 800 метров каждый. Всего примерно 10 километров за 45 минут. Потом подтягивался 120 раз, делая шесть заходов к перекладине, и 300 раз отжимался от земли в несколько подходов.

Секрет бега в том, что у спортсмена выделяется адреналин – что-то наподобие сильнодействующего наркотика морфина. Ощущения после мощной зарядки – будто паришь в воздухе. А мысли и фантазии посещают делового бегуна такие, что, если их тут же реализовать, они в буквальном смысле способны перевернуть верх дном матушку-землю!

Позже, когда границы Союза открылись и я стал богат, как-то посчитал, что оббежал несколько раз весь земной шар. И где я только не бегал: Нью-Йорк, Москва, Вашингтон, Анкара, Тель-Авив, Ташкент, Берлин, Париж, Вена, Прага, Женева и другие кантоны Швейцарии, множество островов в Карибском бассейне, на Сейшелах... И еще сотни маленьких и больших городов. Ведь все и не перечислишь, потому что бегал я по утрам почти 50 лет! Некоторые забеги мне запомнились красотой природы, окружающей беговую дорожку, а некоторые – экстремальностью, как, например, в 90-х годах прошлого столетия в Ашхабаде, когда у меня ночью вдруг остановились часы, и, случайно проснувшись, я перепутал время. А потому выбежал из гостиницы на пробежку где-то в три часа ночи, чем очень удивил дремлющего швейцара. И вот бегу я в сторону границы с Ираном... С одной стороны – горы, а с другой – гостиницы и богатые дома. Потом жилые строения пропали, как и свет на дороге...
Появился туман... Повеяло каким-то ранее неизвестным мне ощущением – ночным ужасом!

Неожиданно меня окружила гнетущая тишина горной пустыни. И что познавательно: когда глаза перестают видеть, включаются в полную силу другие органы чувств, в частности слух... И я вдруг отчетливо услышал вой волков и шакалов, множество подозрительных шорохов, скорее всего, змей и пауков, буквально в метре-двух от меня. По коже поползли мурашки!

И не то чтобы я боялся, что меня этой ночью задерут волки. Нет! Просто бывает же с любым человеком, когда ночью вдруг просыпаешься от жуткого страха. Ему нет причин, но он проникает в самую душу, и, как бы смел ни был герой, хочется спрятаться, хотя бы укрыться с головой под одеяло. Вот так и со мной тогда... Только спрятаться некуда. Ужас!

Как вдруг перед глазами возник запрещающий знак: «Осторожно: минное поле. Граница. Стрельба на поражение!» Только это меня и остановило...

Никто, как потом выяснилось, эту границу ни со стороны Туркмении, ни со стороны Ирана не охранял, поэтому я и жив сегодня и зачем-то рассказываю эту дурацкую историю... А так... Как знать? Может, и пылились бы сейчас мои кости в пустыне где-то среди мин на нейтральной территории или в ямах с гадюками и ядовитыми пауками...

А для меня лучшее место для бега, как оказалось, когда уже объездил весь мир, – это Центральный ботанический сад Киева. Летом и ранней осенью здесь полнейшая благодать, и ни души вокруг. Старинные церкви XI–XVIII веков с куполами, украшенными причудливыми синими звездами, маленькая деревянная колокольня, великолепный вид с вершины горы на святой Днепр и самое старое в столице Украины городское кладбище, на котором похоронены великие царские князья да доблестные генералы, отдавшие свои жизни в сражениях за царя-батюшку и Отечество. Все на нем выглядит сегодня так, как и сотни лет назад. Происходит полное погружение в дореволюционную царско-церковную атмосферу. И если закрыть глаза и прислушаться к звенящей тишине, то можно различить негромкий перезвон колоколов, увидеть наяву торжественные церковные церемонии знати в присутствии разодетых в золото попов с крестами, безутешных знатных вдов в черных вуалях, рыдающих и крестящихся у могил героев-генералов.

А если отвлечься от старины и устремить свой взгляд в сторону великой реки, что напротив храмов, вдохнуть полной грудью ветерок с запахами разнотравья, то голова кругом. Лепота! А какие звуки природы?! Кукушки отсчитывают годы твоей жизни... Кругом птички, бабочки, дружные семейства ежей, суесящихся в кустах вокруг тропинки, да греющиеся на солнышке ужи с черной, лоснящейся на солнышке кожицей и ярко-желтыми пятнами возле голов.

И вот что интересно: чем более развита страна, тем больше людей заботятся о своем здоровье и продолжительности жизни, а потому больше бегающих по утрам.

В больших городах Европы и США бегают буквально все. А сколько красавиц? И не сосчитать...

Во время бега, в какой бы крепкий лифчик ни была закована грудь юной красавицы-спортсменки или зрелой женщины, обязательно волнуется ее грудь, а обтянутые лосинами бедра и ноги, выставляют напоказ всю прелесть их грациозных тел. Е-мое!

Ох уж эти женщины! Бежишь за такой и забываешь маршрут, потому что оторвать глаз от красивого женского силуэта настоящему мужчине никак не под силу... Так вот и находят во время утренней пробежки красавицы-спортсменки богатых попутчиков. И замуж потом выходят. И детей рожают. Ведь известно, что от нищеты и неурядиц красивая и единственная не побежит и не убежит, если с муженьком не сложилось. Женщины, потерявшие надежду

на жизнь с принцем в замке, по утрам не бегают. Разве что за молоком для орущих от голода детишек да за пивом на опохмел своему пузатому спутнику жизни в рваных носках и майке. Бег по утрам – удел не только успешных самцов, но и расчетливых красавиц! Выбирай, красотка, любого мужика! Только не забудь спросить: женат бегун или нет...

А как утром красиво, какая энергетика парит в воздухе, наполняющем твои легкие! Особая и очень-очень сильная!

Пока я жил с бабками в коммуналке, я выбегал в сквер Шевченко, который напротив красного здания университета.

Во время пробежки я часто наблюдал за собачниками, которым было разрешено собираться только в центре парка, чтобы их собаки не гонялись с лаем и не кусали бегущих. И вот как-то вижу весной такую картину... Воркует парочка: у нее на руках пушистый белый пудель, «девочка», у него – громадный злобный кобель ротвейлера, привязанный к ближайшей сосне, чтобы не путался под ногами. Мужчина и женщина примерно одного возраста и явно симпатизируют друг другу, да и весна к тому же...

Она и он прямо-таки тянулись друг к дружке (и надо же!), их собаки тоже... Обычная прогулка с четвероногим другом постепенно превращалась в романтическое свидание... Но, пока они так вот нежно ворковали, громадный пес, которому надоело сидеть на привязи, а запах самки сводил с ума, подкрался к влюбленному хозяину, поднял лапу и описал того с ног до головы... Причем, писал он как-то фигурно, зигзагами... Видать, очень хотел понравиться избраннице: начал с ног хозяина, а когда штанина шефа «потекла», повернул струю мочи чуть вверх и даже достал ею пуделька.

Опозоренный ухажер стал нещадно хлестать бедолагу ошейником с железными бляхами... И мне стало так жалко их обоих. Но пса больше. Не был он виноват в том, что хозяин вывел его на прогулку и подло обманул тем, что привязал как овцу к дереву.

Сам я в то время, да и намного позже, был в прекрасной физической форме: талия, «крылышки» под мышками от подтягиваний широким хватом на перекладине, в меру накачанные мышцы рук и предплечий... Все это делалось мною с собственным телом для того, чтобы, как мне казалось, нравиться женщинам...

Вот только с годами я понял противоположное... Девушки и женщины любят не за «крылышки» под руками и красивые мышцы, все это больше нужно для самоутверждения самого самца-мужчины, а любят ушами и сердцем. Ну и успешных, конечно.

А вот сегодня, в 20-х годах XXI века, шепчи не шепчи на ушко ласковые и умные слова, красавицы чаще всего предпочитают любви к молодым людям богатство и статус стариков или их потомков – наглых мажоров. Проклятые деньги сгубили романтику.

Богатство, как магнит, притягивает красоту женщин и заменяет привлекательность самца. Ну что ж, возможно, это и естественно. Как знать? Ведь все продается в проклятом капиталистическом мире...

А вот во времена «коммунизма» почти все красавицы Украины и Киева, в частности, находились вечером в выходные и на праздники на Крещатике. Украинки, еврейки, молдаванки, русские, татарки и особенно их смесь... И именно смешавшаяся кровь красивых, но бедных людей совдепа вывела самую красивую породу женщин и мужчин в мире! Мы такие!

«Скверные» профессора

Самое значительное, что произошло со мной в сквере Шевченко, – это знакомство с весьма интересными людьми, профессорами разных вузов: Киевского госуниверситета, политеха и Высшего пожарного училища. До меня они много лет бегали вместе и, конечно же, успели по несколько раз пересказать друг другу все, что считали интересным в своей жизни. И тут появляется свежий попутчик, то есть я...

Однажды эта компания бежала почти в одном темпе с мной. Мы вежливо поприветствовали друг друга, и я непроизвольно взял их темп. И получилось так, что дальше мы стали бегать всегда вместе.

Среди спортсменов-ученых мое внимание полностью захватил правовед-криминалист из КГУ. Это был рафинированный интеллигент с большим чувством юмора и знанием множества анекдотов на криминальную тему.

«Судят как-то одного негодяя, убийцу старушек. И судья его спрашивает:

– Зачем же вы их сотню убили и у каждой взяли всего-то по одному рублю? Где же логика?

Он в ответ:

– А логика железная, – говорит. – Сто бабок – сто рублей!»

Еще один «с бородой», но классный, как по мне, анекдот из тех, что я запомнил.

«Судят насильника-педераста в Тбилиси.

– Ваше последнее желание, – закачивает чтение сурового приговора судья-грузин.

– Прокурор нравиться!»

Пожарник во время бега глубоко посвящал меня в тему своего величайшего изобретения – огнетушителя будущего, который, по его словам, чуть ли не сам летал за огнем и тушил его с такой яростной силой, что нередко ранил самих пожарных... Хотя, со слов самого ученого, такое, если и могло случиться, то крайне редко, а потому, по его логике, это не должно было стать препятствием в запуске его изобретения в серийное производство.

– Подумаешь... Ну, может, иногда и травмирует слегка какого-то одного пожарника, но зато сколько гражданских жизней спасти можно! Прикопались бюрократы! – гневно заканчивал свою лекцию ученый.

– А ты, – подшучивал криминалист, – министру пожаротушения дом подпали и затуши потом. Вот он и убедится в важности изобретения.

Но у пожарника с юмором было напряженно, и он принимал все всерьез...

– Нельзя! В тюрьму посадят. Умышленный поджог пришьют.

– Зато, когда выйдешь из тюрьмы на свободу, изобретение запатентуют и медаль дадут за тушение на пожаре, – еле сдерживая смех, продолжал прикалываться профессор-юрист.

– Я другое придумал, – заговорщически и на полном серьезе отвечал доктор наук по пожарной части. Но что придумал – секрет до конца так и не раскрыл.

Ну а доцент из политеха оказался большим специалистом по столярному делу и подрабатывал помимо чтения лекций по сопротивлению материалов (в народе – сопромату) тем, что делал богатым заказчикам двери. И уж так он любил эту свою работу, что, слушая его, хотелось самому сразу заказать его классные двери и любоваться ими всем на зависть. И я тут же представил себе злующих бабок у этой распрекрасной двери, как они часами смотрят на нее и выискивают щели, чтобы подглядеть.

Постепенно я полюбил этих людей и многое для себя почерпнул из их рассказов, потому что это были интеллектуалы высшей пробы, и их речь, интеллигентность и богатый словарный запас были для меня, дворового, как лекции в университете.

Им я тоже нравился. Какой никакой, а благодарный слушатель.

С нами бегал, кстати, и известный в Украине и во всем мире академик Амосов, который и придумал бег трусцой. Он жил недалеко, в двух кварталах от нашего сквера, на улице Ленина (ныне Богдана Хмельницкого), и неизменно перед работой накручивал круги в сквере своей фирменной трусцой. Но вот бегал он с возрастом уж очень медленно, и мы только иногда, обгоняя, перекидывались с ним словами...

Помню, он упоминал о том, что разочарован своими генами, преждевременной дряхлостью тела и даже своим фирменным бегом. Ничего, мол, не поможет, умрешь ровно в тот день, когда гены скажут...

«Белые медведи» в человеческом облике

После бега и крутой зарядки я вновь возвращался в мыслях к преступному обогащению и вот что решил.

Во-первых, мне как можно быстрее нужны были два крепких телохранителя, да таких, чтоб только одним своим видом наводили страх на обидчиков. И несколько человек следопытов с мотороллерами или хотя бы велосипедами, которые бы по моему плану следовали бы везде и всегда за избранными мною жертвами и фотографировали во всех местах их пребывания...

Во-вторых, нужен был лидер, способный организовать банду, чтобы я со временем начал работать его руками, и съемная квартира, где бы я мог спокойно планировать новые нападения без дозора Майры и Сайры.

В-третьих, новая машина для меня и старенькая для сопровождения.

Никакой лишней собственности я заводить не собирался. А все имущество, как я вычитал в том самом журнале для следователей, должно было быть оформлено по липовым документам.

Реализуя этот план, я изменил маршрут утренних пробежек и стал периодически бегать на другую сторону Днепра, где, если перейти через пешеходный мост, появилась такая себе импровизированная площадка для качков. Там было все, что только нужно для спортсменов-энтузиастов и их же руками сделано из разного железного хлама, который никому и в голову бы не пришло спереть ночью. И брусья, и перекладина, и тяжеленные изделия из кусков металла наподобие гантелей, и такие же смешные с виду разного веса штанги из выброшенных кем-то на свалку чугуновых утюгов и каких-то громадных заводских гаек, и т.п. Посетителями этой качалки были в основном молодые инженеры или ученые, ну и мужики постарше, увлеченные бодибилдингом.

Я быстро со всеми перезнакомился. Они видели во мне дилетанта, поскольку мои мышцы, по их мнению, никак не тянули на совершенство. А я мирно и с наигранным послушанием принимал их советы, как, где и что подкачать.

Почти сразу я обратил внимание на двух здоровенных двухметровых парней – друзей Костю и Валеру. Им было где-то по 27–28 лет. На их лицах просматривалась скромность и интеллигентность. Вот я и пригласил их под малозначительным надуманным предлогом поболтать в маленькое кафе на Крещатике.

Дело было вечером. Ребята не заказали спиртного, но ели все, что попадалось под руку. От них я узнал, что работают они инженерами в каком-то НИИ. Работой не дорожат из-за грошей, которые платят, а спорт для них – главное дело в жизни. Весь их мир! Жен и детей у них не было.

Я вскользь рассказал им легенду о себе: мол, тайный журналист, описываю жизнь разных преступников, а потом под разными вымышленными именами посылаю материалы расследований в газеты, где больше заплатят. За риск, что могут убить или отомстить за правду, мне платят огромные деньги. Зовут меня Николай, а больше и знать им ничего обо мне не нужно.

Конспирация...

Я предложил им по 300 рублей в месяц, чтобы они сопровождали меня вечерами. А иногда и днем.

– А что?! – энергично доказывал я им правду о своих гонорарах. – Я эти деньги полностью отрабатываю! Платят ого-го как! Риск большой и мало кто на такое соглашается...

Уж и не знаю, что они на самом деле обо мне подумали, но это и не было важно. Для них основным аргументом для дружбы со мной был факт, что за сопровождение я обещаю платить каждому большущие деньги!

Главным среди ребят был Костя. Он и стал спрашивать:

– Что мы должны делать, Коля?

– Абсолютно ничего сложного. Первое: вы должны продолжать в первой половине дня, а иногда и вечером, усиленно тренироваться. Я куплю каждому из вас по боксерской груше, чтобы вы хотя бы по часу в день отработывали удар. Мне вряд ли когда-то понадобится ваша помощь, но я буду иметь право всегда на нее рассчитывать.

Второе: вы должны будете, если я где-то гуляю по улице или нахожусь в ресторане или кафе, сопровождать меня и находиться на расстоянии не менее 150–200 метров, не выпячиваясь, но и не теряя меня из виду. Сам я парень мирный и скромный, а ваше присутствие чисто демонстративное... Ничего противозаконного не предлагаю и не предложу. Никогда! – как можно убедительнее закончил я спич.

– А вам приходилось драться?

– Я только в детстве дрался, – извинительно заявил Валера. Давно не пробовал, да и не нападал на меня никогда никто...

Из-за белизны кожи он и вправду с виду был похож на большого белого медведя, ходившего на задних ногах-лапах, одетого в джинсы из брезента и сорочку с короткими рукавами, в которые явно не помещались мышцы рук. Если кто-то из ребят случайно напрягся, ткань трещала. Ну какому хулигану придет в голову даже по пьянке пристать? Глупый я задал вопрос....

Костя с первого взгляда выглядел бойцом. То что надо парень!

– Главное правило: вы не имеете права никому и никогда говорить о нашей договоренности, где были, что видели или слышали, если это связано с работой. Вот представьте себе, что нет меня в вашей жизни, и все... Я появляюсь только тогда, когда вы на службе. Вы женаты, дети есть?

– Пока нет. Но у меня, – сказал Валера, – может скоро жена появиться.

– А ты ей все рассказываешь?

– Ну нет, конечно!

– Ну врешь, конечно, – передразнил его я. – Женам все рассказывают.

– А ты-то откуда знаешь?

– Сам женат был. А потом очень жалел, что все ей говорил! – нагло соврал я.

– Извини, просто спросили... Странный ты все же какой-то...

– Главное, что не сраный! А впредь никогда не извиняйтесь, а просто никогда не спрашивайте то, что знать не положено. Последний раз отвечаю: я нормальный парень, но со сложной и опасной работой. И платят мне за мою работу ого-го как! Я как бы шпион под крышей. Слышали?! Усекли?! И теперь, – продолжал я, – у вас должна быть легенда для соседей и знакомых, где вы сейчас работаете. И куда-то формально надо все же устроиться. Время такое... Да и участковый вопросами замучает...

– А мы можем свою зарплату в НИИ нашему руководителю отдавать, а на работу не ходить, – сказал Валерий. – У нас такое сплошь и рядом...

– Вот и умно, – сделал я фамильярный комплимент, постепенно беря бразды правления в отношениях между нами в свои руки.

– А в лоб, если к тебе пристанут, сразу давать? – спросил Костя.

Мне нравилось, что Костя такой дотошный...

– Исключено, зря только убьешь или покалечишь человека, – ответил я. – Только отпугивать и оттаскивать от меня, что вы и так должны были бы сделать как порядочные и законопослушные граждане нашей Родины.

– А на какой срок контракт?

– Пока живы, – пошутил я. – Отказаться можно и мне, и вам, предупредив за неделю. Но не думаю, что это произойдет скоро. Права у вас есть, ребята?

– У меня есть, – сказал Валера. – Но только для легковушек.

– Устроит.

– Когда начинаем работать?

– Через пару недель, когда договоритесь на работе с вашим жуликом- начальником. Мне нужны ваши телефоны. А вот вам по 300 рублей подъемных каждому. Купите себе нормальные спортивные костюмы, две пары, чтобы всегда были в чистом.

На этом разговор закончился, хотя у здоровяков была, конечно, еще куча вопросов. Но, поскольку они были флегматичны и тугодумы, задать их вот так сразу никак у них не выходило. Все, что интересовало, в замедленном темпе прокручивалось в их больших головах. Но 300 рублей перевешивали любые сомнения. Большие были деньги!

На этом разговор в кафе закончился.

Поиски бандитского логова

Позавтракав после зарядки аппетитной глазуньей и свежей французской булочкой со сливочным маслом, по которым так тосковал в Армии, я вышел на Красноармейскую и пошел вниз, внимательно осматривая каждый фонарный столб, срывая заинтересовавшие меня объявления. Справочная книга на столбах, заборах, дверях подъездов – визитная карточка тех времен и тогдашнего бизнеса. Она была способна ответить на любые запросы не избалованного буржуазным сервисом советского гражданина. Объявления гласили обо всем, что душа желает: аренда квартир, ремонт, покраска, поклейка обоев, починка всякой всячины, продажа щенков, котят и черти чего еще – выбирай, что хочешь. Объявления писались от руки, печатались под копирку, а под ними частоколом аккуратно нарезались ножницами номера телефонов, которые можно было сорвать, не повредив сам текст. Все просто: нарвал себе обрезков, а дома сел к телефону и обзваниваешь...

Хорошо зная Киев, я решил постоянно обосноваться поближе к воде, на левом берегу Днепра, куда пацаном часто ездил с ребятами купаться летом.

Приезжие в мой родной город и те, кто не понимает климатические условия столичного мегаполиса, имеют обычай селиться в престижных районах правого берега. Но поверьте, это громадная ошибка! Жить в городе, расположенном на берегах величественной и живописной реки, и не видеть

всю эту красоту – убожество совдепа.

Полторы тысячи лет назад, когда Киевская Русь только зарождалась, люди селились на высоком правом берегу из-за боязни затоплений. И то, далеко от реки дома и церкви не строили. А только так, чтобы видеть красоту и наслаждаться замечательными видами.

Левый берег освоили уже при «коммунизме», когда соорудили плотину, построили заводы и хрущевки для рабочих.

В 60–70-е годы прошлого столетия ситуация стала резко меняться, и на берегах Днепра и чистых озер, которые он образует, появились довольно приличные дома и их жители. Не работяги-пьяницы, а интеллигенция и те, кто способен оценить красоту природы и понимает, что левый берег – это сплошная зона отдыха со своим микроклиматом и пляжами, усыпанными очень приятным на ощупь мелким, но не пыльным ярко-желтым, золотым песком!

Лично мне на левом берегу Днепра очень нравилось живописное озеро Тельбин в районе Березняков: чистая родниковая вода и великолепные песочные пляжи.

Помимо квартиры я искал частный особняк – какую-нибудь захудалую, заброшенную хибару, куда никому и никогда не пришло бы в голову залезть, чтобы искать там сказочные богатства. И где я бы мог спокойно хранить документы, деньги и оружие.

Нужные варианты нашлись... И вот я уже осматриваю на Березняках довольно приличную однокомнатную квартиру на последнем этаже высотки, с большой по советским меркам кухней, с великолепным видом на озеро.

Квартира полностью меблирована: широкий диван, маленькие телевизор и холодильник, старинный письменный стол, стулья в комнате и на кухне. Воде бы все есть... А что еще такому парню, как я, нужно для полного счастья? Живи и радуйся!

Хозяйка квартиры – Мария Ивановна, доброжелательная интеллигентная одинокая пенсионерка, женщина лет шестидесяти, имела в этом же подъезде еще одну квартиру. Там и жила. Муж давно умер. А дети – сын и дочка – жили в Москве. И она, с ее слов, очень скучала по ним и внукам. Цена была высокой. Я сбил пять рублей. И специально азартно торговался, чтобы у хозяйки и мысли лишней не возникло, что имеет дело с богатым человеком. И мне это вполне удалось. Мы договорились...

– Вы не курите, не пьете, молодой человек? Больших компаний не водите? – немного подозрительно спросила она меня.

– За такую цену мог бы делать все, что вы перечислили, – пошутил я. – Но нет! Почти не курю, но уж точно не пью и не наркоман. А с компаниями не вожусь, вам повезло, – лихо пошутил я, чтобы окончательно расслабить хозяйку. – Я парень спокойный, и никакого шума или неприятностей от меня не будет. И соседи будут довольны, а ведь это и есть главное, – еще раз с хитрецей пошутил я.

О себе вкратце добавил: мол, хочу поступать в вуз и буду готовиться к поступлению на юридический факультет Киевского государственного

университета. Не уверен, что сразу поступлю, но надеюсь... Мои мама и отец – довольно обеспеченные люди, поэтому дают мне свободу, полностью доверяют и снабжают деньгами. Не балуют, но хватает...

– А где работают ваши родители? – спросила Мария Ивановна.

– Они номенклатурные работники, и я не имею права без их согласия что-либо о них рассказывать. Да и зачем вам их истории? Скажу только, что вы будете довольны таким жильцом, как я, и можете всегда прийти и посмотреть, чем я тут занимаюсь. Просто заранее предупредите, потому что замок, а возможно, и дверь я поменяю. Планирую переехать к вам надолго. И договор меня устроит не менее чем на год без повышения цены на этот срок. А там посмотрим...

Я дал Марии Ивановне записать данные с одного из моих паспортов, о которых расскажу чуть позже, где я числился Николаем, и тут же забрал документ обратно, передав ей деньги.

На том и расстались очень даже душевно...

Частный дом я тоже вскоре нашел. Он находился в районе Китай-горы, возле киевского автовокзала. Походил на обшарпанную избушку с подвалом и был одним из последних домов на длинной, извилистой улице со странным названием Боевая среди таких же трущоб с удобствами во дворе. А сдавал его пьяница – парень лет тридцати. Он и документов от меня не взял и сам подробно не представился. Только помахал перед носом купчей на дом, назвался Васей, забрал 40 рублей вперед за месяц и ушел бухать дальше...

Васин домик состоял из трех малюсеньких комнат, кухоньки и подвала, в котором хранились, кстати, чрезвычайно вкусные яблоки, которые пьяница, владелец дома, по трезвому делу как-то умудрялся собирать с деревьев, которые росли подле дома, но до базара, чтобы продать, так никогда и не довозил: денег на транспорт после дежурной пьянки не оставалось либо мешало жестокое похмелье... Так что на всю зиму я был полностью обеспечен еще и очень вкусными витаминами, которых хватало даже на угощения дворовых ребят...

К дому прилегала пара соток земли, на которых росли пять-шесть деревьев старых яблонь и цветы с бурьяном вперемежку... В принципе все очень даже ок! Такой себе заброшенный мирок старой рухляди в самом что ни на есть сердце бушующего жизнью мегаполиса.

Жить, конечно, в домах, которые сдают пьянчуги, я бы никому категорически не советовал, потому что каждое утро они будут приходить к вам занимать деньги под будущие платежи за аренду. И выдумывать какие-то глупости, для чего им это позарез нужно. А на самом деле, чтобы напиться.

Но жить ведь там я и не собирался и, соответственно, встречаться с пьяницей тоже...

На столбах я также сорвал парочку объявлений шарашкиных контор, которые делают ремонты. Нанял их за смешные деньги, и они поменяли замок в квартире на Березняках, починили двери и окна в хибаре пьянчуги, а также обновили замки в доме и в квартире на Красноармейской. Кстати, сделали там

такой замок, что скважины от ключа больше не стало, следовательно, я лишил главного удовольствия мерзких старух – жить моей жизнью через замочную скважину.

Так вот и был завершен план переезда, поскольку ни мебели, ни вещей у меня не было.

Теперь первым делом мне нужны были две автомашины: новая для меня и старенькая для охраны.

Быстро пролетели неделя или две-три... Ничто в моем распорядке не менялось: бег по утрам, через день-два – встречи с Тamarой, очень редко – выход во двор, а главное – неспешный, но кропотливый поиск нового объекта для очередного отъема денег.

«Симпатичный» профессор

Во время утренних пробежек я так сдружился с профессурой, а они со мной, что я начинал скучать, если кто-то вдруг пропускал тренировку.

Особые симпатии вызывал у меня профессор криминалистики Киевского госуниверситета. Его звали Александр Иванович. Постепенно мое общение все больше происходило именно с этим человеком. Помимо учености, он был мудр, и я многому у него научился. Его захватывающие рассказы о предмете и лекциях, которые он читал в университете, были настолько увлекательны, что я постепенно, сам того не желая, но из интереса, который вызывала у меня его личность, становился его учеником, и он, как выяснилось позже, это чувствовал.

– А что, сынок, может, тебе после Армии на юридический поступить? Льготы как у солдата у тебя есть, да и ум острый вижу, – как бы невзначай во время пробежек пару раз повторил он.

Я понимал, что профессор делает мне по сути комплимент-предложение с намеком на помощь. И как-то спросил его:

– Разве мало достойных молодых людей учиться на юридическом? На что он с грустью ответил:

– Очень мало. Поскольку факультет блатной, дающий большие возможности для дальнейшей карьеры, поступить на него рвутся многие молодые ребята. Но в основном, скажу тебе честно, к моему глубокому разочарованию как педагога, это бездари, которых по блату или за деньги протаскивают родители. Они не хотят знаний, а мечтают о должностях и привилегиях, которые дает им профессия юриста. И думаю, если бы таким вот неучам дали диплом сразу, например, на первом курсе, они бы с радостью его и взяли! Этим бездельникам не нужны знания, а только бумажка. Я их называю

«носители дипломов». Какие там из них юристы? Они и лекции-то не посещают. И вечно кто-то большой за них перед экзаменом просит, чтобы я хотя бы трояк им поставил. Так и дотягивают на сопельках до конца учебы. Но ни государству, ни людям такие спецы не нужны, они только засоряют юридическую профессию, позорят! – с грустью заключил профессор. – Был,

например, у меня один студент, сын судьи Верховного Суда Украины. И его, неуча, после вуза сразу сделали районным судьей. Так он, представляешь, Николай, выносил приговор и назначал тюремные сроки даже без ссылки на Закон. По глупости приговаривал людей к тюрьме. И бывало, что на длительный срок! Прямо как после революции, руководствуясь одним только социалистическим правосознанием. Ну тогда понятно, Законов не было! Но в наше-то время... И ведь до сих пор так работает, представляешь? Вот какие кадры выпускаем...

– А я чем лучше? – провоцировал я профессора.

– Ты дисциплинированный и увлекающийся знаниями парень, да и словарный запас у тебя такой, что некоторым моим коллегам в университете в пору уроки у тебя брать. Значит, начитан. И я же вижу, как горят у тебя глаза, когда меня слушаешь, какие вопросы задаешь... А то, что ты из семьи простой, для перспективного молодого человека большой плюс в жизни. Все, кто своим трудом строит карьеру, многого достигает! С тебя толк будет. Уверен!

– А откуда же вам знать, из какой я семьи и что за человек? Я ведь никогда об этом не рассказывал. Может, я и есть потенциально тот самый носитель диплома?

– Ну нет, сынок. Я же криминалист! А это наука не только о раскрытии преступлений и глубоком изучении поведенческих привычек и философии человека. Не только преступников. Да и жизнь я большую прожил. Не профессором же родился! – он радушно рассмеялся. – Таким, как ты. И на войне успел побывать. Так что все глубоко вижу. Если бы ты из блатной семейки был, то и характер, и разговоры у тебя были бы иные, да и спортивный костюм не такой старый.

– Правду говорите. Отца нет, а мама уехала к брату. Теперь сам о себе забочусь. Но не подумайте, для меня это в радость. Я так с детства привык. А если я все же вас подведу и окажусь лентяем, дураком или кем похуже?

– Себе же хуже и сделаешь. Но я в это не верю. Да и кем таким похуже ты можешь оказаться? Ну не убийцей же или маньяком?

– А вдруг? – в свою очередь отшутился я.

– Не думаю, – даже не посмотрев в мою сторону, убежденно ответил Александр Иванович. Не было в истории криминалистики маньяка, чтобы по утрам с профессорами бегал! – и он снова громко рассмеялся. – Ну а если ты и есть первое в мире исключение, значит, мы все тут вместе, – шутливо подмигнул мне профессор, – войдем в мировую историю!

– Это почему же?

– Это будет мировой бестселлер, который я вместе с коллегами, докторами наук напишу, – он с улыбкой посмотрел на остальных бегунов. – Он будет о том, как два профессора и один кандидат наук из маньяка юриста воспитали. Тоже неплохо. Хотя ты прав, Коля. В жизни бывает все. И даже то, что никогда быть не может!

Кто на ком стоит и от кого зависит?!

В то утро Александр Иванович был особенно словоохотлив. Он продолжал знакомить меня со своими философскими взглядами на жизнь всю пробежку. И никто из коллег его не перебивал, потому что ранее ничего подобного от него не слышал. Он был явно в запале. И что интересно, обращался исключительно ко мне, как будто никого другого рядом и не было.

– Очень глубоко проникнуть в душу человека, Николай, никому не дано, – продолжал меня учить уму разуму папа-профессор. В народе правду говорят: «Чужая душа – потемки!» Хотя я, конечно, студентам такое не рассказываю. Наоборот, внушаю всем, что криминалистика – одна из точных наук. И все о человеке знает, особенно о преступниках. Но, как ни прискорбно, сынок, это большой обман. Объяснить, почему многие люди вдруг полностью меняют свой внутренний мир и становятся опасными преступниками, пока что никому не дано. Ведь мозг человека так и не изучен. И чем больше я проникаю знаниями в эту область, тем все больше мне представляется, что тысячи извилин и миллиарды нейронов мозга – часть некой сверхъестественной субстанции, которая управляется извне каким-то другим глобальным разумом. Так считал величайший гений философии Гегель. Слышал о нем?

– Нет, профессор.

– Ну и не надо, – снова рассмеялся ученый. – Ведь его потом Владимир Ильич Ленин чуть ли не в члены религиозной секты определил. А какую мечту ты лелеешь, Коля?

– Хочу своим трудом многого добиться! – схитрил я, придавая понятию «труд» коммунистический оттенок.

– А что для тебя многое? Поясни.

– Ни от кого не зависеть, быть на самом верху, чтобы никаких командиров надо мною, – по-мальчишески однозначно ответил я. И добавил: – Хочу прожить жизнь честно, чтобы без подлости.

– Ни от кого не зависеть, парень, никогда не получится. Уж поверь! Остальное возможно. Все люди на планете Земля зависимы. Но умные это понимают, а глупые нет. И большинство настолько зависимы, что живут почти как животные, разве что только разговаривать умеют. Хотя зачем я это все тебе говорю?

Но Александр Иванович все же продолжил развивать тему человеческой зависимости. Запал, раж, в который он сам себя привел в это утро, никак не давал ему остановиться!

– Вот от кого, например, зависел царь? – указывая на постамент, на котором возвышался великий украинский поэт Шевченко, спросил Александр Иванович. – Да-да, не смотри на меня, как на умалишенного. Тут действительно раньше гордо стоял самодержец всея Руси Николай I, который и построил красное здание университета. Такое одно, кстати, во всем мире и по цвету, и по архитектуре. Необычно, правда? И этот прекрасный сквер тоже он разбил. Ну а когда революция произошла, его величественный памятник на коне и с саблей сбросили, а на этот вот высокий постамент с лестницей,

которая вела к фигуре царя, чтобы ему поклониться, поставили Тараса Григорьевича Шевченко. Жаль, что самого поэта не спросили, – профессор был явно в ударе. – А был бы величайший из украинских деятелей искусства жив, он бы проклял на века в стихах тех, кто придумал взгромоздить его изваяние на основание памятника такого ненавистного им при жизни самодержца. Ведь он его ненавидел! А теперь стоят как родные: половина царя, половина поэта. И кому на самом деле поклоняются те, кто приходят, сами не знают. Анекдот! И так бывает всегда, когда за дело идиоты берутся! Но об этом никому, сынок. Никому! – заговорщически приложив палец к губам, расплывшимся в улыбке, а потом уже очень серьезно заключил ученый.

– А то ведь знаешь, что бывает за такие разговоры?

– Знаю.

– Конечно, знаешь. Все знают, – снова серьезно заключил он.

Я искренне рассмеялся шутке про половинки царя и поэта, а потом вдруг задумался о зависимости и независимости. И действительно пришла мысль: ну вот от кого мог зависеть царь великой Российской империи? И тут же получил ответ. Профессор как будто прочел мои мысли.

– Самодержцы, – торжественно произнес это слово Александр Иванович, – полностью зависели, например, от окружения, которое их в конце концов и погубило. Читал о Распутине?

– Нет.

– Ну так и не расскажу тебе ничего о русских царях. Рекомендую, обязательно прочти. Очень интересно! И каждый уважающий себя человек должен знать историю своей страны. И даже не потому, что должен. О сегодняшней жизни намного больше узнаешь и себя самого лучше поймешь. Прочтешь – поговорим дальше. На бегу такие вещи не воспринимаются. Можем даже диспут научный с тобой провести на тему, что важного сделали цари для своего Отечества. А заодно на их примере – о значении революций в истории разных стран. Мне очень интересно, кстати, будет узнать, как ты мыслишь.

«Синдром безотцовщины»

Будучи с детства лишен родительской ласки и внимания, я испытывал к любому взрослому мужчине, который проявлял обо мне хоть малейшую заботу, какие-то прямо-таки сыновние чувства. Мне сразу хотелось называть такого мужчину на «ты», а глубоко внутри себя – папой! Наивные и детские глупости, конечно! Ну уж как есть... Я бы назвал эти мои ощущения синдромом безотцовщины.

Этот самый синдром появился у меня где-то лет с пяти. Я точно помню первый такой случай...

Как-то мама взяла меня с собой погулять и по дороге «на минутку» заскочила по каким-то рабочим делам в большое здание Киевсовета. Строго приказала ждать у входа, пообещав скоро прийти.

Но что-то у нее пошло не так... То ли забыла обо мне, то ли из-за дел задержалась, но она долго-долго не приходила. И у меня, малыша, началась паника. Я твердо решил, что совсем потерялся, и горько-горько заплакал.

Вокруг стали собираться люди. Много людей! Одни наперебой спрашивали у меня, что случилось. Другие говорили утешительные слова и по доброте так громко перекрикивали друг друга, что больше пугали, чем успокаивали. Начался страшный шум и гам, что привело мой детский разум к ужасному выводу: случилось что-то непоправимое, и я от этого открытия уже не просто кричал – орал от горя.

И тут, как по велению волшебной палочки, из толпы добрых зевак вышел (так отпечаталось навсегда в моей голове) очень сильный, рослый и красивый мужчина. Он решительно подошел ко мне и по-родственному обнял, подхватил в свои сильные руки и поднял над толпой. Да так, что она аж ахнула!

Произошло чудо! Как загипнотизированный, я тут же затих и полностью успокоился.

Мужчина поставил меня на землю, взял мою пухленькую ручку в свою и с нежностью заглянул мне в глаза. Снизу вверх я внимательно всмотрелся в его крупное лицо, большие ярко-голубые глаза и как будто очнулся от глубокого сна. Меня вдруг с головой накрыла очень радостная фантазия: так это же мой папа! Да-да, это он! Я сразу вспомнил, что именно в таком образе он приходил ко мне в детских снах, в которых, играя, часто высоко-высоко подбрасывал меня в небо. Аж до самых-самых тучек. Я даже отчетливо вспомнил, как мне было страшно падать обратно вниз. Я летел так стремительно, что вот-вот разобьюсь о землю! И просыпался...

Ну наконец он нашелся – мой родной папочка! А какой он сильный и храбрый!

Через мгновение я с большой обидой уже подробно объяснил нашедшемуся в толпе папе, что мама бросила меня! А сама – вон в том здании... И жалобно попросил больше не оставлять меня и вместе отыскать маму.

Мы начали поиски.

Как же радовалось в те минуты мое детское сердечко! Я раз мечтался, как обрадуется мама, когда увидит, кто на самом деле меня к ней привел! Я был абсолютно уверен, что она тоже давно-давно его ищет, потому что соскучилась по нему даже больше меня самого. Да-да, по-другому и быть не может, ведь он такой красивый и мужественный. Не зря же она выбрала среди многих других мужчин именно его и сделала потом моим папой.

Пока мы шли, встречные люди оборачивались, вглядываясь в мое заплаканное личико, а я так гордился! Ни у кого нет более сильного папы, чем у меня. Он любого побьет, если кто меня решится обидеть.

Фантазии росли одна за другой. И одна из них твердо уверила меня в том, что мой родной отец тоже находился в поисках мамы. Она и его случайно

забыла где-то на работе в этом громадном многолюдном городе. А он, бедный, заблудился и так и не смог найти дорогу домой.

Мама всегда говорила, рассказывая об отце, что Миша (так она его называла) только-только вернулся с большой войны. Такой растерянный... Ничего и никогда не помнит...

Когда мы наконец-то нашли маму и незнакомый мужчина попытался освободить свою руку от моей, чтобы попрощаться, я снова впал в истерику. Хотя обычно плакал мало, не был плаксивым ребенком, как многие.

Пришло время расставаться. И мой случайный спаситель никак не мог понять, почему я так заливаюсь слезами, пытался всячески успокоить, нежно поглаживая мои волосы. Но от этого я еще больше кричал и плакал! И он так испугался моей реакции, что быстро-быстро ушел, даже не попрощавшись.

Из-за моего истошного крика вокруг меня и мамы снова стали собираться люди, очевидно полагая, что я плачу из-за того, что меня бьют. А маме вдруг стало очень стыдно. И она, даже не сказав спасибо тому благородному незнакомцу, страшно ругалась на меня и кричала, чтобы я немедленно замолчал. Ох, как же она была возмущена моим поведением! Она нервно стыдила за то, что я позорю ее перед людьми.

После того самого случая я продолжал, пока был ребенком и даже намного позже, тянуться всей душой к мужчинам, которые проявляли ко мне хоть малейшую доброту и внимание, и, как следствие, очень рано стал разделять людей на добрых и злых, что с возрастом трансформировалось в интуитивное деление всех, с кем сталкивала жизнь, на хороших и плохих.

Беспризорная жизнь научила меня буквально чувствовать людей каким-то седьмым чувством. Точно дворовая собака, я нюхом мгновенно чувствовал любого мужчину. И именно эта собачья способность множество раз, без всякого преувеличения, буквально спасала мне жизнь. Ведь, пока я был малышом, на моем пути встречались очень разные дяди. Попадались и отпетые преступники, и даже извращенцы. Но Бог спас! Я вырос среди таких же послевоенных пацанов, не получив ни одной душевной царапины, а с 12 лет уже запросто мог за себя постоять.

Вот так и случилось, что я очень рано научился разбираться в истинных мотивах любого человека, который хотел со мной сблизиться. И никогда больше не сомневался в верности своих ощущений.

Были ли ошибки? Конечно... Но по большому счету – никогда!

Позже я заметил еще одно важное обстоятельство: большинству людей распознание ближнего не дано! Они не видят того, что таким, как я, сразу очевидно. Не могут отличить подлеца, лицемера, откровенного негодяя, мошенника, извращенца, преступника от хорошего и порядочного человека. А потому частенько попадают на своем жизненном пути в лапы опаснейших представителей человеческого рода, что неизменно заканчивается для них жестокой трагедией.

Званный ужин

На одной из пробежек профессор пригласил меня на ужин к себе домой.

Какая честь! Я с радостью принял его приглашение, совершенно не задумываясь зачем и почему. Ведь к тому времени он уже был моим «папой». Как не довериться...

И вот я уже у его квартиры на улице Толстого, в центре Киева. В руках у меня семь красных роз, бутылка красного закарпатского сухого вина и вкуснейший «Киевский миндальный торт». Со стороны, наверное, выглядел застенчивым женихом. Хотя... Подумал и тут же подшутил я сам над собой: как знать? Ведь у профессора была дочка...

Квартира ученого была в престижном месте, в сталинском, в прошлом номенклатурном доме, построенном еще в 1933 году, в котором раньше, со слов самого хозяина квартиры, селили главных редакторов центральных украинских газет и журналов. Жильцы квартир, пока не умер вождь, то есть до 1953 года включительно, постоянно менялись, потому как по анонимкам или за неосторожные публикации темными ночами владельцев жилья частенько забирали черные воронки и увозили в заснеженные края бескрайней Сибири либо Соловков.

Квартира была по тем временам весьма роскошная: 150 квадратных метров жилой площади, светлая, с видом на Ботанический сад Киевского университета. Минимальное количество мебели, громадная библиотека и большое количество картин современных украинских художников вызывали ощущение комфорта и подчеркивали утонченность вкуса жильцов...

В столовой к моему приходу уже был накрыт стол: пирожные, конфеты, домашний торт, шампанское, весенние фрукты – черешня и клубника с базара... Сервировка со вкусом... Фарфоровый чайный сервиз: блюдечки, тарелочки, чашечки... Все говорило о том, что ко мне относятся уважительно. А вот за что? И что такого профессор обо мне уже успел рассказать жене и дочери? Я чувствовал, что что-то хорошее... Но я не стал утомлять себя на этот счет дальнейшими измышлениями. В принципе, какая разница...

Жена профессора, Софья Алексеевна, приятно улыбающаяся 50-летняя женщина, предложила мне сразу идти к столу, но муж настоял на том, чтобы сначала показать мне квартиру, особенно его библиотеку, совмещенную с рабочим кабинетом.

Для меня, дворового пацана, все было очень неожиданно и необычно. Я никогда до этого не был принят в обществе уважаемых людей, да еще из научной элиты. Да и кто я такой, чтобы заслужить такой прием?!

Вот это да! И все это уважение всего лишь из-за того, что я спортсмен и внимательно слушал на бегу каждое профессорское слово? Нет-нет, мне хотелось верить, что Александр Иванович что-то во мне увидел. Но что?

Я, кстати, был очень скромно одет. Все, что я успел прикупить в столичном универмаге приличного за ворованные деньги, в тот вечер я нацепил на себя: серый пиджак, белую рубашку, отутюженные черные брюки и новые до блеска натертые вазелином туфли. Все совдеповское,

мешковатое... Но моя спортивная фигура немного украсила эти вещи, и выглядел я, конечно, для знатоков моды смешно, но в целом для парня, только что демобилизовавшегося из Армии, очень даже неплохо!

В общем, я был доволен своим видом, а мое лицо и блеск в глазах выражали уважение к хозяевам и восхищение их приемом...

Главным украшением стола была, конечно же, не посуда и яства, а яркая, черноволосая и с такими же иссиня-черными глазами дочь Александра Ивановича – Лиза. Она была невысокого, где-то метр шестьдесят, роста, с тонкой талией и округлыми бедрами, стройными белыми чуточку кривыми ножками и красивой девичей грудью, «на глаз» второго размера. Она вся излучала доброту, открытость, искренность и невинность. Ей только что исполнилось 15 лет, и она оканчивала с отличием 10-й класс средней школы.

Подумалось: красивая девочка, вырастит и осчастливит какого-то знатного красавца. А может, Александр Иванович уготовил ей именно такого, как я, чтобы сделать потом из меня человека? Хотелось думать, что я был первым из таких вот гостей, и это грело мое самолюбие...

За столом Лиза не говорила, а ворковала как голубка, а в ее голосе читались и страсть, и преданность, и любовь, и уважение к родителям, и при этом ни тени зазнайства, но громадное достоинство! Я чувствовал, что ей было очень интересно поговорить со мной – человеком из другого мира. И понял, что, видимо, отец рассказывал ей что-то о моем беспризорном детстве, тем самым вызвал у дочери ответную реакцию – жалость, которая у душевных девчонок вполне может стать первой ступенькой к любви.

Взрослеющие дети женского пола особенно уязвимы чужим несчастьем... А тут судьба преподносит ей живую несчастную куклу, с которой можно поиграться, утешая от забот. Ох, как забавно! Как трогает девичье сердечко! Ведь неживые игрушки в ее возрасте уже давно как бы в прошлом... А ребята, с которыми девушка общалась в школе, и знакомые ее родителей не вызвали у нее таких трогательных эмоций. Они были все нормально устроены и из хороших семей.

Я совершенно точно уловил образ мыслей девушки. А посему ее дальнейшие расспросы о моей горестной в ее представлении жизни не стали для меня каким-то сюрпризом...

– А кто вам готовит еду, Николай? Папа говорит, что вы живете без родителей, – прозвучал ее первый наивный вопрос.

– Лиза, у тебя еще будет время пообщаться с молодым человеком... Дай Николаю спокойно чаю попить, – прервал ее отец. – А там, если захочет, то и сам все о себе расскажет.

Но куда-там... Я так захватил воображение девушки, что остановить ее было уже невозможно. Вопросы сыпались один за другим, и слышать их мне было весьма забавно.

– Я много не ем. А картошку и яичницу жарю лучше, чем любая женщина, – отшутился я.

– А ваша мама часто к вам навещается? А папа? А братики или сестрички у вас есть? А вас никогда не обижали учителя в школе? А командиры в Армии? А кто за вами присматривает? Тяжело, наверное, одному живется?

– Ну все! – резко оборвал ее отец. – Все вопросы моему юному другу задашь в университете, если еще поступите...

Лиза сделала вид, что обиделась, и надула губки... И тут я краем глаза словил на лету взгляд на нее профессора, когда он делал ей замечание. Ох уж эта отцовская любовь! Она неподвластна разуму. В нем была такая неподдельная любовь к дочери, такое обожание, что мне сразу стало понятно, как трепетно папа относится к будущему своего любимого чада, как страстно желает устроить в ее жизни все так, чтобы Лиза была счастлива! Я вдруг взгрустнул... Ведь на меня самого так никто и никогда не смотрел. Как трогательно! Как необычно... Ранее мне никогда не приходилось видеть такого вот отцовского взгляда. Вот она какая – настоящая отцовская любовь!

– Да что вы, Александр Иванович! Зачем обрываете девушку? Я всегда с удовольствием рассказываю о своей жизни. Скрывать-то нечего. А девушке интересно... У меня все нормально, Лиза, – не обращая внимания на замечание отца, продолжил я. – Мама меня очень любит, а я ее. У меня есть еще родной старший брат в Крыму. Мама в настоящее время гостит у него, потому что ему ее внимание сейчас важнее... А я никогда не скучаю, и еда для меня не главное. Вот послушал вашего папу и решил серьезно готовиться к вступительным экзаменам в университет. Жаль только, школу окончил так себе... Поэтому немного боюсь, что не успею как следует подготовиться. Все остальное сейчас не так важно.

– А я вам с удовольствием помогу. Ведь я – круглая отличница, – даже не спрашивая меня, хочу ли я ее помощи, быстро отреагировала девушка. Ну как же иначе? Лиза никак не хотела выпускать из рук новую игрушку...

– Ну так здорово! Я буду надеяться на вашу помощь...

Вечер удался на славу! Александр Иванович рассказал пару закрученных криминальных историй, а Софья Александровна – о туристической поездке в Италию, в Рим, и о том, как поразил ее воображение папский дворец и величественный собор Петра и Павла.

– Представляете, Коля, там захоронены настоящие святые. И как теперь не верить в существование Иисуса?! Вот муж мой в Бога не верит! А Вы?

– Не думал над этим, – не очень убедительно произнес в ответ я. – Как-то мало об этом думаю...

– Почему не верю, – откликнулся Александр Иванович. Конечно, верю! Но не в Иисуса, Будду, Аллаха либо какого другого Бога конкретно, а во всемирный разум – такую почти божественную по сути субстанцию, которая существует во Вселенной и, как утверждал величайший из философов мира – Гегель, вбирает в себя все, что мы создаем на земле в виде идей. Они уходят в пространство и обогащают Идею. И жизнь на земле продолжается, но постоянно как бы с нового старта!

Так что я, как ученый, как раз один из тех людей, кто работает напрямую с этой важной субстанцией – с самим Богом, – пошутил профессор. – И к тому же вряд ли здравый человек может отвергать теорию Дарвина о происхождении видов и человека, в частности. В этом самом моменте у церковников никак не складывается... Все остальное в Библии и подобных книгах, если смотреть на это с точки зрения поведенческой философии человеческих поступков, высочайший класс! Мне тоже хочется верить в то, что моя жизнь на земле – всего только начало жизни в Раю. Очень привлекательная идея! Ведь никому невозможно представить, что его самого когда-то не будет. Так?

– Ты за столом и с гостем, а не на лекции у студентов, – очень мягко перебила Александра Ивановича жена.

«Какая уютная женщина!» – подумалось.

Лиза говорила больше всех остальных... Но я почти не слушал ее полудетских рассказов и философских оценок про жизнь, которые присущи невинным существам ее возраста. Максимализм чувствовался в каждом ее слове. И мне было потешно от ее уверенного тона и того, как она выдавала всем известные истины за свои собственные умозаключения.

Временами девушка украдкой посматривала на меня. И ее лучезарный взгляд, помимо простого человеческого интереса к незнакомцу, выражал искреннее сострадание к моей персоне и чисто женскую заботу, которую юные и не испорченные жизнью существа женского пола почти всегда испытывают к тем, кто, по их мнению, обижен судьбой, будь то кошечки, собачки, ежики или... люди.

Чтобы развеселить хозяев, я невпопад рассказал историю о драке в Армии.

– Как-то мне и сослуживцу-громиле – солдату из Сум – ночью подменили сапоги. У него был 50-й размер, и весил он килограмм сто двадцать, а у меня – 43-й. И когда ночью подняли по тревоге, он стал натягивать мой сапог, который был ему разве что на мизинец. Громила-горилла был такой нечеловеческой силы, что, представляете, порвал голыми руками мой сапог в клочья! А когда наконец понял, что сапог подменили, заподозрил меня, зарычал, как медведь, и с такой силой толкнул, что я, как муха, пролетел несколько метров по воздуху и головой разбил вдребезги радиоприемник на стене.

У меня тогда чуть ухо не оторвалось. Я очухался, подкрался и в ответ врезал сумского крестьянина тяжелой деревянной табуреткой прямо по макушке. Тяжеленный табурет вдребезги... Другой бы сразу умер на месте, а он только почесал свою макитру и крякнул. Смешно, правда?

В ответ все дружески заулыбались, но так, что я сразу понял, что история-шутка не удалась, а только показала меня с какой-то зверской, малокультурной стороны.

Зря я влез в разговоры утонченных интеллигентов... От их улыбок я покраснел. Неудобно как-то получилось. И история глупейшая! Но как было

рассказать ее по-другому. Я передал истинную суть того, что со мной тогда произошло. И ничего не приукрасил. Эта была типичная история, которыми была наполнена вся моя прошлая жизнь. Да, я такой. Просто нельзя быть откровенным с людьми из другого мира. Это был урок...

Увидев мое смущение, Александр Иванович решил исправить ситуацию и проявил живой интерес к продолжению моей дурацкой истории.

Что сказать? Тонкий человек...

– А откуда в нем такая силища, что он тебя как назойливую муху отбросил? Неужели бывают такие сильные люди? И сапог разорвал... Даже представить себе не могу!

– А он у нас свинарем был. И голыми руками мог 300-килограммового хряка задушить, – еще глупее, но уже специально, как бы на зло утонченным людям, уточнил я детали рассказа. Пусть знают, что я не такой, как они. И не стесняюсь этого. Хотя, конечно же, в душе понимал, что зря злюсь на интеллигентных людей. Надо бы на самого себя...

Но все обошлось... Мы немного помолчали за столом после моего дикого рассказа, но чуть позже беседа мирно продолжилась, а я все больше молчал, чтобы прежде всего окончательно не оттолкнуть от себя Лизу. Мне почему-то захотелось понравиться ей. Хотя что в этом было необычного? Парням ведь всегда хочется нравиться девчонкам. И наоборот. Так что ничего такого, это нормально.

Под конец вечера Александр Иванович предложил мне помочь с учебниками для подготовки к поступлению, а также посоветовал сходить в библиотеку Академии наук, где можно найти нужную литературу.

– И тебе, Лизонька, надо бы чаще там появляться, – как бы в назидание под конец вечера обратился он к дочери. – А то ведь все дома сидишь. А библиотеки для того и созданы, чтобы читатели лучше сосредотачивались на учебном материале.

Душевный вечер подошел к концу.

Я поблагодарил профессора и хозяйку за гостеприимство, с чувством улыбнулся Лизе и добавил, подыгрывая отцу:

– До встречи в библиотеке! На том и расстались...

Подумалось: Господи, хоть бы никогда эти приятные мне люди не узнали о моей звериной сущности и жестокости!

Красивая девочка Лиза

После званой встречи, обогатившей мои знания о жизни и быте успешной интеллигенции, я продолжил свою: рано утром пробежка, потом завтрак и два часа занятий по истории с учебниками, которые мне дал профессор, потом обед, который состоял в основном из салата из свежих помидоров, огурцов, лука да пачки пельменей или жареной докторской колбасы, которую я покупал в гастрономе. И потом только самое важное:

скрупулезное составление плана очередного ограбления. Дни пролетали как минуты. Сплошная радость и душевный подъем! Это состояние свойственно очень увлеченным людям. Оно и есть счастье!

К тому же в моей жизни чудесным образом появилась прекрасная Елизавета! Лиза... Мы проводили с ней почти ежедневно два часа в библиотеке, а после я провожал ее домой.

А однажды после занятий мы сходили в кино на «Ромео и Джульетту». Прекрасный фильм, и Лиза проплакала почти все романтические сцены.

Тонкая натура! В ее понимании я продолжал оставаться несчастным и брошенным, и обо мне надо было обязательно заботиться. Например, Лиза взяла за правило приносить с собой в библиотеку вкусные бутерброды, которые сама для меня и готовила. А когда я с аппетитом уминал ее снедь, девушка так умиленно смотрела мне в глаза, как будто кормила из рук обиженного злым хозяином маленького и миленького щеночка, который при виде еды радостно махал ей хвостиком.

Хвостика, конечно, у меня не было. Но эмоции я не сдерживал, чем сам того не желая, провоцировал юную красавицу на все большую и очень трогательную заботу обо мне, которая, как я понял с возрастом, ошибочно принимается у таких тонких натур за любовь.

Часто девушка даже предлагала мне деньги... Ей казалось, что я не доедаю и не допиваю, экономя абсолютно на всем. Она всегда пыталась заплатить за меня везде, где мы бывали: в кинотеатре за билет в кино, за мороженое и пирожное. Смешно, конечно. Но уж как есть...

Временами мы бродили по аллеям парков и скверов, которыми так богат красавец Киев. И Лиза всегда очень восторженно говорила о своей семье, о том, какой хороший, умный, честный и справедливый человек – ее отец. Как он любит семью – маму и ее, как много работает, и даже рассказала, глупенькая, как он уничтожающе отзывается о вождях революции – Ленине и Сталине – за то, что они сделали с Украиной, когда морили украинцев голодом!

Эта тема была мне неизвестна и абсолютно не интересовала. Но я показывал из вежливости обратное, хотя и всячески уходил от подобных разговоров. Ведь знал точно: нас могут подслушать! Правда, не совсем еще понимал – кто? Просто чувствовал, как и все разумные люди того времени.

– А что сделали?

– Голодомор! Разве не слышал?

– Нет...

– Миллионы людей на Украине без крошки хлеба оставили!

Ленин – убийца и тиран? – пролетело в голове. Как так? А в школьных рассказах о вожде и на картинах, которые висели в школе, он последним делился с рабочими, крестьянами да их милыми детишками и все свободное время с ними играл. Неужели он и Сталин давали приказы убивать невинных людей? А еще и заморил голодом миллионы украинцев?!

Мне лично все эти рассказы были в диковинку. В те времена я никогда политикой не интересовался... Для меня убитые или живые миллионы людей абсолютно ничего не значили! Миллионы, миллиарды... Замучили, убили... Какая мне была разница? Но вот когда Эдик рассказывал мне о конкретных негоднях-убийцах на войне, это я воспринимал всей душой! Ведь он был живым свидетелем репрессий. А слова Лизы, по сути ребенка, не впечатляли... И не попадали в душу.

Первое время я, не вдаваясь в подробности рассказов молоденькой девушки, просто слушал звуки ее нежного голоса, похожего на журчание лесного ручейка... Как вдруг меня как молнией сразило! Господи, что ж она мне такое рассказывает?! Ведь за это ее отца и посадить могут, а то, что с работы выгонят, даже и не обсуждается!

– Не надо, Лиза, о политике. Пожалуйста! И будь очень осторожна с такими разговорами. Отца в первую очередь подведешь и друзей его заодно...

– Так ты же свой. Ты же наш Коленька! Папа о тебе только хорошее говорит. Разве ты предатель? Не смей!

– Вся страна одних предателей! Ты еще ребенок и не понимаешь многого.

– Ну уж нет! Я давно не ребенок! Так только папа с мамой считают. А домой к нам исключительно хорошие люди приходят и часто говорят о многих таких вещах. И что, они все предатели?!

Но как можно было объяснить неискушенной жизнью девчонке все прелести социализма? Да и обиделась она сильно за ребенка.

– Ты думаешь, я такая дурочка? Такая наивная? Я же никому... Только тебе... Ты же друг!

– Да, я друг твоего папы. И твой тоже... Но то, что ты сейчас рассказала, очень и очень серьезно. Давай лучше о чем-то другом... О чем хочешь. Тебе отец не рассказывал, что делают у нас в стране с антисоветчиками?

– А разве я что-то очень плохое рассказала? Ну да, рассказывать всем такое нельзя, папа говорил... Но ведь каждый человек имеет право на свое мнение?

Какая трогательная наивность!

– Александр Иванович – очень добрый и прозорливый человек. Конечно же, он не мог во мне ошибиться. Но вдруг я подослан в вашу семью, чтобы выведать все тайны?

– Кем? И зачем? Ну ты такое смешное сказал... Посмотрел бы на себя со стороны. Шпион! – и она звонко рассмеялась. – Да ты, Коля, просто со стороны себя не видишь... Разве ты способен на подлость?! Никогда не поверю!

– Нет-нет, Лизонька! Я конечно же, не шпион. Но... Дай мне честное-пречестное слово, что никогда и никому такого больше рассказывать не станешь.

– Вот видишь, как ты о папе заботишься? А говоришь, что тебя подослать могли...

Господи, нет предела детской наивности... И как же это здорово, что есть среди нас, людей, единицы, которые сохраняют ее до последней черты! Они – лучшие из нас! Однако почти у всех поголовно наивность и вера в лучшие черты человечества уходит вместе с детством.

– Ты считаешь меня хорошим и честным парнем... А почему?

– Я же вижу, какой ты добрый! Да и как ты можешь быть другим, если столько трудностей на твою жизнь выпало. Ты очень-очень хороший человек! Ведь я слышу, как хорошо о людях говоришь... Вот и обо мне заботишься.

– Я злой!

– Нет, добрый!

– Нет, злой и противный! – кокетничал я. – И могу тебя сильно обидеть...

– А я тебе сдачи дам... Или папа заступится!

– А веришь, что я человека могу убить или искалечить?

– Ты? Убить? Погладить можешь...

Пока мы так вот ворковали, к нам на лавочку в сквере Шевченко, который начинался сразу через дорогу у библиотеки Академии наук, подсели двое пьяных парней. И стали в разговоре между собой мерзко ругаться матом.

«Смертельный бой»

Я очень не хотел выглядеть в глазах девушки хулиганом, каким и продолжал себя считать в то время... Но что-то такое особенное, очень личное зародилось в моей душе от общения с ней. Тогда я даже не отдавал себе отчета, что в моей крови от ее присутствия начинает бушевать тестостерон. И, как у дикого зверя в период гона, он вызывает особую реакцию – жуткую агрессию, когда зверь готов убить любого, даже намного сильнее его самого и опасней, если кто-то хочет у него отобрать либо как-то обидеть любимую. Глаза его наливаются кровью, и он уже не видит ничего, кроме раздражающей цели. Половозрелые лоси, например, атакуют в такие периоды своей жизни целые железнодорожные составы!

Слава Богу, у большинства людей нет таких ярко выраженных животных инстинктов, но не у всех. И уж точно не у меня в молодости. Моя животная агрессия, когда я находился рядом с Лизой, обострялась до предела! Сам не понимая того, я был опасен для окружающих и в любую секунду мог загореться, как порох от огня. А тут не кстати мат соседей так меня взбесил, что я, сам того не понимая, спровоцировал драку. Да-да, спровоцировал, потому что, как потом выяснилось, Лиза даже не слышала бранных слов, ее инстинкты подсказывали ей сосредоточиться на мне. Женщины... Они такие... Мы разные...

– Ребята, а можно чуть тише ругаться. Тут девушка, – тихо, но дерзко сделал я им замечание.

Реакция, которая сразу последовала от нежеланных гостей по скамейке,

была абсолютно предсказуемой... Я, сам того не понимая, бросил им вызов,

потому что никогда нельзя безнаказанно делать замечания пьяным хулиганам. А это были именно они...

Ничего не отвечая, один из них, который был пониже своего товарища ростом, но намного крепче сложен, встал и приблизился ко мне с явной агрессией. Ему было под тридцать. Он был чуть ниже меня, но физически явно сильнее. Второй же стал тянуть его за полы пиджака, чтобы усадить на место. Но был сильно пьян и мямлил...

Я нюхом почувствовал начало жестокой драки и, будучи опытен в дворовых баталиях, мгновенно вскочил, чтобы исполнить самое важное правило в драке – ударить первым, но Лиза...

Так ничего и не поняв, а только желая прекратить потасовку и защитить меня от драчуна, девушка инстинктивно схватила меня за боевую левую руку и попыталась оттащить в сторону. Это была плохая инициатива, и, если бы нападавший применил нож, вряд ли бы я сегодня писал эту книгу... Естественно, я отвлекся... И в тот же момент получил жесточайший профессиональный апперкот в челюсть, от которого меня отбросило назад на скамейку. Два сильных боковых удара вдогонку просвистели над головой мимо, но зацепили Лизу, отчего она тоже упала, но не скамейку, как я, а рядом с ней, прямо на траву...

Бьющий, как потом выяснилось, был авторитетным рецидивистом, а в тюрьме только и делал, что отрабатывал боксерские удары да качался гирями. Он только-только вышел из тюрьмы и в этот самый день с утра праздновал с друзьями рождение сына от женщины, которая ждала его после очередной отсидки... А в сквер зашел случайно. Покурить...

От удара у меня треснула челюсть и вдребезги разлетелся коренной зуб. Весь рот переполнился вязкой жижей вперемешку со слюной и кровью... Но никакой боли я в тот момент не чувствовал. Меня всего охватила бешенная злоба: убить, разорвать обидчика в клочья, уничтожить!

Не помню, как, но тестостерон и униженное достоинство буквально подняли меня в воздух. Я оказался на ногах и нанес такой силы ответный удар в голову нападавшего, что того подбросило в воздух и он отлетел от меня к ближайшему дереву, ударился о него головой и... потерял сознание.

Его худощавый пьяный друг подбежал, обхватил мои руки и стал энергично о чем-то просить... В пылу я не различал его слов, но Лиза потом уверяла меня, что он упрашивал больше никого не бить...

Добренькие прохожие, не видевшие начало конфликта, не разобравшись, посчитали меня зачинщиком драки, хулиганом и буквально откачали негодяя. Кто-то побежал звонить в скорую, кто-то в милицию... Лиза горько рыдала... В общем, началось такое!

Убегать было нельзя. Мы с толпой зевак покорно ждали милицию.

Но вот поверженный пришел в себя, уверенно поднялся на ноги, потом достал из-под полы громадный охотничий нож, переделанный из немецкого штыка времен Отечественной войны, и пошел с ним на меня в смертельную атаку.

Я видел такое много раз. И не было никаких сомнений. Он хочет меня убить! Ужасное зрелище... Налитые ненавистью и кровью глаза зверя, перекошенное лицо... Нет, морда! А вместо когтей – острая финка!

Он шел на меня, держа на вытянутой руке нож. А я, поскольку Лиза мертвой хваткой, судорожно, но очень крепко вновь вцепилась в мою левую руку, даже не мог отскочить в сторону, убежать либо взять какой-нибудь предмет для защиты. Девушка стала медленно терять сознание и падать, но руку не отпустила... И я ну никак не мог ее оставить.

Нет, я не прощался с жизнью и не боялся, как часто бывало со мной, когда я видел блеск лезвия ножа в руках того, кто проигрывал битву на кулаках. Потому что такие люди – нелюди. Таких не уважают даже в среде хулиганов. Они – настоящие убийцы! Больные! Садисты! Их всегда надо опасаться и или убежать, или калечить дубиной по голове!

Уже потом мне рассказывали в милиции, что в тот самый момент, когда бандит сделал выпад и в прыжке попытался всадить мне нож в живот, я как-то умудрился отклониться, и нож прошел вскользь по ладони девушки, оставив неглубокий след на ее нежной ручке...

Во время драки ни я, ни он далее уже не произносили ни звука. Мы оба молча вцепились друг в друга глазами. Слышны были только крики из толпы людей, которые собрались вокруг. Каждый из нас сосредоточился на своем: я на защите, а он... убить!

Водка в организме бандюги сыграла с ним плохую роль. Его движения были неуверенными. Я, наоборот, весь как сжатая до отказа пружина. Несколько раз мне удалось отбить нож ногой. Руки, а вернее, свободная от Лизы рука до него не дотягивалась... Проблема состояла в том, что он был ко мне перед очередным прыжком все ближе. И я терял преимущество эффективно отбиваться ногами.

Постепенно бандит все больше приходил в себя, целился все уверенней и, бросившись в очередной раз, сумел левой рукой отбить мою ногу и со всей силы ударить обоюдоострым ножом в мой левый бок. И в это раз меня спас какой-то миллиметр.

Вряд ли в последующий раз он промазал... Так что жить мне, наверное, оставалось недолго...

Спасая жизнь, я пятился назад, волоча за собой, намертво вцепившуюся в мою левую руку Лизу. Но вот и конец, я уперся спиной в фонарный столб у скамейки... Дальше отходить уже было некуда.

И надо же! Удача мне не изменила... За спиной бандита откуда-то взялся капитан милиции – худошавый, абсолютно невыразительной внешности, высокий парень, тренер по карате.

Бог помог! Другого объяснения тому, что произошло, нет и быть не может!

Героям слава!

Каратист сделал какой-то быстрый прием и ударом ноги из-за спины бандита, ловко выбил нож, и тот улетел в толпу зевак. А самого нападавшего крепко обхватил руками и намертво прижал к фонарному столбу, который к тому времени оказался уже между ним и мною.

Капитан как клещ вцепился в бандюгу и сковал его движения. И тут вся ярость, на которую я только был способен, вырвалась из меня наружу. Лось показал все, на что он только способен! Со мной случился аффект – состояние, в котором врачи признают даже убийц невменяемыми. Я с силой освободился от руки Лизы и обеими кулаками стал, что есть силы молотить по врагу! Голова, туловище, голова, туловище – удар за ударом. Так продолжалось минут пять без перерыва. И почти все удары точно по цели, не считая двух- трех по металлу столба, что превратило мои руки в сплошное месиво из рваных ран и крови.

Бандит поник, стал терять сознание и медленно с капитаном на спине опустился на землю...

Милиция, которая оперативно прибыла на место происшествия и под радостные возгласы из толпы, которая теперь полностью была уже на моей стороне, надела на него наручники, а заодно и на своего же капитана, поскольку не поверила, что он их сотрудник. Уж очень прост был с виду этот парень. И вот что поразило меня до глубины души: я ранее никогда не видел настоящих героев и не представлял, что они могут быть так просты с виду и не амбициозны. Удивил он меня так сильно, что на всю жизнь поселил в моей самодовольной душе массу сомнений в моих способностях распознавать людей! Как так? Парень пошел на смерть ради долга стране, которой по большому счету было на него наплевать. Ведь он мог бы пройти мимо или посмотреть, дорежет меня убийца или нет. Интересно же! Кто возразит? Факт. И именно так вели себя сотни людей вокруг. К тому же капитан не был оперативным сотрудником милиции. Обычный тренер... Но одно дело – тренировать в зале отбивать нож, а другое дело – настоящий немецкий штык и живой убийца в придачу! Ради моей, незнакомой и по сути абсолютно чужой жизни, он рисковал своей жизнью... Мне не понять...

Мысленно я спроецировал его поведение на себя самого. И решил: нет, я бы в такую драку не влез никогда. В крайнем случае только ради успокоения совести заступился бы за слабого. Но это другое... А тут... Нет, смелости бы у меня не хватило. И снова восхитился!

Через несколько минут меня, каратиста, Лизу и еще несколько зевак-свидетелей черный ментовский воронок забрал в РОВД.

В райотделе Лиза и я очень благодарили бойца-капитана, но больше и искренней все же Лиза. Девушка почти что бросилась ему на шею. А он – простой 30-летний деревенский парень – покрылся на лице красными от смущения пятнами... И звали его так же просто, каким и был он сам, – Ваня.

Я еще и еще всматривался в его лицо, пытался оценить физические и моральные данные. Серенький такой и нескладный. Вот бы понять, что им двигало? Отдать свою жизнь за других? На картинках в Армии я видел

Матросова с гранатой на фашистском дзоте или Гастелло, направляющего свой самолет в механизированную колонну врага. Но все же тут они отдали свою жизнь за Родину. Так нам говорили партработники в Армии. И это были всего только картинки... Как знать, что было на самом деле?

Знал я, конечно, и верил этому по-настоящему, хотя и не был в то время верующим, что был еще Христос, который пожертвовал собой ради жизни всех людей на земле. Но ему за это поклоняется уже много веков полмира. А тут... В голове все перевернулось настолько, что я отказывался верить тому, чему сам был свидетель...

Вот такой урок преподнесла мне жизнь. Оказывается, героев я определять не умею. И никто, видимо, из людей не умеет! Хотя в фильмах их изображают всегда так, что веришь увиденному... Парадокс.

В день нападения на меня несостоявшийся убийца – сиделец – праздновал рождение сына. Вот ведь дурак! – подумалось. Такой день испоганил. И кстати, дали ему за нападение на меня восемь лет. И только потому, что я пожалел его старенькую мать и молодую жену, которые долго обхаживали меня в судах и обливали слезами. Я спрятал и не предъявил в суде заключение медиков о нанесенных мне побоях. Иначе трещина в челюсти и выбитый зуб да его явные намерения меня убить, которые на следствии и в суде я всячески сглаживал, запросто могли обеспечить ему дополнительно еще лет пять отсидки! Это было классическое покушение на убийство, но посадили его с моей помощью по более мягкой статье.

– Что я могу для тебя сделать, Ваня? – обратился я к герою после суда.

– А ты кто по профессии?

– Да я так... Просто... Из Армии вот недавно пришел...

– И что же ты можешь для меня сделать? Тебе самому помощь нужна, парень. Девушка у тебя очень хорошая. Как же она тебя защищала! Наверное, любит очень? Береги ее. Вот это для меня и сделай. А захочешь к нам, в ментовку, приходи. Нам такие смелые пацаны нужны.

И вдруг, улыбнувшись, сказал, что очень любит растворимый кофе. А достать его негде, особенно индийский. Деньги он, мол, сразу отдаст, чтобы я, не дай Бог, ничего не думал. Просто любит, мол, кофе и такой подарок, но за его деньги, примет. Но предупредил: не больше одной банки. И покраснев, добавил: нет индийского и наш сойдет... Не убивайся, мол, даром.

Я никак не смог сдержаться и спросил парня:

– А вот скажи, тебе не было страшно на штык кинуться? Ведь это почти как Александр Матросов на немецкую амбразуру!

– Ну нет, – громко рассмеялся он, хотя ранее выглядел как человек, не имеющий никаких эмоций. – Сравнил тоже! – снова густо покраснел он. – Если честно, – пошутил он или правду сказал, – мне страшновато стало, когда ты его молотить начал. По-моему, ты был не в себе. И если бы я тебя не остановил, ты бы его натурально убил! Если уж на то пошло, то не тебя одного я спас – сразу две жизни! Пусть он и преступник, но не я ему судья! Ты же его убить хотел! И у тебя почти что получилось. Вон, посмотри на его морду...

Извини, лицо, – интеллигентно поправился он. – Я, когда ты его молотить стал, все думал: вот сейчас промажешь и меня убьешь!

Эти слова Вани запомнились мне на всю жизнь, как и мои мысли о том, что дурак я, и в людях не разбираюсь. Вон какой ум мне Ваня продемонстрировал, и даже с философским уклоном.

– А можно я про тебя в газету напишу? – вдруг заявил я.

– Да ну, еще чего, – снова покраснел Ваня. – Зачем? Мне ничего такого не надо... Я ведь не милиционер. Это мне капитана дали, чтобы зарплату за тренировки повысить. Я тренер...

Я понял смысл появления Вани в собственной жизни уже через много-много лет, когда окончательно поверил в Бога и стал чаще вспоминать слова мудрого моего наставника – Эдика. Именно он учил меня без заумных ссылок на сверхъестественное, что ничего случайного в жизни людей не бывает, и приводил примеры из своего военного прошлого... Что нас спасают от смерти либо полностью меняют нашу жизнь вовсе не люди, а ангелы. Только они способны совершать чудеса, вселяясь в случайно оказавшихся в нашей жизни людей и заставляя совершать в отношении нас часто совершенно не свойственные им в их обыденной жизни поступки... А почему они так именно в тот самый момент поступили, по какой причине оказались именно в том самом месте и в то самое время – нашему разуму не объяснить. Это, говорил он, чудо!

Чудо – вот что случилось тогда и еще несколько раз повторялось в моей жизни.

Вопреки энергичным возражениям героя в газету мы все же черкнули. Лиза написала и, подозреваю, что не без творческого участия папы. Потому что статья вышла такая героическая, да еще на первой странице «Вечернего Киева».

Редакцию после выхода газеты завалили письмами благодарные граждане и еще долго восхваляли Ваню. И даже нашли его адрес и писали домой. Потом была еще одна статья и снова на первой полосе, где капитана награждал генерал УВД Киева каким-то важным орденом. Но думаю, что и тут без вмешательства Александра Ивановича не обошлось...

Ну а кофе растворимого индийского я все же десять банок для него достал! И домой ему передал прямым образом его маме в руки, потому что его самого дома не застал.

– Ой, подарок-то какой! Мой сынок ведь так его любит! Это он тебя просил, мальчик? – обращаясь ко мне, стала причитать мама героя, средних лет худощавая, высокая женщина, как и сын, такая же невзрачная с виду. – А деньги? Я сейчас...

И она суетливо побежала на кухню искать рубли, чтобы расплатиться.

Но я мигом убежал, оставив бедную женщину в замешательстве...

Почти что любовь...

В милиции, когда все было сделано (написаны протоколы, отобраны показания), меня забрала скорая, которую вызвала Лиза, а сама осталась поджидать меня в райотделе.

Когда меня на той же скорой как героя привезли обратно, то сразу увидел возле входа в райотдел яркое платье девушки. Она была вся заплаканная и трогательно кинулась мне на шею.

– Коленька, ты жив?! Как хорошо! Я так волновалась! Какой ужас! Как такое могло произойти? Этот бандит!.. Как он мог?! – шептали ее губы, вернее, даже не губы, а ее трепетное девичье сердечко. Да так, что мое сердце в ответ слышало столько нежности, такую женскую страсть и сострадание, что я полностью растрогался.

– Как ты сама, Лизонька? Как твоя рука?

В ответ она жалобно, как поранившаяся малышка, протянула мне свою раненую пухленькую ручку. Порез был небольшой. Но след от ножа ей остался на память на всю жизнь.

– Мне так стыдно, что при тебе произошла драка. Я ведь не драчун.

Правда!

– Да что ты? Ты же, как в милиции выяснилось, защищал мою честь. А мне, глупенькой, сначала показалось, что ты сам эту дурацкую драку начал. Я ведь не слышала слов брани, Коля. Правда! Я все тебя слушала...

– Нет-нет, они говорили очень плохие слова, Лиза, которые девочкам слушать нельзя. Вот я и сделал замечание...

– Я девочка? Скажи еще, что маленький ребенок! – возмутилась Лиза. – И что ты обо мне знаешь? Может, я давно взрослая женщина! Ты думаешь, я плохих слов никогда не слышала? Я взрослая и все-все в жизни понимаю.

– Ты взрослая?

– Взрослая!

– А что же ты, взрослая, о взрослой жизни знаешь?

– Достаточно знаю. А еще знаю, – прорвало девушку на трогательные нотки, которые сразу выдавали ее истинные чувства, – что ты очень-очень хороший, Коля, и добрый! Просто мало кто тебя по-настоящему понимает, и не повезло тебе в жизни.

«Ну вот, – подумал я. – Теперь только не хватает завершить разговор нежным, долгим поцелуем – и под венец». И я немедленно перевел тему.

– Почему же не повезло? Вот отца твоего встретил и тебя... Уже повезло. Да еще как! Только ты еще совсем ребенок... И обмануть тебя любой парень сможет. И меня ты совсем не знаешь, – как можно более зло подчеркнул я.

Пугая девушку своим злом и ставя свое отношение к ней и к ее отцу в один ряд, я хотел чуть охладить ее пыл. Показать, что между нами всего лишь дружба и взаимное уважение... Ведь так и до беды недалеко. А лишить ее девственности и подло предать доверие Александра Ивановича, не будучи уверенным, что я хочу на ней жениться... Нет, нет и еще раз нет! Это так нечестно... Так подло, так вероломно, так неправильно... А вдруг я после

постели с ней передумаю? А вдруг и не люблю ее вовсе? Просто весна,

тестостерон да «лось» во мне... Ведь раньше я никого и никогда не любил. Сравнить мои чувства к ней было не с чем. Разве что с чувствами героев книжных романов, которыми я в детстве зачитывался. Но это ведь (промелькнула у меня подленькая мысль) все вымыслы авторов... А тут... Все так стремительно и по-настоящему... «О Господи, – подумалось. – Мне только влюбиться не хватало, да еще в ребенка!»

К тому же я понимал, что женское сострадание постепенно превращается у нее в ложное чувство любви. Ведь чувственным женщинам так свойственно заботиться о тех, кто брошен. Материнские чувства ответственности у неискушенных женских душ за обиженных, несчастных, брошенных часто берут верх над разумом, принимаются ими за любовь. А потом живут такие страстные натуры со своим несчастным мужем, пока в какой-то момент их глаза широко не откроются, и они ясно увидят, что предмет их нежной любви вовсе не несчастное существо, а простой неудачник по жизни, постоянно ноющий о том, что в детстве его обделили любовью и бросили... И оказывается потом, что на самом-то деле возлюбленный никого, кроме себя, не любит. И не способен ни на какие высокие чувства. Он хитер, и на самом деле напрасно от него чего-то ожидать... В общем, фу!

Сказать бы всем добрым красавицам: не жалейте брошенных. Им не помощь нужна, а драной метлой по заднице. Чтобы не воровали любовь у чистых сердец!

– Проводи меня срочно домой, – вдруг резко и обиженно заявила девушка. – Я все поняла...

А что же она поняла? Тогда я еще не понимал женских штучек: искусственно создать небольшую проблему, показать неизвестно на что обиду, чтобы до предела разозлить «лосю», который и так взбешен тестостероном, а потом броситься ему на шею с прощением!

Женские штучки... Но тогда я не был в них искушен. Мне ранее никогда не приходилось ссориться с девушками. И конечно, меня сильно зацепил такой поворот событий. Тут же захотелось упасть на колени и извиниться, да так, чтобы все теплое, что произошло между нами до ссоры, вернулось... Захотелось крепко прижать ее к себе, сказать много ласковых слов. Нет, не поцеловать в яркие, сочные и такие желанные в этот момент губы. А просто крепко прижать Лизу к своей груди, погладить по головке, успокоить, сказать, что она мне не безразлична. Что я люблю ее как родную сестру... Но ведь это было бы неправдой! Мне очень стыдно было признаться себе в том, что во мне зародилось какое-то новое и очень-очень сильное чувство! Я все еще сомневался в его названии и всячески убеждал себя в братском отношении к девушке, в зародившейся дружбе. Но в голове крутилось одно единственное определение происходящего – любовь. Чувство, которое окрыляет настоящих мужчин и делает их безумными. А то, что произошло в сквере, отвергало любые мои сомнения. Я совершенно точно сходил с ума! К тому же в ушах громко звучали нравоучения Эдика: «Никогда не верь девушкам, которые зовут тебя в друзья. Это обман, сынок! Они уже забросили свои хитрые сети,

чтобы словить твою душу и окольцевать на всю оставшуюся жизнь в загсе. Всегда помни об этом! Никогда не было и не будет дружбы между мужчиной и женщиной».

После ссоры мы молча шли пешком до подъезда девушки.

– До свидания, – вежливо сказала Лиза, открывая входную дверь. – Но знаешь, меня на этой неделе в библиотеке не будет. Столько разных дел... Да еще девчонок и ребят из школы надо бы провести. А то ведь совсем заучилась... Нехорошо...

Я тогда не понимал, что, говоря о ребятах, девушка снова лукавит и дразнит «лося». Хочет вызвать во мне ревность... И не потому что хитра. Вовсе нет. Это такой вот еще один приемчик у всех умниц-женщин... Он у них в крови и вовсе не потому, что хитры.

– До свидания. А я в библиотеке буду каждый день. Отцу твоему обещал, – отреагировал я, подчеркивая решимость ждать ее всегда. Нет, я не подыграл девушке в ее маленькой хитрости. Просто был не опытен и сказал именно то, что и ожидало ее трепетное сердечко.

– Прости, если обидел! Хотел как лучше, а вышло как-то не так... Я это чувствую. Правда! Но ты должна понимать, что я всего лишь невоспитанный парень, простой дворовый пацан. И мне простительно... Еще раз извини!

Никакой ответной реакции не последовало. Лиза быстро скрылась в недрах подъезда. И это был третий урок, чтобы заставить меня страдать, который в течение дня преподала мне красивая девчонка. Мы расстались...

От разыгравшихся чувств меня бросило в озноб – обычную в любовных играх реакцию моего тела на сердечные переживания, а душа наполнилась глубокой печалью.

Потом я еще долго бродил по улицам Киева, все думая о случившемся... И совсем не о драке... Ее я уже почти и не вспоминал. Да, болела челюсть, да, кровь еще сочилась из раны выбитого зуба, а мой язык инстинктивно и назойливо-противно продолжал искать этот проклятый зуб во рту. Но все это казалось какой-то мелочью в сравнении с разлукой. Я чувствовал себя глубоко несчастным и страстно желал снова увидеть девушку. Вот с этими мыслями я и не заметил, как открылась дверь моей коммунальной квартиры и передо мной как из-под земли выросли отвратительные костлявые фигуры злобных старух. Они пытались пробиться сквозь мой слух какими-то очередными гадостями... Но куда там! Не говоря ни слова, я захлопнул перед их крючковатыми носами дверь своей комнаты, плюхнулся в одежде на диван и попытался заснуть... Но не тут-то было!

Чтобы наконец успокоиться, я стал перечитывать рассказы Тургенева. Он ярче всех из писателей мог передать красоту природы, от описания которой обычно моя душа находила покой. Но чтение не шло, и тоска разгоралась. И, чтобы все же отвлечься от грустных мыслей, я постепенно переключился на день завтрашний. Мысль о том, что я вскоре могу стать обладателем самого большого счастья, новой красавицы – «тройки» «жигулей», слегка облегчила душевные страдания. Я представил себя за рулем машины на лесной дороге,

сплошь усыпанной иглами от сосен, чуть позже услышал звуки трескающейся коры и маленьких веточек под колесами, густой сосновый запах... и уснул в любовной неге и тревоге.

Боксерский клуб...

В моих планах обогащения был главный пункт – создание грозной банды. Я решил найти престижный боксерский клуб, где и обнаружить своих будущих подельников – не столько техничных боксеров, сколько сильных духом и умных ребят. А ведь сила, дух и ум, согласитесь, редкое сочетание в одном человеке. Так что задача стояла передо мной не из легких.

В центре Киева, поблизости от моей коммунальной квартиры было аж два боксерских клуба. Один из них – в той самой школе, которую я в свое время еле-еле, но окончил.

К 18:00, когда по расписанию должны были начаться тренировки, я пришел записаться в боксеры.

Тренер – большой, грузный, с поломанным носом мужчина лет пятидесяти, которого все называли Петрович, – посмотрел на меня оценивающим взглядом, заметил, что я спортивен и в ответ на мои 10 рублей в месяц разрешил ходить в зал и самостоятельно заниматься отработкой ударов. Но не на ринге, где могли повредить так нужные мне для работы лицо, голову и другие части тела, а бить исключительно по боксерской груше.

– Тебе что, деньги девать некуда, пацан? – дружелюбно удивился Петрович. – Сюда ходят, чтобы легендой бокса стать да лишний раз другу морды набить и за это в ментовку не попасть. А ты? По груше бить? Что ей твои удары? Ей не больно. Ну дерись с ней, сколько хочешь... Твое дело. Передумаешь – обращайся. За такие деньги я из тебя человека сделаю!

– Спасибо! Но я все же пока что сам побуду... Боюсь, что на ринге ваши ребята из моей головы еще одну для вашего зала тренировочную грушу сделают. Лучше быстрее убежать научусь, – пошутил я. – Кстати, бегаю каждое утро по 10 километров...

– Что бегаешь, хо-ро-шо, – растянув последнее слово в предложении, одобрительно отозвался Петрович. – Но мы тут удары отработываем на ринге и технике боя учимся. Тебе-то это зачем, раз уже спортсмен?

– А мало ли что? Вдруг девушку или себя защитить надо?

– Ну ты не очень-то заливай, пацан. Не очень-то ты похож на того, кто сдачи дать не сможет! Ну и ладно... Не хочешь рассказывать – твое дело. Покажи хоть, как ты бьешь?

Я ударил что есть силы, чтобы произвести впечатление на тренера. Но груша – это не лицо человека. Жесткая... В результате больно вывихнул кисть и пальцы руки.

– Ну нет, парень! Кто ж так бьет?! Ты так себе только все руки покалечишь. Во-первых, бить надо только косточками сильно сжатого кулака

и следить, чтобы кисть руки была в напряжении. Пока что только этому учишься и не один день! Понял?

– Понял, – ответил я, – Что есть силы сжал кулак и показал тренеру руку.

– Правильно... Только этой рукой ты уже неделю не боец. Дай посмотрю... Тебя как зовут-то?

– Коля.

– Идем, Коля, – жалостливо посмотрел он на меня. – Повязку наложим, и на рентген завтра сходишь. Без справки врача больше не приходи. От такого удара может быть перелом. Жаль, не предупредил... Напомни, как зовут?

– Николай.

– Прямо как нашего последнего царя-батюшку. А меня Петрович. Это и имя, и отчество, и фамилия, – в ответ пошутил тренер. – Ясно?

– Понятно, – сквозь боль в кисти через силу улыбнулся я шутке.

– Так вот, Николай, косточки кулака как раз предназначены для боевого удара и могут вынести любую нагрузку без каких-либо даже следов и ссадин. Научу тебя бить! А пока что идем... Перетяну кисть повязкой. И давай теперь без шуток. Все, что буду говорить, слушай внимательно! Иначе калекой станешь...

Петрович, пока в подсобке накладывал мне жгут, продолжал учить:

– При очень сильном и резком ударе, запомни, если хоть немного кисть расслабишь, множественные переломы на запястье обеспечены. Поэтому контролируй себя, когда по груше бьешь, чтобы никаких шуток... Кисть должна быть напряжена до предела. А то из гипса вылезать не будешь! Я покажу тебе три варианта удара, которые дадут тебе возможность бить настолько сильно, чтобы даже физически сильнее тебя человек сразу терял уверенность в своих силах. А это пятьдесят процентов победы. И советую прислушаться. Смотри...

Чуть позже он показал мне в замедленном режиме апперкот, удар полусогнутой рукой и прямой, а также как надо правильно уклоняться от встречного удара. Потом взял мою руку и несколько раз повторил то же движение, которое сделал сам.

– Бить всегда надо стараться, если хочешь вырубить врага намертво, только в самый-самый краешек челюсти, – указал он толстым пальцем на окончание своего мощного подбородка. – Это и есть именно та зона головы, которая приводит противника к потере сознания и сотрясению мозга. Слышал о нокдауне? Это он самый и есть! Все остальное – кровь рекой, рваные раны, фингалы под глазами, расквашенный нос и выбитые зубы – понты для приезжих... Это и близко не победа. Потому что соперник твой останется полон сил, а то, что ты ему рожу разукрасил, его только раззадорит и злости добавит. И, если в нем есть сила, дух и физическая фактура, он тебя в лепешку превратит. Да что там в лепешку! Есть придурки, которые, если верх возьмут, то будут тебя месить до тех пор, пока полным калекой не оставят. Никогда не допускай такого. В драке, раз ты для этого пришел, бить надо всегда первым.

Всегда! А чувствуешь, что теряешь инициативу, ноги в руки и беги. Ты ж умеешь, раз бегаешь по утрам, – снова пошутил Петрович.

– Да, вот еще что... Гирями не балуйся. В боксе, запомни, большие мышцы – помеха... А натренированный удар молнией – все! Хочешь так?

– Очень хочу...

– А видел когда-нибудь, Коля, как тигр лапой буйвола с ног сшибает?

– А как же, – похвастался я, не желая показаться совсем простаком. – Видел, конечно! В фильме «Маугли», кажется...

Петрович от души рассмеялся, открывшись для меня добрейшим человеком.

– Ничего ты не видел! Это невозможно увидеть. Можно только начальное движение удара наблюдать. С виду похоже даже, будто хищник лапой от назойливой мухи отмахивается. Но на самом деле это и есть самый классный боксерский удар. Молния! Животное в тонну весом сразу замертво падает.

Вот этому я здесь и учу. Усек? В настоящем боксе только быстрая реакция и резкость ценится. Мышцы и накачанная фигура – это понты...

– Вы – приятный человек, – отвесил я на прощание комплимент тренеру. – Спасибо за советы. А приходить в зал, пока рука заживает, можно?

– Приходи, парень... Не помешаешь. Наоборот. Смотри, учись...

«Добряк», – заключил я в уме... И остался понаблюдать за спортсменами.

Ребят, которые пришли в этот день на тренировку, было около тридцати человек. Я стал внимательно наблюдать за всеми спортсменами, кто был в зале: как они взаимодействуют с тренером и между собой, кто в авторитете, а кто серенький спортсмен, который явно занят не своим видом спорта. Ведь бокс – это не столько бой кулаками в перчатках, но главное – сражение личностей, характеров!

Сразу было видно, что тренер отдает предпочтение двум-трем ребятам-технарям. Остальные были предоставлены сами себе: часто надевали перчатки и нещадно били по головам друг друга на ринге, не жалея ни кулаков, ни своих лиц, ни других частей тела, обильно проливая пот и кровь. В те времена боксеры не имели экипировки, защищающей головы. И частенько разбивали их до такой степени, что по прошествии времени, бывало, теряли потом зрение и даже становились инвалидами, потому что постоянные удары по голове причиняют не столько боль, к ней можно и привыкнуть, но, что более опасно, сильно травмируют головной мозг и отбивают сетчатку глаз. По сути, это то же самое, если бы человека каждый день били тяжелым молотком по голове!

Все случайные для Петровича ребята были явно неперспективными боксерами, и каждый из них, думаю, преследовал тренировки одну из двух целей: избавиться от страха в дворовых драках либо натренировать удар с целью самоутверждения в дворовых мини-бандах. Последние и курили, и часто даже употребляли спиртное.

Тренер знал все и о каждом, но ни в чью, кроме любимчиков, личную жизнь не вмешивался. Хотя и переживал за каждого... Тем более что в основном к нему ходила местная босота. Никто из хороших семей к нему детей не отдавал. Не престижно...

В зале царил неписанный Закон: хочешь тренироваться – тренируйся!
Только справку принеси, что здоров. И никаких драк без перчаток!

Состав группы ребят, ходивших на боксерские занятия, постоянно менялся. Только перспективные спортсмены ходили постоянно, а все другие – по настроению.

«Историческая драка»

С первых дней посещения клуба я сразу обратил внимание на техничного боксера и красавца-парня Виталия по кличке Витоха. На вид ему было 25–27 лет. Он выглядел явным авторитетом и имел спортивное звание кандидата в мастера спорта. Волевой, с очень сильным ударом с двух рук, но совершенно неорганизованный как спортсмен, а поэтому неперспективный. Хотя мог бы по градации Петровича потянуть и на «тигра».

С ним считался и сам тренер, поскольку Витоха был королем центра Киева и визитной карточкой его клуба. Таким себе ходячим рекламным щитом для козырных пацанов, имеющих деньги, чтобы помогать клубу покупать нужный для тренировок инвентарь. Поклонники героической натуры этого парня шли за ним в тренировочный зал и платили тренеру лишние деньги, чтобы потом рассказать другим, какие они с самим Виталием кореш!

Витоха красиво и дорого одевался. Его спортивный костюм был марки «Адидас», что считалось в советское время верхом элегантности и стиля! «Кто наденет «Адидас», тому любая баба даст» – говорили пацаны того времени в любом конце Киева. И это было почти что правдой.

В таком вот прикиде можно было пойти куда угодно, ну разве что кроме оперного театра, и абсолютно везде выглядеть элегантно, уместно и дорого!

Девчонки тащились от Витохи! От природы он был очень красиво сложен и привлекателен внешне. Метр восемьдесят рост, широкие плечи, контрастные мышцы груди и рук, хищный и вызывающий взгляд больших голубых глаз, прямой нос, светлые прямые волосы, аккуратно зачесанные ото лба к макушке, и всегда гладко выбрит. Прямо-таки готовый голливудский киноактер! Все говорило о высоком количестве тестостерона в его крови и сильном характере. Сразу бросалось в глаза, что такой способен на дерзкий поступок... С ним лучше не связываться... Именно об этом прямо-таки кричала вся его внешность.

Кстати, немного отступая от темы, скажу, что уличная драка и бокс – совершенно разные темы. В боксе надо быть технарем, а в драке главное – иметь дух воина и показать, что ты готов умереть, но не отдать инициативу, что будешь драться, пока дышишь... И противник, как бы силен он ни был, побежит с поля боя...

Кстати, в индивидуальных и коллективных драках я был свидетелем ударов такой резкости и невероятной силы, что дух захватывало! Прав был Петрович: таких – один на миллион. И очень жаль, конечно, что абсолютное большинство их – без преувеличения гениев удара – в те времена заканчивали свою жизнь за хулиганку в тюрьмах... На свободе оставались недолго, и то всегда за бутылкой или на игле во дворах, подъездах домов и подворотнях... Королей уличных боев уважали! Профессионального бокса в СССР не было. А значит, спрос на таких ребят отсутствовал.

Я сразу захотел сблизиться с Витохой. Седьмым чувством увидел в нем главаря банды. Но как к нему правильно подойти? Он – крутой и в «Адидасе». Я в его глазах – полное ничтожество! Что делать?

Но случилось все само собой... Где-то через неделю после начала посещения мною боксерского клуба он неожиданно подошел ко мне сам... И начал громко провоцировать меня на драку. Шоу... Это было в его крови... Он весь был сплошным вызовом всему и вся.

Громко, так что собрались все, кто был в зале, Витоха стал меня уничтожать.

– Ты не мент случайно? Чего сюда ходишь?

– Не мент... А разве похож? Просто тренируюсь, – предчувствуя драку, нарочито смиренно ответил я. – В Армии такую привычку приобрел. А что?

– А выходи на ринг, покажи, чему тебя там в твоей Армии научили...

– Я не боксирую, друг, а только учусь защищаться. И куда мне с таким мастером драться? Я тихий парень, – чтобы не нарываться, продолжал я скромничать, хотя в душе уже все кипело.

– Я тебе не друг, мент! Так что надевай перчатки и вперед, на ринг!

Вокруг нас образовался замкнутый круг ребят. А Петровича, как назло, куда-то вызвали к начальству. Все, кто был в зале, всем своим естеством потянулись на жареное...

– Я не хочу с тобой драться. Ты ничего мне плохого не сделал, – пытался я всеми возможными способами отвертеться от неприятностей.

– А я хочу! – и со всей силы неожиданно влепил мне такую звонкую оплеуху, что эхо от удара громко разнеслось по всему спортивному залу. Щека, по которой прошлась его ладонь, стала красной, как спелый помидор. Мое левое ухо пронзительным звоном отозвалось во всем мозгу.

В зале воцарилась мертвецкая тишина...

Удар был донельзя унижительным! К тому же я получил легкое сотрясение мозга: голова приятно закружилась, а тело слегка отбросило в противоположную от удара сторону.

Не ответить означало бы приобрести в клубе статус полного ничтожества и закрытые двери на занятия. Да мне и руку, встретив случайно на улице, потом никто из ребят бы не протянул. Но драться с тем, кого мечтал заполучить в друзья, да еще с таким искушенным бойцом и профессиональным боксером, было абсолютно бессмысленно и никак не входило в мои планы...

Вот так поворот! В голове вспышками молнии носились разные мысли: одна противоречила другой и не задерживалась больше краткой доли секунды.

«Будь что будет», – пулей пронеслось в моей раненой голове и похоронило все сомнения относительно битвы чести. Мои дальнейшие телодвижения были на автомате и подчинялись алгоритму опыта, приобретенного в многочисленных драках против заведомо более сильных противников. Ведь махать кулаками, если не уверен в победе, все равно что руками против ветра! И я с яростью раненого зверя кинулся в ноги врага, подсек и что есть силы бросил его на пол... Раздался тяжелый звук удара его головы о деревянный пол. Зал снова ахнул, но уже в мою сторону! Я оказался в выигрышном положении, сидя на нем и со всей силы побивая его то локтем, то головой по лбу, а то и лбом в челюсть!

С таким вот поворотом Витоха потерял свое главное преимущество – бить меня с позиции стоя... А я, поскольку в Армии множество раз отрабатывал в каптерке удары головой и локтем по наполненным мешкам с простынями, наволочками и портянками, оказался в своей стихии и сумел сильно расквасить королю ринга его красивое лицо...

Лежа на спине, боксер что есть силы отбивался. Вначале хаотично, но постепенно все уверенней и агрессивней. Мое и его лицо заливала кровь... И как знать, чем бы все закончилось, если бы не подошел Петрович и силой нас не разнял.

Витоха, энергично извиваясь всем телом, вырывался из рук Петровича, громко матерился, кричал мне обидные матерные слова... Но после драки кулаками не машут...

Тренер был далеко не подарок и очень опытен в таких ситуациях: ребята частенько баловались кулаками без перчаток и вне ринга... Что сказать?! Горячая кровь... К тому же наш тренер был заслуженным мастером спорта в тяжелом весе. Он запросто сумел бы набить, грубо говоря, морду любому своему ученику.

Не говоря ни слова в ответ на оскорбления моего драчливого оппонента, Петрович поднял его своей громадной ручищей почти что на вытянутую руку и сильно встряхнул. А так как я вел себя тихо, инициативу не проявлял и не бросался продолжать драку, ко мне даже не притронулся...

В конце концов, выглядело все так, что победил я. Но меня лично не устраивал ни один вариант исхода боя. Вместе с победой быстро угасала надежда на дружбу с этим парнем. А это никак не входило в мои планы.

– Мы еще продолжим, щенок! – угрожающе выкрикнул Витоха, вырвавшись из объятий тренера, и медленно, в раскачку, играя мышцами, ушел в раздевалку.

Я же, чтобы драка на том и закончилась, остался в зале, взял у Петровича бодягу – раствор из спирта вперемешку с какой-то коричневой дрянью, намазал распухшее лицо и сделал обиженный вид, чтобы окружающие не заметили моего триумфа и не передали бы моему врагу, как я радуюсь исходу боя...

И все же эта была победа! И какая! Восхищение чувствовалось в глазах всех ребят, и после драки у меня появилось множество поклонников. Такого отпора их герою никто не ожидал. Меня приняли и стали уважать!

На следующую тренировку Витоха не пришел. Его не было еще неделю... Но позже мы, конечно же, встретились в зале. Как ни в чем не бывало он медленно, с гордостью короля и ничего не выражающим лицом подошел ко мне и в затихшем от ожидания новой драки зале вдруг неожиданно широко улыбнулся и по-дружески, но с позиции главного протянул руку.

– Привет, герой! Явно не мент, а то бы я уже давно в ментовке объяснения писал. И не ссыкун! Свой, значит...

Вокруг нас двоих собрались все, кто был в зале... Все улыбались. Явно были удовлетворены развязкой.

Подошел и Петрович. Он все слышал. И тоже одобрительно улыбнулся.

Я тут же прилюдно прикинулся младшим по званию и с неподдельной радостью и пиететом принял рукопожатие. Причем сделал все так, чтобы подчеркнуть перед народом, что делаю это с позиции поверженного в бою и готов к извинениям.

Чтобы придать примирению черты «раз и навсегда», я пошутил:

– Менты в закусных после работы животы пивом и водкой тренируют. Не-е-т, я не мент! С вами всеми интересней, – вызвав одобрительную реакцию других ребят, ответил я. – Я знаешь кто? Я свободный художник. Картины рисую да кое-где подрабатываю, – не знаю почему именно это сказал я.

– Ну что ж, художник, добро пожаловать в клуб хулиганов. Приглашаю отпраздновать на днях это событие в кафе «Крещатик»!

– Буду рад и даже угощу, – ответил я.

– Угостишь?! А у тебя денег на угощение хватит? Или мама с папой ремнем потом побьют сыночка? – язвил Витоха, развивая свое моральное преимущество, отчего все, кто был в зале, подобострастно заулыбались.

– У меня есть немного денег... На кафе бы хватило. Но как скажешь, Витя. Ты ж командир! – подыгрывая визави, как можно более серьезно ответил я. – Спасибо за приглашение! А когда?

– Вежливый какой, – еще раз широко улыбнулся

Витоха. Ему были явно по душе мое поведение и ответы.

– Завтра и пойдем. А можем и сегодня. Только всем, кого еще приглашу, переодеться придется. А то друзья в кафе подумают, что бомжей привел. Так как?

– Сегодня, сегодня, – как сговорившись, ответили все ребята. И я с ними.

– Я тут рядом живу, – добавил я.

– Тогда в девять вечера. Я там каждый день примерно в это время. А сегодня буду точно. Никому не опаздывать! – с позиции старшего как бы приказал он на прощанье. – Кто еще с нами? – обратился он к открывшим от удивления рот присутствующим.

Почти все ребята подняли руки.

– Ну нет, все не поместимся. В следующий раз остальных... Пойдут только... – и он назвал по именам еще трех счастливицков.

Мой кумир – Эдик!

До встречи в кафе оставалась еще уйма времени, поэтому я полностью окунулся в текучку. Проблем, требующих решения, оставалось множество, и основной из них – достать фальшивые паспорта, права водителя и удостоверение сотрудника милиции.

Дело это было не из простых. Но... возникла идея обратиться за помощью к отцу моего друга Артура – Эдуарду Дмитриевичу. Мне представлялось, что у него, как у профессионального художника, должны иметься такие знакомые. Во всяком случае, ничего иного в голову не приходило. Искать умельцев среди друзей-босяков было заранее провальным и рискованным делом.

Утром следующего дня (это была пятница) я пришел домой к Эдику. Он давно был на ногах и что-то мастерил на кухне, готовясь на воскресную рыбалку. Артур в это время крепко спал, потому как не очень давно пришел с очередной дворовой пьянки.

Чтобы читатель лучше понимал, что это был за человек, представлю его вниманию несколько характеризующих его черт, объясняющих мою к нему привязанность.

Помимо того, что Эдик был мне почти что отцом и родным отцом моего лучшего друга, он представлял из себя весьма разностороннего человека: много читал, хорошо рисовал, отличался громадной любовью к природе, а в молодости много путешествовал по самым отдаленным местам страны и умел страстно передавать свои ощущения от увиденного.

Его жена, мать Артура, которую он при жизни боготворил, умерла при родах – и он полностью отдался воспитанию сына. Грустно, но так бывает, что гены отца не передались сыну... Он не признавал его авторитета, не хотел слушать его истории, брать во внимание громадный жизненный опыт. И главное, не любил природу, которую Эдик боготворил.

Видимо, Артур пошел в мать, которая не была яркой личностью, а только красивой женщиной, доброй, преданной и любящей женой.

После ее смерти Эдик больше никогда не женился, а всю нерастрченную любовь посвятил сыну, очень похожему на мать внешне, а когда подрос, оказалось, что и внутренне.

От избытка отцовской любви и, конечно же, из-за материнских генов Артур рос балованным и не приспособленным к самостоятельной жизни: рано бросил школу, нигде не работал, ничего не читал, но пристрастился к спиртному. Водка остановила его развитие на уровне необразованного вечного пацана, очень хорошего, но совершенно не приспособленного к жизни парня, всегда готового идти куда ветер подует, что ценится только дворовыми друзьями. Обыватели же придерживаются обычно противоположного мнения.

Для них такие – потенциальные хулиганы, преступники, по которым тюрьма давно плачет.

Дома у Артура мы договорились на завтра о поездке на рыбалку, и Эдик взял с меня слово, что я умоляю поехать и его сына. Но куда там... Вечером этого же дня, когда я пришел во двор, Артур уже был сильно пьян. Конечно же, он поклялся мне ехать. Но я уже точно знал, что утром его не поднять с постели. Беда!

Эдик постоянно боролся с дворовыми друзьями сына за его внимание. Очень боялся потерять ниточку общения, которая с каждым годом становилась все тоньше. И шел на разные хитрости, лишь бы приобрести уважение своей кровинушки. Например, брал нас всех на рыбалку с костром, а когда мы подросли, даже разрешал нам на природе выпить немного спиртного. Например, дешевого вина.

Артуру, естественно, ничего не оставалось, как только следовать за нами (не сидеть же одному во дворе) и насильно слушать у костра истории отца о войне, о боевых товарищах, о его странствиях по горам, рекам и долинам нашей необъятной Родины. О разных приключениях, случавшихся с ним и его спутниками во время таких вот походов. У нас, дворовых, все его рассказы вызывали неизменный интерес, но, хоть убей, не у сына. И наблюдать за этим лично мне было очень-очень обидно.

После войны Эдик работал художником в одном из столичных кинотеатров и рисовал незамысловатые рекламные щиты с изображением куцых сюжетов и лиц героев кинокартин. Сюжеты давались ему легко, но вот лица главных героев выглядели почти что карикатурно... Я часто смеялся от увиденного, но в глаза всегда хвалил своего кумира, ведь больше ничем не мог отблагодарить его за рыбалки, костры, трогающие душу рассказы о войне и о его пристрастии – путешествиях.

Из многочисленных рассказов Эдика я хорошо знал, что по национальности он чистокровный немец. А когда началась война, то, поскольку немцев, как потенциальных врагов советской власти и лично товарища Сталина, на войну не брали, подделал документы и 17-летним пацаном, благодаря знанию немецкого был зачислен на передовую в элитный отряд разведчиков.

В отряде, по словам Эдика, царил террор негодяя-энкавэдэшника, и однажды на рыбалке он по большой пьяни как-то рассказал мне, что, когда однажды тот гад дал команду всему отряду идти в атаку под пули, он со спины застрелил того в затылок.

Протрезвев он уже не помнил об опасной откровенности. Но я-то запомнил этот рассказ на всю жизнь... И зауважал его еще больше! Герой. Сильный духом человек!

Кстати, к концу войны Эдика чуть было не отдали под трибунал, но ограничились разжалованием из лейтенанта в рядовые. И всего-то за случайно сказанные им за рюмкой у солдатского костра слова о бесчеловечном Сталине. Нашелся ведь гад в отряде, что донес это в уши командованию!..

После разжалования Эдика стали отправлять в самые опасные разведывательные рейды. Чуть ли не на верную смерть. Поэтому много орденов и медалей Эдик на войне не приобрел, а вот ранений и лютую ненависть ко всему советскому – навсегда.

Напрашиваясь на рыбалку с отцом товарища, я, конечно же, хитрил. На самом деле мне было не до вылазок на природу. Я был весь в новых планах ограблений. Одно но: чтобы продолжать работу, мне позарез нужны были профессионально сделанные липовые документы, которые мог исполнить только спец из таких вот, как Эдик, художников. И я почти наверняка был уверен, что он знает людей, способных нарисовать мне отличного качества паспорт, удостоверение личности и права на разные фамилии. В противном случае я бы не смог, будучи незамеченным, ни квартиры снять, ни машины купить... Можно было попробовать поискать для изготовления липы кого-то из числа криминала, но это было бы чрезвычайно опасно. Как знать, следят за ними или нет. Да и не было у меня на примете такого рода профессионалов.

Сказание о природе

Наши поездки с Эдуардом Дмитриевичем всегда начинались ранней весной с ледохода на реках вокруг Киева и заканчивались только перед самыми заморозками. И так было вплоть до исполнения мне 14 лет.

Последние годы ребята со двора с нами уже не ездили. Мы остались вдвоем и только иногда нашу компанию сопровождали друзья Эдика по дальним походам по Союзу или кто-то из друзей-сослуживцев. Что сказать!!! Это были незабываемые приключения и разговоры с человеком, которого я считал настоящим героем. Да, впрочем, таким он и был на самом деле...

Когда темнело, Эдик возле вечернего костра после пары рюмок водки любил поговорить про жизнь. И, как ни странно, его истории почти никогда не повторялись. А рассказчик он был великолепный!

Только по истечении большого количества времени я понял, почему он это делал. Ему нужны были благодарные слушатели, которые могли оценить его поступки, понять жизненную философию... Жаль, что в те времена я воспринимал рассказы Эдуарда Дмитриевича по-пацански: не как опыт умудренного жизнью человека, а просто как интересные истории. Будь иначе, я совершил бы в жизни намного, намного меньше ошибок.

Вот так от костра к костру я и прошел всю нелегкую жизнь отца моего друга: от голодного и почти беспризорного детства в голых степях Казахстана, куда его семью, как и других живших в Союзе немцев, Сталин насильственно переселил для рабского освоения целинных земель, до военной службы разведчиком на передовой и пережитых там ужасах.

Сегодняшняя жизнь этого мужественного человека как бы и не существовала. Она ушла из его судьбы вместе с очень любимой женщиной – матерью Артура. И только ее величество матушка-природа отвлекала этого

хмурого внешне, но на самом деле очень душевного человека от грустных мыслей о счастье, которое недолго было, но его уже не вернуть...

Обычно мы ездили рыбачить на электричке в Фастовский район, в заколдованные, как он говорил, места, на дикие лесные озера, о которых почти никто не знал, кроме немногочисленных местных мужиков из окрестных сел.

Коршун...

На следующее утро в субботу, как и договаривались накануне, я встретился с Эдиком на Центральном вокзале.

Мы сели на электричку и за час доехали до Фастова. Оттуда на автобусе несколько километров обратно в сторону Киева, и возле ближайшей к лесу дороги вышли.

Вначале шли вдоль зарослей осоки и болот, в которых местные ловили карасей, потом через густой лес и поле ржи...

Был сильный ветер – предвестник радостной весенней бури. Черные пузатые тучи зловеще нависли над землей.

Колоски ржи на огромном поле, как ярко-желтое море, небольшими волнами то стелились к земле, то вновь поднимались. Завораживающее зрелище – колышущееся бескрайнее море ржи!

Как вдруг я увидел большого, серого, с бледно-рыжими отметинами коршуна, который буквально на расстоянии протянутой руки и на высоте не более полутора метров от земли неподвижно повис над колосьями, не обращая на нас абсолютно никакого внимания. И поскольку ветер, разгоняя волнами рожь, оголял на несколько секунд маленькие участки земли, то летучий хищник таким вот хитрым способом выискивал и ловил вкусную добычу: полевых мышей, сусликов или хомячков...

Эдик остановился, чтобы хорошенько рассмотреть, а потом нарисовать величавую птицу... Ведь обычно коршуны пугливы, и мало кому из людей приходилось видеть буквально в метре от себя такую громадную птицу. Я тоже и протянул к нему руку. Чудеса!.. Мне казалось, что я даже прикоснулся к крыльям могучего хищника, но вдруг он резко ринулся вниз, намертво вцепился когтистыми лапами в незадачливую добычу и мигом взмыл высоко в небо, а потом и вовсе пропал из виду.

Ветер вдруг резко прекратился и на мгновение установился полнейший штиль. Величественная тишина поглотила все вокруг: ни шороха, ни пылинки, ни птичьих голосов... Абсолютно никаких посторонних звуков! Небо стало черным-черным. А через секунды его осветили яркие зигзаги молний, а сразу за ними – оглушительные раскаты грома и бурный поток хлынувшего теплого дождя. Мокрые колосья отяжелели и стали стелиться к земле...

Больше коршуну никого не поймать: суслики и полевые мыши могут расслабиться и вдоволь повеселиться в джунглях ржи, вмиг превратившихся для грызунов в огромный спасительный шалаш из колосьев...

Как плачет косуля

И надо же, в эту величественную картину радости и счастья разродившейся природы вдруг ворвались звуки выстрелов из охотничьего оружия. Эдик остановился как вкопанный, прислушался, а затем тревожно развернулся на выстрел и увлек за собой меня, заставив свернуть с протоптанной во ржи тропинки к лесному озеру. Мы быстрым шагом пошли на опасные звуки.

– Зачем, Эдик? Мы же так дотемна до воды не дойдем? Мало ли кто в поле дурака валяет...

– А если человека убили?

– Ну да... Человека... А если и нас пристрелят?!

«Вдруг бандиты?» – пронеслось в моей голове, и дальнейшие события подтвердили мои догадки...

– Какие тут бандиты, Боря?! Их надо в Киеве искать, не здесь. Не дрейфь! Ты же хотел в настоящую войну поиграть, а вот и случай, – со строгой улыбкой предупредительно настроил меня на боевой лад мой старший товарищ.

Я послушно плелся за Эдиком, но все думал, почему же у него на выстрел была реакция, противоположная моей: немедленно идти и кого-то спасать? А у меня – уйти подальше от неприятностей! Странно как-то... А как же главный инстинкт человека – инстинкт самосохранения?

Но таков был этот человек: благородный, бесстрашный, всегда готовый протянуть руку помощи слабому...

И вскоре мы увидели в редком тумане посреди поля силуэты двух человек с двустволками, а когда подошли ближе, разглядели в них хмурых мужиков в серых фуфайках, давно не бритых, неухоженных, похожих на только что откинувшихся или сбежавших из тюрьмы зэков. Они стояли и, переминаясь с ноги на ногу, внимательно разглядывали труп косули, или, как ее называли в тех местах охотники, лесной козы.

Мы подошли к мужикам впритык. Поваяло жутким перегаром... На вид обоим было лет под пятьдесят.

«Местные селяне, – подумалось. – Нажрались самогонки и устроили охоту...»

Я стал пристально рассматривать трофей... Гордо откинута назад голова, вытянутое и застывшее в предсмертном прыжке изящное тело. Ну какая же это коза? Какой бездушный человек мог назвать так лесную благородную косулю – небольшое грациозное животное с рожками и большими, с восточным разрезом, как у грузинской красавицы, глазами, выразительность которых подчеркивали длинные черные ресницы. Боже ж мой! Как же эти глаза были прекрасны и выразительны! Какое неподдельное страдание и страх застыли в них в момент смерти... Мне бы и в голову не пришло убивать такую прелесть...

В уголках широко открытых глаз прекрасного животного я сразу заметил две застывшие слезы. По размеру и форме они были похожи на крупные ягоды пальчикового винограда, только совсем-совсем прозрачные. Нежное животное, умирая, видимо, сильно страдало! Это так меня поразило... Прямо до самой глубины души. К горлу подкатил ком. Как жаль!

Я впервые видел косулю и тогда еще не знал, что перед смертью плачут все из них... Но тогда... Тем более на фоне злобных пьяниц-преступников в вонючей серой эковской робе...

– Вы зачем несчастное животное убили? Сейчас же запрещено охотиться! – строго обратился Эдик к пьяндыгам.

– Это тебе, старый пердун, запрещено, а нам нет! – мерзко огрызнулись охотники. – Ты кто тут такой? Егерь что ли?

– Егерь!

– Дурак ты старый, а не егерь, потому что егерь здесь я!

И вызывающе ухмыляясь, оскалив прокуренные желтые зубы, мужик специально сильнодохнул на Эдика перегаром, как плюнул в лицо моему кумиру. А потом полез в засаленный наружный карман фуфайки и важно предъявил нам красное удостоверение егера окрестных лесов.

– Ну что ж, – все также сурово возразил Эдуард Дмитриевич, – тогда пусть милиция и прокуратура нас рассудит!

– И милиция, и все у нас тут наше, родное... И коза эта наша. А вот ты, мудака старый, не наш! Не хрен тебе тут паяться! Вали отседова, если жизнь дорога. И побыстрее, пока я и тебя, как старого кобеля, не пристрелил! Нечего тут лазить!

– А ты
попробуй! И
началось!!!

Эдик уверенно подошел к заводиле и неожиданно что есть силы врезал тому в морду. Прямоком в нос... Но удар у него уже был далеко не тот, что когда-то в далекой молодости на войне... Мужик всего только отступил на шаг назад, но нос покраснел и выдал на-гора кучу зеленых соплей.

Я остолбенел от неожиданности. Даже слово не мог произнести. Ведь за столько лет дружбы мне никогда не приходилось видеть Эдика в такой ярости, да еще чтобы он кого-то ударил...

– Ах ты, сука, так ты еще и драться?!

И деревенщина резко вскинул свое старое ружье.

– Уйди гад! Пристрелю! Последний раз предупреждаю...

Но отец Артура вдруг неожиданно сделал еще шаг вперед, схватил за концы дула двустволки и с силой дернул на себя стволы, решительно уткнув их себе в грудь...

– Ну что ж, стреляй, сволочь!

В ответ тишина... Мужик остолбенел!

– Ты че, не видишь, он же психический, – вдруг истерично заорал второй селянин и с силой оттянул первого за фуфайку в сторону от Эдика. – Я

тюрьму не хочу, кореш! Х-й с ней, с козой! Еще настреляем. Пошли быстрее отседова, а то и до беды недалеко...

И оба, постоянно оглядываясь и пошатываясь, быстро ушли с поля боя.

А вскоре и вовсе скрылись из виду...

Я как очнулся ото сна...

– Он мог вас убить, Эдик! А потом и меня, как свидетеля.

– Ну уж нет! Не мог, сынок. А мог бы – убил. И даже если бы я не лез на рожон. Только далеко, далеко не каждому из людского рода дано убить себе подобного, человека, – задумчиво произнес мой кумир. – А эти двое – так, пьянь сельская. Трусливая и наглая, как напьется! А так – ничтожество, что и сдачи не даст, если по трезвому ему в лоб зарядить. Идем, а то нам самим браконьерство пришьют. Они ж тут все бандиты, мать их, хоть в погонах, хоть без... Егерь! Туды его в качель!

– А коза?

– Не хоронить же ее, – ответил Эдик. Она всего лишь дикое животное. К тому же в лесах вокруг много хищников, Боря, которые сегодня с удовольствием устроят здесь пир, а козе – достойные похороны. Им ведь тоже есть надо... Ничего в природе никогда не пропадет. Будь спокоен, сынок.

Мы молча развернулись и пошли сквозь рожь к той самой дорожке, с которой сошли на выстрел.

А у меня из головы все не выходил образ плачущей косули... Вот пишу эти строки и вижу это чудное животное и особенно слезы смерти... И даже когда уже стал намного старше и время лишнее появилось, я в жизни никогда не участвовал в убийстве животных. Подло, по-моему, убивать безоружных и по сути совершенно безопасных прекрасных тварей, украшающих своим присутствием нашу собственную жизнь... Чистое убийство ради убийства! И уверен, что рано или поздно человечество во всем мире единодушно признает охоту тягчайшим преступлением. А вот таких охотников-егерей, которых мы встретили, – опасными преступниками-живодерами!

Ода природе

После поля мы снова вошли в таинственный густой лес и начали потихоньку спускаться в лощину. Дождь стал проливным. Листья больших деревьев приняли на себя первые потоки воды, но, конечно, полностью спасти нас от ливня не могли. Дождь тарабанил по ним, издавая приятные уху звуки поздней весны и покоя. Мы промокли до нитки... По дороге не разговаривали. Каждый думал о своем.

Мне лично в голову ничего, кроме случившегося на моих глазах безумного, с моей точки зрения, поступка старшего товарища, не приходило, хотя я всеми силами старался переключиться и продумать каждое слово предстоящего важного разговора о документах...

О чем думал Эдик и думал ли? Я так никогда и не узнаю...

Гроза прекратилась мгновенно, как и началась. И уже через несколько минут пути мой слух стал наслаждаться звуками, лившимися со всех сторон от разных живых существ: вот шуршат и что-то тащат в громадные муравейники крупные черные лесные муравьи... А вот прямо под ногами стрекочут и разлетаются в разные стороны кузнечики. Гигантские перламутровые стрекозы, делая невероятные пируэты, бешено гоняются за мошкаррой, а вдалеке к дождю громко квакают в заболоченных местах лягушки и поет на все голоса птичья мелюзга... Господи! Рай земной, да и только!

Ощущения опасности как и не бывало...

А вот и оно – наше озеро: изумрудно-зеленое, с берегами, сплошь поросшими сочной густой растительностью, в основном камышами и осокой.

Мы быстро нашли место, где рыбаки проредили камыш для удочек, и недалеко от него разбили палатку, сложили в нее сухие вещи из рюкзаков, а мокрые развесили на веревках, на которых держалась сама палатка... Я побежал за хворостом и дровами, а Эдик стал сосредоточенно мостить закидушки на рыбу.

Озеро, на которое мы в этот раз приехали, было самым большим в округе и питалось очень мощным потоком бьющего из-под земли источника чистой, как слеза, воды. «Святая вода» – так называли местные это лесное чудо и даже облагородили место, из которого она вытекала, установив у истока несколько икон Божьей Матери.

Дно озера было сплошь в корягах – корнях умерших деревьев, в которых хитро прятались крупные и жирные сазаны. В разгар дня самые большие из них, разжигая азарт рыбаков, вдруг демонстративно всплывали на поверхность и несколько секунд позировали сверкающими на солнце большущими золотыми боками. Вот это было зрелище! Ух!

Лесное озеро было чрезвычайно живописным: с одной стороны – дремучий лиственный лес, а с другой – широчайшее поле, все поросшее дикой травой и полевыми цветами, и ему не было конца... Где-то посреди поля, вдалеке рос одинокий тысячелетний реликтовый дуб: невысокий, с громадным извилистым стволом, слегка обожженный молнией, с густой кроной листьев и чернеющим от старости дерева огромным дуплом, в котором воображение рисовало жилище какой-нибудь нечистой силы...

Я, как и Эдик, стал истинным поклонником дикой природы. И это навсегда! И значительно позже, когда мне приходилось бывать в необычайно красивых местах планеты или даже просто сидеть у какой-нибудь речки или озерца, рядом со мной воображение всегда рисовало Эдуарда Дмитриевича Гертера, и я даже начинал слышать его слова, вспоминать рассказы о войне и людях. И так искренне хотелось, чтобы он был рядом, радовался и удивлялся вместе со мной увиденному, что неизменно случалось чудо: он являлся в моем воображении, удобно мостился рядом и смотрел на все моими глазами...

– Какой же ты молодец, сынок, что привел меня в это прекрасное место!

– Чудились мне сразу слова Эдуарда Дмитриевича, когда я имел время сосредоточиться на красоте какого-то особо красивого уголка планеты.

– Да что вы, Эдик? Это я так рад, что сумел вам угодить! Так боялся, что не смогу показать вам это место, чтобы вы обязательно увидели и удивись красоте океанов и морей, куда мне удалось добраться благодаря деньгам... Ведь я богат теперь, Эдуард Дмитриевич. И нам все теперь подвластно...

Примерно так мысленно я отвечал своему старшему товарищу, когда что-либо из увиденного мною во время путешествий на яхтах по миру донельзя поражало мое воображение!

Наступило примерно три часа дня. Дождь и ветер полностью прекратились. Сквозь черные тучи на землю яркими пучками лучей прорвалось яркое июньское солнце. Над поляной растянулась большущая разноцветная радуга. Птицы снова запели свои нескончаемые песни, а ласточки и коршуны высоко поднялись в небо.

Вот ведь как интересно! Вроде все это я множество раз наблюдал ранее, но никогда и нигде, читатель, для тех, кто по-настоящему влюблен в природу, она никогда не повторяется дважды в своем разнообразии и величии...

Поражает буквально все: разнотравье, ручейки, большие и маленькие речки, озера и ставки, замысловатые ландшафты с разными растениями, поляны полевых цветов, деревья, кустарники с яркими цветами или уже созревшими ягодами малины или черники, песни птиц, таинственные шорохи леса, богатство и разнообразие запахов того места, где вы решили остановиться...

И составляющие этой величественной красоты можно перечислять бесконечно! Лишь бы словарного запаса хватило.

Как жаль, что на свете великое множество людей воспринимают природу как просто нечто рядовое. Она не затрагивает их душевных струн. Зато эти люди с восторгом первооткрывателя поклоняются городам и памятникам архитектуры, истории страны или города, где путешествуют, что для меня лично неприемлемо и непонятно...

Когда пришло время увидеть мир, я, слушая очередного болтуна-экскурсовода, навязанного гостиницей, где жил, как-то задумался: ну вот какая мне польза, например, от того, что там делал сто или тысячу лет назад какой-нибудь Людовик, Карл, Людвиг или тот же Наполеон или Александр Македонский? С кем и за что воевал, кого любил, а кого ненавидел, на ком был женат, кого родил, как царствовал, что построил и какие важные для своей страны законы принял? Зачем мне знать историю страны, города и его знаменитых личностей, если это не касается страны или города, где живу я сам, где моя Родина, моя семья и друзья?

Ну что ж, наверное, тем и прекраснее человеческое сообщество, что все люди разные... Одним в радость природа, а другим – города, страны и их история.

Кстати, попадая на природу и слушая всю фантазмагорию звуков, издаваемых всякими букашками, птицами и другими живыми тварями, мне засела в голову мысль о том, что они так не столько общаются, как восторженно и как можно громче приветствуют Создателя. Радуются каждой

секунде своей, как правило, очень недолгой жизни. Ведь некоторые из букашек живут часы, минуты, а то и меньше. Вот бы так могли люди! Но ведь нет! Живут и постоянно ропщут. А вместо спасибо за подаренную возможность жить, любить, дышать, видеть окружающую красоту и радоваться, радоваться и радоваться, только занимаются тем, что создают себе и окружающим разного рода проблемы: беспричинно и постоянно ноют, жалуется на жизнь, постоянно чем-то недовольны, сплетничают, ссорятся, ненавидят друг друга, готовят и ведут локальные и мировые войны. И все это вместо того, чтобы наслаждаться каждым мгновением прожитого на земле времени, всему, что дал Господь! И никто при этом не думает о том, что с каждой секундой он уходит в неизвестность не из выдуманного, а настоящего Рая – Земли, цветущей голубой планеты, самого прекрасного места во всей необъятной Вселенной!

Отец

У Эдика была необычная приманка на сазана – консервированная кукуруза, которую кто-то из немцев-родственников постоянно присылал ему, как рыбаку, из самой Германии. Хотя все местные в округе, как, собственно, и везде в Украине, ловили крупного карпа исключительно на макуху: такое себе замысловатое сооружение из множества крючков и твердого куска семечкового жмыха.

Эдик забросил штук десять закидушек с колокольчиками, открыл бутылку «Столичной», которую предварительно охладил в ручейке из источника и, пока я раскладывал костер, выпил полстакана водки, закусил салом с прожилками красного мяса и черным хлебом, с аккуратно нарезанными на него тонкими ломтиками соленого огурца, вымоченного в чесночном соусе.

На лице его появилось выражение блаженства, а душа захотела разговора...

– Как дела, сынок? Зачем тебе были нужны мои деньги и старое ружье?

Ты что задумал?

– Да ничего особенного, Эдик. Я же говорил: ружье, чтобы сходить на охоту. Делать-то нечего, а деньги одолжил, чтобы купить патронов да еды. Мама ведь денег не оставила...

– Ну, на счет охоты врешь, Боря! Зачем только врешь старику? И не стыдно?! Разве мы с тобой не родные люди?! Ведь я тебя почти с пеленок знаю. И отца твоего знал... Достойный был человек! Фронтовик. Твоя мать его живьем съела. Денег домой не приносил, не умел зарабатывать. Ведь на войне этому не учат. А он только тем и занимался на фронте, что людей убивал. Пусть и фрицев, но живых людей! – как-то с горечью подчеркнул Эдик. – Даром ему это не прошло. Всю оставшуюся жизнь переживал потом за каждый выстрел, каждое убийство...

Я вот никогда не считал, сколько врагов кончил. Даже в мыслях не было... А что? Не я их – они бы меня... Хотя... какие они мне враги? Я ж немец. Так что почти что родственники... Но это я уже потом только понял. Немец немцев убивал. Анекдот... Жуть!

Убийства людей, сынок, даже врагов, так просто для настоящего человека никогда не проходят. Много людей, видать, убил твой отец и смертей повидал. Рассказывал как-то, что на его глазах боевым товарищам на бегу в атаках головы отрывало, а они еще несколько шагов бежать не переставали. Кровь хлещет фонтаном из туловища, обрывки кожи и мяса болтаются на том месте, где голова была, а самой головы нет... Хотя ноги все еще идут...

Всю войну твой отец в пехоте прослужил. Тебя малого любил сильно. Все на руках носил да руки и личико разглядывал. Ты его сын или нет? Мама ведь твоя видной красавицей была. Мужики по ней с ума сходили! А она отца твоего выбрала: красавец, с войны пришел капитан... Еврей, кстати. А после Великой Отечественной женщины в городах прямо-таки охоту на евреев устраивали. Байка такая ходила: раз еврей, значит, богатый или станет таким... Но все эти рассказы только не о твоём папе... Неустроенный был человек, но очень веселый и всему умел радоваться... Такой вот...

И Эдик на несколько минут замолчал.

– Не судьба им, сынок, было жить вместе. Еврей из твоего папы вышел никудышный. На работу не брали, именно потому что еврей... Вот он и уехал на целину через год после твоего рождения. За ней, за деньгой проклятой! Там и женился второй раз да всю оставшуюся жизнь с той женщиной и прожил, хотя детей больше не имел... Да и денег больших не заработал. Миша, твой отец, был мужик очень душевный, добрый и очень сильный физически. Вот ты смотрел фильмы с участием француза Бельмондо?

– Вся страна смотрит. Красивый актер!

– Так вот, чтобы ты лучше представлял его физические данные: его фигура, хотя он никогда и не занимался спортом, была куда тому французу. Аполлон! В пятьдесят лет, представляешь, на моих глазах мог бутылку водки выпить и стойку на руках сделать... Большим другом моим был и за тобой просил приглядывать. Кстати, дрался он – куда тебе и моему сыну. Зверь был в драке! Но бился всегда только за правду!

Раньше я думал, – продолжал Эдик, – что крышка тебе, Боря, от водки будет, а теперь вижу, что после Армии ты вроде как другим человеком стал. Жаль, я своего сына отмазал... Может, таким бы, как и ты, пришел...

И он с грустью посмотрел на меня.

– Отец твой хоть еврей был, но из бедной семьи. Невезучий и не привыкший к гражданке. А вот тебе для смеху одна история с ним, чтобы ты лучше своего отца понимал...

После Победы был тогда негласный приказ командования Армии – грабить фрицев! Брать все, что только ценного у них было, и везти в страну. Лучшим командирам, а отец твой был из лучших, к тому же капитаном, выделялись даже пустые вагоны для ценностей, когда из Германии на Родину

возвращались... Многие тогда обогатились. Особенно генералы. Эшелоны награбленного везли... Картины, статуи, серебряную посуду, сервизы, швейные машинки, даже пианино и рояли. А Миша набил целый вагон модными немецкими женскими шляпками с перьями. А кому они были нужны в Киеве в сорок шестом-то, шляпки эти?! Все до одной твоя мама на мусорку выкинула. Потому как люди тогда, особенно на вокзалах, с голоду умирали и валялись вспухшими, пока их, безымянных, не вывезут на грузовиках и не закопают, как дохлых собак, где-то в лесах под Киевом. Так было...

Вот помню, рассказывал твой отец, что однажды, когда его с завода, где он работал, послали во Львов для закупки на зиму картошки заводчанам, купил он у какого-то беглого поляка ворованную и почти что задаром. Ну и давай ее там же перепродавать по завышенной цене. Заработал большущие деньги! Все маме твоей хотел доказать, что не такой уж он и неудачник. Но замели его... Тогда ведь фронтовик не фронтовик – никто не смотрел. Почти все были с войны пришедшими... Полгода он просидел, но поляка беглого не выдал.

После такого вот коммерческого опыта, – Эдик сам себе широко разулыбался, – он больше никогда ничем таким не занимался. И не думал даже... А так... Как знать? Мог бы и богачом стать, если бы по той линии пошел. Так что, если ты чего по коммерции задумал, у тебя выйдет. Есть в кого пойти... Лишь бы везуха была... Видать, у твоего отца и фантазии, и предрасположенность к коммерции были, просто утопил он их в крови немцев да финнов. Он ведь и на финской повоевать успел... Кстати, ты знаешь, как он умер и где похоронен?

– Нет, не успел как-то, – стыдливо ответил я.

– Так вот, умер Миша, пока ты в Армии был, где-то на севере. Цирроз печени... Но пока жив был, письма мне писал и все о тебе спрашивал. А что я ему напишу? Противно смотреть на тебя было, когда ты к водке привязался да шлялся со всякой шпаной где ни попада... Как с цепи сорвался после 14-ти... Вот и врал я ему, что учишься хорошо... А письма Миши, кстати, по паспорту он Мордух – смешное имя, явно несоветское, – Эдик снова рассмеялся, – у меня все сохранились. Тогда тебе их отдать было бы с моей стороны кощунством, все равно что предать дружбу. Ничего бы ты в то время не понял... Водка... А сегодня можно. Напомни после рыбалки. Обязательно...

– А где его могила?

– Где-то в Крыму, слышал... Расскажу, когда письма отдам.

– А узнать точнее сможете?

– А зачем тебе? Он умер.

– Может, памятник со временем поставлю хороший, раз он таким человеком был...

– Памятники нужны живым, Боря. Мертвым уже ни к чему... Им все равно. Помни его и почитай как героя и очень любящего тебя отца! Вот и весь памятник, которого он от тебя ждал при жизни... Память сохрани и детям, когда женишься, о нем больше рассказывай.

– Ну нет, красивый памятник не помешает. И это дань ему будет от меня, как сына, – продолжал я упрямитесь.

– А чего ж ты при его жизни встречи с ним не искал и дань свою сыновью тогда не отдавал?

– Не понимал... Дураком был!

– Вот и я говорю, вместо отца у тебя водка была на первом месте.

Хлестали вы ее с моим сыном, как слепые лошади!

– Ну зачем вы так, Эдик?!

– А так! Чтобы слушал, а не спорил... Ты запомни лучше слова человека, который жизнь прожил, Борис: красивые и богатые могилы, сооружают в основном те, кто при жизни умершего мало ему внимания уделял и не любил по-настоящему! Твой случай как раз подходит, – снова с улыбкой поддел меня Эдик. – Это как откупные за невнимание к усопшему – одной крови с тобой человеку. А так... Крест да добрая память – вот и все, что нужно твоему отцу. Хотя нет, он же еврей... А что евреям на могилы ставят, знаешь?

– Откуда же могу знать?! Мама никогда мне не говорила, что отец еврей... Да и вообще мало что о нем рассказывала.

– Мой совет: ты лучше побольше о нем узнай, друзей его найди и родственников – всех, кто его хорошо знал. Фотографии собери. Ведь ты – его продолжение. Неужели не понимаешь самой главной истины для человека, что все мы – чье-то продолжение. Что бы ты сам о себе не воображал! Но выше головы – генов отца – не прыгнешь! Каким он был и его предки, таким и ты будешь. Хочешь себя узнать лучше, узнай своего отца и мать, кстати, тоже. Хотя для сына, мне кажется, все же лучше знать отца.

И Эдик сделал важное лицо, что было немного смешно. Но что поделать, выпил человек да неблагодарного сына вспомнил...

«Хитрющие» сазаны

Эдик допил стакан, совсем расслабился, тихонько засопел, а потом и вовсе уснул. Я тихонько подошел и накрыл его чем-то из теплого, что попало под руку. «Счастливый человек, – подумал я. – Надежный. Вся его жизнь по совести прожита. И амбиций на будущее никаких... Есть пара-тройка верных друзей-фронтовиков и очень добрый парень – сын, хоть и непутевый».

Единственное, о чем, мне иногда казалось, сожалел Эдик, что не смог уехать с Артуром в ФРГ, куда каким-то чудесным образом просочились его родственники – немцы из Казахстана. Но об этой стороне его жизни почти никто не знал, кроме Артура да вездесущего КГБ, который всех мечтавших сбежать из СССР держал на отдельном учете...

Так вот, оказывается, почему Эдик именно меня среди других пацанов для рыбалок выбрал!? Долг моему отцу, значит, отдавал...

Последняя мысль показалась мне такой обидной, что я тут же стал ее от себя гнать! Ну нет, конечно же! Мой кумир любит меня за мои ответные к нему чувства. Я ему по душе, как и он мне! И никаких абсолютно других

причин нашей душевной и духовной близости не существует! Господи, так не хотелось думать, что Эдик меня не из-за меня самого себе в друзья взял, а как бы по долгу службы перед моим родным отцом, которого я почти что и не помнил!

И вдруг! Начались бешеные поклевки! Звоночки зазвенели один за другим. Хотя у местных рыбаков вообще не клевало, и они с завистью смотрели в нашу сторону.

За три-четыре часа я поймал восемь крупных сазанов. Красивая рыба! Чешуя так и переливалась в лучах уходящего солнца. А какая сильная! Это вовсе не та рыба, что в запруженном мальками ставке вяло плавает, вся пережравшая и квелая... В таких грязных прудах полуживой карп как бы сам на удочку лезет, потому как что за жизнь в вонючей тюрьме, хоть и наполненной водой... Нет! Дикий сазан, хоть и «родной брат» карпа, но имеет совсем другой характер. Вольная, гордая и своенравная рыба, и намного- намного сильнее и вкуснее своего собрата – карпа!

Самая большая из пойманных тянула килограммов под девять, а остальные – в среднем по два кило.

Много удочек сазаны завели за коряги, и лески не выдержали, оборвались. А одна закидушка вместе с поплавком из большого белого куса пенопласта и толстой палкой, на которой держалась у берега, сорвалась и носилась, как бешеная, минут двадцать по озеру, вызывая небольшие волны на безупречной водной глади. У местных слюнки текли заарканить моего карпа. Один крестьянин даже рубаху скинул. Крикнул «Ух!», но окунул по щиколотку ногу и выскочил из озера, как ужаленный! Вода была холоднющей, ледяной, подземные ключи-родники делали свое дело...

Где-то к семи вечера Эдик проснулся. Довольный осмотрел улов, развел костер, и мы уселись варить уху. Я тоже выпил немного водки... Стало тепло на душе и повеселело.

Важный разговор

– Я так думаю, ты хочешь со мной о чем-то важном поговорить? – помешивая в черном от дыма казане большой деревянной ложкой, начал разговор Эдик. – Ты ведь деловой парень, не мой сын... Вряд ли тебя карпы уж так сильно и именно сейчас заинтересовали.

– Да, Эдик, есть кое-что важное. Хотя... Зря вы так однозначно... Я люблю с вами ездить, и вы это хорошо знаете. Или не так?

– Так, так, – успокаивающе ответил мне старик. Не отвлекайся. Давай, продолжай. Что за дело?

– Есть такое... У меня деньги завелись, и я хочу их тратить, не опасаясь, что меня потом люди в милицейских погонах спрашивать будут, где взял. А для этого нужны чистые документы, потому что, если я на себя буду все имущество оформлять, они обязательно мною заинтересуются.

– Правильно рассуждаешь! Понятно. А я при чем? – хитровато посмотрел он на меня.

– При том, что вы художник...

– Ну нет! – решительно заявил Эдик. – Я документы рисовать не научился!

Он усмехнулся, с хитрецей поглядывая мне в глаза.

– Но ведь знаете тех, кто умеет? Наверняка знаете. Я хорошо заплачу. Я ведь никому больше, кроме вас, не могу довериться...

На какое-то время Эдик задумался, а потом, видимо, принял для себя очень ответственное решение, какое на самом деле в этой ситуации и требовалось. Ведь, давая согласие на помощь, он запросто вместе со мной, если что, мог загудеть на нары! И уже после раздумий очень серьезно произнес:

– Ты меня своей просьбой прямо как к стенке ставишь! Ведь я тюрьму не переживу! Но... куда мне, старику, деваться, помогу... Дел я твоих, конечно же, не знаю, да и знать не хочу. Стар для авантюр! Но ты правильно рассудил... Знаю я верных людей, которые умеют такие чудеса делать, вернее, одного знаю. Друг мой. Серьезный человек и как раз по этой части... Но деньжищ это стоит громадных! Тысячи три рублей за один документ берет. Зато от настоящего не отличить. А захочешь, попрошу, и без денег сделает. Сыном представляю. В общем, что-то придумаю... Ты же и Артуру своими делами поможешь из вечной пьянки вырваться?!

– Да что вы? Артур мне брат... Зачем вы так? И я ведь вашему совету слеую, когда деньги предлагаю. Вы сами меня учили: «Все, что даром дается, даром и отдается». Ни в коем случае. Деньги я заработал. Три так три. Только помогите...

– А откуда ж у тебя такие деньги, Боря? Я жизнь проработал, а столько не скопил.

– Не могу сказать, Эдуард Дмитриевич, но очень хочу. Верите? У меня нет и никогда не будет от вас тайн. Но если расскажу, подвергну вас опасности! Сделаю вас помимо вашей воли соучастником. И так втягиваю в дерьмо... Понимаю! Мне стыдно! Но не к кому больше обратиться. Сам тюрьмы боюсь. Тем более, уверяю вас, просто поверьте, что ничего абсолютно криминального, – очень серьезно, чтобы не было у старика никаких сомнений, ответил я. – Ничего из того, что задумал, не выходит за рамки моей чести и совести. Вам не было бы за меня стыдно, если бы все узнали...

– Ладно-ладно, верю, Боря. Правильно, что ко мне обратился... Да и куда ж я денусь. Ведь друга моего не заложить?! – хитровато улыбнувшись, глянул он мне в глаза.

– Да что вы! Вы же сами говорите, что я на отца похож. Разве мой отец предал бы? Так вот, я в него! – с особой гордостью, подчеркнул я. – Не сомневайтесь... Военная тайна! Да и вам заплачу за такое знакомство. Правда. У меня есть...

– Ну вот... А говоришь, что как отец... Он бы такую мерзость – деньги – за дружескую услугу ни в жизнь бы не предложил! Ты подумай своей башкой, – всерьез обиделся Эдик. – Ты и отцу родному за просьбу деньги бы предложил?! И чтоб больше никогда не смел мне о деньгах ни слова... Я тебе не барыга, а твой старший товарищ! Никогда не путай грешное с праведным, а то по морде надаю... Мне твои деньги не нужны. А вот если и взаправду Артура в люди выведешь, на том свете тебе отслужу! – с большой грустью проговорил он.

– Артура я никогда не брошу. Он мне очень родной человек, Эдик, но не для моих дел. И втягивать его в опасные игры, которые я затеял, не стану. Пусть живет честно. Но деньгами, а главное – дружбой, всегда помогу... Он меня знает...

– Знает, правда! Говорить красиво мой сын не умеет. Но то, что о тебе говорит, всегда очень восторженно: какой Боб смелый, да как в челюсть какому-то гаду дал... Глупости болтает, конечно. Но уж такой он у меня родился. Как был пацаном, так и остался. И другим уже никогда не будет, сколько бы я ни мечтал и что бы ни делал. Душа, слава Богу, чистая. Для жизни мой сын совсем не приспособлен. И как он будет потом, когда меня не станет? Ох!.. Главное, что не он, а я тебя знаю. И никогда не поверю, что ты можешь подлецом стать. Это я так... Просто болтаю по-стариковски.

– Не волнуйтесь за это, – продолжил я об Артуре. – Не люблю клясться, но даже и не думайте... Он всегда будет со мной рядом, где бы я ни был и чем бы ни занимался. Ну, в общем, вы ведь меня понимаете?

– Понимаю... И спасибо тебе за такие слова. Важно, чтобы и у тебя все задуманное получилось и не пришлось мне потом на старости лет тебе в тюрьму посылки носить...

– Да что вы, какая тюрьма? Я же мирный...

– Никогда ты мирным не был... Ну да ладно...

Продолжая разговор, мне удалось быстро, не обижая старого человека, перевести разговор в нужное мне деловое русло.

– А человек этот профессионал? Язык за зубами умеет держать? Потому что я вам из-за своей корысти проблем создавать не хочу... Мне одолжение любой ценой не нужно. Не переживу, если с вами из-за меня что случится. Я серьезно, Эдик. Деньги есть, значит, найду, кому они нужны. Просто опасаясь сам себя не подвести...

– Нет-нет, сынок. Я знаю этого мужика давно. И за него ручаюсь! Мой друг еще с войны. Он с виду бука, а так, в глубине души добрый... Странный правда, это есть, да одинокий. А так, честный и мужественный... Сам к нему с такими просьбами никогда не обращался, но помню, что он спец высшего разряда. В важных штабах служил... А одно время по заданию начальства секретные немецкие документы подделывал. И моя рекомендация о тебе ему подойдет. Главное, в чем он должен быть уверен, что ты не из банды какой. А мне верит!

– Большущее вам спасибо, Эдик! Только не говорите ему ни моего имени, ничего... И мне самому его имя тоже не нужно. Я только обязательно должен буду присутствовать при изготовлении документов, чтобы ни фотокарточек, ничего у него на память обо мне не осталось. Чтобы разошлись как в море корабли – так, будто ни я, ни он меня не знает и никогда друг друга не видели... А я клянусь, что не выдам, потому что, как говорит мой один знакомый профессор-криминалист, чистосердечное признание смягчает наказание, но удлиняет срок!

Эдик рассмеялся.

– Правда! А что еще за профессор? У тебя новые друзья появились?

– Да так... Бегаю с ним по утрам в сквере.

На этом закончили. Эдик закурил «Беломор», и мы стали готовиться к ночевке.

Но спать сразу не пошли. Перед сном еще долго сидели у костра, подбрасывали хворост, сушили одежду, молчали, наслаждаясь игрой пламени. Великое зрелище – огонь и вода. Заворожит любого...

Ночь подкралась незаметно: пополз густой молочного цвета туман с озера, принося с собой холодок леса и его запахи. Яркая луна колдовски освещала лес и поляну, на озере появилась серебристая лунная дорожка со всплесками рыб и тенями от стремительно пролетающих над гладью воды летучих мышей.

Пугающие звуки совы, тени от деревьев и яркий потрескивающий хворостом костер... Что может быть прекрасней?! И вот мы уже в палатке крепко спим.

Чуть только рассвело, Эдик поднялся и с азартом ловил рыбу, а я повалялся еще в палатке, временами снова сладко-сладко засыпая, и так где-то до восьми утра.

К часу дня, вдоволь нарыбачившись, мы собрали вещи и той же дорогой пошли обратно... Эдик дал мне двух небольших карпов.

– Свари, – говорит. – Больше ты все равно не съешь, а дикая рыба полезная, в чистой воде росла...

Остальных карпов он отнес на базар и продал. Делал он это не из-за денег, а как бы по традиции, чтобы людям достались настоящие деликатесы – дикие рыбы, имеющие для знатоков особый вкус и, соответственно, интерес. Ведь в Совдепии, кроме мороженой трески, ни хрена рыбного и не купишь...

Героический штабист

На следующий день, как и договаривались, мы поехали с Эдиком на его стареньком «москвиче» к его другу-штабисту. Я завязал глаза и сел на заднее сиденье. Эдик удивился, но я пояснил, что даже не хочу знать, где живет этот человек, как и он не должен знать, кто я и где живу.

– Молодец, сынок! Тебя бы в разведку, – пошутил Эдик. – Ты сам так придумал или где-то вычитал?

– Вычитал, конечно. Есть очень интересная книга об американской мафии, – похвастался я, – «Крестный отец».

– Читать всегда хорошо, – похвалил Эдуард Дмитриевич. Мой сын, дурачок, ни одной книги не прочел.

Дальше мы ехали молча. И я сквозь повязку на глазах пытался посчитать и запомнить повороты, играя сам с собой в игру: отгадаю, куда едем, или нет. Мы приехали на окраину Киева, к воротам частного дома, по-моему, где-то в районе Борщаговки. Эдик посигналил, и нас встретил небритый, лет под шестьдесят, сурового вида поджарый мужчина, слегка по запаху выпивший. Мы вышли из машины, и Эдик тепло обнялся со старым другом, который подал мне руку. Рука была крепкой, а рукопожатие каким-то надежным.

– Здравствуй, сынок. Мне твой покровитель сказал, что ты хороший парень и он давно тебя знает. Говорит, что ручается...

– Здравствуйте. Надеюсь, Эдуард Дмитриевич не ошибся в своих оценках. Не знаю, хороший ли я в вашем понимании человек или не очень, но то, то язык за зубами держать умею, правда. Я очень осторожный. И ехал, кстати, сюда с завязанными глазами, так что в следующий раз найти вас без Эдика не смогу. И как вас зовут – не знаю, и Вы мне не говорите. А со слов дяди Эдика, поверьте, уважаю, и все! Вот двадцать одна тысяча рублей и фото на семь документов: три паспорта, одна ментовская ксива, где я старлей, да три документа на вождение машин разной категории.

– Крупного заказчика привел, Эдик. Видать, и планы у него грандиозные! Ишь ты, старлея захотел. А может, в лейтенантах пока походишь? На старлея по виду ты ну никак не похож. Молод очень, и лицо какое-то детское. А многих убил? – обращаясь ко мне с улыбкой, спросил штабист.

Вопрос, который задал друг Эдика был прямо, что называется, в лоб! А совет про старлея по существу. Он как бы прощупывал меня, ожидая ответа: сообразителен ли я или дурак, которого рано или поздно, но уж точно загребнут!

– Я не убийца! – резко отреагировал я. – А насчет старлея вы абсолютно правы. Не дорос. Пусть лейтенант... Или даже младший...

– Ну что ж, дорогие гости, заходите!

Дом был четырехкомнатный. Две комнаты внизу и две наверху. Мебель довоенная. Все очень аскетично. Рыжий кот и такая же рыжая кучерявая дворняга дополняли интерьер. Никто в доме, со слов штабиста, кроме него самого, кота и собаки, не жил. Да это и было видно даже невооруженным глазом. Женской рукой тут и не пахло. Все в доме было уж очень простенько, никакой изюминки: вроде бы и прибрано чистенько, и каждая мелочь расставлена по своим местам, но как-то без женской души. И не казарма, конечно, но и не теплое, обжитое жилище. И обстановка такая же... Видно, что человек этот любил армейский порядок во всем. «Педант и сухарь», – подумалось.

Мы спустились в подвал. Там была всего одна, но большая комната без окон: стол, настольная лампа, недопитая бутылка коньяка и стакан. А отдельно на большущем стеллаже рядом со столом аккуратно разложены лупы, карандаши, кисточки, промокашки, чернила, перьевая ручка, печатная машинка «Зингер», какие-то образцы печатей и штампов, лупы, циркули, а также еще много-много всякой канцелярской дребедени...

Образцов документов не было, но штабник показал свой паспорт.

– Вот скажи, сынок, настоящий это документ или поддельный?

Я стал внимательно рассматривать документ. Все графы в нем были заполнены вроде правильно: фото как фото и гербовая печать на нем так, чтобы ее краешек был и на документе. Но смущала маленькая чернильная клякса в правом уголке первой страницы, и как-то не очень опрятно выполнены записи. А сам паспорт потерт и выглядел слегка староватым. Стоял штамп о прописке. На остальное я внимание не обратил.

– Паспорт как паспорт. Только пожмякан и не очень аккуратно заполнен.

Клякса...

– А ты на свой посмотри...

Я достал документ и первый раз в жизни внимательно его осмотрел: чистенький, новенький, гладенький.

– Мой вроде бы красивее...

– Так вот, дружок, твой новенький. И для того, кто много узнать о тебе захочет, на липовый смахивает. Большая ошибка тех, кто подделывает документы, – сделать их образцовыми: буква к букве, циферка к циферке... При предъявлении где-нибудь в очень важном для тебя месте такой документ всегда подозрителен. Могут начать копать, справки наводить, где и кем выдан... Может, и не сразу это сделают, но именно тогда, когда ты и ждать не будешь. В этом проблема! И как потом оно тебе аукнется – никто не знает. Смотря какой опер займется... А мой – сразу видно, что многое повидал и даже с кляксой из-за неряшливости хозяина. И потому всегда признают за настоящий. А на самом деле это всего лишь мое произведение искусства! – с гордостью произнес друг Эдика. – В этом вся соль! Я специально, чтобы сначала на себе проверить качество моего труда, хожу только с ним. А настоящий назло советской власти, – пошутил он, – давным-давно сжег. И еще знай, я с бандитами и урками принципиально никаких дел не имею, – предвещая мой вопрос, заявил штабник.

– А почему вы мне об этом сказали?

– А чтобы ты себе на ус намотал. Если к чему-то важному по жизни идешь, никогда не приближайся к таким... За ними всегда оперативный шлейф. Но самое главное из того, что я хочу тебе сказать напоследок, – бандиты рано или поздно, замечая свои следы, и по мою, и по твою душу могут прийти. Смотря с кем свяжешься. Большинству из таких свидетели не нужны. Хорошо понял?

– Хорошо...

– Надеюсь. Дядя твой мне давеча сказал, что ты парень умный. Поэтому я тебе и дал совет этот важный. Люди со страху за свою собственную жизнь или свободу запросто убить могут! А еще я тебе к тому это сказал, что, если у меня с конторскими проблемы начнутся, значит, от тебя придут... Потому что мои клиенты – все люди достойные. Уж поверь! И я редко кому такие услуги оказываю. Но никогда – преступникам! В основном, когда какие-то имущественные споры помочь решить знакомым или друзьям надо. Люди ведь всегда что-то делают. Мерзко все это, но уж как есть говорю! Имущество. Фу! Хорошо, что мне не с кем ничего делить: ни жены, ни детей, – пооткровенничал штабист. – А бывает и так, что человек просто вдруг заново жизнь решил начать. Бывает и такое. И не всегда я деньги беру. В основном знакомые... Понимаешь? Поэтому и вариантов, если мной вдруг конторские займутся, других нет... В таком случае ты и меня, и Эдика под тюрьму подведешь. А нам на старости не пристало. Все понял?

– Все, дядя...

– А ты ведь совсем не прост! – заулыбался штабист. – Я все вижу... Такие, как ты, ребята далеко пойти могут или близко кончить. Но мыслей твоих мне не прочесть. Молод ты очень. Другое поколение. Не моего огорода ягода, – глубокомысленно заключил он. – Но... раз Эдик за тебя просит и ручается, значит, знает о тебе что-то такое, что делает тебе честь. Так что дорожи его доверием. Это дорогого стоит!

Штабист вдруг подмигнул мне и сказал:

– Не думай, что с дураками дело имеешь. Раз такие деньжищи, глазом не моргнув, платишь, дела твои не хухры-мухры! Ну да ладно, раз Эдик... – по-старчески повторил он. – Сделаю. И по высшему разряду... Жаль только, что деньги мне девать некуда, – снова разговорился друг Эдика. – Характер у меня хреновый. Понимаешь? Беру, а зачем? – уже сам с собой немного ворчал он. – Так просто, чтоб в кармане были, да на старость, когда придется нанимать кого-то, чтобы на горшок усаживали... А еще бабам плачу, которые ко мне приходят. Люблю женщин еще с войны! Эдик знает, – хитро ухмыльнувшись и подмигнув в сторону старого друга, сказал он. – Но скоро, наверное, и этого счастья лишусь...

И вдруг он как очнулся от сна...

– Хотя зачем я тебе все это рассказываю? У тебя ведь все горит?! Вот ведь дурак старый. Одиночество, знаешь ли, и годы. Но, как видишь, еще контролирую себя, раз понимаю, что лишнее несу.

– Да нет, что вы, мне все интересно. Вы, со слов Эдуарда Дмитриевича, герой! Он редко о ком так тепло отзывается.

– Да уж, из Эдика лишнего слова не выдавишь. Странно, что он с таким пацаном, как ты, так разговорчив. Видно, что-то особенное тебя с ним связывает...

Но добрые слова, которые я сказал в адрес штабиста, ему были явно по душе, хотя и старался он всячески показать себя суровым дядькой.

«Теплые животные» и «новый человек»

Вскоре Эдик уехал на своем корче – старом «москвиче» – по каким-то своим делам и обещал вернуться через несколько часов.

Штабист остался возиться в мастерской, а я поднялся наверх к коту с собакой и улегся на старый облезлый от времени кожаный диван. Кот примостился у меня между ногами, а собака легла рядом на полу подле моей головы так, что я сунул руку в ее густую теплую шерсть, нащупал ее любимое место между ушами и, нежно почесывая, крепко-крепко уснул...

Я с детства любил животных, особенно кошек! Уж как они умеют подлизаться к человеку, чтобы потом еду выпросить... А вот собаки проще, но куда вернее! Кот сразу доброту забудет. Кто его кормит – тому он и лучший друг. А собака хозяина или даже того, кто хоть раз кость ей бросит, никогда не забудет. Всегда при встрече хвостом вильнет, а уж хозяев как любит и предана... Любовь навсегда! Я читал где-то, что некоторые из них, если разлука была долгой, при встрече с хозяином даже разрыв сердца получают. Вот такая она – собачья преданность! Люди никогда так не могут, что бы кто ни говорил и как бы ни клялся...

Вот с такими мыслями я и улетел в сон...

Заснуть мне никогда не составляло проблемы. Я люблю спать с детства и засыпаю сразу и в любом месте. Такой вот склад нервной системы.

Намного позже я случайно узнал от одного врача-невропатолога, что мгновенно расслабиться и заснуть могут только люди с чрезвычайно развитой системой мозговых клеток. А что это значит и так это или нет со мной лично – так никогда и не узнал.

Уж и не помню, сколько прошло времени, но, открыв глаза, я увидел довольные лица Эдика и штабиста. Видно было, что они уже и поговорить за жизнь за коньяком успели, и что-то веселое из их общей жизни вспомнили...

– Вставай, сынок. Поздравляю! Ты теперь новый человек! Вот...

И полковник-штабист передал мне семь важных для меня документов: три паспорта на разные имена и фамилии и столько же прав на управление легковыми автомобилями плюс удостоверение лейтенанта милиции, в которое надо было наклеить фото в форме милиционера и передать Эдику, чтобы его войсковой друг поставил правильную печать.

– Спасибо громадное, дядя! Вы даже представить себе не можете, как меня выручили! И уверяю вас, я не бандит и, кроме благодарности, никаких иных чувств к вам испытывать никогда не стану. Все хорошее и всех, кто его сделал, всегда помню! Считаю, что только последний человек в этой жизни на добро злом отвечает.

– Философ твой протеже, – улыбнулся штабист, – Ну посмотрим, храбрец! И все равно знай: ты Эдику, а не мне документами обязан. А то, что заплатил такие деньжищи, так, во-первых, они у тебя, как я вижу, далеко не последние, а во-вторых, это не просто так себе подделка, это искусство, и мало кто им владеет на моем уровне. Так что цени и никогда в них не сомневайся.

Это именно то, что тебе нужно! Но без Эдуарда я бы тебя к себе и за километр не подпустил...

Эдик пожал руку товарищу, они снова крепко-крепко обнялись на прощание... И вот мы уже в его стареньком «москвиче», и Эдик за рулем...

Какие они – настоящие бандюги?

– Может, я поведу, Эдуард Дмитриевич. Вы же не одну бутылку коньяка со штабистом одолели.

– Да нет. Моя машина только меня слушается, Боря. Так что сиди и наслаждайся жизнью.

Но, когда мы проехали километров двадцать, выпитое все же предательски дало о себе знать. Будучи хорошо подшофе, водитель не удержал расстояние и на светофоре въехал в задний бампер новых белых «жигулей» первой модели. Из машины сразу выскочил здоровенный парень с золотой цепью и громадным крестом на шее и с криками и грязным матом подбежал к нам.

В «жигулях» остался еще один, но не такой резвый...

– Ты что, мат-перемат, старый козел, не видишь, куда едешь? Новую тачку разгромил!

Эдик виновато посмотрел на него и ничего не ответил, а только кивком головы показал мне, чтобы я вышел из машины и как-то уладил ситуацию.

Нам с Эдиком категорически не нужно было ГАИ! Ведь у меня в карманах были поддельные документы, да еще заряженный боевой пистолет.

Молнией пронеслась в голове мысль: «Как жаль! Все так хорошо начиналось...»

Я вышел, быстро достал из маминой куртки толстую пачку сторублевых купюр и, внимательно вглядываясь в налившиеся кровью от ярости глаза разъяренного водителя, приготовился отсчитать необходимую сумму, чтобы погасить скандал. Но не тут-то было!

Увидев такую уйму денег, здоровяк попытался нахально вырвать их все у меня из рук. Но я интуитивно ожидал его реакции и мгновенно спрятал руку за спину.

– Все много будет, дядя? – показывая всем своим видом, что он не на того попал, дерзко ответил я. – Тут техстанция рядом. Вот подъедем и оценим ущерб. А я и сверху оплачу. Понимаю, моральный ущерб...

– Ничего ты не понимаешь, сопляк! Давай все, что есть, и еще должен будешь! А не отдашь, я вас обоих прямо в машине похороню! Да я вас, бл-дь...

Ну и поехало...

Здоровяк выдал на-гора столько мерзкого мата в наш адрес, что, честно сказать, мне расхотелось платить, а только бы избить гада. Ведь, чего греха таить, матом ругаются многие мужчины, но этот мат как бы для связки слов, такой себе новый русский сленг... И часто он даже вызывает ответные теплые чувства, да и говорится не со зла. А есть грязный мат мерзких и злобных типов,

которых за эти слова хочется избить до крови, чтобы они заткнули свой поганый рот! Вот такой персонаж и попался. Мразь, одним словом...

Но выиграть у громилы бой на кулаках шансов почти не было. Передо мной размахивало толстыми руками и извергало мат стокилограммовое тело. Да и куда драться? Милиция рядом...

Мгновенно оценив опасность вмешательства ГАИ, я заискивающе прогнулся и предложил отдать все и даже больше, но не здесь на дороге, куда вот-вот подъедет милиция, а в лесопосадке, что на другой стороне дороги. И указал рукой этой место.

– Успокойся, друг! Нет базара. Решено! Все отдам и телефончик запишу. Может, пригодимся друг другу, – притворился я паинькой. – Давай быстрее съедем, пока менты не нагрянули. А то ведь тогда им платить придется, если еще возьмут, а нет – оставшийся день в ментовке просидим, – и я показал, куда конкретно предлагаю отъехать.

Мои аргументы, особенно насчет ГАИ, были убойными, а потому громила их с радостью воспринял.

– Все и отдашь, щенок паршивый! Таковую тачку разбили! Только попробуйте смыться! Слышал, старпер? – снова унизил Эдика бандит. – Только попробуй не туда свернуть, шею скручу!

И он мигом сел за руль, развернулся по другую сторону Окружной дороги в направлении Конча-Заспы и, чуть проехав, остановился, ожидая, что будем делать мы.

Но Эдик не заводил машину. Оглянулся ко мне и строго сказал:

– Они тебя убить могут, Боря. Давай-ка я сам с ними как-то... А ты выскакивай скорее и беги за дома. Сам заварил эту кашу, мне ее и расхлебывать. А тебя им никогда не найти. И не волнуйся за меня, сынок. Ну что они мне сделают? Я старик... Ну избыют и то вряд ли, – успокаивал меня Эдик. – Выдержу! – ободряюще почти выкрикнул он и решительно потянулся к ручке моей двери, пытаюсь насильно вытолкнуть меня из машины.

Что сказать? Бесстрашный мужик!

– Ну уж нет, Эдик!

Левой рукой я успокаивающе отвел его руку, а правой быстро залез в карман куртки, достал браунинг и щелкнул затвором.

– Господи, ты вооружен! А если милиция?

– Вот и езжайте быстрее. Я одного вас не брошу. Вместе разбираться будем...

– Сам виноват, старый я дурак, – потеряв от горя контроль, все бормотал отец моего товарища, медленно разворачивая машину. – Надо было тебе руль дать, раз выпил...

Но, видя мою решимость, все-таки поехал вслед за бандитами.

Вскоре мы оказались в самой гуще лесопосадки. Остановились на маленькой полянке среди густых высоких кустов... Здоровяк и я – оба вышли из машин...

«Оскорбления по-бандитски»

– Давай все свои бабки, щенок, и мотайте! И карманы выверни. Может, там еще что завалилось?!

– Разве десять тысяч рублей мало?! Я снова достал пачку денег.

– Имей совесть, друг, – все еще пытаюсь свести разговор к конструктиву, наивно вмешался в разговор Эдик. – Ведь вся ваша машина и близко столько денег не стоит.

– А это не простая машина, старый придурок, а золотая! Ты нам с другом дело на сто тысяч рублей поломал. Понимаешь?! Так что, сколько бы у тебя денег сейчас ни было, все равно и дальше должен будешь. На счетчик тебя прямо сейчас ставлю. Потому что ты сейчас с твоим сынком- недоноском отдашь, не в счет, но каждый месяц еще по пятерке косарей платить мне будете. А не станете, я сначала тебя дед, а потом и щенка твоего утюгом проглажу!

Честно сказать, хотя и повидал я пацаном много разной швали, но настоящих бандитов никогда не видел. И поневоле оценил ситуацию как чрезвычайно опасную. Верил каждому слову здоровяка, а фантазии на ходу дорисовывали страшные картины пыток. Именно это и решило судьбу негодяев. Потому что иначе, все что я сделал потом, было ужасно! Но по порядку...

Разговор затягивался... А я все никак не мог принять какое-либо решение. А тут еще Эдик, кряхтя, потянулся за мной выйти из «москвича».

– Не надо, папа, – так я впервые, хотя только для конспирации перед бандитами, трогательно назвал своего кумира. – Пожалуйста, очень прошу! Не выходи, батя. Так только хуже будет. Доверься. Я точно договорюсь.

Слово «папа» вызвало у Эдика ко мне такой прилив чувств, что на его глазах появились слезы. Пожилые люди часто плачут. Они ведь как взрослые дети! Он пронзительно заглянул мне в глаза и, увидев в них жестокую решимость, покорно остался за рулем.

«Ну что ж, раз так, – решил я, – пора быстрее разрешить конфликт и установить правильный статус в переговорах, взять инициативу в свои руки».

– Какой ты страшный! – с издевкой бросил я бандюге, медленно, но с достоинством доставая браунинг из кармана куртки. – А кликуха у тебя какая? И где же мне тебя потом искать, чтобы дань заплатить?

Бандит растерялся. Но опасность до него доходила медленно. Он все еще продолжал испытывать иллюзии по поводу окончания разговора.

Второй потерпевший от аварии в это время спокойно сидел в машине и курил. Был угрюм, пьян или под наркотиком и не проронил за все время разборки ни слова. Он был очень похож на бывшего зэка, а первый, скорее всего, только-только на пути к отсидке.

Громила был в раздумье. Его мозги с большим трудом оценивали ситуацию. Он никак не мог поверить, что пистолет настоящий. В то время у

ребят было много поделок-зажигалок в виде пистолетов разных марок. Что только умельцы на базаре не продавали... К тому же я явно не был похож на преступника, который носит с собой боевое оружие: старая одежда, что на мне, и довольно-таки интеллигентный вид Эдика вызывали обоснованные подозрения и говорили о том, что мы всего только обычные советские люди.

И все же решительность мордоворота слегка поубавилась, и мы молча уставились друг на друга... Начался бой глазами! И в моих бандит прочел полную уверенность в том, что я его абсолютно не боюсь. А для наглядности я еще раз, но уже в его присутствии передернул затвор. Он угрожающе щелкнул холодным металлом, а из патронника вылетел и упал на землю настоящий патрон. Это поставило все на свои места.

– А вот мне, например, интересно, сколько у тебя самого, урод, денег в карманах? Быстро выворачивай!

Нападающий затих, но карманы не вывернул. А его коллега так ни на что и не реагировал.

Пока они были в растерянности, я медленно, не вызывая подозрений, подошел к здоровяку на расстояние удара руки, а потом резко прыгнул и со всей силы врезал ему рукояткой пистолета промеж рог, попросту, между глаз.

Из носа у него рекой хлынула алая кровь! А на лбу от рукоятки образовался довольно глубокий отпечаток – большая рваная рана.

Он отлетел от меня на пару метров и застонал. Но не упал. Здоровый

был

гад!

– Карманы, бл-дь! Или плохо слышишь?! – я навел пистолет на мордоворота...

Удар подействовал сразу. А мое выражение лица уже не оставляло никаких сомнений в том, что может быть дальше.

Здоровяк вывернул один из карманов. Очевидно, тот, в котором были деньги. В нем оказалось 52 рубля и мелочь, которые он бросил на землю себе под ноги.

– Подними, мразь, и отдай все, что бросил, моему любимому папочке, – указывая на Эдика, с язвительной улыбкой произнес я. – Ему как раз на бензин не хватает. И советую в следующий раз, когда вам делают благородное предложение, быть вежливей, – продолжал я язвительно издеваться над негодяем. А потом скомандовал: – Садись в машину и отдай ключи!

Бандит нехотя залез в машину, но денег Эдику не передал. Они так и остались лежать на земле.

Я подошел к отцу Артура и тихо спросил:

– Что делать будем?

Он молчал, а потом тихо проговорил:

– Ну не убивать же его будешь?

Убить – не убить?! Вот в чем вопрос...

И тут только до меня дошло, что, если я оставлю гадов живыми, они наверняка найдут по номеру машины Эдика и будут его пытаться, пока не узнают, где меня найти. Уж слишком большую сумму я засветил! А поскольку он им не скажет, они его или убьют, или оставят калекой на всю жизнь. Я читал о таких в газете... Да и сын его, Артур, тоже пострадать может. А если с ним что-нибудь плохое случится, то Эдик просто не переживет! Да я и сам себе не прощу...

Мой мозг сам исключил мирный исход дела. Людей, которые могут меня помирить с бандитами, я не знал. А пистолет? Думаю, что, когда к Эдику бы домой пришли, пистолеты бы у них тоже нашлись... Решение проблемы стало настолько очевидным, что далее я действовал как на автомате. И мне кажется, что никогда в жизни не повторил бы подобного...

Просьбу Эдика я пропустил мимо ушей. К тому же говорил он в неуверенности и сам не знал, как нам поступить... Мое тело само собой резко развернулось, я подошел к «жигулям» и выстрелил в открытое окно со стороны водителя в голову сначала одного бандита, а потом и другого.

Головы убитых откинулись в противоположную от выстрелов сторону. У того, что сидел за рулем, пуля прошла навывлет и практически с одним и тем же размером отверстия с другой стороны его громадной башки. В месте, куда вошла пуля, образовалось черное круглое пороховое пятно от выстрела с близкого расстояния. Голову второго разворотило с противоположной от выстрела стороны вдребезги: пуля на выходе сделала дыру с маленькое чайное блюдце, да так, что, по-моему, даже мозги повывлетали!

Кровь убитых стала быстро заливать машину.

Вот так я первый раз в своей жизни убил людей. Хотя какие это были люди? Звери!

Что же это за чувства, когда убиваешь людей?

Адреналин зашкаливает! Сам убийца никогда в этот момент полностью не осознает вселенской трагедии – смерти! Ведь смерть любого человека – самое страшное явление на земле, даже если убит законченный негодяй!

Будучи не в себе от случившегося, я снова подошел к Эдику и, как бы ища у него поддержки тому, что сделал, спросил, как он. Но отец Артура не проронил ни слова...

– Понимаете, Эдик, – горячо стал объяснять я. – Если бы я этого не сделал и мы уехали, они бы вас нашли и истязали. А не сказали б вы, где я, они бы и Артура замордовали! Это же бандиты... Ведь вправду же как на войне: или мы их, или они нас?!

– Это, конечно, не война, сынок. Но что сделано, то сделано, – видя мое истеричное состояние, поддержал меня словами старый воин. – Я тебе не судья. И никто не судья... Ни о чем сейчас не думай. Быстро в машину! А правильно мы поступили или нет – будем думать потом, если еще выйдем сухими из этой передраги. Сейчас давай срочно решать, что будем делать с машиной и убитыми?! Ведь по оставленным тобою в машине следам нас обязательно найдут...

– Есть вариант... Машину надо сжечь, а вместе с ней и все улики. Нас никто не видел и не узнает. Вы поможете мне?

Ситуация с каждой минутой становилась аховой. Эдик трезвел на глазах... Он полностью пришел в себя. Быстро вышел из машины и достал из багажника полную канистру бензина, которую протянул мне.

Я вынул перчатки из сумки с документами, подобрал патрон, стреляные гильзы, деньги и мелочь из кармана громилы и залил через окошко все горючее канистры в кабину «жигулей». Затем взял у Эдика в машине старую газету, открыл бензобак, сунул бумагу туда, а затем попросил его выехать из лесопосадки, развернуться в сторону Киева, проехать метров триста и поджидать меня. Что он и сделал...

Перед тем, как поджечь, я еще несколько раз медленно обошел машину с трупами вымогателей, все внимательно осмотрел, зачем-то подобрал бычки от сигарет и забросил их через окно в салон. Немного отошел от машины и посмотрел со стороны... Все вроде как учел... И только тогда поднес спичку к газете и быстро-быстро побежал в сторону Окружной дороги.

Пока я бежал к машине Эдика, газета догорела... Громко рванул бензобак! Огонь вспыхнул, как порох, и вся машина вместе с трупами в ней запылала ярким высоким пламенем.

И вот я наконец рядом с Эдиком, и мы едем в направлении нашего дома.

Взрыв бензобака и яркий огонь в лесопосадке сразу же привлекли внимание множества зевак. Машины на трассе в сторону Конча-Заспы останавливались одна за другой. Очень быстро образовалась громадная пробка! Водители бежали со всех ног в сторону пожара, а мы уезжали, и что там было дальше, я уже никогда не узнаю...

Молчание Эдика в пути затянулось. Он не спешил начать говорить слова. Да и мне следовало получше осмыслить ситуацию. Я тоже молчал. Как вдруг...

– Я ни в чем тебя не виню, сынок. Сам, дурак старый, виноват, что так влип! Не выпил бы много – не въехал бы в этих скотов. И думаю, что выхода у тебя другого не было. Так что и не думай ни о чем. Вся вина на мне. Ты ни при чем! – решительно, чтобы полностью заглушить мои сомнения, заключил он. – Надо же, и войны давно нет, а тут... Неужели это и есть твой новый бизнес, Боря? – в раздумье и как-то горько произнес мой наставник.

– Даже не думайте, пожалуйста, о таком! Я никого и никогда до этого случая не убивал. Да и этих не собирался.... Я правда очень переживаю о том, что случилось... Но то, что на планете Земля на двух подонков стало меньше, ведь правда?!

– Правда, правда! Успокойся. Я же тебе сказал, я виноват. Думай сейчас о том, сынок, что я на войне намного, намного больше живых людей в мертвых превратил. Так что в сравнении со мной ты ангел с крылышками, – сквозь беспокойство, царившее в его глазах, попытался пошутить старый воин.

Попытки Эдика упокоить меня немного подействовали. Мы молча доехали до нашего двора. Я попрощался и поблагодарил отца своего друга.

Теперь он мне не просто наставник, а даже больше, чем родственник. Я достал десять тысяч рублей и молча положил их на заднее сиденье. Эдик не возражал... Но и не благодарил...

Когда я пришел переночевать в квартиру на Красноармейской, мерзкие старухи, как и всегда, сделали свой «рентген».

– Чего-й-то ты такой обсмаленный явился, Борька? Или пожарником заделался?

– Стукачей в лесу на огне жарил! – зло ответил я и быстро скрылся за дверью комнаты.

«Надо же, – подумал, – прокол вышел! Вот они на мне – следы преступления. Как же я переодеться не додумался?! А еще умником себя считаю. Впредь надо быть осторожней».

Зайдя в комнату, я быстро разделся, завернулся в полотенце и бегом в ванную, где под струей воды долго, аж до крови, тер себя колючей мочалкой старух. И только когда стал испытывать боль от ран, полученных в результате терки, вышел из-под душа и... бегом спать.

Ночь прошла тяжело. Я сильно потел. Да так, что даже пришлось ночью переодевать не одну майку. Напряжение долго держало меня за горло и не давало уснуть. Перед глазами маячили простреленные головы, кровь, обезображенные смертью трупы, удивленное выражение лиц мертвых преступников с дырками в голове, пожар...

Мозг интуитивно искал другие варианты развития событий, исключаящие убийства, но никак не находил... Тяжело, но уснул...

«Привет Королю!»

Несмотря на ужасную ночь, утром я полностью повторил ритуал системы: «поболтал» трусцой с профессорами, а за завтраком с головой окунулся в мысли о встрече в кафе с Виталием. И так и сяк прикидывал, как лучше подкатить к новому другу и обговорить организацию банды, а заодно решить менее важные, но также необходимые для будущего дела и для себя вопросы о покупке автомашины и валюты, чтобы одеться поприличней.

После обеда, что Бог послал из ближайшего гастронома, поспал. А вечером оделся в то, что удалось приобрести в задрипанных советских магазинах, прихорошился и... в кафе к Витохе.

Киевское кафе «Крещатик» было козырным местом для постоянных посетителей – всех сливок киевского бомонда. Любой местный пацан с завистью, проходя мимо, всегда посматривал в окна этого заведения. Но сам туда ни ногой. Это был как бы закрытый элитарный клуб для избранных.

Бывали здесь, конечно, и случайные посетители, но обстановка элитности вынуждала их быстро уходить, поскольку иногородним и местным лохам, говоря на жаргоне посетителей заведения, места здесь не было. Официанты даже не обращали на них внимания, а на свободных столиках, а они были всегда, стояла дежурная записка «Занято». Красивые девчонки,

ищущие острых ощущений, – проходите, пожалуйста! Все остальные – только свои.

Посетители кафе всегда заказывали все самое дорогое и выставляли напоказ хорошие чаевые, поэтому официанты не были заинтересованы в новичках с мелочью в карманах.

Витоха был здесь одним из самых-самых, особенно у девушек, почти что каждая из которых, считала за счастье подарить свои ласки этому козырному красавцу. И все только для того, чтобы потом рассказать подругам, что переспала с самим Королем, чем повысить свой статус среди других девчонок и даже ухажеров. Многие другие посетители, что также сразу бросалось в глаза, имели статус никак не меньше Короля из боксерского клуба. Они не были спортсменами. И не славились сильным ударом. Но явно имели какие-то другие важные достоинства, о которых я сразу же очень захотел узнать от Витохи, потому что ранее никогда такого рода людей не встречал. Это был как будто какой-то другой мирок в самом центре столицы Украины, наполненный непонятными мне людьми с особым чувством собственного достоинства, раздетыми во все импортное и дорогое, с непохожим на мой сленг словами и явно несоветскими жизненными ценностями. Например, красивую девушку они называли – «батон», туфли – «шузы», одежду – «прикид» и произносили в разговорах между собой еще много разных слов, смысла которых я даже угадать не мог.

«Как странно, – подумалось, – всего в каких-то восьмистах метрах от моего дома и моих друзей другой мир! Что сказали бы мои друганы, увидев этот козырный зоопарк?!»

Статус уважаемых в кафе присваивался посетителям по иным критериям, чем во дворах и боксерском клубе. Витоха был уважаемым, но не самым-самым. А кто самый и почему – предстояло узнать...

Близкая компания Витохи состояла из разношерстной, но крутой по тем меркам публики: карточные каталы, наперсточники, кидалы на обмене валют, успешные торгаши магазинов и кафе – все здесь! И у всех на кармане пресс бабок, который они при каждом удобном случае демонстрировали обществу, как бы невзначай доставая из заднего кармана портмоне, а также козыряли дорогой и модной одеждой и необычными импортными брендовыми аксессуарами: зажигалками, часами, сигаретами, жвачками и еще многим тем, что в наше капиталистическое время считалось бы признаком жлобства.

Казалось, весь набор киевской крутизны сосредоточился в этом кафе. Хотя на самом-то деле это было далеко не так. Самые богатые и влиятельные люди социалистической Родины в такие места не ходили, а прятались по дачам да парилкам с бассейнами или с любовницами по съемным фешенебельным квартирам города. В гостиницы тогда такие господа не ходили. Там их поджидали сюрпризы от КГБ.

В кафе громко играла живая музыка. Красивая длинноногая девчонка, кривляясь, исполняла соло под электрогитары – хиты того времени. Причем

пела зажигательно и с душой, располагая публику к щедрым чаевым себе и всему оркестру.

Вся обстановка заведения располагала к драйву. Никто о серьезном не говорил. Были слышны частые рукоплескания в адрес исполнительницы песен, громкие и призывные женские голоса, смех и очень редко грубые перебранки мужчин. Тут отдыхали по полной, а если кто на подпитии вдруг решил дать собеседнику в морду, его вместе с противником тут же выводили на балкон здоровенные ребята-официанты: деритесь сколько хотите, но только не в зале, где люди отдыхают. Все разрешено, даже ломать стулья, но за ваши деньги.

Кстати, на встречу я пришел уже со своей охраной из двух амбалов.

Здоровяки остались возле входа, а я поднялся.

Властной рукой, потому что из-за шума слова были почти не слышны, Виталий подозвал официанта.

– Привет Королю! – услужливо, но с достоинством советского официанта приветствовал он Витоху.

– Проведи к моему столику, дружок, вон тех, – указывая на меня и еще пару ребят из клуба, покровительственно бросил Витоха официанту в ответ на его приветствие. – И быстрее!

– Зачем же вам, такому красивому мужчине, мужская компания? – лебезил официант, подчеркнуто обращаясь на «вы» в расчете на жирные чаевые. – Такому красавцу я самых сладеньких подсажу. Посмотрите, вон какие свеженькие нас посетили, – указывая жирным пальцем в другой конец зала на симпатичных девчонок, продолжал подлизываться служивый. – Еще ничьи...

– Отстань, Димон! Или уши заложило?

– А-а, по-нят-но... А друзьям? – нахально продолжал гнуть свою линию официант, потому что девушки, если потом случайная связь превращалась в любовную, дарили официанту дорогие подарки. Димон не был сутенером, а как бы добрым сводником, устраивавшим девушкам серьезные отношения.

– А может, ваши друзья по части мальчиков? – неудачно пошутил официант под конец представления.

На что получил жесткий ответ Короля, рассчитанный, как и все, что он делал в кафе, на публику.

– Будешь много болтать не по делу, придурок, – по-доброму понтовал Виталий, – я тебя самого к моим друзьям подсажу! А что? Задница у тебя что надо! – громко рассмеялся он от своей дурацкой шутки.

Официант подыграл герою.

– Да я ж пошутил, Витя! Ты же знаешь, как я всех твоих друзей уважаю!

– перешел он на «ты» к Витохе и почти побежал за нами, а потом любезно подсадил за столик.

– Что принести?

Виталий заказал шампанское, черную икру и хитро посмотрел на меня и других ребят из клуба.

– Что закажешь, Художник?

(Теперь в спортзале меня только так и называли...)

– Мне пятьдесят грамм армянского коньяка. И то ради уважения к тебе.

Ошарашенные вниманием Виталия, ребята без разбора скромно повторили мой заказ.

«Козырное кафе!»

Мы сидели за лучшим столиком прямо посреди зала. Еще два стула оставались свободными. В те давние времена в заведениях пониже классом официанты имели право на свое усмотрение подсаживать за столики на эти места кого угодно. Бывало, что к воркующей любовной парочке или женатикам в ресторанах подсаживали пьяных вдрызг мужиков, которые уже прошли в общении этап «уважаю» и начинали ссориться между собой либо приставать к сидящим рядом, грязно материться, а в конце даже драться! Но в этом кафе, конечно же, такое не практиковалось...

– Что за лохов ты нам сегодня припер, старик? – обратился к Витохе солидный мужик за столиком, который был рядом с нашим.

– Лохи – это по твоей части. А я вожусь только с уважаемыми людьми, – бросил в ответ Виталий, как бы защищая нашу честь.

– Мой новый друг... Кстати, тебя как зовут? – вдруг в лоб под смех многих посетителей, которые располагались рядом, неожиданно спросил меня Витоха.

– Я просто друг, без имени, – ответил я под стать вопросу Витохи. – Пусть меня твои знакомые так и зовут. А тебе мое имя известно – Художник. Так пока что при всех и называй. Я не в обиде. Ты же сам мне эту кликуху в клубе дал. Вот и буду для всех здесь Художником. Что ж тут такого? Большого пока не заслужил, – продолжил я шутку Короля.

Мой ответ вызвал одобрение у окружающих и улыбку у Витохи.

– Так что будешь есть, Художник? Не забыл? Я ведь угощаю...

– Пирожное съем. А так... не голодный.

На других ребят хозяин столика внимания больше уже не обращал, и за столом сразу же сложилась атмосфера только моего и его присутствия.

Говорить, не крича, в этом шуме-гаме всеобщего веселья и музыки было невозможно. Поэтому некоторое время мы расслабленно сидели, и я внимательно, оглядываясь по сторонам, рассматривал посетителей.

– Не крути головой, – еле слышно сделал мне замечание Виталий. – Здесь так не принято. Легавый, подумают, или конченный лох.

– Как скажешь...

И я уставился на него невинным взглядом, но украдкой все же продолжал оценивать посетителей заведения.

Всех, кто был в кафе я видел впервые и все они вызывали у меня неподдельный интерес, потому что раньше я с такой публикой никогда не встречался и, если честно, чувствовал себя среди них как белая ворона.

И вот вкратце какие оценки удались...

Вон, ближе к оркестру, сидят, пьют коньяк вперемешку с шампанским, часто танцуют и явно флиртуют несколько пар молодых стилиг в компании с раскрашенными девчонками. Сегодня им предстоит пьяная ночь и бурный секс, после которого утром у нормального человека, кроме рвоты ничего и быть не может...

А вот уже чисто мужская компания ребят, у которых на столе ничего, кроме рюмок с коньком и чашек с кофе. Они делают маленькие глотки, смакуя напитки, много курят «Мальборо» и что-то не спеша обсуждают, а также частенько поглядывают по сторонам, чтобы не пропустить и поздороваться с кем-то из авторитетных. Они здесь явно для статуса. Не игроки на большом поле! Так, мелочевка... Но тоже нужная... Как я потом узнал, это были фарцовщики и менялы бондов и валюты на советские рубли. Здесь, в кафе, сосредоточилась вся их клиентура. Для них пребывание в элитном заведении – важная часть их работы. Им постоянно нужны проверенные клиенты. А они только здесь. И у каждого из посетителей своя репутация, как, собственно, и у этих пацанов...

Примерно такие умозаключения я сделал сразу после того, как сел за кафешный столик... А дальше меня заинтересовали девушки... Ведь я так любил смотреть на привлекательных представительниц противоположного пола. Они – самые красивые в мире цветы. А кафе в целом выглядело как живой цветочный парник, в котором каждый из цветов прекрасней другого! Все молоды и в расцвете лет!

Ночных бабочек – дорогих проституток, как я позже выяснил, здесь никогда не бывало. Их местом работы были исключительно валютные заведения, и почти все они были на штатной службе в КГБ, где и получали зарплату, которую чаще всего полностью отдавали обратно операм – их кураторам, лишь бы иметь доступ к валютным клиентам.

Их частенько подкладывали под иностранцев либо деловаров⁶, чтобы скомпрометировать, а потом шантажировать и отправлять к профессиональным вербовщикам как потенциальных агентов.

Валютным шлюхам разрешалось брать с иностранцев плату долларами, за хранение которых обычных граждан в те времена надолго упекали в тюрьму. Плата валютой или рублями не мешала проституткам писать доносы на клиентов. А те, у кого это получалось лучше и профессиональней, могли даже получать штатные должности и становиться полноправными агентами КГБ, что открывало им дорогу в заграничные командировки.

Иностранцы в своих демократических странах никогда ранее не встречали профессиональных проституток – агентов секретных служб, поэтому в расслабухе частенько давали волю языку – свободно болтали о себе, семье, работе...

Кстати, то же самое делают в такой обстановке почти все мужчины. Ведь при сближении с женщиной разговоры – важная часть не только интимной

⁶ Деловар – фарцовщик.

прелюдии, но и всего процесса ухаживания. Бывает даже и так, что некоторые мужчины используют жриц любви совсем не по назначению, а как психоаналитиков. И почти у всех мужиков есть бзик, что проститутка с какого-то дня их встреч уже любит только его одного. Вот и ведет он себя с ней частенько как с преданной любовницей. Не только деньги отдает, но и с радостью подарки покупает... И несет обо всем, даже секретном или сугубо личном, что только может украсить его в глазах шлюхи... А ведь на самом-то деле для проституток это всего лишь обычная рутинная работа. Она, как только вышла за дверь любовного гнездышка, так и не помнит даже имени красавца!

В кафе же все девчонки довольствовались в ухаживании исключительно подарками. И только Витоха никому и ничего не дарил. Он был для них бонусом! И попасть к нему в постель у девушек считалось, как я уже упоминал, большим успехом. Они потом вслух рассказывали подружкам, как он был крут и как еще раз приглашал на свидание! Хотя какое уж там свидание?! Скорее, случка...

У каждой девушки в кафе был свой ухажер, и меняла она его не часто, если не сказать, редко. Явных шлюх сразу вычисляли официанты и отправляли как по этапу в менее престижные увеселительные заведения. Здесь же у всех женщин был статус почти что друзей. Все они были с достоинством, и никто не имел права их унижать. Их часто угощали даже без намека на секс. С ними можно было поговорить про жизнь, попросить совета. А если по какой-то причине посетитель кафе чувствовал себя в тот или иной вечер одиноко, он часто приглашал знакомую девушку за свой столик, угощал шампанским и разговаривал на равных. «Друзья в юбках» – так я называл в тот вечер кафешных девчонок.

Пока мы празднично сидели, разговаривая ни о чем, я незаметно для окружающих давал оценки и запоминающиеся мне клички отдельным группам посетителей. К Витохе же в это время несколько раз подходили видные посетители заведения, чтобы засвидетельствовать свое уважение, а некоторые – за разрешением каких-то споров, в том числе и карточных. Всем, кто подходил, Витоха уделял внимание. Кому-то больше, кому-то меньше. В зависимости от авторитетности личности.

Из разговоров, которые вели проходящие с моим новым знакомым, я постепенно стал понимать, кто есть кто, и оценил его роль в разборках-спорах. По-видимому, Виталий имел в заведении негласный статус третейского судьи, что выдавало в нем человека с достаточно высоким интеллектом и житейской мудростью, способного здраво мыслить и приводить спорщиков к справедливым решениям.

Было также очевидно, что не все посетители кафе относились к Витохию с пиететом. Были и те, кто считал себя равным или даже выше Витохи... Но таких были единицы. И именно эти по понятным причинам интересовали меня более других завсегдатаев и в первую очередь.

Кто есть кто

Я стал ненавязчиво расспрашивать друга, кто есть кто.

Ему это не понравилось, и он стал культурно, но, чтобы не обидеть меня, отнекиваться.

– Да так... Расскажу позже...

– Нет-нет, раз привел – знакомь, – мягко настаивал я. – Это же твой дом, а я у тебя в гостях.

– Я тебе что, экскурсовод?! – сделал вид, что обиделся, друг.

– Ну и ладно, в следующий раз сюда не приду. Лучше двор свой покажу и своих товарищей. У меня верные друзья, – лукавил я, потому что понимал, что у Виталия ко мне какой-то интерес. И во двор мой идти он ну никак не хочет.

Немного посидели молча, но скоро мое приглашение во двор подействовало, и Виталия вдруг как прорвало!

– Ладно, расскажу тебе кой-какие истории о моих знакомых. Чуйка у меня вдруг такая пришла, что не последний раз с тобой встречаюсь... Верняк корешами станем. Но сначала поточнее мне скажи, а зачем тебе все-таки о них знать? Какое тебе до них дело? Или ты хочешь новые связи завести? Так это не так просто, Художник. Здесь никто с тобой без моей рекомендации разговаривать не станет. Ты уж поверь....

– Да мне никто, кроме тебя и нужен, старик. Слово даю! Зря ты так... Просто, если уж я попал сюда, то может так случится, что где-то еще с этими людьми судьба сведет. Жизнь ведь длинная, – понтовался я. – И как тогда? Здороваться – не здороваться, уважать – не уважать? А еще, если честно, мне интересны именно твои оценки. Другого бы и не спросил, – усиливал я подхалимажный напор. – Неужели не понимаешь, о чем я?! Я простой парень, Виталий. Только-только из Армии. Два года живого никого не видел. Одно быдло! А ты здорово рассуждаешь!

Витохе был явно по душе мой подхалимаж. С каждым моим словом в адрес его величества он все ярче видел мое участие в каких-то его делах. Но, чтобы не показаться простаком, с гордостью Короля ответил:

– Красиво подкатываешься! Зря только силы тратишь. Не надо ля-ля! – имея ввиду мой подхалимаж, вдруг заключил он. – Я хорошо разбираюсь в людях. Ты свой парень. Нравишься... Что-то в тебе есть такое... Ну а если ошибся, ты первый и пожалеешь об этом, потому что все, что я тебе сейчас расскажу о моих знакомых в кафе, – это не просто рассказ, это информация, – слегка угрожающе и задумчиво произнес Виталий. – И если ты все же лох или, не дай-то Бог, подсадной от ментов, то очень скоро пожалеешь об услышанном, потому что тогда мне лично придется потом всю дурь из твоей башки выбивать! И это будет не драка в клубе, а такое, что тебе и во сне не приснится!

– Не хочешь – не рассказывай, будет еще время, – с наивностью обиженного мальчишки парировал я в ответ на грозные слова Короля. – А то,

что я не лох и не мент, вот тебе первое мое доказательство... И я гордо вынул из внутреннего кармана куртки явное доказательство своей значимости – пятьдесят тысяч рублей.

– Хороший пресс! Не лох! – в глазах Виталия блеснул огонек восхищения. – Попозже расскажешь, где ты такие лаве раздобыл. Договорись? – Расскажу, конечно, – слегка подмигнув, как можно более доброжелательно отреагировал я. И тем самым вывел себя на качественно новый уровень начавшихся доверительных отношений и почти равноправной дружбы.

– Заметано. Ну что ж, слушай внимательно... А вы, ребята, погуляйте пока на балконе, покурите. Мне тут поболтать с Художником о делах надо, – обращаясь к остальным пацанам-боксерам, строго приказал Виталий.

Ребята из клуба, увидев у меня такую чертову уйму денег, сильно удивились. Никто из них и никогда столько сторулевых купюр в руках одного человека не видел. И зря, конечно, я при них похвастался. Но что делать? Это было крайне необходимо для дела, которое я задумал. И долго размышлять было некогда.

Когда пацаны ушли покурить и мы остались только вдвоем, Виталий сделал очень серьезный вид и начал для меня экскурсию в новый мир.

Экскурсия в «новый мир»

– Вон тот, видишь? Седовласый, высокий такой, с молодой красавицей-цыганкой за столиком... Очень важный тип! Кликуха Седой.

– Вижу...

– Это начальник следственного изолятора, кратко СИЗО. Слышал о таком?

– Ты что, думаешь, я совсем ку-ку. Кто о СИЗО в Киеве не слышал? Знаю. На Лукьяновке...

– Он – подполковник МВД. Никого не боится. Такие связи! Ведь в тюрьме почти все люди говорить начинают. И такое, что многим важным дядям с деньгами сразу кранты от их информации. Так что этот начальникек всем нужен! От него зависит, запоет птичка в клетке или молчать будет... Ведь когда человека за решетку прячут, ни родственники, ни знакомые, никто не знает: он там на день-два или на всю оставшуюся жизнь? Вот и ищут связи, как на кичу попасть, мужа, сына, друга или подельника проведать, поддержать, как говорят, морально хотят...

Но самый важняк для его подельников – быстрее встретиться с тем, кого замели! Им кровь из носу нужно понять все, что он следователю или оперу о них самих рассказал. Чтобы показания их обоих потом совпадали. Тут уже не до шуток. Нужно знать каждое слово задержанного, каждый чих... Понимаешь, о чем я?

– Ну как же, ясное дело, чтобы знать, когда за ними самими придут и что уже известно следствию...

– Умник, – похвалил меня с позиции старшего Король. – Слова только, как по мне, смешно расставляешь. Одно слово – Художник. Надо же, как оно тебе подошло! Не зря я тебе эту кликуху дал, – усмехнулся мой новый друг. – Так вот, я не говорю сейчас про уголовные дела, в которых задержанный поделник в полном расколе, что называется, до самой ж-ы. Нет! Тут и говорить не о чем. Такого в тюрьме забывают и линяют куда подальше. Пусть крыса гниет и дальше!

Но пока поделник молчит, его друзья ночи не спят. Секешь?! Думы все думают от страха! И чем дольше не могут встретиться, тем больше очкуют⁷! Ну и готовы платить любые деньги даже за малейшую информацию.

Можно, конечно, пацан, за инфу и обыкновенному надзирателю заплатить, тоже вариант. Или писульку через него передать, коня-маляву⁸ через другую камеру забросить. Но все это не то, парень! Чтобы успокоить душу, самый главный в тюрьме нужен! Он один может точную информацию раздобыть, а еще лучше помочь увидеться с глазу на глаз.

– А что такое конь-малява? Виталий развеселился.

– Ну и лох ты! Не обижайся!

– А почему я должен обижаться? Если не знаю, всегда так и говорю... Или лучше пургу гнать? – в тон Витохе на его же жаргоне попытался ответить я.

– Учить тебя надо, пацан. А за учебу деньги платят, – уже откровенно смеясь мне в лицо, издевался надо мной приятель. – Коней-писульки эки друг другу запускают через решетку на ниточке с верхней камеры в нижнюю. И вот, когда такая малява-записка опускается, то прыгает от одной решетки к другой, как конь. Усек?

– Ну хватит меня разыгрывать, – с улыбкой ответил я. – Я в тюрьму не собираюсь. Зачем мне твои кони?

– Ну нет, так нет, – продолжал посмеиваться надо мной приятель. Только ведь слышал поговорку «От тюрьмы и от сумы...»? Или и этому учить надо? От тюрьмы только идиоты зарекаются. Запомни навсегда!

Так вот, если повидаться с кем надо, только Седой как нужно устроить может. Или сам следак, который дело ведет. Но тот забздит... И деньги не помогут. Потому что все комнаты и камеры в СИЗО на прослушке. А Седой не любит, если кто в его кладовую без его разрешения лезет. Поэтому все запишет на магнитола и сразу настучит начальнику того следока.

А вот самому Седому встречу устроить, что два пальца обос-ть! И не узнает никто. На киче все между собой повязаны. Все зарабатывают. Каждый надзиратель побольше любого профессора в месяц тянет. И на Седого не попрет. Понял?! Учись, пока я живой! – не переставал подтрунивать надо мной мой новый приятель.

⁷ Очковать – бояться чего-либо, трусить.

⁸ Малява – письмо или записка, которая передается заключенными из тюрьмы на свободу или же из камеры в камеру.

Да уж, умел Виталий дым в глаза пустить.

Чтобы окончательно меня добить познаниями о предмете отсидки, Витоха, задумавшись, вдруг перешел к философии.

– Больше всего, конечно, жены или любовницы тех, кто за решетку попал, за тюремщиками с просьбами о свидании бегают! Вечную любовь доказывают... Чтоб потом попрекать любимого, мол, лучшие годы отдала тебе, негодяю... Все для тебя сделала...

Куда только девается эта любовь, если того мужика на много лет засадят?! Я столько такого повидал... Испаряются преданные суки, если любимый срок большой мотает... Да и нет, по-моему, никакой такой любви. Вот ни одного случая не знаю, чтоб баба своего хахаля дождалась, если тому приличный срок впарят!

Вот мать, Коля, та до самой смерти ждать будет, даже если ее сынок перед отсидкой сто человек замочит! Все материнское сердце прощает. И у меня такая! – вошел в раж Виталий, изображая из себя выдавшего виды матерого сидельца-преступника. – Потому у всех эков на зонах культ матерей. Они там все до одного помешаны на любви к матерям. Мать у них вместо Бога! Но так оно, если по правде говорить, и есть на самом деле... Сам ведь знаешь? Мать никогда не бросит. А когда еще в большую беду попадаешь, только больше любить станет! Такие у них сердца, – проникновенно выдал философский перл мой новый друг. – У тебя, кстати, что с родителями?

– Мама есть, отца нет...

А сам вспомнил, что давно не звонил маме. «Сегодня наберу по телефону, обязательно поговорю», – решил я.

– В кафе этот барон недавно, – продолжал о Седом Виталий. – Телка- дура, бл-дь цыганская, его сюда вытащила! Дома ей одной, видишь ли, сидеть надоело. Из-за нее он все мозги потерял. Мало того, что она из валютных магазинов не вылазит, так еще и развлечения ей подавай да общество, чтоб свою жопу и сиськи показать. Рано или поздно все для него здесь плохо кончится! Бл-дь – она и есть бл-дь. И когда его свои же заметут, быстро по рукам пойдет... Ему бы по своей тюрьме с ней гулять, – вдруг снова засмеялся от собственной шутки Витоха, – а он по ресторанам да кафе пошел. А такое в конторе не любят, пацан. Все могут простить, но только не показушную трату денег. Его здесь обязательно сфотографируют и с работы прогонят. С ума сошел раздолбай старый! А работа у него, ох какая хлебная! Очень богатый человек! Но видишь? Мудак! А это надолго! Навсегда! – выдал еще один новый философский перл Витоха и продолжил знакомить меня с посетителями.

– А вон тот плешивый, – показал он рукой на мужчину средних лет в изысканном костюме и галстук. – Видишь? Педераст! Минет обожает. Хочешь, и тебе сделает? Еще и денюжат заплатит. Любит он это дело! – очередной раз, но уже грязно и неуважительно подшутил надо мной Виталий.

– А тебе уже сделал? – огрызнулся я.

– Да ладно тебе, – примирительно ответил Король. – Шутки не понимаешь?! – И уже доброжелательно и без под-ок продолжил: – Это заместитель директора «Дома кино», который возле центрального стадиона. Знаешь? Фильмы у него будем запрещенные смотреть. И бывают ведь классные! Там и ресторан свой есть. И неплохой, кстати... Педрилы со всего Киева собираются. Но только ты туда не ходи, а то народ и тебя в пидоры запишет. И тогда тебе дорога в мое кафе заказана. Сюда только один педрила приходиться может. И то, потому что нужен всем. Рядом с ним за столик тоже никогда не садись. Начнет по коленке гладить, урод. Но бить его нельзя! Больной... Я так понимаю... Но как человек неплохой, кстати.

А те вон трое – торгаши: директора овощных магазинов, а тот, что рядом с ними за столом – самый знаменитый в Киеве антикварщик. Видать, сейчас договариваются, как гнилые яблоки на старинный фарфор поменять.

Виталий все больше входил в раж, смеясь и отпуская острые шутки, но уже не в мою сторону, а о посетителях. И так разошелся, что заразил и меня почти что истерическим смехом. Я смеялся и смеялся аж до слез! И хотя лексикон у него был слабенький, но мыслил Виталий ассоциативно, а это говорило об остром уме. Так что все его краткие оценки, которые он давал постоянным посетителям кафе, были хотя немногословны и высказаны на полупонятном для нормального человека жаргоне, но били прямоком в цель.

А смех энергичного и вызывающего у тебя уважение и интерес рассказчика – это как зевок у засыпающего: бывает таким заражающим, что сам зевать начинаешь и остановиться потом невозможно. А если смеется такой вот, то и ты ржешь с ним вместе, как конь, хотя и не понимаешь отчего... Вот так мы и смеялись в тот вечер. И со стороны могло бы показаться, что мы знаем друг друга всю жизнь и даже очень близкие друзья.

– А эти четверо, – указывая в конец кафе, продолжал вещать Витоха, – карточные игроки, каталы по-нашему. Профессиональные шулера. Никогда с ними не играй ни в какую игру. Всегда будешь в проигрыше. Они такие фокусы исполняют, что в никаком цирке не покажут! Знаешь, как они целый день проводят?

– Нет, конечно! – всячески подыгрывал я рассказчику.

– Тренируются. Карты у них дома по комнате от стенки к стенке летают... Только что, как птички, не поют. Чем-то целыми днями смазывают их, коцают.

И увидев мое непонимание последнего слова, восхищенно воскликнул:

– Ну ты и придурок! Как же ты не знаешь, что, когда ты играешь с шулерами, они все твои карты заранее знают, потому что на каждой карте своя метка – коцка, видимая только им одним, но не лоху, который напротив. Вот поэтому, играешь ли ты с ними в преферанс, деберц, буру, очко или даже дурака, шансы выиграть у тебя нулевые. Они все карты твои видят. Первые пару партий дадут выиграть, чтобы заманить... А потом только начинается игра в одни ворота.

А чтобы ты поверил, что колода чистая, они подкупают ближайшего к месту сбора катал киоскера, который новые карты в газетном ларьке продает, и умело вкладывают в новые обертки уже заранее коцанные карты. Тебе бы за эту инфо платить мне... Да ладно, я не бедный, – все усиливал смехотворный транс мой новый друг. – А вон тех четверых стилиг за одним столиком видишь?

– Да.

– Это фарцовщики и по совместительству кидалы! Многие богатые люди в Киеве, да и не только, очень даже пожалели, что познакомились с этими ребятами. Профессионалы высшей пробы! Эй, Тема, – обращаясь к одному из них, – крикнул мой новый друг. – Подойди!

Тот, кого называли Темой, быстро поднялся из-за своего столика и подошел к нашему.

– Садись, парень! Покажи, как ты пресс лохам ломаешь...

Парень пристально посмотрел Витохе в глаза, оценил шутку. Потом перевел взгляд на меня, сделал умозаключение, что я не мент, а Витоха просто развлекается, обаятельно улыбнулся, но с достоинством, подражая Виталию, в шутку ответил, что за цирк надо платить. А он, мол, билеты не продавал. А за так показывать чудеса не принято...

– А что, Витоха, ты нам конкурента готовишь? – в тон Королю с достоинством равного ответил ломщик. – Так у нас уже все и давно схвачено! Нам чужие не нужны. А если хочешь, чтобы твой знакомый хорошо усвоил, как мы свои фокусы делаем, пусть завтра к «Березке» приходит. Долго со своими деньгами не останется, – обаятельно улыбаясь, предложил симпатичный кидала.

– Ладно, иди гуляй дальше! Но чтобы моего друга не обижать! Понятно?

– Ну конечно! Твой друг – наш друг! А что, у него еще и бабки есть?

– А разве могут быть у Короля друзья без денег, – к удивлению Виталия, ответил я и гордо снова вытащил из куртки пятьдесят тысяч рублей.

– А можешь прямо сейчас поменять? – обратился я напрямую к новому знакомому.

– Э-э, чувак, у нас так не делается! У тебя вон начальник есть. Скажет – продолжим разговор. А нет – нет! – обратив взор на Витоху, очень серьезно заявил кидала.

– Нормально, Тема, свой. С ним можно разговаривать. А тебя, паренек, я уже предупреждал ведь: не лезь в друзья к моим друзьям. Никто тебя здесь не знает и дел иметь не станет. Несолидно так. Запомнил?

Я смутился и промолчал. Кидала внимательно посмотрел на меня и Виталия, как бы соображая, что у нас за отношения. Но так ничего и не понял. А я, в отличие от него, увидел в его глазах большой интерес к моим деньгам и желание исполнить мою просьбу.

– Поменяй ему, если при себе что имеешь, друг!

– На что?

– На бонды, – ответил я.

– На какие? Они разные бывают.

– А какие самые лучшие?

– Лучшие, – рассмеялся жулик, – те, что привозят из западных стран, но они дорого стоят.

– Не страшно, не последнее отдаю...

– Крут твой друг, Витоха! А с виду и не скажешь. Он специально в такие тряпки маскируется? – посмотрев на мой смешной костюм, с удивлением спросил кидала. – Такие деньги в кармане, а прикид, как у бомжа. Но... не мое дело. Хорошего клиента привел. Спасибо, приятель!

– Ноу проблем! – гордо ответил Король.

– По какому курсу менять? – перевел взгляд с меня на Виталия кидала.

– Не валяй дурака, Тема! Не видишь, парень со мной... Никаких фокусов! Свое возьми, но не больше.

– Для тебя, Король, курс всегда по чесноку. Но вот если сам будешь ко мне приходить, приятель, – обращаясь уже ко мне, произнес ломщик, – то будем на месте разбираться.

Он дал мне понять, что курс без участия моего друга вполне может быть другой, и ушел к своему столику. А минут через двадцать пришел с пачкой самых козырных бондов.

Сказочная валюта – «бонды»

Дело в том, что бонды при Союзе были двух видов: для тех, кто побывал в соцстранах, они были бледной раскраски и слабенькой покупательной способности, так что купить за них можно было далеко не лучший товар. А для командированных в страны буржуазной демократии бонды были другого формата и выполнены более красиво, престижные! Но самое главное их достоинство – покупай за них, что душе угодно. Вот такие мне и принесли. Хотя передали их почему-то в руки Виталию. Видимо, когда считали деньги, ломщики решили все же, что они не мои, а моего нового друга. И тот маскируется.

– Это честная сделка, – с достоинством, передавая мне валюту, прокомментировал Виталий. И строго предупредил: – Не вздумай тут при всех пересчитывать. Меня опозоришь. В этом месте, кто меня обманет, потом дороже сам заплатит!

– Я и не волнуюсь. Ты порядочный человек! Я это сразу увидел, как в спортклуб зашел...

Этот комплимент прошел как бы вскользь, незаметно, но незаметно только для простака, но не для моего нового друга, которому я так хотел понравиться. Я точно знал, что снова попал словами в цель! И намного усилил доверие между нами. Но небольшая заминка все же вышла.

– А ты как там в своей умной башке решаешь: порядочный или непорядочный?! Или ты экстрасенс? – показывая, что он не простак и его расположения на ура не добиться, резко отреагировал на мое подлизывание приятель.

– Да так вот... как-то интуитивно, – стал оправдываться я.

– Ты ко мне больше таких подкатов не делай, Художник. Я не лох... И вот тебе мой совет по делу: захочешь со мной дурака валять, схитрить, обмануть, сам в дураках останешься. На х-й пошло... В приличном обществе за пиз-шь не по делу по рогам дают! Все понял?

– Да что ты взъерепенился? – почти что в тон Виталию ответил я. – Я и не думал, что обижу... Так, от души сказал! Вижу ведь, как тебя здесь уважают. А так только к порядочным людям окружающие относятся. А тех, кого просто боятся, ненавидят. И это сразу видно... И не надо быть никаким экстрасенсом. Пацаны в клубе тебе подражают, в кафе кланяются, значит, есть за что... Но я и не говорил, что ты ангел с крыльями. У каждого человека свой характер. И никто в этом мире не идеален. Но уважение – это признание очевидных заслуг. Просто так за красивые глаза никто никого не уважает. Я пока не знаю всех твоих достоинств, но кое-что уже на себе прочувствовал, – и улыбнувшись, чтобы смягчить атмосферу, я довольно похлопал себя по карману, куда положил валюту. – Лично мне приятно с таким человеком, как ты, находиться! Хоть сто раз повторяю...

Мой ответ сразу же прекратил каскад ругательств в мою сторону и успокоил Витоху. Он продолжил говорить так, как будто ничего и не было. Тем более что в душе, когда решился вопрос с валютой, он ждал от меня искренних слов благодарности.

Беседа продолжилась в спокойном тоне.

– Ты теперь мой должник, пацан! А чего ж сразу не сказал, что богатенький Буратино? А одет как нищий. Где ты только такую одежду достал. Давно такой не видел, – не зло подшутил надо мной Витоха.

– Главное не одежда...

– Ну да, ну да... Какой в ней человек. Слыхал. В школе учили... Смешной! – резюмировал он. – Поговорим еще о твоём богатстве.

Между тем, ребятам, которые курили на балконе, надоело там сидеть. Они, не спрашивая, подошли к столу и, залпом выпив свои пятьдесят, вежливо попрощались... И исчезли...

– Извините, пацаны, заболтался с Художником, – только и успел сказать им вслед Виталий.

Как противнящий Вася по морде получил

И тут к нашему столику неожиданно подошли трое молодых ребят. Им надо было срочно разобраться с карточным долгом пьяного мужика, который нехотя плелся за ними, громко извергая мерзкий мат в их сторону.

Пацаны, в свой черед, очень эмоционально, размахивая руками и громко перекрикивая друг друга сквозь музыку, стали доказывать Витохе, что вот этот самый, одним словом, гад поступил с ними, как с лохами, и не рассчитался за честный карточный долг.

– А ну зовите его к столу! – приказным тоном бросил слова в ответ Виталий, гордо посматривая на меня. Посвященный мне спектакль одного актера под названием «Всесильный Король» разыгрывался все более и более искусно!

Мужчину позвали. Он был неприятного вида: с расстегнутой ширинкой, из-под которой виднелись красные трусы, красномордый, пузатый и пьяный. Без разрешения Виталия он бухнулся всем весом на свободный стул за нашим столиком, развалился и пробурчал себе под нос что-то матерное, а в слух – что никто тут для него не авторитет, он, мол, сам себе хозяин.

Этот неопрятный толстяк не был из числа уважаемых посетителей кафе. Работал приемщиком посуды в центре города и неплохо зарабатывал – читай, воровал, не добавая денег бомжам за собранную ими на улицах и в мусорных баках пустую посуду.

Приемщик имел весьма пагубную привычку пьяным садиться за карточный стол и вечно проигрывал, но понемногу. А тут влетел серьезно и отдавать деньги наотрез отказался, хотя и без малейшего на то предлога. А просто: пошли все на х-й!

В мире блатных карточный долг был свят. И бывало даже так, что возвращать его приходилось с кровью! Но в кафе не было блатных в полном смысле этого слова. Были крутые, поэтому за карточный долг не убивали, но морды бивали. И бывало, не слабо!

Наконец, упитый неудачливый сорокалетний катала, перебивая пацанов, которые его привели, заплетающимся языком, без всякого уважения к признанному в кафе третейскому судье – к Витохе – начал было объяснять, что на самом деле, по его пьяному мнению, произошло. Что, мол, проиграл на самом деле не он...

Но мой новый друг резко его оборвал:

– Ты чего ж, Вася, воду мутишь? Деньги моим друзьям не отдаешь? – с издевкой и в приказном тоне обратился к нему Витоха. – Карточный долг – священный! Тебе ли не знать? – явно работая на публику, убеждал пьяндыгу Виталий.

– Будь любезен, отдай моим друзьям деньги и иди себе, – еще раз, но уже более спокойно повторил Витоха. – Не дури, отдай бабки...

Молодые картежники аж загордились тем, что их кумир назвал их друзьями.

– Какие они тебе друзья, Витя? Так, шпана недоделанная! Пошли на х-й!

В трезвом состоянии бутылочных дел мастер никогда бы не посмел, да еще и на людях, так ответить Виталию. Но есть мужчины, которые становятся от выпитого буквально безумными. И ведут себя соответственно. Проще сказать, омерзительно! Лезут без причины в драку, грязно ругаются матом даже в присутствии женщин и детей и буровят такое, что даже у блатных уши вянут! А трезвые – вроде бы люди как люди... Но нутро, видимо, у таких с червоточинкой.

Ведь что скрывать, матом ругаются почти все нормальные мужчины. Но так, для связки слов и чаще всего для более яркого выражения мысли. А такие вот Васи ругаются так, что сразу хочется закрыть уши или разбить ему рожу в кровь. Паскудный и вздорный человек по пьяни сразу себя выдаст!

– У меня всегда есть деньги... Но пошли вы все тут на хер! И кто ты такой, чтобы меня жизни учить? – одновременно выкрикивая противным голосом гнусные ругательства, похожими в тот момент на визг хряка под ножом живодера, и явно бросая вызов Витохе, непонятно почему вдруг полностью поменял план защиты пьяндыга. И сумел-таки настроить почти всех посетителей кафе на то, чтобы зарядить ему в лоб.

Элитное заведение вмиг затихло... Все посетители кафе развернули головы в нашу сторону, а многие даже повскакивали с мест, чтобы лучше видеть, что же будет дальше...

Музыканты тоже прекратили играть, отложили инструменты и как можно ближе подошли к нашему столику.

Все ожидали развязки, а по сути шоу, которые были частью развлекательной программы для присутствующих и происходили хотя и редко, но неизменно к огромной радости всей без исключения публики.

И это шоу не заставило себя ждать в исполнении легендарного боксера Витохи!

Виталий медленно, не вызывая никакой ответной реакции пьяницы, с достоинством поднялся из-за стола, выпрямился во весь рост, расправил-размял плечи, посмотрел вокруг и вдруг молнией нанес сокрушающий удар с левой! Точно в подбородок Васе.

Как раз в момент удара правая рука неудачливого картежника находилась в кармане и зажимала пачку грязных и помятых сотенных купюр. Видимо, он, скандаля и ругаясь, хотел всем в кафе наглядно продемонстрировать свою мощную платежеспособность. Но не случилось.

При падении рука бутылочника театрально вывалилась из кармана с зажатыми в кулаке купюрами, и деньги посыпались на пол. А сам он потерял сознание и со звуком молота о наковальню в полнейшей тишине развернулся пузом в противоположную от удара сторону и рухнул красной мордой, как бревно, на пол.

Зал ахнул! Громкое и радостное эхо всеобщего восторга заполнило все пространство заведения. Не хватало только победоносного марша Мендельсона в исполнении оркестра.

Ребята, которые жаловались Виталию, быстро стали собирать деньги с пола, а дежурный сержант милиции, давно прикормленный деньгами посетителей, с помощью официантов поволок поверженного в воронок, который обычно дежурил вечером у входа в кафе.

Пьяного Васю, как мешок с грязной картошкой, стражи порядка умело забросили в недра спецмашины. И теперь можно было с уверенностью предсказать, что одной только платой за карточный долг он уже никак не

отделается... Ему еще придется, протрезвев, накинуть пару сотенных ментам, чтобы пятнадцать суток за мелкую хулиганку не оформляли.

Вот это был номер! Цирк отдыхает...

Мифические мафиозные истории

Виталий, как будто ничего особенного и не случилось, показушно спокойно сел на свое место, минут пять молча выдержал заслуженную громкую и восторженную славу посетителей и как ни в чем не бывало продолжил разговор со мной...

– Так о чем это мы?.. Может, ты теперь что интересного расскажешь?

Кто твои друзья, чем занимаешься?

– Недавно из Армии. Не дай Бог кому такое, что пережил. Тюрьма отдыхает... Друзья мои – хорошие пацаны. Настоящие! Вряд ли ты таких людей знаешь. Но захочешь – познакомлю. Они не для дел. Просто друзья. Душевные ребята. Мы с детского сада дружим.

– Почему это я таких не знаю? – с наигранной обидой произнес Виталий.

– Потому что ты таких людей вряд ли ценишь. Но не обижайся, старик! Ты деловар, а я простой парень. У нас разные представления о людях, и люди мы с тобой тоже очень разные. Хотя... как посмотреть. Многое и похоже. Я тоже люблю уважение и не прощаю тех, кто меня цепляет. Мимо не прохожу и если надо дать с лоб, то долго не раздумываю! А что касается того, чем занимаюсь, – пока ничем. Только готовлюсь к тому, чтобы заняться. Но готовлюсь серьезно! Давай я для начала о книге, которую недавно прочел, расскажу. Интересно?

– Смотри о чем твоя книга.

– Об американской мафии. Слышал о такой?

От моего вопроса Виталий слегка скривился, показывая полнейшее презрение к такого рода занятиям – чтению книг. Но все-таки ответил:

– Не читал. Некогда... И, как по мне, пустое занятие – книжки. Жизнь куда интересней. Деньги надо зарабатывать, а не книжки читать...

– Так рассказывать или нет? – спокойно переспросил я.

– Ну ты же для чего-то хочешь это сделать? Тогда не темни. Вперед. Я послушаю. Делать-то нечего...

– Если от нечего делать, то зачем? Пусть тебе кто-то из твоих полуграмотных знакомых рассказывает...

– Не дерзи, Коля. Мои друзья – все умные люди.

– Умные и начитанные – разные вещи.

– Ты клонишь к тому, чтобы я просить тебя начал? Не дожدهшься! – дерзко бросил мне в лицо Виталий. – Не кривляйся. Тебе не к лицу, Художник. Взялся рассказывать – рассказывай. А нет – не говори ничего. Но так со мной себя не веди. Это неуважительно. Понял?

– Понял, Витя. Не прав. К тому же откуда мне знать, грамотные твои друзья или нет. И ты прав, рассказывать, что я читал, люблю. Есть у меня

слабость. И читаю много. Но сейчас в основном литературу, которая связана с расследованием преступлений, криминалистику, если слышал...

– Ну ты, бл-дь, продолжаешь умничать, – уже не зло буркнул Виталий. – Ты будешь рассказывать или продолжишь дурака валять?!

– Давай тогда пойдем отсюда, потому что шумно. И все эти люди... Они тебе не надоели? Каждый раз ведь одно и то же, наверно? Тем более они мне больше не интересны. У меня ведь теперь Король в друзьях, – подколот я Витоху. – Разве не так?

– Мне все эти люди нравятся, и точка! А тебе не нравятся – не ходи! И я уже предупредил тебя по-хорошему, Коля, два раза. Третьего не будет, не жди... Будешь дерзить, я не из обидчивых, но пошлю на х-й! Так со мной никто не разговаривает.

– Как скажешь, друг, – показав, что слегка обиделся, ответил я. – Но я лично в кафе уже засиделся. Вряд ли еще раз приду. Это не мое место... Или поедем отсюда, или давай я в следующий раз на встречу попрошусь. Заодно и тачило⁹ бы мне свое показал. Мне очень интересно... Боксеры говорили, что крутое.

В ответ Виталий, не раздумывая, резко поднялся из-за столика, оставил деньги официанту, и... вот мы уже в ближайшем от кафе дворе дома, возле той самой красавицы – вишневой «тройки» «жигулей», которую я так просил Виталия показать.

Если бы мой новый друг умел читать чужие мысли, он бы мне не простил хитрости с показом машины. Тем самым я хотел добавить еще большего драйва к начинающейся дружбе. Ведь какой молодой парень не хочет похвастаться классной машиной. Так было всегда и, думаю, останется на многие века вперед.

Пока мы шли к месту, где стояла машина, за нами плелись мои охранники-амбалы – Костя и Валера. Они поджидали меня недалеко от входа в кафе, а увидев со мной Виталия, взволновались и стали приближаться.

– А это еще кто?

– Да так, знакомые. Смотрят, чтобы меня не обидели.

– Смешно... Ну кто тебя здесь со мной обидит? Ну ты даешь, Художник!

Крутой...

Мне было приятно замечание Витохи, но я быстро учился не раздражать нового друга, а потому не стал хвастаться и сделал вид, что это обычное для меня дело.

– Ну не всегда же я за твоей спиной прятаться буду, – пошутил я. – Да и ладно тебе... Какой из меня крутой?

Виталий глубокомысленно промолчал, но видно было, что зауважал еще больше. А я помахал рукой ребятам, мол, на сегодня все, уютно устроился на переднем сиденье возле водителя, и мы отъехали...

Катала Достоевский

⁹ Тачило – автомобиль.

– Куда хочешь?

– Давай на Русановку. Там красиво, и людей почти нет. А тебе не поздно?

(Было уже около 12 ночи.)

– Мне?! – громко рассмеялся Виталий. – Это только начало моего рабочего дня. Я ночной человек. А ты смотри сам...

– Я ранний и обычно в это время уже сплю, но мне почему-то не хочется с тобой расставаться, – искренне сказал я. – К тому же я твой должник. Поэтому, пока историю о мафии не расскажу, не отстану, – как бы в шутку сказал я. – Тебе точно понравится. Без прикола, правда. – И добавил: – Нормально... Завтра попозже встану. Мне важно жить по распорядку. Очень боюсь, чтобы не сорваться и в загул не пойти...

– Не похож ты на разгульного.

– Было дело... А на кого похож?

– Сейчас уже и не знаю. Пару часов назад видел в тебе смелого простого пацана, которому помочь надо на верную дорогу стать. Дальше не задумывался... Но сейчас вижу, ты загадка, и не все так в тебе просто. Интерес вызываешь. Чем же ты занимаешься?

– Деньги у миллионеров отбираю. Вернее, они сами мне их отдают.

– Ну и получается? – ничего, конечно же, не поняв, спросил Виталий, приняв мое заявление за шутку. – Давай, рассказывай! Все выслушаю, – удобно устраиваясь за рулем, резко переменял тему Король.

Путь на Русановку мой друг выбрал самый окольный, ехал медленно... И я начал свой рассказ, а по сути, собственную интерпретацию книги, выбирая из нее только то, что считал важным для первой серьезной встречи.

Мне и в голову не приходило, когда переступал порог кафе, что я стану рассказывать Виталию о мафии. Но, увидев нового друга, что называется, в полный рост, во всей красе, я уже был уверен, что эта книга именно для него. И из нее хорошо просматривалась суть разговора, который я и хотел навязать Витохе, – мафиозное партнерство.

Фантазии... Они всегда возникали у меня вслед за конкретным событием и по любому поводу, который моя голова считала важным. А повод появился, и очень серьезный. Передо мной в кафе вдруг предстал человек, достойный партнерства. И теперь я уже не сомневался в нем ни на секунды. Вот он! Именно его я искал. Он мне и нужен – убеждал я сам себя с каждой новой минутой, проведенной с Виталием.

Уговорив самого себя, мне предстояло теперь убедить и того, кто даже не догадывался о сути моего предложения. И я буквально вцепился в него словами. Не дай-то Бог откажется! Я этого не переживу... Сойду с ума! Меня вдруг охватил мандраж. А если и вправду не воспримет меня как равного партнера. Именно равного. На вторых ролях я себя не видел. Так подсказывал мне план, который я разрабатывал. Но как стать равным такому человеку, как Виталий, который упивался своим верховенством над всеми, своим

королевством? Задача встала передо мной архиважная... И в тот момент я не верил, что решаемая...

Слово «мафия» было отлично известно любому обывателю в СССР, но мало кто знал, что оно означает на самом деле. А вот слово «бестселлер» прозвучало в голове моего друга, когда я так назвал книгу, как выстрел. Потому как любое непонятное для него слово из моих уст звучало для него почти как оскорбление.

– А что это, бестселлер? И ты можешь не грузить меня непонятными словечками? – уже беззлобно, потому как ранее его это сильно раздражало, попросил Витоха.

– А я тебе и нужен для того, чтобы новым слова подучить. Одни и те же не надоели? Ты же меня учишь жизни?! И я слушаю, не возмущаюсь...

Виталий уважительно промолчал и больше эту тему не поднимал. А я продолжил:

– Бестселлеры – это книги, которые читаются на одном дыхании. Вдохнул, выдохнул, а вся книга уже прочитана. От корки до корки. И такое ощущение, как будто сам жизнь героев романа прожил. Понимаешь? Такие книги читают сотни миллионов человек в мире, а потом и перечитывают по сто раз... И не простые людишки, а самые уважаемые: миллионеры, бандиты, судьи, чиновники... Все-все! И с ума сходят от восторга!

«Читающие бандиты»

– Бандиты читают книги?

– Умные – да! И много книг... Особенно пока сидят. А многие, например, в США даже юридическое образование в тюрьме получают. Они и становятся потом, когда выходят, самыми опасными...

Кстати, многие известные преступники часто сами, сидя на нарах, свои бестселлеры создают. Представляешь их культурный уровень? И разные люди потом читают их книги взахлеб. Это и есть настоящий уровень самого что ни есть опасного преступника... Большие преступники часто еще большие фантазеры и даже романтики...

У Виталия загорелись глаза! Я был так убедителен и в таком запале, что, видимо, мой друг тут же представил себе эти сотни миллионов совершенно разных людей на планете, читающих книги о преступниках и преступлениях, и сотни бандитов-писателей... И сам себе в душе удивился: как же он не читал о мафии?!

– С писателями-преступниками понятно... Но что такого интересного может написать какой-нибудь писака, если сам не жил жизнью такого человека? Он и понятия не имеет о жизни бандита. Выдумки, скорее всего... Ведь, чтобы, к примеру, написать правду о моей жизни, ее надо самому прожить, влезть в мою шкуру, голову...

– Почему же? Бандит или даже убийца вполне может ее пересказать писателю. Другой вопрос – насколько этот человек способен воспринять

сказанное, чтобы увидеть жизнь глазами своего персонажа. Понять его мотивацию, стать на его сторону и найти оправдание поступку такого...

Ведь каждому человеку свойственно оправдывать и приукрашивать свои поступки в прошлом. Вот представь себе: сидит преступник пять, десять, пятнадцать лет, раскладывает все по полочкам и додумывает многое в свою пользу, чтобы успокоить совесть. А за десять лет, которые просидел за решеткой, человек способен рассказать уже выдуманную свою историю так, что волосы дыбом от якобы его благородства. Хотя... как знать? Может, и вправду он сделал что-то, заслуживающее уважение. Весь вопрос, – и я уже говорил об этом, – как на что посмотреть да какими словами описать. Правда, полно и отмороzków. Но о таких романах не пишут.

– Правильно говоришь, Художник, – похвалил меня друг. – А когда имя свое скажешь?

– Николай.

– Колян, значит. Нормально.

– Вот ты сегодня Васю покалечил. Это преступление? – И сам же ответил: – Да! На все сто... Но если бы я или такой, как я, эту историю рассказал, те, кто слушает, сказали бы, что твой поступок достоин не просто уважения – медали! А если бы, например, такой великий писатель, как Достоевский, описал, что случилось, ты бы мог стать народным героем и вошел в историю. Как тебе такой вариант?

– Не знаю... Но мне интересно слушать, как ты все перевернул...

– Нет, ты прямо скажи, как есть... Захотел бы ты сам известному писателю свою жизнь рассказать, чтобы потом тобой восхищались, если бы терять уже нечего было?

– Не знаю... – задумался Виталий, – Может, и рассказал бы... Но лучше, если бы такой, как ты, рядом сидел, чтобы словами помог...

В душе я льстил себе, что больше, чем в этот вечер, моему другу еще никогда задумываться не приходилось. Это тешило мое самолюбие, но, главное, открыло еще одну очень важную деталь в характере Витохы – любознательность. И налицо, как итог первой нашей серьезной встречи, обозначились почти все черты, которые я и хотел видеть в своем потенциальном напарнике: смелость, ассоциативное мышление, гордость, умение прощать, а не одноклеточную обидчивость и чванливость.

– Скажи мне еще, – обратился я к Виталию. – Чувствуешь ли ты, что мы можем быть близкими друзьями? Мне очень это важно! Но честно...

В ответ Виталий пристально посмотрел мне в глаза, подумал и уверенно ответил:

– Я тебе уже говорил в кафе... Ну раз просишь, повторю: мы уже друзья... Так ко мне и обращайся.

Эти слова из уст самого Короля приблизили нас к равенству. «Значит, я на верном пути, – подумалось. – Здорово!» И я продолжил наседать...

– Ты полностью прав, друг, насчет того, что рядом с тем, чья история может захватить умы многих людей, нужен писатель. Но не я, конечно. Я

просто рассказчик... К тому же в мире не много талантливых писателей. А некоторые из них и в тюрьме сидели... Достоевский, например. Он, кстати, и каталой был...

– Шулером?!

– Нет. Просто полжизни в казино провел и много лет в тюрьме отсидел.

– Ничего себе! Я такого о нем не слышал. Но Достоевского знаю, в школе проходили. Даже читать пацаном пытался... Правда, не понял ничего...

– Ты сегодня почитай и поймешь. «Преступление и наказание», например. Чем не пособие для размышлений тому, кто Закон нарушает. Не обижаешься, что тон у меня немного поучительный?

– С обидами проехали. Да я и не обидчив. Не девчонка...

– Я тоже, друг, обижаться не умею. Меня невозможно обидеть. Только, если дурак какой-то найдется... Но от таких я подальше.

– Ну и ладно. Значит, все прояснили. Продолжай, что начал рассказывать. Не сбивайся с темы. Мне и правда интересно. Иначе я бы тебя на машине не катал...

В Виталии снова заговорил Король. Он передернул канат на себя. Но я пропустил его последнюю фразу мимо ушей.

– Я о тщеславии и гордости, старик, немного не досказал, – предложил я поболтать о философии.

– Ну так давай... До встречи с тобой мне такие слова и в голову не приходили. Я кайфую по жизни! Остальное – по барабану...

– Было бы по барабану, ты бы Васе так театрально в лоб не зарядил. Виталий снова задумался, потом сам себе улыбнулся и ответил:

– Согласен. Хотя мне и не очень нравится, что ты так глубоко в моей душе копаешься. Начинай, начинай, не тяни! А будет интересно, сам прочту... Ты ж к этому клонишь?

– Хорошо, расскажу коротко... Иначе интерес к чтению потеряешь.

И я начал повествование, тщательно подбирая слова, которые бы не выводили из себя моего нового товарища, а вызывали бы исключительно положительные эмоции и желание прочесть книгу самостоятельно.

– Эта книга о простой бедной итальянской семье, которая в начале этого века переехала в США за лучшей жизнью. Жили, да и сейчас живут итальянцы во всех странах, куда когда-то заехали. Всегда вместе – почти как в отдельном государстве. Вот и в США точно так было... А когда дела у них пошли чуть лучше, явился негодяй один – бандит с серьезной крышей – и поставил всех этих простых работяг на счетчик! Но мало того... Мерзко их унижал... А итальянцы – народ гордый!

И вот однажды один из сыновей этой бедной семьи взял револьвер и пристрелил того гада. Ну и стал сразу в своем районе народным героем! Его так уважали, что всякому мелкому торговцу было за честь угостить его и его семью свежим хлебом, выпечкой, а детей – мороженым, конфетами. Он, понимаешь, спас их главное богатство – человеческое достоинство!

– Ты аж горишь, когда рассказываешь об этих итальяшках, Художник! Достоинство, говоришь? А что? И для меня это важно!

– Тогда дослушай. Самое главное ведь дальше было... Постепенно, к этому парню стали обращаться все, кто был кем-то обижен, и он негласно стал как бы третейским судьей. Только теперь тот герой стал заниматься этим ежедневно. Это стало как бы его жизнью. Представляешь?

– А дальше?

– А что дальше? Все, как и сегодня: к нему подтянулись другие духовитые ребята-итальянцы, а все вместе они стали одной семьей, что на итальянском означает «мафия»! А ты что думал?

– Значит, все, кто ко мне тянутся, ищут мою защиту и разные дела предлагают, все они – моя семья? Так?

– Не совсем. Вернее, совсем не так. У тебя нет семьи. Это просто твои хорошие знакомые, а может, даже и друзья, только вас всех вместе ничто серьезное не объединяет. А в настоящей мафии все по-другому. У каждого – свое дело, а вместе у всех – одно! А во главе человек, кто каждой группе людей дает свое задание, которое может принести и приносит деньги.

И когда все это стало работать как часы, получилась мафия – семья. А во главе ее стал тот самый духовитый парень. Его имя Корлеоне. Но из уважения его стали называть Дон Корлеоне. Слышал о таком?

– Никогда, – честно ответил Виталий. – «Дон» – классная приставка к его имени. Мне нравится. Звучит даже круче, чем Король, – задумчиво улыбнулся Виталий.

– Самое главное, старик, даже не в имени, которое получил тот парень! В Италии приставка «дон» – это почти как в России «господин»! Ничего особенного. Дело все в том, что Корлеоне сделал эту приставку легендарной. И теперь не всякого итальянца, даже очень богатого так называют, а только мафиозного авторитета. И только того, кто ее заслужил своей честью перед остальными.

Ну а дальше семья Дона постепенно разрасталась и захватила почти всю Америку! Казино, тотализаторы, ограбления, крышевание, разрешение споров, защита каждого члена семьи... Только наркотиками не торговали и не делали других дел, которые глава мафии считал позорными. Но это отдельная тема! Вот потому сегодня американцы могут не помнить имена многих президентов Америки, но его имя – Дон Корлеоне – знают даже дети.

«Преступная гордость»

– Что-то вроде как слышал... Неужели гордится?.. Преступником?!

– Преступники, ты ведь и сам знаешь, разные бывают. И такие, как Вася из бутылочного ларька, и другая шваль. А есть и такие, как Робин Гуд, например.

– Робин Гуд помогал бедным. Какой он преступник?

– Это школьные сказки. На самом деле он был очень жестоким человеком. Не просто преступником. Зверем! Сам убивал, вешал, головы рубил, пытал, насиловал женщин, а его команда так и вообще... Дальше не хочу о нем... Это другая история, не о мафии. И таких легенд полно...

– Ну а меня и себя ты к каким относишь? – снова и снова просыпался в моем друге Король.

– Дослушаешь – поймешь.

– А разве это не все? – удивился друг. – По-моему, главное ты рассказал.

Зачем портить такую классную штуку подробностями?

– Главное дальше! Так рассказывать?

– Ну давай, – с сомнением, немного расстроившись, согласился Виталий.

В голове он уже примерял на себя все достижения Дона. И почти все сходилось: уважение, третейский судья... Правда, не хватало только семьи, которую он не очень себе представлял. Но какая может быть семья в СССР?

– Так вот, – добавил я красок к рассказу, чтобы все же привлечь Витоху к главному, что хотел ему рассказать, – когда этот итальянец устраивал в своем доме праздники, к нему приходили даже сенаторы и судьи! И конечно, главари других семей-мафий со всей страны. Представляешь, что это были за праздники?

– Не представляю. Зачем думать о том, чего у нас быть не может, Художник. Только время терять...

Но вдруг включился:

– А можешь подробнее рассказать, чем же он заслужил такой почет?!

– Преданностью друзьям, справедливостью, честностью, благородством! Для него семья было все. Он мог даже убить обидчика друга семьи... А многих и убил.

– Дон Корлеоне, – снова задумчиво повторил имя итальянца Виталий. – Красивое все же имя. – Принеси книгу, – неожиданно и энергично вдруг не попросил, а потребовал Виталий. Прочту. Поехали к тебе! Сегодня и дашь! Мне сейчас все равно делать не хрен.

– Дома у меня этой книги нет. Придется в библиотеке поискать, – слегка интриговал я придуманной на ходу сложностью с книгой.

– Сделай услугу, сходи, мне нужно.

– Корлеоне никогда и ничего не требовал от друзей, а просил об услуге.

– Ну и я прошу.

– Требуешь!

– Ну я же не Дон, – смягчая обстановку, по-доброму и с улыбкой почти что извинился за свой напор Виталий.

– Почему же? Ты уже почти Дон. Только одинокий, без семьи. А заведешь семью, тебе равных в стране не будет! Завтра принесу тебе этот роман, договорились.

– Ну ты даешь, Колян! За пять минут из меня Дона сделал! – усмехнулся друг.

Но сама идея ему была явно по душе. И я видел, как загорелись его

– Ладно, пусть будет Дон Витоха, – уже вовсю смеялся Виталий. – И что дальше?

– А дальше, – в тон другу ответил я, – у меня к Дону есть одна очень важная просьба: помочь мне купить машину и взять в свою семью. Иначе какой же член мафии без тачки? Несolidно!

Виталий рассмеялся.

– А разве мы уже семья?

– А как же. Час назад в кафе говорил, что у тебя для меня дела найдутся... Или передумал?

– Если ты мне всю эту херню о мафии рассказывал, чтобы я тебе с машиной помог... – сделал вид, что обиделся Виталий.

Но зря он хитрил. Я видел, что ему по душе моя просьба и мой рассказ оказал на него громадное впечатление.

– Если не семья, так я и заплатить за услугу могу, – ответил я, хотя и понимал, что зацеплю своим предложением гордость Дона.

– Заплатить? Кому? Мне?! За такую мелочевку? Я за помощь, – на языке у него вертелось «знакомым», но, посмотрев в мою сторону, сказал, – друзьям денег не беру. Уважаю – помогаю. Нет – нет! – гордо ответил новый друг. – Чтобы я больше от тебя таких предложений не слышал. Все ясно?! На авторынок надо в воскресенье идти. Так что найдешь меня заранее и договоримся. А книга когда будет?

– Завтра. Я специально для тебя ее в кафе принесу и официанту передам тому, который нас обсуживал. Так пойдет?

– Нормально. Договорились.

– А как прочтешь – позвони сразу Диме-официанту. Я подъеду и отдашь.

– Заметано.

– Тогда хорошего вечера, Виталий! Извини за просьбы, – с достоинством произнес я на прощанье.

– Извини? Давно мне такой херни никто не говорил. И ты извини, если что не так, Художник Колян.

Виталий от души рассмеялся своей шутке.

– Подвезти?

– Да нет. Я прогуляюсь, а потом на такси. Удачи, старик!

– Пока.

Он уехал в кафе, а я остался бродить по Русановке.

Куня

Красивый район Русановка – киевская Венеция: извилистые рукотворные речки-каналы, романтические мостики, по которым в это ночное время никто не гулял. В те времена это было очень опасно! А жаль! Там бы с девушками обниматься, трогательно признаваться в любви да целоваться до рассвета. Ан нет... Места эти в то время были пустынными, кругом на набережной ни души.

Я оглянулся. Никого... Автобусы уже не ходят, и такси не видно, поэтому другого варианта, как только идти на Березняки пешком, не нашлось...

«Зря «медведей» отпустил, – подумалось. – Куплю им машину – всегда со мной будут, пока не проведут ближе к дому».

Я нащупал в кармане пистолет. Холодная и надежная сталь... Отполированный до блеска корпус пистолета вызывал к жизни самоуважение и внушал покой. Очень кстати. Лишь бы на ментов не нарваться...

Небыстрым шагом я пошел к квартире на Березняках.

В целом я остался очень доволен этим вечером. И не стал гадать, какое продолжение отношений меня ждет с Виталием. При всем том, что сегодняшняя встреча с ним удалась, было все же сложно что-то определенное предсказать, как будут развиваться наши отношения в дальнейшем из-за взрывного характера и уязвимой гордости моего нового друга – Дона. К тому же я впервые разговаривал с таким персонажем. Он был не из моих романов и предыдущих знакомств. Совершенно из другого мира. И оценить его качества и потенциал для реализации моих планов было пока что совершенно невозможно. У меня полностью отсутствовал опыт общения с людьми типа Виталия, которые кроются за модными одеждами и делами, о которых я даже никогда не слышал. Все равно что скульптору слепить точный образ из материала, который никогда не держал в руках ранее. Вот я и переключился на воспоминания детства, связанные с этими местами.

Когда мне было 13 лет, мама как-то отправила меня на летние каникулы пожить к своей подруге, тете Ане, которая жила на Русановке, а сама уехала куда-то по каким-то своим делам. Сейчас не помню... Возможно, к брату. Я целых три месяца провел в этом районе.

Подруга мамы работала врачом на скорой, никогда не была замужем и не имела детей. Мягкая по характеру женщина разрешала мне абсолютно все и даже давала карманные деньги. Она знала меня с самого рождения и питала ко мне, как, собственно, и все мамини подруги, весьма нежные чувства.

Ей было под пятьдесят. Она почти целый день проводила на работе. А я болтался по району, ища себе подобных, пока не познакомился с местным хулиганьем...

Район Русановка в то время состоял сплошь из рабочих семей и тогда только-только застраивался. Было всего несколько жилых домов и школа с большим двором – футбольным полем. Там вся молодежь из неблагополучных семей и собиралась. Играли в карты, в бутылочку, целовались, курили, выпивали, дрались... Ну в общем все в точности, как и во всех больших дворах на окраинах города. В центре Киева такой откровенной босоты не водилось! Оно и понятно: родители с положением и воспитание у подростков соответствующее...

Ребятам, с которыми я познакомился, было от 14 до 17 лет, и многие уже отмотали срок в колониях для несовершеннолетних: одни – за хулиганку, другие – за разбойные нападения и ограбления. Все как на подбор были почти

что беспризорными. Их главная школа жизни, как, собственно, и моя, начиналась с улицы, работяги-родители плевали на воспитание своих детей.

Местные с радостью взяли меня в свою компанию, потому как со мной были на первой встрече две бутылки дешевого крепкого вина и я явился в их клуб без родителей.

Когда наспех познакомились, выпили и сели играть в карты. У меня была отличная подготовка. Ну и я начисто всех обыграл. А на следующий день, уже днем, разгромил ребят еще и в настольный теннис – самую популярную игру, помимо карт, в которую играли до первой вечерней бутылки из гастронома, пока не успевали напиться и подраться.

Кстати, драки, которые происходили на моих глазах на Русановке, были самые жестокие из всех, какие мне когда-либо приходилось видеть! А ведь повидал я их немало... Здесь бывало, что шли район на район – настоящая война с использованием железной арматуры, кирпичей, кусков бетона, которые валялись кругом на многочисленных стройках. Бывало, что и забивали друг друга до смерти! Запрещались только ножи... Так что скорая дежурила здесь почти постоянно. Трупы не часто, но переломы рук, ног и сотрясение мозга – дело обычное.

Вечерами босяки покупали выпивку, и мы на берегу канала, где сейчас находится гостиница «Славутич», сражались в карты. За уроки игры меня угощали вином и дали ласковую кличку – Сынок. А вечером я неизменно под хорошей мухой приходил к тете Ане, прокрадывался в свою комнату и шмыг в кровать. Все это тихо-тихо, чтобы хозяйка меня не увидела, не позвала и не унюхала запахи сигарет и вина. Ведь мама внушала всем своим подружкам, что у нее самый послушный и хороший ребенок.

Обычно после пьянки меня сильно рвало, и я не мог заснуть: потолок тошнотворно кружился, поэтому частенько я, как говорится, проводил полночи в обнимку с унитазом.

Опекать меня взялся местный авторитет с погонялом Куня, который только-только откинулся с малолетки¹⁰.

А сидел он по нашумевшему в Киеве уголовному делу об ограблении Печерской лавры. Он, когда выпивал, всегда хвастался тем, что вынес оттуда огромный золотой поднос со старинными изделиями из скифского золота. Ну а потом взял билет на самолет в богатую по тем временам Грузию, чтобы продать все награбленное подороже. В самолете его и повязали... Так что, как он говорил, несколько дней он был богатейшим пацаном в Киеве!

В целом Куня бы хорошим парнем: с доброй, чистой душой и упертым характером, но абсолютно не образован.

Как жаль, что такие люди уходят из этого мира банальными преступниками Закона! Им бы воспитание... И именно из таких лепить что-то нужное обществу. Ведь у них от рождения сильный характер и вера в свои возможности, а это пятьдесят процентов успеха в любом сложном деле. Но не в Совдепии. В нашей тогдашней стране такие почти все считались

¹⁰ Откинуться с малолетки – выйти из зоны для несовершеннолетних.

потенциальными преступниками. А в порядочных записывали исключительно послушное большинство – тех, кто работал, посещал всякого рода собрания, ходил в колоннах с красными флажками на всенародные праздники, а вечером попивал пиво и смотрел телевизор...

Опека Куни надо мной была очень искренней и трогательной, какой-то прямо-таки отцовской. Он мгновенно бросался в драку, если кто-то на меня даже смотрел не так. Он любил меня как младшего брата. А дрался он как храбрый воин, никогда не задумываясь о последствиях.

Будучи практически полуграмотным, Куня ценил мою, как он в разных интерпретациях часто повторял, интеллигентность. Хотя явно было, что смысла этого слова не понимал.

Он часами, раскрыв рот мог слушать рассказы о прочитанных мною книгах, задавать наивные вопросы о разном умном и очень переживал, если герои моих рассказов погибали. А сам этот парень ни одной книги за всю свою босяцкую жизнь так и не прочел. Да и школу бросил в шестом классе...

А еще Куня любил водить меня в Гидропарк и ставил на меня деньги, когда кто-то хотел сыграть со мной в теннис. А я хоть и был любителем, но играл с раннего детства из-за природной реакции почти что на уровне кандидата в мастера спорта, а потому любителям не проигрывал никогда.

Деньги вечером мы, естественно, пропивали, а Куня, вздохнув и подробно многое прибавляя от себя, восторженно рассказывал корешам, как мы ловко разводили лохов!

Зачем я это вспомнил в ту ночь, пока шел к дому? Да так... Вдруг сравнил Куню с Виталием. Ведь вроде бы два очень похожих парня. Два авторитета в своих кругах. Два бойца. Но какая все же громадная разница. Виталию были присущи черты, которые напрочь отсутствовали у Куни: ясный ум, прагматическая реакция на все происходящее, чувство на подлецов и правильная оценка людей, почти совпадающая с моей.

Куня же был абсолютно прост, неамбициозен, очень много и часто пил и не имел никаких других явных интересов: ни к девушкам, ни к дружбе, ни к картам. Вообще ни к чему, что я мог бы понять и оценить. Никому не доверял. К тому же он рано познал все прелести тюремной жизни, начиная с закрытого интерната, куда его сдали пьяницы-родители и до настоящей тюрьмы за ограбление Лавры. И я уже тогда думал, что тюрьма по нему всегда плачет, потому что на свободе таким, как он, делать фактически было нечего...

С грустью подумалось: «Где он сегодня, Куня? Убит в пьяной драке или в тюрьме? Иначе он бы обязательно вдруг появился в моей жизни. Ведь я так часто его вспоминаю... Вот кого бы я первым делом пригласил в оваянную мечтами свою банду. Верный почему-то именно мне, как сторожевой пес».

Как плохо, что таким, как он, людям судьба не давала ни одного шанса измениться. И я мысленно пожелал ему удачи, где бы этот гордый и бесшабашный пацан сейчас ни был...

Вот в таких вот раздумьях я и пришел к своему дому. Быстро лег спать и проснулся только к обеду. Бегать не хотелось. Солнце в зените. Жарко. Но мой громадный страх (фобия), что, отказавшись хотя бы на один день от тяжелой зарядки перед началом трудового дня, я снова попаду в объятия зеленого змия, одержал верх над ленью.

Тяжелое психическое заболевание, которое для большинства людей в мире означает чуть ли не конец нормальной жизни, оказалось для меня ее спасительным началом.

Был обычный буднично-спортивный день. Я неохотно натянул на себя спортивный костюм, и поскольку обычный мой график был уже нарушен, съел бутерброд и побежал вокруг озера. Сделав положенное, бросился в прохладную воду, а потом решил немного позагорать на песочке, на ярком летнем солнышке. Перешел на противоположный берег озера и растянулся...

От распространившейся по всему телу неги, чтобы усилить ощущение полноты счастья, я медленно перевернулся на живот на более теплый песок. Почувствовал его нежное тепло и в неге плотно закрыл глаза.

Как вдруг меня охватил ужас смерти! Мне показалось, что в шуме ветерка ко мне незаметно подкрадывается кто-то в армейском маскировочном халате со штык-ножом и целится со спины прямо в самое сердце! Мозг молнией воспроизвел в голове цепочку самых кошмарных случаев, которые произошли со мной в Армии!

Закрытые от полного расслабления и яркого солнца глаза явили ужасы вонючих сортиров, грязных, истекающих потом, злых, как сторожевые собаки, солдат, которые бегут со мной рядом в противогазах на испепеляющей жаре посреди стрельбища... Душа вмиг наполнилась вселенской тоской от того, что я уже никогда больше не увижу свой родной город и друзей, а сгнию среди немытых полов и говна в сортирах.

Я так испугался, что весь покрылся вонючим предательским потом испуга. Вскочил с песка как ненормальный! Внимательно огляделся вокруг... Фу! Показалось... Все, как и было, прекрасно. Солнечные отблески на тихой голубой воде снова успокоили. И тут же посетила безумная фантазия – умереть бы сейчас! Ведь лучше, чем в этот момент, может быть, никогда уже и не будет: впереди старость и болезни, потеря близких и любимых.

«Господи, – подумалось, – что за дурь в голове?! Откуда взялись эти мысли? Старость так далеко... И возможно, в ней не так все и плохо. Откуда знать? А впереди столько интересного!»

Такой психический припадок случился со мной впервые! Я сильно напугался и понял, что не окончательно еще здоров. Моя психика, пораженная с ранних лет пьянками, а потом пытками в Армии, да еще и этими проклятыми убийствами, которые произошли накануне, выдала на-гора неожиданный нервный срыв. Видимо, мне надо впредь всегда задерживать нахлынувшие радости. Ведь именно сегодня я ожидал такие важные перемены в своей

жизни: машина, валютная одежда... Щенячий восторг стал причиной припадка.

Как опасно! Я очень испугался своих мыслей, но сделал очень-очень важный вывод на будущее: впредь надо мысленно гасить очень сильные эмоции счастья, поскольку они могут вызвать противоположные и не менее острые воспоминания о плохом. Моя голова ничего не забывает...

Я быстрее натянул на себя одежду и бегом домой, чтобы вкусно поесть, красиво одеться и вперед – к новому и прекрасному!

Автопрелюдия

И вот оно – наконец-то утро очередного воскресенья. Я проснулся в приподнятом настроении от предчувствия чего-то особенно радостного, что должно было со мной в этот день случиться. Хорошенько пробежался, искупался в озере, быстро позавтракал-пообедал, и вот я уже у дверей Витохи, чтобы услышать от него впечатления от прочтения «Крестного отца» – книги, которую я дал ему почитать.

Виталий, конечно же, в это время был дома. Открыл дверь и поприветствовал меня крепким рукопожатием.

– Заходи. Что так рано? Порядочные люди в это время еще спят, – улыбнувшись, сказал он. – Смотри, какая красавица меня провела ночью, – указывая на девушку в своей постели, добавил он. – Не хочешь развлечься?! Лариса! – улыбаясь, обратился он к ней. – Знакомься! Друг Коля. И подвинься, доспим вместе...

Девчонка ничего не ответила, но покорно подвинулась на край кровати, слегка натянув на себя одеяло.

– Ну нет. Я втроем спать не умею. Захотите одеться, Лариса, я отвернусь, – вежливо скорректировал я королевское предложение Витохи.

На «вы» и нарочито уважительно я обратился к девушке лишь для того, чтобы она не лежала как дура в постели и не ждала новых приключений и команд от своего короля-повелителя, а быстрее вставала, потому что ее дальнейшее присутствие настраивало моего друга на игривый лад.

– А как по мне, втроем намного веселее. Ложись, не стесняйся, Колян. Здесь все свои, – продолжал дурачиться Король.

– Давай лучше кофе попьем да покурим, – настаивал я в свою очередь. Дело есть.

– Ну дело так дело, – зевая и потягиваясь своим гибким тигриным телом, согласился Витоха. – Одевайся, любимая, – обратился он к девчонке, – пора вставать!

И он бросил ей на постель одежду и деньги на такси.

В ответ Лариса вызывающе голой вылезла на моих глазах из-под одеяла, подошла к Виталию и поцеловала в щеку.

Я смутился.

– Ну ты чего, старик?! Посмотри, какая сладенькая. Какая фигурка! Ну ты чего? Мы же почти родные братья... Может, она тебя еще сильнее, чем меня полюбит. Видишь, как красуется перед тобой, – и он слегка шлепнул девчонку по попе. – Ты ж такой ласковой никогда и не видел в жизни. Неужели откажешься? И дел-то минут на десять. Зато удовольствий столько! А я, и не думай даже, подожду, – все никак не мог угомониться Витоха и радовался при этом, ну прямо как взрослый ребенок.

Ему нравилось надо мной подтрунивать. И он не мог при случае отказать себе в этом удовольствии, чтобы лишний раз посмеяться надо мной.

– Какой же ты у меня развратный! – смеясь в ответ, продолжала голой обхаживать Короля Лариса. – Я же только тебе предана.

– Ладно-ладно, все! – подвел черту наконец мой друг и более строго приказал девушке одеваться и уезжать.

– Хорошо, Витя. Не гони меня так, я уже, – произнесла девушка, быстро собирая разбросанные по всей комнате свои вещи, и незаметно нырнула в душевую. А когда вышла, снова подошла к Витохе, прижалась щекой и, уходя, попрощалась словами:

– Вечером снова увидимся, милый...

– Раз пришел, пошли кофе пить, – и Виталий царским жестом предложил мне идти за ним.

– Забыл сказать дуре, чтобы убрала на кухне. Смотри какой бардак оставила! Да ладно. Зато девчонка классная! А хочешь, сегодня в кафе подберем тебе по вкусу самую жаркую и ко мне завалимся. Гульнем и побарахтаемся вчетвером. Не пробовал? Весело будет. Отвечаю! Или ты на что-то дуешься?

– Времени просто мало, – только и ответил я. – Скоро авторынок закроется, а нам много о чем еще поговорить надо.

– Ах да! Ты же уже размечтался с утра. А я-то думаю...

Крепкий бразильский растворимый кофе и «Мальборо» настроили наконец Виталия на рабочий лад. Он побрился, надел свой коронный «Адидас», импортные туфли на платформе, расположился в кресле в прихожей, предложил мне сесть напротив и начал разговор...

– Ну так что, кто кому первым будет делать предложение?

– Давай ты. Ты же Король!

– Я предлагаю тебе при мне остаться. Советы давать. Посредником в разных делах будешь: где и кого из людей свести друг с другом нужно, с долгом каким помочь разобраться и много еще чего важного... И везде бабки, и не хилые. А дальше... У тебя ж голова умная! Думать начнешь, со временем поглубже в мою тему въедешь. Ведь я все и сразу рассказать прямо тут не смогу... Присмотришься, притрешься – и поехали... Понятно объяснил?

– А за что, с кого и сколько с твоих клиентов брать?

– Ну, во-первых, ни с кого и ничего брать не нужно, кроме случаев, когда какой-нибудь мент или тот же Седой за решение чего-то важного конкретную сумму не зарядит.

Во-вторых, моя дружба нужна, чтобы никто другой из моих друзей кровь не сосал. Шпана там всякая да мелочь ментовская.

А в-третьих, – особенно торжественно заявил Витоха, – я всех своих друзей друг с другом знакомлю. А потом у них и дела завязываются.

И вообще, со мной появиться на людях, как с другом, в солидном обществе – это уже статус. Понимаешь, о чем я?

– Ну да, понимаю. Вот как я, например, с тобой в кафе посидел. Теперь могу и сам там появиться.

– Ну почти что в точку. Видишь, быстро соображаешь. Молодец! Потому и предлагаю тебе дело. Моя дружба – большая ценность для тех, кто большими делами занимается! А с дилетантами я дел не имею.

Но ты не думай, что эти люди у меня как стадо дойных коров. Нет! Они все мои друзья. И я много времени с ними провожу. Праздники вместе гуляем, поздравляем там друг друга. Иногда по мелочи в картишки играем, в бане паримся, с девчонками по-всякому развлекаемся. Все чин по чину, и все – приличные люди.

Если я кого нового в нашу компанию привожу, значит, за него ручаюсь, что не мент и не бросит на бабки. Значит, доверять ему можно. Вот тебе почти что семья, о которой ты размышлял и меня книгу прочесть заставил. Не такая, как у твоего Дона, но по-своему хороша, а главное – риска никакого. И для души приятно.

У меня для этих деловаров каких-то твердых ставок нет. Иначе это была бы уже совсем другая тема... На вымогательство похожа... А я ни от кого ничего не требую. Хочешь благодарить, уважение ко мне показать – благодари. Никому не отказываю, – подмигнул мне приятель. – Бывает, конечно, что мне деньги срочно нужны, тогда занимаю. У них же... И без отказа. А отдам, не отдам – это уже другая история.

Да, чтобы не забыть... За книгу спасибо! Был прав, читал захлеб. Много интересного узнал. Красавец! – указывая на меня глазами с благодарностью заключил Витоха.

– И сколько же я буду зарабатывать твоим советником?

– Разберемся. Я не жадный...

– Ну сколько?

– Ну штуки три в месяц так точно...

– А как же с теми пятьюдесятью тысячами, которые ты у меня в кармане видел? Зачем же мне твои три? Подумал?

– Дело делу рознь. Не знаю, чем ты зарабатываешь, но моя жизнь – праздник! Ты сам видел... Твоя – не знаю. Расскажешь...

Хотя знаешь, что? – вдруг вскочил с кресла мой друг. – Ты же сейчас сидишь и мечтаешь, как быстрее на авторынок попасть. Какой с тобой серьезный разговор? Потом и поговорим... Сегодня ж воскресенье – лучший день для покупки тачки. Ты с бабками?

– Ну да...

– Ну так вперед! К тому же у меня тоже кой-какие дела на базаре есть.

Ну что мне было ответить? Радость так перехватила дух, что сдавила горло. Захотелось обнять благодетеля и задушить словами благодарности! Ох уж эти эмоции! Я чуть не упал со стула!

– Ну-ну, ты чего это? – увидев мой порыв, как можно спокойнее произнес Виталий. Но было очевидно, что он упивается славой.

– Умеешь ты, блин, сделать человека счастливым! Красавец! Дон!

Спасибо...

– А что, твоего Дона все тоже так благодарили? – расплылся в довольной улыбке Виталий.

– Перстень на руке целовали! Но у тебя ведь нет перстня, а пальцы немые. Мало ли где ты там ими девчонку щупал, – в ответ пошутил я.

– А у твоего Дона что, руки всегда чистые были? – парировал Витоха, довольный собою, хохоча от души.

И не дождавшись ответа, побежал еще раз посмотреть на себя в зеркало, довести образ до «идеального».

«Чудеса» киевского авторынка

Пацаном и позже я даже никогда не мог себе и представить, что у меня когда-нибудь будет собственная автомашина. Ведь для советского человека, а тем более дворового пацана это было даже больше, чем чудо. Сказка!

В своем большинстве граждане-автомобилисты страны Советов передвигались в основном на корчах – старых «москвичах» горбатых мыльницах ЗАЗах, «победах» и другой дряни, которую все свое свободное время только и делали, что ремонтировали. Гараж... Для мужчин того времени вторая, если не первая квартира. Именно там они проводили девяносто процентов времени с любимыми машинами: чинили, мыли, протирали, что-то подкручивали, подкачивали и т.п. А сама езда на них была скорее исключением, чем правилом. Но вот когда на территории СССР, в славном городе Тольятти, появился чудо-автомобильный завод, построенный итальянцами, все сразу изменилось.

Автомашины «жигули» почти не требовали подкруток и подмазываний. На них можно было ездить, и они стали визитной карточкой любого успешного человека. А с момента выхода с конвейера новых «жигулей» третьей модели – уже не просто карточкой, а козырной картой по-настоящему богатых украинцев. Почти как «Волги», которые, помимо прочего, еще и кричали о высоком статусе собственника.

И вот уже он – автобазар!

– Ну иди, смотри, выбирай, а я пока тоже пройду. Может, кого из знакомых встречу, – высадив меня в центре базара, посоветовал мне друг. – Но не бросайся как бешеный бык к тачкам, которые понравятся. Без меня ни с кем не договаривайся и имей в виду, если покажешь продавцу свой собачий восторг, сразу цену добавишь. А сбивать потом трудно! Не создавай мне лишней работы. Ясно?

– Хорошо. А что делать, если машина понравится?

– Рассмотрю ее внимательно, в кузов залезу, заведу, послушаю, как двигатель работает. Пусть обязательно капот откроют, двигатель покажут. Обойду машину, внимательно рассмотрю, чтобы царапин никаких... Руками все потрогаю... А так, жди меня. Тут красивых тачек не так уж и много. А я сам тебя, но чуть позже найду...

На рынке были сотни машин, но процентов девяносто – старье, еще примерно пять процентов машин косили под новые, но были ворованными и с перебитыми номерами на кузовах и двигателях. А еще пять процентов новых машин купить было почти невозможно из-за сидящих на измене, то есть недоверчивых продавцов. Но об этом чуть позже... Вот поэтому и надо было быть очень осторожным и полностью в курсе того, что реально происходило на этом рынке.

А дела там по новым автомашинам при еще более тщательном рассмотрении возможности покупки и ее последствий обстояли следующим образом: всего в лучшем случае три-четыре новые машины были из первых рук. Это были не козырные тачки, а обычные: немодной расцветки, с маломощными движками и не из последних моделей. Их привозили забытые жизнью крестьяне из разных областей Украины, получившие этот подарок от государства за ударный труд на полях и фермах нашей необъятной социалистической Родины.

Крестьяне очень боялись, что их кинут, то есть не отдадут деньги после оформления машины, а покупатели, соответственно, боялись самих крестьян, поскольку главным в сделке для обеих сторон был момент передачи денег. Кто-то кому-то должен был на несколько минут довериться, а поскольку сельские труженики категорически отказывались без предварительной передачи денег и их пересчета идти к нотариусу, то купить у них машину было весьма проблематично, если вообще возможно.

У потенциального покупателя тоже на уме при покупке такой дорогой вещи было только одно: обманут – не обманут. И он тоже, в свою очередь, был весь в напряжении и ни в какую не хотел отдавать деньги вперед... В общем, возня с этими крестьянами да недоверчивыми покупателями. Возле машин земледельцев всегда было много людей, но продавались они неизменно в договорных муках.

Самые лучшие, яркие, козырного цвета, мощные и последнего выпуска модели – «тройки» – были перекуплены криминалом и перепродавались по заоблачным ценам. Но главное – купить их, не рискуя, что тебя на каком-то этапе сделки подло обманут, кинут, было невозможно.

Варианты кидков были разные. Некоторые – откровенно бандитские. Например, при обкатке машины перед покупкой выбросить доверчивого покупателя в лесу из авто, забрать наличку, а машину пустить на запчасти или перебить на ней все номера на кузове и двигателе и продать заново.

Другие – более интеллигентные. Например, перед самым оформлением продавец вдруг неожиданно отказывается от сделки, громко чему-то

возмущается и призывает в свидетели подлого обмана кучу народа. И пока покупатель ошарашен и никак не может понять причину такой бурной реакции продавца и скопления непонятных людей, а на самом деле подельников жулика, тот, якобы возвращая деньги, на самом деле подсовывает лоху заранее заготовленную «куклу», то есть не те деньги, которые он ему передал, а похожий пресс купюр, в котором только сверху крупные, а остальные – по одному рублю.

Все менты, которые, на первый взгляд, бесцельно бродят по рынку, охраняя Закон, на самом-то деле профессионально опекают жуликов и всегда с ними в доле – одна шайка-лейка!

Продавец, разыгрывая комедию-драму, начинает благим матом орать во все свое пропитое горло: обманывают, мол, ка-ра-у-у-ул, мошенники! И представители Закона сразу на чеку! Они тут как тут сбегаются, чтобы пресечь наглое преступление, хватают за шкирки полностью растерявшегося покупателя, надевают наручники и везут в РОВД! Все, злостный преступник пойман! Справедливость восторжествовала!

В милиции несчастного долго и с пристрастием допрашивают... Но под конец выясняют, что он, оказывается, ни в чем и не виноват. И через несколько часов отпускают. Ах-ах, извините, извините, ошиблись, мол. Бывает... Еще и еще раз извините, дорогой товарищ! И деньги суют...

И только выйдя из ментовки, тот вдруг обнаруживает, что ему отдали не его кровные, например, десять тысяч, а всего, к примеру, двести или даже сто рублей! Ай-ай-ай! Он снова в милицию... И они ему очень искренне сострадают. Обещают сто процентов найти жуликов и наказать по всей строгости Закона!

Но где там! Все, конец доброй сказке о новенькой машине. И начало жутчайшей трагедии дома, где несостоявшегося автовладельца ждут жена, теща и куча родственников с шампанским, чтобы обмыть покупку. Кстати, большинство ожидающих радуются тому, что, заняв другу или родственнику деньги, тоже будут кататься на авточуде. Но он почему-то пришел на своих двоих, без машины... О горе! Его обманули!

Жена рвет на себе волосы и рыдает, теща орет, что он мудака и она ведь предупреждала, родня рыдает, а сам несостоявшийся покупатель намывает веревку и ищет крюк покрепче! Потому что большую часть украденных только что у него денег скоро ведь отдавать надо!

Ну да ладно о грустном... Хотя на этом злополучном рынке бывали истории с покупателями и покруче, но все с тем же финалом, потому что среди новых были и машины с перебитыми номерами кузовов и двигателей, то есть ворованные, но «правильно» зарегистрированные продажными гаишниками. И покупатель в таких случаях не только лишился денег, но и приобретал кучу проблем. Так как при первом же техосмотре он становился фигурантом серьезного уголовного дела об угоне машины со всеми вытекающими для него последствиями – обысками, задержанием, отсидкой неделю-две в СИЗО, да

еще с настоящими злодеями! И хорошо еще будет, если его там не изнасилуют. А то ведь местные гомосеки только и ждут таких вот лохов...

Но оставим ужасы и перейдем к хорошему.

Рынок гудел, как громадный рой пчел: слышны были обрывки радостных либо страдальческих звуков человеческой речи: изощренный мат и слава Создателю, громкие споры продавцов и покупателей, звуки рычащих двигателей, когда демонстрировалась их мощь, чтобы набить цену...

В конце концов, я выбрал новую белую «тройку».

Вскоре подошел Виталий, позвал продавца, и тот назвал весьма приемлемую цену. Но дальше Витоха не стал с ним разговаривать, а предложил собственнику, который косил одеждой и всем своим видом под труженика полей и огородов, позвать какого-то Самоху.

Имя Самоха произвело на лжекрестьянина сильное впечатление! Он изменился в лице, недоверчиво посмотрел вначале почему-то именно на меня, потом перевел взгляд на Виталия, что-то себе смекнул и немедленно удалился. А минут через десять пришел с громилой, которого, очевидно, и звал мой новый друг.

Увидев Витоху, мордovorот заулыбался во весь рот золотыми зубами, по-приятельски поздоровался с Виталием, дежурно, но уважительно спросил, как дела, и, показав на меня своей татуированной ручищей, произнес:

– Покупателя привел?

– Ага, мой друг! Ему, Самоха, твоя машина в душу запала.

– Пусть накинет к цене, которую назвал мой человек, три штуки и берет. Гарантирую!

Этого «гарантирую» оказалось достаточно, чтобы Витоха ответно пожал руку громиле, и мы оформили машину.

Права у меня были поддельные, но, как я уже говорил, очень качественной работы друга Эдика. Водить машину я почти что не умел, поэтому попросил Виталия, чтобы Самоха дал своего водителя, который бы помог мне доехать до Березняков. А дальше я сам...

Внутри у меня все кипело! У меня есть новая машина! Неужели это не сон?! Так нет, мне даже во сне такое никогда не снилось. Я богат и имею почти все аксессуары богатого человека! Видела бы меня в этот самый момент моя мама! Своего неудачника и пьяницу-сына... Интересно, чтобы она сказала? Нет, конечно, она не увидит. Так ей, решил я, будет намного спокойней. На секунду я задумался над этим. Но... мысли прочь! Мне еще надо приодеться. Бонды ведь были при мне и грели карманы куртки.

Радость от покупки столь важной вещи настолько меня переполнила, что я даже не помню дословно, что уж я говорил в благодарность своему новому другу! Но это было так искренне и от души, что, даже не поняв и половины моих интеллигентных слов, Виталий слегка покраснел. Ой, как ему нравилась корона величия! А уж как я его расхваливал! Можешь не сомневаться, читатель, это было великое действие!

– Не надо уж так, – смущенно ответил на мое благодарное славословие Виталий и тем самым неожиданно открылся еще одной очень важной для наших будущих дел гранью души. За упругими и твердыми, как сталь, мышцами и характером в его груди, где-то очень-очень глубоко, билось благородное и доброе сердце! «А если так, – промелькнула у меня в голове мысль, – дело всего лишь времени и правильных с моей стороны поступков, чтобы развить эти скрытые от людских глаз качества его души и сделать их видимыми ему самому. Он сам должен осознать, какой он человек. И не стесняться этого. Совсем не тот, которого он себе выдумал и чем гордился сегодня».

И вот наконец я уже в собственной машине на сиденье пассажира еду на Березняки.

– Повезло тебе, парень! Сейчас бы и без машины, и без денег на трамвае домой добирался, – хитровато прищурившись, подшучивал надо мной шестерка Самохи – маленького роста, худенький, словоохотливый водила. – Машина – класс! Меня Вовчик зовут, и в следующий раз ищи сразу на рынке меня. Там все мою морду знают. А если жирного лоха приведешь – я и тебе от своей доли откину. Никаких проблем не будет. Самоха – мой друг. И у меня все схвачено.

– А если сам захочу что-то прикупить? – спросил я.

– Тоже без проблем. Отдам только по своей цене, и никаких кидков. Все по-честному...

– Подбери-ка мне на следующей неделе не новую машину, но не битую и от хорошего, бережного водителя. Я и тебе накину...

Эта машина нужна была мне для охранников. Не новая, но надежная.

– Хорошо. Есть одна такая на примете. Так что до следующего воскресенья!

Он довез меня до Березняков, а ближе к набережной я пересел за руль и, неуверенно управляя новеньким автомобильным чудом, доехал до ближайшей открытой платной стоянки, которая раскинулась на километр вдоль железной дороги, по которой ходили товарняки.

Как «правильно пересчитать» ребра охранника автостоянки...

Свободных мест, как и всегда во времена Совдепии, на автостоянке не было, хотя она была заполнена от силы на одну треть. А потому пьяный, похожий на бомжа парковщик сразу мне отказал, намекнув, что надо подмазать. И только получив на лапу сверх стоимости места тройак, все же разрешил поставить мой транспорт, предупредив, что за каждые последующие сутки, я, ставя машину обратно, должен договариваться с новым жуликом, который будет дежурить на его месте.

– Тебя как зовут, сторож?

– Иван, а что?!

– Слушай, Ваня, внимательно... Если с машиной что случится – поцарапают, или, не дай Бог, угонят, или салон и багажник вскроют – я в тот же день приду к тебе с пацанами домой и все там на хер перебью! И мебель на дрова порублю! Все твои двадцать четыре ребра переломаю! А морду твою поганую так разукрашу, что тебя ни одна больница не примет!!!

Мои анатомические знания о количестве ребер у человека настолько озадачили жулика-пьянчугу, что он искренне поверил в нарисованную мною картину мести.

Раньше Ваня никогда от постояльцев таких слов не слышал. Бывало, и частенько, что клиенты стоянки временами доставали пьяницу за то, что он, когда дежурное спиртное заканчивалось, подбирал ключи к машинам и нагло воровал водку или коньяк внутри салона и багажника. Но чаще они все-таки только угрожали набить его пьяную рожу, ноги и руки переломать, шею свернуть или голову... Иногда даже яйца оторвать! Но дальше угрозы дело обычно не шло. Да и говорили они неубедительно. Хотя редко, но все же бывало, что и побивали, если окромя горячительных напитков он уводил и мелкие ценные вещи. Но так, для острастки... Он к этому уже давным-давно привык и всерьез угрозы не принимал. Ведь пьяному, а в этом состоянии он находился 24 часа в сутки, море по колено. И потому продолжал делать свои мелкие пакости... Но вот чтобы мебель в доме, ребра и все остальное переломать – такое только от меня услышал.

И оказалось, что именно с мебелью я попал в его самое больное место. Ее ему было жаль даже больше ребер, потому что она была куплена им недавно по блату, и пьянчуга ею сильно гордился. И хоть он ничего мне не ответил, но зауважал! Еще раз пристальным взглядом посмотрел на мое новое чудо и без лишних слов показал место, куда его поставить.

Расставшись с машиной, я медленно пошел к дому, но с таким чувством, как будто я ухожу от любимого друга. Водители меня хорошо поймут, потому что первое время у каждого из них вместе с покупкой личного транспорта, неизменно возникает чувство, как будто в его семье появился новый очень-очень близкий и дорогой родственник – несмышленный малыш, хотя и на колесах, но такой беспомощный, требующий всегда особой заботы.

Уходя, я тоже тревожно и много раз оглядывался на стоянку. И только зайдя в квартиру, успокоился. Быстро поел, что Бог послал, поймал такси и... в валютный магазин «Каштан», который находился на Сырце – совсем в другом конце Киева, почти что на его окраине.

«Валютная пещера»

Было около 16 часов, два часа до закрытия торговой точки. Так что, как я полагал, времени у меня прикупиться будет вполне достаточно.

На входе меня остановил здоровенный рыжий охранник.

– Ты куда собрался, пацан?! Здесь все только за валюту. Так что спрячь свои рубли подальше! – окинув меня презрительным взглядом и оценив по-своему мой валютный потенциал, заявил громила.

Он даже не догадывался, как же он был не прав!

– Осторожней с выражениями, дядя! – гневно ответил я. – Вот валюта! – и я достал пачку красавцев-бондов.

Не говоря ни слова, рыжий с недовольным видом отошел от двери, пропуская меня внутрь.

Тут уже персонал заведения, состоящий из раскрашенных смазливых девок, не скрывая своего презрения, вылутился на меня, как на инопланетянина. Они все смотрели и смотрели... Свысока и ледяным взглядом, как будто я пришел не покупать, а вероломно отнять у них что-то очень ценное и только им принадлежащее. В их убогом представлении они видели себя в магазине важными придворными дамами, которые вдруг вынуждены обслуживать плебею в задрипанном прикиде, непонятно как прокравшемся в их царский дворец.

А кем они были для меня? Так, ухоженные шавки, зазнайки и ничтожества, изображающие из себя хозяев мира.

«Ну что ж, – промелькнула у меня ехидненькая мысль, – после моих покупок мы сравняемся в нарядах, и что же вы тогда запоете? Ведь я пришел к вам, дешевкам, не только, чтобы одеться, но и показать Киеву, кто есть кто! Я крутой, а вы все будете бегать прямо сейчас вокруг меня, как дрессированные собачки, да еще и на задних лапках».

И вообще, я всегда откровенно презирал зазнаек, душа и мысли которых примитивны, а самоуверенность зашкаливает. Тот, кто знает себе цену, человек с достоинством никогда не унижит другого без повода.

Боже ж мой! Как много красивых, эксклюзивных и никогда не доступных для простого советского человека вещей в этом треклятом магазине! Передо мной открылась сказочная пещера из сказки «Тысяча и одна ночь». «Сезам, откройся!» Но даже в той пещере со всеми богатствами мира все же не было того, что я увидел в рядовом советском валютном магазине. А увидев, хотелось прыгать и кричать. Кричать, кричать о том, что я попал в рай, о котором даже не мог мечтать: видеотехника, духи, брелоки для машины, дорогие ювелирные изделия и на любой вкус шубы, куртки, спортивные костюмы «Адидас», брюки, сорочки, джинсы, выходные финские костюмы, туфли на каблуке... Господи! Да чего тут только не было! А мысль о том, что я могу прямо сейчас стать обладателем таких богатств, увела меня в заоблачный мир фантазий. Неужели все это мне не кажется и происходит со мной?! Я еще раз посмотрел на табличку с режимом работы магазина. Все нормально, меня не прогонят. И я им сейчас всем бл-дям покажу, на что я способен и как преобразят меня купленные вещи!

«Да, – пронеслось в голове, – не зря я рисковал и грабанул торгаша. Вот он – заслуженный момент торжества!»

Как жаль, что категорически нельзя было показывать в первый же заход в магазин мой истинный покупательский потенциал. Ведь все сотрудники и даже противный рыжий гад – охранник наверняка были сексотами КГБ! Сволочи! Все как один! Вот сейчас я накоплю всякой всячины, а они, когда уйду или прямо сейчас, наблюдая за мной через шпионские щелки из кладовых, строчат, строчат, строчат свои мерзкие доносы. Вот, мол, оборванец, а с кучей валюты. Кто такой? Подозрительный... Приезжайте быстрее! Тут такое! Присмотрите, присмотрите за ним! Он явный...

Мерзкие твари!

С громадным трудом, но пришлось сдержаться. Я купил себе только красавец спортивный ластиковый костюм «Адидас» на выход, обычный и недорогой для тренировок, а также джинсы, классную коричневую кожаную куртку, пару свитерков, брюк и сорочек и, конечно, кроссовки для бега...

Ух! Сегодня я зайду в кафе Витохи красавцем, да еще приеду на собственном тачиле! Эта мысль захватила меня всего, и по дороге домой я жаждал быстрее надеть на себя красивые вещи.

Сейчас, по прошествии многих лет, я пытаюсь возродить в душе те ощущения, которые испытывал, когда надевал на себя красивую одежду. И в полной мере не могу. Это было что-то!

В съемной квартире на Березняках я разглядывал себя в зеркале со всех сторон в каждой из одежд: кривлялся, так и сяк крутился и радовался, радовался, радовался, ну прямо как маленький ребенок, получивший много-много самых желанных игрушек! И, читатель, повторюсь еще раз: я любил свое отражение в зеркалах. А новые элегантные вещи, о которых даже не мечтал, сделали эти мгновения поистине прекрасными!

Я не считал себя красавцем. Нет-нет, такое и в голову не приходило. Но, как оптимисту по жизни, мне всегда нравилась моя внешность. И как же это важно для молодого человека – надеть на себя именно те вещи, которые тебе по душе, чтобы потом в каждой из них покрутиться перед зеркалом и даже представить, где и какую из них надеть. Например, в чем пойти к пацанам во двор, в кафе к Витохе, на прогулку по Крещатику, чтобы позаигрывать с незнакомыми девчонками.

Вряд ли сегодня какой-нибудь молодой человек, имеющий даже очень большие деньги, может себе представить ценность красивых вещей при Совдепии. Рассказать так, чтобы было понятно, невозможно! Вот нет таких слов, и все тут! Потому что элегантные вещи в СССР были не только признаком невиданной роскоши, а попросту недоступны. А для простого парня так и вообще – все равно что звезду с неба сорвать!

«Господин Пиджаков, он же Фрак»

Следующим в моем списке тех, чье богатство я решил поубавить, был руководитель крупнейшего в Украине поставщика вещей и продуктов, начальник УРСа (Управление рабочего снабжения) Юго-Западной железной

дороги. Весьма уважаемый начальник, а на деле, как и все остальные персонажи из моего списка, опаснейший расхититель социалистической собственности Михаил Абрамович Фрак.

Этот во всех отношениях интересный персонаж запросто менял маски, не применяя никакой косметики. В Совмине и министерствах – улыбчивый и услужливый начальству еврей, очень добрый и приветливый, свой в доску. А на самом деле – запредельный циник и жестокий преступник, имеющий в своем распоряжении целую армию незаконно вооруженных холодным или огнестрельным оружием людей, как правило, бывших зэков. Их специально нанимал, причем только тех, кто не раскололся в зоне младший подельник Фрака – начальник пассажирской службы, чтобы снимать сливки с дорогих билетов на поезда дальних рейсов. Именно на них и нанимались бывшие опасные преступники. Такие не расколются. Им можно было давать любые задания. Провезут хоть товар, хоть паленую водку, хоть тонны чего угодно. А билеты на эти рейсы в кассах специально не продавались. Хотя поезда часто шли пустыми. И все только для того, чтобы будущие пассажиры рассчитывались наличными с проводниками, часть которых шла мелкими потоками от начальника к начальнику и все более широкой рекой к улыбчивому Михаилу Абрамовичу.

Хотя это был далеко-далеко не главный доход богатея. Боевики-проводники под рукой были куда важнее. И убийства неугодных в самой Фраковской системе были делом обычным. Кого-то ловили. Но чаще нет. Потому что заказные убийства не имеют видимой связи с трупом, а потому обычно висяки¹¹.

Помимо прочего, Фрак обладал громадными связями в Совмине и распоряжался миллиардными потоками товарных средств, которыми обеспечивал всю железную дорогу Украины!

Когда он бывал в Совмине, ответственные товарищи, чтобы подлизаться к царю деликатесов и импорта говорили, что он готовый министр и даже более! На что он в шутку отвечал, что, если бы его фамилия была не Фрак, а, например, Пиджаков, он точно бы возглавил Совмин, а так, очень доволен и тем, что есть, потому как человек он весьма скромный, и, мол, спасибо Богу и за то, что есть на хлеб с маслом. К тому же стар. И смешил друзей еще одной любимой им поговоркой. Мол, «с годами грудь для орденов становится все уже, а зад для пинков все шире».

Ему было под шестьдесят. Красивый, седовласый, слегка располневший мужчина, преданный семьянин, в браке с любимой и любящей его самого женой, тремя взрослыми детьми и многочисленными внуками, которых не просто любил – обожал!

Михаил Абрамович имел редкое свойство человека, умевшего не создавать вокруг себя врагов, а потому чувствовал себя внутренне исключительно комфортно. Жизнь, по его мнению, удалась на славу. Он был

¹¹ Висяк – нераскрытое преступление.

поистине счастливым человеком: всегда в хорошем расположении духа, аккуратно выбрит и одет, с широкой и обаятельной улыбкой на лице.

Сколько у него было припрятано денег, полученных в качестве взяток от директоров многочисленных промтоварных и продовольственных баз, которые находились в его распоряжении по всей системе железных дорог Украины и от бандитских проводницких рек, было одному еврейскому Богу известно! Хотя, думаю, что эту интимную информацию Михаил Абрамович припрятал и от Всевышнего.

Моя задача была отобрать у него миллион! И никак не меньше...

Почему именно столько? Да потому что моя двухнедельная тотальная слежка за ним выявила очень важные детали его характера, которые жертва тщательно скрывала: он был очень скуп и сдержан в тратах. Ничего лишнего не позволял ни жене, ни детям, ни внукам. А потому я решил, что денег у него – море. Да что там море – океан!

Но к сожалению, было также очевидно, что он их так любит и боготворит, что скорее расстанется с жизнью, чем добровольно, без насилия отдаст даже небольшую сумму. Хотя на самом деле миллион рублей для него был, что для тебя, читатель, тысяча... Тех еще, советских.

Поразмыслив, я решил строить ограбление, используя тончайшие струны его души, самыми тонкими из которых была безграничная и даже какая-то жертвенная любовь к внукам и жене! И к детям то же. Но к ним в последнюю очередь, поскольку мысленно он явно злился на них за то, что считал неудачниками, не стремившихся к богатству и славе и не использовавших его мощные связи.

Рестораны и другие значные заведения начальник никогда не посещал, любовниц не имел и, кроме квартиры и дачи – сельского дома в Броварском районе, в который он поселил семью своего двоюродного брата, никуда не ходил.

Ему даже не надо было бывать в обкомах, райкомах и райсоветах, потому как и партийное, и обычное руководство – все находились в громадном, если не сказать, грандиозном старинном здании-дворце еще дореволюционного Управления железных дорог.

Кабинет, квартира и дача на живописном песчаном берегу Десны, где мой объект проводил выходной, играя с внуками и наслаждаясь природой, – вот и весь перечень мест, где в любое время можно было застать подпольного богача.

Квартира Фрака находилась рядом с работой в центре Киева. Вернее, две квартиры. Вторую он выкупил и присоединил к первой, так что получалось метров триста жилой площади с двумя большими балконами, красивейшим видом на купола золотых киевских церквей и, главное, возможностью зайти в один подъезд, а выйти через другой. Мало ли что...

Мой план был таков...

В понедельник, когда в квартиру Михаила Абрамовича обычно не приходят ни дети, ни внуки, где-то в 17:00, то есть ко времени выхода Фрака

с работы, я незаметно проникаю в салон его частной «Волги», которая на неохраняемой стоянке во дворе здания, и прячусь на заднем сиденье. А когда он будет подъезжать к дому, заставлю его с опасной бритвой у шеи подъехать прямо к его подъезду, а не ставить машину в гараж. На этаже меня будет ждать Виталий. И мы уже вдвоем, под угрозой смерти, зайдем с жертвой в квартиру... Ну а дальше? Действуем по обстановке...

Мои козыри в разговоре с мультимиллионером были таковы: угроза смерти жены и внуков, демонстрация фотографий всей его родни с адресами проживания, чтобы он понимал, что мой налет тщательно спланирован и не просто «давай мильен», а продуманный до мелочей план действий опытного и искушенного в таких делах преступника. Он кровь из носа должен был по моему замыслу поверить в реальность угрозы! Иначе денег нам не видать...

Весь упор в изъятии денег надо было делать только на жалость к любимым.

Слежка выявила важный факт. Михаил Абрамович вне зависимости от погоды четыре-пять раз в месяц посещал дачу. А раз так, я был почти уверен, что деньги он прячет именно там... Других мест для хранения денег, на мой взгляд, просто не существовало. Он никому, кроме жены, не доверял и нигде не бывал.

На эту мысль наводил и тот факт, что Абрамович всячески маскировал родственника и место его проживания. На дачу никого из посторонних не приглашал и тщательно скрывал это место от посторонних. А посторонними в данном случае были все абсолютно, кроме членов его семьи.

Если все было так, как я думал, то поездку в загородный дом мы с Витохой должны были осуществить только на его собственной машине, прихватив и его жену. Но, как вариант, мной рассматривалась идея, что можно попытаться в квартире заставить торгаша позвонить брату, и тот добровольно привезет требуемую сумму.

Но все же, решил я, лучше поехать с ним. Мало ли что придумает умная голова прохиндея? Да и брата изучить не удалось.

Из бандитского инвентаря я решил взять с собой гвозди, веревки, молоток, опасную бритву, оружие, а также медицинские средства, останавливающие кровь, на тот случай, если жертва заартачится и придется вскрыть вены. Жену пытать я не планировал.

Было бы отлично, если бы можно было привести к Михаилу Абрамовичу его любимого внука, но эта версия с учетом возможно кровавого развития событий, показалась мне уж очень жестокой по отношению к маленькому ребенку. Ну нет, решил я, до такой низости никогда не дойду.

Итак, прежде чем навестить клиента, я подкупил двумя бутылками водки старика-пьяницу – охранника оперного театра, и мы с Витохой обокрали гримерки прим-балерунов: приобрели несколько разных париков, бород, усов, специальный клей, чтобы их приклеить, и гримы всяких оттенков.

Оказалось, кстати, что охранник в молодости работал в театре на более высокой должности, с которой был, по его мнению, несправедливо уволен, а

потому постоянно пьян с горя и страшно зол на руководство и весь театр в целом! Глубоко в душе он был даже рад нашему посещению. И надо было видеть, с каким зловещим азартом он тщательно подбирал нам бороды, усы, лысины и т.п. и подробно просвещал, что, куда и как надо клеить.

В те времена советским «патриотам» – обычным гражданам – ничего из государственного имущества было не жалко. Даже наоборот! Украсть побольше у родного предприятия считалось делом чести. По всему Союзу тогда из уст в уста ходил мудрый народный стих: «Пиз-ь на заводе каждый гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость!»

Поэтому любой работник и служащий тащил со своей работы домой все, что только можно было унести. Заводчанин – пассатижи, ключи для гаек, отвертки, клейкую ленту, рубероид, гвозди, винтики, шминтики и любое другое добро, которое могло пригодиться в хозяйстве и имелось в наличии на родном производстве. Медсестра тырила таблетки, разных размеров шприцы, вату, бинты и лекарства, и даже обычная машинистка в каком-нибудь задрипанном проектно институте считала своим долгом утащить домой бумагу, карандаши, ручки и копирку.

Если что-то из ворованного нельзя было примостить дома, можно было сменять у соседей на нужную вещь или банально продать. Так что годилось абсолютно все...

Вечером в воскресенье я встретился с Витохой и в общих словах обрисовал ему план на завтра. Идея с двадцатью процентами от суммы, которую собирался взять у Абрамовича, и без каких-либо активных действий на месте преступления с его стороны ему нравилась. Глаза горели... А наш поход в оперный театр его очень развеселил. Парень любил риск, и это было видно с первого дня, как только мы встретились в спортивном зале.

Я также назвал другу место, где он должен оставить свою машину перед тем, как мы пойдем на дело, и время, когда я к нему зайду, чтобы примерить на себя бородку и парик.

После чего мы расстались: он поехал в свое кафе, а меня высадил на Крещатике. А я потом – пешком в сторону Главпочтамта.

Новая общность – «советский народ»

В воскресенье на Крещатике была уйма народа, в основном молодежи. Люди приезжали из ближайших городков и сел Киевской области, других городов Украины, чтобы полюбоваться главной улицей столицы, что называется, себя показать и на других посмотреть. Кругом царили прямо-таки щенячья радость и веселье!

По дороге я зашел в центральный гастроном и купил две бутылки кефира, а когда дошел до Главпочтамта, сел на ступеньки и стал с азартом пить вкусный кефир прямо из бутылки.

Мимо меня проходили люди... Много людей: парочки влюбленных, стайки совсем молодых мальчишек и девчонок с косичками и разноцветными

бантиками, девушки повзрослее и ребята по двое, трое и целыми группками. Всем было весело, все смеялись и как могли веселили друг друга!

За что я так любил Союз и социализм, скучаю по нему и уверен, что никакой другой общественный строй не в состоянии повторить тот безоблачный образ жизни в нем простого человека, так это за то, что почти все люди, а именно 241 миллион человек, были приблизительно равны по образу жизни, достатку в семье, зарплате, отдыху, работе и построению личных отношений.

Никто тогда не смотрел друг на друга или соседа – богат тот или нет. В крайнем случае родители невесты перед тем, как выдать ее замуж, просили доченьку, чтобы выбирала избранника с отдельной квартиркой. А о зарплате и доходах речь вообще не шла... Все получали примерно одинаково, а те, кто жили не по средствам, в расчет при планировании личной жизни практически не принимались. А другие? Ну подумаешь, у кого-то на 50 рублей зарплата выше! Можно пережить... Социализм делал людей близкими друг другу. И яркая демонстрация этой душевной и духовной близости происходила сейчас на Крещатике прямо на моих глазах.

Как давно из-за потерянных двух лет в Армии я не видел столько простых и праздных людей, радостных эмоций на лицах, не слышал столько смеха и веселых разговоров ни о чем. Какие все красивые и молодые! Как горят их глаза, какое неподдельное счастье они излучают! Господи, как же я любил смотреть на это великое действо: множество разных людей, которые все же каким-то таинственным образом взаимодействуют друг с другом, а все вместе создают особую атмосферу беззаботной радости и счастья! Мне даже кажется, что я бы мог смотреть на это всю жизнь – и не надоело бы...

Девушки призывно кокетничали, а заигрывающие с ними ребята всячески старались себя показать: говорили всякие глупости и сами над ними искренне ржали, по-детски кривлялись, толкали друг дружку и наивно делали все возможное, чтобы именно на них было обращено внимание. И ведь все, к чему стремились эти юные создания, было так по-детски, даже без всякого намека на пошлость: ну обнять девчонку, ну подержать ее за руку, а если разрешит – даже поцеловать. И целоваться, целоваться, целоваться аж до крови на губах!

О постели с сексом здесь, за редким исключением, никто и не думал! Да и слово «секс» было чем-то из иной, не нашей, запретной жизни. Что мы тогда знали о сексе? Так, пару-тройку поз: сверху, снизу и по-собачьи...

Любая литература, просвещающая сексуально советского человека, да если еще и с картинками, считалась буржуазно-порнографической. А за ее просмотр – навеки клеймо «извращенец» или даже тюрьма и всеобщее презрение соседей и сослуживцев!

И как же интересно было наблюдать за прохожими. Какие удивительные выражения лиц и глаз, какая разнообразная одежда. Простенькая, но все же подчеркивающая индивидуальность каждой девчонки. Все ухоженные и

соблазнительные. По сути, взрослые дети, наивные, ожидающие от будущего исключительно счастья и радости!

И что интересно, читатель, и что обидно до слез: теряют это наивное и трепетное мироощущение и девчонки, и ребята сразу после первой постели, когда лишаются невинности. Особенно девушки... Казалось бы, ну что ж тут такого?! Подумаешь, переспали. Ан нет! Произошло как бы взаимопроникновение душ, которое вытеснило невинность, а вместе с ней и детство. И все сразу становится в их облике и поведении другим: каким-то серьезным и взрослым. По сути, юный человек рождался заново, но уже взрослым. Удивительная метаморфоза. Это тебе, читатель, не бабочка с ее превращением из безобразной внешне куколки в красавицу с разноцветными крылышками. Тут все намного, намного сложнее... И обратных превращений уже никогда не будет! Грустно как-то... Но уж как есть...

На улице, как я уже говорил, никто и никого не звал в постель. В лучшем случае договаривались о свидании на другой день. А если тебе нужен был секс – иди в ресторан. Это сегодня в ресторанах не играет живая музыка, не поет вульгарная, но очень талантливая певица, никто не приглашает на танец понравившуюся ему девушку. В оркестре не объявляют белых танцев, когда женщины сами выбирают себе приглянувшегося мужчину.

Кстати, какое было великое изобретение Союза – белые танцы в ресторанах и на парковых танцплощадках! Не многим мужчинам выпадали такие случаи счастья, как мне, когда именно тебя приглашает зрелая женщина на близкий и призывный танец, который часто, если она тебе понравится, заканчивается в тот же вечер постелью. Уже не надо дарить ей подарки и цветы, говорить комплименты и уделять особые знаки внимания. Она – хозяйка положения. И это так сексуально! Воображение сразу рисует ее в постели, и редко, когда твои ожидания не оправдываются. В этот вечер она твоя без остатка, и тебя ожидает бурная ночь! И все разрешено!..

Сегодня на улицах городов по всей территории бывшего СССР уже не встретишь такой романтики. Очень красивые девушки и женщины сплошь раскуплены богатеями. Они уже давно перебрались на дорогие яхты, в эксклюзивные гостиницы и рестораны, живут во дворцах и одеты в дорожные бренды.

За фирменными вещами и косметикой уже не видна душа раскрасавицы, ее индивидуальность. Она скрывает свои истинные чувства и не позволяет при выборе спутника брать верх эмоциям, которые делали ее неповторимой и самой прекрасной девушкой на земле! Теперь она почти копия других роскошных раскрашенных красоток, с искусственно увеличенными привлекающими мужчин частями тела: губами, грудью, бедрами и т.п. Ну что ж, это, наверное, оправданно в современном жестоком капиталистическом мире, где все продается и имеет свою цену.

Но это все не то, ребята! Вам уже такой романтики, такой искренности и счастья, какие пришлось в жизни пережить герою романа, не понять и не представить! И мне вас искренне жаль...

А какую красивую породу людей – мужчин и женщин – вывел Советский Союз! В квартирах, гостиницах, общежитиях, домах и на дачах, в парках и скверах, юртах, на сеновалах и чердаках и еще черт знает где 118 национальностей вечерами и ночами в постелях ковали новую и самую красивую нацию в мире – советский народ!

«Мне б такую!..»

Как вдруг! Я увидел медленно проходящих мимо меня двух зрелых молодых женщин лет 25–27, рафинированных украинок со всеми присущими им формами: большой грудью, тонкой талией и как бы отдельно от нее существующими округлыми бедрами. Они улыбались и о чем-то мирно беседовали.

Я подкатился...

– Могу угостить свежим кефиром. Очень вкусно и полезно! Я – Коля, недавно пришел из Армии. Я – хороший парень, и со мной надо обязательно дружить, потому как лучшего друга вам во всем Киеве не найти! Откуда вы, девчонки?

Они очень мило рассмеялись.

– Какой ты шустрый, Коля. Все сразу знать хочешь. А может, мы не такие...

– А какие-такие? Я разве вас обидел?! Кефир свежий. Честно. От души оторвал! Кстати, полезный и вкусный напиток, – продолжал прикалываться я.

– Мы из Киева. Я – Люба.

– А я – Оля, – представились они.

И самая привлекательная из двух девчонок – Оля, глядя интригуяюще мне в глаза, неожиданного взяла из моих рук недопитую бутылку кефира, опрокинула и выпила все до последней капельки.

– Правда, вкусно, Коленька. Видно, что у тебя очень хороший вкус.

На самом же деле этим жестом, не брезгуя недопитым кефиром, она как бы пригласила меня на белый танец, дала разрешение на что-то очень-очень близкое, личное и, я бы даже сказал, интимное... Ух, как это было призывно!

– Ну да! Поэтому я именно тебя и зашиваю, – ответил я в том же тоне Ольге.

– Я пойду, поздно уже, – вдруг совершенно неожиданно заявила Люба. Улыбнувшись, попрощалась и пошла в сторону метро «Крещатик». И мы с Ольгой неожиданно оказались одни.

– И что будем делать, Коля?

– Поехали, я провожу тебя домой. А можем и в кафе зайти...

– Да нет, поздновато уже, а мне завтра на работу. Проводи-ка ты меня лучше домой. Я живу на Березняках.

«Как здорово, – подумал я, – мы еще и соседи!»

Я предложил поехать на такси, но Ольга категорически отказалась.

– Так неромантично и дорого. Мы поедem на метро и пройдемся пешком, а заодно и наговоримся всласть. Мне ведь страх как интересно, что ты за парень, Коля, раз уж я кефир твой допила.

Мы сели на метро, потом пересели на трамвай и так доехали до моста Патона. А дальше пешком через весь мост.

Как же мне раньше, такому искреннему романтику, никогда не приходило в голову прогуляться этим таинственным мостом? Когда я проезжал по нему днем, он мне казался пугающе суровым. К тому же всегда пыльным, грязно-серого цвета, как бы наспех слепленным сваркой Патона из груды искореженного металла. Он почему-то напоминал войну, а вооруженные охранники с двух сторон моста только дополняли эту картину. Воображение рисовало идущие в наступление на врага боевые машины и танки, пыль и грохот гусениц, тем более что трамваи, которые один за другим постоянно курсировали по нему днем в обе стороны, создавали такие скрежещущие громкие звуки в местах сварки металла.

Мне и в голову не приходило... Да и не видел я никогда, чтобы здесь кто-то когда-то гулял. Но с Олей получилось настоящее романтическое путешествие! Трамвай уже не ходил. Машин мало. Отсутствие посторонних звуков, фонари и луна над нами превратили военный объект в длинный и романтичный мост, проходивший над островами с безлюдными пляжами на них.

Ребята-охранники шли за нами еще с Крещатика, но на расстоянии порядка пятьсот метров. И я о них даже как-то позабыл.

– Обними меня, мальчик, прохладно стало, – вдруг произнесла девушка где-то посреди моста. Это «мальчик» явно демонстрировало ее независимый характер, претензию на главенство в наших отношениях и было сказано с такой проникновенной женской нежностью, что я сразу почувствовал себя неопытным пацаном, встретившим на своем пути взрослую, властную и чувственную женщину-красавицу.

– Откуда ты, Оленька? Ты точно не коренная киевлянка, – утвердительно заявил я.

– А как ты знаешь?

– А я всех девушек-красавиц в Киеве знаю, – отшутился я, чтобы не обидеть девушку своими догадками о ее провинциальном происхождении.

– А ты угадай...

– Из Броваров... Этот городок был навеян мыслями о завтрашнем посещении его с Фраком.

– Не-а. Не угадал. Но почти... Из Борисполя. Даже не из самого города, а из села, что рядом. У нас там очень красиво. Цветов много, малины, клубники, смородины. Как-нибудь приглашу. Надо, чтобы ты видел и знал, откуда родом красивые женщины...

– Спасибо! А еще я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что я неопытный симпатичный мальчишка, соскучившийся в Армии по любви и не знающий, чем заняться во взрослой жизни.

– Так и есть. А как ты знаешь?

– А я мысли читать умею.

– Да ладно, мысли читать никто не умеет. Это неправда.

– А я умею. Могу даже рассказать, какая ты по характеру.

– Ну и какая?

– Правильная и честная, а еще страстная!

– Тебе особенно хочется, чтобы я страстной была, – громко засмеялась девушка, но было очевидно, что ей по душе нарисованной мною ее образ. Я попал в точку.

– Да вовсе нет. Сказал, что думаю.

– Ты и в правду что-то такое знаешь. Ну что ж, не разочароваться тебе! Я родилась и жила, пока не поступила в Торговый институт, под Борисполем. Там и сейчас живут мои родители с маленьким моим сыночком, моим Гаврилушкой. После института работаю товароведом в большом гастрономе на Борщаговке, а недавно и квартиру кооперативную купила.

– А муж?

– Обьелся груш... Живу одна, если тебя это интересует. Но сегодня ты ко мне в квартиру не попадешь, хоть тебе, как я вижу, очень уж невтерпеж, – снова и снова задорно рассмеялась Ольга. – Но нельзя же все, да и сразу, зазнаешься!

– Да я просто так... Хочу с тобой подольше побыть. И не то это совсем, что ты думаешь...

– То-то! Конечно же то, Коленька! Все вы, мужики, одним миром мазаны. Вам бы постель, да побыстрее соблазнить бедную девушку, – продолжала насмехаться надо мной красавица.

– Ну уж нет, не все... Может быть, я влюбился с первого взгляда. А что? Ты красивая! – глупо ответил я на подтрунивание надо мной молодой женщины.

– И ты мне, Коленька, нравишься... Но не думай много об этом, а то состаришься. И зачем тебе ум, когда ты увлечен женщиной. Я хочу научить тебя жить только чувствами. Вот встретимся в том же месте через недельку... Ты за это время уж точно поймешь, насколько сильно я тебе нравлюсь.

Она все смеялась и смеялась, а я от этого только все больше тушевался и уже не находил, что ответить...

– По правде сказать, Коля, мне завтра в командировку ехать. Вставать рано. А наспех что-то важное и хорошее никогда не получается. Приеду, встретимся, тогда пообнимаемся всласть! А сегодня давай просто побольше помолчим... Посмотри, как вокруг красиво!

От слов «пообнимаемся всласть» я окончательно обалдел! В голове все спуталось... Но все же нашел в себе силы охладить пыл и посмотреть вокруг... Боже же ж мой! Как же действительно все красиво и романтично,

если
идти тихим вечером пешком по мосту Патона, особенно под свет полной и яркой луны! Видны загадочные, но четкие очертания лунной дорожки на реке, слышны всплески воды, а сама речка вокруг моста вся так и

лунным светом... Говоря словами великого украинского писателя Гоголя, которого украинские националисты сегодня почему-то называют российским, «чуден Днепр при тихой погоде». И ведь правда чуден! Да еще как! Хотя писатель видел его совсем другим: широким, да с бурными порогами через каменные валуны, обточенные до блеска святой водой Днепра.

Многие сотни лет этот бурный поток великой реки питал Киевскую Русь чистой водой, славился разнообразием рыб и всякой живности, поселившейся у берегов... Чего только в те далекие от нас времена в Днепре не водилось! Царская стерлядь, громадные осетры... А сейчас?! Разве это та река, что как море разливалась по всей территории левобережья? Сегодня на некогда громадной территории водного пространства, что всегда была когда-то визитной карточкой Святой Руси, построены обшарпанные высотки да заводы с фабриками. Нечистоты от них отравили все вокруг! При социализме великую реку превратили почти в болото, настроив на ее пути множество искусственных преград – безобразных внешне железобетонных плотин.

Я на мгновение представил под мостом бурную, мощную реку, берегов которой не видно! Ох, как же повезло Гоголю! Нам такое уже не увидеть...

Воображение – вот что делало мою жизнь прекрасной!

Ярко светила луна, и лунная дорожка неизменно сопровождала нашу с Ольгой романтическую прогулку. Вода переливалась отблесками фонарей на мосту. Справа и слева от моста – островки на реке, сплошь заросшие мелким кустарником и небольшими деревцами. Вот бы туда... Раздеться догола на песочном пляже и купаться, жарко обнимая красивую, молодую и желанную женщину, наслаждаться ее телом, поцелуями и всеми таинственными прелестями ее тела. Ох и ах! Какие сладкие мечты!

Так мы постепенно перешли через мост, и Ольга пригласила меня пройти немного по пляжу. И вдруг она высоко подняла юбку и по колени зашла в воду, показывая стройные и в меру полные ноги. А потом с азартом и смеясь, стала брызгать ими на меня водой, искрящейся в ярком свете луны. И все это я видел, читатель, впитывая каждое мгновение прекраснейшего в моей жизни вечера, который так и остался в моей памяти аж до сегодняшнего дня!

Дом Ольги был рядом с набережной. Я проводил ее до подъезда, и мы проникновенно, ласково поцеловались в губы. Я стал было подбираться к пышной груди красавицы, но она меня уверенно остановила.

– До встречи, Коленька! Ты еще успеешь там потрогать. И даже, если очень захочешь, поцеловать. Я и вправду хороша, и грудь в порядке, сладенькая, – раздражая меня и смеясь, сказала на прощанье Ольга.

На этом и расстались... Но я еще долго смотрел в окна ее дома. А вдруг одно из них загорится, откроется окно, и красавица, передумав, продолжит со мной белый танец... Но нет, не тут-то было...

Ночью я долго не мог заснуть. Встреча с Ольгой была по сути первым моим романтическим свиданием после Армии. Боже, как же хороша девушка!

И вдруг... «А как же Лиза?» – как молния, пронеслась мысль в голове.

Нет-нет, это совсем, совсем другое... Да и не было у меня с ней ничего

серьезного... Красивый заигравшийся ребенок. Я ни на секунду не представлял ее ни тогда, ни сейчас в любовных ласках. Это было что-то другое, неизведанное, кристально чистое... Но прочь, прочь, прочь всякие такие мысли на ночь! Ведь завтра в бой!

Мастурбация немного успокоила мое разыгравшееся воображение. При этом я представил себе Тамару в одной из наших самых игривых сексуальных забав. Тестостерон в моей крови успокоился, и буквально через несколько минут я уже крепко спал, обнимая и прижимая к себе мягкую подушку. Мне ничего не снилось...

Дорожные игры с «опасной бритвой»

И вот оно – долгожданное утро очень важного для меня дня, который разыгравшееся воображение и азарт рисовали как решающий в моей жизни! Ведь я так много работал, строил планы на будущее, чтобы этот день настал. И даже не потому, что собирался заработать целый миллион. Меня больше всего беспокоила реакция Витохи. Он нужен был мне позарез как полноценный партнер, чтобы я мог все остальные грабежи делать только его руками. И если я в нем ошибся, то дальше меня ожидало почти полное фиаско. Ведь больше я ни грабить, ни убивать категорически никого не хотел... Мне это претило как человеку. Для меня главной была сама идея!

Да-да, читатель, именно идея: дано или не дано мне стать великим? В голове крутились всем известные слова великого Шекспира: «Быть или не быть?» Но если с Виталием провалится, то получится, что зря потеряна уйма времени и эмоций. Что я сам себе придумал образ героя, которым на самом деле он не был... Ох, как же трудно мне было смириться с такой мыслью! Неужели это так? Какой ужас!

Утром я несколько раз оббежал озеро, скрупулезно обдумывая каждый шаг предстоящего сегодня события. Позавтракал, позвонил на всякий случай Витохе и, услышав его бодрый голос, внутренне успокоился, а в 11:30 был уже у него в квартире в центре Киева, и мы часа три примеряли на себя разные актерские причиндалы: корчили рожи, смеялись друг над другом, изображая перед зеркалом, как мы пугаем воображаемую жертву. Все получалось несерьезно... Но постепенно мы вошли в роль и нашли свои бандитские образы.

Я выглядел как только что откинувшийся зэк, а он – как безбашенный и уродливый качок. На том и порешили.

Витоха зачем-то приделал густые усы и брови. А я надел рыжий длинноволосый парик и прилепил мерзкую, редковолосую рыжую бороденку.

Все вроде бы нормально... Но волнение все же постепенно брало верх, особенно у меня. Что было в голове Виталия – мне уже не узнать никогда, потому что дальнейшие события превратили комедию почти что в трагедию!

Но нет человека на планете Земля, кто может предсказать свое будущее.

«Пути Господни неисповедимы!» Банально, что написал об этом... Но как

было это не сказать, когда все, что ожидало нас впереди, было сплошной тайной...

Мы пообедали пельменями, которые я по дороге купил в магазине, выпили крепкий растворимый кофе, всласть покурили сигареты «Мальборо» и еще раз подробно все обсудили.

Я предупредил Витоху, что при ограблении он не должен говорить ни слова, а если захочет, может в любое время уйти. Что будем делать после того, как попадем в квартиру жертвы, мы решили не обсуждать. Там посмотрим...

– Ты убивать никого не собираешься? – строго спросил меня друг. – Я в тюрюгу за убийство не хочу. И денег никаких не надо...

– А почему у тебя вдруг именно сегодня такая мысль зародилась?

Почему раньше не спрашивал?

– Раньше ты был для меня Художником, умником... А сегодня хоть я и не экстрасенс, но на душе что-то скребет. Особенно, когда вспоминаю, как ты мне рассказывал, что двоих уже замочил. И бородку какую-то подобрал мерзкую... Где ты только ее нашел? Там столько всего красивого было. Какой-то ты сегодня не такой...

– Такой же точно, как и всегда. Просто я очень серьезно настроен. Вот и морда такая! В роль вхожу и тебе советую. Очень скоро не до смеха будет... Но все будет хорошо. Слово даю!

Мой ответ успокоил друга. Хотя вряд ли ему именно сейчас хотелось покоя. Какой там... Даже если бы я ему сейчас ответил, что собираюсь убить пол-Киева, он бы все равно согласился идти. Азартный и рискованный. Уж я-то знал точно эти черты его характера.

Аккуратно сложив в большую спортивную сумку все, что я уже ранее брал на грабеж, мы вооружились, надели старые спортивные костюмы и еще раз обговорили план действий.

– От нас должно было веять кровью и дерзостью, и каждое наше движение в присутствии жертв должно быть настолько уверенным, чтобы о притворстве у них ни единой мысли не закрадывалось. Дерзкие убийцы и грабители, которым и терять-то нечего, – это все, что они должны увидеть в нас своими глазами! Никаких лишних слов и движений! – я строго еще и еще раз предупреждал Витоху.

– Ну ты и нудный! Чего пристал? Думаешь, я такой дурак?! Иди на х-й!

– Ты лучший, старик! У меня просто привычка такая – вдалбливать в голову напарника то, что я считаю важным.

– А что еще за напарники у тебя были? Ты мне ничего об этом не рассказывал.

– Не бери в голову... Нет и не было у меня никаких напарников.

Веришь?

– Верю. Тогда зачем лишнее обсуждать?!

– Помни, что ты только присутствуешь, и ни одного слова, ни одного действия. Пожалуйста, – сменил я тон строгого учителя на тон участливого

друга. – Не делай ничего, о чем мы не договаривались. Иначе наделаем дел, что мало не покажется!

– Да ладно... Ну я же все давно понял, не идиот! Ты сам делай все по уму. Я не подведу.

Где-то в 16 часов мы вышли из квартиры друга и быстро-быстро, чтобы по возможности никто не разглядел наших лиц, вскочили в машину Виталия. Через десять минут подъехали к дому Фрака. Я вышел и не спеша пошел к зданию управления дорог, а мой напарник поставил машину рядом с подъездом его дома и остался в ней, чтобы к пяти часам быть у дверей жертвы...

Ровно в полпятого я уже был у «Волги» Михаила Абрамовича, и, как только поблизости никого не оказалось, пластмассовой линейкой открыл переднюю дверцу машины, а потом рукой и заднюю... Забрался внутрь, снова закрыл машину и спрятался прямым за сиденьем водителя.

В 17:03 Михаил Абрамович подошел к машине, открыл дверь со стороны водителя, забросил портфель рядом с собой на сиденье пассажира, завел машину и поехал.

Как только мы выехали со двора, я резко поднялся из-за спины водителя, приставил острую бритву к его шее и строго приказал слушаться меня по дороге к дому и когда мы войдем в квартиру.

– Езжай медленно, иначе будет повторение романа «Всадник без головы». Ты ж умный... Читал, наверно? Так вот, шевельнешься, и у нас будет водитель без головы. Бритву я точил лично. Ручаюсь, что до шейных позвонков дойдет одним только легким движением. И будет твоя башка болтаться на обрывках кожи. Потом остановлю машину, допилю шейный позвонок и покажу голову твоей любимой жене, а может, и внукам! Как они там, в Броварах?

Намек на Бровары озадачил Абрамовича, но он и виду не подал, что боится моей бритвы и информации.

– Не стоит меня запугивать, парень. Моя голова останется при мне, – совершенно спокойно, с интересом, но даже без намека на испуг проговорил Абрамович, поглядывая на меня в зеркало заднего вида. – Тебе ведь не голова моя нужна, а деньги. Так мы прямо тут в машине и рассчитаемся. Пару тысяч, думаю, при мне... А больше денег у меня нет.

– Ну и отлично! Значит, разойдемся мирно, но только дома, в квартире... Там о деньгах и поговорим. И никаких других вариантов! Даже не думай! Иначе, я эти две тысячи заберу и поеду к жене с твоей башкой добирать остальное. Мне много не надо. А когда голову покажу Софье Алексеевне, она быстро все расскажет, что мне знать надо... Там и доберу по мелочи, – пытался я запудрить мозги хитрецу, чтобы и близко не догадывался об истинных целях моего посещения квартиры.

– Зачем же жену впутывать? И что ты хочешь узнать? Я и так скажу.

– Дома все и узнаешь, если живым доедешь!

– Я не позволю пугать жену, пацан! Так что можешь резать. Но знай, тупица, что машина с мертвым водителем тут же врежется в первый же столб или дерево. Время еще раннее. Людей кругом много. Так что далеко тебе не убежать. Тебя тут же поймают и посадят в тюрьму. Вот и все твои перспективы, придурок! Да и кроме того, тут кругом твои отпечатки пальцев. Так что и доказать убийство будет проще простого...

Жертва медленно, чтобы не порезаться о лезвие, нахально повернула ко мне голову и презрительно окинула оценивающим взглядом... Не знаю, что именно успокаивающего увидел Фрак в моей внешности, но, видимо, моя словесная угроза и внешность на него совершенно не подействовали, потому что он вдруг резко повернул машину в противоположную от дома сторону – напрямик к Ленинскому райотделу милиции.

Вот тебе и план...

Времени подумать Абрамович не дал мне ни секунды, а его решимость сдать меня тепленького ментам заставили меня действовать грубо. Я резко убрал бритву, выхватил пистолет и выстрелил в потолок «Волги» прямехонько под правым ухом водителя. Пуля зацепила мочку уха и обожгла на седом виске волосы, а порох на лице, громкий звук и дыра в потолке машины заставили жертву резко остановиться прямо посреди дороги...

Тишина... Никто из редких прохожих после выстрела даже не обернулся, поскольку окна машины были закрыты, и звук из-за этого прозвучал приглушенно.

– Езжай, куда тебе сказали, – гневно потребовал я. – Иначе я оставлю твой труп в машине и пойду за Софьей Алексеевной. И запоем она у меня, как соловушка! Все, бл-дь, расскажет!

Боль от вьевшегося в кожу лица пороха, звон в ушах от выстрела и наглая демонстрация огнестрельного оружия посреди города заставили Фрака пересмотреть свое поведение. Он молча развернулся и с недовольным видом, но все же, показывая полное презрение ко мне, поехал к своему дому.

– Ты, конечно, сопляк, уверен, что я тебя боюсь! Только зря... За все ответишь! Да так, что проклянешь тот день, когда со мной связался! Я и не такое видел...

– Врешь ты, что видел! То, что я с тобой сделаю, если будешь много пиз-ть, будет для тебя роковой новостью! – и я рукояткой браунинга слегка ударил по седой голове водителя.

«Мальчик, дорогой! Богом клянусь!»

В ответ Фрак резко изменил тон разговора, решив меня обаять уважительным обращением так, как у него это обычно проходило с начальством. А вдруг проканают...

– Мальчик, дорогой, я всего лишь добрый, старый еврей, семьянин, и все, что зарабатываю, на детишек трачу. Возьми две тысячи, а завтра я тебе еще десять принесу, куда скажешь. Ну правда! Ну зачем тебе такому

хорошему пацанчику проблемы и грех на душу брать? Ведь Бог все видит и не простит, что ты добрых людей пугаешь. Давай я сейчас тихонечко остановлюсь, выйду, а ты забирай машину и деньги. Неужели этого мало? Машина ведь тоже денег стоит, дорогая. Продашь – и на всю жизнь хватит. А я, клянусь, чем хочешь, никуда не заявлю. Богом клянусь! Правда!

– Не звезды, папаша! – тоном прожженного блатного заговорил я. – Дома у тебя разберемся. Может перстенок да колечки золотые у тебя там завалялись. Мне ведь все в хозяйстве пригодится, – начал я снова дурить Абрамовича. – А будешь паинькой, я твою жену пугать твоей головой не стану, клянусь Богом, – передразнил я его. – И не создавай сам себе проблем! Речь ведь только о деньгах, а не о твоей или жены жизни. Чего уж ты так упрямисься... Делай, как я говорю, и все будет нормалек. Завтра, как обычно, пойдешь на работу, жена тебе завтрак вкусненький приготовит. Что ты там с утра жрешь? Неужели этого мало, чтобы вести себя не так, как мои кореша – хитрые урки. Тебе что, в войну хочется поиграть?!

Я все болтал и болтал в том же духе, чтобы успокоить миллионера и внушить ему необходимость подчиниться судьбе, раз уж она привела меня к нему. Мне позарез нужно было довести его до квартиры. Но план все никак не начинал срабатывать.

– Смотри, у меня же все ухо в крови. Ну как я к жене в таком виде появлюсь? Ну пожалей старика, – уже без уверенности в том, что можно меня уговорить, продолжал скулить жулик.

Господи, как они похожи, все эти хитрожопые торгаши! Ну прямо-таки, как будто одни и те же какие-то курсы заканчивали, как надо разговаривать с бандитами. То злыми и бесстрашными прикидываются, то добренькими, сердобольными дядями.

– Слушайте еще раз внимательно, Михаил Абрамович! У меня хоть ни мамы, ни папы, ни жены нет, но я не какой-то тупой мокрушник. На хера мне два трупа?! Деньги, что у тебя в квартире, – это все, что мне нужно! Ну что ж непонятного? Считайте, что вам повезло, а мой визит, как говорят такие важные дяди, как вы, носит дружественный характер. Ну вот представь на минутку, что я не такой добренький и умный, какого видишь, – перешел я на «ты». – Давно бы уже без головы, кошелька и машины сейчас был... Но я не идиот, понимаю, что, если тебя живым оставить, ты в милицию не побежишь. Машину ведь не спрятать и не продать. Она ж на учете. Ну кто ж ее ворованную купит?! Значит, соображай быстрее, не машина и кошелек мне твои нужны. Ты же меня видел и слышишь, как я с тобой разговариваю. Явно же не маньяк. Ну откуда ж такой мандраж у опытного еврея? Мой визит не причинит вам больших неудобств.

Я специально переходил то на «вы», то на «ты», чтобы как-то разрядить ситуацию и показать, что способен на уважение.

– Мне нужно все, что у вас есть в квартире: деньги, цацки из золота, может, и камушки... А может, еще что-то. Я ведь в гостях у тебя не был. И я не отстану! Выбрось глупости из головы!

Но все, обстановка снова начинала становиться патовой.

– Не поеду! Выхожу...

И Фрак снова затормозил машину и потянулся к ручке двери.

Что оставалось делать? Только применять грубую силу. Хотя я почти уже потерял уверенность, что дотащу хитрую морду до квартиры.

В ответ я грубо ухватил его за густые седые волосы, молча оттянул его голову назад, да так, что шея его затрещала. Заглянул ему в глаза через сиденье и спокойно, но решительно и строго произнес:

– Выйдешь из машины, я тебя пристрелю как собаку, труп спрячу в багажник и пойду за женой и внуками. Буду убивать всех поодиночке до тех пор, пока не найду в квартире все твои деньги и драгоценности. Мне ведь убивать людей не впервой! А Софью Алексеевну я сначала еще и помучаю. Открою ключами, что у тебя в кармане, дверь квартиры, зайду и начну резать ее по кусочкам до тех пор, пока она не сознается, где деньги и колечки лежат. Ну а не знает, что ж, не судьба, значит, ей живой остаться. А с деньгами, что найду, никто меня не поймают! Я и документы свои справлю как надо и заживу где-нибудь на югах...

Грозные слова о дальнейшей судьбе жены наконец-то подействовали. Михаил Абрамович умел думать быстро, работа у него была такая. Поэтому меньше чем через минуту одумался и покорно поехал дальше.

Если бы только Фрак знал весь мой план, он, скорее всего, все же рискнул бы выскочить из машины, но, видя перед собой врага – пацана, похожего на залетного урку, подумал, что сможет отделаться пару десятками тысяч рублей. Только это и спасло мой план дальнейших действий.

«Семейная драма...»

Возле его подъезда я потребовал остановить машину. Закрыв двери на ключ, мы вышли и стали подниматься на третий этаж. Там к нам присоединился Витоха.

Увидев Витоху на лестничной площадке, Фрак растерялся настолько, что без всякого сопротивления выполнил мой приказ и нажал на звонок. Дверь открыла жена... И Витоха со всей силы грубо втолкнул ей навстречу мужа. Да так, что Софья Алексеевна чуть не упала на пол.

– Молчать! Вооруженное ограбление! – грозно зарычал я, закрыв за собой массивную входную дверь, и потребовал, чтобы пара зашла в зал и села за стол.

– Нам нужны деньги. И больше ничего! Но, прежде чем вы решите, как поступить, я все же кое-что вам покажу...

И я бросил на обеденный стол заранее заготовленную пачку черно-белых фото, на которых были трогательно запечатлены игры внучат с дедушкой. Вот он играет с ними в песочнице во дворе своего дома, катает на качелях, держит на коленях, целует в шейку, щечки, ручки...

Пока ошарашенные супруги разглядывали снимки, я, как можно более проникновенно комментировал, обращаясь к Софье Алексеевне наше появление в ее квартире. А почему к ней? Да потому что видел, что она от ужаса вот-вот потеряет сознание! И, чтобы привести ее в чувства, я постарался всячески снизить накал от знакомства и доступно объяснить несчастной женщине, что все закончится очень мирно... Надо только сосредоточиться на моем предложении, не спорить, не ругаться, а только спокойно сделать то, что мы просим.

– Зачем со всей этой прелестью расставаться? Жизнь прекрасна! И она не закончится, если вы добровольно передадите мне всего лишь маленькую часть того, что нахапали в управлении, – перевел я свой взгляд на Абрамовича. – Речь всего-то о каком-то вшивом миллиончике рублей.

И только тут до Михаила Абрамовича дошло, в чьи руки он попал! И он горько пожалел, что не выпрыгнул вовремя из машины...

Но... время ушло! И он, и она были крепко привязаны нами к деревянным креслам веревками...

– И что, вы меня убьете?

– Ну что вы, уважаемый! Не сразу, конечно... Сначала попытаемся договориться. А если добровольно не отдадите деньги, вы должны будете взамен получить развлечение в виде трупа любимой жены, которая очень скоро на ваших глазах начнет истекать кровью. Я лично перережу ей вены... Потом съезжу за вашей любимой внучкой Леночкой и начну на ваших глазах отрезать ей косички. Ну а потом как Бог даст... Но скорее всего, прямо при ней перейду к работе лично с вами.

Жаль, конечно, чувств ребенка! Ведь она не должна видеть насилие! Но, если вы мне не оставите выбора, что ж делать?! Но ребенка не убью, сразу обещаю. Так что подыхать вы сможете без плохих мыслей... Благородно ведь? Правда?

Моим кровавым фантазиям не было предела. Я вошел в раж! Виталий даже рот приоткрыл. Это было смешно, но совершенно некстати!

– Откуда ж ты такой интеллигентный урод взялся?! А похож на бродягу. А друг твой тоже интеллеktуал уголовный?

Витоха молчал...

В ответ расхитителю я включил заранее заготовленный план: решительно взял острую бритву, подошел к нему и слегка подрезал ему на левом запястье вену. Но не основную, а так называемую проходную, один из капилляров, которых много на кисти возле ладони. Кровь потекла сразу. Без напора, конечно, но приличным ручейком...

Эта операция была совершенно не опасна для человека, поскольку в маленьких венках ее мало и ранка обычно быстро затягивается сама по себе.

Кстати, кто не знает, вену, чтобы наверняка убить человека, надо резать не поперек, а вдоль. Тогда эффект скорой смерти не заставит себя ждать. Кровь начинает бить фонтаном, а жертва – получать бешеный кайф!

Время в квартире железнодорожного начальника сразу остановилось. А частые и жалобные всхлипывания перепуганной насмерть жены дополняли трагические мгновения ужасом!

Сама того не понимая, Софья Алексеевна подталкивала суженого к правильному для нас решению. А ее потерянный взгляд в сторону мужа буквально умолял его покорно подчиниться судьбе, то бишь безоговорочно выполнить наши требования.

– Дорогой, умоляю! Отдай ты им эти треклятые деньги! – уже на полу, упав со стула, пытаюсь стать перед любимым на колени, плача навзрыд, требовала жена от мужа. А я ей активно подыгрывал...

– У человека в теле, – начал я со знанием дела читать лекцию, – всего пять-шесть литров крови. Прямо сейчас Михаил Абрамович вы начнете испытывать приятные чувства, как от легкого наркотика: сначала закружится голова, потом начнут путаться мысли, и только потом вы потеряете сознание. Но вас еще можно будет спасти... Какой вы, кстати, веры? Надо же успеть помолиться, – продолжал я издевательским тоном. – Не безбожники ж мы. Начинайте... Да вот еще что... Какая у вас группа крови?

Но понимая, что, дразня Фрака, я вызываю у него в ответ жуткую злобу, которая не способствует мирному решению проблемы, я сменил тон на уважительный и снова перешел к конструктиву.

– Уважаемый Михаил Абрамович! Не сомневайтесь, я примерно знаю, где деньги, и все равно их найду. Но вас точно тогда придется убить! А если Софья Алексеевна не подскажет, то уж брат ваш точно знает и не станет рисковать жизнью, чтобы с чужими деньгами расстаться. И тогда придется забрать все до копейки... Вы бы и сами так поступили на моем-то месте. Ведь так? Ну подумайте хорошо, прошу... Отдайте, пожалуйста, добровольно всего только один миллион рубликов, и мы с корешем ушли. Ну не дурите. Вы же умнейший человек!

– Был бы умнейший, ты бы уже давно в гробу гнил! – зло ответил пострадавший.

Высказав злобу, Абрамович по-доброму пронзительно посмотрел жене в глаза, как будто хотел передать ей взглядом, что он найдет выход из этой ужасной ситуации, и успокоить. Потом перевел взгляд на лужицу крови, которая образовалась на полу, и, как бы прислушиваясь к своим ощущениям, произнес:

– Как мне знать, мразь, что оставишь потом меня и Софью в живых?

– Никак, кроме разве только того, что, если поразмыслишь, поймешь, если бы я хотел тебя убить, давно бы это сделал, а потом принялся бы за жену и родственников. Ведь ты шибко умный человек и кому-то обязательно бы рассказал, где деньги лежат на случай, если загнешься.

Никогда не поверю, что ты их в могилу хочешь с собой забрать, а потом чтобы родственники ее раскапывали да клад искали. И я точно найду того человека, кто знает, где деньги припрятаны. И, если уж придется убивать, всех перебью! А хотел бы все твои деньги забрать, убил бы тебя еще в машине. На

хрен ты нужен? Разговоры тут с тобой разговаривать! Миллион всего только и прошу... Не все...

– Миша, да откуда уж у тебя может быть столько денег? Ну скажи ты этому молодому человеку... Ну что ж ты молчишь?!

– Не вмешивайся, родная. Закончим с ними – все расскажу... Есть у меня деньги. Не мои, друзья доверили, но есть...

– Мишенька, ну дай ты им тогда ради всего святого, что они просят, а друзьям потом объяснишь, – умоляла жена.

– Не волнуйся, дорогая! Тебя не убьют. Это мои дела... Я очень тебя люблю и не допущу, чтобы даже один волос с твоей головы упал! Ты же знаешь... И умоляю тебя, не плач! Это рвет мне душу, и я от эмоций могу что-то сделать неправильно...

– Я тоже тебя люблю, дорогой! Но не рискуй! Я не могу больше смотреть на твою кровь. Прекрати это безумие! Не умирай! Я без тебя никому на свете не нужна! Пожалей меня, любимый! Ну пожалуйста!

И она снова неловко попыталась сползти со стула, чтобы приблизиться к супругу. Но ей явно не везло с коленопреклонением... Она вновь грузно упала на пол, рыдая вовсю!

Мое сердце не к месту, однако тоже невольно подключилось к разыгравшейся семейной драме. Но я не подал виду, отвернулся... Посмотрел на себя со стороны, потом на Виталия, который, в свою очередь, удивленно смотрел на меня... И вновь, прикинувшись кровавым преступником, стал зло резать в клочья белоснежную скатерть на обеденном столе.

– Перевяжи срочно руку, негодяй, и давай обсудим ситуацию, – заговорил вдруг Фрак.

– Я тебе не медсестра! Да, негодяй! Спасибо за комплемент! А обсуждать всегда готов... Только не надо разыгрывать здесь трагедию. Никто из нас плакать с вами тут не станет. Мы сделали благородное предложение. А если бы ты любил свою жену и внуков, то не валял бы тут дурака, а давно бы все мирно решил, – подливал я масла в огонь, чтобы стимулировать мужа, как можно быстрее успокоить истерику жены и расстаться с миллионом...

А сам подумал: «Какие все-таки семейные люди – евреи! Как же они отличаются от других народов, хотя тысячелетиями живут бок о бок с ними... Но даже фамилии большинство не поменяли: дорожат своими традициями и менталитетом, своей нацией, а главное – непоколебимой верой в то, что они – единственно избранный Богом народ! Вот бы мне на старости такие трогательные отношения сохранить: любовь, уважение супруги, готовность пожертвовать даже собственной жизнью, лишь бы спасти любимых... Ну и вера тоже, наверное, не помешала бы...»

– Какая гарантия, что, если я повезу вас к деньгам, вы там всех не поубиваете и не заберете все, что еще в доме ценного?!

– Ну что уж вы такое плетете, уважаемый... Зачем же нам всех убивать и все забирать!? Ну какой в этом хоть малейший смысл? Наш план все сделать тихо и мирно, иначе вы бы с супругой уже были у Бога на небесах, а мы бы

шарили по квартире да на даче. Я ведь уже сотый раз вам все русским языком объясняю...

Но все понимала умная голова Фрака: никого убивать мы не собираемся... Просто время тянул... Верил, видно, что его Бог обязательно подскажет, как нас объегорить и деньги не потерять. А время сейчас работало именно на него и против нас, потому что ситуация с появлением новых мыслей у жертвы могла кардинально поменяться. Ведь гению человека, когда он находится в экстремальной ситуации, как я уже говорил ранее, нет предела. А голова Фрака была без преувеличения как Дом Советов.

Но что было особенно познавательно для меня в этой конкретной ситуации и даже заставило мысленно улыбнуться, так это вывод о том, что, оказывается, всех крупных расхитителей социалистической собственности более всего волновал один и тот же вопрос: что будет с остальным наворованным?

Подумалось: «Ну как же? Это и есть вся их гнилая суть, весь смысл их жизни». Хотя, наверное, в случае с Михаилом Абрамовичем это заключение не совсем верно: он любил больше всего на свете свою жену, внуков и то положение в обществе, которое давала ему его работа. Деньги, надо признать по справедливости, были в этой иерархии все же на втором или даже третьем месте. Этот человек, в отличие от других таких же, был явно с большим достоинством, умный, решительный, а не прожигатель жизни!

– Предложите, любезный, любой безопасный для всех нас план, – перешел я снова к жертве на «вы», чтобы в основном успокоить безутешную жену и дать мужу сосредоточиться на конструктиве. – Вы же умнейший человек! И я соглашусь...

Михаил Абрамович снова задумался...

– Нельзя долго думать, вы истечете кровью... Мы не за этим сюда пришли, – запел я вновь свою грустную песню о вечном. – Мне что на колени перед вами стать и попросить никого не убивать?! – как можно более грозно отреагировал я. И предложил вариант, который перед нападением тщательно продумывал накануне.

Холостой заряд

– Раз вы молчите и надеетесь, как видно, на чудо, которого, уверяю вас, не произойдет, вот мой последний план, а дальше я сделаю то, о чем вас уже битый час убеждаю, – начну убивать! Так вот, прямо сейчас я вас развяжу, дам вам свой пистолет с одной единственной пулей. И, если что-то пойдет не так, вы меня убьете, а с моим другом точно потом договоритесь... Он без претензий и на самом деле мирный (Витоха поморщился). Да и никаких сюрпризов я вам не приготовил. Мне нужен именно миллион, а остальные богатства оставите себе. И больше мы к вам ни ногой... Мне лично жизнь дороже миллиона.

– Ну вот зачем тебе миллион? Ты хоть знаешь, что это за деньги?! Ну куда ты их потратишь?! Разве что пропьешь или на наркотики пустишь! – снова заныл Фрак.

– А Вы, конечно, знаете, куда потратить, поэтому и собираете их в кучу да трясетесь, чтобы, не дай-то Бог, не отобрали! – съязвил я. – И не думайте, что я не понимаю, что вы время тянете... Все!

Я решительно достал пистолет и направил его на жену.

– Переговоры закончены!

– Обожди, обожди! Раз умный такой, сам подумай... Ну отдам я тебе деньги... Предположим, они у меня есть, так весь Киев об этом уже завтра узнает, и ко мне придут намного более серьезные люди, чем ты, – гнул свою линию Фрак. – И что тогда?

– Я не стукач и в тюрьму снова не хочу. У меня больше интереса молчать, чем у вас или ваших родственничков. А доказывать и клясться я тут не собираюсь! Было бы перед кем! Разговор закончен! – и я приблизил ствол браунинга к виску жены.

– Стоп! Давай пистолет. А у тебя еще оружие есть?

– Есть, конечно! – я показал еще один такой же, который крепился у меня на ноге. – Но пока я его достану, вы уже выстрелите, так что риска тут никакого... Ну!.. Ну!.. Включайтесь! Риска ведь нет, – еще и еще повторял я.

Затем убрал оружие от виска Софьи Алексеевны, вытащил из браунинга обойму и показал в затворе последний патрон.

Этот патрон был холостым. Но гений хищений не мог этого знать и даже догадываться об этом. Ситуация была такова, что не до анализа. И к тому же он явно меня недооценивал. Да и откуда ему было проникнуть в мой план и характер за столь короткий промежуток времени? Это я его неделями изучал, а у него времени познакомиться со мной не было... Но и выхода не оставалось. Ситуация-то с каждой минутой становилась все более неразрешимой!

– Хорошо! Давай пистолет...

Я развязал Абрамовича и, видя изумленный вид Витохи, передал оружие.

– Мы поедем за город к моему брату Юрию, там все и завершим.

– Согласен, только учтите, мой товарищ останется с вашей женой и, если через обозначенное ему время я не позвоню, он ее застрелит. И не вздумайте стрелять в меня прямо сейчас. У вас всего один патрон, а у моего друга – полная обойма.

– Нет, Софья поедет с нами. Я должен быть уверен в ее безопасности!

– Нет, останется здесь!

– Ладно, – скрепя сердце, согласился Михаил Абрамович.

А я понял, что у него созрел какой-то коварный план...

– Едем!

– Сколько времени после приезда в дом брата вам понадобится, чтобы передать мне деньги, и какие у меня гарантии, что, пока мы

возвращаться или пока вы будете отсчитывать деньги, ваш брат не позвонит в ментовку?

– Мне нужно примерно тридцать-сорок минут. А мой брат будет делать только то, что я ему скажу. К тому же телефонов в частных домах в том районе нет.

– А как мне это проверить?

Я взял записную книжку Фрака и действительно не нашел там домашнего телефона брата Юрия, хотя его и жены рабочие были. Риск, конечно же, все равно оставался... Но по-другому выйти из ситуации было уже никак невозможно. И я верил в здравый смысл Михаила Абрамовича и в его неподдельную любовь к жене! Это было настолько очевидно, что ошибки быть не могло. Он не станет рисковать Софьей и пойдет на все, лишь бы она осталась жива и невредима! А вот что он задумал, раз согласился ехать, мне было не узнать, сколько бы я ни размышлял. Моего ума все равно бы не хватило... И это сильно напрягало!

– Да, вот еще что... Телефонная будка рядом с домом есть?

– Есть...

– А если не работает?

– Тогда рядом есть маленькая почта. Меня там знают, и позвонить тебе дадут.

– Ну что ж, едем, Михаил Абрамович. Но учтите... И это очень и очень серьезно! Взвесьте, пожалуйста, все обстоятельства, прежде чем надумаете что-то в дороге выкинуть. Поездка эта и ее последствия для вас лично и вашей семьи таковы: или вернемся, как и выехали, вдвоем, без потерь, тогда ваша жизнь и Софьи Алексеевны продолжается счастливо, а если только кто-то один из нас в квартире появится, ну что ж, тогда заранее знайте, что мой товарищ или мы вместе сначала убьем Софью, а потом устроим охоту и за вами! Убить ведь не проблема... Тогда уже деньгами не откупитесь.

Мои слова перед отъездом, хотя и высказанные витиевато, вызвали снова бурный поток слез несчастной жены, вдруг почувствовавшей себя вдовой, и много душевных утешительных слов мужа в ответ. Она явно была его слабым местом. И я гордился тем, что попал прямехонько в цель, играя на семейных чувствах очень опасного противника!

Мы вышли во двор, сели в простреленную «Волгу» и поехали в Бровары по адресу, который был давно мне известен. Кстати, во время слежки за Фраком, вопрос о телефоне в доме у меня возникал, и я уточнил у соседей брата Абрамовича, что район этот действительно не телефонизирован.

Дорога длиною в смерть!

В дороге начальник хмурил брови и все время напряженно о чем-то думал. Это вызывало у меня очень сильное беспокойство. Мой противник был хитер, умен и намного опасней меня самого. Но прагматик... А я – фантазер.

В ситуации же, которая сложилась, мой склад ума был явно выигрышным. Потому что исключительно фантазии, хотя и чисто теоретически, но все же могли привести к победе одну из противоборствующих сторон.

Прагматический вариант выбора стратегии уже не работал, поскольку все, что должно было произойти во время поездки и после, невозможно было представить в точности. Сплошной сумбур: напряженная атмосфера в дороге, поведение брата Фрака, когда придет время открыть сокровищницу, поведение мое и моего подельника в умной голове жертвы никак не укладывались. Я изучал и знал, а он меня нет. И что-то прогнозировать ему было совершенно невозможно.

На самом выезде из Киева нас остановил гаишник для проверки документов. Я насторожился...

– Проверка документов, капитан Пет-ко, – скороговоркой и как можно более неразборчиво бормотала толстая красная морда милиционера.

– На, смотри! – и Фрак недовольно сунул тому под нос тому какую-то свою крутую ксиву!

Начальственный тон водителя и солидный документ моментально заставили брюхатого капитана смешно раскланяться, услужливо пожелать нам счастливого пути и отпустить нас с миром, хотя дырка от пули в крыше новенькой «Волги» вызвала на его роже явное недоумение. Он даже провел по ней рукой и опрометчиво сунул в нее свой жирный палец. Палец застрял, и гаишник смешно извинялся, что, мол, сделал глупость... Но при этом его бараньи мозги медленно зашевелились от вопроса, что же это может быть такое... Но фантазии фантазиями, а работа работой. Тем более что начальством ГАИ они не одобрялись. Поощрялась только добытая наличка. И терять время неизвестно на что менту не хотелось. Поэтому, уходя, он напоследок откозырял и что-то недовольно пробормотал сам себе в густые, как у Буденного, усы. А чуть позже унес свой огромный живот в кусты у дороги, в засаду, где он занимался главным делом своей жизни – ловил на прибор скорости лихачей-водителей и собирал с них дань полевою – взятки.

Работа эта была для доблестного правоохранителя, как игра в прятки у детей. Он был в азарте, как рыбак, ожидающий крупного поклева! А потому быстро переключился от дурных мыслей и сосредоточил все свое внимание на улове. Кстати, за трубу определения скорости уже к утру ему надо было платить приличную взятку кладовщику в батальоне ГАИ, и ее еще предстояло отбить деньгами водителей... Так что не так уж и проста была жизнь толстых капитанов.

Мы отъехали, а уже через минуту-другую гаишник останавливал другого нарушителя – перепуганного частника и, чрезвычайно озабоченный его безопасностью, тщательно проверял, есть ли у того аптечка, запасная шина и другая дребедень, предписанная Правилами дорожного движения.

Но Бог с ним, с представителем Закона. Наши проблемы были куда важнее!

И вот наконец мы у дома брата Юрия.

Фрак с достоинством вышел из авто. Неспешно зашел внутрь и пропал в недрах дачи на обещанные полчаса. Я же на всякий случай пересел за руль его машины, готовый немедленно уехать, если что-то пойдет не по плану...

Пока Михаил Абрамович находился у брата, для меня прошла целая вечность! Я откровенно вдруг стал бояться смерти. Ранее мне такое чувство было неведомо. И в голову не приходило, что меня может вдруг не стать на этом свете. Но тут все не так уж просто. Что в голове начальника? Какой хитроумный план у него наготове? На всякий случай, хорошенько подумав, я вышел из машины и спрятался за ближайшим к ней толстым деревом. Тишина... Только слышно быстрое течение Десны, на берегу которой находился дом. Быстро смеркалось... Появились зловещие тени от деревьев. Жуть!

Но вот братья выходят из дверей дома и спокойно идут к машине... Помоему, даже слишком... В руках у брата Фрака громадный дробовик, который он, уверенно идя к машине, несет впереди себя, как воин в атаке на врага. А у бывшей жертвы – клеенчатая сумка, набитая чем-то нетяжелым.

«Неужели деньги? – пронеслось в голове. – Но зачем дробовик?»

– Ты где, сопляк? – громко кричит Абрамович, не увидев меня в машине. – Вылазь! Отдай пистолет, и никто тебя не тронет. А нет – вместе с деньгами тебя сейчас с Юрой закопаем!

– А яму приготовили? – выкрикнул я из-за толстого дерева.

– Да ладно, – сменил гнев на милость, снова заговорил начальник. – Никто тебя убивать не собирается. Деньги у меня.

Я молчу, прячусь...

В полной тишине начинает громко петь сверчок. Проходит несколько минут и вдруг! Юрий стреляет сразу из двух стволов по дереву, за которым моя собственная плоть. Летят щепки... Брат Фрака поднимает ружье, и они оба смеются.

– Ну как, не наделал в штаны, мальчик? – сквозь смех кричит мне Фрак. А чуть позже брат опускает свою пушку дулом в землю и уходит...

«Что это было?» – стрелой пронеслось в моей голове. И ответ последовал сразу, как только Абрамович уверенно сел за руль и завел машину. Он таким вот образом предупредил меня, что будет дальше, если я не откажусь от плана!

– Ну, где ты там?

Я вышел из-за дуба и сел на переднее сиденье.

– Что за шутки, Михаил Абрамович?

– А что такого... Брат проводил и ушел.

– А стрельба зачем?

– А так, чтоб не скучно было. Сейчас бы пришили тебя, и на одного негодяя в мире меньше бы стало...

– Из нас двоих негодяй тот, что за рулем. Пришили... Ну и лексикон у

«министра»! У вас там все в управлении по фене разговаривать умеют?!

– Интеллектуал какой! Не все... Но многие. В особенности проводники. Те без оружия никогда не ездят. И у меня их тысячи. Скажу – любому в Киеве голову оторвут!

Это была первая реальная угроза начальника. Эдик много мне рассказывал о проводниках-мужчинах в поездах... Это были настоящие беспредельщики, которые многих, кто ехал с севера с деньгами, убивали...

Вот тут я и узнал по-настоящему, с кем имею дело! Вот так улыбчивый еврей! Я знал, что Фрак не прост, но чтобы убийца...

Я сделал вид, что испугался, но как бы стараюсь скрыть свои чувства, и задумался, как быть дальше. А Фраку ответил, что подумаю, всю ли сумму взять. Может, и оставлю что, если по мирному договоримся. И удивился сам себе – своей хитрости, которую изобрел без всяких усилий. А значит, моя голова продолжала работать как часы. Все под контролем. Ведь мне и надо-то было всего только, чтобы водитель поверил в мой испуг и отвез без приключений к себе в квартиру.

– Молодец! – похвалил меня Абрамович. Быстро соображаешь!
Подумай, подумай еще! Время пока что есть...

Мы быстро трогаемся, и Михаил Абрамович бросает мне на колени вожаденные сокровища – ту самую сумку, сплошь набитую деньгами.

Я не стал открывать «клеенку». Успею еще... А демонстративно, как будто навсегда расстаюсь с сокровищами, бросил ее на заднее сиденье.

Проверить, все ли в ней правильно, было бессмысленно! Фрак был умным человеком, и я все лучше понимал его мотивации и поступки. Ясное дело, нам обоим было уже не до шуток! Он полагал, что продемонстрировал боевую готовность и дал мне пищу для размышления о встрече с вооруженными до зубов проводниками. Решил, что напугал и я откажусь от плана. Но денежки сложил все до последней копеечки, поскольку полагал, что, если ошибся в расчетах, его любимая жена – труп! А потому хотел быстрее доехать, чтобы увидеть ее живой и невредимой. А мне – не дать в дороге время глубоко проанализировать все случившееся и быстрее привезти еще тепленького от испуга с воспоминаниями о громовом выстреле с двух стволов и проводниках-головорезах, вооруженных куда большими стволами, чем его брат Юрий.

Абрамович гнал как сумасшедший! А я продолжал хитро бояться...

По дороге мы на пару секунд остановились возле телефонной будки. Я сказал Витохе всего одно слово: «Порядок!» И вот мы уже заезжаем во двор дома Фрака и поднимаемся в его квартиру.

Зайдя к себе домой, хозяин первым делом бросился к жене, развязал ее и крепко-крепко обнял, прижал к груди и сказал несколько очень ласковых слов. Софья Алексеевна улыбнулась мужу-герою. Мы тоже расслабились.

Все было очень трогательно и спокойно. Похоже, конец всей тревожной истории... Витоха потянулся к сумке, которую я занес и положил на середину стола, за которым сидела хозяйка квартиры. Как вдруг Фрак выхватывает из внутреннего кармана пиджака пистолет ТТ, поворачивает его дулом к нам и

мгновенно стреляет в Витоху! Пуля была настоящей. По-видимому, у него на даче был припрятан свой ГТ и он перезарядил наш своей обоймой.

Такого поворота никто, конечно, не ждал. В голове промелькнуло: «Вот, оказывается, о чем всю дорогу туда и обратно так напряженно думал начальник».

Пуля попала в живот другу! Но второй выстрел – уже в меня – хитрый миллионер сделать не успел. Ответный выстрел Витохи, который продолжал на всякий случай держать правой рукой пистолет, когда левой тянул к себе сумку, пулей в голову убил Фрака наповал! Он упал окровавленным лицом вверх с полными недоумения открытыми глазами. Жуткое зрелище!

Жена вскрикнула и тут же потеряла сознание, громко опрокинувшись со стула на пол лицом вниз... Из носа у нее брызнула кровь. Раздался ее протяжный стон, и все стихло. Установилась гробовая тишина, которую только через пару минут нарушил громкий стон раненого товарища.

Опасное ранение

«Вот так финал! И как можно было такое предположить?! Что же теперь делать?!» – молниеносно мелькнуло в голове.

Но у Виталия уже было решение. Хромая на левую ногу и истекая кровью, он подошел к жене и выстрелил ей затылок! Голова несчастной вздрогнула и больше не шевельнулась.

Смерть Софьи Тимофеевны наступила мгновенно и безболезненно, поскольку она уже лежала в глубоком обмороке.

«Господи, – пронеслось в голове, – она-то за что умерла?! Как жестоко!» Но времени все осознать не было ни секунды! Мы быстро, не говоря друг другу ни слова, выбежали через запасной выход в квартире на улицу, залезли в машину убитого и поспешно уехали! За руль из-за ранения напарника сел я сам.

– Очень больно?!

– Да нет, – мужественно пытался успокоить меня друг, просто голова кружится... Даже приятно, кайф, – выдавил из себя болезненную улыбку Витоха. – Едем... – и он назвал мне адрес. – Там живет мой друг, врач. Со мной полный порядок.

Но я видел ранее и понимал, что никакого порядка нет и в помине. Кровь обильно проливалась сквозь пальцы правой руки друга, которой он пытался заткнуть рану. Он начал терять сознание...

– Ни на секунду не закрывай глаза, дыши, разговаривай со мной! Рассказывай все время о своих ощущениях, о телках, о чем угодно, но только не молчи, – нажимая на газ, не переставал повторять я. – Иначе хана!

Мы мчались по названному мне адресу, и, если бы кто-то встал у нас на пути, было бы еще много трупов!

Я начал болтать ни о чем, просто чтобы разговорить раненого.

– Твой врач тебя ментам не сдаст? Ты в нем уверен?

– Не пиз-и впустую, жми на газ! – раздраженно шипел, потому что терял силы, раненый. Каждое слово давалось ему все тяжелее. – Какой там сдаст... Меня? Да ему потом в Киеве не жить...

– Зачем ты ее убил?!

– Она бы точно пошла к ментам, – в том же тоне отвечал Виталий.

– Тогда надо было хотя бы что-то украсть ценного из квартиры.

– А я... – и Витоха попытался залезть в карманы куртки, чтобы что-то показать из взятого, но руки у него дрожали и не слушались.

– Ты что, бл-дь, делаешь?! Не шевелись! – строгим отцовским голосом, но как можно более душевно только и произнес я. – Молодец, что взял! Но не дергайся... Еще успеем рассмотреть твои цацки.

От сильной потери крови мой товарищ почти не понимал, что говорил... Его бросало в крайности: он то пытался материться, то вскрикивал от боли, то вдруг, когда боль чуть отпускала, пытался ворковать, как голубь, о любви ко мне... Шепот его слабел и слабел, глаза затуманились и закрылись... А чуть позже его голова откинулась назад на подголовник, он побелел лицом, а тело стало сползать не вниз, а в сторону руля и прямо на меня...

Из меня и так водитель никакой, а тут еще тело моего друга, бессознательно давящее на мою правую руку и даже руль... Господи, какой ужас! К такому развитию событий, я думаю, ни один человек никогда не был готов... И как я доехал до места, указанного Виталием, вспоминаю с трудом. Я весь был в собственном поту и крови друга...

Буквально через 10–12 минут после того, как сели в машину, мы уже были у подъезда доктора.

Нам везло. Возле дома никого не было. Я очень осторожно привалил тело раненого товарища обратно к сиденью так, чтобы оно случайно не свалилось никуда в сторону и тем самым не нанести парню новых увечий. И, оставив его в таком положении, быстро побежал к дверям названной мне квартиры.

«Полевая» операционная

Дверь долго никто не открывал. Хотя, возможно, мне только так казалось из-за нервного напряжения! Но вот она скрипнула, открылась настежь и передо мной вдруг вырос тучный заспанный дядька в цветастом домашнем халате и роговых очках. Уставился на меня толстенными линзами, из-за которых его глаза выглядели размером чуть ли не в сливу. И сразу никак не мог взять в толк, что за идиот посмел беспокоить его величество ночью!

– Ты что с дуба рухнул? Не знаешь, который час? Что надо?! – злобно ворчал спросонья хозяин.

Но на все его вопросы у меня был заранее заготовлен только один ответ. Я решительно достал блестящий в тусклом свете подъезда браунинг и больно ткнул им поперек губы под нос профессора.

– Чем пахнет?

- Порохом, – сразу уважительно забурчал дядька.
– Сейчас вот также и от твоей башки пахнуть будет!
– Ясно, – испуганно бормотал он.
– В квартире еще кто-нибудь есть?!

– Нет. Я один, и денег у меня нет, – ничего не понимая, зашептал ошарашенный доктор.

– За мной! И не захлопывай дверь! – наставив пистолет, ничего не объясняя, но крепко прижав дуло к боку врача, скомандовал я.

Под моим напором, мы оба быстро спустились к машине.

– Кто ж его так? – узнав Виталия, вскинул руки профессор! Господи Боже мой!

– Помогай, помогай быстрее, а то беда! – грубо потребовал я.

И мы с большим трудом, пыхтя, молча вытащили моего друга из машины и втащили в квартиру, находившуюся на втором этаже старинного кирпичного дома в центре Киева.

Чудеса, но в одной из комнат этой просторной трехкомнатной квартиры стояла врачебная кровать, и все вокруг было оборудовано под современную операционную!

«Ни хрена себе! – пронеслась мысль. – Молодец Витоха!»

– Делай, что нужно, – бросил я доктору, – а я скоро вернусь!

– Ты куда? Мне же помощь нужна!

– Это ему надо! – чтобы долго не объясняться, убегая, успел ответить я.

– Ладно. Захвати только в аптеке много ваты и бинтов, – негромко крикнул мне в ответ врач. – Остальное у меня есть.

И я помчался заметать следы преступления. По дороге вдруг высветилась палка гаишника, но я на большой скорости проскочил мимо, а у него, на счастье, не сразу завелась машина и он не погнался... за своей смертью!

Я так испугался этой внезапно показавшейся светящейся палки-жезла, что весь покрылся липким вонючим потом. Почувствовал запах труса – тошнотворный и омерзительный донельзя! Я впервые за этот день по-настоящему сильно струсил! Видимо, сказалось все напряжение, которое держало меня буквально за горло весь этот кошмарный день и вечер.

Еще в Армии я заметил, что, когда человек потеет от испуга, организм выделяет особую жидкость. Я не врач и не знаю ей точное научное определение. Но это вовсе не благородный пот спортсмена, а нечто такое, чего стыдишься, но не можешь остановить, – предательское, отвратительное!

Заехав во двор Фрака и убедившись, что никто за мной не наблюдает, я тихо поднялся в его квартиру. Дверь не была закрыта, а только плотно прикрыта. На мое счастье, множество замков тяжелой дубовой двери не имели механических защелок. Семья опасного расхитителя социалистической собственности не доверяла свою безопасность обычным замкам. Все запоры были капитальные, закрывающиеся только на ключ.

Осторожно прикрыв за собой дверь, я сразу забежал в ванную, схватил большое махровое полотенце, слегка намочил его водой и тщательно протер все места, на которых могли остаться наши отпечатки пальцев. Практически я вытер поверхности половины квартиры: все-все, куда Виталий мог опереться, пока я был в поездке с Фраком. А также заскочил в комнату убитой и поработал с дамским столиком, за которым наводила красоту несчастная женщина, шкатулками, в которых она хранила ценности. Потом подтер кровь Виталия и подобрал пистолет ТТ Абрамовича, который валялся в полуметре от его руки. А также нашел в углу комнаты и забрал с собой гильзу от его выстрела.

Стреляные гильзы от пистолета Виталия не нашел. Я не следил за ним, когда он делал убийственные выстрелы. Все происходило как в тумане, а потому не знал, куда они могли отлететь. А искать их – это заняло бы очень много времени, которого не было. И кроме того, эти улики никак не могли указывать на стрелявшего, если не найти оружие. А пистолет я собирался выбросить в Днепр.

В остальном все должно было выглядеть так, чтобы у следователей оставалась только одна рабочая версия происшествия – бандитское нападение, начавшееся в машине Фрака и окончившееся в его квартире двойным убийством.

Смыть полностью кровь Виталия, конечно же, было невозможно. Но по ней реально определялась лишь группа крови, а это слабенькое доказательство. ДНК тогда еще было недоступно криминалистам, и я нигде не читал в журнале для следователей, чтобы следоки уделяли в то время хоть какое-то внимание биологическим следам.

К тому же крови друга было немного. Если бы ее и нашли, то предположить, что по нему стреляли, было нереально. Максимум – что один из бандитов каким-то случайным образом поранил руку или другую часть тела.

Потом я вышел во двор к машине Фрака. Там было все просто: убрать следы пальцев заняло 3–5 минут.

Сделав все, что считал нужным, я спокойно вышел со двора по направлению к машине Виталия. Краем глаза глянул в окна дома. Было очень поздно. Во дворе темным-темно. В светящихся окнах никого видно не было. Да и вряд ли со света в темень можно было хоть что-то рассмотреть. Так что и здесь все в полном порядке.

Как только я сел за руль красавицы друга, начался жутчайший мандраж! Все тело охватил озноб. Особенно дрожали руки, и я никак не мог попасть ключом в зажигание. На меня сразу обрушилось все пережитое за этот страшный вечер. Все-все, начиная с момента, когда приставил бритву к шее Фрака, с напряженных переговоров с ним в квартире и истерик жены, с поездки за деньгами и заканчивая убийствами, смертельным ранением друга и устранением доказательств нашего пребывания в квартире. Господи, неужели этот кошмар когда-нибудь закончится, и Виталий останется жив, и все потом

станет как обычно? В те минуты казалось, что спокойно жить я уже никогда не смогу. Я был весь в поту, крови и грязи. А одежда на мне так намочка, как будто я целый час провел под проливным дождем. Меня всего трясло, а зубы во рту выбивали барабанную дробь.

По дороге я собрал себя в кулак и заскочил в дежурную аптеку на Владимирской, которая была по пути к дому врача.

И снова везение! Время очень позднее, и в аптеке абсолютно никого, кроме маленькой старенькой женщины-провизора в белом халате, внимательно всматривающейся сквозь линзы очков в этикетку на банке с микстурой. Она удивленно подняла на меня глаза и старчески ахнула:

– Ой-ой-ой, гражданин! Что это с вами? И вскинула вверх маленькие ручки.

Но получив от меня искренний, убедительный и весьма эмоциональный ответ из трех слов «авария, скорая в пути», быстро поковыляла за бинтами и ватой. И пока шевелила извилинами, чем мне еще помочь, я мигом выхватил у нее все принесенное и, бросив деньги на прилавок, смылся, не обращая никакого внимания на новые всплески старческих рук и протяжные выкрикивания-стоны типа «Граждани-и-и-н, сдачу забыли!».

Минут через пять я уже был у дверей профессорской квартиры, держа под мышкой болтающееся по полу банное полотенце, которым ликвидировал наши следы в квартире и машине Фрака, а в руках – громадную кучу бинтов с ватой.

Дверь профессора не была заперта, а только предусмотрительно прикрыта, поэтому из-за занятости рук я искусно пролез узким носком правой туфли в узкую щелку между стеной и дверным полотном, тихонько его приоткрыл, зашел внутрь и прокрался в операционную.

«Запах смерти»

Операцию по извлечению пули я застал в самом разгаре. Мой друг был разрезан в районе печени, и все, что я увидел, а также запах части вывернутого желудка, вызвало у меня такой мощный рвотный рефлекс, что я пулей вылетел из комнаты, залетел в туалет, слыша вдогонку громкий крик профессора, множество матерных слов и только два конструктивных и коротких требования – тщательно вымыть руки и бегом обратно!

Меня рвало по дороге к унитазу, а когда добежал, вывернуло наизнанку. Всю квартиру наполнила новая нестерпимая вонь. Но не для доктора. Для него это были почти что обычные запахи операционной с небольшой изюминкой – моей рвотой. Но не для меня! Уж и не знаю, как я не потерял сознание и продолжал что-то соображать. Только чувство громадной ответственности за чужую жизнь держало меня в ту ночь на ногах!

Позже я с облегчением выяснил, что человек способен привыкнуть к любым запахам и перестает их остро ощущать по прошествии часа-двух. Но первые минуты – это что-то!

Чтобы не рвать в операционной прямо на стол, на Витоху, я заскочил на кухню, нашел пустую литровую банку из-под маринованных огурцов, наполнил ее до краев теплой водой и выпил всю залпом. Потом хорошенько поработал двумя пальцами в глотке и дорвал остальное, а когда уже пошла одна только желчь, мигом сорвал с себя всю грязную одежду и, как на амбразуру, бросился под холодный душ с мылом и мочалкой. Решительно и с силой быстро стер с себя груз – отмылся. Мигом обернулся в полотенце и... голым к раненому.

Меня продолжало тошнить, но с каждой минутой все меньше. А вскоре и вовсе перестало. Через час у стола с раненым я уже почти что не чувствовал вони.

Все время, которое я пробыл за операционным столом, профессор общался со мной исключительно командным матом, словно командир в смертельном бою! От напряжения только рычал: «Подай, е... твою мать, то, дай это, ты что, бл-дь, дал, сука? Посвети лампой сюда, туда... Ты...»

Я все терпел и ни на какие оскорбления доктора не реагировал. Да и вообще, если честно сказать, настолько проникся уважением к его мастерству, что простил бы даже любые другие унижения. Все движения профессора были рациональны и отточены до совершенства. Он хорошо знал, что делал...

Но, несмотря на мою старательность, ассистент из меня получился никакой, ведь, кроме скальпеля, я никаких других названий медицинской техники не знал. Только к концу операции обрел кой-какие навыки медсестры и почти адаптировался к гнилостным запахам разрезанного живота и собственной рвоты...

Операция оказалась чрезвычайно сложной и опасной. Часы бежали как минуты. С меня и профессора ручьями тек пот, а напряжение зашкаливало!

Хорошо помню, что в какой-то момент рвотные рефлексy полностью прекратились. Это было похоже на привыкание неопытного моряка к качке на корабле.

Все остальные подробности операции как будто стерло из памяти. А навсегда отложилось только одно, но необыкновенно сильное чувство! Все четыре с лишним часа операции, каждую минуту и секунду я держал в своих руках... нет-нет, не медицинские инструменты и чистые бинты да тряпки, а трепетную жизнь друга, не давая ей навсегда упасть в бездонную пропасть смерти. Такое не забыть никогда...

А еще запомнился момент паники доктора, его беспомощно огорченное и страдальческое лицо, когда в конце третьего часа операции, после очередной напряженной и мучительной попытки, он так и не смог достать треклятую пулю и чуть было не повредил печень, испугавшись, что прямо сейчас наступит летальный исход! Ведь аппарата за слежением пульса и давления в комнате не было. И он не имел возможности мгновенно определять, что происходит внутри организма моего друга.

Профессор психанул и, вскинув вверх руки, хотел было запустить в меня инструментом, чтобы уйти и сдаться, но к этому моменту мы были уже почти

что одним операционным механизмом. Я чувствовал его настроение и даже начинал понимать, что он делает, поэтому в доли секунды словил его мысль и так заорал матом, что он сразу пришел в себя, измерил кровяное давление и пульс и молча снова взялся за дело.

Последний час операции проходил уже с моей инициативой. Конечно же, я не подсказывал врачу, что делать, но, передавая ему очередной инструмент, сопровождал действие громким матом и грозным взглядом типа «Загубишь друга – сдохнешь, мат-перемат, вместе с ним! Застрелю на х-й!». Это добавило адреналина в кровь врача. И в конце концов... Слава Богу, всему приходит конец! Профессор вырвал Витоху из цепких лап смерти. Мы победили!

Это произошло где-то в начале третьего часа ночи. Доктору удалось все-таки зацепить эту гадость каким-то мудреным медицинским инструментом, и он победно поднял пулю ТТ пинцетом до уровня линз своих очков, зачем-то очень внимательно рассмотрел и с гордостью отложил на белую салфетку специального хирургического столика, на котором было аккуратно разложено множество блестящих хирургических инструментов. Фу!

– Теперь он твой, – важно произнес доктор, снова беря в разговоре со мной позицию главного, но без мата и оскорблений. Он снял очки, вынес из другой комнаты бутылку дорогого армянского коньяка и всего одну рюмку.

– За успешную операцию! – опрокинул он в свой необъятный живот первую стопку. Потом довольно улыбнулся. Хряпнул еще две стопки. Смешно подмигнул мне подслеповатым глазом и, указывая глазами на стоявшие в углу на еще одном столе аккуратно разложенные чистые утки, горшки, разных размеров клизмы, градусники, какие-то баночки для анализов и т.п., устало вымолвил:

– Тебе, как там тебя, пить спиртное не положено. Теперь твой черед поработать. Медбратом побудешь. А я пошел спать! Чуть что – сразу буди. Но старайся не беспокоить зазря. Мне завтра вставать рано.

Работа тебе предстоит не сложная, но очень-очень ответственная! И надолго! Пока не решу у себя на работе, как парня к себе в клинику пристроить. Здесь он умрет! И я уже ничем не помогу...

У тебя тоже есть пару часов для отдыха, пока не закончит свое действие морфий. Поэтому не теряй ни секунды, поспи рядом вон на том диване. На его стоны и мат не реагируй... Так всегда бывает... Не проснется!

Но чтобы далеко не отходил. Теперь его жизнь полностью в твоих руках! Я свое дело сделал! Промажешь – второго шанса с того света вернуться у Виталия может и не быть! И скорее всего, не будет, – пугнул он меня на всякий случай. – И главное, видишь вот эти баночки, которые висят на капельнице?

– Да.

– Так вот, в них сейчас течет вся его жизнь! Объяснять, что в них, времени нет. Я с ног валюсь. Подойдешь, когда уйду, внимательно прочтешь название лекарства на этикетке и, когда жидкость закончится, вовремя вон на те баночки заменишь.

И он указал толстым пальцем на капельницу и растворы, которые стояли на медицинском столике.

– Читать, надеюсь, умеешь? Все понял, как тебя там?

– Николай.

Не подведи, Николай!

– Смотри не подведи, Николай!

И не говоря больше ни слова из-за усталости, тяжело вышел в смежную с операционной комнату, на что-то громко рухнул и вскоре захрапел.

Все время операции Виталий находился под наркозом. Он скрипел зубами и зло матерился. И выдал на-гора все матерные слова, которые я когда-либо слышал и даже более того... Его мозг под скальпелем взорвал такой мощный вулкан, как будто бранная лава извергала, разбудила не один вулкан мата. Ее поток был таким разнообразным и виртуозным, что многие выражения для меня стали прямо-таки открытием.

Потом я рассказывал ему об этом, но он, конечно, ничего не помнил, а только смеялся. Но это потом... А пока... Впереди меня ждал чистый ужас, о котором я и не догадывался. Остаток ночи прошел для меня ужасно, если не сказать катастрофически!

В связи с переездом раненого Виталия в больницу возникли непредвиденные и весьма непростые проблемы.

Его долгое неоявление в кафе и на тренировках неизбежно вызвало бы пересуды. Он был слишком яркой фигурой, чтобы не появляться на людях. Запросто могли поползти предательские слухи черт знает о чем.

Нужно было немедленно изобретать похожую на правду легенду, которую затем поведать родителям, тренеру и близким друзьям.

В обычную больницу путь ему был заказан! Сразу бы сообщили в ментовку о пулевом ранении. Поэтому вся надежда была только на профессора!

Когда прозвенел будильник и доктор проснулся, он молча вернулся в комнату спящего друга, открыл окно, проветрил комнату, наладил капельницы, сделал укол морфия и, пока Виталий находился в забытьи, растолкал меня на диване и предложил пройти на кухню, где заварил чай и дал мне возможность начать разговор

– Вы один живете? – спросил я за чаем.

– А ты как думаешь? Ты видел когда-нибудь 50-летнего мужика, чтобы он один жил? Я не гомосексуалист. Женщины иногда заходят... Но сейчас это не проблема! Витохе срочно нужен стационар, медсестры и круглосуточное наблюдение. Иначе умрет!

– Ну да... – не до конца понимая, как это сделать, произнес я.

– Виталий мне большой друг, – задумчиво сообщил профессор. – Молодой, конечно, горячий, но честный в делах парень и много раз мне помогал, а вот обращаться ко мне ему никогда не приходилось. И теперь я

просто обязан отплатить ему той же монетой, – сообщил доктор, давая понять мне, кем ему приходится Виталий, и предупреждая мои предложения об оплате его труда. – Я Иван Федорович, доктор медицинских наук и заведующий хирургическим отделением второй городской больницы. Для первого знакомства всей этой информации обо мне более чем достаточно... Так что будь спокоен, твой друг в надежных руках. А ты что за гусь?! Я тебя раньше с Витохой никогда не видел. И что случилось?

– Я просто Коля, а Витоха мне, как вижу и вам, не просто друг – брат. И это не слова! Но я не свечусь, не козырный. Обычный парень... Жаль, что я раньше вас не знал, но в машине Виталий про вас сказал: «Лучший друг».

Мои слова, якобы сказанные Витохой, произвели на взрослого профессора сильное впечатление!

– Так и сказал?! – с искренним удивлением и радостью себе и мне самому произнес он в ответ. Было видно, что моя маленькая хитрость удалась. А сам подумал: «Где и как мог Витоха приобрести такого вот друга, не подходящего ему ни по возрасту, ни по интересам? В кафе профессор явно не ходил...» И только намного позже я узнал от самого Виталия, что он частенько отмазывал доктора от карточных долгов, за что всегда имел возможность обратиться к нему самому за врачебной помощью или за знакомством с кем-то важным, потому что профессор был очень авторитетным человеком в высоких кругах киевского чиновничества. Был лучшим в городе в своей профессии!

– В связи со случившимся, – торжественно начал я разговор, – хочу вам передать, Иван Федорович, кой-какую очень важную информацию. И вам надо обязательно ее хорошо запомнить... Это исключительно для вашей безопасности. Так вот, пулю Виталий получил возле Оперного. Мы просто прогуливались, когда пять-шесть негодяев из местной шпаны что-то Витохе не так сказали. Ну он и врезал одному, потом второму, а третий достал пушку и выстрелил, подлец. А когда Виталий упал и залился кровью, они, видимо, решили, что убили, и убежали. Но я даю слово: лично с каждым из них разберусь!

И я еще раз достал браунинг.

– А зачем ты мне это говоришь, пацан? Ваши разборки меня никак не интересуют. И знать ничего не хочу! Я врач и должен помогать больным.

– Вы абсолютно правы. Но в таких случаях обязаны заявить в милицию, иначе вы соучастник. В этом и вижу проблему!

– Прав, Коля, – стал вежливее со мной доктор. – Но я и сам это хорошо знаю... Америку не открыл.

– Вот для этого, Иван Федорович, я и рассказал вам правду, если все же случится так, что нам с представителями власти встретиться придется. Вам очень важно эту правду запомнить, чтобы мы вместе одно и то же, если что, говорили. И обязательно слово в слово! От меня, – продолжал я, – никто и никогда другой правды не услышит. Тогда только у нас обоих и проблем нет! Пожалуйста, – очень убедительно сказал я, – не воспринимайте меня как

мальчика на побегушках. Я равный Виталию. Только так на меня смотрите. Иначе ничего хорошего нас не ждет... А почему? Скоро сам поймете. Не обижайтесь, – увидев удивленный взгляд профессора, продолжал я его убеждать. – Просто поверьте, что дальше нам с вами обязательно надо понимать, кто есть кто, и так воспринимать... Иначе большая беда!

– Пожалуй, начинаю понимать, – успокаивающим тоном ответил доктор, и у меня сразу отлегло на душе. – Но вот мне еще что важно хорошо знать: согласится ли сам Виталий, когда в себя придет, признать, что ты не шестерка? А то ведь, слушая тебя, наделаю дел, за которые перед Витохой отвечать придется! Потому что, насколько я его знаю, сам он считает, что равных ему на этом свете нет. Если ты гонишь, у меня с Королем потом такие проблемы начнутся, что он меня больше видеть не захочет! Рвать меня начнет!

Жаргон врача, на котором он излил мне свои опасения, окончательно убедил меня в том, что он из наших и проблем с ним далее в общении никаких не будет. Мы теперь равные в принятии решений и в ответственности за дальнейшее развитие событий. Вот только еще чуточку укрепить его в уверенности, что я не просто Коля, и все окончательно станет на свои места... Когда Витоха пришел в себя, он посвятил меня в тайны врача, которые связывали его с блатными: он был каталой, неудачливым картежником. А Витоха – в роли его спасителя, когда надо было отсрочить исполнение оплаты

долга.

– Никаких «рвать вас» не будет. Отвечаю! – авторитетно и как можно с большей строгостью заявил я. И чтобы нагнать на профессора страху и окончательно установить между нами новый статус, добавил: – Если не понимаете, я его сейчас же заберу и повезу по своим врачам. Мы с корешем ровня, это понятно?! И никаких тут ваших сомнений. Иначе нам не по пути, потому что все важные решения по контактам вне больницы буду принимать только я. А вы – главный у себя в клинике! Иначе никак!

– Ну что ж, одна голова хорошо, а две лучше! А другой, кроме твоей, в нашем деле, как я понимаю, нет. Я интеллигентный человек, Коля! Спорить за права не стану. Так и быть... В больнице и по лечению – главный я, а ты строго выполняешь мои указания. А в кафе и где ты там решил – говори сам. А я на время на дно залагу. Хотя и у меня встречи со знакомыми Витохи неизбежны... И что говорить?

– А какую болезнь вы ему официально лечить собираетесь?

– Удаление аппендикса.

– Ну вот и весь ответ. Ночью привезли. Он вам позвонил. Вы приехали и удалили. По-моему, ясно и коротко. А что еще говорить? Этим все сказано. А уже как себя чувствует и подробности, как вы аппендикс удаляли, если кому-то интересно, то говорите, что хотите. Тут у нас расхождений быть не может. Я ведь не в теме, как от этой дряни избавляются, поэтому, если кто меня спросит, ну коммент.

– Ну что ж, в тебе есть, Коля, логика! И раз уж мы равные, тогда садись за стол и давай вместе обсуждать все нюансы. Начинай, парень. Есть ко мне вопросы?

– Главный вопрос, что меня сейчас интересует, – это сколько будет продолжаться лечение, где он будет лежать и что с медицинской точки зрения хотя бы в двух словах говорить его друзьям и родным?

– Запоминай. Если вопрос сложный и человек, который спрашивает, для вас с Витохой важен, то ничего не отвечай, а только давай мой рабочий телефон. А так, отвечаешь: гнойный аппендикс. Почему гнойный? Потому что обычный – чепуховая операция. А гнойный – сложная и опасная для жизни. Это все, что касается болезни... Лежать ему долго! – продолжал учить доктор. – Да, вот еще, запомни слово «перитонит». Это когда аппендикс переполнился и не выдержал большого количества гноя, лопнул, а инфекция распространилась по всему телу. Отсюда заражение крови и тот самый перитонит. Хорошо запомнил?

– Да, перитонит, заражение крови, – уверенно повторил я.

– И давай так, Коля, я сейчас быстро приведу себя в порядок и бегом в больницу. Все там подготовлю, с медсестрами поговорю. А ты пока оставайся здесь... Вот диван. Это теперь твое постоянное место пребывания, пока Витоха у меня дома. Отсюда ни ногой... Вот карандаш и бумага. Каждые три часа измеряешь пульс и температуру.

И он показал мне на моей руке, как измеряется пульс.

– И записывай для меня. Приду – покажешь. Остальное – только по моим указаниям, чего бы он ни просил. И старайся не бегать у него на поводу и не звонить мне каждую минуту. Я все предусмотрел. Звонишь, только когда температура за 40 и пульс за 150. Все!

– Вот деньги, доктор. Не вам, и не обижайтесь. Так, на сопутствующие расходы... Будет мало, еще добавлю. И я положил на стол пятьдесят тысяч рублей.

– С ума сошел! Увидел бы Витоха, тогда или я, или ты в морду бы получил. Ты что? Немедленно забери деньги!

Но мне показалось, что взгляд профессора заинтересованно смотрел на эту кучу денег.

– Вы что, ребята, банк взяли?! Господи, за что мне такое? – смешно запричитал толстый хирург, всю жизнь честно... Не хочу в тюрьме остаток жизни провести!

– Клянусь, нет никакого банка, профессор! Говорил же: хулиганы напали. А деньги мои. Но и я не грабитель. Все нормально. Идите в свою больницу и выбросьте из головы глупости. Вы ни при чем! Хулиганы... – еще и еще раз повторил я.

– Ну да, хулиганы с ТТ... Мне-то самому никто мстить не станет, если узнает, что помогаю?

– Я так вам отвечу, уважаемый Иван Федорович: как видите, я друзей в беде не бросаю. Мои клятвы вряд ли вас успокоят. Но вам придется на меня

положиться, а всему, что скажу, верить, иначе нас всех ждет очень большая беда! – очень строго и как можно более уверенно, чтобы полностью подчинить своей воле беспокойного ученого-хирурга, громко и даже торжественно произнес я. – Нет сейчас людей на земле, кто бы хотел Виталику, мне или вам лично смерти. Их просто не существует... А я, как вы сами понимаете, совсем не заинтересован в болтовне с кем-либо на эту тему. Она закрыта! И сегодня нам с Виталием надо больше опасаться вас, чем выдуманых вами врагов. Их нет! Еще раз и последний повторяю: абсолютно ничего, кроме того, что я вам сообщил, не было. И впредь вы меня учите названиям болезней друга, а я, что говорить, если спросят. Иначе и себе, и нам беды наделаете! Хулиганы...

Профессор внимательно выслушал мой спич и проникся. Точки были расставлены, он все понял. И это было настолько очевидно, что я упокоился. Мой авторитет заработал.

Доктор ушел, а я, перекусив колбасой с хлебом и чаем, отправился к спящему другу. Подошел к его постели, внимательно посмотрел в лицо: веки сомкнуты, выражение лица счастливое, на губах застыла сладкая улыбка. Все вроде нормально. Но, к сожалению, так только казалось...

Весь ужас только-только начинался!

Приходя в себя после укола, Витоха непрерывно стонал, периодически впадал в тревожное забытие, обливался потом, орал от боли, мочился под себя! И все это мне приходилось исправлять. Но как ни странно, медсестринскую работу я делал с покорностью, прилежно и без отрицательных эмоций. Так, как будто всю жизнь этим только и занимался. Ведь мужская дружба та же любовь. И об этом я уже много писал ранее... А когда ухаживаешь за любимым, любая помощь точно уход матери за ребенком: кормишь, переодеваешь, пеленки меняешь, успокаиваешь, на горшок садишь и еще многое другое... И все, что ни делаешь, – не в работу, а в радость! И только укрепляет любовь того, кто заботится.

Пробуждаясь к утру и временно приходя в себя, Виталий постоянно что-то громко и настойчиво требовал... Особенно воду, которую пить ему пока что было категорически нельзя, поэтому я каждые полчаса обмакивал ему губы, а он меня нещадно материл... И тут же, как больной ребенок, начинал по полной капризничать, настойчиво требовать то утку, то врача, то сделать обезболивающий укол, то поставить клизму и многое-многое другое. И все мне назло, потому что я не выполнял главное его желание – дать побольше морфия!

Временами мой друг психопатил: пытался выдернуть иглу из вены, порывался встать и куда-то идти. А если учесть, что силища у него от природы была громадная, нетрудно представить, сколько проблем он мне создавал и как непросто было их решить! Тем более что никакого опыта ухаживания за тяжелобольными у меня никогда не было.

Бессонные ночи медбандита

Еще пару таких ночей, и меня самого надо было бы укладывать на больничную койку или прямиком в психушку.

Весь следующий день и ночь все ужасное в его поведении повторялось. Но через день утром Виталий стал приходить в сознание и, когда увидел профессора и тот ему объяснил его положение, слегка успокоился, а после укола морфия дал мне – о счастье! – четыре часа вздремнуть на диване.

Проснувшись, по инициативе больного мы начали разбор полетов. Раненому нельзя было нервничать, поэтому я прикинулся виноватым во всем, в чем только он меня обвинял. И каялся, каялся, каялся...

– Почему ты, сука, его не обыскал, когда домой вел? Из-за тебя, хрен моржовый, меня чуть не убили! И выживу ли – не знаю. Что же ты за мудака такой?! – клял меня друг на все лады.

– Прости, старик! Виноват во всем. Но какой же ты красавец, что сразу грохнул Фрака и спас меня. Я теперь обязан тебе по гроб жизни! – всячески восхвалял я больного.

– Урод хренов, мудака, бл-дь тупая! Все проблемы из-за тебя. Был бы пистолет – пристрелил бы суку!

– Ну на, – я протянул ему незаряженный браунинг. – Стреляй!

– Не сегодня... Но пристрелю обязательно! – уже зевая, сонно пробормотал Виталий после очередного укола и... заснул.

Вот в таком примерно общении мы и провели еще один день, вечер, а потом и ночь напролет... Я только и успевал, что менять на раненом белье, носиться с уткой, тренироваться делать уколы и перевязки да менять банки капельниц... И в конце концов научился.

Морфий Витохе явно был в кайф! После наркотического укола его лицо преобразалось до неузнаваемости: разглаживались морщинки от болей, глаза начинали светиться вселенской добротой, тело расслаблялось, а душа желала всем добра и счастья! Но поскольку в комнате, кроме меня, никого больше не было, то все его трепетные чувства после очередной порции злобного мата радостно изливались исключительно на меня.

– Хороший ты парень, Колян! Верь, старик, люблю тебя, как родного брата! Умник, добряк, начитанный, верный товарищ, боец, умница, духовитый, правильный и не показной. Настоящий друг! Толковый. Жизнь мне спас! Бл-дью буду – не забуду! Ты теперь мой кровный брат. Самый родной в мире человек! Вот попроси что-нибудь... Хочешь, прямо сейчас жизнь за тебя отдам?! Ты же знаешь, я все могу!

Морфий тысячекратно увеличивал чувство собственной значимости Витохи, и сразу после укола он начинал петь свою гордую песню.

– Весь Киев у меня вот где! – и он многозначительно сжимал свой боевой кулак, демонстрируя именно то место, где сейчас, по его мнению, и находится мой родной город.

Он наговорил мне под кайфом столько добрых и даже ласковых слов, что голова и вправду начинала идти кругом. Потом он уверял меня, что его воля сильнее любого наркотика, и с невероятным упорством, чтобы подольше

покайфовать, начинал бороться со сном. Требовал прикурить и поднести ему сигарету, смачно выкуривал свое «Мальборо», а потом брал мою руку и, смотря на меня влюбленным взглядом, произносил примерно следующее:

– Вот возьми мою руку. Смотри мне в глаза. Я не сплю. И не засну. Ничего меня не берет... Представляешь, какая во мне сила воли! Учись, чувак. Я – сталь! И никакой укол мне нипоче-е-ем...

И с этими словами он сладенько засыпал с нежной улыбкой на лице, со слегка приоткрытыми и полными счастья глазами...

И так каждые шесть часов в течение суток, от укола к уколу. Сначала злобный мат и проклятия, а потом нежность и порывы к дружеским объятиям. На четвертый день, когда я уже был почти готовым медбратом, Иван Федорович, придя с работы, сказал, что палата в его отделении Витохе готова. Медсестры болтать лишнего не станут, потому что полностью от него зависимы. А потому уже можно везти моего друга в больницу, вызвать в регистратуре профессора Сергеева (это и была фамилия Ивана Федоровича), зарегистрироваться под настоящим именем и фамилией Виталия с диагнозом «острые боли в правом боку живота и температура 40 градусов».

Регистратура, со слов доктора, обязана срочно позвать дежурного врача, который будет заранее предупрежден профессором и позовет вместо себя его. А уж он госпитализирует Витоху по всем правилам с диагнозом «острый аппендицит» и положит в отдельную палату. Сестрички подготовят операционную, но профессор заранее их предупредит, что операция пройдет понарошку, потому что на самом деле Иван Федорович намерен исправить ошибки своего друга-коллеги, который наломал дров и оперировал Виталия от аппендикса у себя на дому, чтобы подзаработать побольше денег. Вот и совершил серьезную врачебную ошибку. А теперь, чтобы не лишили врачебной лицензии, попросил Ивана Федоровича все исправить в его собственном отделении. Сестрички свои, прикормленные, работой дорожат, языком лишнего не болтают, не станут вдаваться в подробности, а будут делать все, что обычно, – строго выполнять все назначения профессора.

– Каждое утро давай новой смене сестричек по три рубля, но ни копейки больше, чтобы ничего такого не подумали. Запомнил? Ни копейки...

– Как и договаривались, в больнице вы командир! Все сделаю в точности. Только на вопрос ответьте, пожалуйста: разве такие истории с напортачившими друзьями-врачами на самом деле бывают? Это не удивит персонал?

– Если бы не бывало – не предлагал. Ты что думаешь, я способен на ходу такие басни придумывать? Есть много хирургов, которые работают в специализированных клиниках, например, для инвалидов войны. Они ведь не платят сверху. А тут друг с большими деньгами просит посоветовать, где ему аппендикс удалить или грыжу. Что-то такое, что этот доктор каждый день по десять раз делает. Можно, конечно, направить деньги коллеге из другой клиники, но тогда сам без бабок останешься. Вот он дома у себя и

подрабатывает. И обычно все довольны! Так вот, эта история реальная, поэтому никаких подозрений...

На следующий день рано утром профессор ушел на работу, а я помог Виталию умыться, аккуратно выбриться и натянуть на себя красавец «Адидас», который предварительно хорошенько выстирал. Немного прихрамывая, Виталий сел в машину, я – за руль, и вот уже больница...

В приемном покое клиники я очень старательно выполнил все инструкции профессора. Правда, немного пришлось поскандалить в регистратуре, потому что противная толстомордая тетка – старшая медсестра – все никак не хотела сразу оформлять Виталия без осмотра дежурного врача. Но тут случайно проходил мимо заведующим и грозно приказал бабе:

– Срочно ко мне! Не видишь, какой бледный?! Сам осмотрю...

Я, как и положено в таких случаях, поблагодарил якобы незнакомого мне человека в белом халате за благородство. Тут же подбежавшие сестрички помогли уложить моего друга на тележку-кровать, и Виталия увезли. А я пошел вслед за профессором и громко, чтобы слышала тетка и те, кто был с ней рядом, расхваливал по пути доброго врача за помощь.

За одноместную палату я передал через профессора пятьдесят рублей директору клиники. Так было положено, и оно того стоило: отдельная палата, телевизор, холодильник, душ, ванная и даже коврик возле кровати – все, как в хорошем советском гостиничном номере.

Еще один вечер и весь следующий день я полностью провел с раненым, но дальше там делать было нечего... Виталий все еще стонал, но по большей части наигранно и только тогда, когда заходила хорошенькая медсестра или заканчивалось действие очередного укола морфия. Он решил кайфовать как можно дольше! И я предупредил профессора, что больной станет подкупать медсестер, чтобы те давали ему все большие суточные дозы, и точно присядет... А потом будет новая, но еще более серьезная проблема – снять его с иглы. Доктор быстро согласился и приказал сестричкам заменить морфий снотворным.

В остальные дни я высыпался, заряжался утренней пробежкой и после завтрака бежал к другу и проводил с ним целый день.

Помню, что на четвертый день лечения был жутчайший скандал. Витоха качал права по поводу наркотика. Мол, сестры – говно, бл-ди, суки, не понимают, мол, его нечеловеческих страданий, и он им еще покажет...

Истерики друга обошлись мне в дополнительные 25 рублей, которые я подарил каждой сестричке, и они сдержали удар. С морфием было покончено!

В очередной мой приход, когда уже вся козырная общественность Киева сострадала Виталию по поводу тяжелой операции по удалению гнойного аппендикса, я навязал ему серьезный разговор.

– Мне странно, почему Фрак не убил меня после того, как принес деньги в машину? Ведь сделать это было очень даже просто. И он, и брат были

вооружены до зубов. Зачем он начал стрельбу именно дома и на глазах у жены?

– А как ему по-другому? Убил бы тебя, я бы его жену кончил. К тому же считал, наверное, что мы можем снова вернуться. Миллиона мало покажется! А так, пришьет нас, тогда верняк, что его проблемы на том закончатся. И прав, наверное, был, – подмигнул мне Виталий. – А кстати, что говорят в народе по поводу его и его жены смерти?

– Говорят, что жесточайшее ограбление, очень хорошего человека какие-то заезжие бандиты убили...

– А почему заезжие?

– Потому что в Киеве такого ограбления еще не было! И еще вот что... Я на похоронах его был. Чего только не наслушался... Куча версий. Пересказывать не стану. Целый день займет. В основном сказки... Слышал даже шепот некоторых о том, что это его дети могли...

Не представляешь! Пол-Киева собралось! Цветов море, и лучшее место на Байковом кладбище! Нас так не похоронят, старик, – пошутил я. – Министр транспорта был, мэр города, а с ними еще человек 200–300 прихлебателей. Ну и дети, внуки, конечно... Ордена и медали несли впереди гроба на красной подушечке. Многие выступали, когда его тело в траурный зал внесли. А какие слова о нем говорили... Ушел верный строитель коммунизма, любящий друг и семьянин, отец, муж и дедушка... Скромный, глубоко порядочный и добрый...

Если честно, друг, мне было отвратительно всю эту херню о нем слушать. Я, кстати, впервые на такой важной церемонии был.

А вот о жене его ничего никто так и не сказал. Как будто и не было ее в его жизни. И мне, конечно, жаль ее... Честно жаль! Но поступил ты вроде бы разумно. Выхода, скорее всего, другого и не было, – грустно заключил я.

Мне действительно было очень и очень жаль эту приятную с виду и такую наивную и любящую женщину... Ох, как жаль!

– Важно, чтобы ты знал, Виталий: его брат с женой не пришли. Я везде смотрел. Их там не было. Все драгоценности, кстати, которые ты из квартиры вынес, я выбросил в Днепр.

– Ты с ума сошел! Там тысяч на триста было! Одно только кольцо брильянтовое...

– Ну да, не прав, прости, дурака! Только ты бы с этими самыми цацками и кольцо не только радость приобрел, но заодно и тюремные нары – 15 лет строгого режима, а скорее всего, расстрел! Не очень равнозначный обмен... Мне кажется, твоя жизнь дороже стоит. И я думаю, что ты шутишь, иначе тебе вместе с пулей все мозги вышибло!

– Совсем не шучу, – хорохорился больной. – Я бы, конечно, не продавал. А так, пусть бы себе лежали до поры до времени...

– До какого такого времени?

– Да ладно, не ерепенься, Художник! Забыли... А деньги пересчитал?

– А как думаешь?

– Ты снова за свое? Дразнишь больного человека! Нервничать заставляешь!

– Миллион! И половина твоя!

– А почему половина? Ты же мне двадцать процентов обещал.

– За убийство ничего не обещал! Так что это бонус. И не будем больше об этом. Я, правда, и все бы отдал, если бы был на все сто уверен, что тебе команду создать удастся, чтобы вдвоем мы не играли на таком большом поле. С момента, как тебя ранили, и как ты себя дальше повел, мы равные партнеры. Но за тобой долг – команда. Потому что у меня в окружении таких ребят нет. Не передумал продолжать?

– Ты это о чем, Колян?

– О том, что дел впереди очень много. И первое из них – забрать все до копейки у брата Фрака. Справедливо, как считаешь?! – пошутил я.

– А сколько, думаешь, у него еще осталось?

– Совсем малость. Миллионов десять минимум!

От названной суммы Виталий импульсивно подпрыгнул на койке, да так, что капельница упала, а стеклянные банки с жидкостями разлетелись по полу.

Влетела медсестра.

– Вы что тут делаете? С ума посходили... Вот же дураки взрослые! – нервно кокетничала девчонка. – Сейчас...

И она побежала за новыми баночками и тряпкой. А пока все делала, Виталий рвался вести разговор дальше, стал страстно шептать, задавая один и тот же вопрос:

– Где он сейчас? Где эта сука?

– Не выражайтесь, пожалуйста, – сделала замечание Витохе медсестра.

Но куда там! Пока она делала свою работу, Виталий нервно ерзал на постели и бросал на меня вопросительные косяки.

– Успокойся, старик. Так нельзя... Ни тебе, ни мне. Все нужно спокойно обдумать, и время для этого есть. Иначе горя наделаем!

А когда девушка ушла, добавил:

– Я видел брата в деле... Это не Фрак. И вряд ли он вообще брат. Потому что на еврея не похож. На убийцу... Он возле своего дома в Броварах пытался меня убить из громадного дробовика. И убил бы! Фрак ему запретил. А так, как знать, чем бы там все закончилось...

Но Виталий уже не мог думать...

– А давай так: я дам тебе ребят надежных, и лети к нему!

– Ну да, так и побежал! Скорее всего, его в Броварах сразу после убийства Фрака и след простыл.

– И что, пропали наши деньги?! Да я, бл-дь, сам сейчас поеду! Я хочу эти деньги! Скажи Ивану, что я уже здоров! Ничего со мной не будет. Со мной поедет, никуда не денется!

Я рассмеялся. Вот так порыв! Сколько энергии, когда речь о деньгах.

Пришлось срочно успокоить друга:

– Все нормально, Виталий! Успокойся и лечись. Мои ребята уже с раннего утра у его дома были. Я еще той ночью, пока ты от морфия кайф ловил, все и всем сказал. Прямо сейчас у меня нет точной информации, где брат окончательно осядет. Но я уже знаю, в каком он городе, как его и его жену зовут и даже данные его паспорта. Он в гостинице в Н-ском городке под Черкассами. Дом себе за городом ищет. Места там, кстати, очень красивые – леса и река Рось... Так что скоро нам с тобой предстоит выход на природу.

– А почему же ты сразу не поехал? Прямо ночью. Врасплох бы застал, грохнул и был бы уже с деньгами!

– Тебя, друг, от смерти спасти надо было. А жизнь твоя для меня давно уже дороже миллионов! Веришь?

– Веришь – не веришь, – рассмеялся он от моего искреннего признания. – Верю, конечно! И никогда не забуду!

– Времени у нас полно, – продолжал я, не обращая внимания на последние слова друга. – Но готовиться придется серьезно, потому что это самая крупная сделка, которая нам предстоит в ближайшие несколько лет.

Дай слово, что долечишься и пробудешь в больнице ровно столько дней, сколько профессор скажет!

– Чтоб я сдох!

Больничные будни «героя»

В палату к Витохе, пока он валялся на больничной койке и строил из себя раненого героя, частенько приходили друзья-поклонники и даже красивые девчонки из кафе. Хотя на самом деле настоящих друзей или любимых женщин, к которым бы он испытывал нежные привязанности, у него никогда не было. Но проведать его было честью для его посетителей. Они потом восторженно рассказывали подробности этих встреч за столиками в кафе. Да так, чтобы все слышали...

«Представляешь, – почти кричал его очередной друг или одна из любовниц, – он такой больной, а так был благодарен, что я к нему пришел(ла)! Ведь только самых близких к нему пускают. Может, и не выживет...»

Было пару девчонок, которые делали моему другу минет, не обращая на меня никакого внимания. Я был для них частью больничного интерьера.

– И другу сделай приятное, хорошая, – обращаясь после радости к очередной девчонке, смеясь, подкалывал меня Витоха. – Он стеснительный, но член у него что надо, и парень очень хороший, брат...

– Дурачок... Он до этого еще не дорос, рано ему, – примерно в таком духе звучал обычно ответ молодой женщины.

– Покажи ей, Коля, свой хоботок! – хохотал, показывая все 32 зуба, Витоха. – Моя девчонка в жизни такого красавца не видела...

– Не дури, – спокойно отвечал я. На этом все обычно и заканчивалось.

Но время шло. И в конце третьей недели лечения Виталий наконец твердо стал на ноги.

– Ваня! – обращаясь к пятидесятилетнему профессору при очередном врачебном обходе, сказал как-то мой друг. – Я твой должник! Только не очень задавайся и в карты больше не играй, а то и жизнь когда-нибудь просрешь. Какой сегодня твой долг по картам?

Профессор, краснея, смущенно поглядывая на меня, произнес:

– Семнадцать тысяч.

– Семнадцать штук?! Ты что, сдурел на старости лет?! Где же ты столько денег возьмешь?

– Займу, Виталий. Есть у кого... Не волнуйся, нельзя тебе сейчас...

– Не волноваться? Да на хер ты мне нужен?! – отчитывал своего недавнего спасителя Виталий. – Снова под проценты? А я потом что? Обрато за тебя мазу¹² тянуть и доказывать всем, что ты ненормальный! Ну и мудака! Отдай ему семнадцать тысяч из моей доли, Коля. И забыли... А еще раз карты в руки возьмешь, я тебя...

Но дальше я не дал Витохе довести свою мысль до конца. Мне было очень неудобно видеть поставленного в угол, как провинившегося мальчишку, взрослого и серьезного мужчину, к тому же героически спасшего жизнь другу. Ему – зрелому и уважаемому в его мире человеку, известному на весь Киев хирургу, доктору наук и профессору – было чрезвычайно стыдно сейчас именно передо мной.

«Надо же, – подумалось, – как бывает со многими порядочными и способными людьми, когда какая-то треклятая страсть, например, к наркотикам, картам, ставкам на ипподроме или другой дряни заменяет даже очень талантливому человеку все остальные радости в жизни. Беда!»

– Заканчивай с нравоучениями, Виталий! Ты же знаешь, что профессор никогда не бросит играть. Это болезнь, как наркотик. Просто помогай ему всю оставшуюся жизнь. Он это заслужил!

Виталий грозно умолк.

Чтобы окончательно разрядить обстановку и вернуть достоинство врачу-катале, я рассказал пришедшую на ум историю о карточной болезни величайшего в мире писателя Федора Михайловича Достоевского, который, имея мировую известность, приобрел пагубную страсть к игре в рулетку, где проигрывался в пух и прах. А потому был постоянно в долгах и садился писать свои великие произведения...

Конечно же, объясняя мотивацию великого писателя, я нагло фантазировал, чтобы провести аналогию с Иваном Федоровичем. Но как знать? Может, именно так все и было...

– А знаешь, Витоха, что Достоевский тоже играл в карты и все проигрывал?! Хотя мог запросто стать богатейшим человеком! Его гонорары зашкаливали. А умер нищим.

– Достоевский – катала?! Не гони!

– Ну зачем же мне обманывать умирающего друга? – отшутился я. – Серьезно!

¹² Маза – заступничество, покровительство в преступной среде. Тянуть мазу – заступаться.

Я вдруг вспомнил, что знал из предисловий к книгам о последних днях Достоевского. И тут меня понесло!

– Казино было главным стимулом в его жизни, – с умным видом авторитетно заявил я. Он даже квартиру, чтобы далеко от него не удаляться, рядом снял. Проигрывал – и сразу за письменный стол, творить, чтобы деньги на новую игру заработать. Все великие имеют странности, – поглядывая на профессора, подвел я черту под сказанное и продолжил развивать свою наглую теорию дальше: – Больше всего в жизни, дружище, Достоевскому нужны были, чтобы ты знал, не его великие романы и трагедии, благодаря которым он признан самым великим писателем в мире, а только победы над... рулеткой. И он играл и играл аж до самой смерти. А потом хватал в руки перо и так же упорно и вдохновенно писал. И так по кругу, пока не умер... А теперь в Баден-Бадене, городок такой маленький в Германии, приезжают миллионы людей, чтобы зайти в то самое казино и посидеть за тем самым столом, где он проигрывал последнее. Вот и я когда-нибудь рассказ напишу, как великий доктор среди тараканов и пыли тебя, великого, от смерти спас. И в квартире Ивана Федоровича музей откроют, – и я от души рассмеялся.

Профессор слушал мой бред и вдохновлялся. У него расправились плечи, гордо поднялась массивная голова, и он с позиции старшего взглянул на Виталия.

– Смотри, какой у тебя умный друг, Витя! Вы умница, Коля, интеллектual высшей пробы! – вдруг перешел ко мне на «вы» доктор. – Где ты его откопал? Видно, что-то новое в твоей жизни происходит. Явно не из кафе парень! – и он с восторгом протянул мне свою пухлую и крепкую руку хирурга. – Поздравляю, молодой человек! Далеко пойдете... Не ожидал. В жизни такой глупости о Достоевском не слышал! – и он рассмеялся.

Чуть позже мы душевно распрощались. Виталий по-своему поблагодарил профессора. Тот – меня. А уходя, дал команду сестричкам выписать Виталия из больницы.

Как и куда «это» спрятать?

На следующий день днем я пришел к другу, чтобы произвести окончательный расчет, проведать, а главное – поговорить о том, что делать дальше.

Виталий был бодр, чисто выбрит и в приподнятом настроении.

Я достал из спортивной сумки пятьсот тысяч рублей в сбербанковских упаковках и передал партнеру.

– Вот все, что я обещал тебе, пятьдесят процентов. Можешь пересчитать...

– За спасибо не работаем! – довольно улыбаясь, шутил друг. – Тетке родной домой занесу. Пусть у нее полежат. Она тихая, верная и меня обожает! А где ты сам деньги хранишь? – вдруг спросил меня Виталий, поняв по моему взгляду, что сморозил глупость.

Я аж подскочил на стуле от услышанного!

– Ты с дуба рухнул! – вырвалось. – Потеряешь и тетку, и деньги. Причем очень быстро... Никому и никогда, даже самым близким родственникам, деньги доверять нельзя! Человек так устроен, что рано или поздно, но начнет на твое добро смотреть, как на свое собственное. Будешь потом локти себе кусать! Но пусть и так. Святая твоя тетка. Но разве умно при ком-то, даже самом близком человеке, на такие темы рассуждать?

– Ты че, Колян? Близким людям доверять нужно. И у меня таких не так уж и много... Ты – один из них.

– Да, нужно. Только врагами их нельзя делать. Я не хочу слышать, куда ты собираешься их прятать. Ведь когда ты по своей же глупости останешься без денег, тебе в голову разные мысли начнут приходить. Первая из них – кто знал, где твои деньги были спрятаны? Не так?

– Похоже, что так, – недовольно ответил Виталий. – Хотя, если честно, противно слушать такие советы. Разве моя тетка может украсть?

– Вот-вот. Меня ты уже не вспомнил. Получается, тетка оказалась честней меня. Так?

– Ладно-ладно, не горячись. Скажи лучше, что с деньгами делать? Советуй. Ты ж у нас умненький, – сподхалимничал друг. – Ну? Куда бабки деть?

– Я еще подумаю... Но так, на взлет... Пойди в разные сберкассы по городу и положи тысяч по десять-двадцать на книжки на предъявителя, а сами книжки спрячь понадежней и ни в коем случае не закапывай в землю в стеклянных банках или полиэтиленовых пакетах, а разложи по сейфам, иначе крысы или плесень их съедят. Я читал о таких трагедиях. Тысяч сто я бы хранил наличными, если кому-то дать придется. А вот где наличку держать, пока не знаю... Подумай сам. Но места эти должны быть разные, и знать о них должен только ты сам. Понимаешь, как это важно?!

Виталий задумался, что было хорошим признаком, потому что люди его склада обычно сначала делают, а только потом думают. Но я все продолжал и продолжал вдалбливать в его горячие мозги опасности, которые его ждут из-за неосмотрительности.

– Если выберешь не те места, какая-то шпана найдет – и сразу в разгуляево! Весь Киев загудит! Менты сразу придумают уголовное дело против тех, кто твои деньги украдет. А расколоть таких, что два пальца... А дальше – засада в том месте, где они деньги нашли, куда ты рано или поздно придешь. Ну а еще дальше, – пугал я друга, – все совсем просто... Тюрьма... И не выпустят, пока не расколешься! А если даже повезет, и мы сами раньше ментов этих скотов найдем, забрать у них деньги обратно или заткнуть им рты будет уже невозможно. Так не бывает... А убивать всех подряд – последнее дело. Всех, кто из-за нашей глупости что-то лишнее узнает, не убьешь. Да мы и не убийцы... Ведь так?

– Так, – не думая, согласился Виталий, на самом деле весь в мыслях, куда спрятать свои богатства.

– А самое страшное, что может с тобой случиться, – прервал я задумчивость друга, – так это то, что, когда на тебя из-за каких-то козлов тень упадет, ты ведь и знать не будешь, как попадешь в оперативную разработку. А тогда с тобой не то что дружить, разговаривать всем будет опасно! Понимаешь?

– А почему так?

– А потому что лапти тебе уже будут сплетены: постоянная слезка, телефон в прослушке... И дело только времени, когда тебя тепленького возьмут!

– Знаешь что, умник! Забирай тогда все эти деньги и сам их храни!

– Ну вот... Ты снова?! Русского не понимаешь?! – не на шутку разозлился я. – Час долблю об одном и том же. Сделай с деньгами пока, пожалуйста, что я сказал, а потом еще поговорим. Времени немного, но еще есть, – еще и еще раз пугнул я друга. – И пистолет отдай. Он тебе уже не нужен. И отпечатки пальцев при мне с него сотри...

Положительная реакция Витохи на мои советы должна была стать залогом успеха наших будущих отношений, поэтому я с нетерпением ждал его реакции на мои требования.

– Хорошо, как скажешь, старик!

И Витоха нарочито послушно взял полотенце и стал тщательно вытирать оружие, одновременно, как я видел, обдумывая каждое мое слово. И так увлекся стиранием следов, что сделал свой пистолет почти что стерильным. И это было хорошим признаком на будущее. Мозги заработали... Первый раз за все время нашего знакомства высоко наверху был я, а не он! И сбросить меня оттуда становилось Витохе все сложнее. А значит, мы полностью совместимы...

– Бери, – послушно передал он мне до блеска вытертое оружие.

«Как интересно получается в жизни, – подумалось. – Нет денег – проблема, а есть много – проблем становится в неизмеримое количество раз больше! А ведь когда их нет, даже мысли такие в голову не приходят».

Но завидовать богатеям могут только люди, которые сами никогда не имели денег. А скорее всего, и не будут. Потому что зависть – худшая из черт души! Она – лютей враг человеческого счастья и предвестник вечной нищеты. И не столько материальной, сколько душевной!

Много правды в известной народной пословице: «Не в деньгах счастье»! Но больше все же наоборот. Безденежье, нищета способны погубить все то хорошее, что и составляет понятие этого самого счастья. Нет денег – нет счастливого брака, уважения жены и детей, возможности заниматься любимым делом и многого-многого другого. Сама жизнь таких героев становится серой и однообразной, кроме разве что случаев, когда речь идет о великих одиночках, у которых единственная радость – сама работа.

– А что будешь делать сегодня?

– Ты мне столько сейчас понарасказывал, что не знаю, как и засну... Шучу, старик. Вечером буду в кафе. Надо людей повидать. Отпраздновать мое

возвращение! Завтра проснусь не раньше часа. А хочешь, – Виталий решил надо мной посмеяться, – я для тебя вечером хорошую девчонку приведу. Посидим, посмеемся. Мы же заслужили, Колян!

– Нет, дружище, я пойду думы думать, чтобы все у нас дальше получалось без каких-либо осечек! Не до девчонки. К тому же у нас разные вкусы. Я шлюх не люблю. Только любовь... И кажется, я по-настоящему влюбился. Правда! И сразу в двоих...

– Не дури, Колян! Это ты с армейской голодухи. Представляю, как ты там настрадался, бедный. Какая там любовь? Женщин надо трахать, и как можно больше. Для здоровья очень полезно, кстати, – продолжал похабно подсмеиваться надо мной он. – Не пробовал групповуху? Классная тема!

И Витоха начал развивать тему, пытаюсь ввести меня в смехотворный транс.

– У меня товарищ есть... Так мы, бывает, вчетвером барахтаемся. Или ставим будильник на три ночи. Как прозвонил – меняемся подругами. Весело! Обязательно тебя с ним познакомлю. Он какой-то замминистра. Серьезный такой, в галстук. А побудешь с ним – как на концерте. Такой хохмач... Недавно такой номер выдал! Пришли мы вчетвером. Сидим вот за этим самым столом. Шампанское пьем, анекдоты рассказываем, смеемся, все в расслабухе... А он вдруг открывает портфель, достает оттуда топорик из пенопласта. Он всего-то пару грамм весит, но вид настоящего – с яркой краской крови на лезвии... И вдруг делает злую морду, как будто что-то ужасное вспомнил, расстегивает ширинку, достает свой хоботок, кладет на стол и со всей силы рубит его топором! Даже я поверил. В пот бросило. А одна из чувих сознание потеряла!

Виталий так смеялся от своего рассказа, что вызвал припадок смеха и у меня самого.

– Вот это и есть настоящая жизнь, друг! Все надо успеть попробовать. Иначе на старости и вспомнить будет нечего. Ну иди... И книгу завтра с собой интересную прихвати. Не забудешь?

– Нет... А ты не забудь все время думать, кого к нам в команду из ребят пригласить. Вдвоем нам ничего не светит.

Это был мой первый день без утренней зарядки. Я вышел от Виталия с сумкой, набитой деньгами и тремя пистолетами, сел за руль и тут же отправился в район Китай-города, в хибару, где и сложил в специально для этого придуманный тайник под полом всю амуницию и деньги. Пистолет, из которого убили Фрака и его жену, по дороге на Березняки выбросил из окна машины в Днепр посреди моста Патона... И когда пистолет достал дна реки, туда же улеглись и все мои воспоминания об ужасных приключениях с убийствами, тяжелым ранением друга и спасением его жизни. Новый день был прекрасен!

Перед тем как выбросить оружие, я внимательно осмотрелся вокруг. Никого, ни одной живой души. Никто не видит ни меня самого, ни что я делаю...

Королева улик навсегда исчезла. И никто никогда ее не найдет! А это значит, что любые возможные обвинения в наш адрес могут строиться исключительно на косвенных доказательствах. А это в суде может и не пройти. Оружие смерти – главное доказательство любого убийства – никогда не отследить.

Пока ехал на Березняки, в голове все улеглось и разложилось по полочкам. Я еще и еще раз мысленно подвел итог всему, что произошло за последние дни, и пришел к выводу, что дело сделано успешно! Все обошлось, хотя были и громадные ошибки, особенно с убийством ни в чем не повинной женщины. Как жаль! Я все искал и искал другой выход. Конечно же, он был. Но искать его после – совершенно бесполезное занятие. Главное, над чем надо было задуматься, так это над выводами, и впредь планировать любое нападение так, чтобы подобное никогда не повторилось. Жаль...

Очкарики

Зайдя в квартиру, я решил, что давно было пора проанализировать трагедию, которая случилась, восстановить в памяти все поминутно и зафиксировать на бумаге все важное, но так, чтобы нежданный читатель не смог понять, о чем речь... Ведь раньше времени на это не было: тяжелое ранение Виталия и все последующие за этим события спутали мои планы. А сделать верные выводы из собственных ошибок – главное отличие успешного человека от неудачника, который будет наступать на грабли всю оставшуюся жизнь, но винить в этом окружающих...

Я посвятил анализу весь оставшийся день. Но систему не нарушил и вечером после легкого ужина пробежался вокруг озера.

Кстати, обнаружилось множество ошибок, которые могли привести наше нападение на Фрака к фатальному исходу. Главный вывод состоял в том, что, пока дело не завершено, а я нахожусь рядом с потенциальной жертвой, мне категорически нельзя расслабляться даже на секунду и надо постоянно ожидать подвоха. И это вовсе не вопрос технологии грабежа, а буквально и без всякого преувеличения вопрос жизни или смерти!

А почему так? Весь секрет в том, что в момент опасности собственной жизни жертва начинает мыслить нетрадиционно, появляются образ мысли и поступки, совершенно нехарактерные конкретному человеку. Он может поступать так, как ранее никогда себя не проявлял и подумать о нем никто так не мог! Его мозг в такие мгновения способен в долю секунды выдавать такие неординарные решения, предугадать которые не способен ни один самый умный и предусмотрительный человек на свете! Тут уже нельзя полагаться на свой разум и даже самый совершенный план. Нельзя верить ни одному его слову, ни одному взгляду, ни одному жесту. Адреналин уже сделал свое дело, и даже спокойный человек способен превратиться в опаснейшего и коварного зверя. А я распустил нюни от счастья и радости деньгам! Вот и получили по заслугам, а могли ведь и живыми не уйти. Ужас!

Но прочь мысли о тревожном... И вот я полностью включил мысли на созидание! И набросал на бумаге план того, что нужно было срочно делать для расширения преступного поля деятельности.

Первое и главнейшее: мне нужны были способные к слежке и фотофиксации молодые ребята незаметной внешности, нуждающиеся в деньгах и не имеющие никаких связей с криминалом. И не менее важное дело – подбор новых членов банды.

Подбором на этом этапе должен был заняться Виталий, поэтому я включился в тему набора новоявленных пинкертонов.

Каких людей я искал?

1. Они должны были иметь хорошее здоровье, чтобы на протяжении целого дня, а возможно, очень позднего вечера и даже ночью наблюдать за указанным мною объектом.

2. Уметь в совершенстве пользоваться фотоаппаратом, техникой проявления пленок и изготовления профессиональных фото. Или хотя бы иметь способности быстро обучаться.

3. Быть сообразительными, чтобы осмыслить философию нужных мне съемок. Понять, что требуются не просто мертвые изображения объекта, но главное – фото, ярко отображающие суть происходящего в момент съемки и эмоции, черты характера интересующего меня человека.

Например:

– кого из окружающих и родственников искренне любит барыга, а к кому относится прохладно или даже с ненавистью?

– злоупотребляет ли он спиртным и случайными женщинами?

– насколько сильно он любит жену, мать, отца, детей, внуков либо других родственников или любовницу? Кого больше, кого меньше?

– осторожен он или раскрывает свое богатство перед окружающими напоказ, кичится этим?

– имеет ли связи в правоохранительных органах или среди бандитов? И желательно знать, с кем конкретно?

– есть ли у него постоянные привычки и какие? Попросту: педант он или шалтай-болтай?

– есть ли какие-то закономерности в его встречах с разными людьми, особенно с подчиненными? Из чего можно было бы сделать важный вывод о том, где и когда он принимает взятки, а главное, куда он потом отвозит эти деньги;

– места, где он чаще всего бывает;

– кому из всех окружающих людей он потенциально может доверять все свои тайны?

«Ничего себе! – скажет читатель. – Да кто ж такую работу может выполнить? Только суперпрофессиональный сыщик, да и то не каждый».

А я отвечаю: не каждый, но даже многие середнячки, если только правильно и четко поставить сыщикам задачи и категорически запретить им на задании что-то додумывать, что придет в голову. Делать только то, что

сказано и задано. Шаг вправо или влево – расстрел на месте! Вернее, окончательный расчет на месте и до свидания. Тогда успех операции гарантирован. Правда, при одном единственном условии, что у того, кто ставит задачу, у самого с головой порядок, мозги на месте и т.п. Потому что «от дурной головы ногам покоя нет»...

Сыщик-фотограф должен быть обладателем постной, блеклой внешности, незаметным, что называется, никаким, и одет так, как одеты подавляющее большинство граждан того места, где будет осуществляться слежка.

На него никто и никогда не должен обратить внимание: не худой, не толстый, не совсем маленький и не высокий, не лысый и не кучерявый, не грязный и не выбритый до блеска, но одновременно слегка неряшлив. Он должен производить впечатление очень среднего человека без всяких видимых эмоций на лице и при этом не иметь вредных привычек, желательно не курить и, конечно же, не пить на задании.

Фотограф должен вести замкнутый образ жизни и в социуме быть таким же неприметным на работе или учебе. Не иметь жены или любимой, потому что только в романах и драмах писателей любящие супруги могут таить друг от друга тайны. В жизни, как я уже писал, так никогда не бывает. И если близкий клянется, что не передал твою сокровенную тайну любимой, то он обманывает: она все знает и даже больше, чем ты рассказал товарищу, потому что влюбленные имеют привычку, особенно после секса, много и подробно разговаривать в расслабке на совершенно разные темы – личные и о знакомых друг друга, да так, чтобы в душе у парочки влюбленных не осталось ничего не рассказанного! Они так трогательно увлечены друг другом, что становятся одним целым. Ну а разве может одна половина человека что-то не знать о второй? Да и кто из нас не любит посплетничать? В точку?!

Фотограф также должен иметь постоянное место работы и не бросаться в глаза участковым или операм.

Заинтриговал? И кто же это может быть? Ну конечно! Это он – бедный студент вуза, очкарик. Лучше, конечно, технарь, чтобы мог легко освоить все премудрости фотосъемки и изготовления качественных фотографий. Простой иногородний парень, которой живет на стипендию и которому категорически не дают девчонки, а друзья избегают из-за нудного характера и склонности к педантизму. Такой всегда весь сам в себе, одиночка по жизни и тихоня. Обычно парни этого круга замкнуты, не имеют друзей и ни с кем и ничем не делятся, любят эротические журналы и тихонько мастурбируют под одеялом, глядя на фото. Занудливы, педантичны и отличники в учебе.

Такие рассчитывают в жизни только на себя и в те времена делали все, чтобы после вуза устроиться по специальности и попасть по распределению обязательно в город. Ну чтоб не в родную деревню или занюханый городишко...

И таких в советские времена было пруд пруди!

Вот именно таких ребят с разных курсов и факультетов Киевского политеха я и подбирал, сидя на лавочке возле парадного входа института. Красавцы! Все как на подбор никакие... Многие правда оказались очкариками, но так даже лучше. Задрипанные очки делали их вид еще более неприметным.

«И откуда ж ты такой умный в твоём-то возрасте, что так все раскладываешь по полочкам?» – обязательно спросит дотошный читатель.

А я отвечу так: «От природы! Как и все качества человека... Только от нее матушки...»

Способность принимать правильные решения возникает у человека с наступлением определенного возраста – 18–21 год. Это закреплено Законами во всех странах и называется везде одинаково – совершеннолетие.

Но только примерно 10–20 процентов людей в мире одарены генами принимать решения и нести за них ответственность. Все остальные – другие. Они вполне могут быть более талантливыми и известными, вносить намного более значительный вклад в историю развития человечества. Но... не деловые. Например, мало кто знает, кому первому принадлежит изобретение электричества, но все знают имя Эдисона, который воплотил, читай – решил, как его использовать в быту и на производстве. А гении, кому принадлежит открытие этого феномена, никогда б до этого не додумались, и мы бы до сих пор работали или отдыхали при свечах!

Хорошо...

Сделав важнейшие выводы и нарисовав план дальнейших действий, я легко поужинал и побежал вокруг живописного озера... Вечер был теплым и безоблачным. Яркая луна и звезды позволили моему мозгу полностью переключиться на дела земные. И перед моим взором замаячила соблазнительная фигура Ольги...

Надо же, какая женщина! Чудеса!

Мысли предвосхищения все усиливались. А перед сном так сильно захотелось увидеть девушку, что мое серое вещество полностью парализовало. Я уже ни о чем, кроме нее, думать не мог. В народе говорят, что в такие моменты мужчины начинают думать не головой, а головкой. И это чистейшая правда. Мне уже начинало казаться, что я бы предпочел всем деньгам мира ее объятия! Да-да, я больше не мог ни о чем думать. Я вдруг так сильно захотел увидеть красавицу, что горло сдавили невидимые обручи не любви, а похоти! Где она? Что делает? Думает ли обо мне? Нет ли у нее еще какого-нибудь ухажера?

Меня охватило непреодолимое желание овладеть ею прямо сейчас, вобрать в себя все ее существо, вдохнуть полной грудью запах ее тела, поцеловать глубоко в губы, ощутить ее грудь, ее женское нутро. О Господи, так и кончить можно. И снова спасительная мастурбация... И полный надежд и нежности крепкий сон.

Утром я пробудился в приподнятом настроении: перед глазами маячила вечерняя встреча с самой желанной и красивой – и никаких больше дел!

И вдруг! А как же Лиза и наше приключение с ней, ее слезы и чувственные прикосновения наших рук?! Она ведь тоже после того случая в сквере никак не покидала мои мысли. Я попытался сравнить двух этих девушек...

Ну нет, Лиза – совсем другое... Я и близко не представлял ее в своей постели. Она – недостижимая мечта художника, юная мадонна, чистое неземное существо, спустившееся на грешную землю, чтобы любить и быть любимой.

Нет-нет, к такому образу я был далеко еще не готов! Пусть и дальше живет в своих грезах... Хорошая... И мне стало очень стыдно, что я столь продолжительное время пудрил ей мозги и прикидывался брошенным! Чтобы избавиться наконец от вдруг нахлынувших грустных романтических мыслей, я быстро переоделся в спортивное, сделал мощную пробежку вокруг озера Тельбин и даже искупался в холодной воде.

Полегчало. Появились продуктивные мысли, например, как провести время до 19 часов, до встречи у Главпочтамта с Ольгой. Ведь никаких телефонов она мне не оставила. Почему, кстати?

Я позавтракал и решил немного позагорать на ярком летнем солнышке на песочке. Взял покрывало и пошел на противоположный от моего дома берег озера, где пляжи были особенно хороши...

Никого... Я растянулся на теплом песке и стал смотреть в ясное голубое небо.

Господи, неужели бывает так хорошо? Я никогда не любил много людей вокруг. А тут один среди чистого золотистого песка и сверкающей на солнце голубой воды. Тишина и покой: ни звуков от людей, ни машин... Меня охватило ощущение всепоглощающего счастья! Вдруг подумалось, а почему люди в такую погоду должны заниматься чем-то еще, кроме как наслаждаться летним солнцем, ощущать покой и радость. Кто сказал и решил за все человечество, что оно постоянно кому-то и что-то всегда должно: работать, например, либо все время нести за что-то ответственность. Разве это все так важно? Разве не важнее не пропустить ни одного мгновения наслаждения красотой природы или с любимым человеком? И что такое полное счастье? Это то, что я испытываю сейчас, или что-то другое?

«Глупые мысли, – вдруг решил я, – и к тому же неконструктивные...» И моя голова сразу наполнилась пересчетом денег, которые удалось награть, и мыслями, чтобы еще такого на них купить... И все, ощущения счастья как и не было... А ведь только что казалось, что оно теперь со мной навечно...

Что за хрень – «воспроизведение»?

И вот я уже снова в квартире. Вкусно позавтракал и звоню Витохе, чтобы договориться о новой встрече... Слышу в трубке его радостный голос.

А через час я уже у него дома, мы пьем его фирменный черный кофе из турочки и с наслаждением затягиваемся вкусными фирменными сигаретами. Классно! Кофе и хорошие сигареты... Они созданы друг для друга!

Настрой Витохи меня впечатлил... Он был собран и готов к новым приключениям. После встречи с Фраком у него возникла куча вопросов. И ему впервые в его героической жизни были нужны советы. Ведь никогда ранее он в них не нуждался. Его мнение по любой проблеме всегда было окончательным, а это явная черта неудачников. И я боялся, что эта особенность его характера доминирует и сделает наше сотрудничество в будущем невозможным... Ведь мне нужен был думающий лидер банды, а не безбашенный боевик.

Пока все шло по плану. Мой авторитет в его глазах настолько вырос, что теперь я выходил на первый план в нашей опасной совместной охоте за большими деньгами! Но одновременно хорошо понимал, что ни в коем случае нельзя в открытую этим бравировать. Иначе сразу потеряю партнера. Все только постепенно...

На этой встрече я сообщил Виталию, что на днях у меня будет новый план, но от него требовалось следующее.

1. Найти пару верных людей, другими словами, собрать банду.
2. Перестать светиться в любых значных местах, потому что там его могут случайно узнать жертвы прошлых нападений.
3. Вести себя абсолютно везде, кроме кафе «Крещатик» и боксерского клуба, где он уже был авторитетом, как можно скромнее.
4. Обзавестись новым и эффективным боевым оружием и поддельными документами на все случаи жизни, а также вооружить свою группу.
5. Иметь на каждое нападение согласованный со мной план действий, вытекающий из той информации, которую я подробно буду давать ему о потенциальных жертвах.
6. Найти классного адвоката, которому сразу можно будет позвонить, если что, конечно...

7. Быть уверенным в том, что, если произойдет так, что его повяжут, я всегда приду ему на помощь и того же жду от него самого. А для этого мы должны будем найти место, которое он укажет следователю для воспроизведения обстановки и обстоятельств преступления, а выражаясь простыми словами, засаду, откуда я его обязательно вытащу.

Почему именно его? Да потому что под удар в моих планах попадал именно он. И Виталий должен был хорошо это усвоить.

Последний пункт был особенно важен для нашей совместной работы!

И вот он – дословно наш разговор на эти важные с моим подельником темы.

– А что это за новая хрень –
«воспроизведение»?

– Это следственное действие, которое
обязательно должен провести

любой следователь, если, например, было убийство или ограбление, иначе никакой суд такое дело не примет, а отправит на новое расследование, а следователя за это могут выгнать с работы. Понимаешь?

– Доследование... Знаю. Не путал бы ты меня всякой херней! Говори так, чтобы долго не объяснять. Время теряем на твои умности!

– Понял... А теперь ты пойми, что есть такой Закон. Я ведь не теряю время зря утром и все у профессора-криминалиста расспрашиваю. Так вот, там, где убит человек, следователь обязан туда прийти вместе с подозреваемым преступником, но только если есть факт признания вины...

– И что, я признаться должен в том, что кого-то убил?!

– Должен.

– А если не убивал?

– Тогда придумай, что убил.

– Ни хрена себе! И что, я должен рассказать следователю, как Фрака и его жену замочил?

– Это ни в коем случае нельзя! Ты должен выдумать что-то. Но настолько правдоподобно, чтобы следак поверил. И эту сказку надо прямо сейчас и придумать!

– А если я не признаюсь?

– Не признаешься – никуда и не поведут. Но я сейчас не об этом... Включись! Я о том, что тебе надо будет выдумать преступление, которое ты не совершал, и повести туда следователя.

– Так мне еще одно убийство пришьют!

– Нет. Исключено... Так не бывает. Если преступления на самом деле не было, обвинить и тем более осудить невозможно. Поверь просто пока... Потом подробнее поясню. Но главное – ты должен обязательно так убедить следователя, чтобы он тебе поверил. Мол, душу очистить хочешь и чистосердечно признаться, а дальше всего лишь дело техники... В том самом месте, куда ты следователя приведешь, можно устроить засаду и освободить. При условии, конечно, что партнер будет точно знать, куда именно ты поведешь следователя. Поэтому нам предстоит, и лучше побыстрее, такое место найти и хорошенько запомнить.

– А почему ты на меня намекаешь? А ты что?

– И себе намекаю. Не только тебе. С любым случиться может. Поэтому и рассказываю, что нам нужно сделать. Так, на всякий случай. Только тогда можно что-то дальше планировать. А рассчитывать, что всегда все будет только хорошо и отлично, так только дураки делают.

– Ты что, уже на кичу собрался?

– Станный вопрос, друг...

Виталий несколько минут подумал. И только потом озабоченно ответил:

– Ладно... Пусть будет, как говоришь. Ты ж за безопасность отвечаешь. Не напугал. Продолжай... Что делать?

– Давай прямо сейчас поедem в то место, «где не ты человека убил», – с улыбкой проговорил я. – Тут недалеко. За час-полтора управимся. Я знаю самое удобное место для засады.

– А почему именно сейчас и так срочно этим заниматься? Мало ли что обсудить и сделать важного еще надо?

– Слушай внимательно! – безапелляционно заявил я. – Только полные идиоты при наших с тобой делах не готовятся к худшему и не ищут от него заранее спасения. Это и есть самое что ни есть на сегодня главное. Садись ко мне в машину и поехали, а по дороге и на месте я все расскажу и покажу...

Любые мои разговоры о тюрьме, да еще приправленные ужасами пожизненного или расстрела, очень сильно раздражали Виталия, и он заранее хоронил в себе мысли о таком своем будущем. Ну и злился, конечно же! И все это приходилось преодолевать. И не столько словами, сколько эмоциями. Потому что такие, как Виталий, от обычных слов и заумных рассуждений засыпали. Любые доводы и самые мощные аргументы превращались в голове моего друга в сплошное нытье. И мне приходилось тратить немало душевных сил, чтобы пробиться внутрь его сознания. Но... что делать? Деваться было некуда... Каждый раз мне приходилось заводить себя чуть ли не до истерики. И я это с собой делал, хотя и меня, как и его, сильно раздражала такая форма общения. Его – моя нравоучительная назойливость. Меня – его манера рубить с плеча и не думать о последствиях!

По дороге я сто раз напомнил Виталию о моем главенстве в вопросах безопасности, что я буду потом переспрашивать его, все ли он понял из того, что я только что рассказал. Напряжение росло. Вполне могло произойти, что мы послали бы друг друга на все четыре стороны, но я знал, что потом снова сойдемся. И все равно будет по-моему. Или ни по какому, то есть разойдемся навсегда!

Виталий стерпел, а я оценил его подвиг. И вот мы уже в районе Броваров, в густом лесу, хорошо знакомом мне с детства по ночевкам с кострами в пионерском лагере.

«Опасные игры» и клятвы под дубом!

Оба, обалдевшие от разговоров в машине, кто и в чем главный в деле, мы вышли из моей машины и ступили на травянистую полянку, в центре которой возвышалось старое ветвистое дерево.

– Смотри, видишь вон тот старый дуб?

– Ну да.

– Хорошо его запомнил?

– Ну запомнил.

– «Ну» не подходит! – продолжал раздражать я Витоху. – Или запоминай на всю оставшуюся жизнь, или расходимся как в море корабли...

– Не пугай расставаниями! И без тебя проживу! – огрызнулся друг.

Это вызвало у меня смех, потому что именно такую реакцию я и ожидал от необузданного характера друга.

– Что ржешь? Запомнил! – наконец твердо заверил меня Виталий, что будет помнить, как мать родную.

Мы подошли к дереву, и я, указывая на бугорок подле него, пальцем показал, где он якобы зарыл труп.

– Ты, или я, или кто-то другой из наших, если арестуют, должен будет указать на это место и рассказать сказку о том, что именно здесь кого-то убил.

– А кого?

– Любовницу, например.

– А как ее зовут и где она обитала?

– Классные вопросы, старик! У тебя есть предложения?

– Ты ж главным назвался. Ты и придумывай.

– Ок. Я и придумаю. Только позже, а то здесь до вечера пробудем.

Комары закусуют.

– Хотя бы за что убил, скажи...

– За измену.

– А с кем и когда?

– С кем и когда – придумаю позже.

А сам подумал: «Все идет по плану. Я не ошибся в выборе. Виталий – умный человек, хотя именно в этот момент, грубо говоря, выеживается, чтобы загнать меня в угол».

Но я ошибся. Виталий перехватил у меня инициативу. И теперь уже он командовал парадом!

– Ну уж нет! – заупрямился друг. – Раз приехали, тут все и решим.

И нельзя было ничего возразить. Он был прав на все сто, и я согласился.

– Если не продумать даже мелочь, проверят запросто, есть такая девка или нет, и были ли у тебя с ней на самом деле отношения. Любой следок за пять минут расколет, что девчонки такой на самом деле нет или она жива и все это брехня!

– Вот, наконец я дождался от тебя, дружище, вопросов профессионала, а не того, кто в тюрьме всю остальную жизнь провести собирается. Ведь это и есть сейчас самое главное... А я уж о плохом подумал...

Виталий подмигнул мне в ответ, широко улыбнулся и приободрил:

– Не бзди, старик, не все так плохо. Просто не люблю, когда ты умничаешь и давишь на мозг. Но с другой стороны, по-другому со мной невозможно. Надо мной никогда и никто раньше верх не держал. Я этого терпеть не могу. Сам понимаю, что не прав с тобой бываю, а сделать ничего с собой нет сил. Характер, бл-дь!

– Да классно все, Витя. Не бери в голову. Мы должны притереться. Иначе путь в никуда! Мы с каждым днем или ближе будем, или дальше. К сожалению, так.

– Снова умничаешь!

– Замолк, начальник, – пошутил я.

Мы присели под деревом на траву и где-то полчаса придумывали разные истории. Решили так: девушку будут звать Лена, познакомился

случайно вечером на Крещатике в начале июня этого года, блондинка, невысокого роста, 18–20 лет, а адреса и фамилии ее – будем отвечать – не знаю, а убил – задушил за то, что деньги – 2500 – из моей квартиры, где я с ней трахался,

украдал. Труп из квартиры вытащил в старом большом чемодане, а потом пустой чемодан выбросил где-то в лесу, когда ехал обратно в Киев.

– А сколько ты ее знал и что конкретно?

Виталий на несколько минут задумался и ответил.

– Знал ее месяц. Подцепил на Крещатике.

– Не пойдет, старик. Если месяц знал, то соседей начнут опрашивать и тебя могут спросить, звонила она тебе или ты ей, а чем говорили на встречах, где работала и т.п. И на одном из вопросов завалишься. Лучше так: познакомился в тот же самый вечер, поговорить ни о чем серьезном не успели. Да и не помню все точно, пьяный был. Помню только, что проснулся ночью как в тумане, а она по квартире шарит и карманы моей одежды выворачивает. Тогда и грохнул от злости! Кулаком в челюсть. Ты же кандидат в мастера. А я буду говорить – задушил. Как ты ее тащил и в чемодан укладывал, сам придумай. И я у себя в квартире с удушением и чемоданом сам потренируюсь. Все, что сейчас придумали, – более чем достаточно. А неточности какие-то можно списать на пьяное состояние.

– Ну а дальше? – резонно спросил Виталий.

– А дальше следователь обязан будет в этом самом месте копать землю с помощниками, потому что у тебя руки будут оставаться в наручниках. Даже на кинокамеру все это будут снимать, так профессор объяснял. Обо всем этом ты заранее пришлешь мне весточку через Седого или любого другого тюремщика (ты же рассказывал, что там все на лапу берут), что в такой-то день и время, хотя бы примерно, тебя повезут к этому самому дубу... Ну а я уже тут как тут с оружием и на автомашинах буду поджидать тебя в кустах, которые вокруг... И когда следователь придет, мы его и всех, кто с ним, обезоружим, у машины колеса проколем, всех свяжем, свалим в кучу и рты заткнем... А подозреваемого целого и невредимого увезем подальше от Киева. Ну а дальше без вариантов – жизнь по поддельным документам. Но тихая. И из дела этот человек на пару лет выбывает. Но мы ему платим его долю, как будто он остался в деле. Если, конечно, не придурок и никого не сдал. А если успел сдать – такая операция уже ни к чему. Все... Тогда разбежались и, как ты любишь говорить, забыли. Понял?

– Понял, – задумчиво ответил приятель. – Только теперь дошло о том, как ты меня уговаривал самых надежных ребят к нам подбирать. Серьезная тема! Буду дальше думать... Я в бегах себя как-то не очень представляю. И дело очень жаль будет! Неужели на этом все и закончится?

– Чтобы не закончилось, надо садиться за стол, не здесь, и все подробно проанализировать, как жить дальше. А пока рано думать... Не дай Бог такое!

– Вроде как не очень сложно у нас все получилось... Только стрельбы будет много и, если до этого я как-то еще смог бы каким-то боком открутиться из-за недоказанности, то тут под дубом я уж точно стану самым опасным преступником-убийцей!

– Никто и никого на этом воспроизведении убивать не должен. Это тоже очень и очень важно. К тому же менты тоже люди и жить хотят, и ради

что им потом ордена дадут, отстреливаться не станут. Хотя может попасться и полный идиот, который за орден захочет жизнь отдать. Но это уже исключение из правил. Неожиданности случаются. Но чтоб такие? Вряд ли... Да и выход здесь напрашивается всего один. Убить придурка! Но помнить всегда и везде, с чем бы ни пришлось столкнуться и как бы ни провоцировала тебя или меня жертва, – мы не убийцы. Не убивать – принцип! Нарушать нельзя. Только в самом что ни есть крайнем случае!

– Ну а если представить, что все-таки не получилось освободить, что тогда?

– Снова ты в точку! – похвалил я Виталия. – Тогда всегда можно выдумать, что не знаешь, кто и зачем придумал план твоего спасения. А главное – ты это не планировал и никого не убивал. Оружия у тебя не будет, и кричать должен будешь все время на публику в сторону освободителей: «Кто вы такие и что вам от меня надо?!»

– А почему ж я на это место указал, где никакого труп нет?!

– Молчать будешь и все, как и я в таком случае. Пусть сами доказывают, что и зачем! Есть такое правило в Законе – презумпция невиновности. Это значит, что не ты должен доказывать свою невиновность. Это работа прокурора. Не хочешь рассказывать – твердо заявляешь: «Дальше об этом и слова не скажу!» Помнишь, я тебе в кафе о журнале для следователей рассказывал? Там все очень подробно написано. И примеров полно. Кстати, о приеме с дубом любая тюрьма знает. Это для тяжких как отчет наш. Но чаще всего его используют те, кому расстрел светит, чтобы перед тем, как иной мир увидеть, на этот еще раз посмотреть. Срабатывает всегда. Правда, об освобождении, засадах и перестрелках, честно, ничего не читал. Да и какой дурак-следователь о себе такое расскажет?

– И что, все прокуроры в такую сказку верят?

– Если ты сам в нее поверишь, то и любой другой поверит. Надо только над деталями поработать. Главное, Витя, чтобы никто из ментов убит не был! Иначе вся милиция поднимется. Убийство своего сотрудника там не прощают. И считают делом чести отомстить убийце товарища. Такова у них профессиональная этика, запомни: не привлечь к ответственности, а именно убить! Чтобы запугать тех, кто только еще думает об этом. Кровь за кровь! И все, что я тут рассказываю, тебе придется своим ребятам во всех подробностях рассказать. И особо дерзких не бери. Я знаю таких, психопаты! И что от них ожидать, они и сами толком не знают. А я всегда должен оставаться в стороне... И не потому, что боюсь. Думаю, понимаешь почему?

– Понятно. Кто-то должен быть всегда вне подозрений и что-то подобное с дубом замутить. Или иначе защитить... Это мы в кафе проходили. Не заикливайся на фигне. Или ты, или я, но один из нас должен быть в тылу.

– Все, кто к нам присоединится, – твои друзья. Ты их знаешь и за них отвечаешь. Я – за безопасность. Как и договорились. Слушай, Витоха, – вдруг предложил я. – А давай прямо у дуба поклянемся, что не пощадим своей жизни для освобождения товарища, если к тому беда вдруг придет!

Виталий от души рассмеялся.

– Ты серьезно?! В жизни такой херни не слышал! Придется тебя поучить уму-разуму, Колян. Так слушай. Если парень верный, то он такой по жизни и есть! А если говно, то, сколько бы ни бил себя в грудь и слов красивых ни говорил, таким же вонючим дерьмом и останется. Неужели ж умный такой, а простых вещей не понимаешь?!

– Ты прав, конечно, но далеко не во всем, Витя! – с очень серьезным видом, чтобы показать, что не отстану, сказал я. – Клятва – это ритуал, символ преступной семьи. Как крестик у православного. В них действительно нет смысла, если ты изначально другу не доверяешь. Но если ты с ним строишь все свое, мы ведь уже повязаны кровью, то громадный смысл! Не я придумал. Ты же сказал, что всю книгу о Доне Корлеоне прочел... Или не так?

– Ну и где там про клятвы? – уже не так энергично и даже без намека на смех продолжал возражать Виталий.

– А перстень на руке Дона? Кто его целовал?

– Я перстни не ношу, а у тебя руки от травы грязные! – снова ударился в шутки Витоха.

– Издеваешься? Ну при чем руки и перстень?

– Ну, давай-давай, предлагай, что решил. Хер с ним, поклянусь! Ты всем своим пацанам во дворе клятвы даешь, прежде чем другом назвать?

– Веришь? Мне раньше никогда такое в голову не приходило. Место располагает и тема, которую обсуждаем. Все серьезно! А ты сам не чувствуешь?

– Не думал...

Виталий внимательно огляделся по сторонам, потом сосредоточил взгляд на мне и уверенно сказал:

– Клянись, а я повторю. И поехали уже отсюда. Комары всего искусали...

Я подошел к дубу, прислонился руками к извилистой шершавой коре, поднял голову к небу и как можно более торжественно произнес:

– Клянусь, что никогда не брошу в беде своего друга Виталия! Никогда не обману и буду предан ему всегда и в любом деле. А если надо будет ради него рискнуть своей жизнью, сделаю и это! С этой минуты он мне не только друг, но и брат!

– Ну и завернул ты речь! Я такое в жизни не повторю. Но... буду тоже верным другом тебе, Коля! От души говорю, матерью клянусь!

После клятв, слегка смущенные торжественностью случившегося, мы сели в машину, и я завез друга домой. Всю дорогу промолчали, каждый думал о своем...

– Я вечером буду в кафе. А ты позвони мне завтра после трех в любое время. Я целый день дома...

– Договорились. До завтра...

Я вышел из машины и, прощаясь, обнял Виталия, а он ответил мне взаимностью. Это было трогательно, и впоследствии мы так прощались всегда. А на людях приветствовали друг друга крепким рукопожатием.

«Проходная» интрижка и вселенская грусть

Наступал вечер, а значит, близилась долгожданная встреча с Ольгой. Оставался примерно час. Я весь включился в романтику! В голову пришла шальная мысль ошарашить женщину дорогим подарком.

Я заехал в ближайший от Крещатика двор возле Центрального универмага и зашел в ювелирный отдел. Выбрал понравившуюся мне цепочку из золота: не тонкую и не толстую, но дорогую, с алмазной блесткой. Все остальное показалось мне безвкусным: какие-то кольца с большими цветными камнями да всякая дребедень из серебра.

Симпатичная девушка за прилавком явно проявляла ко мне интерес.

«Адидас» сработал. На вид ей было 22–23 года. Яркая брюнетка со смуглой кожей, сильно накрашенными губами и выше меня сантиметров на пять ростом. Худющая, но довольно изящная, с маленькой грудью и большими глазами.

– Люба, Любовь, – кокетливо представилась она мне. – А ты всем девушкам такие дорогие подарки даришь?

– Только жене, – полусерьезно ответил я.

– Жена любви не помеха. Заходи к концу рабочего дня. Домой проводишь, – во весь рот улыбнулась она ярко-красными пухлыми губами, открывшими ровные и белые зубы. – Тебя как зовут?

– Коля, – представился я. – Сегодня никак. Жене обещал, – с легкой иронией ответил я так, чтобы она не очень-то и верила. – Но жди... Как-нибудь вечером с цветами и шампанским заеду.

Продолжить ворковать дальше нам уже не дали. Возле прилавка столпилась куча людей, в основном женщин. Они стали громко возмущаться затянувшейся покупкой, и Люба, чтобы впечатлить меня и показать, кто здесь хозяин, обратила на них презрительный взгляд.

– Нечего кричать! Вас тут много, а я одна! Успеете!

Потом, не обращая внимания на очередь, со спокойствием героя в стае ненавистных врагов спокойно вытащила из-под прилавка маленький листок бумаги, демонстративно и неспешно принялась писать мне свой телефон. Скомкала бумажку в шарик и метко перебросила его через головы разъяренных дам прямо мне в руки.

– До свидания, Коля! – во весь голос крикнула она мне на прощание. – Это мой рабочий телефон. Предупреди, когда заехать надумаешь.

А дальше, зло огрызаясь, сосредоточилась на продолжении работы.

– До свиданья, Люба! Позвоню обязательно! – крикнул я в ответ. На том и расстались...

Эта случайная встреча не оставила и следа в моей душе. Я не считал себя настолько привлекательным, чтобы вот так сразу и с одного только взгляда в меня могла влюбиться красивая девчонка. Верил только в то, что могу нравиться и, в отличие от писанных красавцев, рассчитывать на взаимную любовь, но исключительно после трогательной прелюдии –ухаживания. И конечно же, если сам влюблюсь по-настоящему!

И все же кокетливое внимание привлекательной продавщицы было в тот вечер вовсе не лишним: подняло самооценку и тешило самолюбие. Телефон ее я сохранил...

И вот я в 19:00 у Главпочтамта с букетом алых тюльпанов и подарком.

Но... О ужас! В семь часов вечера Ольги на условленном месте не оказалось... Я занервничал, и эта нервозность с каждой минутой все возрастала. Гнусные предположения роем влетели в мою голову: посмеялась, «динамо», посчитала, что я ей не ровня, у нее давно любовник, она просто со мной флиртвала... Эти мысли заставили меня содрогнуться! Ух, как же я стал зол! К тому же мне стало нехорошо: появился сильный озноб, и я ясно почувствовал, что от ревности у меня поднимается температура... Меня охватил жар и выступил пот!

Так случалось со мной считанные разы в жизни. И всегда только от ревности! Но до этого случая никогда. Я всей душой осознал, что ревную так сильно, как никогда в жизни!

В таком вот несчастном состоянии я прождал около часа. Никого...

«Нет-нет, – успокаивал я себя, – она не могла в меня не влюбиться. Я лучший, я самый-самый...» Но самовнушение не помогало.

Тогда я попробовал свой давний прием отвлечься, стал разглядывать лица прохожих. Но был понедельник, поэтому праздных людей вокруг почти никого. Все озабочены и куда-то быстро идут... Машины, машины, машины... И я медленно поплелся в свой родной двор.

Здесь все было как всегда. Время как будто ничему не учило моих друзей, оно для них в буквальном смысле остановилось. Они оставались по уровню мышления и по привычкам такими же пацанами, как и вчера. Хотя по возрасту давно уже превратились в зрелых мужчин. Но не росли... Те же пустые разговоры: кто с кем подрался, кто вчера напился и какие глупости наговорил, у кого сколько денег, чтобы купить очередную бутылку. Тут ни девчонками, ни приключениями, не говоря уже о таких чувствах, как любовь к девушке, или о том, как заработать деньги, и не пахло. Все обыденное, пустое... Почему же мне раньше так не казалось?

Я еле-еле нашел в себе слова поддержать глупые разговоры и часов в десять вечера пошел к своим бабкам-стукачкам, чтобы почитать на ночь книгу и хорошо выспаться.

Как дальше быть с мечтами об Ольге? Но я мужественно решил, что постараюсь ее полностью забыть. Подумал: «Мало ли красивых девчонок в Киеве!»

В то время я читал трилогию Драйзера «Финансист. Титан. Стоик». Мне очень импонировал главный герой Фрэнк Каупервуд: страстный, увлеченный деньгами и красивыми женщинами, успешный благодаря тонкому просчету каждого своего шага. Сам того не понимая, я учился у него всему, что мог понять. Но его мир был так не похож на мой собственный... И охватить своим разумом все, чем жил в то далекое время этот великий человек, я, конечно же, не мог... Да и сосредоточиться на чтении тоже.

У моей мамы, как и у многих советских людей того времени, была привычка собирать и выписывать всех без разбора отечественных и зарубежных классиков, а потому собрана очень даже приличная библиотека. И поскольку одна из моих неизменных страстей с детства было чтение, я прочел до 18 лет почти всех классиков. А некоторых, например Тургенева, Джека Лондона, Конан Дойля, Хемингуэя, Гоголя, Сервантеса, Паустовского, Ильфа и Петрова, Пушкина, Лермонтова, Марка Твена, Достоевского и многих-многих других писателей прошлого, даже по несколько раз! Не нравился только Толстой. Как только начинал его читать – подло подкрадывался сон.

А самым любимым в описании природы, поскольку я ее обожаю, конечно же, был Иван Сергеевич Тургенев. Боже, как же была тонка его душа! Как образно и одновременно точно и красочно описывал он, казалось бы, самые простые явления природы! А какая в нем жила сила русского слова, и как виртуозно он им умел пользоваться! Ну а авторитетами в описании человеческих характеров, конечно же, были Достоевский, Хемингуэй и Джек Лондон.

Я взял с полки Тургенева. Прочел отрывок из его рассказа и постепенно успокоился. Так и заснул...

Как я не стал юристом

Как и обещал Александру Ивановичу, я продолжал усиленно готовиться к поступлению на юридический факультет и ежедневно с двух до четырех часов дня неизменно торчал в научной библиотеке, изучая древнюю и современную историю – главный экзамен, который предстояло сдать, чтобы быть зачисленным.

Не скажу, что мне нравилось это занятие. Особенно вчитываться в те многочисленные разделы истории, которые касались партийного строительства нашей великой социалистической Родины и вообще все, что не касалось Российского государства.

Я с трудом запоминал имена и события и старался удержать их в памяти хотя бы до экзамена. И все только потому, что мой ум устроен настолько предметно, что я с детства запоминаю исключительно то, чем буду дальше пользоваться, что мне нужно или поражает воображение романтикой, необычными человеческими судьбами, описанием природных явлений, любви

и дружбы. Остальное начисто и безвозвратно автоматически удаляется. Прочел или услышал – и забыл навсегда.

Втягиваясь в преступления и планы их подготовки, я все больше приходил к мысли, что институт – не мое, но все равно приходил в библиотеку, потому что жаждал новой встречи с Лизой.

Зачем и почему я это делал? Ответа не было. Одно только непреодолимое желание видеться с ней, подержать ее пухлую белую ручку в своей, заглянуть в глаза, увидеть невинную, чарующую улыбку. Энергия молодости и сопутствующие ей безумия буквально гнали меня в читальный зал. И я ждал девушку с таким нетерпением, что начисто перестал понимать, что я читаю... Отчего злился и все время смотрел на часы. Ведь после нападения бандита – нашей последней встречи – прошло около двух недель. А ее все не было...

Как вдруг кто-то нежно притронулся сзади к моему плечу. Я и не сомневался... Это она! Наконец! Дождался...

– Привет, Коля! Как идет подготовка к экзаменам? – проворковала девушка.

– Господи, Лиза! – вырвалось у меня из груди. – Я так соскучился по тебе! А где фирменные бутерброды?

Девушка смутилась. Ее и без того розовые щечки совсем расцвели цветом самых любимых из моих цветов – пионов. Мне даже показалось, что я слышу их необыкновенный аромат. Она нежно улыбнулась и указала пухлой ручкой на сумочку.

– Все тут, Коля. И самые вкусные.

– Слушай, а давай хоть один день прогуляем занятия. Посмотри, какой сегодня прекрасный солнечный день. Представляешь, как хорошо сейчас оттянуться где-нибудь в парке на скамеечке?

– Согласна, – как будто ждала от меня именно этого предложения, ответила девушка. – Только без драки. Обещаешь?

– Конечно... Если что, сразу убежим.

– Идет. Пошли.

Мы спустились вниз, и по дороге я сказал девушке:

– А хочешь я тебя удивлю? Покажу чудо!

– Ну, конечно же, хочу. Ты же такой выдумщик!

Вот тогда я и сделал шаг, который привел к полному разрыву наших романтических отношений, а заодно и моих потуг поступить в вуз.

Взяв за руку, я отвел Лизу к своей красавице «тройке», которая стояла прямо напротив красного корпуса университета. Открыл перед девушкой переднюю дверь и пригласил сесть в машину

Девушка с улыбкой согласилась. Я важно сел за руль, завел двигатель, и мы медленно поехали в сторону Парковой аллеи.

– Как здорово! Ты и вправду волшебник! – почти кричала от радости и хлопала в ладошки красавица. – Ты и водить умеешь? Какой молодец! А кто дал тебе эту машину?

– Моя собственная, – торжественно ответил я.

– Не шути, Коля. Так нечестно. Ну правда, чья машина?

– Говорю же, моя. А тебе нравится цвет?

– Все нравится, – задумчиво ответила Лиза. – Но зачем ты меня обманываешь? – уже не так уверенно продолжала она настаивать на своем.

– Я никогда тебе не вру. Моя.

– А где же ты взял такую кучу денег?

– Бабушка оставила. Я не говорил тебе раньше? У меня была бабушка, дворянка. По линии отца. Я ее почти не помню, – нагло врал я, – но кое-что припоминаю. Она меня очень любила. Была богатой еще до революции. А когда отец нас с мамой оставил, дала маме много золотых монет. Но взяла с мамы клятву, что она не скажет мне ничего, пока мне не исполнится 25 лет. И вот, представляешь, сразу после того, как я тогда подрался с тем бандюгой, позвонила мама и рассказала, какую половицу в паркете квартиры оторвать, чтобы золото найти. Правда, просила часть моему брату отдать, – вошел я в фантастический клинч. – Все золото я на прошлой неделе продал соседу-ювелиру, отцу моего дворового друга. Вроде бы он не должен был обмануть. Пять тысяч брату оставил. А себе вот машину купил. А права на вождение у меня еще с Армии были. Там нам всем выдавали...

Лиза задумалась, ее губки и густые брови непроизвольно сомкнулись, и какое-то время мы ехали молча, а потом вдруг она повернулась ко мне и решительно заявила, что ей срочно надо домой.

– Почему? Мы же только заехали на аллею...

– Нет-нет, мне надо домой. Папа ждет. А я, дурочка, забыла совсем. Потом еще съездим... Пожалуйста, разворачивайся.

Я медленно развернул машину и, понимая, что это все, постарался проникнуть в мысли девушки. Почему так? Но не успел...

– Знаешь, Коля. Не такая я дурочка, чтобы не понимать, как ты на моих глазах изменился. И пока я не узнаю правду, как ты вдруг так быстро разбогател, мы не увидимся. Я же вижу, как ты дорого одет. Одни только часы «Сейко» на руке сколько стоят! Ты совсем стал другой. И мне нужен ответ. Скажи правду, и я снова разрешу тебе себя обнимать. А если и дальше будешь врать, ты станешь для меня непонятным и абсолютно чужим человеком. Получается, я тебя совсем не знаю. И тогда мне надо сначала все о тебе, о новом, папе рассказать. У нас с самого детства договор с ним такой, что я всегда ему правду говорю и советуюсь, если что-то серьезное. Не хочу нарушать традиции и сделать ему больно. Сама понять, как ты мог так быстро разбогатеть, не могу. А про бабушку и золото ты все наврал. Я не дурочка с переулочка. Понял?

– Ладно-ладно, признаюсь, обманул. Мне и самому от этого противно!

Я был искренен в своих чувствах. И взаправду хотел все-все рассказать девушке. Но как это возможно? И только понуро ответил:

– Это пока что тайна, Лизонька. И не моя. Не заставляй меня врать дальше. Просто поверь. Расскажу, когда придет время. Очень хочу сказать. Ты должна верить мне...

Но куда там!

– Как жаль... А я-то думала...

И Лиза горько-горько заплакала.

От ее слез, а еще больше от совершенно дурацкой ситуации и ссоры я полностью растерялся. А чуть позже и сильно рассердился. Нет-нет, не на себя. На нее.

В тот драматичный момент мне уже не было жалко слез девушки, наоборот, охватила жгучая обида, что Лиза категорически не хочет видеть во мне самостоятельного и самодостаточного парня-мужчину. Такой и близко не нужен. Ей подавай несчастных котика или собачку, но в человеческом обличье. Значит, вот как... Папа, мама для нее все! А я как был никто, так и остался.

В ответ мне захотелось сделать ей больно, и я произнес:

– А что, твоя игрушка в моем лице не имеет права на секреты? И разве это не секрет, который нельзя никому рассказывать, что твой папа по благу устраивает тебя и меня на факультет. Это честно?!

– Не смей трогать моего папу. Он тебя пожалел. И никакая я тебе ни Лизонька. И не звони. А бутерброды свои забирай!

С этими словами она вышла из машины и, не попрощавшись, зло хлопнула дверью.

А я тут же круто развернул машину и поехал по своим делам! В тот момент я по-настоящему разозлился на избалованную девчонку, которой уделил столько внимания и душевных эмоций. Я был очень зол... И на себя, что был так доверчив, и на нее, потому что она сделала очень больно самому чувствительному нерву в теле самоуверенного мужчины – самолюбию.

Но жизнь продолжалась... Мне удалось взять себя в руки. Я успокоился от мысли, что сам Господь вывел меня из состояния абитуриента, на что приходилось тратить так нужное мне именно сейчас время. Было, конечно, жаль. Болело самолюбие! Но моя натура человека дела и обретенная в Армии система в конце концов победили. Все к лучшему! Забыли, как говорил мой новый друг Виталий, и поехали дальше...

Отъехав немного от дома профессора, я остановился возле ближайшего телефонного аппарата, набрал несколько номеров очкариков-следопытов и совершил с ними очередную серию встреч. И так аж до позднего вечера.

На Березняки ехать не захотелось. Поэтому я спрятал машину во дворе дома, который рядом, установил противоугонное устройство и зашел в свою (мамину) квартиру.

На звук дверного ключа в коридор выскочили две Бабы-яги.

– А-а-а, явился – не запылится. А мы тут все обыскались тебя. Как-никак сосед. Ты что ж это? Или куда на заработки уезжать намылился?

Они бы задали мне еще как минимум сто вопросов... Но я, даже не посмотрев в их сторону, ничего не ответил и мигом заскочил в свою комнату. Разделся, взял с книжной полки томик обожаемого мною с детства Андерсона и стал читать сказку о Нильсе и его приключениях. Боже-Боже, что за сказочник был этот великий человек! Какие фантазии! Обожаю волшебные приключения!

С книгой и заснул... побыстрее бы начался новый день!

Мир не без добрых... женщин

Утром следующего дня я побежал на стадион «Динамо», чтобы не встречаться в сквере с профессором – отцом Лизы. И бегал вокруг футбольного поля как дурак в одиночестве, краем глаза наблюдая, как толстые тетki у скамеек болельщиков пытаются сбросить жирок, смешно махая руками и ногами...

Наматывая круги, я в деталях проанализировал вчерашний разговор с Виталием и постепенно сосредоточился на вопросах, которые буду задавать претендентам, которых он обещал привести в банду.

Конечно же, в мои размышления все время неожиданно врываются образы Лизы и Ольги, но мне удавалось их сразу хоронить, а чуть позже они и вовсе испарились... Этого требовала напряженная обстановка, связанная с подбором новых членов бандитской группировки.

Личное постепенно ушло в никуда. И это одно из чудесных свойств моего характера. Я научился сосредотачиваться на главном. Так случилось и в этот раз. У меня созрел очередной план и пути его реализации. Все стало на свои места.

После пробежки, душа и завтрак я быстро оделся и поехал на Березняки... В дороге меня вдруг снова охватила вселенская тоска. Я почувствовал себя таким одиноким и брошенным, что сильно захотелось поговорить с кем-то очень близким, который бы успокоил мою душу и сердце и сказал какие-то очень добрые слова в мой адрес.

Но где взять близких сердцу людей? С дворовыми можно лишь выпить да похабно посмеяться. С Виталием? Нет. С ним только о делах и ничего личного. Как вдруг! На тебе... чудо! Возле дома Бог послал мне встречу с квартирной хозяйкой, одиноко сидевшей на скамейке возле подъезда. Она что-то вязала и приятным голосом тихонько мурлыкала полонез Огинского. У нее был отличный слух, а трогательная мелодия задевала душу. Я впервые увидел Марию Ивановну совсем в другом свете: не придирчивой хозяйкой, а доброй, заботливой и до боли одинокой женщиной. Она почему-то вызвала во мне такую жалость, что моя грусть сразу спряталась за проблемы, которые были видны в лице моей соседки...

Конечно же, я мог пройти мимо, дежурно кивнув головой. Но я совершенно неожиданно для себя почувствовал такую душевную близость с грустью хозяйки, что я прервал ее тихую песню и обратил на себя внимание.

– Как ваши дела, Мария Ивановна, как здоровье? – с видом доброго знакомого обратился я к ней.

– А-а, Николай, – как будто прочла она мои мысли. Присаживайтесь. Что у вас слышно?

– К экзаменам готовлюсь. Устал от книг, – с видимой грустью подчеркнул я свое душевное состояние.

– А почему именно юристом стать хотите?

«Надо же, – подумалось. – Помнит...»

– Люблю справедливость. Хочу стать адвокатом и защищать людей от произвола властей.

– Так вы диссидент? – пошутила она.

– Совсем нет. Правду люблю, и все.

– И мой покойный муж был правдолюбом, да еще каким! Но не юристом, стал геологом. Это была мечта его детства. И он как был ребенком, таким и ушел, – совершенно неожиданно вдруг стала говорить со мной о сокровенном в ее жизни домохозяйка.

И надо же! Точно попала в цель. Как будто именно этот, как потом оказалось, очень грустный рассказ, я в тот момент и хотел от нее услышать, случайно повстречав у подъезда.

Удивительно, но это была не случайность: у подъезда неожиданно встретились две грусти и, естественно, потянулись одна к другой...

– Вам интересно, Коля? А то ведь я на пенсии, и делать мне нечего, а у вас наверняка дел много.

– Интересно, интересно, рассказывайте. Я с детства люблю жизненные истории. К тому же я только что из библиотеки. В голове столько всякого, что умом тронуться можно. С большим удовольствием вас послушаю, а заодно и отвлекусь, – подбодрил я хозяйку.

– Вы очень интеллигентный мальчик, Коля! Вы делаете мне приятно. Наверное, не хотите обидеть старушку. Ну что ж, раз так – расскажу. Но я не очень умею вовремя остановиться. Так что, если затяну рассказ или вдруг неинтересно станет, не стесняйтесь, говорите. Честное слово! Не обидите...

– Конечно-конечно, Мария Ивановна! Не беспокойтесь об этом...

– Много мой Коля провел времени на Севере. Видишь, полный твой тезка. Так увлечен был! А сколько фотографий привозил и как интересно рассказывал о своей работе. Говорил, что Север так красив, что нет такого писателя в мире, чтобы мог его весь описать словами.

Рассказывал, что там живут совершенно необычные люди: многие – прямые потомки ссыльного дворянства. Тех, кто когда-то выступал против царской власти. Голубая кровь! Ну и наших современников – диссидентов там полно... Такие истории из их жизни рассказывал, что душа плакала! Очень мужественные люди, говорил, очень чувствительные к любой лжи или подлым поступкам. Негодяя, Коля, представляешь, даже убить могли! И ничего никому бы за это не было. Там почти нет власти. Вот как...

Живут там и потомки царской знати, и переселенцы из тех районов СССР, где категорически не хотели признавать советскую власть, особенно много русских казаков, чеченцев... В общем, какой-то затаенный и никем не изученный мир. И люди, как продолжение природы, необузданные и чистые душой. Другие там не выживают. Хотите, фотографии принесу?

Она явно тосковала по любимому человеку. Мне стало еще больше жаль хозяйку. И совсем не старуху, как она сама себя называла, а красивую русскую женщину в годах...

– Конечно же, покажите...

Она насколько возможно быстро зашла в подъезд и вернулась с большим альбомом, из которого поочередно доставала самые важные, на ее взгляд, фото, показывала мне и подробно комментировала.

Так я впервые в своей жизни увидел снимок северного сияния, белого медведя на каменистом берегу Баренцева моря, стадо оленей и бескрайнюю, бешеной красоты буйно цветущую весеннюю тундру. И еще много-много всего, что было мило моей душе – истинному ценителю дикой природы...

В альбоме было много портретных фото людей. Видимо, тех, с кем приходилось общаться Николаю, ее мужу. И лица не меньше природы тоже поражали мое воображение... Мужественные, открытые, и такой же взгляд.

– А где ваши дети и почему они не с вами?

– Мои сыновья заняты уже своими делами. К сожалению, дети никогда не поймут, сколько любви им было отдано родителями, и не могут их любить так, как родители любили их самих. И это естественно, Коля. Дети любят уже своих детей. Вот я, например, живу сейчас воспоминаниями о них, какие они были ласточки, когда я их воспитывала. Как в садик водила, в школу... Какие сказки им рассказывала, песенки пела, как спасала их от смерти, когда болели... Как молила Бога, чтобы забрал мою жизнь вместо их жизни, когда смерть из-за болезней в дом стучалась! Всю жизнь им и мужу посвятила, а теперь вот одна-одинешенька осталась. И поговорить не с кем. А в моем возрасте, ох, как это нужно...

И женщина заплакала.

– Ну что вы, что вы... Успокойтесь, пожалуйста! А то и я плакать начну, и что соседи скажут?

Мария Ивановна рассмеялась.

– А ты веришь в Бога, Коля? – неожиданно спросила она меня.

– Не знаю... Крещеный я. Кажется, верю, но почти об этом не думаю.

– А ты подумай! И Библию почитай. Там много важного для себя откроешь. Ты же любишь читать?

– Очень люблю.

– Вот и читай Вечную книгу. Это я тебе от всей души советую. Почти как родному... Никогда никому в доме не предлагала. А тебе вдруг захотелось... Может, это чудо какое! – приятно рассмеялась Мария Ивановна.

– А есть у вас Библия?

– Есть. Сейчас принесу...

Я даже не успел ее остановить, как она уже снова поднялась к себе в квартиру и передала мне в руки свою любимую книгу. А я подумал, что действительно интересно было бы ее прочесть, раз она запрещена в Союзе. Есть, значит, в ней что-то такое, что противно советской власти... «Прочту обязательно!» – решил я.

– Верни только, сынок. Я без нее не могу, – как-то по-детски наивно и просительно произнесла хозяйка. Точно маленькая девочка передавала подружке свою любимую куклу.

Мне стало так спокойно на душе от ее голоса и той доброты, которые излучали ее слова, как будто я встретил очень-очень родного человека. И конечно же, мне не захотелось уходить. Вот я и пристал к хозяйке, чтобы подольше слушать звуки ее участливого голоса.

– Хорошо-хорошо, конечно, верну. А расскажите что-нибудь самое яркое из своей жизни и совет дайте. Вы такая мудрая женщина, – подлизался я, чтобы остаться подле нее и послушать подольше звуки ее участливого голоса.

– Совет мой прост. Влюбись по уши, Коля, и обязательно начинай о ком-то заботиться. Это и есть самое радостное чувство в жизни. Дар Божий! И чем дольше проживешь в любви, тем счастливее пройдет твоя жизнь. Хотя, – задумчиво сама себе как бы возразила она, – не многим людям дано любить... Но мне почему-то кажется, что это не о тебе, сынок.

– А почему вы так думаете?

– А почему ты ко мне подошел? – вопросом на вопрос ответила мне Мария Ивановна.

– Мне показалось, что вы грустите.

– Тебе не показалось, Коля. Мне действительно грустно, и хотелось с кем-то поделиться, поплакаться. А ты почувствовал и поэтому подошел. Разве нет? Значит, в тебе и есть та самая любовь, о которой я говорила. Чувствовать переживания другого – одно из ее главных проявлений. А ты думал что? Только любовь к девушкам? – улыбнулась женщина. Будешь любить, и тебя будут... Вот считаешь книгу, которую тебе дала, многое о любви поймешь. Ты можешь подумать, наверно: «Ну да, любила, а осталась одна. И где она теперь, эта любовь?» А я и сейчас как любила своего мужа и детей, конечно, так и люблю. И счастлива этим! Да, нет их со мной. Но любовь-то осталась и меньше не стала. Она согревает мое сердце, – до слез расчувствовалась хозяйка. – Хочешь о любви больше узнать?

– Конечно, хочу, – не задумываясь, ответил я.

– Тогда идем со мной...

Она взяла меня за руку и подвела к двери на первом этаже моего подъезда. Я послушно шел за нею.

Позвонила. И нам открыла дверь красивая, ухоженная, но, как мне показалось, как-то странно смотрящая на меня женщина.

– Ты что придумала, Мария Ивановна?

– А вот хочу тебя со своим постояльцем познакомить. Хороший парень, в гости к тебе заходить будет и принесет, если что надо...

– Как неудобно! Простите ее, молодой человек! Она не знает, что творит... Мне никакая помощь не нужна...

Незнакомая женщина, почти ровесница моей хозяйки, вдруг осторожно, чтобы не напугать меня, протянула ко мне руки и стала ощупывать мое лицо: лоб, глаза, уши, брови и даже к губам притронулась...

Не знаю почему, но меня совершенно не удивили и не напугали жесты незнакомки. Оказалось, она была полностью слепа...

– Как вас зовут? – очень приветливо спросила меня незнакомка.

– Николай.

– А меня Валерия Васильевна. Попросту Лера! Мне так больше нравится. Вы заходите, заходите... Чаем угощу...

Мне и в голову не приходило отказываться. Как будто я пришел к давно знакомым женщинам, по общению с которыми очень скучал. Ведь я так давно не испытывал по отношению к себе простой женской заботы. На меня вновь повеяло чем-то материнским... Как странно... По сути чужие люди. Что же ими движет? Почему именно ко мне? Или они ко всем так?

Но ответов не было. И это меня ничуть не смущало.

Мы сели за стол, и я внимательно осмотрел жилище Леры. Все чистенько, очень уютно, все предметы на своих местах. Как странно... Она ничего не видит, а ни одной пылинки...

– Вы думаете сейчас, как мне удастся себя содержать? – неожиданно заглянула в мои мысли Лера. – Ничего сложного... Когда все время один, то квартира – весь твой мир, и знаешь ее как свои пять пальцев. А еще я умею читать мысли... Вот вы сейчас чем-то сильно расстроены и озабочены.

Позже я прочел в какой-то книге, что у слепых развито так называемое седьмое чувство: они каким-то образом не только осязают расстояние до предметов, а особо чувствительные натуры даже читают мысли собеседника, что на моих глазах и продемонстрировала хозяйка.

– Не волнуйтесь, – продолжила удивлять меня Лера, – все будет хорошо! Вы должны знать, что ваше настроение зависит только от того, насколько позитивно вы умеете мыслить, ну и молиться, конечно, когда уж совсем на душе тяжело.

«Молиться? – подумалось. – Да я и в Бога-то не верил!»

– А вы поверьте, – снова удивила меня Лера. – Знаете, как вам легче жить станет! Ведь Господь тоже был вначале человеком. А Богом стал только когда духовно вырос, поэтому, когда будете читать Библию, вы ничего не найдете о его жизни до 33 лет. А чтобы у вас был интерес больше узнать о Боге... Кстати, вам интересно или вы не готовы поговорить о Господе? – вдруг спросила она.

– Нет-нет, что вы, все интересно! – не думая, ответил я.

Доброта обеих так растопила мое сердце, что мозг отключился от любых дел. Никаких мыслей. Я весь погрузился в атмосферу материнской заботы, которая, как известно, делает даже взрослого человека беззаботным

А Лера все рассказывала о любимом ей Боге, но так ненавязчиво, что я только упивался приятными звуками от ее слов и запомнил совсем немного...

– Бог все прощает, Коля. Знали об этом? А первым, кто попал в Рай, был разбойник и убийца, который рядом на кресте был распят. Он всем сердцем поверил в то, что Иисус – сын Божий. И Господь тут же забрал его к себе в Рай. Так что первым человеком, который попал на небеса, был убийца.

«Вот так откровение! – подумалось. – Надо же... Прямо в точку!»

– А разве так справедливо?! Убийца не может быть прощен, – уверенно возразил я. – Ведь лишение жизни человека, насколько я знаю, – худший из грехов!

– Вот когда вы поверите, что Бог может простить все, Рай вам, Коля, обеспечен, – обаятельно улыбнулась Лера.

– Простить убийство?! – все никак не мог смириться я с таким вот поступком Христа.

– И не только. И не просто так. Нужно глубоко и искренне раскается. И больше не совершать этот грех никогда. Успел покаяться – Рай, а не успел – Ад! Но лучше все же стараться меньше грешить, а то ведь многие, и даже очень хорошие люди не успевают: инфаркт или инсульт, например, – пошутила Лера. – Мало ли чего случиться может... Но обо всем этом поговорим, Николай, когда вы Библию почитаете. И то, если захотите. Навязывать учение тоже грех! Духовная воля человека должна быть всегда свободна...

В словах Леры сквозило много доброй иронии. Она говорила со мной как с ребенком, который не знает, откуда берутся дети... Но говорила с такой уверенностью, что ей нельзя было не поверить! К тому же она, сама того не подозревая, открыла мне истину, непостижимую даже самой бурной моей фантазией! Как чудесно! Я могу быть прощен Всевышним! Вот так открытие! Значит, – подумал я тут же, – я смогу успокоить свою совесть. Ведь Бог есть точно! И он – хозяин положения во всем, что происходит на Земле. Ура! Прочту Библию обязательно! – решил я.

А Лера все говорила:

– Господь заинтересован в каждой потерянной душе, Коля! Вот и сейчас Он уже в нашей компании, а вы, подсказывает мое сердце, уже поверили, и именно это вам сейчас нужнее всего... Я не права?

– Ой как правы! Неужели все так просто? А почему же он тогда вам зрение не дал, раз вы так верите?

– Нет для нас, смертных, ответов от Бога на все вопросы. Потому что мы всего лишь люди... А Он – Бог. Его пути – не наши, Его мысли – не наши, Его поступки – не наши. А может быть, вы и есть тот человек, Николай, который поможет мне вернуть зрение, – с широкой улыбкой произнесла Лера. – Ведь вы сейчас именно об этом думаете? Нет-нет, мне правда ничего от вас не нужно, уж поверьте! Вы ведь ко мне еще зайдете? – как бы невзначай спросила она у меня.

– Конечно, зайду, – уже осознанно и серьезно ответил я, потому что к этому моменту ясно понял, что, оказывается, всегда нуждался именно в таких вот беседах и именно с такими женщинами.

Мы сели пить чай.

– А знаете, Коля, что в СССР пьют самый плохой чай в мире?

– Это почему? – удивился я.

– Потому что лучшие восемнадцать сортов чая, в том числе индийский и цейлонский, продаются только на Лондонской чайной бирже, и стоит хороший сорт очень дорого, а в СССР закупают все, что ниже этой градации. Посему чай у меня, Коля, грузинский. Но лучший из лучших! Я переписываюсь со многими слепыми в стране, и у меня много друзей по несчастью. И вот одна из моих добрых подруг присылает мне чай из Батуми. Она, кстати, рассказала мне как-то в письме, что чайную культуру привез в Грузию пару столетий назад один предприимчивый китаец. Как неожиданно, правда? И выращивал там вначале только лучшие сорта. А это как раз один из них. Так что пробуйте...

Подумалось: «Как много нового я узнал от этих женщин. А все, что они говорили, особенно Лера, показалось таким интересным. И более того, важным!»

– Я дам вам молитву, Коля, – снова неожиданно переменяла тему Лера как раз в тот момент, когда в моей голове засела навязчивая мысль: «Как же мне извиниться перед Богом Леры и как передать словами, чтобы убедить Его, что я в Него верю?»

– Когда вам будет тяжело на душе, – продолжала чудесным образом ворожить в моей голове Лера, – обязательно читайте Библию. Это будет первое чудо, которое подарит вам Господь. Вот посмотрите... Ведь я вас чувствую... Что бы там вы сам о себе не думали, у вас нежная душа... Вижу в ней много сомнений... Поэты называли такие чувства «томление души». У вас так много забот? Откуда столько у совсем молодого человека?

Я промолчал, а она продолжила:

– Но ничего... Чаше будете приходить, я вам и об этом расскажу, – улыбнулась женщина. – У меня есть еще один великий дар, Николай, я умею слушать сердцем и не всегда так говорлива. Наверно, утомила вас. Уж извините...

– Да что вы, что вы, несколько, – поспешно и с чувством ответил я. – А чем я сам могу быть вам полезен?

– А ты у нее не спрашивай, – вмешалась в разговор хозяйка. – Лера никогда и ничего у тебя не попросит. Вот в магазин идешь – узнай, что ей нужно. И полезен будешь. А деньги она тебе потом обязательно отдаст. Не думай, сынок.

– Какие деньги? Не в них счастье, – ляпнул я мерзкой банальностью. Но мои слова как будто и не были услышаны.

Мы еще недолго посидели, душевно помолчали, попили чай, который мне показался особенным и очень вкусным. Хотя ранее я никогда этот напиток не ценил.

– Извините, Лера, и вы, Мария Ивановна, но мне уже пора. А в следующий раз я с тортом зайду.

– Иди, иди, сынок, – попрощались женщины. Приходи всегда. Мы будем рады. И торт не обязательно... Удачи тебе!

Я вышел и вдруг почувствовал, что у меня неожиданно объявилась новая семья! И я всегда смогу делиться с ней всем личным, что у меня на душе. Мне страшно захотелось сделать для них что-то особенное. Но что? Им ведь ничего не было нужно. А мне наоборот, весь мир и без остатка! Какие все-таки разные люди живут на свете...

«Но нет, – молнией пронеслась радостная мысль. – Кое-что я все-таки смогу сделать. Хотя бы узнать у самых опытных врачей, как можно вернуть зрение Лере. Вот где могут пригодиться деньги. Посмотрим...»

После первого знакомства я потом часто проводывал Леру, когда шел в магазин за продуктами. Она тут же звонила подружке. И уже вдвоем они ждали моего возвращения, радушно угощали чаем, а главное – скоротечными, но всегда очень душевными беседами, в которых я более всего нуждался.

Придя в квартиру, я еще довольно долго находился под впечатлением от встречи с женщинами. Стал анализировать, что означало для меня новое знакомство. Как вдруг осенило! Зря я был так уверен в своих способностях сразу различать людей, которых видел впервые. Самоуверенность – плохой путеводитель по жизни. Нужно научиться быть мудрее... Все в жизни непросто...

Открыл еще одну новую истину, что в жизни бывает не только молодость, но и старость, и болезни, и смерть тех, кого любишь... А то, что я пережил в Армии, и мои сегодняшние проблемы – далеко-далеко не самое страшное.

Поднявшись в свою квартиру, я попытался настроиться на рабочий лад. Но куда там... Море впечатлений от вроде бы случайной встречи с двумя добрыми женщинами оставило во мне неизгладимый след. Хотелось все осмыслить и ни в коем случае не перебивать земными делами.

Я посмотрел на часы. Десять вечера. Оказывается, я пробыл в гостях три с половиной часа, а ведь они пролетели, как одна минута. Но какая! Я как будто приобрел что-то новое и очень важное в жизни. Что же это? И вдруг открылось – веру! Я взял в руки слегка потрепанную от постоянного чтения Библию своей доброй хозяйки и начал чтение: «Вначале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог...» Так и заснул.

Крутые беседы

Следующее утро, как и договорился заранее, я провел в пробежке с Виталием.

Было 11 утра, но мой друг только-только начинал видеть очередной сладкий сон. Пришлось стягивать его с постели и тормошить, а потом сонного буквально всовывать в спортивный костюм и кеды.

Но Виталий уже не ругался и даже не ворчал. С еле-еле открытыми глазами радовался встрече. Он ждал разговора...

Дальше я усадил друга в свою машину и привез его в Центральный ботанический сад, и мы сначала легонько, а потом все увеличивая темп, пару часов бегали кругами по извилистым дорожкам среди цветущих густых кустов и деревьев.

Свежий воздух наполнил наши легкие, а приток кислорода в мозг стимулировал разговор. Мы очень продуктивно обменялись мнениями по поводу всего, что касается создания полноценной банды и сопутствующих этому рисков.

– Что у тебя с ребятами? – начал я сразу с самого серьезного.

– Есть много... Но как разобраться, кто есть кто? Пока вот никак в толк не возьму.

– А ты ложись на свое внутреннее чутье. Ты же говорил, что разбираешься в людях. Вот и выбери... Но только самых сильных духом и верных. И желательно не с отбитыми мозгами.

– А сколько их нужно?

– Для начала пять-семь человек достаточно. Поговори серьезно с каждым в отдельности. Но разговор начни так как-то, чтобы не сразу в лоб. Вдруг кто не согласен...

– Все, с кем начну говорить, вприпрыжку согласны. Знаю, что говорю... Никакой подготовки для разговора не нужно. А вот кому предложить – целый вечер сегодня и завтра думать буду.

– Ну что ж, это твоя ответственность, дружище. Очень, кстати, серьезная! Ты рисковать будешь, потому что я у твоих ребят светиться не собираюсь. Мы ведь говорили об этом. Так для безопасности важно! Меня советником представишь. А без тебя – их командиром. Нам железная дисциплина нужна, чтобы все остальные выполняли команды безоговорочно! Твои... А когда тебя вдруг по какой-то причине в городе нет – мои. Но вот как завоевать в их глазах уважение к себе – не представляю. Ты Король, это ясно. А я? Скорее всего, никто. Даже представить не могу, с кем мне придется дело иметь. Я с твоей братвой, как с людьми, никогда не сталкивался. Не понимаю, как они мыслят и не знаю слов, которые они слышат и воспринимают. Как, если что, ими командовать? Что скажешь?

– Сложная тема, Коля. Если они тебя за Художника, как в кафе, примут – плохо дело. Но прямо сейчас вот так сразу не отвечу. Думать придется...

– Так когда и где завтра встречаемся?

– Точно не завтра. Давай, Колян, позвони мне послезавтра днем, как проснусь. Но не раньше, – зыркнул на меня Виталий. – Если не выплыву, целый день чумной ходить буду. А работы полно. И голова свежая нужна. Мне

много встреч провести надо. С каждым по душам поговорить. Ты прав, дерьма нам не нужно...

– А как ты собираешься выяснять, стукач или не стукач твой друг?

– Пока не знаю. А что подскажешь?

– Седому заплати! И не жалея денег. Он может тебя вывести на людей, кто допущен к таким секретам, или сам у них спросит. Да у него и самого такой допуск обязательно есть.

– А что за секреты? Что важного о моих пацанах Седой знать может?

– Ты когда-нибудь слышал о так называемых оперативных работниках МВД? Операх, по-простому...

– Ну да. Это те же следователи, но в милиции.

– Нет. К следователям они вообще никакого отношения не имеют. Они действительно сотрудники в милиции, но засекреченные. Шпионы, но выглядят как обычные милиционеры.

– Не гони, я многих оперов лично знаю. Какие они шпионы? Бухают как слепые лошади. Алкаши! Шпана в милицейской форме...

– Ты фильмы смотрел, как немцы наших граждан во время войны в шпионы вербовали?

– Ну да... Вербовали и что?

– Так вот точно так и опера работают. Только не врагов из других стран вербуют, а своих собственных граждан. Пьют со стукачами, чтобы сдружиться. Потому что многие из них преступники. И без бутылки ничего не рассказывают. Поэтому им и на работе пьянство прощают. Работа такая... Давай только сейчас не спорить. Время зря потеряем. Пока что просто поверь... Я же главный в нашей семье за безопасность...

Виталий впервые услышал от меня слова почти что в приказном тоне.

Но смирился. Ничего не ответил...

– Вот и сходи к Седому. Он тебе намного больше меня об операх расскажет. Сам такой! У него подробнее все и спросишь.

– Так ты намекаешь, что я могу стукачей к нам в семью привести?

– Ну да. А почему нет? Ни у кого на лбу «стукач» не написано...

Виталий грязно выругался в сторону: «Мать их...стукачей!» Но твердо пообещал подойти к Седому и поговорить обо всех, кого предварительно отберет в нашу преступную компанию.

– Хочешь, приходи сегодня вечером в кафе и самого познакомлю с Седым, – предложил он мне.

– Верное предложение, друг. Но пока рановато. Не забыл, что меня нигде не должно быть видно. Я в тени. Дай ему пару тысяч, выведи из кафе и поговори.

– Смеешься! Он за две тысячи даже пальцем не пошевелинет.

– Дай десять.

– А если спросит, что от него нужно?

– Спросит – ответишь. Но сам придумай. Я не могу, не зная

человека, выдумывать под него истории, в которые он поверит. Намекни на какие-то

свои дела... Он же их знает... Поэтому, думаю, не напугается. Как-то так... А испугаешь чем-то серьезным, он ни за какие деньги и слова не скажет.

– Ну что ж... Тогда пойду не к Седому, Колян. К другому человеку. Он и возьмет меньше, и скажет больше. На Седом свет клином не сошелся, – загадочно подмигнул мне Виталий. Кстати, к сведению: у Седого жена – шалава. А он перед ней на цыпочках бегаёт. Любовь! – с презрением сплюнул Виталий. – А я знаю альфонса – любовника этой цыганки, за которым она сама как дрессированная собачка на задних лапках бегаёт! Что он ей скажет, то она и сделает. А парень этот – обычный понтовый пацан, часто в кафе бывает и меня уважает! Или ты забыл, кто я? – с гордостью усмехнулся Витоха. – Все он для меня сделает. А она – для него... Так что цени, что у тебя такой товарищ есть!

– Ну и здорово! Нам эта информация, как воздух, нужна, старик! На этой высокой ноте мы и закончили пробежку.

За разговорами о делах быстро пролетели полтора-два часа... Самые, пожалуй, важные в нашем общении за последнее время.

Мокрые от пота и слегка озабоченные серьезными разговорами мы сели в мою машину. Я подвез Виталия к его дому и там оставил.

На прощание мы тепло обнялись, договорились созвониться, и я поехал на Березняки, чтобы принять душ, позавтракать, выпить крепкий вкусный черный кофе, который научился молоть в зернах и варить в турочке, переодеться и встретиться со студентами-фотографами.

«Студенты-шпионы»

Все встречи с моими шпионами-студентами происходили, как я полагал, весьма конспиративно. Сам я играл для них роль разведчика: одевался в простенькую одежду, машину оставлял в каком-то из дворов, чтобы она не была видна очкарику, шел к назначенному месту закоулками и периодически неожиданно оглаживался. Мне казалось, что так я точно обману воображаемую слежку. Хотя на самом-то деле все это было несерьезно. И, вспоминая позже, как я тогда маскировался, всегда от души хохотал! Потому что на самом деле мое поведение не учитывало главного риска – слежки за самим студентом-фотографом. Ведь именно он подвергался этому риску из-за работы, которую для меня делал. Он, а не я, мог засветиться. Но не все понимаешь сразу... Опыт приходил со временем... И именно такими были мои первые встречи с собственной агентурой.

Обычно я договаривался со студентами встретиться в одном из многочисленных скверов Киева и, сидя на лавочке, принимал от них материалы слежек: фото и подробные словесные отчеты. Во все вникал, задавал много встречных вопросов, выпрашивал все, что считал важным: где, когда и в какое время они видели объект, иносказательно, чтобы никто посторонний не смог понять написанного, записывал самое важное на листке

бумаги и вкладывал в одну из картонных папок, которые приносил в портфеле «дипломат» с кодовым замком.

Все, что мне в тот вечер принесли шпионы, было еще не готово к написанию подробного плана совершения преступления. Мы только-только притирались... Но интересного было много...

Один из барыг оказался маньяком. И у очкарика, который его выслеживал, было фото, как он заманивает в подъезд пятилетнего беспризорного пацана, показывая ему яркий брелок от машины.

– И что он потом сделал с этим мальчуганом?! – гневно спросил я. – Неужели изнасиловал?

– Нет, Дима, – так я назвался всем студентам, – изнасилования не было. Иначе я бы вызвал милицию. По-моему, половой член хотел ему показать. Но это только мои догадки... Я зашел в подъезд, когда он ширинку расстегивал. Меня увидел, испугался, но не убежал. Спокойно застегнул штаны и вышел из подъезда. А мальчик за ним: «Дядя, ты конфету обещал». Смешно получилось!

– Ничего смешного! Он тебя не запомнил?

– Нет, конечно. В подъезде темно было.

– Точно?! – строго взглянул я на очкарика.

– Точно.

– А фото есть?

– Ты что?! Ну как бы я его фоткал в подъезде? Он бы от вспышки или сознание потерял или меня убил. Но до подъезда, пока он с мальчиком в темном переулке брелоком баловался, я один раз успел... Без вспышки, правда, но что-то будет видно обязательно.

– Отлично! – похвалил я парня.

Он залился застенчивой краской. Я был большим авторитетом в глазах следивших ребят. И это радовало. Потому что было очень важно для дела.

Остальные встречи происходили в других скверах, расположенных недалеко друг от друга. Хорошо, что центр Киева – один сплошной сквер.

Так я и получил материалы еще по трем перспективным грабёжам. А еще семь-восемь остались в работе...

Я подробно ознакомился со всеми данными и умозаключениями студентов о поведении расхитителей, задал много вопросов и дал советы. И на это ушел почти целый день.

Во время обеда я специально назначил встречу очкарику, который отличался от остальных острым умом. Он хромал от рождения на левую ногу, был совершенно одиноким парнишкой, отличником последнего курса КПИ, в котором учился на бухгалтера. Его звали Сергей, а коллеги-студенты называли его Серый.

Он и был серым, но не в смысле окраса кожи или волос, а такой себе незаметный и закомплексованный деревенский парень. Не курил, не пил, ни с кем не дружил. Избегал любых общений. Одним словом, тихоня из тихонь...

Но, как выяснилось в разговорах с ним, слабаком в глубине души он как раз и не был. В нем бурлили страсти собственного величия, которые он умело скрывал от других под маской серого.

Кстати, отличник в вузе, как учил меня Эдик, не обязательно человек, стремящийся к знанию, но явная характеристика индивидуалиста с высокой самооценкой, попросту карьериста. И тут же добавлял: «Эти характеристики не касаются девушек. Те, как правило, непривлекательные внешне, но хорошо учатся, чтобы порадовать родителей и хоть как-то утереть нос красавицам по курсу и привлечь внимание ребят. А вот пацаны-отличники всегда выскочки, Боря, и далеко пойдут».

– А почему вы так плохо об умных девчонках думаете, Эдик? – как-то спросил я.

– Потому что умных женщин ни на работе, ни в семье не любят. Женщина, чтобы быть счастливой, должна быть не умной, а умницей. Усек разницу?

Не уверен, что Эдик был прав, но на моих глазах обычно так и происходило.

Этот и следующий день встреч с очкариками были настолько насыщенными, что я, переезжая с места на место, из парка в парк, со скамейки на скамейку, часто даже забывал пообедать. А вот мысль об Ольге не забывалась ни на секунду и все прокручивалась в подсознании. Меня охватывала то страсть, то ревность, и этому не было конца.

Ревность

На второй день я закончил конспиративные встречи пораньше и, примерно в 18:30 направился на троллейбусе от сквера Пушкина к Главпочтамту...

Но Ольги на условленном месте снова не оказалось. Все сердце охватила щемящая грусть. Ее усиливали надуманные предположения о причине отсутствия девушки: она посмеялась надо мной, а на самом деле у нее давно есть любовник. Пофлиртывала, чтобы весело провести вечер, и больше я ее никогда не увижу.

Последняя мысль заставила меня содрогнуться! Начался озноб, который всегда сопровождал очень сильное эмоциональное состояние. В данном случае ревность. Она – подлый советчик в любовных делах. С одной стороны, она коварно шепчет: «Да пошли ее к черту. Мало ли красивых женщин вокруг? Выбирай любую! А эта? Ну кто она такая? Ты достоин лучшего, парень!» А с другой – «Беги быстрее к ней! Ты же не сможешь без нее жить! Стань на колени! И проси, проси, проси, чтобы не бросала».

Но какая же это глупость – просить, чтобы тебя любили. Это именно тот случай, когда ответные чувства к обожаемому объекту уже никогда не будут окрашены любовью, а только жалостью. Как только попросил о ней, считай, что потерял любимую навсегда!

Сделал наоборот, показал спокойствие, даже безразличие – выиграл любовное сражение. И кто первый нарушил это главное правило в отношениях, тот и проиграл. И бывает по-крупному! Жестоко наказан жизнью...

От жгучей ревности начала подниматься температура... Меня охватил жар и выступил пот! Но я прождал ждать, хотя сердце подсказывало, что свидание не состоится.

Так прошел почти час, в течение которого в моей голове множество раз менялась позиция, как поступить дальше: послать или просить. Мой мозг парализовало! И вот уже ни одной иной мысли... Чтобы как-то развеяться, я поплелся в свой родной двор.

– Привет, Бобяра! – окликнул меня Гоша. – Ты чего такой грустный, старик? Неужто лечение от трепака не помогло?

– Иди ка ты! Не видишь, что мне и так хреново... Все ребята повернулись в мою сторону.

– Много в карты проиграл? – участливо спросил Артур. – Сколько?

Пошли к отцу. Он выручит. А ты потом отдашь.

Артур как ребенок... Он был уверен, что я мог расстроиться только в случае большого карточного проигрыша, потому что ранее никогда не наблюдал за мной сильных любовных привязанностей.

Ребята не знали слова «циник», но именно оно и стало навязчиво напрашиваться в мою голову, когда я, как и до службы в Армии, продолжал в их окружении играть роль пацана, не уважающего слабый пол. В тот самый вечер мне стало противно от самого себя, что и дальше продолжаю дурачить дворовых друзей сказками о девчонках и романами с глупейшими грязными подробностями.

«Завязал», – решил я. Но вот перейти от пошлых рассказов к любовным – духу не хватало. Да и не понял бы меня никто во дворе, если бы я стал вдруг читать поэму о настоящей любви. Ребятам и в голову не приходило, что я стал другим и все у меня теперь по-настоящему: и любовь, и дела, и мысли.

Поэтому я молчал, ничего не говорил. Делал вид, что не в духе. А сам себе подумал, что пора уже давно отдалиться от двора. Никакого позитива скамеечные посиделки мне больше не приносили. Стало противно изо дня в день смотреть на пьяные рожи и слушать один только мат и абсолютно пустые разговоры. К тому же я действительно скучал по общению с одним только Артуром. Он оставался мне родным человеком. Энчик, Гоша и другие близкие мне в прошлом ребята постепенно ушли на второй план. Остальные – пустое место.

– Пора спать. Завтра на работу, – громко произнес я, не отвечая на вопросы, что за работа и с каких это пор...

Я сделал вид, что ушел к бабкам спать, но на самом деле вышел проходным подъездом к своим «жигулям» и уехал на Березняки.

Несмотря на твердое решение забыть, за рулем меня снова охватили навязчивые мысли об Ольге. Сердце все ныло. Захотелось поехать к ее подъезду и ждать, ждать и ждать, пока она выйдет...

Но нет! Гордость перевесила. И я позвонил Тамаре и договорился на завтра с ней встретиться.

Она, как и всегда, была в хорошем расположении духа и была рада моему звонку.

– Не разбудил, Томочка?

– Не-а, не сплю. Все о тебе думаю, миленький. О встрече нашей. Да как затащу тебя в постельку. Ты же у меня такой сладенький и выдумщик! – пыталась разжечь мое воображение девушка. – А что случилось, что так поздно меня набрал?

– Грустно как-то... И сам не знаю с чего. Вот скажи, а может меня полюбить девушка по-настоящему?

– Странный вопрос, Боренька. Я же тебя люблю...

– Нет-нет, я не об этом, родная. Полюбить так, чтобы жить без меня не могла?

– А ты без нее? – и сама же ответила: – Ну, конечно! Тамара от души рассмеялась.

– Как же это я, зная тебя, эгоиста, сразу суть твоего вопроса не уловила, глупенькая? Ты же на самом деле хочешь у меня выяснить, может ли тебя полюбить женщина, которую ты сам не любишь? – и снова расхохоталась. – Так не бывает, дружок! – сквозь смех продолжила она меня учить. – Сначала сам влюбись, ну а потом и тебя... Видно, совсем, Боренька, тоска заела, раз ты такими сложными философскими вопросами на ночь глядя интересуешься. О чем же ты сейчас думаешь, красавчик? Дай угадаю... Если обо мне, то будь спокоен. Я тебя люблю...

– Нет-нет, в тебе я полностью уверен, – соврал я девушке, как и она мне, потому что хорошо, как и она сама, знал, что никакая у нас не любовь. Мы друзья по постели... Но подыгрывал женщине в ответ на ее шутовское признание в любви. – Книгу вот читал и задумался...

– И что ж ты сейчас читаешь такое грустное?

– «Анну Каренину», – снова, сам не зная почему, соврал я.

– Надо же, какой ты стал сентиментальный! Брось, глупыш, душу рвать. Возьми с полки свои любимые сказки и растворяйся в чудесах. Ты же фантазер. А хочешь почитать серьезное? Советую тебе книгу, которая прямо для тебя написана: писатель Джон Брэйн «Путь наверх и жизнь наверху», два тома. Вот из нее о настоящей любви и узнаешь, а еще о том, как стать богатым. Интересно такое?

– Конечно!

– Я рада, что угодила... А хочешь получить на ночь мощный сексуальный заряд? – Тома окончательно проснулась и заразительно смеялась.

– Расскажу, в чем я сейчас одета и чем занимаюсь...

– Конечно, Томочка! Интересно.

Ей удалось развеять мою грусть. Я мысленно улыбался и был за это очень благодарен подруге.

– Лежу в постельке, миленький. На мне легонькая маечка, а сама я голенькая... И мечтаю о нашей завтрашней встрече... Вот сейчас грудь трогаю. Правда ведь у меня красивые сосочки? А ведь бывают у женщин такие противные... Я как-то в бане разглядывала... Фу! Большие какие-то, выпирают из груди, как какие-то толстые сучки на ветках!

Она все смеялась и смеялась! И я с ней...

– Мне кажется, что любой мужчина, кто такой кошмар увидит, убежит! И знаешь, груди такие большие видела, что аж до пупка достают, а вместо сосков большие розовые круги. Хотел бы любимую с такой сисей? Нет, конечно! Вот и наслаждайся завтра. У меня грудь маленькая и соски розовые... Могла б сама до них дотянуться – целыми вечерами бы целовала. Правда ведь красиво? – раззадоривала меня и продолжала прикалываться девушка. – Ты ведь так любишь их трогать... А у меня это эрогенные зоны, и еще одна есть... Знаешь, что это такое? – и сама ответила: – Знаешь, конечно. Ты уж нас начитанный мальчик. Вот я к ней прямо сейчас подбираюсь... Животик, пупок, ниже... Знаешь, где я уже? Да! Это он... Вот я его трогаю, но... У тебя намного лучше получается. А теперь засыпай. Не сразу, конечно, обо мне подумай. Помечтай, Боренька. И все страшилки пройдут. А я все, уже глазки закрыла...

И она повесила трубку.

Сексуальный удар в исполнении Тамары вышел на славу! И я, уже ни о ком, кроме нее самой, не думал. Разговор зарядил меня позитивом. Ко мне пришла важная мысль: «Как все-таки хорошо, что я умею дружить с женщинами и понимаю их. А ведь абсолютному большинству мужчин это счастье не дано. Женщины – мои лучшие друзья! Я всегда откровенен и честен с ними. Дружбе, естественно, предшествует постель. Но со мной никогда не было так, чтобы она заканчивалась, а с ней и хорошие, искренние отношения. Близость была как импульс к крепкой и чистой дружбе на многие годы.

Женщины ведь между собой дружить не умеют. В пределах своего пола Господь не дал им этой радости. И самые умные из них из опасения измены даже не подпускают подруг к своим избранникам. И ведь правильно делают. Потому что чаще всего лучшие подруги склонны к предательству, к зависти к чужому семейному счастью, к нечестному соперничеству... А вот с мужчинами – да, дружба возможна.

Проблема дружбы с противоположным полом бывает исключительно у мужчин, которые не способны ценить женщин, как самый прекрасный цветок, подаренный им ее величием судьбой. Не понимают истины, что в дружбе с женщинами они могут приобрести их преданность, намного более жертвенную, чем с мужчинами, и заканчивают постель войнами – ссорами, оскорблениями и т.п., опустошающими души обоих настолько, что в памяти бывших любовников остаются не радость от встречи, а только пошлость и глубокое разочарование. Ужас какой-то...

«Система» в действии. И «опасные» мысли

Утром следующего дня, как и обычно, заработала система, и я пробежал свои десять километров вокруг Тельбина.

Был сильный дождь, но без пузырьков, а значит, надолго. Погода – дрянь: сильный ветер, небо сплошь в низких черных пузатых тучах, всегда рисующих в воображении пессимистов какую-то ужасную неизбежность, злой рок, который поджидает их на каждом шагу, как только они захлопнут за собой двери своего дома, чтобы выйти в новый день.

Все вокруг выглядело каким-то серым и скучным. Озеро вскипело от частых капель и взволновалось сплошной рябью. Оно уже не было голубым, живописным и прекрасным, а превратилось в громадную грязную лужу.

Но система работала... Я бежал, несмотря на холодные капли дождя, противно лившиеся за воротник спортивной куртки. Первые 200–300 метров мерзопакостно, но потом... Потом классно! И ничуть не хуже бега в хорошую погоду, потому что кроме теплоты, которую быстро выделяет тело, душу греет величие собственного «я». По-простому это означает, что заработала твоя сила воли, а вслед за ней осознание, что ты не такой, как все, а сильный и упорный. И любые трудности, которые уготовила судьба впереди, нипочем. Их запросто можно превратить в радости!

А вскоре в душу бегуна врывается адреналин. Он, как укол морфия в вену, мгновенно выгоняет из сердца плохие предчувствия, которые навеивает погода, а в голове все проясняется настолько, что уже никаких сомнений: сегодня будет все, как надо, как сам того хочешь!

Во время пробежки я в деталях проанализировал вчерашний разговор с Виталием и очкариками. Высокий класс! И сосредоточился на вопросах, которые буду задавать претендентам в банду, готовясь к встрече с ними, когда позовет, как и обещал мне, Виталий.

Вопросов наметилось много, но главное, чего я хотел достичь ими, – разозлить претендентов в банду настолько, чтобы аж до состояния кипения, до того самого момента, когда из них польется вся дрянь, которую они попытаются от меня скрыть. Ну и если ее много, то таких надо остерегаться и на пушечный выстрел не подпускать ни к себе, ни, главное, к делу.

А еще, пока бегал, я тщательно проанализировал информацию, которую ранее получил от профессора криминалиста по поводу так называемых ОРД – особо секретных оперативно-разыскных дел. Потому что у меня начали возникать мысли о том, что рано или поздно, но наши жертвы обязательно начнут жаловаться кому-то из больших чинов в МВД. Понятно, они не станут рассказывать, что у них по миллиону забрали, но наводить тень на плетень могут... И это очень-очень опасно.

Всегда «молчи в тряпочку» и никогда «не дергайся»

От Александра Ивановича я узнал подробно, как и на кого заводятся ОРД и что может ждать человека, который оказался в жерновах секретной оперативно-разыскной машины. Всех подробностей профессор, конечно же, знать не мог. Но в общих чертах рассказал мне достаточно, чтобы я хорошо представил себе картину в целом. И вот что мне стало понятно...

Когда в МВД или КГБ поступало заявление либо анонимка о якобы совершенном преступлении, на людей, которые в ней указаны в качестве преступников, заводятся ОРД, способное сломать судьбу даже абсолютно невиновного человека!

Первое, что происходит, – за бедолагой начинается тотальная слежка с тем, чтобы найти хоть что-то, за что его можно было бы задержать и посадить на несколько суток в следственный изолятор. Цель посадки – сломать волю человека, выдавить из него нужные сведения.

Там к нему подсаживают платных агентов-стукачей, как правило, из тех, кто уже отбывал наказание, а иногда привозят и особо одаренных предателей из других тюрем.

Провокаторы хорошо знают свое дело и получают большие деньги и поблажки, если расколют подозреваемого и хоть что-то, похожее на преступление, из него выудят. Какое – значения не имеет. Главное – продлить срок задержания и получить сведений еще больше.

Сломанные судьбы и человеческие трагедии из-за ОРД, вызванные чаще всего клеветническими наветами недоброжелателей, никого в совдепе не интересовали. Народная пословица «от тюрьмы и от сумы никогда не зарекайся» в своей первой части касалась именно тоталитарных режимов. Посадить за решетку, а потом выпустить, даже не извинившись, могли любого простого человека. И только члены КПСС и те, кто имел власть, могли рассчитывать на более или менее объективное разбирательство анонимок.

Удивительно, но читатель обязательно должен знать, что в СССР любой член партии, будь то даже простой рабочий или крестьянин, мог рассчитывать на справедливость! Партийный билет позволял любому члену и в любое время зайти в кабинеты первых лиц страны, вплоть до секретарей ЦК и рассказывать любые истории о чем угодно и сколько угодно времени... Следствием такого приема всегда было тщательное партийное разбирательство, и, что особенно необычно и необъяснимо для фактически фашистского режима даже с точки зрения реалий сегодняшнего «демократического» дня, оно, как правило, было объективным. Потому что партийные боссы имели право вмешиваться в расследования любых уголовных дел, а прокуроры и судьи, как члены партии, обязаны были по Уставу КПСС рассказывать однопартийцам все, о чем те спросят. Тайна не тайна – говори все как есть. И, если нарушил, обидел однопартийца, берегись! Какой бы начальник ты ни был, суровое наказание неотвратимо!

Но для объективности и чтобы не обидеть поборников демократии отмечу, что членов КПСС в СССР было всего пара-тройка миллионов человек, а населения – 241 миллион.

Первые дни, когда человек попадает в тюрьму, ему позарез нужен собеседник. Жертва испытывает страшный стресс, и, если сокамерник профессионал, он вытянет из несчастного все, что только захочет... К тому же психика человека, попавшего в такие ужасные условия, ломается. А все тюрьмы в СССР, да и нынешние, признавались и признаются сегодня мировым сообществом как места ужасных пыток, потому как человеку там искусственно создаются невыносимые условия существования. Одна только параша чего стоит!

И вот, попадая в этот полнейший кошмар, объект раскола в первые дни хочет вывернуть душу наизнанку: начинает вслух домысливать, если даже ни в чем не виноват, за что же его упекли, потому что находится в полном неведении и начисто лишен контактов с любыми другими людьми – родственниками, знакомыми и даже адвокатом. И он почти наверняка рассказывает какую-то историю из своей жизни, за которую его можно реально привлечь к уголовной ответственности. Даже если и чист, ему чудится, что он виноват уже только в том, что как законопослушный человек не донес куда надо на преступления, о которых знал или слышал, пусть даже и сто лет назад! И понеслось...

Молчать и не оговаривать себя или знакомых нормальный человек начинает только после первых десяти дней отсидки, потому что людям в конце концов свойственно привыкать к любым условиям жизни.

Обыватели считают, что самыми приспособленными к неблагоприятным внешним факторам являются крысы, тараканы, блохи и другие паразиты... Но нет... На самом деле человек! Да-да, именно человек! Конечно, не каждый, потому что, как и в обычной жизни, в экстремальных условиях выживают сильнейшие. И сильнейшие не физически, а психологически, психически...

В тюрьмах и следственных изоляторах всегда был и есть большой штат оперативных работников, которые только и занимаются тем, что вербуют новых стукачей и передают информацию оперативному работнику – тюремному шпиону, которого заключенные кличут кумом. Ну а кум передает всю информацию по инстанциям дальше.

Поэтому именно в местах лишения свободы и раскрывается очень много преступлений. Большинство, конечно же, липовых, поскольку за каждое такое признание завербованный получает от кума какое-либо послабление: чай, конфеты и даже спиртное с сигаретами, а иногда и наркотики...

А вот что, по словам профессора, происходит с несчастным до посадки.

К ничего не подозревавшему гражданину с утра и до вечера вдруг начинают приходиться люди, которым он полностью доверяет, и все в один голос заговорщически шепчут на ухо:

– Парень, тебе кранты! Ты попал, старик... Я тут случайно узнал от очень влиятельного знакомого в ментовке, что по тебе дело и скоро с обыском придут, а может, даже и посадят!

– За что? Почему? Что я сделал? – звучит естественный вопрос бедолаги.

– Не сказали, блин! Тайна, говорят...

– А кто хоть сказал?

Озабоченное молчание. Потом один палец вверх, а второй – крестиком к губам...

– Лучше и не спрашивай! Я пошел...

И, заговорщически оглядываясь, предатель уходит, оставляя друга в ужасных раздумьях.

Приходит один, второй, потом третий... И уже ясно: все очень и очень плохо! Разум лихорадит. Он ищет выход: что же это может быть? Что же я сделал?

Однако в СССР не было невиновных. Все граждане что-то да делали, хоть что-то, но знали, с кем-то не тем дружили, были всегда в ответе за близких родственников.

Если не даешь нужных показаний на провинившихся в чем-то перед советской властью, даже если это родные дети или жена – иди с ними вместе в тюрьму и не вякай, мол, как же я на собственную любимую... Только хуже будет!

И не знает бедный подозреваемый, что на самом деле это всего только отлично поставленный ментовский спектакль. И пришли к нему не искренние друзья, желающие его предупредить, а приятели из числа стукачей. Подосланные... Ведь только единицы из граждан того времени знали, что в Стране Советов каждый пятый строитель коммунизма, гражданин СССР, завербован спецслужбами и, следовательно, сексот и пишет доносы. А догадывались о такой подлянке исключительно те товарищи (так тогда называли люди друг друга), кто по ночам тайно от соседей вслушивался во вражеские голоса – «Би-би-си» либо «Голос Америки».

В ответ на секретную информацию якобы друзей-товарищей гражданин дергается во все стороны и от ужаса, что вот-вот что-то произойдет, естественно, куда-то бежит, звонит, предупреждает, просит знакомых о помощи! А именно этого опера от него и ждут, потому что телефон его уже давно прослушивается, и даже что в квартире происходит – тоже, а за ним самим ходят!

Но как было поступить по-другому и не поверить провокаторам? Это ж лучшие друзья! Он же с детства их знает...

И вот уже все закрутилось, завертелось... И все страшней и страшней! Звонков и контактов все больше и больше. Слухи нарастают... И все, что спрятано, вот оно, как говорят, налицо.

Но цель – запугать до смерти – еще не достигнута. Аншлаг начинается, когда приходят с обысками и понятыми-соседями. А те, в свою очередь, бегут сразу к другим соседям. И все вспоминают и шепчут на ухо друг другу такие версии, что если все выслушать, то бедолаге уже и расстрел светит.

Когда же все прояснилось, а слухи достигли апогея, перепуганного гражданина сажают в СИЗО, а его знакомые, друзья и родственники – все как по цепочке задержались и тоже бегут вприпрыжку по тайникам да по таким же

доверчивым людям. Переполох полный. А в мутной воде что? Точно! Любую рыбку можно поймать и на сковородку – за решетку!

Читатель может заинтересоваться, а как же они без согласия подозреваемого попадают в его квартиру или рабочий кабинет, чтобы установить шпионское оборудование для прослушки? А в наши дни и видео... Непосвященные, конечно же, не знают, что все это делается по секретному приказу внутри оперативного ведомства. А приказ оперу от начальника в МВД или КГБ – Закон! Не можешь выполнить – увольняйся. Так что будьте уверены: приказ будет выполнен любой ценой, кроме разве что убийства! К вам домой придут пожарники, слесари, дворники, электрики, участковый, страховщик, черт лысый... А не пустите, бдительный шибко, тогда к вам залезут воры, открыв отмычкой дверной замок, через окно, крышу, балкон соседей. Советская власть через дворников всегда знала, когда и какого гражданина нет дома. А сегодня? А что, разве что-то поменялось?.. Ну разве что к дворникам прибавились вахтерши...

Когда я узнал весь этот ужас от профессора, то резонно спросил: а сам он не боится рассказывать о таких секретах? И услышал в ответ:

– Не боюсь, сынок, я же ничего не подписывал и, естественно, ни за что не отвечаю. А рассказал тебе далеко не все, а так, только приоткрыл небольшую часть айсберга. У меня ведь есть студенты на вечернем факультете, которые уже работают операми. Вот они меня время от времени и предупреждают в ответ за трояк. А всего я, конечно же, знать не могу! Это целая наука. И она не преподается в гражданских вузах.

Исходя из всей этой информации, я подвел черту и сделал глобальные выводы: нам с Витохой надо ограбить как можно больше барыг за минимально возможное время, потому что кто-то что-то, но обязательно передаст операм. И ОРД нам обеспечено!

Поэтому, вкусно позавтракав, я побежал по магазинам и купил разной фотографической всячины: фотоаппаратов, аппаратуры для проявления пленок, химические реактивы для изготовления фотографий и многое другое. И делал покупки не в одном магазине, а в разных. Конспирация...

Любовные терзания и радость встречи!

Наступил вечер, а вместе с ним думы об Ольге.

Каждый день к семи вечера я как штык приходил к Главпочтамту и искал глазами девушку. Но она все не приходила...

И что было делать? Терпение лопнуло. Я не выдержал и от отчаяния направил к ее подъезду одного из студентов для слежки, чтобы узнать, где она работает, и попытаться связаться с ней по телефону.

К часу следующего дня один из очкариков успешно выполнил задание. И вот я уже у таксофона и дрожащей от волнения рукой набираю ее рабочий номер.

Звоню в магазин. Трубку поднимает приветливая продавщица. Я подробно объясняю какую Ольгу позвать к телефону. На мое счастье, товаровед с именем Ольга в магазине всего один. И всего только через минуту- две она у трубки...

– Привет, Оленька! Меня зовут Николай.

В ответ тишина... И неожиданно тихие всхлипывания...

– Николай, почему же ты не пришел?!

– Я не пришел?! – я так подпрыгнул, что чуть не достал головой крышу телефонной будки. – Да что ты? Как же!.. Каждый день прихожу ровно в семь вечера, как и договаривались.

– Господи, – плача, отвечал мне ее нежный голос. – Мы же договаривались не в семь, а в семнадцать часов! – и снова плач. – Как же я рада слышать твой голос!

– Не плачь, Оленька, а то и я сейчас буду плакать, а люди возле телефонной будки начнут рыдать от моего несчастного вида, – попытался пошутить я, чтобы успокоить девушку. Хотя действительно чуть не плакал от радости!

– Какое ужасное недоразумение! А я уж думал, что ты надо мной подшутила. Каждый день торчал там с цветами, как жених, которого бросила любимая невеста. Меня даже прохожие узнавать и жалеть начали, – продолжал шутить я.

Но как же я был счастлив от такого поворота судьбы! Как наслаждался всей душой разговором! Сколько нежности проснулось во мне от ее всхлипываний!

В конце концов мне удалось рассмешить Ольгу: она сквозь слезы все смеялась и смеялась, а через тысячи телефонных проводов между нами рождалось что-то очень-очень сильное и чувственное!

– Какой же ты, оказывается, невнимательный мальчик. Так во сколько сегодня? В пять или в семь?

– Прямо сейчас! Я уже на Крещатике...

– Я буду ровно в пять... И хочу много тюльпанов – ярко-красных попеременно с ярко-белым цветом.

– Одной ногой уже на базаре, – продолжал я веселить красавицу. – И все тюльпаны твои!

В полпятого я уже был на месте встречи с охапкой самых красивых тюльпанов, какие нашел на Бессарабке. Спокойно стоять не мог, а потому ходил туда-сюда, как лев в клетке зоопарка.

Оля пришла минута в минуту. Достоинство! Я оценил жест... В руках у нее была сумка с деликатесами из ее магазина, а также с шампанским и ликером. Одной рукой я выхватил у нее сумку, а другой – нежно взял ее руку и повел девушку к своей гордости – к машине.

– Так ты, оказывается, богатенький жених? – улыбнулась девушка, увидев мою красавицу.

– Да нет, – серьезно отвечал я, – мама подарила, когда пришел из Армии. И требовала, кстати, возить на машине только красивых девушек и обязательно с разными вкусностями в сумках!

Смех, радость от встречи сопровождали весь наш путь к ее дому.

Квартира Ольги была на седьмом этаже девятиэтажного нового панельного дома и совсем не обставлена. Видимо, денег не хватало на обстановку.

На кухне – старенький стол, накрытый цветастой клеенкой, и два стула. А в спальне – раскладной диван-кровать и маленький телевизор на табуретке напротив. Не было ни штор, ни обоев на стенах и лампочка без абажура.

Но о какой обстановке могла идти речь в те минуты?! Мы даже не дошли до кухни, а сразу слились в поцелуе и постепенно оказались на голом полу в любовном экстазе! И сколько было непрерывных оргазмов – не сосчитать... Мы просто не могли оторваться друг от друга! Как будто перед расставанием навеки, как в последний раз в жизни. И целовались, целовались, целовались... А когда все же остановились, было уже совсем темно, и яркая полная луна колдовски заглядывала прямо в окно комнаты, покрывая все пространство волшебным бледно-желтым светом.

Мы оба вдруг почувствовали такой голод, что без слов, не сговариваясь, взявшись за руки, побежали абсолютно голыми на кухню. И ели прямо руками все подряд, некультурно облизывая пальцы и так аппетитно, как никогда в жизни, и запивали самым вкусным в мире полусладким советским шампанским в граненых стаканах! Фужеров не было... Квартира была куплена девушкой только пару недель назад...

Никаких слов... Все молча... Мы наслаждались едой по полной! И это был еще один величайший оргазм, который подарил нам этот замечательный вечер.

Насытившись, мы набрали ванну, и, хотя она была небольшой, оба в нее залезли и продолжали целоваться, но уже не так бурно, сопровождая поцелуи чувственными прикосновениями рук.

В ту ночь мы слились в один обнаженный нерв счастья! А как передать это сильнейшее ощущение словами, пусть додумывает читатель...

Такие искренние чувства и наслаждение я испытал впервые. И этот вечер продолжал жить в моей памяти всю оставшуюся жизнь. Это была чистая и страстная встреча мужчины и женщины без всяких мыслей о продолжении отношений в будущем, без каких-то меркантильных целей. Все, абсолютно все было естественно и в радость. И вряд ли на всем земном шаре из почти четырех миллиардов человек кто-то был более счастлив, чем наша пара.

Потом мы снова вернулись в комнату, Ольга открыла окно, и к нам ворвался освежающий ветерок и запахи трав, реки и деревьев. Я разлегся на диване, а она, нагая, стала медленно расхаживать по комнате и декламировать свои собственные стихи в такт тихой музыке, лившейся из дешевого радиоприемника.

Я не слушал слов, но улавливал рифму. Стихи были, конечно же, о любви, но я наслаждался не словами, а тем, что видели мои глаза, – очертаниями ее богатой на самые возбуждающие мужчину формы украинской фигуры. Все было при ней... Все натуральное и очень-очень соблазнительное...

Как уснули и спали ли вообще – уже не помню. Но впервые за много лет я нарушил на следующий день свой график – проспал пробежку, потому что Ольга оставила меня у себя дома. Она тихонько ушла на работу. А когда я проснулся, то нашел на чистом кухонном столе ключи от ее квартиры и записку с инструкцией, что я должен был сделать перед тем, как уйти: написать, как я ее сильно люблю и обязательно позвонить днем на работу. Что я и сделал... И с большим удовольствием!

Разговоры ни о чем...

Через пару недель жарких любовных утех мы наконец стали выходить в люди: гулять в великолепных по красоте киевских парках и скверах, ходить в кино, есть мороженое в небольших кафе, но неизменно смотреть в глаза друг другу и держаться за руки.

На нас с интересом смотрели люди. Влюбленные ведь всегда очень красивы... К тому же Ольга была очень яркой женщиной, и меня охватывала гордость, что я ее избранник и все это видят. Пусть завидуют!

Мне почти нечего было рассказать красавице о своей жизни и о том, чем я занимаюсь. И в этом была большая проблема. Потому что любящие люди всегда делятся с объектом своего обожания всем самым сокровенным, раскрывают всю душу без остатка. А не можешь открыть душу, сказать, что именно в этот самый момент думаешь, – любовь притормаживается...

Я начал общение с рассказа о своей дворовой жизни. Но увидел, что это претит девушке. Она не понимала моих чувств к простым дворовым парням – друзьям детства. Говорить об Армии и что пришлось там пережить не хотелось. О преступном характере всего, что я делаю, понятно, табу, говорить категорически нельзя! Но не молчать же...

И тут мне неожиданно пришло на помощь мое «книголюбство». Я был уверен, что могу эмоционально пересказывать прочитанное. Вот так в моей интерпретации Ольга узнала об очень сильной, жертвенной любви солдата свободы – американца, сражавшегося в Испании с фашистами, и его девушки из романа Ремарка «Прощай, оружие!». Как земля уходила у них из-под ног во время любви и о предсказании цыганки, что это повторится в их жизни всего только три раза, а потом любимый трагически погибнет.

А еще я пересказывал его же роман «Три товарища» о настоящей мужской дружбе двух молодых парней в довоенной Германии и трогательной истории любви одного из них к неизлечимо больной туберкулезом, умирающей девушке.

Чтобы спасти любимую, ребята продали третьего товарища – «Карла», как они его называли, – неказистую с виду машину, собранную из разных запчастей, но оборудованную самым мощным в Германии того времени двигателем, что обеспечивало друзьям победу на всех главных и очень популярных автогонках в Германии и огромные призовые. Эта машина была смыслом их жизни, верным и надежным третьим товарищем. Они любили ее как живого человека, преданного и верного друга, но были так благородны, что без раздумий пожертвовали ею ради продолжения жизни безнадежно больной девушки, любимой одним из парней. Любимая все равно умерла, хотя и в одной из самых дорогих и лучших клиник Швейцарии! Но ребята все же успели преподнести ей подарок – несколько самых счастливых дней в жизни.

Ольга тихонько всхлипывала, слушая мои душераздирающие рассказы...

Пока рассказывал, завел себя так, что заново переосмыслил содержание романа, и меня пронзила мысль: «А смог бы я сам ради любимого человека отдать жизнь?»

Ответ сразу не нашелся. Нужно было время, чтобы его осмыслить. Но тут вдруг тот же вопрос задала сама Ольга.

Мой ответ прозвучал банально, но только для меня. Девушка поверила.

– Конечно, любимая! – и добавил: – Но никогда и никому не отдал бы свою мечту!

– А как это? Ведь не станет тебя и мечты тоже...

– Не знаю... Не думал над этим. Но я влюблен в свои фантазии и жажду их воплощения в реальность. Мечты живут во мне как бы отдельно от тела. И они для меня важнее собственной жизни! Меня не будет, а они останутся жить. Как-то так... Знаешь, Оленька, вот ты спросила и застала меня врасплох... Я никогда раньше о таком не думал.

– Какой ты загадочный и мечтательный парень, – только и проговорила девушка. – Может, ты и меня выдумал?

– Ну уж нет! Ты – женщина из сказки. Мечта художника! Вот умел бы рисовать, я бы тебя изобразил. А словами все, что я ощущаю с тобой, никак не выразить.

Ольга слушала и смущалась. И мое искреннее восхищение ею, свободно, без каких-либо помех в виде сомнений, переливалось из моих уст напрямиком в ее сердечко.

Несмотря на значительный жизненный опыт, Ольга все же была простушкой, провинциалкой, живущей земными мыслями, а я – чисто столичным парнем, городским мечтателем, авантюристом от рождения, с очень развитым воображением. Мы были совсем разные по духу, но, как известно, плюс и минус не только в физике, но и в человеческих отношениях притягиваются.

– Неужели любовь обречена только на страдания, и у твоих писателей не бывает других концов? – спросила она после очередного пересказа любимой мною книги.

– Конечно, бывает! Но великий Хемингуэй говорил в своих лучших произведениях, что жизнь человека трагична уже только одним своим концом. И я думаю, что поистине великие писатели были велики именно тем, что они знали жизнь такой, какой ее не видел ни один другой человек на свете, и могли выразить простыми словами самые сокровенные человеческие чувства. А еще я понял, – продолжал я интриговать Ольгу своей начитанностью, – что авторам моих любимых романов важно было разлучить влюбленных на самом пике их отношений, чтобы слезы навзрыд, страдания, кровь и даже сама смерть...

– Как грустно все, что ты мне рассказываешь, Коленька. Но я предпочитаю страданиям радость. Расскажи лучше об этом...

И я начинал шутить и смешить девушку. И слезы переходили в заразительный смех, а потом снова в слезы, но уже от сильного смеха.

– Какой ты у меня умный, красавчик! Но мне сегодня не по душе страдания. Не хочу слез. Хочу веселиться! Жизнь ведь коротка, так зачем же все усложнять? И, если честно, ты уж очень заумно все мне объясняешь... А поэтому я не все поняла... Лучше поцелуй меня крепко-крепко, и пойдем куда-то в люди! Я по ним соскучилась...

– Ну тогда в ресторан?!

– Да... И так, чтоб музыка была хорошая. Танцевать с тобой хочу медленные танцы, сладенький!

Мы сразу отправились к моей красавице «тройке» и поехали в ресторан «Украина», который по тем уже ставшими историческими временам был одним из самых гламурных в Киеве и работал при очень престижной гостинице с таким же названием!

Крысиная морда и «горячие» грузины

Официант у входа никак не хотел дать нам отдельный столик, был суров, как стражник у дверей царских покоев, и упорно пытался посадить нас за столик к каким-то пьяным дядькам! Но мои 10 рублей на лапу возымели действие. Он изменился в лице, появилась услужливая улыбка, а голос стал заискивающим.

– Меня зовут Эдуард, – представился служивый, превратившись на наших глазах из злого стража в эдакую душку, и отвел нас к хорошему столику на четверых, твердо пообещав, что никаких посадок не будет.

Но далеко не прост был Эдик. В советские времена официантами в престижных ресторанах работали в основном мужчины, а по совместительству они были и фарцовщиками, и сутенерами, а часто (вне ресторана) даже бандитами. И наш был типичным представителем этой нахальной касты: среднего роста и телосложения, с выпуклым животиком на худом теле, узкоплечий, с маленькими бегающими мутно-зеленоватыми глазками, большой головой и несоразмерными ей маленькими крысиными ушками. Такой себе с виду карикатурный нахальный и одновременно услужливый жулик...

Кстати, именно в этом ресторане тогда работал шеф-поваром один выдающийся еврей, который изобрел блюдо «котлеты по-киевски». За что, по преданию, сам Брежнев вручил ему орден Ленина. Но чуть позже, когда на смену Ильичу пришел Андропов, орден у еврея-кулинара забрали, а самого посадили лет на пятнадцать якобы за масштабные хищения, где герой и умер. Однако идею в КГБ не убили. Главной наградой этого поистине великого человека стал тот факт, что его котлеты живут и процветают без всякого преувеличения по всему остальному кулинарному миру! Я лично встречал это блюдо в меню ресторанов самых экзотических стран, не говоря уже о Европе или Америке! Одним словом, он «памятник воздвиг себе нерукотворный»!

Интересный и, на мой взгляд, показательный пример истинного величия, причем необязательно в искусстве или науке... Ресторана и самой гостиницы «Украина» в наши дни и позже уже никто и никогда не вспомнит. А котлеты по-киевски будут жить в веках!

– Что желаете?

Я взял бразды правления в свои руки.

– А что самое вкусное и дорогое?!

– Котлеты по-киевски, конечно же. И старый армянский коньяк. Нарезка, ну и салат «Цезарь», а если хорошо попросить повара, то можно и оливки зеленые и черные, икру, югославскую буженинку из банок...

– Что будешь, любимая?

Официант внимательно еще раз осмотрел меня и мою подругу и, видимо, понял, что тут любовь в разгаре и заказ будет по полной! А вот понять, что я за фрукт и откуда у меня деньги, никак не мог: застрадал, сморщил от усиленного мышления свой и без того морщинистый обезьяний лоб, вытаращил на меня в упор свои крысиные глазенки, но разгадать загадку так и смог. А потому слегка расстроился. Ошибка могла стоить ему чаевых. Вдруг я провинциал и не знаю правил ВИП-обслуживания?

«Противный, – подумалось. – Такой на улице – обычный сморчок. Ничтожество! Но здесь хозяин положения. Все может: девочек, травки, валюты достать... Но что действительно ужасно, может подпоить клиента до зеленых соплей и предупредить мелких бандюг, чтобы ждали его у выхода, а потом сопроводить до первой попавшейся подворотни и грабануть по полной. Ну и долю, естественно, такому вот Эдику принести».

– Заказывай, любимая! Все для тебя! – жестом короля адресовал я свой вопрос девушке, развеяв этим жестом сомнения крысиной морды в том, кого он услужливо принимает за столиком. Мол, король за чаевыми не постоит.

– Я – полусладкое шампанское, а остальное... Мне все равно... – смущенно произнесла Ольга в ответ на противный королевский жест.

– Для красавицы у нас даже бананы есть... Все что душе угодно!

– Не тринди, – резко пресек я официанта, чтобы в его голове окончательно улеглось, кто есть кто. – Буду спрашивать – ответишь!

– Конечно-конечно, – даже не покраснев от унижения, прислужливо ответил мерзотник.

– На вот тебе десять рублей для повара, а еще десять получишь, когда закончим ужин. Все спиртное открывать только при нас. Хорошо услышал?!

– Ну а как же иначе... При вас, конечно...

– Фрукты, шампанское, самый старый коньяк и котлеты по-киевски! Все... Да икры красной и черной грамм по сто. И побыстрее. Одна нога здесь – другая там! И вот еще десять рублей музыкантам, чтобы песни пели, какие дама закажет. Потом еще дам...

– Как нехорошо ты с ним разговаривал, как бандит какой-то, а я, дурочка, думала, ты проще... За то и полюбила!

Я покраснел как помидор. Мне и самому разговор с официантом был глубоко противен!

– Это не я говорил, любимая. Не обращай, пожалуйста, внимания на те слова, что я произношу в ресторане. Здесь по-другому не понимают. Мне и самому противно! Поверь... Ты думаешь, официант нас за людей считает?!

Но куда уж там... Оля не принимала моих искренних извинений. Она не умела различать людей. Официант показался ей хорошим и добрым. А я – неблагодарным.

– А зачем же ты меня сюда привел, раз тут такое творится?

– А везде такое, Оленька... Просто ты не знаешь. Но когда сразу даешь понять негодяю, что все о нем заранее знаешь, они уже не обманут.

– Так ты завсегда так таких мест?! – вновь и вновь с оттенком недовольствия моим поведением спросила Ольга. – Не думала о тебе такого. Съемщик, значит?

И далее в том же духе...

– Ну зачем нам ссориться из-за какого-то официанта? Ты абсолютно права, а я нет! Вот подойдет к нам снова – извинюсь. Правда! Давай лучше разгадывать, кто есть кто за столиками? Обожаю такие занятия... Так как?

– Не буду!

Оля снова явно высказывала свое раздражение.

Это была, к сожалению, уже не первая наша размолвка... Но лиха беда начало...

– А вон видишь, – не обращая внимания на недовольство девушки, продолжил я, думая, что так отвлеку ее от плохих мыслей. – Вон те двое, что за отдельным столиком, прилично одетые мужчина и женщина? Вот кто они друг другу? Муж и жена или любовники?

Магическое слово «любовь» помогло отвлечь любимую от дурных мыслей. Она задумалась...

– Муж и жена...

– А почему так думаешь?

– А я кольцо обручальное у мужчины вижу.

– А у женщины?

– Отсюда не разгляжу... Но, наверно, и у нее есть. Да и зачем бы ему изменять? Смотри, какая она красавица и одета со вкусом.

– Угадала! Муж и жена... Только я не на кольцо смотрю, а на их поведение. А если бы не было колец, то что бы ты тогда сказала? И любят ли они друг друга или просто дежурно время проводят?

– Глупости говоришь, Коля! Ну как же можно такое определить? И почему вдруг этот мужчина должен не любить такую красивую женщину? Тем более если ему с ней в постели хорошо. И она все для этого делает...

Да уж... Все женщины на земле твердо верят в то, что если жена ублажает мужа в постели всеми доступными способами, то измена невозможна! И попробуйте такую женщину переубедить. Да она вам все глаза выцарапает! А если факт измены налицо, то все равно найдет аргумент не поверить, и станет усиленно готовить мужу все новые и новые постельные вкусы, и, бывает, так переборщит, что только вызовет раздражение и, как следствие, развод или, что хуже, еще больше измен.

«От добра добра не ищут» – поговорка вовсе не для этой темы. Здесь ровно все наоборот... А тут еще молодые бл-ди – разлучницы, аморальные охотницы за обеспеченной жизнью и чужими мужьями, розы, которые не пахнут... Они и в подметки не годятся той единственной, которая отдала этому Казанове всю без остатка любовь, красоту, нежность и молодость; подарила детей и внуков, а часто даже сделала его тем важным, кто он сегодня есть. Но такова жизнь... Она никогда не бывает справедливой!

Правда в том, что все мужчины изменяют. Если мужчины, конечно, а не просто носители штанов. И что особенно обидно красавицам, изменяют богатые мужики. Потому что именно тестостерон сделал их удачливыми и темпераментными. Именно за это их любят и пытаются полностью насытить любовью красавицы-жены! Но только зря стараются...

– А смотри, как я определяю статус этой пары... Видишь, как он глазами на красивых баб по залу зыркает? И как мало они между собой общаются?

– Необязательно на женщин... Может, обстановкой наслаждается?

– С таким-то кислым лицом? Любовники так себя никогда не ведут, Оленька! Смотри, ведь я тебе и водичку, и вино подливаю, и ухаживаю как могу. А смотрю на тебя как? Видишь?

– Ну да, как кот на сметану, – наконец повеселела девушка. – Прекращай всех рассматривать. Ты заставляешь сейчас меня думать, а я не хочу. Заканчивай с этим. Напрягает... Ты что, уже вторую жизнь живешь?! Срочно меняйся. Я больше не хочу никакой пошлятины и правды жизни. Превращайся немедленно в Коленку – хорошего и простого мальчишка! Для меня здесь все люди, как люди. Есть красивые и некрасивые, старые и молодые. Мне неинтересно вникать в их проблемы. Их хватает и у меня самой... Сейчас вот в тебя влюбилась, а завтра буду по ребенку и родителям скучать... Нет-нет, не расстраивайся, это еще не скоро... Номер один сейчас ты! Но не советую так глубоко мыслить, а то я тебе номер в своем сердечном списке поменяю... Забудь о проблемах других! У нас ведь все хорошо? Или я что-то не понимаю?

– Нет-нет, все классно! Да и нет никого для меня в этом ресторане, кроме тебя! Все...

– Ну и хорошо, родной! Приглашаю тебя на белый танец.

Я рукой поманил официанта, назвал ему несколько песен, которые нравились моей девушке, и...

В тумане сигаретного дыма, который столбом стоял во всех ресторанах того времени, мы танцевали много медленных танцев. Я нежно обнимал талию девушки, близко привлекал к себе ее податливое изящное тело, прижимался щекой к ее щеке, обращая тем самым на себя пристальное внимание посетителей ресторана. Мы были красивой парой, и временами я ловил восхищенные или завистливые взгляды других посетителей.

Оркестр великолепно исполнял популярные по тем временам мелодии известных, в том числе и зарубежных исполнителей, хотя последнее и было строжайше запрещено, как проявление буржуазных нравов. Но деньги, которыми я щедро одарил музыкантов и певицу, решали проблему.

В те давние времена лучших эстрадных музыкантов и певцов Украины можно было встретить только в ресторанах. Там платили наличные. А они для большинства талантливых музыкантов были слаще любых государственных наград.

И вдруг в какой-то момент к нам за столик подошел здоровенный пьяный кавказец.

– Можно красавицу на танец?!

– Нэльзя! – передразнил я горячего горца.

– А тебя, пацан, никто и не спрашивает...

– Я не стану с вами танцевать, молодой человек, – попыталась разрядить обстановку Ольга.

Но где там! Какой же в советские времена ресторан, да без драки?!

– Давай выйдем и разберемся спокойно, чтобы не в ресторане, а то ночевать в милиции придется, друг, – начал было я.

– Что ты делаешь, Коленька!? Он же тебя убьет!

– Доверься, Оленька, – как можно спокойней и убедительней стал просить я девушку. Но куда там!

– Я никуда тебя не пущу, понял? И не думай выходить! – прокричала девушка. – Уйдите, молодой человек! Я не стану с вами танцевать. Вы пьяны и мне не нравитесь!

И тут началось...

Я пытаюсь подняться из-за стола. Ольга кидается на меня, обхватывает руками и становится между мной и хулиганом! Кавказец мерзко матерится и в мою, и уже в ее сторону, а из-за его столика идут к нему на подмогу еще два таких же кучерявых красавца.

Громкая брань, истеричный крик Ольги, пытающейся удержать меня и оттолкнуть нахала, обращают на себя внимание всех посетителей и официантов. Оркестр умолк. Все ждут развязки мордобоя...

Но как раз в этот момент я незаметно поднял руку, и весь зал ахнул. Установилась мертвая тишина! Громадные «белые медведи» лезли через открытое летом окно ресторана, находящегося на первом этаже гостиницы.

Подойдя к нам, один из моих охранников молча хватается за шиворот пьяного Казанову, другой – двух его товарищей и волокут к выходу.

– А кто за них расплатится? – слышится в тишине зала истошный визг одного из официантов.

– Не грусти, старик, – громко выкрикнул я в ответ на страдания работника общепита. Я заплачу... Только тебе придется показать мне весь счет, и я проверю каждое блюдо и спиртное, что там записаны... А то вдруг ты там что-то из любви к солнечной Грузии напутал...

Зал взорвался смехом и овациями на мою шутку!

– А кто эти добрые громилы и как они очутились рядом, когда на нас напали? – наивно спросила Ольга.

– Да откуда ж мне знать? Наверное, дружинники, – соврал я.

– А разве они лезят через окна?

– А почему нет? – продолжал я валять дурака. – Это их обязанность за порядком следить. Мне лично не странно...

– Видишь, а ты только что наговорил, что все здесь поголовно жулики и негодяи! Ты всегда спешишь с оценками, Коля. И часто говоришь о людях плохо. И мне это очень и очень не нравится! Вот запомни теперь, что надо видеть в людях больше хорошего, а не только изъяны.

Все, что умного пыталась донести до меня Ольга, мною не воспринималось. Но впредь я решил больше не поднимать с ней никаких серьезных, а тем более философских тем. Красивая, чувственная и... недалекая женщина. Но только не в философии и делах, касающихся взаимоотношения полов. Тут она корифей. Куда мне!

Ей бы характер и острый ум Лизы, у нас с ней могло бы получиться большое будущее...

– Как же ты права, любимая! Давай уже пойдем отсюда. Ведь нам намного лучше вдвоем. Рестораны не для таких, как мы.

И мы поехали улучшать настроение в любовное гнездышко, к Ольге. Все споры и недовольства, которые возникли между нами в ресторане, безвозвратно утонули в ее постели.

Чаепитие «по-родственному»

Следующим за рестораном днем было воскресенье. Раннее утро было прекрасным. Громкое воркование влюбленных голубей на подоконнике открытого окна и звуки птичьих песен разбудили во мне систему и вскинули с постели.

Настроение было радостное. Я так крепко спал, что, когда вскочил, не до конца понимал, где нахожусь. Но как только мой взгляд опустился на постель, я уже ни о чем больше не думал, как о том, чтобы вернуться и лечь

обратно. Потому что именно в ней находилось самое совершенное и прекрасное создание во Вселенной – моя спящая красавица, моя девушка, которая, по преданию, всегда ждет поцелуя своего единственного избранника – принца.

Легкая простыня, которой мы укрывались в ту жаркую летнюю ночь, была почти что откинута и обнажала потрясающую фигуру любимой женщины.

И как же бывает красиво женское тело! А это был именно тот самый случай...

Не в силах сдержать нахлынувшие эмоции, я тихо опустился на постель, приобнял девушку и стал нашептывать ей спящей много-много нежных слов в ушко и чуть-чуть прикоснулся к нему губами... Не открывая глаз, Ольга повернулась ко мне лицом, и мы еще и еще раз нежно слились в поцелуе. Ох и ах! Ведь утренний секс – самый сладкий в мире. Хотя, возможно, я ошибаюсь, и есть люди, которые так не считают. Что ж, значит, никогда не были счастливы!

Ольга снова уснула, а я тихонько укрыв ее простыней, чтобы не простудилась от утренней свежести, поцеловал в шею, встал с постели, и, пошатываясь от головокружительной неги, незаметно улизнул к себе в квартиру, где быстро переоделся в спортивную форму и побежал отдавать долг системе.

Солнце еще только-только начинало свой ослепительный круг. Было не жарко. Освежающий утренний ветерок у воды... Отличная погода для пробежки!

Смыв с себя пот в душе, я вскочил в «Адидаас» и бегом к любимой за завтраком.

Когда я открыл дверь квартиры, Ольга была еще под шумящими струями воды в душе и низким голосом, какой был у нее от природы, красиво напевала какую-то душевную украинскую песню.

Я культурно постучался... Услышав «Сейчас, миленький!», мигом шмыгнул на кухню порыться в холодильнике, чтобы приготовить завтрак любимой. Желание во всем прислуживать царевне, чтобы видеть восторг в ее глазах, зашкаливало.

Я нашел так много вкуснятины, что глаза разбегались... Но все не то! Разве может какая-либо еда сравниться с утренним завтраком глазуньей, а также салатом из свежих и сладких от жаркого летнего солнца базарных овощей. Поэтому я, как надо, нарезал красный помидор, огурчики, зеленый лук, морковку, уже не помню, что еще, добавил докторской колбаски, залил все это майонезом, посолил, помешал, поставил на стол и, пока Ольга наводила утреннюю красоту, выбежал в хлебный, который был в двух шагах от подъезда, купил свежайший ржаной хлеб и французскую булку.

Нарезав пахнущий семечками хлеб, я поставил сковородку, положил на нее много сливочного масла, а когда оно чуть-чуть заискрилось, начал жарить ее – королеву завтрака, яичницу.

Запахи привлекли любимую. Она пришла в розовом ситцевом халате на голое тело. Я увидел ее как первый раз. Ну и чувства... «Как же мне повезло! – пронеслось в голове. – Неужели бывают так красивы женщины, как моя любимая?!»

Дальше мы сосредоточились на еде. Очень вкусно поели. Я заварил натуральный кофе себе и чай Ольге, а под конец закурил свою первую, самую сладкую, сигарету дня.

– Я хочу познакомить тебя с очень приятными людьми – моими соседями, Оленька. Ты правда будешь поражена, какие бывают на земле добрые женщины. А то ведь все упрекаешь, что я рассказываю только о плохих чертах человечества...

– Лишь бы снова не в ресторан, – пошутила девушка. – И в постель не тащи, а то устанешь к вечеру, и хорошего слова от тебя потом не добьешься, – все улыбалась красавица.

Так и произошло. После завтрака и моих назойливых приставаний с целью уложить любимую в постель, которой не суждено было сбыться, мы наконец покинули любовное гнездышко и вышли на свет Божий, а точнее, пошли пешком к моему дому.

Идти было каких-то пять-семь минут. Но за это время я все же успел заинтриговать девушку рассказами о способностях Леры читать мысли и об исключительной доброте женщин.

И вот мы уже у меня в комнате. И пока Ольга осматривает квартиру, я звоню Лере и напрашиваюсь в гости.

Получив согласие, переодеваюсь в чистое, достаю из холодильника заранее припасенный обалденно вкусный супердефицитный «Миндальный торт», и вот мы уже за столом хозяйки в ее просторной кухне.

Путеводитель к Богу...

На входе нас встретила Лера, гостеприимно поприветствовала, потом протянула руку к Ольге и нежно, не пугая ее, прикоснулась кончиками пальцев к векам глаз, лбу и волосам девушки.

– Добрая, – только и сказала она после прикосновений. – Хорошую девушку привел, Коля.

После короткого знакомства Лера снова и очень интересно рассказывала о Христе, в частности, о том, что любовь спасет мир, что люди должны быть добры друг к другу и, если хотят в Рай, помогать всем, кто нуждается. И потому никакие молитвы не угодят Богу больше, чем помощь человеку, от которого не ждешь благодарности, когда «правая рука не знает, что делает левая»!

– Вот вы, Николай и Ольга, – помогали когда-либо человеку, от которого потом не ждете благодарности?

– Я всегда милостыню даю, – ответила Оля.

– А мне и помогать нечем. Сам после Армии в помощи нуждаюсь! – не моргнув и глазом, нагло соврал я.

Ольга резко оглянулась на меня, показывая всем своим видом, что ей отвратительно мое вранье.

– Я не стану дальше утомлять вас библейскими истинами, ребята.

Наслаждайтесь чаем. Будет еще время, – проворковала Лера.

– Нет-нет! – вдруг решительно запротестовала, Оля. – Утомляйте. Мне очень интересно! А то ведь Коля всегда о людях да о людях. Какие они, да как смотрят друг на друга... Интересно, конечно, – посмотрев на меня, не обиделся ли, настояла девушка.

– Ну что ж... Советую вам двоим обязательно сходить в церковь, и не в одну, но в самые старинные, которыми всегда славился Киев. В нашем городе, ребята, есть церкви чуть ли не одиннадцатого века, и там очень-очень красиво и особая атмосфера. А знаете почему? – и сама ответила: – Потому что в церквях люди искренне, от души молятся, и все их помыслы о счастье и мольбы о прощении грехов наполняют до краев такие места исключительно положительными эмоциями. Внутри каждой церквушки, даже совсем маленькой, как бы создается небывалой величины дворец из любви к Богу и людям! Это особый христианской мир... Он существует только в церквях и с веками, если церковь старинная, только возрастает в масштабах. Вы можете себе это представить? – и сама ответила: – Нет, конечно. Но, когда зайдете и скажете всего одно слово «Бог», почувствуете обязательно! Но только если слышите сердцем мои слова и поверите.

Вообразите только, сколько разных людей до вас там побывало: цари, великие князья и другая знать, купцы, миллионеры, богатые и бедные люди. Каждый со своим счастьем или горем... Но скорее все же с горем, – немного подумав, сама себе ответила Лера. – Счастье люди склонны все же праздновать с людьми, но не с Тем, кто им его подарил. Хотя очень многие и благодарили Его за все, что Он им дал... Но все без исключения калялись в грехах и обязательно о чем-то просили Всевышнего. Вот бы узнать все это! Представляете, сколько интересного появилось бы в истории человечества? Ведь те слова и помыслы, которые говорят перед Всевышним, никогда наяву не звучат. Их никто и никогда не слышал...

Каждый человек, если он верующий, бывает искренним только в церквях, ребята. В молитвах, когда никто никого, кроме Него, не слышит. А в любое другое время всего только играет роль кого-то. И далеко, далеко не самого себя. Кого-то другого, бывает даже так, что ему самому неизвестного, к образу которого он только стремится. А на самом деле абсолютно не похожего на него человека. Кем он не является, а возможно, никогда и не станет, а только очень хочет им быть. Все посторонние – зрители, естественно, видят его совсем другим.

И на старинные кладбища обязательно сходите, – завораживающе вещала Лера. – Знаете, что на самом деле там похоронено? – И сама же ответила: – Нет-нет, не тела. Тела – тлен. Пройдут столетия, и со временем они

превратятся в прах. Ничего не останется. Потому на самом деле там витают только души тех, кто жил на земле. А если точнее, их нереализованные мечты. Один знакомый, как и я, незрячий, мне описал это в письме так: «Кладбища – самые богатые места в мире, потому что там похоронено несметное количество разных идей, в том числе и великих, которые умершие не успели осуществить при жизни!» Очень грустно об этом говорить, но смерть ведь всегда приходит неожиданно...

– Конечно, конечно, – под впечатлением сказанного мы оба почти слово в слово ответили Лере. – Спасибо большое за совет! Обязательно сходим и в церкви, и на кладбища.

– Ну и здорово! Идите уже, ребята. Сегодня такой прекрасный день! Береги нашего Колю, Ольга, – на прощание с улыбкой произнесла Лера.

Мы вежливо попрощались, а когда вышли от Леры, Ольга уже была почти что другим человеком. Ее глаза светились, а лицо выражало не женскую кокетливость, а что-то мне до сих пор в ней неведомое – какую-то прямо-таки покорность перед судьбой... Я уже не был в центре ее внимания.

Трогательные размышления

– А давай в следующее воскресенье пойдем в церковь и на Байковое кладбище. Мне многие люди говорили, что там, как в музее под открытым небом...

– Конечно, пойдем, любимая! С тобой хоть на край света!

– Ну зачем ты снова говоришь пошлости? Нехорошо! – и продолжила: – Какая все-таки необычная женщина, эта Лера! Прямо светиться, когда о Боге рассказывает. Я хочу ей помогать и общаться с ней... Можно?

– Ей ничего не нужно, любимая... А в церковь и на кладбище обязательно пойдем. Я, кстати, сам давно хотел. А то, что обманул Леру, что беден, не обращай внимание... Прошу! Это было нужно, а зачем – я позже тебе все честно расскажу.

– А ты правда смог бы ради любимого человека отдать жизнь? – снова вдруг спросила меня Ольга по дороге к ее дому. – И о чем ты все-таки мечтаешь? А то в парке ты все понятно мне так и не рассказал.

– За тебя отдал бы, – машинально, но в душе искренне ответил я, чтобы угодить красавице. – А мечтаю? Да о разных глупостях типа того, что хочу объять необъятное.

– А как это?

– А вот, например, дарить самой красивой женщине в мире каждый день тюльпаны...

– Ну правда! Кроме шуток... Расскажи! Мне ведь все интересно о тебе, и время есть...

– Вот, например, хочу стать самым богатым и сильным в мире, может, даже царем.

– Ну каким еще царем? Нет-нет, все-то ты знаешь, просто рассказывать мне не хочешь, – надула губки красавица. – Ну ничего, я ведь девушка сельская, а потому терпеливая... Придет время, все как миленький расскажешь, как и я тебе...

Но вот, что интересное я открыл для себя в тот вечер... Меня абсолютно не трогали мечты и фантазии красавицы. Я вдруг отчетливо понял, что да, влюблен, да, красивая, и я всегда буду стремиться сохранить с ней отношения, но никогда не пойду с ней в ЗАГС, потому что у нас с ней нет никакого семейного будущего. Она никогда не сможет меня понять... Поверить так, чтобы никаких сомнений: царь так царь, король так король. Кто угодно, кем я вдруг себя вообразил и решил стать! Мне нужна вторая половина, которая бы жила моими фантазиями, безраздельно верила в них, как и в то, что я смогу их осуществить. Но у Ольги при всех остальных ее достоинствах были, скорее всего, только мечты, как и у абсолютного большинства представителей ее пола: создать крепкую семью, детишки, хорошая квартира, верный муж и, пожалуй, все... Хотя сама она вряд ли была способна на вечную верность. Она жила чувствами, а значит, им и поддавалась.

Я вычитал у классиков, что настоящая любовь женщины к мужчине, что называется, навеки, навсегда – это совсем иное. Если муж с амбициями, да еще с большими, то и жена любит не только его тело, но и его душу, и мысли, и посвящает себя всю не только плотской любви, но и амбициям любимого. Выращивает их, живет их воплощением и высоко носит свое призвание: жена настоящего мужчины – великого для нее человека. Она никогда не изменит своему единственному не только физически, но даже в мыслях, потому что предана не только телу любимого, но и его идеям. Только с такой женщиной он может добиться сверкающих вершин. Их высота будет зависеть исключительно от амбиций мужчины. Но что уж точно, так это то, что любому великому в своем деле мужчине всегда соответствует не менее великая своей преданностью женщина. А исключения? Да, редко, но бывают и великие одиночки, у кого с головой не все в порядке...

Меня посетили мысли, что Ольга, как сама природа, красива и похожа только на саму себя. Никакой роли другого человека она играть не сможет. Она естественна как красивый цветок и так же проста. Любуйся, трогай руками, вдыхай аромат свежести, но не забывай, что природа так разнообразна и по-своему так прекрасна, что нет и не может быть предела совершенству ни в женской привлекательности, ни в мужской...

Много лет позже я убедился, что слишком чувственные отношения невозможно затем перевести в близкие философские. А для гармонии и полной, бескрайней любви кто-то в любовной паре должен иметь моральный верх, полное преимущество. Быть ведущим. А второй должен стараться воспринять всей душой и мыслями философию главного из партнеров и так, чтобы его собственная на период совместной жизни с любимым человеком навсегда умерла. Иначе вечные споры, кто прав, а кто виноват, и, как следствие, расставание... И хорошо еще, если бывшие пылкие любовники не

возненавидят и не проклянут друг друга при расставании. А бывает ведь немало и немало хуже...

Но никогда не бывает в любви или дружбе, чтобы оба были равны. Кто-то из двоих всегда наверху и подчиняет себе мысли и поступки другого... Это происходит само собой. Невидимо. Но всегда именно так. А по-другому не бывает...

Именно такой тандем я и пытался всеми силами создать в дружбе с Виталием, видя наверху именно себя. Но как же далеко было до этого...

А что до отношений с Ольгой? Нет-нет! Жениться на ней я и не собирался. И даже мысли такой не было... Я не видел в ней потенциала слияния душ. Только тел...

«Учения перед боем...»

Только через месяц Витоха наконец смог выполнить свое главное задание. А значит, воспринял мой совет и серьезно подошел к делу. А когда закончил, пригласил меня познакомиться с его будущими замами – бригадирами новых бандитских шаек. Их было одиннадцать человек. Все его давние друзья по спорту. Их первейшим заданием было подобрать, как и Виталию, но уже свои бригады и распределить обязанности.

Я пришел в парике и с бородкой, в которых ходил на разбой.

Встреча происходила примерно в 22 часа в одной из рабочих столовых на окраине Киева.

Мы дождались, пока ушел весь персонал, составили вместе в один ряд пять обеденных столов, и получился один большой. Во главе важно сидел

Витоха, а я рядом с ним по правую руку. По обе стороны – будущие бригадиры. Все как на подбор с кривыми разбитыми носами, крепкие физически, с волевыми лицами, разного возраста ребята, но не старше 30 лет.

Один из пришедших был слегка пьян, и Витоха сразу отправил его домой.

– Да я и выпил-то каких-то грамм сто. Ну, нужно было для дела... Виталий! Я ж не пью, ты же знаешь...

– Пошел ты на х-й! На выход! Если ты в такой день бухой приперся, то какой ты завтра на дело придешь?

– Ну и ты пошел!

Парень встал и уже подходил к двери, но успел получить сильнейший удар по печени от догнавшего его бугая – Гены. Скорчился... Вот так и вышел на полусогнутых и уже без всяких слов...

– Пусть не пиз-т лишнего на уважаемого человека. По справедливости Витоха его послал! – рявкнул бугай для всех, садясь за стол.

– Красава! – похвалил Гену мой друг. – А теперь слушайте внимательно!

– Этот парень, Яша, – указывая на меня, представил Витоха, – мой важный советник, а когда меня нет в городе, мой полноправный заместитель.

Умный парень. И не смотрите, что не качок, зато мастер спорта по стрельбе и не одного придурка пришил.

Все внимательно уставились на меня, до конца не веря в мою грозность.

Тогда я достал браунинг и положил перед собой.

Это впечатлило компанию, и взоры вновь обратились к Витохе.

– Все хотят большие деньги зарабатывать?

– О чем базар? – почти хором ответили боксеры. – Ты ведь уже это спрашивал.

– Теперь пусть и мой советник услышит. Никто ничего спросить не хочет?

– А что спрашивать? – ответил за всех тот же Гена. – Кто ж от бабла откажется? Все хотят...

– А если пришить кого придется? – провокационно вдруг спросил я.

Молчание... Но, как я понял, не от страха перед убийствами. Просто никто не ждал такого вот моего вступления в разговор.

– А что, обязательно убивать? – спросил парень по имени Петр.

– В том-то и дело, что не обязательно. Даже, скорее, нельзя... Все расслабились...

– Ты говори понятно, что нам делать? – встрял кто-то из присутствующих. Не тяни, блин, Яша! Все тут и на все готовы, раз мы с Виталием. А вот что ты за хер такой, еще посмотрим...

Все дружно рассмеялись.

– Он – мой партнер, а не хер, мать твою, придурок! Он – мозговой центр всего, что делать будем. Мой первый заместитель. Кто отказывается это принять, вон за тем пьяндыгой на выход. Кому не ясно?! – грозно спросил мой друг, заглядывая в глаза каждому сидящему.

– Не-е, я его не знаю, – глядя на меня, желая пошутить, с ухмылкой фыркнул самый здоровый из всех – Федя. – Какой-то он квелый, и борода как у лысеющего черта...

Смех! Всем понравилось Федино сравнение меня с представителем нечистой силы.

– Я с ним дрался, – спокойно парировал Витоха. Парень – зверь! Не квелый, а борода... Каждый дрочит, как сам хочет. Закончили шутки. Кому тут моих доказательств мало?

– Да что ты ерепенишься, Витоха! Ты ж наш в доску... Тебя тут все уважают!

– Раз меня уважают, значит, и его придется. И никак не меньше, чем меня самого. Иначе ни дела, ни денег не будет. И не силой он должен доказывать, что заслуживает, а мозгами. Что неясно?!

В ответ дружное молчание... Все вроде как согласились. Им главное – не терпелось быстрее в дело... За большими деньгами! А в душе я чувствовал: никто меня всерьез так и не принял.

– Докажи им, Яша! Пусть послушают, – обратился ко мне, как мы заранее и договаривались, Виталий.

– А вот скажи, Федя, что ты будешь делать, к примеру, если Витоху или кого другого из здесь сидящих заметут? – начал я свой бластной разговор.

– Нападем всей бригадой ночью на райотдел и отобьем. Что ж тут непонятного?

– А вдруг там ментов в это время будет больше, чем нас?

– Ночью все менты спят. Откуда ж они возьмутся?

– А откуда тебе знать?

– А что ж им ночью в конторе делать?

– А вдруг?! Собрание у них вдруг случилось или просто коллективная пьянка... Ты что, не знаешь, что менты часто бухают после работы?

– Подумаешь! Всех перестреляем! А друга вытащим...

– А дальше что?

– А дальше посмотрим... Думать будем. Да и Витоха с нами уже будет.

Он точняк выход найдет...

– Нет дальше ни выхода, ни входа, – встрял Витоха. – А полный пиз-ц! И если ты такое сделаешь, всех под расстрел подведешь. Совсем мозги потерял?! Или не знаешь, пацан, что в нашей стране за убийство даже одного человека вышка светит. А тут десяток ментов завалим, да еще при исполнении... Ты че буровишь?! Нет дальше ничего... Разве что добровольно на кичу вещички собирать да сухари сушить... Мудак ты полный! Хотя парень хороший, – немного смягчил накал страстей Витоха. – Вот для этого Яков и нужен, а не ты или кто другой из вас... Он – чувак образованный. Много знает.

«Молодец, Виталий! – подумалось. – Способный!» И я авторитетно продолжил начатый им разговор.

– А вот, Федя, что я бы предложил, чтобы спасти товарища и под вышак не попасть. Изучил бы расположение служебных входов в ментовке. Зашел бы туда вроде как случайно, как рядовой заявитель какой или просто под дурака косил, и все, что мог бы, внимательно рассмотрел. Например, на каком этаже и сколько по кабинетам людей сидит, все ли вооружены. Нашел бы место, с которого, если что пойдет на так, смыться легче.

Через час-два в тот же день уже кто-то другой из нашей команды зашел бы и пошарил. А в конце дня проследил, сколько человек из здания вышло, сколько осталось, и так до тех самых пор, пока бы не стало ясно, что людей почти не осталось. Вот так бы все и узнали...

Я специально подбирал для боксерской братии известные им слова на их же жаргоне.

– Той же ночью или наутро мы все вместе написали бы план помещений, где и сколько людей, как, кому и когда начать действовать, чтобы никого не убить и ключи от камер получить. Ну а уж если и это невозможно, значит, по пути в СИЗО или в суд надо действовать. Но уже с другим планом. Хотя это намного сложнее и вряд ли без убийств обойдется. А то, что ты предложил, Федя, – прямой путь на тот свет и нам самим, и всем тем легавым, кого по твоему дурацкому плану мы пришьем! И за что убивать?

Разве они не люди? Разве у них нет семей – детей, жен, родителей? Или ты предлагаешь всех ментов мочить? Без разбору?! Разве не прав?

Я краем глаза взглянул на лица всех остальных ребят. Все присутствующие глубокомысленно промолчали, что означало полное согласие с тем, что мой план намного лучше Фединоного. Но до уровня авторитета Виталия в их глазах мне было еще далеко. И все же начало было положено...

«Ну хоть так, – подумалось. – Для первого урока учебы достаточно».

Чуть позже я попрощался и ушел, как мы заранее и договорились с Виталием. А Виталий остался, чтобы обговорить с друзьями все деталями преступлений, которые я заранее спланировал за тот месяц, пока мой друг собирал бригаду.

Шло время... Виталий продолжал ежедневно встречаться с боксерами и пару раз приглашал и меня самого.

Все, что мы считали нужным для начала работы, мы сделали: Витоха дал бригадирам задание подбирать себе по два-три верных партнера и припугнул, что, если приведут стукача, своей головой отвечать будут! Обязал брать только тех, кого знают много лет и множество раз проверенных в разных ситуациях.

Среди десятых бригадных мне понравились двое: Тимофей по кличке Тима и Вадим с кликухой Внучок. Оба с десятью классами образования и довольно быстрым умом.

Вот они первыми и получили два задания.

При первом очередной завбазой так напугался, что отдал триста тысяч без особого упрямства, но вот второй конкретно уперся, поэтому его сначала распяли, прибив к стулу гвоздями руки и ноги, а когда и это не помогло, то завернули в большой импортный ковер и в сопровождении насмерть перепуганной жены вывезли в лес. Жену привязали к дереву, а его под дулом пистолета заставили рыть себе могилу. И только когда на глазах жены начали закапывать, он заорал «Отдам!», привез ребят обратно в свой частный дом во дворе на Красноармейской и из-под паркета вытащил пятьсот тысяч рублей!

Восторгу «поломанных носов» не было предела! Они все в равных долях получили половину награбленного, а мы с Витохой – вторую. И дело пошло... После чего Виталий организовал подробный разбор полетов с докладчиками – Тимой и Вадимом – и учениками – остальными главарями банды, где каждый из ребят высказался, что, по его мнению, было сделано верно, а где совершены ошибки и чем они могли обернуться.

Было еще много нудных учений, а когда боевики Витохи уже полностью обалдели, мы послали их на работу, снабдив каждого подробными инструкциями.

Проколов не было. Наше состояние росло изо дня в день. Зарабатывали и ребята.

Со временем я взял за правило отслеживать в местной вечерней газете и в новостях по телевизору, чтобы никто не был убит, и ежедневно встречался с

Виталием. Передал ему новую порцию досье на расхитителей и забрал свою долю. Приносил другу новые интересные книги, чтобы поднять его интеллектуальный уровень и укрепить в философском видении нашей миссии.

Было отраднo наблюдать, как растет интерес Виталия к чтению. Он заметно рос интеллектуально от книги к книге. Взял за привычку обсуждать со мной прочитанное.

Сам он не замечал, но со стороны было видно, как растет его словарный запас, меняется характер. Он был способным парнем, поэтому ранее пустовавшие извилины его мозга быстро заполнялись информацией. Он становился другим человеком, часто спрашивал у меня значение новых слов и искренне злился: «Как же я раньше мог их не знать!»

К сожалению, прогресс в знаниях рано или поздно стал бы помехой в его основной работе – круто ругать и материть подельников. Ведь он обязательно должен был оставаться в их глазах вменяемым пацаном! Но пока еще беспокоиться было рано...

В кафе и на тренировках я больше не появлялся. А продолжал проводить свободное время с Ольгой, но все меньше и меньше, потому что бригада росла, а с ней и объем подготовительной работы, которая была исключительно на мне.

Дни проходили за днями очень быстро. Некогда было даже подумать или сделать что-то вне плана, который я составлял ежедневно.

Я нанял еще десятерых ребят для слежки, а двоих исключил за невнимательность и некачественную работу. Так что бригада «подсмoтра» по Киеву была полностью укомплектована.

Решил осваивать новые большие города, поскольку в Киеве, как я полагал, максимум через год наши с Витохой наезды станут известны оперативникам МВД, а может, КГБ, и тогда начнется охота за нами самими!

Дело осложнялось еще и тем, что опера смотрели на наших потенциальных жертв через ту же призму, что и мы, как на дойных коров, которые временами давали им бесплатно или за чисто условные деньги дефицит, который те передавали своим стукачам-фарцовщикам-спекулянтам на продажу или волокли домой. На том и жили! То есть они слегка пощипывали торгашей... Ну а мы совсем с другой стороны подошли по-крупному!

Показательна одна история, произошедшая на моих глазах, и наверняка, читатель, ты удивишься изобретательности взяточничества в те времена.

Как-то в 80-х годах меня пригласил крупный чин МВД в ресторан. Уж и не помню, по какому поводу... И когда нам принесли счет, он заплатил, помнится, десять рублей, а сдачи ему директор ресторана принес лично сто рублей. Чудеса взяточничества расцветали изо дня в день. И так вплоть до самой Перестройки.

Военно-складские приключения

При случае мы мощно вооружились! У одного из замов Витохи был родственник – полковник, заведующий оружейным складом под Киевом.

В те времена было почти невозможно приобрести новое оружие, но нам крупно повезло!

Складской поначалу и разговаривать не хотел... Но тот парень что-то такое наговорил полковнику и столько денег ему посулил, что завскладом задумался... А когда мы его напоили в доску, он, бухой, наконец-то решился и привел нас в свою вотчину.

Дело было уже ночью, когда пьяный оружейник, хвастаясь своим боевым могуществом, привел нас в закрома и дал нам выбрать оружие и сопутствующую ему необходимую военную технику: лазерные прицелы, приборы ночного видения, бронежилеты, различный инструмент под каждое оружие.

Всего этого было так много, что для беспрепятственного вывоза через КПП с вооруженными солдатами нам пригодился «рафик» полковника. Мы тщательно привели в порядок внешний вид бравого офицера, усадили на переднее сиденье и без проверки содержимого машины вывезли все, что нам было необходимо.

Честь на выезде с базы, которую отдали полковнику вооруженные автоматами солдаты-охранники, было последним, что я запомнил в конце этой блестящей воровской операции.

Отъехав по дороге от войскового объекта пару-тройку километров, мы свернули в густую лесопосадку и выгрузили оружие прямо на землю. Полковник в это время громко храпел, развалившись на переднем сиденье.

Мы с Витохой остались в лесу с боеприпасами, а ребят отправили отвезти пьяного вояку домой, предварительно набив его карманы деньгами, которые были ему обещаны.

Когда пацаны скрылись из виду, мы вдвоем перегрузили все военное имущество в такой же «рафик», взятый напрокат Виталием у кого-то из его знакомых и поехали ко мне в хибару.

Дорога была неблизкой. Нас дважды останавливало ГАИ. Но была глухая ночь, менты не боялись брать деньги... К тому же документы на машину были подделаны безупречно. Она числилась как разгонная в какой-то строительной конторе, так что и придраться бдительным стражам дорожного порядка было практически не к чему. А деньги, которые мы давали, лишними в их карманах, конечно же, не были...

Все, слава Богу, обошлось! Хотя поездка эта была явно рисковая!

Намного опасней, чем даже вывоз оружия с самой базы.

В советские времена автомашины типа «рафик» и грузовые не продавались частникам. Они были сплошь государственные. Поэтому их часто останавливали в дороге бдительные работники ГАИ не случайно и не для того, чтобы получить банальную взятку. Нет! У шоферни лишних денег никогда не было. Зато они частенько использовали служебный транспорт, чтобы украсть товар, какой был под рукой на родном предприятии. И если такой вот

труженик ехал ночью, то и коню понятно, что что-то хорошее спер. Ну и тормозили их борцы с преступностью, чтобы водитель, если везет левак, поделился краденым.

В кабине каждой госмашины должен был быть так называемый путевой лист, в котором указан маршрут движения, название конторы, которая его выдала, накладная на товар и ФИО водителя. Поэтому мне пришлось переодеться в рабочую робу, надеть засаленную кепку и слегка измазать грязью лицо, чтобы смахивать на обычного водилу... Но если бы мы все же нарвались на принципиальных ментов, которые захотели бы для острастки залезть в кузов, то были бы трупы. Никакие деньги уже б не сработали...

Чтобы не брать грех на душу и никого не убивать, мы заранее предусмотрели худшие из вариантов развития событий в дороге. А помешать нам могли только гаишники. Чтобы этого не случилось, я предварительно описал вариант, когда все плохо, и особенно подробно, кто из нас и что делает, если случится, что взятка не сработает, а к нам в кузов захочет заглянуть любознательный страж порядка.

В этом случае мы четко разделили обязанности, кто будет пугать гаишников оружием, а кто связывать, затыкать им рты, тащить в их же машину, уничтожать рацию... Кто потом сядет за руль милицейского авто, а кто будет стеречь их на заднем сиденье.

Бить морды и заламывать руки должен был, как более сильный физически, Виталий, а я – выполнять более «интеллектуальную» работу: связывать руки, затыкать кляпы в рты и т.п.

Предполагалось, что мы их затащим в их же машину, слегка отгоним ее от дороги и так оставим... Но в кузов никого не пустим. Потому что, если только даже один из них хоть краем глаза увидит, что мы везем, им обоим нужно будет устроить, как любил говорить Виталий, гроб с музыкой!

Вот так мы и довезли оружие до моей хибары на улице Боевой. Аккуратно сложили все в подвале и накрыли толстой полиэтиленовой пленкой, а сверху забросали яблоками пьяницы Васи.

Работали до самого до утра. А потом сонные еле-еле добрались до своих автомашин, потому что устали, что называется, как собаки...

«Тревожные мысли» и конспирация

Я все чаще стал подумывать о Москве и сначала по два-три дня, а потом и неделями жил там. Присматривался... И увидел такое, что голова пошла кругом!

Москва гудела! Деньги воровались, брались в виде взяток и прогуливались в ресторанах в таких количествах, что я даже не мог себе представить...

Замешаны были все без исключения чиновники, кроме разве что очень именитых членов ЦК, которым материальные средства, как таковые, были не нужны, поскольку роскошь, которую предоставляло им государство

бесплатно, не имела цены и была безгранична: бесплатные санатории, дома отдыха, пайки с икрой, поездки за границу, особое лечение, учеба их отпрысков в элитных школах и вузах... Все и перечислить невозможно! Это уже был коммунизм высшего пошиба: бери что хочешь и сколько душа пожелает и себе, и родственникам, и знакомым, и знакомым знакомых!

В Киеве в это время Витоха сумел развернуться по-настоящему! Под его началом образовалась крупнейшая в истории города банда, состоящая в основном из спортсменов, склонных к правонарушениям. Появились авторитеты из разных районов города, которые имели право по разработанным мною планам самостоятельно осуществлять налеты и изъятие денег.

Виталий, как мы и запланировали в самом начале дружбы, прежде чем вступал в преступные связи с очередным замом, представлял его мне. Я приходил в парике и очках, так что узнать меня потом, встретив где-то в компании, ресторане, кафе или просто на улице, ребята бы не смогли. А самого Виталия я заставил сменить квартиру и реже светиться в кафе и клубе. Мы оба начали готовиться к глубокому подполью.

Но Витоха, конечно же, продолжал оставаться под ударом. Члены банды знали его в лицо и, если бы что-то произошло не так, могли рассказать о нем так много, что найти его в Киеве не составило бы проблем.

Дела, которые мы делали, никогда не бывали полностью беспроблемными. Что-то, но всегда вылезало боком: кто-то из бригадных проявлял при нападениях все большую жестокость, кто-то наоборот... Поэтому с каждым днем надо было насаждать все больше контроля и постоянно напоминать всем об осторожности.

На встречах с главами новых группировок я очень скрупулезно разбирал каждый полет и множество раз напоминал о всех тонкостях нашей работы, задавал вопросы про жизнь, решительно требовал никого не убивать. Но далеко не всегда оставался доволен. И особенно выбором Виталия.

У него был хороший нюх на боевиков, но не на их умственные способности и, что особенно плохо, на дисциплинированность и послушание. Пацаны были огонь, но от некоторых уже заранее пахло кровью. Такие обычно страдали излишней манией величия и рано или поздно, но обязательно бы взбрыкнулись: одни захотели бы большей доли, другие – власти, а третьи – полной самостоятельности и своих группировок.

Желание большей самостоятельности в принятии решений и больше денег сидит в голове каждого человека. Большинство рано или поздно идут на риск и получают то, что и заслуживают: способный добивается своего, а неудачника ждет разгромное разочарование. Все это естественно, и было бы ничего, но только не для бандитских группировок.

Ужас такого развития событий в нашей системе состоял в том, что, в отличие от обычных людей, бандиты, когда расходятся, начинают кровопролитные войны.

Да, бывает и так, что расходятся полюбовно: старые друзья дают друг другу трогательные клятвы любви и верности в былой дружбе. Как

трогательно! Но только с виду... А на самом деле у каждого уже давно загнан патрон в патронник, взведен курок, а у самых способных даже разработан план ликвидации «друга». И он только ждет случая, чтобы убить, убить, убить конкурента!

Убивать или быть убитым – вот что светило нам с другом в перспективе. Готовиться к этому нужно было обязательно. Но Виталий и слышать не хотел ни о каких опасностях внутри системы. И это стало первой серьезной проблемой в наших партнерских взаимоотношениях.

– Ты понимаешь, что вот этот парень – проблема? – энергично убеждал я друга. – Он рано или поздно, но выйдет из-под твоего контроля и такого сам натворит, что нам самим мало не покажется!

– Да ладно тебе... Зачем наговариваешь на ребят? – обычно отвечал Виталий. Это мои дела. Не вмешивайся! Занимайся своим, – уже не как равному партнеру, а все больше с командным оттенком звучал его голос.

Оно и понятно, самомнение росло. Его не просто уважали в банде, перед ним лебезили. А он, будучи Королем в своем сознании, все больше и больше срастался с мыслью, что он уже настоящий Дон, а я – его советник, хотя и главный.

– Я сам крысу замочу! – словами из книг о мафии неистово кричал друг, когда я пытался объяснить ему, как все может обернуться.

И что было ответить? Нам никак нельзя было ссориться. Время разборок только-только подкрадывалось! К тому же мы медленно, но верно шли к многочисленным ОРД.

Но бандитская жизнь продолжалась. Поезд было уже не остановить. Поэтому я продолжал делать свое дело, а Виталий свое...

На встречах с бригадными я представлялся младшим партнером Виталия и всегда подчеркивал его значимость и главенство.

– Он главный, но, если по какой-то причине не будет в зоне досягаемости, вы строго должны выполнять мои команды.

– А кто ты такой, чтобы тебя слушать?! – временами возмущались громилы. Но Виталий строго их пресекал.

– Кто не понимает – на выход, – обычно командовал мой друг, но все с меньшим и меньшим энтузиазмом. Ему все больше нравилось, что нас разделяют на главного и второстепенного.

Боевики ворчали, но подчинялись. И тогда я специально провоцировал их на непослушание, а самых дерзких – дразнил, провоцируя на явное неподчинение.

– Ну что тебе непонятно, друг? – обращался я с издевкой к такому вот нарушителю установленных порядков. – Будешь мне подчиняться или вали кулем.

– Да пошел ты! – мгновенно следовал ответ. Но после некоторого раздумья: – Ну-у... буду, – глядя на Виталия, хмурился верзила. Но как правило, добавлял примерно следующее: – Если не по делу что-то прикажешь, а потом это выяснится, сильно пожалеешь!

– А что ж такое «не по делу»? Ты уж объясни боссу, – продолжал я издеваться над качком.

Тот замолчал. Но его недовольная рожа Виталием во внимание уже почти и не принималась. Это было плохо для дела. Служило началом моих разногласий с партнером.

Но я не сдавался и решил, что раз так, буду разрабатывать планы, как контролировать членов банды на работе и дома! Только так я мог теперь ставить на место тех, кто не понимает слов, пререкается и таким образом разваливает систему изнутри.

В целях безопасности я разработал строгие правила поведения бандитов во время досуга, установил за ними слежку и все больше контролировал любые их необдуманные поступки, которые могли навести на них оперов. Теперь основное время у меня занимала разработка даже не планов нападений, а сложной конспиративной системы внутри преступной организации. Так, чтобы все ее члены имели как можно меньше информации о своих коллегах и действовали строго по согласованному регламенту.

В частности, рядовые члены банды не должны были знать никого, кроме тех, с кем непосредственно работают, и ни в коем случае кого-то из лиц в руководстве. На случай если кого-то задержат, все, кто с ним работают, должны были сразу скрыться в специально для этого снятых квартирах и переждать, пока вопрос не разрешится. А на крайний случай – вообще уезжать из города.

Никто не имел право появляться в местах, где возможны драки, любые другие нарушения общественного порядка, чтобы не быть случайно задержанными. Дома вести себя прилично. Каждый должен иметь липовую работу. И главное – никакой показухи и связей с другими преступниками, чтобы случайно не попасть вместе с ними в разработки оперов и ОРД, а следовательно, в слежку, которая бы обязательно привела к другим участникам наших дел.

Постепенно я научился проверять каждого, кто знал Витоху в лицо, и места его обитания, готовить краткие доклады и выносить их на общие собрания бригадиров, где я рассказывал, что и кто, по моему мнению, сделал не так и какое наказание заслуживает. Это давало результаты, но полностью исключить опасные неожиданности, конечно же, не могло.

Одновременно я терпеливо выжидал случая серьезно поговорить с Виталием, чтобы остановить его восхождение на ложный Олимп славы. Продолжал притворяться советником и науськивать друга на тех бригадиров, которые выражали ко мне явное презрение.

И все же проблемы субординации нарастали. Постепенно у друга стали появляться любимчики-подлизы. Они все чаще критиковали мои планы. А Виталий, вместо того чтобы поощрять дискуссию, доводить проблему до логического решения, не сильно обращал на это внимание. Так я медленно, но верно стал терять авторитет и статус идеолога всего, что мы делали. А это подрывало основы безопасности!

Чтобы иметь постоянную связь на случай экстремальных ситуаций, например, если кого-то арестуют, мы нашли на окраине города одинокую старушку с индивидуальным телефонным номером, которая никогда не выходила из дома из-за болезни ног. Платили ей сто рублей в месяц, а в ее обязанности входило очень простое правило: если ей кто-то позвонит из десяти ребят-замов, я или Витоха, она обязана записать сообщение и передать его слово в слово по телефону тому, кому оно было адресовано.

Бабуля обязана была выучить голоса в трубке всех членов верхушки банды и условные клички тех, кто имел право звонить. Мы множество раз проверяли, узнает ли? Узнавала точно.

Мы с Витохой договорись со старушкой, что все члены банды звонят ей обязательно три раза в день: утром до 11 часов, днем в 16 часов и вечером до 22:00. Если кто-то из ребят в оговоренное время не звонил, объявлялся аврал, и женщина должна была говорить об этом каждому следующему, кто ей звонит из списка. Место и время сбора в случае аврала было заранее оговорено.

Такую же систему, но уже со своими бабками обязаны были создать для своих бригад и замы Виталия. А если у кого-то из них ЧП – немедленный звонок Виталию!

Шло время... Нападения совершались четко по плану, но уже новыми бандами, и, что конкретно происходило на местах преступлений, мы с другом узнавали исключительно со слов самих бандитов.

Проконтролировать сами процессы становилось все сложнее. Мы узнавали о том, что случилось только на сходках: каждый рассказывал свое. Но говорил ли правду или что-то скрывал – сразу проверить не было никакой возможности. И это было для меня очень волнительно.

Единственное, что я придумал, чтобы хоть как-то контролировать подчиненных, – это пустил за ними «студенческие хвосты».

Подбор новых очкариков уже не требовал от меня больших усилий, я хорошо набил руку. Да и выбор был громадный. В то время только в двух вузах Киева – КГУ и КПИ – учились почти шестьдесят тысяч студентов. А карманные деньги нужны были почти всем...

Другое дело, что все отчеты и фото студентов надо было анализировать каждый день, а это чрезвычайно большая и кропотливая работа. И времени не хватало. Поэтому я сделал своим замом по аналитике того самого умного хромого сельского пацана, который учился на бухгалтера. Я упоминал его ранее. Оказался действительно очень умный парнишка. Я существенно добавил к его зарплате. И он с большим энтузиазмом четко исполнял всю контрольно-бумажную-фотографическую работу.

На радость пацану я снял ему отдельную маленькую квартирку на окраине города и пообещал трудоустроить в Киеве, чему он особенно обрадовался.

Каждый вечер я заезжал к нему в офис контрразведки, его квартирку, и мы тихо беседовали... Там я и узнавал все новости. В том числе и о поведении подшефных.

Этой информации мне было достаточно, чтобы выгнать четверых из десяти бригадных. Одни много пили, другие всю разбрасывались деньгами, третьи хулиганили и попадали пьяными в РОВД, хотя неоднократно были строжайше предупреждены.

Первые два нарушения, если только ничего особо серьезного, – прощались. На третий раз – на выход... Но наблюдение еще какое-то время за ними оставалось.

В настоящей мафии их бы сразу пришили. Но убивать? Нет-нет, такое мне тогда и в голову не приходило, хотя как раз эти самые бригадные и были моими главными оппонентами на сходках и всячески меня унижали.

Но зря мы с другом не учились на правилах настоящей мафиозной организации. Да, жестокой, но справедливой. А наша доброта обязательно должны была повернуться против нас. Ведь только дураки не учитывают в работе опыт тех, кто уже прошел до них тот же самый путь, уже совершал на нем характерные для этого пути ошибки и выработал единственно верные для этой опасной игры правила!

Чтобы о них узнать, нужен был человек, кто поделился бы с нами живым опытом. Но мафии в СССР не было, как и людей, к кому можно было бы обратиться за советом. Разве что ехать на Сицилию или на прием к самому Дону Корлеоне. Ведь в художественной литературе о мафиозных сообществах эти правила – непреложные Законы мафии – не описывались.

Выгнать придурка – было не решением проблемы, а только-только ее началом. Потому что такие ребята продолжали быть носителями фатальной для нас информации.

Изгнанные – они полностью выходили из-под контроля. Связь с ними обрывалась. Ни вытащить из передраги, ни защитить... Все! Они оставались один на один со своими проблемами и шли обычно вначале в разгул, а когда деньги заканчивались (или даже раньше) – на новые дела. Но что и как дальше делали, кому и что рассказывали о прошлом, в какие уголовные дела и тюрьмы потом попадали – было уже не узнать.

Нарушителей надо было обязательно лишать жизни – убивать. Таков непреложный закон истинной мафии. Ведь в любой игре есть свои правила, и играть надо только по ним. Иначе это уже неправильная игра с заранее известным результатом! В спорте – разгромный проигрыш. В преступлениях – тюрьма. А в наших делах – расстрел. Вот потому и справедливо убить того, кто грубо нарушил правила, чем самому становится к стенке.

Но как было в то время решиться на такое? Даже мыслей на эту тему у нас с другом не было. Изгнанные, а их было уже четверо, затаили, особенно на меня, бешеную злобу. К тому же продолжали быть носителями опасной для нас с Виталием информации. И это стало одной из серьезных и никак не предвиденных проблем. И ужас в том, что непредвиденное накатывалось на

меня с каждым днем все больше и больше. А говорить на эту тему с Виталием было уже почти что бесполезно, он давно переместился в места вечной славы, в густые розовые облака, откуда ничего плохого разглядеть уже невозможно. Поэтому я все чаще начинал разговоры с партнером о переезде в Москву, чтобы на некоторое время залечь на дно, а в конечном итоге полностью уйти от грабежей и перейти на новые преступные темы без насилия. Например, использовать заработанные деньги от разбоев на изготовление, распространение и продажу по всей громадной стране паленой водки, а также других продуктов питания, пользующихся повышенным спросом у населения. И что важно, такое повсюду практиковалось, но не в тех масштабах, которые рисовало мое неумное воображение.

Виталий слушал, но не сильно воспринимал. Его натуре нравилось применять силу. Нравились бригадиры-боевики, налеты, оружие, разросшаяся банда, в которой он уже не Король – Дон! Это была его стихия...

У меня, конечно, всегда оставался шанс плюнуть и уйти. Но это последнее, что приходило в голову. Виталий был мне нужен, как боевое крыло созданной мною новой системы. Да и реальных планов на уход не было. Всего один – насовсем выехать из страны... Страны, в которой все только-только начиналось и на самом что ни на есть старте. Мы были первыми и, если не почивать на лаврах и не пустить все на самотек, далеко-далеко обходили потенциальных конкурентов.

А чтобы идти вперед, нужны были новые идеи, планы и совершенно другие люди: умные, сообразительные, с коммерческой жилкой.

Вот так я и пришел к мысли, что хочу заняться производством и торговлей разного вида неучтенной продукции, в основном водки. И чтобы понять, как это делается, мне нужна дружба с торгашами разного калибра – директорами оптово-розничных баз, магазинов и даже продавцами бойких ларьков.

С помощью Виталия такое знакомство состоялось.

Постепенно работа по контактам с ними стала давать плоды: я выяснил, какие доли предлагать реализаторам от левых товаров, нашел в библиотеке Академии наук рецепты изготовления водки. Заказал у умельцев на военных заводах Киева наилучшие самогонные аппараты из нержавеющей стали и другую более мудреную сопутствующую процессу аппаратуру.

В те уже далекие и непонятные для большинства современной молодежи из бывшего СССР времена на многочисленных заводах страны опытные рабочие изготавливали для себя и людей, которые платят, что угодно. Например, мудреные кустарные замки к дверям, посуду и еще очень, очень многое. А вынести, то есть украсть с предприятия можно было абсолютно все. Даже весь завод по частям выволочь! Было бы только куда этот хлам перевезти... И был бы заказ и, соответственно, левые деньги.

Но для оборудования под изготовление водки нужны были еще и знающие инженеры. И я нашел таких энтузиастов – специалистов с высшим

пищевым образованием, знающих, как и что делается, которые и нарисовали нужные чертежи, в принципе, не очень уж и сложной техники.

А уж найти квалифицированных рабочих вообще не проблема...

Единственно сложной, как оказалось, была тема наклеек на бутылки. Кустарщина не проходила. Вот за ними и пришлось ехать аж в Москву. Только там была фабрика, где они делались.

Организация же самого производства – левое дело. На каждом из тысяч заводов в Киеве были пустующие подвальные помещения – громадные бомбоубежища, которые руководство заводов всегда было обязано содержать в чистоте и порядке.

Вся огромная страна того времени готовилась вовсе не к миру, о котором слагали проникновенные поэмы писатели и сочиняли патриотические песни самые известные композиторы, но к жесточайшей войне с империализмом!

«Мы наш, мы новый мир построим!» – пели даже сосунки в колясках...

Чисто теоретически эти новые преступные схемы были намного прибыльней, без давящих на мою совесть убийств и издевательств, пусть даже и не самой лучшей части человечества. Все равно ведь люди... Хотя теория – это не практика... Новая идея требовала больше мыслей. Но была увлекательна донельзя.

Самым тяжелым оказалось оторвать Виталия от бандитской романтики. Он так увлекся и возвысился в своих представлениях о настоящем Доне, что, если так все и оставить, вскоре его надо было бы уже называть императором. А меня – челядью при дворе его величества.

К тому же рано или поздно, но его бы обязательно арестовали. К этому уже было множество предпосылок: многих из наших спортсменов периодически забирали в милицию, хотя не по нашим делам, а в основном за хулиганку, но все же это происходило все чаще и чаще. И это были только первые звоночки... Мы не могли контролировать окружение бандитов. А Виталий все больше отзывался на их лесть, чем на мои критические советы.

Но что еще из очень плохого – мы никак не могли контролировать поведение новичков непосредственно на грабежах. И я кожей чувствовал излишние пытки и даже убийства!

А вот и «он» – случай!

На место Виталия в случае его отказа от нового предприятия или отъезда из Киева я стал присматривать ребят из его ближайшего окружения, но никак не мог определиться, пока не случай...

Ужасный донельзя! Он не заставил себя ждать....

Случилось то, что не укладывалось даже в моей опасливой голове. И ни одна фантазия на предмет рисков, которыми всегда так богат был мой мозг, не предполагала развитие случившейся трагедии!

А случилось следующее...

Около 10 часов вечера Виталия выкрали прямо из его любимого кафе какие-то ужасного вида мужики с ножами и кастетами, очень похожие на откинувшихся зэков! Они увезли друга в неизвестном направлении...

Официанты и посетители кафе видели из окна, как Виталия почти что волоком тянули к стареньким «жигулям» четыре громилы, как заталкивали в машину на заднее сиденье, как били кастетами по голове и туловищу, когда он пытался сопротивляться, и как потом быстро уехали по Крещатику в сторону Парковой аллеи.

Кто-то даже успел разглядеть номер жигулей, а кто-то – цвет машины.

Ранее этих бандюг никому из посетителей кафе видеть не приходилось.

Всего только одна малюсенькая деталь, замеченная официантом, который традиционно обслуживал Витоху, позволяла сделать предположение, кто на самом деле стоял за похищением друга. Рядом со входом в кафе маячила фигура парня по кличке Стиляга – известного киевского фарцовщика, юриста по образованию, а по совместительству – адвоката смотрящего¹³ за Киевом от сообщества воров в законе, во главе которого находился старый зэк с погонялом Рэд.

«Пути Господни неисповедимы» – почему-то именно эти слова молнией поразили мой мозг, когда я услышал эту новость, позвонив в начале десятого вечера бабке, дежурившей у телефона.

– Мне тут, голубок, важную новость именно для тебя передали... – Заговорщически прошептала она перепуганным голосом. – Друга твоего какие-то люди прямо из кафе украли и неизвестно куда отвезли.

– Как это украли?

– А откуда ж мне знать, милоч? Что мне сказали, то и я тебе... А еще, чтобы ты в то самое кафе немедленно ехал! – и быстро бросила трубку.

Пока я как угорелый мчался с Березняков в сторону Крещатика, меня одолевали мысли о том, что же там произошло? И абсолютно ничего другого в голову не приходило, как только зловещая мысль о том, что Виталия арестовали! Но за что? Почему только его? Почему именно в кафе, где столько людей? Откуда у ментов кастеты? И почему бабушка не произнесла магического слова «милиция»?

Вопросы без ответов, да еще и в обстановке тревоги, которая одолевала меня последние дни, буквально сводили с ума: «А вдруг и меня в кафе арестуют!? А вдруг опера сделали это специально, чтобы всех нас заманить в одно место и там же арестовать?»

Проехав мост Патона, я остановился возле ближайшего таксофона, набрал номер кафе и попросил взявшего трубку телефона позвать того самого официанта.

На другом конце провода какая-то девушка ответила мне в грубой форме: «Он занят!» И это еще больше усилило мои самые тревожные опасения о том, что произошло! Но я нашел в себе смелость настаивать. Представился

¹³ Смотрящий – уголовный авторитет, который следит за порядком, решает конфликты, контролирует общак.

лучшим другом Короля и наконец услышал, как она орет на весь зал: «Эдуард, тебя тут спрашивает какой-то!»

Официант взял трубку и спокойным голом произнес: «Але?» Меня это сразу успокоило. В голове пронеслось: «Нет, не милиция! Фу...»

Когда Эдик услышал в ответ мой голос, сразу узнал и так же спокойно произнес: «Приезжай быстрее...»

– Менты? – не вдаваясь в подробности, все же задал я в телефон единственный важный для меня вопрос.

– Нет, Художник... Лишнее болтаешь! Приезжай быстрее. Тебя здесь много ребят, твоих друзей ждет...

– Пусть пацаны прямо на улицу выйдут.

– Нет, надо тебе к нам подняться... Больше, чем я, думаю, никто тебе ничего не расскажет... Я ведь друг Короля! Забыл?

И вот я уже захожу в кафе и вижу всех замов Витохи, а ко мне быстрым шагом подходит тот самый официант.

– Что ж так долго ехал? И почему бородатый?

Я взял служивого за руку, отвел в сторону, подмигнул и сказал два слова, но так, чтобы никаких больше вопросов не задавалось: «Так надо!»

– Ясно, – посерьезнел официант.

И полилось...

– Тут такое!!! Четыре зэка вот с такими ножами, – и он показал руками их размеры, да так раздвинул ладони, что ножи у него получались длиной с настоящий бойцовский меч. – Бедный Витоха! По голове били, сволочи, когда к машине шли!

Я впервые увидел такое страдальческое и озабоченное выражение у Эдуарда. Надо же... Тоже человек, оказывается...

– А ты знаешь, что зэки? – уточнил я.

– Тут многие подтвердят, тоже видели... Морды пропитые и одеты... Били очень сильно, сволочи. Кастетами. Сам своими глазами видел.

Официант подробно описал «жигули» и сообщил четыре цифры номерного знака... Букв не запомнил, но утверждал, что они соответствуют киевским.

– А как же они его из кафе вытащили?

– Не знаю, зачем он к ним вышел... Какой-то паренек подошел, пока он тут за столиком с кем-то базарил, и что-то на ухо ему шепнул.

– А почему, кроме одежды, ты так уверен, что именно зэки?

– Стиляга к их машине подходил. А он – советник Рэда, вора в законе.

Это все в кафе знают...

– А пистолетов или другого оружия у них не видел?

– Да чего ты к нему пристал? – возмутился один из бригадных. – Время теряем! Не понимаешь?! Поехали уже...

Остальные бригадиры молчали и своим молчанием как бы поддерживали заводилу.

В тот момент я искренне хотел пристрелить идиота, который прилюдно подрывал мой авторитет! И видел Бог, как мне трудно было сдержаться. Я был на взводе... Мне нужно было отдавать приказы и требовать подчинения. Но в такой обстановке, когда каждый из боксеров уже видел себя на месте Витохи, не было и речи о безоговорочном подчинении мне бандитов. Пришлось заигрывать.

– Сейчас, поедem, старик. Успокойся. Потерпи только пару минуток. И я демонстративно уверенно, чтобы дальше не терять авторитет, обернулся к растерявшемуся Эдику, который уже не мог понять, с кем ему дальше разговаривать: со мной или тем придурком-громиллой, который перебил.

– Так как с оружием? – продолжил я расспрашивать официанта.

– Вроде нет. Даже уверен, что пушек не было. Иначе, я так понимаю, Витоху бы пистолетами пугали, а так... Били куда и чем попало, сволочи! Ножи... Точно!

– А почему же никто за него в кафе не вступился?

– Ты бы видел, Художник, их рожи? И не знаешь Рэда. С ним никто здесь связываться не станет! Да и ножи в придачу! – как бы извиняясь за себя самого, неуверенно пробормотал официант. – Здесь только деловары, – добавил Эдик. – Никто шума не хочет. К тому же Виталия все знают! Кто бы мог подумать, что с ним так поступят?! Он сам за всех всегда мазу тянул! Вот так дела! – взмахнул руками Эдуард. Он действительно был расстроен.

Что ж, это был серьезный и чрезвычайно опасный вызов всей нашей преступной организации! Витоху надо было срочно спасать, а Рэда, если это были его люди, и его группировку жестко ставить на место. Но как это сделать? Надо было подумать. А мордovorоты ворчали все больше и проявляли явную нетерпимость. От меня требовались решительные действия! Иначе полная и окончательная потеря в их глазах авторитета главного вместо Короля.

Больше всего я опасался, что Витоху убьют, потому что из-за природной гордости он никогда бы не пошел под насилием ни на какую сделку. Скорее расстался бы с жизнью! Грустно, но так оно и было на самом деле.

В моей голове молниями носилось: «Что такого мог сделать Виталий, чтобы разозлить Рэда и его команду? Что делать прямо сейчас? Какие команды отдать, чтобы произвести впечатление на бригадных и заручиться их поддержкой? С чего начать поиски? Где могут прятать моего партнера? Что с ним сейчас делают?! И главный вопрос – жив ли еще друг?»

Я был очень взволнован, как человек, и взбешен от бессилия, как опасный преступник! А к тому самому времени я уже таким и был. «Так что зря, – подумалось, – Рэд с нами связался... Пожалеет гад!»

Но одно дело – сказанные в запале слова или дерзкие и гневные мысли, и совсем другое – их реализация!

Тут же в кафе находился и Седой, с которым через его жену познакомил меня Виталий.

В благодарность я подарил ей брильянтовое кольцо в 0,3 карата. А самому Седому мне дважды удалось всучить по пять тысяч долларов за свидание родных с заключенными. На самом деле зэки были не мои, а знакомые Виталия. Я только выдал их за своих, чтобы раскинуть сети и чтобы тюремный босс приучился брать от меня деньги.

Я решительно повернулся к спортсменам и грозно произнес: «Всех порешим! Сейчас спущусь и поедем... Подождите на улице».

Мой спич пришелся бандюганам по вкусу. Они послушно удалились, а я подошел к столу тюремщика и вежливо попросил разрешение сесть за их столик.

Седой не был рад моей просьбе, но жена, конечно же, да. Я присел и тогда рассказал о своих тревогах в связи с похищением друга. И спросил, конечно же, что это были за люди и кто такой Рэд?

– А я при чем? – грубо ответил мне полковник. Но его супруга выразила такое неподдельное сочувствие к Виталию и так посмотрела на мужа, что он был вынужден продолжить со мной беседу.

– Что ты от меня хочешь?

– Я всего только и прошу рассказать об этом самом Рэде. Хотя бы в двух словах. Виталий же вам не чужой человек. Пожалуйста, не откажите, – отвратительно для самого себя лебезил я. – Вам ведь все о воре в законе известно... Ваш клиент...

– Не при ней, – указав на супругу, ответил муж. – Пошли на балкон.

Мы вышли, и тюремный босс почти скороговоркой, постоянно оглядываясь по сторонам, выдал мне всю известную ему информацию, кто такой Рэд и где его можно найти, а потом, даже не подав руки и не попрощавшись, молча развернулся и ушел к своей жене за столик.

После этого разговора я вышел к членам банды на улицу и выпросил у них всю известную им информацию об этом персонаже.

Пара бандитов слышали о нем, а один даже разговаривал.

В результате того, что рассказали Седой и частично мои подельники, ярко обозначилась фигура этого типа.

Свое погоняло, или кличку, Рэд получил еще в молодости, в колонии для несовершеннолетних. И скорее всего, из-за постоянного пьянства и приема наркотиков в зоне и на свободе. Лицо действительно со временем стало с красноватым оттенком. Он был болезненно худ, немногословен и слыл справедливым вором – человеком слова, отторчавшим в самых известных, что на слуху, зонах и тюрьмах нашей бескрайней Родины!

Для меня главной стала информация от Седого, что он человек слова!

Это означало, что с ним можно и нужно договариваться.

Что еще было к тому времени известно о Рэде, как о преступном авторитете, и его банде?

1. Он – известный в Киеве вор в законе и авторитет среди блатных на свободе и в местах лишения свободы. Строго соблюдал воровские законы: не вел шикарную жизнь, никого лично не убивал.

2. Рэд тихо жил в частном доме на Борщаговке. Оружия при себе не носил, но с ним рядом всегда находилась парочка вооруженных бандитов, которые с ним выпивали, играли в карты и вели задушевные беседы... Сегодня их бы, скорее, назвали психологами, чем преступниками. Они не были боевиками – скорее, членами семьи одинокого тюремного бродяги и закадычными друзьями по очередной отсидке.
3. Преступные планы Рэда не выходили за рамки дерзких ограблений инкассаторов, квартир обеспеченных людей, вымогательства у них денег. А многие подпольные богачи Киева, такие как, например, подпольные торговцы антиквариатом, скупщики золота и краденого, карточные шулера и наперсточники, платили ему ежемесячную дань за защиту от других таких же воров, какие были и в его команде, либо залетных...
4. Рэд имел обширные связи с ворами в законе по всему Союзу, особенно в местах лишения свободы. Там по его запискам такими же, как он, но торчащими авторитетами решались многие споры, а заодно и расправы над суками, насильниками, педофилами и другой подобной низкопробной по тюремным понятиям братией.
5. Заказными убийствами Рэд брезговал, но убийствами стукачей и сук – нет. Их резали по его команде насмерть ножами, и это было почетной обязанностью любого вора из его банды.
6. Мне также стало известно, что вор безбожно бухал и нюхал. И чаще всего был в недоговорном состоянии. Поэтому для переговоров с ним нужен был уважаемый им самим посредник.

Вся выявленная информация была очень важной, но скорее на перспективу. А сейчас надо было любой ценой найти и освободить Виталия. И только потом искать пути договоренностей с воровской шайкой-лейкой!

«Единственным человеком, – решил я почти что мгновенно, – кого можно было использовать в качестве посредника в переговорах с Рэдом, мог быть только тот самый Стиляга – крутой умник, чванливый решала, адвокат и по совместительству мошенник».

Я предложил всем немедленно собраться в одном из захолустных кафе на набережной Русановки! Это было одно из наших обычных мест сборов. Директор хорошо знал, что делать. Закрыл кафе на переучет и полностью очистил его от посетителей.

– Что будем делать? – спросил я каждого.

Никаких дельных советов, конечно же, не прозвучало. «Му-му»... И сжатые до крови кулаки. Все склонялись к идее немедленно найти и убить Рэда, но предварительно под пытками таки узнать, где прячут Виталика.

Совет был явно никудышным. И вот почему...

Рэд скорее бы сдох в муках, чем стал сукой! Смерть его мало страшила, поскольку он в жизни повидал в тюрьмах и на зонах такое, что никому и не снилось! Даже самые изощренные садисты вряд ли могут представить все

страдания и издевательства над человеческим телом, которые придумывал вора́м в законе «верхний» персонал администраций зон строго режима!

На общем режиме начальство воров уважало, потому что они поддерживали порядок. А в зонах особого и строгого режима к каждому вору в законе применялась специальная процедура перевоспитания из вора в строителя коммунизма. И как мучали законников на пути к светлому будущему – история умалчивает. Потому что в каждой зоне был свой садист-начальник, свои правила и свои изуверские традиции персонала.

Перечислять эти ужасы в романе нет никакого смысла. Да и вряд ли какой нормальный человек захотел бы фантазировать на такие темы.

Но представляете? Воры все выдерживали! И продолжали гнуть свою воровскую линию: не работать, не выполнять распоряжения тюремного начальства и не делать ничего другого, что было не положено честному вору в законе! Иначе теряли это почетное звание.

Рэда знали воры по всему Союзу! Они никогда не простили бы нам его убийство, потому что это было бы вызовом всему преступному сообществу. Откупиться было бы уже нельзя... Хоть миллиард предлагай. Такое не прощалось!

Убили бы нас, конечно, не всех сразу. По одиночке... Но киллеры на связи у воров, в отличие от нас, всегда под рукой были и работали очень профессионально. И кстати, не только на свободе, но в основном в самой тюрьме. Там приговор воров исполнялся немедленно и жестоко!

Понятно, что все ребята в банде чисто теоретически были готовы сражаться насмерть. А как там на деле – кто знает?! В те мгновения они все хотели поиграть в войнушку... Никто не понимал, что это война, в которой выиграть нам не суждено. Мы тогда сами должны были бы переродиться в профессиональных убийц. Но и это бы не спасло нам жизни. В СССР за решеткой были миллионы и миллионы людей. И там постоянно ковались новые киллеры и бандиты. Процесс этот шел бесконечно!

Если поразмыслить, получалось, что Рэд больше нужен нам как союзник, а не враг, потому что работать дальше в Киеве и других больших городах Союза без договоренностей с такими, как он, таким, как мы, было бы невозможно. А он знал всех и вся в воровском мире. И мог всегда, если что, выступить третейским судьей и даже заступиться.

Я твердо решил освободить Витоху миром. И только в самом-самом крайнем случае пойти на убийство Рэда. А потом срочно уехать из Киева навсегда!

Война, убийства... Такая перспектива, конечно же, никуда не годилась. Киев бы загудел... И менты под нажимом общественности и вышестоящих организаций открыли бы в борьбе с нами намного более мощный фронт, чем воры. И мало бы из нас потом кто выжил: одни пошли бы по этапам, а другие – под вышку. И первыми претендентами быть расстрелянными были мы с Витохой!

Я как мог быстро из-за отсутствия времени объяснил ребятам всю тревожность ситуации. Но какое там? Зря старался, терял время... Никому из присутствующих было меня не понять! И сколько бы времени я не увещевал их подчиняться, все впустую: секс, деньги, а сейчас вот и месть – только это и было у них всегда перед глазами...

Мои слова, обращенные к рассудку подельников, только сильнее их раздражали. На моей стороне был явно только Тима, но и тот не понимал до конца всей сложности предстоящего пути по освобождению моего друга. Я чувствовал, что в отсутствие Виталия очень быстро теряю остатки своего авторитета. Если он, конечно, когда-то был у бандитов...

– Кто ты такой, сука трусливая, чтобы мной тут командовать, да мозги пудрить?! – вдруг гневно выкрикнул мне в лицо стокилограммовый Федя. – Витоха – мой кореш, а ты – говнюк! И иди на х-й! Нечего тут умничать! Сейчас драться надо! Оружие есть, и пацаны – что надо! Всех убьем и делу конец! Пусть знают, кто в городе хозяин!

Ну а дальше мат на мате... И каждое унижительное слово – в мой адрес.

Парня никто активно не поддержал, но, что было очень и очень опасно, и не осудил... Воцарилась тревожная тишина. Я на мгновение вдруг ощутил, что вся эта гора мускулов может в какой-то момент обрушиться на меня и ринуться затем в бой с ворами под руководством дурака-Феди или ему подобного... А Виталия тогда, конечно же, ждала мучительная смерть.

Сам того не понимая, этот парень разрушал иерархию в банде! Что в моменты настоящей военной операции по законам войны всегда карается одним и тем же – расстрелом! Так Федя и решил свою судьбу оскорблениями в мой адрес. Его уже было не утихомирить. Он все больше входил в раж и тем самым подписал себе приговор. Но вот когда его исполнить? Надо было все тщательно продумать...

– Сейчас не время ругаться, – не обращая внимания на оскорбления, ответил я, провоцируя Федю применить ко мне силу. – Если, ребята, – продолжал я как можно спокойнее, – вы уважаете Виталика и хотите его спасти, сделайте так, как он вас просил, слушайте меня... Он ведь всех вас много раз и при мне предупреждал, что, когда его нет, я его заменяю. Ты же первым, Федя, соглашался. Иначе никто бы тебя в дело не взял. Разве на так?

В ответ тревожное молчание ребят и неразборчивое мычание громилы. Бандит побагровел от злости, а я продолжал его бесить и одновременно взывал к совести остальных.

– Решайте! Кто со мной остается – начинаем отработывать план освобождения, а кто не согласен – пусть идет на х-й!

Последние слова я бросил прямиком в красную, как помидор, Федину морду. И сработало!

В ответ Федя вскочил со стула и бросился на меня.

Атака громилы не прибавила ему авторитета в глазах остальных, а потому Федю по пути ко мне перехватил такой же бугай – Тима. Началась жестокая драка!

Все повскакивали со стульев и тупо наблюдали, как соперники, что есть мочи, колотят кулаками друг друга, сопровождая каждый удар отборным матом.

Дальше так продолжаться не могло, и я неожиданно для всех присутствующих произвел выстрел в потолок.

Обильно посыпалась штукатурка, а громкое эхо выстрела в пустом зале кафе заставило дерущихся остановиться, а остальных притихнуть.

Все посмотрели в мою сторону в ожидании, что же я предприму дальше. Никто из собравшихся уже не думал об освобождении лидера, их внимание и мысли полностью захватило разыгравшееся шоу...

– Пока вы тут деретесь и позволяете этому недоноску, – указывая на Федю, почти кричал я, – оскорблять меня, Виталия убивают! Неужели из-за одного мудака ему сегодня суждено умереть? За что? За то, что вы все поголовно отказались от обещания слушать меня, если что-то с ним случится? И после этого вы все считаете себя его друзьями? Кто не со мной – предатели!

– Я мудака?! Я недоносок?! Да я тебя, педераста сопливого, сейчас в порошок сотру! – с этими словами и перекошенной от злобы дикой физиономией стокилограммовая туша Феде вырвалась из объятий Тимы и быстро направилась ко мне.

Он так спешил меня унижить, что, не добежав примерно двух метров, в прыжке попытался нанести мне тяжелейший удар с правой! И... чудом не лишил меня жизни!

Еле-еле, но я успел отскочить в сторону. Громадный кулак просвистел в сантиметрах от моей головы. Но если бы этот бугай попал в цель, то убил бы не только меня, но и все надежды на освобождение моего друга! В банде бы начался хаос...

Но это были бы далеко не все последствия бессмысленного нападения! Попытки бездумно вызволить моего напарника и друга «на ура» принесли бы многочисленные жертвы со стороны обеих банд и окончательно похоронили едва начавшийся успешный бизнес. Такова и была на самом деле настоящая цена одного единственного удара безответственного громилы!

Смерть снова была близка... Но видимо, в небесной канцелярии решили, что мое время еще не пришло. А вот у Феде костлявая уже стояла за спиной и занесла свой острую секиру... Потому что в ответ я резко выхватил браунинг и всадил пулю упрямому оппозиционеру прямоком в левый глаз. Морда бугая дико исказилась, а из черной от пороха глазной впадины ударил фонтан алой крови. Смерть наступила мгновенно. Федя грузно упал спиной на пол и навечно затих...

Звук от удара его башки о половую плитку кафе громко разнесся по всему питейному заведению и окончательно и бесповоротно утвердил мой авторитет в качестве главного. Все остальные, наконец, поняли, что спорить со мной не только бесполезно, но, главное, смертельно опасно!

Надо была брать быка за рога, поэтому сразу после убийства я сначала подошел к Тиме и с достоинством старшего пожал ему руку.

– Спасибо, что поддержал, парень! Не забуду, – торжественно произнес я и авторитетно сел на место, которое обычно занимал сам Король. Положил перед собой на стол боевой пистолет и начал разговор с позиции старшего:

– Я никому не позволю здесь выступать не по делу! Кто не понял?!

Молчание...

– Если кто из вас не хочет помогать моему другу и партнеру, пусть немедленно валит. Убивать и преследовать никого не станем. Обойдемся без сопливых. Захотите все уйти – тоже не беда... Но уходить надо прямо сейчас. Все поняли? Несогласные – на выход!!! – продолжал я брать быка за рога.

Молчание собравшихся означало, хотя и временную, но все же явную поддержку всего, что было мною сказано. И я стал развивать наступление:

– Найду другую команду, а Витохе все расскажу, что вы тут за базар устроили, когда его жизнь на волоске висела. Как вы тут в то время, когда его спасти от смерти надо, со мной отношения выясняли... Пусть сам потом с вами все и решает... Я все сказал! Или сейчас же голосуем за мое руководство и план, за выполнение всех моих команд, или идите куда хотите... Это не мой приказ – Виталия! А мы с Тимой останемся.

Во всеобщем молчании Тима поднял руку первым, остальные за ним.

– А что с Федей делать? – вдруг негромко спросил меня кто-то из присутствующих.

Все повскакивали с мест и подошли к труп. Зрелище было не из приятных: в месте, где недавно был глаз, зияла зловещая черная от пороха дыра, вытекала кровь и какая-то тягучая сукровица.

Вокруг головы Феде образовалось неправильной формы кровавое озерцо. Его кровь, смешавшись с грязью от остатков еды и пыли на полу кафе- столовой, стала почти что черной. А лицо убитого, еще несколько минут назад выражавшее полнейшую решимость убить всех вокруг своими громадными кулаками, выражало одной стороной как бы недоумение, а со стороны прострелянного глаза – смертельный ужас!

– Хороший был парень... Честный и верный! – произнес один из спортсменов. – Что родным его скажем?

– Потом будем думать, – авторитетно предложил я за старшего. – Все сделаем честь по чести. И похороним как надо, и священника позовем, и памятник поставим. А сейчас все за стол. Мы на войне, – с видом бывалого вояки грозно прокомментировал я случившееся. – А кто не понял, почему так случилось, – дурак! На войне за неподчинение всегда и везде расстреливают на месте. Хороший, плохой – один приговор! Смерть! Так поступать приказал мне Витоха. Стрелять в любого, кто не подчинится, когда его нет! – соврал я, но с такой уверенностью, что и сам в это поверил. – Освободим, сами у него спросите...

– Куда труп денем? Не оставлять же его здесь, – снова спросил кто-то из ребят.

– Адрес кладбища и человека, который похоронить поможет, я дам.

– Эй, Петя! – обратился я к одному из бригадных. – Позови своего друга.

Но звать не пришлось. Директор кафе все слышал и уже бежал к нам с выпученными от ужаса и страха глазами. Он отлично понимал, что, хотя и не по своей воле, соучастник убийства. Поэтому сам хотел быстрее избавиться от трупа.

– Как тебя зовут? – обратился я строго к директору.

– Аврам.

– Вот тебе адрес, Аврам. Там все написано. Сейчас мы его в твою старую «Волгу» загрузим. Ты поедешь... И у того человека, которого назову, оставишь Федю.

На кладбище тебе ничего делать не нужно. Никакой инициативы не проявляй. Сразу уезжай. И к трупу не прикасайся. Все остальное за тебя сделают. Эти пять тысяч для гробовщика. А с начальником кладбища я сам все перетру. Все ясно?

– Конечно-конечно, – поглядывая на мой браунинг, лепетал со страху толстяк, директор кафе. – Все сделаю в лучшем виде.

Он даже попытался выдавить из себя подобие улыбки, но получилось кисло.

– И вот еще что, передай этому... Запиши! – я передал директору со стола бумажную салфетку. – Чтобы пока что обычный крест поставил, но сразу начал готовить самый лучший памятник. Не такой, чтобы все останавливались и пялились, но достойный для достойного человека. А надпись я завтра продиктую.

Мой спич с директором кафе произвел на ребят уважительное впечатление. Все же не так-то просто было кому-то из них решить такой сложный вопрос. Мне удалось. Нет, не с могилой и памятником, а с показной авторитетностью, которую я продемонстрировал, когда все решал. Уважение ко мне еще возросло.

По моей команде директор принес толстую полиэтиленовую пленку. Все вместе мы обмотали ею труп и в таком виде занесли его в машину. И сразу вернулись в кафе.

Пацаны расселись по своим местам и наострили уши. Мой статус был подтвержден. Все ждали, что я скажу дальше.

– Сейчас нам надо немедленно найти Стилягу и зажать ему яйца, – предложил я. – Он точняк знает, где наш друг. Освободим, а потом и с Рэдом побазарим! Кто знает, где его найти?

Места тусовки Стиляги знали все оставшиеся, а один даже знал, где он живет.

– Дайте пять минут подумать. Ошибаться теперь никак нельзя. Все должно быть по уму, – обратился я к бандитам.

Потом театрально обхватил голову и пару минут делал вид, что напряженно думаю. Это тоже произвело впечатление. У пацанов раскрылись рты... Они явно ни о чем не думали... Все ждали решений моей умной головы. В то время как сам я все давно уже решил. Если сейчас и ошибусь в деталях,

то еще успею через бабу с телефоном что-то подправить. Поэтому решительно скомандовал, называя каждого по имени:

1. Тройм – взять своих ребят и разъехаться по местам возможного присутствия Стиляги.

2. Четвертый парень должен был поехать со своей бригадой к нему домой.

3. Пятый – к любовнице.

4. Шестой – к дому Рэда. Но в квартиру не заходить. Найти где угодно телефонного мастера и отрезать провода, ведущие к дому вора. А дальше – ждать прихода всех остальных.

Первые два приказа должны исполняться немедленно, а с телефоном не к спеху. Нужен только мастер. Самим ничего не мудрить.

Звонки бабу и краткий доклад каждые 20 мин, начиная с 20:00.

Сразу после захвата Стиляги доставить его силой в один из наших гаражей.

Я лично еду прямо сейчас в этот самый гараж составлять дальнейшие планы и каждые 10 минут, начиная с 20 часов, буду звонить бабу, чтобы, если что пойдет не так, мог быть на связи.

Все слушали, не перебивая. Никто не варнякал. Все было по-военному, и я оценил дальнейшее взаимодействие с бандитами на отлично!

Чтобы подчеркнуть среди бригадных статус военного положения, я потребовал ото всех сверить часы. Лица бандитов сосредоточились. Они все стали заглядывать в циферблаты друг друга. В кафе воцарилась мертвая тишина и обстановка планирования сложной военной операции. Заодно всеми по моей команде было проверено оружие, затем задания подтверждены исполнителями.

Мы разъехались...

Фу! Наконец-то у меня появилось хоть какое-то время осмыслить все, что произошло, и обдумать наши последующие шаги. Но, как только приступил к плану, замешкался. Нет, без информации, которую должны принести бригады в гараж, ничего планировать наверняка было невозможно!

Стилягу первым нашел Тима. Тот оказался на одной из блатных хат, в центре города, где наркотики и проститутки всегда ждали воров и их друзей: шулеров, наперсточников и другую криминальную и полукриминальную братию. Адвокат дьявола еще не успел принять дозу, и его еще тепленького привезли под пистолетами в гараж, где я ожидал остальных ребят и новых известий.

Юрист не сопротивлялся... За ним ничего такого не числилось. Все, как и обычно. Он даже не сразу понял, кто и зачем за ним приехал. Его совесть была чиста перед воровским кодексом, и он знал точно, что это не дело рук Рэда. А боялся он в Киеве только его одного. О нас тогда и не догадывался. Так, слышал краем уха по отдельным эпизодам, но всерьез, как и его босс, не принимал.

В сопровождении Тимы он гордо зашел в гараж и остановился передо мной, нахально уставившись. Аккуратно одетый, стильный, смазливый, уверенный в себе и откровенно нахальный тип.

– Ты что за хрен? – первым обратился он ко мне. – Знаешь хоть, с кем связался?

– Где Витоха? – грозно спросил я, не реагируя на его выпады.

– Это тот, что из «Крещатика» не вылезит, кумир ваш? – дерзко ухмыляясь, бросил он мне в лицо. – Ну, не знаю! А где он должен быть? Это же ваш друг – не мой!

– Ты уверен в том, что говоришь? Врать не стоит. Соврешь – убьем! Подумай хорошенько. Раз уж мы тебя сюда привели, неужели до кладбища не доведем?! – пытался я пугнуть негодяя, но больше все же работая на публику, ни на секунду не забывая, что мне сейчас в тысячу раз важнее поддержка членов моей же банды, чем кого бы то ни было!

– Не страшно... И заруби себе на носу, приятель. Даже знал бы, все равно бы не сказал. Мне все равно – умирать от твоих уродов или от ножей Рэда.

В ответ на «уродов» Тима подошел и врезал адвокату по морде. Тот упал со стула, но через несколько минут поднялся: лицо в крови, разбиты губы и нос...

– Ну и что дальше? Ничего вы этим не добьетесь. Только себе хуже сделаете. Такое я много раз видел. Зря время теряете, педерасты! С интеллигентным человеком так не поступают... Хотите говорить – говорите. Хотите убить – убейте, но не смейте мне лицо портить, идиоты! – утирая рукой кровь с губы, почти истерически, но все еще с достоинством кричал Стиляга. – Я его, Рэда, адвокат. Меня все знают. И знают, что будет с теми, кто меня тронет! За все ответите! Ты ж вроде как умник, – сделал мне комплимент наш узник, чтобы остановить избиение. – Не понимаешь, что я не Бог, чтобы знать, где сейчас ваш Витоха. Это не моя тема – разборки среди таких, как ты... Даже не знаю, что он Рэду сделал. Расскажи, о чем базар, тогда я подумаю, что вам сказать, а что нет...

– Притворяется, – заявил Саня. – Дай-ка я его обработаю по-нашенски!

– Нет-нет! – категорически запретил я. – Сначала поговорим. Ты же разумный человек, интеллигентный, – сделал я в свою очередь подкат к Стиляге. – Кому нужны твои страдания. Шел бы себе... Но... Если бы мы сами знали, в чем проблема, то сразу бы тебе и решение предложили. А раз не предлагаем, значит, сами не знаем, в чем дело. Иначе на фиг ты тут нужен? Нам война нужна? И тебе, по-моему... Или я не прав? А если и вправду не знаешь, где наш друг, то узнай, – пронзительно глядя в глаза самоуверенному нахалу и показывая, кто здесь главный, продолжил я допрос. – А не можешь, ну что ж... Значит, не судьба тебе по свету живым ходить. Тогда у нас выхода никакого, как только кончить сначала тебя, хоть ты и не при делах, а потом к Рэду ехать. Ты тогда лишний свидетель. Сам подумай, – в его же тоне продолжил я разговор. – Нам нужен Король, и мы заранее на все готовы. Ты понимаешь?

– Я нужен вам по-любому, приятель. Где сейчас твой друг – понятия не имею. А знал бы – все равно не сказал! Или ты такой тупой, что не понимаешь, что я уже в который раз говорю: умереть у вас или от ножей Рэда – две большие разницы... Там не шутят и кулаками не бьют. Они хорошо знают, как на тот свет отправить так, чтоб сам об этом умолял! Помочь вам? Не против. Но не так, чтобы крысой стать. Моя работа у Рэда, если не знаешь, – всех мирить. Но вначале мне все вопросы надо с главным перетереть. Без него никак... Лично я к Витохе ничего не имею. Нормальный пацан... Король, – ухмыльнулся адвокат. – Ты пойми, наконец, умник, тебе не хата с Витохой сейчас нужна, а посредник нужен – такой, как я, – для разговора с Рэдом. А возить вас всех по всем точкам, где Витоха может быть, а может и не быть, – я не экскурсовод и не шестерка. Тогда другого кого-то ищите! Ну допустим, что ты вдруг освободишь дружбана. А дальше что? Его не сегодня, так завтра замочат! А вот договориться с Рэдом – это я попробовать могу. Не знаю, что получится. Зависит от того, что там твой друг такого сделал. Но это моя тема и только моя. Я адвокат Рэда... И другого человека, кто может с Рэдом базарить и дела миром улаживать, тебе во всем Киеве не найти. Он только воров, да тех, кто на киче побывал, признает. А другие для него – так, шелуха... Надо было спокойно ко мне подойти, а не пугать и бить в лицо. Время только теряете...

Конечно же, я понимал, Стиляга выкручивается. Если бы ему не показали силу, он бы ни с кем из нас и говорить не стал. Хитрый тип!

– Ладно... Поверил, что не знаешь, где мой друг, – продолжал я гнуть на боксерскую публику свою линию. – Тогда скажи хотя бы, что сам думаешь: жив он или нет?

– Вот это уже разговор умного человека, – снова сделал мне нахальный комплимент адвокат. – Где его прячут – не знаю, – продолжал лукавить Стиляга. – Но жив точно. Отвечаю! Смерть только на судах объявляют! А суда не было. Мест, где могут твоего друга грохнуть, в городе полно. И я даже знаю места, где жмуров¹⁴ обычно хоронят. Тебе не покажу, – подмигнул мне Стиляга, пытаюсь перевести разговор в шуточный тон, а заодно перехватить у меня инициативу в переговорах. – «Меньше знаешь – лучше спишь!» Слышал поговорку? Заранее только скажу, что просто так у нас человека не убивают. Рэд сначала должен решить, что вина на нем есть. Суд совершить. А в чем его обвиняют – самого Рэда спросить надо... Я не в теме. Честно говорю.

– Пиз-т гад! – снова вмешался Саня.

– Обожди, друг. Кто-то один говорит. Нельзя всем вместе, – оборвал я на полуслове боксера, а затем прилюдно взял Саню за рукав куртки и решительно отвел на пару шагов в сторону. Он не сопротивлялся. А только опасливо поглядывал на мою вторую руку. Я зло шепнул на ухо:

– Ты прямо сейчас все портишь, парень. Подрываешь в переговорах мой авторитет. Не понимаешь? Хочешь сам говорить с адвокатом – говори. Не получится – сам знаешь, что будет!

¹⁴ Жмур – покойник.

Я демонстративно засунул в карман руку, где был пистолет.

– Я не угрожаю, но... или я, или ты!

Саня ничего не ответил и послушно вернулся на место.

– А можешь спросить у Рэда и помочь уладить спор? – продолжил я разговор с нахалом.

– А что мне за это будет? Какую конфетку предложишь, умник?

– Деньги...

– А откуда ж у тебя столько денег, чтобы я твои бумажки за деньги принял? Я человек не бедный и за гроши не работаю.

– Назови сумму...

– Пожалуйста! Пятьдесят тысяч! – понтовался гад, даже не рассчитывая получить столько, но чтобы показать всем присутствующим свою значимость.

– Бери! – неожиданно для него достал я деньги из прихваченной заранее сумки и демонстративно сунул их ему под нос.

– Ты мне не суй, а дай с уважением, а то не возьму. Всем вам тут кровью умыться придется, когда Рэд узнает, что вы меня выкрали из порядочного учреждения, – нагло насмеялся нам в лицо Стиляга.

Саня не сдержался и, не обращая внимание на мой совет, под одобрительные возгласы остальных сильно дал тому по печени.

От удара адвокат минут пять кашлял и приходил в себя... А потом прошипел в сторону ударившего:

– А теперь добавь от себя еще пять штук, козел! – бросил он в сторону Сани. – Хотите бить – бейте, но за каждый удар по пять штук в плюс. Мне ведь не жалко, если у вас денег до хера...

– Зря ты его ударил, друг. И меня не слушаешь... Не потому что мне жалко ублюдка, а потому что он дело говорит. А ты – мудака конченный! Слов не понимаешь. Сказал же тебе, будешь мешать – убью! Что с ним делать, ребята?

Ребята одобрительно замычали, но в мою сторону...

Я достал пистолет.

Саня побледнел, но продолжал стоять, где стоял.

– И что мне с ним делать? – снова обратился я к ребятам.

– Оставь его... Он больше не будет. А то ведь ты так нас всех перестреляешь, – смеясь, почти хором попросили меня бугай.

– В следующий раз точно пристрелю! Понял?

Саня промолчал...

– И не забудь потом Витохе рассказать, как кулаками дело решал. Пусть он сам потом с тобой отдельно разбирается. Только попробуй еще хоть раз без моего разрешения кого-то ударить!

Я достал еще пять тысяч рублей и передал потерпевшему.

– Бери. Заслужил...

Тот нехотя взял и так продолжал молча сидеть на стуле с кучей денег в руках.

– Так что дальше делать собираешься? Или так и будешь сидеть и деньгами любоваться? – обратился я к адвокату.

– Мне надо съездить к Рэду и побазарить. Другого варианта нет. А смогу закончить дело миром, тогда с вас еще бабки, – хитро хорохорился юрист. – Еще десять кусков. Но это уже только за адвокатские услуги.

Торговаться было бессмысленно, и, кроме того, нужно было кровь из носу убедить Стилягу, что для освобождения друга мы готовы на все. Хотя, конечно, адвокат явно издевался и пользовался моментом...

– А если нашего друга уже в живых нет, тогда с тебя – жизнь! А деньги эти вместе с тобой в гроб заколотим. Вместе сгниете, – парировал я в словесной дуэли.

Адвокат промолчал. И это было верным знаком. «Значит, – подумал я, – хорошо усвоил, какие у него варианты. А жить, конечно же, как, собственно, и все нормальные люди, он очень-очень хотел!»

– Расскажи поподробней, как у Рэда суд происходит? Кто в конечном итоге решает: жить или не жить человеку? И заодно – как приговор исполняется? Это ж не тайна?

– Решает все, конечно же, Рэд. Его слово – Закон. Это не демократия, как у вас, – ухмыльнулся негодяй, указывая взглядом на Саню. – Если бы кто при боссе такую херню затеял, давно бы уже кровью захлебнулся! Решается все всегда в присутствии братвы, кого он уважает. Их слово слушает. Меня, если тебе интересно, никто при этом базаре не слышит. Да мне это и пофиг! Я в их судах не участник. И в убийствах не соучастник. У меня другие функции – переговоры! – важно подчеркнул адвокат. – И что и кому, когда с кем-то надо перетереть, прежде чем воевать, Рэд только со мной ведет. Приговор прост: ножами потыкали, и все дела. У нас не НКВД, чтоб пытаться или расстреливать.

– А труп куда?

– Никуда, – не желая отвечать, огрызнулся Стиляга. – И ты что думаешь, мы каждый день, что ли, людей убиваем? Может, и было когда-то такое, а может, и нет... Я свидетелем не был, – пудрил мозги адвокат. – Не такой уж ты хитрый, чтобы меня расколоть на такие подробности. Не воображай! – обращаясь ко мне, заключил он.

– Тогда хотя бы скажи, что думаешь: за что ваши пацаны Витоху схватили? Что он такого Рэду или его друзьям мог сделать? Ведь пахивает чем-то серьезным! Иначе, как я понимаю, никто б его так срочно не хватал. Поговорили бы сначала...

– Сказал же, не знаю! Не в свои дела нос не сую. А те, кто это делают, у нас долго не живут, – со всей серьезностью подчеркнул Стиляга. – Если понимаешь, о чем я, поймешь и то, как сильно я рискую, находясь здесь. И с каждой минутой все больше! Мне к Рэду надо срочно ехать. И как можно быстрее все прямиком ему пересказать. А начну по закоулкам сплетни собирать – в гробу только до босса доберусь.

– Ладно, – подвел я итог, – едем к Рэду!

– Никуда я с вами не поеду! – неуверенно заупрямился адвокат. Хотя на самом деле ему давно уже и все было понятно: будет так, как сказал я, а не он!

– Хорошо. Мы тебя сами подвезем. Адрес знаем. И дом его уже давно нашими ребятами окружен, и что внутри происходит – тоже известно...

Стиляга и пацаны – все внимательно слушали мои дальнейшие указания.

– Вместе зайдем. Я должен быть уверен, что ты там наплетешь своему шефу. Как только переступишь порог Рэда, предупреди его сразу на полном серьезе, что если по беспределу нашего друга убьют, никому пощады не будет! И суда тоже: ни он, ни ты, ни его друзья живыми из его дома уже никогда не выйдут! Будет вам склепом. Но если по-честному разбираться – мы на все готовы. Ты большущие деньги получил. Вот и отработай по полной! Втолкуй Рэду, но так, чтобы он понял, что Витоха – парень правильный. Поручись шефу своей головой за нашего товарища. Она все равно и копейки не будет стоить, если не договоришься. Но скажи, что если нам самим надо будет ответить за глупость кого-то из наших, то пусть того и судит. Но Виталий ни при чем! За это я готов головой ответить! И не выйду от Рэда, пока все не решится. Так что и моя голова в залоге будет! Мы тоже хотим справедливого суда и спокойной работы. Приключений на свою ж-пу не ищем! Все хорошо понял?!

– А что ж непонятного, – пытаюсь держать марку смелого человека, ответил Стиляга. – Понятно объясняешь. Молодец! Далек пойдешь! – сподхалимничал хитрец и очень серьезно добавил: – Только не спеши давать команду стрелять. Рэд не всегда в том состоянии, чтобы серьезные вопросы обсуждать. Может, немного времени понадобится, чтобы он начал за свои слова отвечать.

– Времени на выздоровление ни у кого из нас нет, дружок! Заруби себе на носу. Никто ничего ждать не станет. Тем более что и остановить ребят не смогу. Если не выйду из вашего дома в оговоренное время – гаплык! И вот еще что, передай Рэду, что звонить куда-то ему из своего дома бесполезно. Мы уже пару часов назад все телефонные провода перерезали. Нужно будет – пусть тебя просит... Выйдешь, скажешь – включим...

На этом разговоры с неприятелем закончились.

Когда вышли из гаража, ребята еще раз при мне проверили, есть ли оружие у Стиляги, усадили в мою машину, и где-то около 24 часов мы подъехали к дому Рэда.

По дороге я еще раз спросил узника: как он собирается говорить с Рэдом на серьезные темы, если тот под кайфом? На что получил ответ, укрепивший меня в ожидании доброго конца:

– У шефа сейчас проблемы с поджелудочной. Так что вроде как нормально... Считай, что повезло тебе, потому что в это время он обычно уже на отдыхе.

– Не мне – тебе повезло! – огрызнулся я. – Зайдем только вместе.

– Не боишься – зайдем. Только имей в виду. В доме Рэда волыны¹⁵ сами по себе выстрелить могут. Такие там кореша крутятся. И что у них в голове – только босс знает. Я нет.

– Ты сейчас правду сказал, приятель? Или хорохоришься. Если у вас там кто хочет и когда хочет стреляет, зачем тогда едем?! С отморозками разговаривать?

– Не стреляют. Пошутил... Но давай сначала я сам... А там посмотрим по обстановке.

– Только вдвоем. Я буду молчать. А говорить только тогда, когда ты скажешь...

– Договорились.

Дом Рэда, как я уже говорил, находился на Борщаговке, среди таких же малоприметных хибар: небольшой дворик, здоровенный пес на цепи в будке, сарай-гараж для машины и сама машина – «копейка» желтого цвета.

Подъезжая к дому авторитета, я остановился в метрах трехстах до него и приказал ребятам стоять здесь же. Дал подробные инструкции, что делать дальше, если я не выйду или не покажусь через максимум полтора часа из дома вора в законе:

– Нападать и всех убивать, кроме вот этого, – показал я на Стилягу, – и кого-то одного в доме, чтобы можно было выпытать информацию о местонахождении Виталия.

Живыми никого не оставлять. Всех наших ребят стягивать к дому Рэда с оружием.

Строго предупредил, чтобы все делали только по команде Тимы, которого оставляю пока что вместо себя. А его самого предупредил:

– Если кто не подчинится, хоть одно слово поперек скажет – стреляй без предупреждения! Понятно? – и протянул Тиме руку.

– Понятно, – ответил боксер. Гордо поднял голову и посмотрел на остальных боксеров.

Все молчали, никто не возражал. Как вдруг:

– Мы и без тебя решим, кто старший будет, – заявил Саня.

Остальные пацаны все эмоционально зашикали на бунтаря. А я сделал вид, что не придавал этому враждебному выпадку почти никакого внимания. Но на всякий случай, не глядя в сторону бунтаря, строго поставил тот же вопрос:

– Все тут со мной?!

– Все, все, – почти хором ответили бандюганы. Делай свое дело! Все, что сказал, исполним в лучшем виде. А Саню успокоим...

И все же, чтобы еще раз укрепить в командирах Тиму, я подошел к каждому бандиту и заглянул в глаза. Еще и еще раз оценил обстановку: будут подчиняться или нет? И каждый раз, каждому из братвы повторял одни и те же слова:

– Оставляю вместо себя Тимона, – и каждый раз спрашивал: – Нормально?

¹⁵ Волына – огнестрельное оружие, пистолет.

И только когда получал утвердительный ответ, отходил к следующему...

По глазам бандитов было видно, что какой-то запас времени у меня есть. Остальное зависело только от дипломатии Тимы. Но даже и без нее было очевидно, что до поры до времени будут подчиняться.

Плохим был только взгляд Сани. Он смотрел на меня злобно и с неприкрытой ненавистью! Но почему? Я никак не мог понять... И с плохим чувством, но все же протянул ему на прощанье руку.

«Что я ему такого сделал, чтобы так меня ненавидеть? – думалось. – Должна же была быть хоть какая-то причина. Но в чем она? Почему еще с самого кафе он при каждом удобном случае пытается меня унижить? Подвергнуть сомнению мое верховенство... В чем проблема?» Эта мысль сверлила мозг, не давала покоя ни на минуту. Сам того не ожидая, я вдруг нажил себе лютого врага – Саню!

На душе стало беспокойно, я отвел в сторону Тиму и спросил:

– Оружие при тебе есть?

– Есть, – и он показал рукой на карман.

– Держи и мой! – я на глазах у остальных демонстративно передал ему свой браунинг. – Стреляй, друг, сразу и без предупреждения, но только в голову идиота... Так вернее... Но сделай все, что только можешь, и с ребятами поговори, чтобы хотя бы пару часов мне дали для переговоров. От твоих поступков сейчас не только жизнь Виталия, но и моя собственная зависит! Могу я тебе доверять? Не подведешь? Все сделаешь, как сказал? Все хорошо понимаешь? Скажи честно!

– Ты же давно знаешь меня, Колян! Я твой друг еще со спортклуба и верю каждому твоему слову.

– Убьешь? Хватит мужества? – специально провоцировал я хорошего парня, друга...

– Убью!!!

– Ну лады... Теперь половина успеха наших дел в твоих руках, друг! – для поднятия боевого духа не мог не сказать я на прощанье.

Последние слова, которые я сказал Тиме, о том, что он теперь главная фигура в деле, так его воодушевили, что он прямо сейчас уже готов был убить Саню, и я это прочел в его горящих глазах и во всем его облике.

Надежный парень! И я вдруг вспомнил, что также неожиданно в какой-то момент оценил и самого Витоху. Мне стало спокойней...

Мы договорились со Стилягой, что пять-десять минут я буду ждать его возле дома один. Он предупредит вора и выйдет, чтобы сказать о его решении: впускать меня или нет. Но... пусть подумает о последствиях отказа!

– Если я такое Рэду скажу, меня самого кончат!

– Это не ему слова – тебе... Держи их в голове, когда с боссом говорить будешь.

Все время, пока я ждал приглашения, на душе было очень и очень беспокойно! Что говорить, когда зайду в хату? Мне ведь никогда раньше не приходилось говорить с людьми из тюрем.

Времени изучить характер Рэда настолько, чтобы понять, как завоевать его доверие, не было. Нужен был успешный экспромт, который мой мозг даже в силу системности моего мышления просто не способен был выдать.

Необходимо было хоть какое-то время для раздумий, анализа, выводов... Но где их взять без хотя бы малейшей информации о матером преступнике, даже фото нет... Подумалось: «Вот бы хоть разок увидеть, как общается Рэд с окружением, о чем говорит, понять, чем живет его душа, чтобы сделать вывод, как зацепить его за живое».

Ответственность за судьбу близких мне людей именно здесь, ночью, возле входа во двор у дома рецидивиста, вдруг проявилась во мне как одна из главных составляющих моей натуры. И это стало для меня еще одним послеармейским откровением. Водка до службы не давала мне и шанса понять, что я за человек. Я не осознавал, но она и была моей сущностью во всех внешних проявлениях: из-за нее я дрался, занимался без разбора сексом, смеялся и плакал. А тут ночью, во дворе вора, я впервые отчетливо понял, что отличаюсь от многих других людей именно тем, что стараюсь брать на себя ответственность и всю заботу о тех, кто мне доверился, особенно за любимых мною людей и более всего, когда их жизни угрожает опасность.

Вдруг вспомнился случай из детства, когда, играя во дворе с мальчишками в футбол, я вдруг увидел, как громадные футбольные ворота, сваренные наспех из тяжелых толстых металлических труб, стали падать и валиться на вратаря, который в ожидании мяча, играючи, повис на верхней штанге. Вратарем был Артур. И о ужас! Я вижу, как на него обрушивается стокилограммовая громадина, а сам стою и ничего не делаю. Страх парализовал мой мозг. Я был рядом и не помог. Все происходило как в замедленной киношной съемке: вижу, как медленно накрываются трубы, как они валятся на растерявшегося друга, слышу его глухой стон... Результат – трещина в позвоночнике и скорая... А я все стою как замороженный...

Почему же я не сделал тогда всего-то два-три шага и не остановил падение железа? Ведь оно могло убить друга! Почему?!

Этот вопрос остался неразрешенным в моей памяти вплоть до сегодняшнего дня. Наконец именно здесь я узнал ответ. Спиртное – вот что делало меня заторможенным. От него мой мозг входил в ступор, когда ситуация развивалась мгновенно, и я не успевал подумать. Но не теперь. Сейчас я в порядке.

От нечего делать стал моделировать, что стану делать, когда зайду и увижу Рэда. А что скажу? Какие аргументы воспринимает его голова как дружеские, а какие из них оценивает как враждебные? Какие слова ему понятны и вызывают ответную положительную реакцию, а какие – агрессию? Ведь он явный психопат, прошедший большую часть сознательной жизни в

мире, в котором нормальному человеку жить не дано. Там все по-другому и абсолютно другие ценности...

В голове засело: если бы сейчас решался вопрос моей жизни и смерти, а не Виталия, я бы, не раздумывая, застрелил Рэда! И только потом стал бы составлять план минимизации последствий. Но никогда и не подумал бы говорить с опасным человеком из другого мира в расчете на авось... Но на кону ведь не моя жизнь, а очень близкого мне человека. Нет, не партнера. На это плевать! Друга! Который наверняка сейчас ждет от меня помощи.

Вспомнился старый дуб в лесу, когда я вдалбливал в голову товарища теорию и практику следственного действия – воспроизведения. «Интересно, – подумалось, – вспоминает ли Витоха прямо сейчас мои слова клятвы под тем самым дубом, над которой тогда так задорно смеялся, о том, что я буду всегда рядом, когда ему будет плохо?»

Ух! Охватила жуткая злость от собственного бессилия! Пока я томился в ожидании, ко мне предательски подкралась мысль о том, что друга уже не спасти! Внутри все вскипело, я начал терять здравый смысл...

Но именно в тот момент, когда меня охватила полнейшая безнадега, перед глазами (о чудо!) вдруг всплыло доброе лицо Леры и ее слова об Иисусе. – Запомни, Коля! – говорила она, когда я как-то рассказывал ей о том, как мучают меня воспоминания о том, как издевались и унижали меня в Армии. – Ненависть и злость на обидчиков, какими бы плохими эти люди ни были, – самые ненадежные спутники для людей-победителей. Иисус учил побеждать врагов прощением и любовью.

– Как же такое возможно? – спросил я тогда.

– А ты представь себе, что у этих людей есть и добрые черты в характере.

Забудь об обидах, и станешь самым счастливым человеком на свете.

И о чудо! Я стал успокаиваться. Вырвал из головы навязчивые мысли о том, как убить и растерзать ненавистного Рэда и его приспешников. Ведь действительно, они не несли конструктива, а только приближали полное поражение! Вор бы сразу понял мой настрой, и, как следствие, меня бы застрелили или зарезали, а, что еще хуже, Виталия в этом случае ждала, быть может, еще более страшная участь. И тогда я стал искать аргументы в защиту врагов. А вот и конструктив... Они же люди с достоинством и честью. Пусть и воровскими. Но все же это заслуживает большого уважения. Ведь если у человека есть принципы, то он не негодяй, который не имеет совести и поступает только так, как ему в тот момент выгодно.

Уважение появилось, но где, где найти Лерину любовь к Рэду? Я сосредоточился... В голове стало крутиться: законник, авторитет – есть за что уважать врага, но все же это не любовь... «Да, – подумалось, – далек я от Бога!»

Стиляга все не появлялся... И тут меня осенило второй раз и уже не в связи со словами верующей женщины... Седой... Как же я раньше о нем не подумал?! Он мог бы помочь... И как хорошо, что адвокат превысил отведенный ему лимит времени и дал мне его больше для размышлений. Я

вспомнил, что Виталий как-то рассказывал мне о каком-то красавце-парне из кафешных, кто временами убажывает бл-дь-жену тюремщика. Вот бы сейчас этого еб-ря сюда, чтобы успеть объяснить ему важность момента и попросить, чтобы любимая Седого попросила того за Витоху. Рэд сразу бы ухватился за возможность оказать услугу Седому. Они давно знали друг друга и по-своему уважали.

На страх и риск на пару минут отлучился от дома Рэда и обратился к ребятам:

– Кто знает любовника жены Седого?

– Ну я, – заявил один из них. – Обычный смазливый альфонс. Но парень неплохой. Он мой сосед...

– Лети к нему! Пусть звонит своей любовнице, чтобы прямо сейчас поднимала полковника-мужа с постели и объяснила, что у Витохи проблемы, и чтобы тот, в свою очередь, поручился перед Рэдом за Виталия! Аргументы для такого ручательства у Седого всегда в кармане. Он знает точно: Виталий ему бабками ответит. Так что все сделает. Не откажет! Пусть убедит позвонить. А мы телефон на это время подключим. Другой идеи у меня, ребята, нет. Это самый верный ход, если только тот красавчик тебя, парень, послушает. А не послушает... Времени нет! Пистолет ему к башке приставь. Так он точно соображать лучше станет. И пока все при тебе не решится, его от себя не отпускай. Да, и денег много пообещай и уважения от самого Витохи!

Вместо десяти минут прошло около часа. Стиляга знал, что ничего я делать без того, чтобы не поговорить с Рэдом, не стану. Хитрец!

Наконец дверь хибары открылась, и он появился на пороге, помахал мне рукой, показывая, что можно войти внутрь...

– Знаешь, дружок, – сделав вид, что очень разозлен его непунктуальностью, обратился я к адвокату. – Говори с Рэдом за меня сам. Так лучше получится...

– Заметано, – ответил он.

И вот я переступаю порог дома авторитета... Пять комнат. Везде тусклый свет из-под дешевеньких люстр, маленькая кухонька с грязной посудой в раковине, зал и три небольшие спальни почему-то с двухъярусными кроватями.

В зале обычная для тех времен мебель: круглый стол с обычными деревянными стульями посреди, светло-коричневая Броварская стенка с выставленными в ней фужерами и чайным сервизом... У противоположной от нее стены оббитый неброской цветастой тканью диван и три мягких кресла-раскладушек. И на одном из кресел, что возле окна, – главный персонаж собственной персоной, Рэд. Подле него тоже в кресло садится Стиляга.

Уважительно здороваюсь. Но... как и нет меня... Никто и не пошевелился.

За столом, который в зале, – четыре небритых персонажа, азартно играющих в карты. На столе папиросы «Беломор», несколько переполненных

окурками пепельниц, и накурено так, что хоть топор вешай, хотя окна в комнате закрыты и даже задернуты грязноватыми серыми шторами.

Трое играющих – худоба с жилистыми шеями, а четвертый – бугай с брюшком. Громкий мат и слова на фене, которые извергали из себя игроки, вне зависимости от форта – выиграл или проиграл – одинаково резки, но без персональных оскорблений. Катающие, когда выигрывают, обнажают во весь рот желтые золотые зубы, а проигрывающие – стиснутые скулы, сжатые от злости кулаки и вздутые на шеях толстые синие вены.

Когда я зашел, никто из режущихся в карты даже не обратил на меня внимание. Только Рэд окинул беглым взглядом, а потом пронзительно уставился на мою рыжую бороденку и затемненные очки. Среднего, как мне показалось, роста, он был чрезмерно худ, выглядел изможденным. Красноватая кожа лица с серым оттенком болезненности... Маленькие глаза под редкими светлыми и почти невидимыми бровями сверлили меня как буравчики... Из-за освещения и папиросного дыма точно нельзя было сказать, какого они были цвета: то ли бледно-зеленые, то ли бледно-карие. Да и какая разница...

– А ну прекращай базар, – негромко обратился он к корешам. – Не видите, какой важный гость к нам пожаловал, – с сарказмом, криво усмехнувшись, сказал он. – Говорить хочет... Послушаем... Адвокат за него мазу тянет. Может, что интересное расскажет... Завязывайте с картами. Потом доиграете...

Воры послушно перестали играть и стали внимательно меня рассматривать.

– А смотри, Рэд, на пацане прикид что надо, – имея в виду мой «Адидас», то ли в шутку, то ли всерьез произнес один из катал. – Может, и нам такие достанешь, фарцовщик?

– Нет, у него другие дела, – ответил за меня законник. – Он за кореша своего просить хочет. Хочет помочь, – проскрипел прокуренным голосом авторитет. – Мне тут Стиляга говорит, что ты справедливости захотел... А чего ж к ментам не идешь? – и тут же сам же и ответил: – Потому что наверняка с ним замазан... А когда начинали вы с твоим Витохой людей грабить и мочить, вы, конечно же, не думали, что вам когда-нибудь самим защита понадобится и суд честный. Все себе тянули... На хер, мол, Рэд и другие порядочные люди? А теперь правды захотел? Так она такая: собаке собачья смерть. А вы и есть шавки подзаборные... Ходите стаей: ни хозяина, ни правил...

– Так это он что? За того красавчика пришел просить, который малолетнюю девку изнасиловал? – вырвалось из глотки у одного из золотозубых. – Не разговаривай с ним, Рэд, пошли пидора на х-й! За такие дела запахло договариваться. Его на парашу бы вместе с его дружкой да самого раком поставить!

– Стиляга поет тут, что вроде как дружок его, Витоха, или как его, – оборвал того Рэд, – не при делах был... Может, послушаем все же, раз пришел...

– Я бы не говорил, – сверкнув золотыми зубами, еще раз вставил свои пять копеек здоровяк за карточным столом. – Ты посмотри, Юра, (так, оказывается, звали Рэда по имени), какая у этого хмыря борода, точно как у крысы! И плешивый вдобавок. Точно пид-р! За мужа просит, – криворотом пошутил ворюга.

– Я сюда ехал не для того, чтобы меня твои друзья оскорбляли, – обратился я к законнику. – Ты меня не знаешь, а я тебя не знаю. И не к тебе пришел, – бросил я в ответ криворотому вору. Хочешь меня за бороду подержать? Давай выйдем и посмотрим: крепче держится моя борода или твои рыжие зубы?

Мои гневный вид и слова вызвали у публики одобрение. Один вор даже рассмеялся. Усмехнулся и криворотый, но оскорблять меня перестал. Зато в разговор влез еще один картежник:

– А может, он мент, Рэд? Вот начнешь говорить, а он тебя запишет...

– Все замолкли! – вдруг властно, с каким-то металлическим оттенком в голосе, но тихо приказал законник. – Адвокат за него ручался... А говорить тут каждый может... Говори, пацан, но быстро и по делу. Что хочешь?

– Справедливости и ничего больше! Стиляга сказал, что ты человек чести, поэтому и пришел. Пусть он за меня и скажет. Я не все ваши слова хорошо понимаю, и у меня не выйдет, как у него, все понятно объяснить. А он – ваш человек, и я ему все подробно по дороге сюда рассказал.

– Да он уж много чего тут наговорил... Только запомни хорошо, – снова пристально посмотрел на меня Рэд. – Хорошо запомни: пришел сюда – конец! Сунешься потом с той же просьбой к легавым – пеняй на себя!

– Если надо, Рэд, – залебезил Стиляга, – я еще раз повторю, что тебе рассказал, при нем... Мы вправду так с этим пацаном договаривались.

Но Рэд гнул свое:

– Пусть сам излагает. И очкиними! – он снова криво улыбнулся. – Борода твоя рыжая, а волосы на голове темные... Конспиратор ху-в!

Надо же, заметил. А я и не подумал, когда маскировался. И послушно снял очки.

– Мы хотим воровского суда и никакого другого. И пришел я просить, чтоб до суда никто над моим товарищем не издевался. А после как скажешь, так и будет! Я тебя уважаю. Слышал, ты человек-легенда и правильный во всем, – попытался подлизаться я.

– Не пиз-и, щенок! Ты что, меня захвалить решил? Понравиться хочешь? Говоришь, честный, а сам пиз-шь не по делу! Вот что скажу: за друга твоего меня уже многие просили. Тоже говорили, что друг твой путевый. Но мне все равно подумать надо, что дальше с ним делать. Дело серьезное!

– А нельзя узнать проблему, что случилось с Виталием? Я такой же, как и он. Нужно что решить – решу! Чего нам ждать?

– Быстрый какой...

– Ручаюсь, Рэд, – встрял адвокат, указывая на меня. – Парень этот у них за главного. Только с ним и можно разговор вести... Головой ручаюсь!

– Головой, говоришь? Ну тогда слушай, пацан. Не знаю, кто на самом деле, но Стиляга говорит, что это не друг твой, ну тогда, значит, подельники его обидели очень нужного нам человека, который под моей крышей ходит, и друга моего... В душу наплевали педерасты! Дочь изнасиловали. А знаешь, что на киче с насильниками делают?

– Кто не знает? Так мы ответим, и по большому счету... Что нужно?

– Мразь одну кончить нужно! Если эта сволочь и есть твой друг, то это весь мой суд. Скоро приедет в одно наше место человек – тот, кто обижен. Вот и покажем ему твоего дружка... Не он, пусть тогда покажет, кто из его дружков такой большой грех на душу взял. Вот с тем пидором и разберемся, а друга твоего отпустим.

Я растерялся...

Рэд, конечно же, это увидел, потянулся к папиросе, закурил и ухмыльнулся.

– Что? Слабо? А как же суд мой? Уже не нравится?

– Нравится... Но что случилось? Можно узнать, раз уж ты со мной разговариваешь.

– Может, сам замочишь гада, который грех сотворил, раз в суд мой веришь, чтобы моим людям руки не пачкать?! – продолжал посмеиваться надо мной авторитет.

Все притихли, чтобы услышать, что же я отвечу.

– Как скажешь, так и будет, – произнес я.

– Не вижу решимости, пацан!

– А какая может быть решимость, если я не знаю, что случилось.

Проясни и появится.

– Не дерзи, щенок! Скажи лучше, есть у тебя младшая сестра, которую любишь?

– Есть, – вдруг представив Лизу, твердо ответил я.

– А как бы ты ее защищал, если бы ей рот до ушей порвали, чтобы х-й свой поганый в него сунуть... Что бы сделал?

– Убил бы! – почти криком твердо ответил я.

Голос, которым я сказал последнюю фразу, и искажившееся от неподдельной злобы лицо произвели на всех, кто был в доме, сильное впечатление!

– Ну так вот и весь мой суд... Возьми, – он протянул мне острую бритву, – иди и зарежь того, кто это сделал. Или слабо?!

– Какого друга? О ком ты говоришь, Рэд? Виталий такое бы никогда не сделал! Отпусти его, если хочешь найти того негодяя, кто на такое способен. Мы своих ребят вроде как хорошо знаем. Зачем им девчонок насиловать, они все на них и так вешаются?

– Не о телках базар... Ребенка порвали! Иди, подумай хорошенько, а потом и приходи, – прищурясь, ответил законник. – С головой того гада!

– А с Виталием что за это время будет?

– Никуда он не денется... Жив будет...

– А деньги что-нибудь решают, чтобы, пока я снова к тебе приду, моего друга не искалечили?

– Деньги – мусор... Об этом не со мной, со Стилягой перетирай!

– Да пусть заплатит, Рэд. Когда это было, чтобы деньги нам не нужны были? Он же не предлагает освободить до суда, – вмешался Стиляга.

– Не пиз-и не по делу! – резко прервал законник Стилягу. – Это не твоя маза... Больше разговора сегодня не будет... Иди! – и он указал мне на дверь.

Я протянул было руку Рэду, но он демонстративно отвернулся, поэтому на радость ворами я вышел нерукопожатным и стал поджидать адвоката за калиткой.

Моя голова инстинктивно искала ответы на все, что я только что видел и слышал от вора. Подводя черту всему, что было в доме Рэда, я сделал важный вывод о том, что визит удался. Я понял главное: Виталия точно не убьют до завтрашнего вечера, если я успею до наступления этого времени найти извращенца из нашей команды. Оставался лишь вопрос, был ли он? Или друг Рэда специально искажил то, что с ним сделали наши бандиты, чтобы накалить обстановку и забрать назад свои деньги?

Но вот где искать Виталия – пока что мыслей не было.

Минут через пять вышел адвокат.

– Херовое дело. Рэд сильно злой. Кто-то из ваших ограбил его друга. Зверски изнасиловал и покалечил его 12-летнюю дочь.

– А что за друг у Рэда? Тоже законник?

– А ты думаешь, мой босс только с ворами дружит? Он умеет дружить, парень. Прежде всего он человек! Понимать надо...

– Да пошел он на х-й, твой человек! Как мне моего друга вернуть?

– Не горячись... И никогда больше так о Рэде не отзывайся. Нигде. По-дружески говорю, хотя мы и не друзья. Иначе, когда-нибудь за эти слова ответишь!

– Перед кем? – вдруг взыграла моя мальчишеская гордость. Да мы... Но Стиляга резко меня оборвал:

– Замолчи! Если дурак и себя не жалко, подумай о Витохе. Сейчас кто услышит – конец ему будет. А от того, что вы тут бойню устроите, ему тоже легче не станет. Возьми себя в руки, парень. Думать давай!

– О чем же мне думать? О том, как Витоху пытаются? – еще никак не успокаивался я.

– Ты кому все это говоришь? У тебя ко мне претензии? Подумай! Я что ли Витоху выкрал? Да и нет у нас с тобой времени друг с другом разбираться.

– Согласен, – и я впервые протянул руку недругу.

– С Виталием пока что все будет ништяк¹⁶, – продолжал меня успокаивать Стиляга. – Головой ручаюсь! Никто его после команды Рэда не тронет. А тронет – труп. Телефон только его на хате пока что не включайте... Я Рэда хорошо знаю. Он поверил тебе, и это большой плюс. И поручил мне из автомата позвонить кому надо, чтобы Виталия пока что не трогали. Успокой своих пацанов. Завтра все и решим.

– Ты шутишь, парень? – подхватил я тон разговора адвоката. – Ты моих бойцов видел? Подумай хорошенько о последствиях, подождем. У нас в бригаде бунт надвигается... Может так случиться, что и я живым не останусь, если сейчас же не скажем моим, что знаем, где Виталия держат, и едем его освобождать. Я не пугаю, нет! Я сейчас на твоей стороне, друг. Мы теперь в одной упряжке.

Словом «друг» я попал прямо в душу Стиляги. Оказывается, она у него была и эмоционально отреагировала. И хотя слов в ответ по поводу дружбы он не произнес, по нему было видно, что мы сразу сблизились. Он задумался... И все, что потом мне говорил, было совершенно с иным, приятельским акцентом.

– Если ты уже не управляешь ситуацией, очень плохо для тебя! – с сочувствием произнес он. – У тебя есть план? Если нет, давай я помогу.

– Плохо не только для меня. Для тебя еще хуже. Если сейчас не договоримся, лучше тебе тогда со мной не идти к пацанам. Замочат. А потом и босса твоего. А так, уйдешь и спрячешься. Но то, что сейчас прямо война начнется, – гарантия. Посмотри, сколько уже наших собралось. И все с автоматами! К сожалению, остался только один план – немедленно ехать и освобождать Виталия. А потом только садиться и думать. Не сейчас. Сейчас не ко времени. Ничего другого быть не может. Только тогда появится шанс урегулировать все без крови. А нет, я уже ничего не гарантирую. Мне жаль. Честно жаль. Но все запуталось. Плохо дело!

И, чтобы окончательно развеять все сомнения Стиляги относительно перспектив ждать до завтра, я включил дипломатию. Хотя нет, по сути, говорил правду:

– Ты даже представить себе не можешь, друг, что мне самому стоило живым среди этих остаться! Одного прямо на глазах у них всех застрелил, – указывая рукой на «поломанные носы», произнес я. – Иначе мы бы тут с тобой сейчас разговаривали. Не знаю, был бы ты к этому времени жив, но Рэд твой был бы точно покойник. Все войны хотели и крови побольше. Я ведь у них далеко не в авторитете... Виталий их Король! Как у тебя Рэд. Только убийство главного бунтаря их остановило. Не просто было. Сам не знаю, как у меня получилось... Никогда до этого не убивал, – соврал я. – Они все крови жаждут, мести! Мечтают быстрее Рэда и тебя пытать. Мозгов-то у них кот наплакал, зато тупой решимости не отнять! Так что решайся быстрее. Иначе я уеду один. Мне больше тут делать нечего...

¹⁶ Ништяк – хорошо, нормально.

В ответ Стиляга внимательно посмотрел мне в глаза. Оценил каждое сказанное мною слово. Понял, что не вру. И наконец решился:

– Я могу, конечно, по голосу и номеру телефона почти точно сказать, где сейчас Витоха, но как мне потом живым остаться?

– Давай так... Ты сейчас позвонишь куда надо, скажешь, что тебе Рэд поручал, а потом укажешь нам, куда ехать. Привезешь и свалишь. А я освобожу Виталия и сразу повезу к Рэду. Там уже и доведем его суд до ума. Нам самим интересно, что случилось. И если не соврал друг законника о дочери, тут же нашего негодяя Рэду на суд и отдадим. Слово даю! Все будет, как сам законник скажет... Мы сейчас на одном берегу стоим, друг... На другом – война!

– А как же вы на хату Рэда без меня попадете? Стрельба начнется. И если вы кого-то из корешей шефа застрелите, ни о каком мире тогда и речи быть не может. Все. Вражда до гроба! И мне конец...

– Херово, брат!

– Хуже некуда!

И вдруг мне пришла в голову гениальная мысль!

– А ты можешь узнать, где живет тот человек, который Рэду пожаловался?

– Могу. А зачем тебе?

– А ты сам подумай, как здорово выйдет, если получится: освободим Виталия, заедем к обиженному, выслушаем его историю, разберемся, наговаривает или нет, и, если правду говорит, Виталий того мудака, кто такое с его дочерью сделал, сам на месте пришьет. Прямо на глазах потерпевшего. Представляешь?! Вот тогда и поедем к Рэду. Но не просителями – победителями! Друг его первым с тобой зайдет. Все объяснит. Потом ты добавишь, что надо. И конец делу... Уважение Рэду окажем и договоримся обо всем, чтобы больше такого впредь никогда не случилось... Ну а меня спросят – ты же слышал своими ушами, как я говорить умею! Представь, какие слова о твоей преданности боссу сказать смогу! – подмигнул я Стиляге.

Было видно, что адвокату очень понравился ход моих мыслей! Но вслух он это, конечно же, не высказал. Умел парень держать марку. Только кивнул. Но и этого было более чем достаточно! Теперь мы были уж точно на одной стороне.

– А ты так всегда в разговорах с посторонними людьми под бластного косишь? – угадал мои мысли и вслух засмеялся Стиляга. – Тебе не идет. Явно не твой стиль... Говори, как нормальный человек. Я ведь не вор, друг...

Надо же, адвокат прямо прочел мои мысли. И я тоже от души рассмеялся. И даже не потому, что Стиляга меня раскусил. Отпустило напряжение, которое сопровождало все время, пока я вел переговоры с ворами. Конечно же, было смешно слушать со стороны, как я намеренно коверкаю слова. Но главное, что побудило меня рассмеяться, так это мысль о том, что у нас со Стилягой образовалась, хотя и временно, но новая, своя банда: я и он – против моих и его бандитов. Два разумных человека, ставших

вдруг почти что друзьями, хотя и испытанными в начале встречи иные, полярные чувства.

Появилась уверенность, что все может получиться...

Мы подошли к таксофону. Стиляга передал кому-то указание Рэда не мучать Витоху, потом сделал еще пару-тройку звонков по каким-то своим знакомым. И вот он – адрес друга вора, который был так нужен, чтобы прояснить вопрос об изнасиловании и обо всем другом, о чем он пожаловался законнику.

Вместе мы подошли к моим бригадным.

– У нас есть адрес, где сейчас наш друг. Туда и едем. Всем понятно?

– Пока не найдем Витоху, пусть этот хрен будет при нас. И ни на шаг! – указывая на Стилягу, вдруг снова показал свою решимость стать командиром Саня.

– А кто у вас тут главный? – обращаясь к бандитам, поддел Саню и подыграл мне Стиляга. – А то ведь времени мало осталось выяснять, кому подчиняться! Так едем или нет?

– Заткнись, Саня, а то плохо кончишь! – как можно более убедительно, но презрительно и спокойно пресек я буяна-боксера.

Но Саня не успокаивался. Наоборот, он вдруг неожиданно достал свою пушку и угрожающе направил на меня.

– Не верьте ему, друганы! Он точно с Рэдом снюхался...

– Ну стреляй, раз достал, – видя бурную реакцию боксеров, выхвативших в поддержку меня свои пистолеты, я смело шагнул навстречу бандиту.

В ответ Саня сразу поджал хвост. Униженно ретировался: спрятал пистолет и, ничего не говоря, опустил голову.

– Отдай мне оружие. Немедленно! – приказал я. – Или убирайся отсюда. Ты больше не наш человек! Вали...

И Саня действительно ушел. Не говоря ни слова, он развернулся на 180 градусов и почти побежал к своей машине.

– Что это с ним? – подозрительно спросил Стиляга. – Он что, ненормальный? Всегда такой?

Я промолчал. Но и сам уже в который раз подумал, что сегодня с бригадиром что-то не то. Он никогда не был так раздражителен. Обычно вел себя спокойно. И на совещаниях всегда высказывал мне уважение. Подумалось, может, так вот переживает? Близко к сердцу принял известие о похищении друга?

Но времени думать о происшествии не было. Я вздохнул от облегчения, что больше мне ни с кем не придется бодаться. Фу! И занялся делом.

По моей команде все быстро расселись по машинам, и вскоре мы были уже у гаражей в районе Сырца, на один из которых указал адвокат.

Не доезжая метров двести до места, где держали Витоху, я дал указание остановиться и выключить фары. Все вышли, бесшумно закрыли двери машин, достали оружие и пошли за мной в тихую атаку.

Было далеко за час ночи. Кругом никого. Темень и только тусклый свет редких фонарей, из которых местная шпана не успела выкрутить лампочки.

Я подошел к железным воротам гаража... Тишина. Но внутри яркий свет.

– Пусть адвокат им пару слов брякнет, они и откроют, – прошептал кто-то из наших.

– Не командовать тут! – очень тихо прошипел я в ответ умнику. – Стилягу не светим. Исключено...

– Тема, подойди к дверям и скажи, что малява от Рэда, а ты, Гена, как только дверь откроется, рванешь ее со всей силы на себя! Да так, чтобы тот, кто будет по ту сторону, вылетел на улицу. Остальные все вместе врываемся в гараж. Без моей команды не стрелять! Это приказ! Оружия у них нет, – уверенно произнес я, хотя на самом деле не был в этом уверен, но подумал, что в ситуации, которая сложилась, лучше пусть ранят кого-то из наших, чем мы убьем человека Рэда. – Если кто-то выстрелит, сразу же пристрелю того, кто ослушался приказа, – я быстро заглянул в глаза каждого. – Все понятно? Что не ясно?

В ответ тишина... Значит, все всё поняли.

И вот она – долгожданная операция по освобождению! Началась...

Все пошло как по маслу. И это был верный знак удачи!

Ведь ты наверняка тоже замечал, читатель, что бывали и в твоей жизни сложнейшие ситуации, когда наметил путь и вроде все рассчитал, но вдруг... Все пошло не так... Начинаешь метаться туда, сюда. В одну сторону, в другую... А везде тупик! И что только ни делаешь, а все вокруг становится запутанней и опасней.

Но в эту ночь фортуна повернулась наконец к нам лицом!

Гена так выдернул охранника, открывающего дверь, что он буквально вылетел из гаража и упал на землю, потеряв сознание. А еще один, который спал на ободранном диване подле узника, даже не успел опомниться, как был разоружен и уложен мордой в бетонный пол.

Витоха в это время, замученный, дремал на стуле. Весь в крови, связанный и с грязной тряпкой-кляпом во рту.

Когда мой товарищ поднял голову и, открыв глаза, увидел нас, радости его не было предела!

Когда Виталия развязали, он вскочил со стула и первым делом зажал меня в тиски объятия своих сильных рук, прильнул своей щекой к моей. Это было так непохоже на него и так пронзительно трогательно, что на мои глаза, как и тогда, после удачной операции в квартире каталы-доктора, снова предательски навернулись слезы.

– Слушай, Художник, – почти плача, шептал он мне на ухо во время объятий. – А я ведь всю дорогу здесь только и вспоминал тот самый дуб! Ну ты даешь! Не подвел! Ребята! Ну, бл-дь, вы даете! Как нашли? Твоя, конечно, работа, Колян? – благодарно посмотрев на меня залитыми кровью белками глаз, душевно произнес Виталий. – Я знал... Обязательно придумает твоя

башка что-то умное. Всем по гроб обязан! Вы даже не представляете, что эти уроды тут со мной вытворяли... Знал бы хоть за что, может, легче б было... О каком-то педерасте в нашей команде буровили, который девчонку маленькую изнасиловал, спрашивали... Неужели среди нас есть такие? Бред... Быть не может! Ну ничего... Всех, кто меня заказал, найду и лично каждого убью!

Потом он долго пил и смаковал воду из бутылок, которые были в гараже у его охранников, а через пару минут с какой-то дьявольской улыбкой прилюдно показушно медленно приспустил спортивные штаны, достал член и с радостью, растягивая удовольствие, обписал одного из лежавших на полу мучителей с головы до ног, с ног до головы...

– Представляешь, друг! – обращаясь ко мне, писая, со злостью продолжал говорить бывший узник. – Эти мудаки даже пописать мне ни разу не дали. Ссы в штаны, говорили, суки!

– Дай пистолет, Колян. Я хочу пока хотя бы вон того кончить! – он указал на бедолагу, которого вырвало дверью на улицу. – Такого скота в жизни не встречал! Второй еще ничего... А этот, бл-дь! Он так меня бил, что, кажется, левую руку сломал.

И особенно по яйцам целил, гад. Дались ему мои яйца?! Наверно, у самого нет... Точно педик! – уже смеялся Виталий. – И знаешь, Коля, я впервые в жизни видел своими глазами парня, который получает от этого удовольствие... Как там у тебя в книгах таких называют? Садист? Вот он точно такой. Мразь, садюга! Псих еб-ый! Такому нет места на земле! Не просто бил, а радовался каждому удару и все пиз-ил, что он мой зад скоро попользует. Ну как? – обращаясь к поверженному, все повторял Витоха. – Кто теперь педераст?! Полежи, сука, обоссанным, а потом я тебя...

Но не договорил, потому что весь сосредоточился на своем внешнем виде и тех частях тела, которые болели.

Выглядел он ужасно: грязный, в порванном «Адидасе» и весь в крови. Обычно зализанные аккуратно наверх волосы всклокочены. Видно было, что его за них таскали. Фенделя¹⁷ под глазами, а сами белки глаз от ударов и кровоизлияния залиты кровью! Губы грязные и распухшие, левое ухо в крови, на шее синюшные следы от удушения, на правой ноге отсутствует туфель, а на большом пальце – ноготь и сочится кровь...

– Вы посмотрите, что они со мной сделали?! И работал в основном вот этот гад! – показывая на лежащего, возмущался Витоха. – Дай пистолет, Коля, я ему ноги прострелю!

– Не сейчас, дружище! Давай ты немного успокоишься, домой срочно съездим, приведешь себя в порядок... А главное – нам немедленно поговорить надо. Ты как вообще? Живой? Соображать можешь? Есть срочный разговор и очень серьезный! Не думай, что на твоём освобождении все закончилось.

Только, только началось...

– Я всегда в форме... Злой только очень! Я никак не пойму, за что они меня пытали?

¹⁷ Фендель – синяк.

– Я все тебе подробно расскажу, когда дома будем. Времени нет, поехали...

– А что с этими мудаками делать будем? – подчеркнуто уважительно обратился ко мне Витоха. – Я им так не оставлю...

– Тима, – перебил я Виталия, – назначаю тебя здесь старшим. Обоих свяжи и пусть лежат, пока я за вами не приеду.

Мой приказной тон в присутствии непререкаемого авторитета – Витохи – произвел на бригадных настолько сильное впечатление, что впредь можно было не опасаться никакого бунта. Все стало на свои места. В частности, красноречиво указывало на мою роль в банде.

Но Боже ж мой! Как же я был рад освобождению близкого мне человека! Сантименты... Но какие же они сладкие, друзья! Хотя... Что я снова за старое? Отвлекаю читателя от сути романа. Он ведь наверняка не хуже меня может оценить чувства, которые приходят к человеку, когда он протягивает руку помощи близкому другу, да еще в самую трудную для того минуту жизни. Вот и я тоже был так растроган и по-настоящему счастлив, что не передать словами! Весь переполнен гордостью за то, что второй раз спас от смерти ставшего очень близким мне человека!

Когда мы вышли из места заточения, я отвел Виталия за гараж и представил ему Стилягу.

– Так я его хорошо знаю, и он меня, – удивился Витоха.

– Но ты не знаешь, что только благодаря ему жив! Он помог.

– Ну спасибо! Отвечу тем же! Не знал, что ты благотворительностью занимаешься, – обращаясь к адвокату, пошутил друг.

– Да ладно тебе, Витоха! Вот этому спасибо говори, – указав на меня пальцем, с чувством ответил адвокат. – Теперь хоть буду знать, как тебя зовут. Колян, значит? Верный у тебя друг, Король. А мне говорил, что он – Яша. Он твой спаситель, Виталий! Умный парень – Коля-Яша... Но... не время сейчас для комплиментов, – очень серьезно произнес Стиляга. – Ты в дерьмовое дело вляпался, Король! Надо прямо сейчас совет держать, как выйти из ситуации, потому что я жизнью рискую. Надеюсь, понимаешь? Я жить хочу!

Не дав больше никому и минуты для размышлений, я усадил ошарашенного друга в свою машину – и вот мы уже у него в квартире.

Виталий срочно поковылял в душ, а я все размышлял, что делать дальше.

И вот к чему пришел.

Первым делом, как только партнер придет в себя, мне надо ехать с ним и Стилягой к Рэду. Но как представить тому освобождение Витохи без помощи адвоката? Решения не было!

Понятно, что было бы очень привлекательно закончить все миром... И вроде бы не сложно это сделать, поскольку пострадавшему пришлось бы признать, что Виталия во время ограбления не было. Но если все же имело место изнасилование ребенка, что делать с насильником?! Убить, как требует того Рэд? Но согласится ли на это Виталий? И, конечно же, у меня были громадные обязательства перед Стилягой. Он ни в коем случае не должен был

пострадать, доверившись мне, пусть даже и имея корыстные цели. Да и парень он оказался не такой уж плохой... «Все мы одинаково хороши!» – подумалось.

В голове образовался вулкан из вопросов. И каких важных! И все из них предстояло решать в самое ближайшее время...

Срочно нужен был Виталий, причем в абсолютно здравом рассудке. Мне позарез нужны были его рассуждения и советы.

Вскоре он появился из ванной: радостный, в затемненных очках, скрывающих кровавые белки глаз и синяки под ними, с забинтованным пальцем правой ноги, аккуратно причесанный, побритый, в новом спортивном костюме так под стать его изящной и сильной, как у хищного зверя, фигуре.

Первым делом Виталий сразу позвонил профессору-катале и потребовал от того срочно приехать.

– Ну что, поехали мочить Рэда? – смеясь, начал разговор Витоха.

– А что дальше?

– Убьем – и дело с концом!

– Для нас так точно с концом. Его друзья-авторитеты разбросаны по всему Союзу, да в тюрьмах. Их многие сотни, если не тысячи. И ты думаешь, они нас оставят после этого в покое? Мы тогда трупы и вскоре гнить будем где-нибудь на вонючей свалке, – нагонял я страху на друга.

Виталий отреагировал спокойно.

– А ты полагаешь, что я Рэду оставлю на так то, что он со мной сделал?

– Сейчас ты явно не о том говоришь, друг. Успокойся и ответь, кто я в нашей с тобой мафии?

– Ты – мой сове... Зам по безопасности.

– Раз я твой заместитель, тогда и ты мой. Плохое время, конечно, выяснять, кто у нас главный. Но раз так случается, что не ты, а я тебе жизнь спасаю, давай-ка припомню тебе, о чем мы на берегу договаривались. У того самого дуба. Помнишь?

Виталий посерьезнел и промолчал...

– Мы равные, друг. Только я – по безопасности, а ты – по организации боксеров в бригады. Не так?

– Так. Наверное, не прав... Забыли... Говори, что предлагаешь. Я выслушаю, и вместе решим! – немного обиженно, но полностью осознавая мою правоту, сказал он в ответ. – Только спасибо от меня не жди. Я не умею такие слова говорить. Но прав, прав... Говори теперь ты. Не пойму только, кто ответит за мои унижения?!

– Все до одного ответят, но дело, которое мы так успешно начали, намного важнее сведения счетов. Забыл, сколько денег заработали? И что теперь, все коту под хвост? Ты же помнишь, как Дон в таких случаях поступал?

– Как? – окончательно растерялся мой друг.

– Думал и шел на компромисс, то есть предлагал мир гадам. И только когда все планировал, начинал убивать. К тому же ты уже ответил

– А Рэд?

– А откуда ты знаешь, что Рэд давал этим садистам полномочия над тобой вот так издеваться? Насколько мне известно, у воров не принято пытаться. И я видел Рэда. И спрашивал его, и в глаза смотрел, когда он отвечал. И близко не увидел, чтобы он хотел тебя по частям видеть... И кроме того, ты о Стиляге забывать никакого права не имеешь. Какой бы он ни был, но проявил себя благородно! Он ведь из-за тебя подставился...

– У Дона была другая ситуация и другие ребята в банде. Там не было людей с кулаками, но без мозгов. А тут... Не отомстим сразу – потеряем авторитет у ребят. Все разбегутся, раз мы сами слабаки... Они должны видеть, как мы поступаем с врагами, и быть уверены, что никому не спустим, если это любого из них самих коснется... Здесь нужно проявить силу, да так, чтобы больше не самого Рэда напугать, а тех, кого я привел в команду. Пусть знают все нашу жестокость, когда по делу! – Виталий вошел в раж. И надо же, тот редкий случай, когда был прав почти на сто процентов! – Не покажем сейчас силу – потеряем пацанов!

– Теперь ты прав! Серьезную проблему озвучил, согласен. Должны видеть... Но есть ведь и другая сторона медали. Мы же хотим, в конце концов, работать, как и прежде, со всеми в мире... Иначе откроется второй фронт – с ментами. Ты же не думаешь, что они в стороне останутся, если мы убивать начнем?! А чтобы этого не случилось, надо сделать все возможное, чтобы все же наладить диалог с авторитетом. Пусть даже слегка нагнуться, но сделать так, чтобы твои ребята думали наоборот. И Стиляга в этом нам запросто поможет! Ведь что им сказать – наше дело. А он будет для них как свидетель. Но есть, конечно же, правда в том, что ты сказал, и проблема...

Я задумался и продолжил еще более серьезно:

– А ведь по сути, Виталий, Рэд прав негодовать, если изнасилование ребенка все же имело место. Или ты разрешал детей насиловать?

– Ты что придумал? Я? Разрешал? Мне даже в голову такой ужас прийти не мог. Только извращенец какой-то мог сделать такое. Мало разве телок вокруг? Не верю, что кто-то из моих мог такое сделать.

– А если сделал? Тогда что?

– Не знаю... Не думал никогда. А что ты предлагаешь?

– Я предлагаю немедленно выяснить, было такое или нет. Я лично не сомневаюсь, что было... Потому что видел Рэда. Он совсем не дурак. И честь имеет. Так все о нем говорят. И о нас также должны... Понимаешь? Мы ведь тоже с тобой преступники. И если будут говорить, что беспредельщики, в преступном мире нам жизни не будет! Поэтому я лично считаю, что сегодня наш главный враг и опасность вовсе не Рэд, а бардак, который у нас творится. Законник по сути помогает нам очиститься, навести порядок в наших рядах, хотя сам и не понимает. Ведь он нас за пидоров держит! Неужели мы на самом деле такие?! Если не найдем и не накажем того мудака, то прав Рэд! Убить гада, если виноват! И судить его при всех

остальных ребятах. Тогда и Рэд будет доволен, и у нас самих порядок начнется. Вот и все мои рассуждения...

– Да плевал я на Рэда, – зло бросил вгорячах Виталий. – Кто он такой?! Убить того, кого я хорошо знаю? Судить воровским судом? Это что-то новое... В лоб дать, избить... Но убить? Своего? Такое я как-то никогда себе не представлял...

– И не только убить, но и деньги при всех вернуть отцу, чья дочь пострадала. Если пострадала, конечно. А суд – благородное дело. Все твои друзья должны будут понимать, как ты справедлив и суров, если кто нарушает наши правила. А иначе ведь все в городе, кто Закон нарушает, будут знать, что ты не управляешь своими. Кто нас уважать будет? Слову верить? Вот твою бы сестру изнасиловали, как бы ты поступил?

Последний аргумент сразил друга. И ему нечего было ответить, как только сжать разбитые в кровь кулаки.

– К тому же у тебя обязательства возникли перед Стилягой. Он нам адрес дал, где над тобой издевались. Неужели забыл? Но шеф его ему таких указаний не давал. Его самого убьют, когда Рэд узнает. Или ты считаешь, что так ему и надо?

– Не думаю, что он вот так просто по своей воле решил мне вдруг помочь. Что-то ты с ним сделал, Колян. Не мути воду. Но... все равно помог, – сморщил брови от мыслей Виталий. – И отмазать его, верняк, надо!

– Давай тогда я сейчас приглашу Стилягу, и мы проведем совет.

– Знаешь что, у меня голова гудит. Я плохо соображаю. И до утра уже немного осталось. Давай ты позвонишь Стиляге и спросишь у него, сколько у нас есть времени, чтобы его не замочили. А потом и решим, что будем делать. Палец сильно болит, зараза... Представляешь, мне тот козел грязными щипцами ноготь сорвал. Вот же бл-дь! – злился от боли Витоха.

– Ладно, – ответил я, – тогда ждем профессора.

Вскоре приехал врач, осмотрел ногу Виталия. Сделал обезболивающий укол, перевязку, и боль отступила.

– Что я еще могу для тебя сделать, друг? – спросил профессор-картежник у Витохи. – Я слышал от одного своего знакомого, что в тот вечер в кафе с тобой беда какая-то приключилась. Правда это?

– Забыли, – бросил ему в ответ Король. – Следы от ударов под глазами можешь убрать?

– Полностью убрать не смогу, но есть одна у меня мазь... К утру будет почти что не видно.

После укола и перевязки Виталия стало клонить ко сну. Мы попрощались с профессором. Виталий улегся спать. А я набрал номер телефона адвоката.

Он не спал. Моментально взял трубку. По голосу было слышно, что очень взволнован.

– Что делаешь, новый друг? Представляешь себе картину, как тебя воры ножами режут? – грубо пошутил я.

– Наоборот! Вижу, как Рэд прямо сейчас раздает команды, чтобы оторвать тебе яйца, – в том же тоне ответил Стиляга.

– Да ладно тебе страдать! Не все так плохо. Не думай. Теперь вместе будем действовать. Слаженно. И у меня уже есть план. И ты тоже думай, пока не встретимся и все не обговорим. Мы ведь теперь в одной лодке. И я позвонил только, чтобы узнать, сколько у тебя есть времени, чтобы твой шеф за тобой никого не прислал! В нашей команде друзей не бросают. А ты поступил благородно! Виталий тебе большой привет передает! Видишь, в первую очередь о твоей безопасности беспокоюсь! Так что зацени...

– Ты правду говоришь или так, чтобы мне еще херовей стало?

– Правду. Зачем бы я звонил сейчас? Даю прямо сейчас слово, что ничего до полного улаживания конфликта без твоего совета делать не стану. И Виталий тоже. Он уже спит. Врач был. Ваши ребята ему ноготь щипцами оторвали и избили сильно. Его таким, наверное, еще никто не видел.

– Мои соболезнования. Только уж если кому и херово, так это только мне. Даже не знаю, с чего теперь начать, чтобы вернуть все, как было. Бежать некуда. Да я и не крыса... И не считаю, что поступил неправильно. Наоборот, жизнь Рэду спас. Но кому мне это все объяснить? И когда? Так в чем твой план? Не тяни...

– Завтра часов в девять утра приезжай к Виталию домой, – я назвал адрес, – и поедem правду искать. Прямо к тому барыге, чью дочь, как Рэд говорит, изнасиловали. Все и решим прямо на месте. А потом вместе с ним и тем гадом, который такое сделал, если сделал, конечно, к Рэду на суд. Так пойдет?

Адвокат задумался... Но минуты через две-три ответил:

– Ты прав. Я тоже об этом же думал. Другого выхода и нет. Если я еще до утра доживу...

– Ну хочешь, приеду к тебе?

– Жалостливый какой, – по-доброму произнес Стиляга. – Ладно уж, как-нибудь обойдусь без сопливых, – пошутил он. – Будь!

– Тогда до завтра, – попрощался я и повесил трубку.

Ночью я почти не спал, все составлял подробный план действий на следующий день, а в 9:00 прибыл Стиляга.

Его звонок разбудил Витоху. Он стал громко ворчать в постели, но мы с адвокатом уселись одетые у его головы и не отходили, пока он не открыл глаза, не посмотрел на часы, не вылез из-под одеяла, не накинул на себя халат, а потом, прихрамывая, не пошел умываться...

За это время я успел вскипятить на кухне чайник, поджарил яичницу, нарезал французскую булку и сыр и расставил кофейные чашки.

Минут через двадцать вышел хромой Виталий и я, не дав ему высказать все, что он о нас думает, насильно затащил его на кухню и усадил за стол.

Голодный день накануне, да еще с пытками и отсутствием еды, дали о себя знать. Поэтому вкусный запах яичницы и голландского сыра с кофе и сигаретой «Мальборо» на финише сразу изменили настроение моего друга. Он

аппетитно съел все, что было на тарелке, закусив булкой со сливочным маслом, выпил чашку кофе, закурил и разомлел.

Адвокат же, наоборот, даже не прикоснулся к еде. Он выглядел очень напряженным и расстроенным. Ведь его жизнь до вчерашних событий всегда была сплошным весельем: женщины, ресторанные встречи с деловыми, почти что дружеские разговоры с Рэдом и деньги, деньги, деньги, которые постоянно передавали для авторитета разные серьезные люди.

Мелочевка платила дань непосредственно вора́м-бригадирам, а уже те относили все в общак законника.

– Закуривай...

– Ничего не хочу! Только бы быстрее все уладить. Никогда не ходил между жизнью и смертью. Хреновое ощущение! Ты точно никого не насиловал, Король? – обратился он к Виталию. Твой друг так Рэда при мне убеждал, что и я поверил. Но если это не так, плохи наши дела... Рэд и тебя, и меня, и друга твоего после очной ставки с тем мужиком прямо у себя дома замочить прикажет! А охрана ваша и дернуться не успеет.

– Да я сам его прежде замочу! – сердито буркнул Витоха.

– Замочишь?! Это ты мне вместо спасибо говоришь за то, что я подставился, когда тебя освобождали?!

– Я с женщинами никогда и ничего насильно не делаю... Западло! Не в моем характере. Это весь Киев знает! – гордо и дерзко подчеркнул Витоха. – Они мне сами дают и в любом количестве... А если кто-то из наших насиловал, да еще ребенка, ответит по полной!

– А как это у вас – по полной? Пальчиком пригрозить?

Виталий задумался. И в разговор вмешался я, обращаясь к Виталию:

– Я дал Рэду слово, когда просил, чтобы тебя не убивали, что мы обязательно примем его суд. И он тогда же меня предупредил, что, если все было именно так, как барыга, который жаловался, ему рассказал, мы будем с тобой согласны на любой его приговор, вплоть до смертного. И если действительно у нас завелась такая мразь, Виталий, которая может 12-летнюю девочку изнасиловать, да еще в присутствии родителей, уверен, он не достоин жить на этом свете. Это и мое решение! И Рэд тут ни при чем... Таким педерастам место даже не в могиле, а на какой-нибудь гнилой свалке. И кстати, те, кто с ним в бригаде был в тот день и позволил ему такое сделать, дальше работать с нами не должны. Они или идиоты, или такие же ублюдки, или полные дураки! И вот мой план: сейчас первым делом быстро найдем того барыгу и попробуем сами во всем разобраться, Виталий.

Я очень серьезно обратился я к другу:

– Мы ведь вчера с тобой все обсудили. Это нам с тобой прежде всего нужно! А после... Сначала свой приговор вынесем, а уж потом и к Рэду... Думаю, нам такой опыт в дальнейшем очень даже пригодится. А иначе никак...

– А где мы найдем того барыгу? – спросил без особого энтузиазма мой друг.

– А мы прямо сейчас в тот сарай, где тебя мучили заедем и подробно тех мудаков расспросим... Они точно знают, кто тот барыга и где его найти. Поехали?

– Не надо ехать. Я сам его адрес и место работы знаю, – отозвался адвокат. Раньше не говорил, потому что смысла в этом не видел. И тебя не знал... Но ты прав. Не ехать же мне самому к Рэду...

– А что ж раньше мне не сказал? – возмутился я.

– Много будешь знать – скоро состаришься, – огрызнулся вместо извинения Стиляга. – Мне просто сейчас уже деваться некуда! Поэтому и говорю. А так – хер, я не стукач... И пока намерений ваших не узнал, никогда бы не сказал. А теперь я полностью на вашей стороне... Поехали! Покажу того человека.

– А у тебя соседка или знакомые, которые рядом живут, есть? – спросил я у Виталия.

– А зачем тебе?

– Нельзя, чтобы в кафе и дальше думали, что тебя украли и не вернули. Шухер по всему городу будет. Беды потом не оберемся, каждому встречному объяснять, что и как с тобой приключилось. А так, скажет: «Вышел, скоро будет».

– Сусанна Алексеевна, соседка. Я ее часто прошу в квартире прибраться.

Годится?

– Откуда мне знать? Твоя соседка.

Виталий вышел на лестничную клетку и вскоре привел приятной внешности седую шестидесятилетнюю женщину. Попросил ее, чтобы она не выходила из его квартиры и сидела у телефона. Всем отвечала: «Только что вышел. Когда придет домой – не знаю». И все, что скажут в ответ, подробно записывала для памяти, а мы будем позванивать. Мало ли кто спросит? Важно...

– Стиляга... Ну и имя у вашего друга, – улыбнувшись, проговорила женщина, услышав, как мы называем адвоката. – А он не обижается, когда вы его так зовете?

– Он сам себе такое прозвище выбрал, – засмеялся в ответ Виталий.

– Да-да, соколики, – вдруг посерьезнела соседка. – Все поняла и все передам. Что ж тут непонятного... Чувствую, в беду ты какую-то попал, сынок, – нежно произнесла она в сторону Виталия. Все сделаю... Ни о чем не волнуйтесь! Вот только у себя чуть приберу и квартиру закрою. И она вышла.

Перед выходом из квартиры я обратился к Виталию:

– Ты помнишь, кому из бригадных ты давал поручение заняться тем барыгой, которого адвокат назвал? И я еще раз повторил другу имя и должность жалобщика Рэда.

– Вспоминаю... Кажется, этим делом Саня занимался. А что? – не сразу понял, куда я клоню, Виталий, потому что глубоко в душе, как и я поначалу, не верил в изнасилование. К тому же ребенка.

Меня тут же осенило! Так вот почему этот бугай-негодяй оскорблял меня возле дома Рэда и всячески пытался перетянуть остальных ребят на свою сторону. Лишить меня власти... «Вот гад!» – подумалось.

– Очень важно, старик! – эмоционально продолжил я, чтобы ты прямо сейчас полностью осознал опасность ситуации в случае встречи с Саней.

– А в чем дело? – озадаченно спросил Виталий.

– Не хотел тебя в гараже расстраивать, но ты должен знать, что происходило, когда я остался один на один с твоими мордоротами и предлагал им план твоего освобождения. И возле дома Рэда, когда твоя судьба решалась...

– Ну, говори уже, в чем дело? – озаботился друг.

– Этот гад пытался меня застрелить и всю власть на себя перебрать. И пацанов всю дорогу против меня настраивал. Он опасен и очень! Понятно?!

– Саня опасен?!

– Да! Когда все подробности, которые он творил, пока тебя в гараже избивали, узнаешь, то умом тронешься, кого ты нам в компанию привел. Но сейчас не время для этого разговора. Очень все серьезно! Потом расскажу... К тому же его с нами сейчас не будет. Я прогнал его из нашей бригады. Если бы у него вышло, что он задумал, чтобы от меня избавиться, пока тебя с нами не было, мы бы с тобой сейчас на небесах разговаривали. Тебя бы в муках убили, а меня Саня без мук по блату одной пулей бы грохнул. Кстати, пистолет у него остался...

– Все слова твоего кореша подтверждаю. Я был на том базаре, – авторитетно подтвердил адвокат.

– И что делать? – озадачился Виталий.

– Пока все не выясним, оружие у Сани под каким-то предлогом надо отобрать. А сделать это можешь только ты. Я – его враг!

Мы все обернулись к Виталию... Он наморщил лоб, стал нервно ходить по комнате и наконец выдал:

– Саня? Не может быть! Я его всю жизнь знаю. Голова отбита, ебн-й слегка, но чтобы тебя убивать?! Что за дела? Вот же бл-дь! Пошли...

И надо же! Мы только еще спускались по лестнице подъезда, как нарисовался Саня. Выскочил как из-под земли! Оказывается, он без остальных ребят самостоятельно подъехал к дому Виталия и, не подходя к остальным бригадным, бегом забежал в подъезд. Там и ждал, пока мы спустимся.

Хитрец! Он хотел первым рассказать Виталию версию случившегося этой ночью.

– Привет Королю! – расшаркался громила. – Куда едем?

– Ты никуда, а я по делу! – строго ответил друг.

– Да ладно... Ну хочешь, я извинюсь перед Художником? Хотел же как лучше... Дурня получилась. Признаю!

– Он тебе не Художник, бл-дь такая! Забыл его имя? Ты что наделал?!

И тут Саню прорвало! Он увидел с нами Стилягу и понял своей тупой головой, что тот рассказал об изнасиловании.

– Я знаю про кого пиз-т этот хер. Завскладом на Сырце... Говнистый такой тип и брехливый. Ну и пришлось его и его жену к столу приколотить! Никак с деньгами расстаться не мог... Вот я девку – дочь его – для страха и оприходовал. Ты бы видел ее губы, Витоха! Да она соска со стажем! Сама напросилась, – смеясь и пытаюсь рассмешить нас, захлеб стал рассказывать извращенец, сам не понимая, что выдал себя с головой.

Признание негодяя было очень кстати, поэтому я сваял дурака и, незаметно подмигнув Виталию и Стиляге, притворился, что простил боксера.

– Забыли, Саня... Понимаю... Нервы! Я и не думал обижаться. Ты ж хотел как лучше, – изобразил я самую доброту. Пусть Саня с нами... Поехали к барыге, Витя! И ребята пусть едут. На месте и разберемся, что произошло. Конечно же, наврал тот завскладом. Вот и притащим его к Рэду. Пусть колется, как было на самом деле. У меня и сомнений нет, что Саня прав. Я лично ему полностью доверяю. А то, что пушку на меня навел, так и я на него наводил. С кем не бывает?

Слушая меня, боксер от удивления открыл рот. Слова, которыми он хотел оправдываться или нападать на меня с ложными обвинениями, застряли у него в горле. Он одобрительно замычал, мол, конечно же, его поведение в ту ночь были вызваны нервами.

– Прости, Яша, если обидел, – еле-еле слышно прошамкал он толстыми, как маленькие сосиски, губами.

Я сделал все возможное, чтобы в запале ему никто и ничего не ответил, и торопливо вывел старого и нового друга из подъезда.

На самом же деле я уже был полностью уверен, что во время нападения на приятеля Рэда у того в доме произошло что-то ужасное. Но что конкретно? Это можно было прояснить только на месте преступления, выслушав тех, кто подвергся унижению. Именно от этого и зависело – жить Сане или нет. Ведь я дал слово Рэду о согласии на его суд. И назад дороги уже никакой не было.

– Поехали! – Виталий зло загасил ногой недокуренную сигарету и со всей решительностью направился к двери. Мы за ним.

Вся бригада ждала нашего выхода и толпилась у входа.

– Сейчас съездим в одно место. Разобраться кое в чем, пацаны, надо.

– А куда? – спросил кто-то из бригадных.

– Есть тут один... Клиент наш бывший... Стройматериалами заведует. Может, заодно и прикупим у него чего импортного... На месте все поймете... Я впереди, все за мной!

Не успел Витоха отдать приказ, как вдруг резко неожиданно заныл Саня.

– Ну на что там смотреть? Что, мы кирпичей не видели? – обращаясь к остальным членам банды, безуспешно и наивно, под дурака, попытался он изменить приказ Дона. – Зачем ехать-то?! Только время терять... Они, – намекал он на компанию Рэда, – тебя мучили, всех нас унизили. Их надо на место ставить, пока не опомнились... Чего зря время терять? Ты что, друг, мне не веришь? – вонзил Саня в Виталия взгляд побитой собаки. – Поехали,

поехали в кафе. Посоветуемся, план составим. А там, как прикажешь, Король. Все сделаем! Командуй, Витоха! Мы все с тобой!

От призывного нытья Сани бригадиры растерялись. Но никто и не пошевелился...

Они не понимали, о чем тот просит. Почему так настаивает?! Конечно, они все как один были согласны с тем, что нас унизили. И надо надавать обидчикам по башкам. Да так, чтобы мало не показалось! Но почему Саня так упорно противоречит главарю? Все ведь знали взрывной характер Витохи!

Такого еще никогда не было... Удивительно...

– Ты что, бл-дь, разучился слова понимать, пока меня не было?! – только и ответил на жалобный призыв подчиненного Витоха, очень сильно раздраженный поведением бандита. – Бегом за руль! И все по машинам.

Со стороны было очень смешно смотреть, как бугай поджал хвост и молча поплелся к своей тачке.

Все остальные поняли, что затевается что-то очень серьезное! Никто ничего больше не посмел спрашивать. Установилась боязливая тишина. Все опустили глаза в землю и только сосредоточились на том, чтобы заглядывать в рот командиру.

– Поехали! – снова, но уже грозно, приказал банде Витоха. – Говори куда, Стиляга! И ты с нами, Саня! Слышал?

– Да, – тихо ответил громила.

Исполняя приказ, все расселись по тачкам. Я и Стиляга – в машину к Виталию.

По дороге решили, что сначала заедем домой к барыге и, только если его не застанем, поедем к нему на работу.

Просторная квартира завскладом находилась во дворе дома на престижной старинной улице Пушкинской. Это было недалеко от дома Виталия. Туда и направились.

Я попросил Виталия остановиться у ближайшего таксофона. Позвонил очкарику, который сопровождал Бориса Викторовича перед ограблением, узнал его домашний телефон и по нему позвонил.

Трубку взяла жена и я, как можно более вежливо, попросил дать трубку мужу. Она ответила: «Он на работе». Я поблагодарил и, когда она спросила, кто звонит, чтобы быть на все сто уверенным, что она сказала правду, убедительно представился первым пришедшим в голову именем – отца Артура:

– Передайте, Эдуард Дмитриевич, инструктор Печерского райкома партии.

В ответ минута молчания, подтверждающая, что женщина сказала правду.

– Борис Викторович знает, – продолжил я. – Когда придет, скажите, пусть перезвонит, – и моментально бросил трубку.

И вот уже вся наша команда во дворе воровской конторы пострадавшего.

Строительная контора Бориса Викторовича, так звали барыгу, располагалась в районе Сырца в трехэтажном обшарпанном особняке рядом с громадным амбаром из шифера, в котором находились строительные материалы: кафельная плитка, унитазаы, смесители для ванн, сами ванны, настенные обои, паркет и многое-многое другое, что так волновало воображение обывателей, в том числе и импортное, о чем они даже и не мечтали.

Возле центрального входа в контору была припаркована служебная 21-я «Волга» начальника.

Кабинет руководителя находился на втором этаже трехэтажного особняка рядом с кабинетами двух замов и главбуха. Первый и последний этажи занимали вспомогательные службы. Впрочем, людей в конторе было мало.

В просторной приемной завскладом гордо восседала секретарь Светлана Васильевна – строго вида властная пожилая женщина, которая наотрез отказалась впускать нас к шефу, объясняя это тем, что он сильно приболел и только случайно заскочил на работу.

Я показал удостоверение лейтенанта уголовного розыска и сказал, что мы ненадолго. Надо кое-что выяснить по поводу его дочери.

– Дочери? А что с ней? – с удивлением спросила она, хотя по лицу грозной секретутки было видно, что она знает, но валяет дурака.

Женщина долго и внимательно изучала мое удостоверение. Потом пристально окинула меня взглядом. Но придраться было не к чему. Красная ксива и мой вид вполне укладывались в ее представление о том, как должен выглядеть оперуполномоченный. Фильмы о милиции помогли... А я, как и всегда, был готов к роли, которую взялся исполнить. Даже кепку у одного из пацанов одолжил...

– Борис Викторович, к вам тут лейтенант из какого-то розыска...

Что-то о дочери спросить хочет, – хитрым образом предупредила опытная секретарша своего шефа, чтобы тот заранее знал цель моего прихода и приготовился врать.

– Пусть заходит, – услышал я хриплый голос начальника по громкой связи. – А он один?

– Нет, с ним еще какой-то парень, но удостоверение не показывал.

– Ладно. Пусть вдвоем... Только предупреди, что на недолго. Я болен... Чай для всех приготовь.

Кабинет начальника был просторен и обставлен скромной мебелью. Шиковать – себе навредить! Так рассуждали все Борисы Викторовичи того времени. Иначе можно было вызвать зависть проверяющих или клерков из треста. Маскировка, маскировка и еще раз маскировка! Все, как на настоящей войне. Ведь воевать скрытым миллионерам приходилось всегда. Их армия в Киеве состояла из множества разношерстных по должностям и воровским возможностям тысяч жуликов: от совсем мелких – барменов, мясников, заведующих рабочими столовыми и других рядовых – до сержантов и младших офицеров – директоров гостиниц, магазинов, ресторанов,

комиссионки и других подобных заведений. Высший состав, их начальники-полковники и генералитет – это командующие трестами и главками. Ну а маршалский состав крупных расхитителей – это министры и их заместители.

Если включить фантазию, читатель без особого труда может составить свою градацию званий воровской братии. Но у меня, у автора, такой задачи нет... А потому напомним только, что все советское общество поголовно состояло из простых тружеников (рабочих, учителей, врачей, инженеров, работников полей, ферм и простых служащих) и воров разного калибра да банальных жуликов, живших за их счет. Ну и якобы в противовес последним – из громадной армии защитников народа в виде всевозможных контролирующих и правоохранительных органов, представленных славно известным ОБХСС – главком и отделами по борьбе с хищениями социалистической собственности. А по сути – теми же ворами, но в погонах.

На самом деле правоохранители и контролеры – защитники трудящихся – никогда и ни с кем не боролись, а давно добровольно сдались в плен армии барыг. Сдружились в одну крепкую банду воругов. Да так, что и водой не разольешь! Не бесплатно, конечно...

У каждого крупного военного формирования была своя униформа. Ментовская и прокурорская всем известна по фильмам. А вот о жульнической фильмов не снимали, поэтому, чтобы хоть на мгновение повеселить читателя и отвлечь от кровавых сцен романа, я на ней немного остановлюсь.

Рядовые бойцы воровского фронта одевались по большей части модно, броско и дорого – как бы напоказ, чтобы подчеркнуть свою значимость. Такие – больших денег не имели, жизнью не рисковали и никого особенно не боялись. А вот их начальники – офицерский состав – маскировались по черному. Им было что терять! Поражение могло стоить очень дорого, вплоть до потери жизни – расстрела!

Чиновник-офицер имел скромный, но аккуратный совдеповский прикид: серого или черного цвета костюм, белоснежную сорочку, отечественные туфли темного цвета, строгий галстук и обязательно черный портфель, в который закладывалось обычное военное снаряжение: шоколад для секретарш, водка, коньяк да разноцветная икорка для клерков – строгих секретарш, помощников и референтов, чтобы подобраться к телу их начальников, которые решали вопросы поставок. «Не подмажешь – не поедешь» – говорили в царские времена. А в советские: «Не поделишься ворованным или не дашь взятку – не получишь импорт».

Но главное убойное и весьма секретное оружие, которое хранилось в недрах слегка потрепанного портфеля, – громадные деньги на взятки генералитету!

Доходило до того, что некоторые важные дяди из числа самых прожженных министров устанавливали ставку за любую начальственную резолюцию на бумаге-прошении. А чтобы не оставлять следов преступления, большие чиновники никогда не писали прямо и однозначно «Решить!», а оставляли на просительной бумаге невинную и витиеватую фразу,

адресованную подчиненному-исполнителю, который тоже всегда был в воровской доле и хорошо знал истинное значение каждого написанного слова. Например, «Изучить вопрос досконально!», или «Рассмотреть согласно Закону!», или просто «Рассмотреть!» обычно означало «полностью удовлетворить просьбу». А если писалось «Доложить о целесообразности!», то подчиненный жулик готовил многословный ответ, который, если коротко, звучал на бумаге как выстрел: «Если не дать, что просят, может случиться непоправимое!»

Однако, чтобы узнать все лазейки и сложнейшие лабиринты, по которым сутками напролет шли караваны нужного товара на базы, в магазины, универмаги, универсамы и т.п., необходимы годы исследований. А потому заканчиваю фантазировать и перехожу к делу.

«Медленным шагом, хитрым зигзагом, тихо вперед, рабочий народ!» – часто шутили торгаши. С юмором и деньгами у них проблем в те времена никогда не было.

Когда мы вошли в кабинет, Борис Викторович вышел из-за стола, представился по имени, протянул каждому из нас руку для приветствия и с очень озабоченным и усталым видом вежливо предложил сесть за приставной столик.

Первые две-три минуты мы пристально присматривались друг к другу.

Начальник был болезненно худ, среднего роста, седоват, с небольшой плешью на макушке, заостренным носом и маленькими грустными глазками, которые бегали по лицу, как маятник от напольных часов, очевидно, не зная, с чего начать разговор. Ведь в милицию об ограблении он не заявлял и что случилось с дочерью тоже никому, кроме своей Светки в приемной, не рассказывал.

Может, подруге позвонила и что-то рассказала, а может, жена где-то ляпнула? «Что же ответить, если спросят о дочери?» – прочел я в его глазах.

– Что привело ко мне, ребята? – начал было хитрить, фальшиво улыбаясь, барыга.

– Горе, – ответил я. – Большое горе, Борис Викторович, которое недавно приключилось с вашей дочерью! Наши источники утверждают, что ее изнасиловали...

– Нет-нет, ничего такого и близко не было! Иначе бы я сразу в милицию обратился...

Но голос его звучал неуверенно, а пальцы рук скрестились и до хруста ломали суставы.

– А могли бы вы оказать нам уважение и показать дочь.

– А зачем? Ведь все в порядке. Юленьке двенадцати еще нет. В ноябре будет. Напугаете ребенка! Какой там изнасиловали?! Ну игралась она в квартире, ну упала... Да, лицо сильно расшибла. Но ничего такого, чтобы вам время терять...

Большое личное горе так затуманило мозги страдальцу, что он даже не спросил сразу откуда мы и кто нам рассказал о беде с дочерью...

– Сделайте мне одолжение, ребята, не копайтесь понапрасну... Просто поверьте мне на слово, ничего не случилось. А я уж в долгу не останусь. Идемте лучше пройдемся по базе. У нас недавно поставка новых стройматериалов была. Таковую импортную плитку разноцветную для ванной привезли, унитаза, «тюльпаны» для мытья рук – загляденье! Все недорого, импортное. Очень нужные для дома или дачи предметы обихода. Правда! А потом друзьями и расстанемся... И всегда, кстати, заходите. Я ведь гостям рад, – немного опомнился Борис Викторович и с чувством гостеприимного хозяина исполнил любимую проверяющими всех мастей песню с условным названием «Бери, что хочешь, и вали, и денег не надо».

Но когда увидел, что мы не обращаем никакого внимания на его щедрые предложения, явно забеспокоился. И мой вопрос: «Имя Рэд вам о чем-то говорит?» – полностью растерялся и уже себя не контролировал, хотя упорно продолжал неубедительно отбрехиваться.

– Рэд? А кто это? У меня ведь друзей с кличками нет. Все люди солидные.

Сразу после этих слов страдальца открылась дверь и в кабинет зашла секретарь с подносом, на котором кроме чая было печенье и разные нарезанные аппетитными ломтиками заморские фрукты.

– Предупреди, Светлана, чтобы базу подготовили! – строго приказал секретарю начальник. Я с ребятами пройдусь...

– Конечно, конечно, Борис Викторович! А что показать?

Это был явно дежурный вопрос хитрой прислужницы. Если бы шеф указал что-то конкретное, то только это бы и показали, а если все, значит, дела серьезные и надо обслужить по полной.

– Все пусть покажут!

Светлана сразу изменилась в лице, а ее взгляд, когда она посмотрела на нас, выражал уже не презрительное недоумение, а подобострастие и желание всячески услужить.

Когда секретарша вышла, я продолжил давить на шефа:

– Нам обязательно нужно увидеть пострадавшую! А потом и по базе пройдемся. Составим у вас дома маленький протокольчик, и всех-то дел... Мы же вам верим, уважаемый. Но приказ такой...

– А кто приказал. Я сейчас позвоню и все улажу. Меня хорошо знают в райотделе...

– Мы не оттуда. Из министерства...

И тут вдруг до Бориса Викторовича стало доходить, что мы вовсе не менты. Потому что его громадный жульнический опыт подсказывал: если бы из самого министерства к нему кого-то подослали, то из райотдела бы точно предупредили. К тому же то, что случилось с его дочерью, ничем, кроме слухов, быть не могло. А слухи в высоких кабинетах на карандаш не берутся, а только передаются вниз, то есть в районные отделения милиции.

Это означало одно: мы не те, за кого себя выдаем. Ни министерские и, скорее всего, вообще не менты. Но тогда кто такие? И что нам нужно?

Увидев по глазам и выражению лица барыги, что он полон сомнений, я немедленно сменил пластинку, поскольку понял, что мирным путем нам его домой не затащить. Уж больно хитер и осторожен! Его рука уже тихонько тянулась к кнопке «охрана», когда я взял быка за рога...

– Не надо, уважаемый! – указывая на его руку, тихо, но очень строго предупредил я и вытащил пистолет. – Ладно... Начистоту! Мы не из милиции, но и не бандиты. И не те, кто хочет причинить вам хоть какое-либо зло, Борис Викторович. Пожалуйста, расслабьтесь. Если бы мы хотели вас грабануть, то были бы не здесь на виду у всех, а в вашей квартире. И разговор был бы там совсем-совсем другой... Вы же это уже проходили, – намекая на недавнее ограбление, продолжал я почти змеиным зловещим шепотом. – У нас с товарищем дело совсем другого рода... Нам Рэд поручил отдать вам деньги, которые у вас забрали, и увидеть, что с вашей дочерью произошло, потому как он нашел тех негодяев, деньги у них отобрал, но послал нас спросить, эта ли та сумма?

И я достал из папки приготовленные заранее пятьдесят тысяч рублей.

Но потерпевший и глазом не моргнул, увидев деньги.

– Так я Рэду сейчас позвоню, спасибо скажу... Правильно я услышал эту кличку? Где-то был у меня телефон человека с таким прозвищем. Мы в одном дворе жили.

– Конечно, звоните, уважаемый. Ваше право.

Он набрал номер, но на его звонок никто не ответил, слышались только длинные гудки. Провода ведь оставались перерезанными...

Борис Викторович долго не клал трубку, хотя было видно, что он уже не рассчитывал, что ему ответят. Ему нужно было выиграть время, чтобы подумать. И он лихорадочно соображал, как от нас отделаться и кто мы все-таки такие.

– Это не та сумма, – после нескольких минут молчания и сосредоточенного смотрения в окно кабинета произнес начальник. – И мне никто не говорил о вашем приходе, поэтому я не хочу продолжать этот разговор.

В ответ, чтобы полностью устранить недоверие завскладом, я демонстративно, заранее вытащив обойму, развернул браунинг, который лежал на столе начальника, дулом к себе... Пододвинул его к потерпевшему и, как когда-то провернул тот же номер с Фраком, предложил ему застрелить меня, если он мне не верит.

Завскладом побледнел от ужаса и уже не говорил, а шептал:

– У меня взяли 150 тысяч, а доченьку изнасиловали, и все это я говорил твоему шефу...

– Хорошо. Как скажете... Деньги не проблема. Но у нас твердое задание Рэда поговорить с вашей дочкой или хотя бы ее увидеть, потому что приговор босса может быть очень суров, – и я молча поднес палец к своему виску, наглядно показывая, какое наказание приготовил Рэд насильнику.

– Мне не нужны подробности, что и как собирается делать Рэд! Понял, парень? Я не просил его никого убивать. А только хотел выяснить, кто и почему на меня напал. А потом обратиться в милицию, – давая мне понять, что он и слову моему не верит, будто я от Рэда, немного повысив голос, проговорил Борис Викторович.

Ясно стало, что он уже вообще ничего не понимает: кто мы и от кого пришли. Точно не от Рэда... И не менты... Но на всякий случай отвел от себя подозрения в соучастии в убийстве. «Надо же, – подумалось, – какой светлый ум у представителя советской торговли!»

– Деньги я, пожалуй, возьму, а сами убирайтесь! – Остальное, что у меня украли, мне и без вас принесут. Но вы оба мне не нравитесь! У меня нет к вам ни поручений, ни никаких дел. Разговор окончен! – указывая нам на дверь кабинета, закончил свою пламенную речь начальник. Стало очевидно, что он окончательно пришел в себя. Обстановка требовала...

– Ну тогда еще чуток правды, уважаемый!

Я встал со стула, взял со стола пистолет и вплотную подошел к барыге. Виталий все это время только наблюдал за моими действиями и ни слова не говорил, а только периодически, подыгрывая мне мимикой, переводил серьезный взгляд то на меня, то на завскладом...

– Прав! Мы не от Рэда. Но такие же... И у нас своя правда и свои наказания! С Рэдом разговор был, но судить своих будем мы, не он. Это решено! Так что не надо выеб-ся! Собирайся и поехали к тебе домой! А деньги, чтобы ты не думал, что к тебе снова с ограблением приехали, оставь Светлане. Все понятно?

Борис Викторович снова вошел в ступор... Полностью растерялся... «Не от Рэда, значит, налетчики из той же банды, которые изнасиловали дочь. Но возможно, даже более опасные!» – носились мысли в его голове.

– Я сейчас еще раз позвоню Рэду! – и он дрожащей рукой снова потянулся к телефону.

– С того света позвонишь! Не понимаешь?! Объясню еще раз: нам нужно знать, как все было. И пока не узнаем – не уйдем. А если тебя самого придется для этого пришить – пришьем, не раздумывая, а потом со Светкой твоей поедem к тебе домой, чтобы она доходчиво объяснила твоей жене, что будет с ней самой, если дочь нам не покажет! Ясно? И времени у нас в обрез!

Моя решительность не оставила у шефа никаких иллюзий о том, что все может закончиться мирно. Он весь обмяк, сгорбился, но сумел подняться с кресла и позвонил секретарю, что уезжает домой, предупредил дальнейшие ее действия словами: «Ребята оказались скромные, склад не готовь, потом придут» – и вместе с нами вышел из кабинета. А выходя, кинул секретарше пакет с деньгами и приказал положить в сейф.

Он первым вышел из здания конторы, с опаской оглянулся по сторонам и, заметив остальных наших пацанов на машинах, спросил, кто они.

– Это наши, – уже вступил в разговор Виталий. – Их не надо опасаться. Идемте, уважаемый, ко мне в машину, – и он указал на свою «тройку».

Я сел рядом с Борисом Викторовичем на заднее сиденье, а команда поехала за нами.

Как вдруг...

– Я видел в одной из ваших машин того извращенца, который мою девочку обидел! – заявил Борис Викторович. – Вы и его за собой тащите?

– Он нам не помеха... Пусть будет... На месте разберемся, – успокоил его я.

– Его нога в мой дом никогда не ступит! – заорал на всю машину обиженный отец. – Что хотите со мной делайте, но его я в свой дом не пущу!

– А не хотите его в своей же квартире убить? Жена и дочь поймут, если насилие было... Подумаешь, всего только один выстрел – и нет обидчика. Они и крови-то не заметят, но зато помнить будут всю оставшуюся жизнь, что бывает с теми, кто вас или членов вашей семьи обидеть захочет.

– А ты правда уже убить решил? – вмешался Витоха.

– А разве мы с тобой не решили заранее, как все будет?!

Виталий промолчал. Хотя понятно, что его вопрос был задан не вовремя.

– Так вы что, еще между собой не все решили? – снова озабоченно закричал начальник базы.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, – снова стал успокаивать я его. – Все на месте решим. Мой друг просто выразил сомнение в том, что все именно так было, как вы только что рассказали. И всех дел-то. И он по-своему прав. Разве мы можем, не разобравшись, своего товарища судить. Да еще так строго! Вот приедем, послушаем вашу дочь и жену, посмотрим на следы насилия, там решение само и придет... Поэтому вопрос моего друга, который за рулем, о судьбе члена нашей команды – убить или нет – правильный. Сами подумайте, как бы вы поступили, будь вы на нашем месте. Останови, Виталий, на пару минут машину. Мне поговорить с тобой надо.

Мы вышли из машины, и Виталий помахал рукой ехавшим за нами, чтобы тоже остановились, но из машин не выходили.

– Ты не говорил, что убивать придется! – гневно обрушился на меня друг. Я лично каждого из наших пацанов привел, гарантии каждому давал и только я за них отвечаю.

– Успокойся! Я все тебе говорил, но ты слышал только то, что тебе хотелось... Меня, например, советником сделал.

Виталий сразу замолчал. Мой аргумент, слава Богу, сработал.

– Дело серьезное! Еще раз тебе напоминаю, что ты жив только потому, что Рэд меня принял, выслушал и поверил, что ты не педераст, а справедливый и правильный пацан, – чуть позаигрывал я перед другом, чтобы понизить градус разговора.

– Тебя уже до моего прихода к Рэду было решено убить! Неужели не понимаешь?! Был в квартире или нет – твоя бригада была, твои люди, а потому и ответственность тоже твоя. Мы ведь с тобой сколько раз, вспомни, говорили ребятам, чтобы никакого ненужного насилия. Что нас только деньги

интересуют. А тут такое! А твою мать бы изнасиловали, ты бы сам что с тем гадом сделал? Оставил бы дальше жить-поживать?

Виталий на несколько минут задумался. Потом искренне и с сожалением на лице, но откровенно ответил:

– Я не смогу убить друга, чтобы он ни сделал. Ты это понимаешь?

– Хорошо. Я это сделаю вместо тебя. Я убью! Но всем скажу, что ты. Иначе делу нашему конец! Ты это понимаешь? Меня своим в бригаде не считают и не уважают. И ты сам много сделал для этого... Но я не в обиде. Случилось как случилось. Но если кто-то узнает, что судил и убил не ты – конец твоему авторитету и делу конец. А мне так вообще лучше потом среди вас не появляться. Не осудишь, не убьешь за изнасилование – другие будут делать что похуже. Это понимаешь?! А понимаешь, что Саня своим поступком вые-л в рот не малолетнюю девочку, а тебя самого?! Не убьешь его – надо всем разбегаться. Тогда конец порядку, с одной стороны, и война с наемными убийцами Рэда – с другой! Это ты понимаешь?!!

Виталий по-прежнему молчал, но кулаки сжались и на лице появилось звериное выражение.

– Ты точно уверен, что Саня все это сделал?

– Я да! Саня...

– Вот мудак, бл-дь! – грязно выругался мой друг. Что наделал, скотина!

Ладно! – немного с грустью произнес Виталий. – Наведем порядок!

Но что собирается делать – не пояснил.

– Забери у него пистолет и мой забережь для виду, когда в подъезд барыги зайдём. Нам важно расслабить твоего друга и затащить в квартиру. Объяснишь своему Сане, мол, слово дал Стиляге, когда он тебя от смерти спасал, что никому мстить после освобождения не станешь, но перед барыгой, если виноваты, все вместе извинимся... Поэтому-то и без оружия войдем... И деньги, если что, вернем...

Мы вернулись в машину и, не говоря больше ни слова, молча приехали в центр Киева, во двор завскладом.

Машины остановились, и все ребята попытались выйти за нами, но Виталий их жестко остановил, а только позвонил Саню.

– Отдай пистолет! И ты, Яша, тоже.

– А зачем такое? – надул губы от недоумения и животного страха Саня, чуя неладное.

– А затем, что так надо. Или повторить?!

Первым отдал пистолет я. Но безоружным не остался. Второй браунинг меньшего размера был пристегнут у меня на ноге.

Вторым сдался мордovorot.

Виталий подошел к своей машине с барыгой внутри, открыл дверь и пригласил выйти.

Тот вышел. Гневно посмотрел на Саню, но ничего не сказал и повел всех в дом.

Когда мы зашли в квартиру пострадавшего, нас встретила его жена Анна и дочь Юлия.

Я не стану сейчас описывать лицо девушки и всю загробную обстановку, которая царила в квартире. Скажу только, что термин «ужас» от увиденного не отражает всю драматичность представившейся нам картины.

Лицо девчонки было сплошной раной вперемежку со швами от хирургических операций, а полнотелая, высокая, на полголовы выше мужа, жена выглядела так, как будто ее только что выкопали живой из могилы: вся бледная, с опухшими от слез глазами.

Увидев так много мужчин с мужем, никто из женщин не проронил ни слова. Они стояли в коридоре и только заглядывали ему в глаза, выискивая в них уверенность их защитить.

– Не волнуйтесь, любимые. Никто нам сегодня ничего плохого не сделает, – и горестно, обращаясь к нам: – Ну вот, вы все и увидели, что еще?

– Рассказывайте... Мы для этого и пришли. А жена с ребенком пусть выйдут в другую комнату и дверь за собой закроют! – скомандовал я.

– Вот этот бугай, – указывая на Саню, чуть не плача, тихо заскулил Борис Викторович, был у них главный, и, пока я деньги по разным местам в квартире доставал, слышу истошный крик жены и дочери. Захожу, а эта скотина рвет рот моей девочке. Она кричит, потом теряет сознание, а он не дает ей упасть и сует ей... свой поганый член... Я не мог заступиться, – опустив голову от стыда и обиды, все говорил несчастный. Мне пистолет к виску его друг приставил. И пока эта скотина не кончил – не отпустил! Вот как мне теперь жить с этим?

И он устало, весь в горе упал на стул, но продолжал тихо говорить:

– Слава Богу, Аня – жена – сознание потеряла и всего этого ужаса не видела, иначе бы разрыв сердца получила. Он сначала ударил Юленьку кулаком. Представляешь? – плача без звука и заглядывая поочередно в глаза то мне, то Виталию, еле выговаривал слова Борис Викторович. – Это мясник! Он на моих глазах рвал моей девочке грязными ручищами лицо! Я все равно убью этого гада! – подняв голову, уверенно и гневно вдруг вскричал потерпевший, перестав плакать. – Не знаю, кто вы и правильно ли делаю, что привез вас к своим родненьким, но будь что будет... Мне все равно! Не могу больше с этим жить. Или меня убейте, чтобы не страдал, или его! Думаете, я его или вас боюсь? Раньше боялся! Правда... А теперь голыми руками задущу вот этого гада! – и он вдруг решительно и смело поднял со стула свое хилое тело и направил его к здоровяку Сане.

– А прямо сейчас убить того, кто изнасиловал, готовы? – глядя в упор в глаза Виталию, спросил я.

Виталий промолчал. Но мне было плевать! Конечно, важно было, чтобы он меня поддержал. Но это важно было для дела, а не для продолжения дружбы. Не поддержит – значит, мы совсем разные и дальше нам не по пути. А поддержит – быть нам вместе до гроба!

Во время рассказа о зверствах Сани я настолько переполнился эмоциями, что дело всей моей жизни отошло как бы на второй план! Перед моими глазами вдруг всплыл образ Лизы, ее милое, излучающее добро лицо... А если бы с ней так вот?!

– Зачем ты ребенка насильвовал, Саня? – как можно более спокойно, хотя внутри все кипело, спросил я.

Виталий продолжал молчать...

– А кто ты такой, пидор, чтобы мне тут суд устраивать? – истерично закричать насильник.

– Ошибаешься, Санек! – наконец-то решительно принял мою сторону Виталий. – Он не пидор! – с явным презрением к боксеру ответил мой друг. – Он мой верный товарищ! Так что прикуси свой поганый язык и давай по делу! Объясняй, бл-дь, что тут произошло?!

– А что такого я сделал? – продолжал истерить горилла. – Ты посмотри на эту девку? Обычная соска... Ну маленькая... Ну и что? Уже не один х-й пробовала. Чем мой хуже?! Ну развлекся, чтоб папаша сговорчивей был...

– Врешь, скотина! Животное! Ты уже к тому времени все деньги, что требовал, получил! – гневно вскричал безутешный отец.

– Потише, папаша, – уничижительно произнес подлец в адрес завскладом. – А может, у тебя еще где-то миллион застрял?! Ведь точно еще бабки припрятал! А отдавать не хочешь!

– Зачем ты ребенка изнасиловал?! – зло, с презрением, со всей строгостью потребовал ясного ответа Виталий.

– А тебе жалко? Я же тебя не спрашиваю, кому ты каждый день соску приправляешь?

– Не пиз-и, козел! – разошелся мой друг. – Ты нарушил наши правила!

И за это надо отвечать!

– А как? И что ты мне сделаешь? Ты половину денег вот от этого получил. Или не так?! – подленько прокомментировал громила.

Лицо Витохи исказилось от злобы! Сравнение его невинных развлечений с изнасилованием вызвало в нем такую неудержимую злобу, что дальше все уже полностью вышло из-под контроля. Это был уже не разговор, а война презрения! Но, в отличие от меня, сердце Виталия все же оставалось жестоким. Он всякое такое видел ранее в своей жизни. И его мораль как бы почти что соглашалась с изнасилованием женщин. Но явно не детей!

Да, это было ему глубоко противно, но не настолько, чтобы за это убить! Его больше возмутило сравнение его самого с насильниками. Унизило донельзя достоинство Короля! Сделало его почти соучастником Сани... И вот за это он действительно готов был убить! Хотя полной уверенности в этом у меня самого все же не было...

Я же видел все другими глазами. В лице Сани передо мной вырисовался кровавый и опасный бандит. Не герой придуманной мною сказки о справедливой мафии, а конченный негодяй, извращенец. Психически неизлечимо больной человек!

Наконец Витоха все же переломил себя и принял единственно верное и справедливое решение. Он внезапно протянул свой пистолет ограбленному.

– Сможешь его застрелить?! Полегчает?

И получил странный в этой ситуации ответ:

– Не смогу... Поэтому и пошел к Рэду...

Не слушая наши дальнейшие разговоры, Саня нахально развернулся и молча пошел к выходу.

– Стой у двери, падла, а то сам тебя пристрелю как собаку! – грозно предупредил Витоха.

Боксер остановился, развернулся и уставился налитыми кровью от злости глазами на Виталия. А я, чтобы хоть немного разрядить обстановку и не дать законченному негодю спокойно уйти и не дать мне насладиться справедливым концом драмы, неожиданно задал вопрос отцу девочки:

– А что за дружба у коммуниста-начальника с криминальным авторитетом?

Борис Викторович задумался... И не обращая ни на кого внимания, как будто разговаривая с самим собой, заговорил...

– Это для тебя, парень, он вор в авторитете и опасный преступник. А я с ним в одном дворе вырос. Для меня он как был, так и остался Юрой, душевным парнишкой, безотцовщиной. Он был хорошим парнем... Жизнь у него не сложилась... Но куда тебе такое понять, малец? Ты же почти ребенок. Ну что ты в жизни видел? Что о ней знаешь? И чем ты сам лучше?!

К этому моменту Борис Викторович полностью преобразился. Он расправил свои хилые плечи и даже как будто стал выше ростом. Уже не плакал – напал. Готов был сразиться со всем миром! И плевать ему было на то, кто в этот момент его защищает, а кто нет. Перед ним все мы тут были его врагами. И говорил он уже с позиции главного... Учил сопляков...

– Каждый человек вправе сам выбирать свой путь. Главное в жизни, запомни это, не нарушать законов своей собственной совести! А если нет ее, ты обычное говно! Никто тебя ни уважать, ни дел с тобой иметь не захочет. Вот ты меня за глаза барыгой называешь, а я тебя – бандитом, а Рэда – авторитетом. И кто из нас лучше, а кто хуже?! Явно не тебе, щенок, решать! Но то, что ваш друг – не человек, животное, и вас самих от него не отличает.

Перед нами уже предстал вовсе не очередной объект нападения, не чванливый хозяин жизни, а глубоко несчастный и раздавленный горем человек... Но герой! Человек, достойный уважения!

«Вот так преображение! Да уж, – пронеслась мысль, – не все так однозначно в жизни, оказывается».

Мне стало очень-очень жаль этого человека... Я посмотрел на Витоху. Его эта тема не проняла. А вот поведение Сани навело на мысль, что живым его выпускать из квартиры нельзя. Он уже не его человек. И как только выйдет из квартиры, неизвестно, как поступит. Сколько ребят под себя заберет, что и кому расскажет?

– А хотите видеть труп своего недруга? – снова перевел я тему на актуальное, пока Саня стоял у выхода из квартиры, развесив уши, потому что не понял и слова из того, что было сказано жертвой.

– Пожалуй, да! – твердо и со злостью преобразился барыга. – Я его ненавижу и не считаю за человека! Пусть сдохнет, скотина!

Тогда я, не глядя на Виталия, неожиданно вырвал из руки завскладом пистолет и выстрелил.

Пуля попала чуть ниже сердца и пробила легкое. Саню слегка откинуло к двери, но он продолжал стоять и тупо молча уставился на дырку в своем теле и даже потянулся к ней рукой, не веря в случившееся. Его красная от злости морда быстро бледнела, а лицо при этом выражало крайнее недоумение.

Я, не торопясь, подошел к раненому зверю. Он был еще на ногах, но никого уже не замечал. Из-за простреленного легкого от него исходили какие-то свистящие звуки, и он лихорадочно пытался дрожащими пальцами руки зажать отверстие, из которого вытекала кровь. Голова опущена вниз... Поэтому он даже не видел, как я всадил ему вторую пулю прямо в середину лба, и он, как набитый грязной картошкой мешок, неумело приставленный к стенке хозяином, стал падать на пол. Глухой звук от удара его головы о входную дверь при падении завершил смертельную драму. Все... На одного негодяя на земле стало меньше!

Звук выстрелов сильно испугал несчастных женщин. В комнату влетели жена и дочь и молча уставились на мертвого человека – недавно такого грозного и опасного, а сейчас неподвижный труп у дверей.

– Немедленно вон отсюда! – прокричал хозяин дома, но его не слушали, поэтому он силой затолкал женщин обратно в комнату. Потом медленно, в раздумье он подошел к нам.

– Деньги, которые вы дали, мне не нужны, – обращаясь ко мне, твердо заявил Борис Викторович.

Он снова вернул себе свой обычный облик несчастного отца. В тональности его слов слышалось, что он полностью удовлетворен произошедшим и даже испытывает какое-то облегчение и скрытую благодарность, адресованную лично мне.

– Ты по Закону поступил, парень! Приходи ко мне всегда, когда захочешь, и в любое время. Ты сделал все, что я хотел, чтобы случилось с этой мразью. И с Рэдом я тебя сведу... Узнаешь, какой он человек! И проблем у вас уже с ним никаких, если были... Я все Рэду перескажу, что здесь увидел. И вот тебе на память мой рабочий телефон – протянул он визитку. – Уважаю!

Я и Виталий некоторое время молчали. В квартире установилась мертвая тишина, которую иногда нарушали тихие всхлипывания в комнате рядом... А потом я произнес:

– К сожалению, это не все, что надо сделать, Борис Викторович. Теперь ваша помощь нужна. Если хотите, чтобы все кончилось миром и покоем, надо к Рэду прямо сейчас ехать. Между нами из-за вас война. Все расскажете – и по домам... И больше вряд ли придется свидеться. Дома, как вы понимаете, мы

не строим... У нас другие дела... Так что, пожалуйста, поехали быстрее к вашему другу детства – к Рэду. Очень важно сделать это прямо сейчас. Немедленно! Время не ждет... Иначе нам и его убить придется. Так что, если он действительно ваш друг, помогите ему, не нам...

– Поедем... Хотя мне очень нехорошо с сердцем. Надеюсь, как-то доеду... Сейчас валокордина пригублю, и ладно...

– Вот только скажи, Яша, что мне с трупом делать?

– Пусть полежит пока, – предложил я, решив слегка пошутить. – Заодно и дамы ваши насладятся...

Но шутка, конечно же, была глупее некуда. С трупом надо было что-то решать.

– Нельзя сейчас труп выносить, – уже серьезно проговорил я. – Вы же понимаете...

– Тогда помогите его хотя бы в ковер завернуть. Нельзя, чтобы женщины этот ужас видели.

– Поможем, конечно...

Однако Виталий отказался и, не попрощавшись с женщинами, ушел.

Пришлось за него работать мне...

Хозяин квартиры принес толстый импортный ковер. И вскоре труп Сани был надежно упакован и упрятан от перепуганных женщин в ванной комнате.

– В ванную комнату, девочки, не заходить! В комнате приберите. А я скоро, – только и произнес на прощание Борис Викторович.

Возле дома нас поджидала вся братия.

– Ну что там решили? И где Саня?

– Саня, – ответил я, потому что Виталий все еще оставался в тяжких раздумьях, – остался дела улаживать с семьей. Сам натворил, сам пусть и разбирается. А нам ехать надо! К Рэду...